Николай Васильевич
ГОГОЛЬ

Н. Гоголь

Полное собрание сочинений и писем
в семнадцати томах

Н. Гоголь

Николай Васильевич Гоголь

1809–1852

Н. В. Гоголь

Полное собрание сочинений и писем

в семнадцати томах

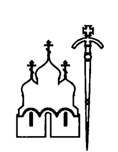
Издательство Московской Патриархии
Москва – Киев
2009

Н. В. Гоголь

Том XIII

Переписка

1845–1846

Издательство Московской Патриархии
Москва – Киев
2009

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

По благословению
Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины
ВЛАДИМИРА

Составление, подготовка текстов и комментарии:

И. А. Виноградов, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН

В. А. Воропаев, доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
председатель Гоголевской комиссии
Научного совета «История мировой культуры» РАН

Издание выпущено при содействии
Некоммерческого партнерства
«Полтавское землячество» (Москва)
и Благотворительного фонда «Богуслав» (Киев)

Переписка

1845–1846

1845

890. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<14 декабря 1844. Москва>

Твое письмо от 2-го декабря обрадовало и утешило меня: ты знаешь, чем обрадовало и как утешило! Оно сделало больше: оно укрепило дух мой, и подняло его, и дало мне самому, так сказать, другой взгляд на мои собственные стихотворения, — и этот взгляд почитаю верным и сердечно благодарю за него Василия Андреевича и тебя, мой судия и богомолец!!

Здесь ходит слух, что у Василия Андреевича уже готово 10 песней «Одиссеи» и что он написал еще сказку? Наша «Одиссея» перешибет все возможные переводы: это будет памятник, про который можно сказать, что «металлов крепче он и лучше пирамид»!

Я уже писал к тебе о переходе «Москвитянина» в руки И. Киреевского; это обстоятельство пробудило много спавших деятельностей и окрылило много перьев, вовсе было помертвевших! Мы пишем, я пишу и проч.

Погодин о сию пору еще не оправился после удара, его поразившего: он все еще пребывает в каком-то душевном оцепенении! На днях был у него М. Ал. Дмитриев. Погодин встретил его словами: «Как я рад, что вы меня навестили! Я теперь думал, что я скоро умру. Дайте мне слово, что вы будете заботиться о моих детях! — Дмитриев отвечал ему удовлетворительно. — Обнимите меня и поцелуйте меня». Все это говорил он, плача, как ребенок!!

Памятник, воздвигаемый в Симбирске Карамзину, уже привезен на место. Народ смотрит на статую Клии и толкует, кто это: дочь ли Карамзина или жена его? Несчастный вовсе не понимает, что это богиня истории!! Не нахожу слов выразить тебе мою досаду, что в честь такого человека воздвигают эту вековечную бессмыслицу!!

Не прислать ли тебе книгу «Царские выходы»? Хоть она и довольно тяжела, но граф Толстой говорил мне, что это обстоятельство не должно смущать меня.

Я послал к тебе и «Стихотворения» Хомякова и «Гаммы» Полонского. Полонский — малый с талантом; жаль только, что у него направление новомодное, отчаянное, но это, вероятно, пройдет с летами.

Собрание моих стихотворений, то есть всего, что я до сих пор написал после первого, уже пропущено цензурой и скоро поступит в печать. Прилагаю тебе одно из новейших моих альбомных, мирских стихотворений.

Прощай покуда. Будь здоров.

Твой Н. Языков.

Декабря 14 дня. 1844. Москва.

891. Н. М. Языкову

1845. Генварь 2. <н. ст. Франкфурт>

Письмо твое от 2-го декабря получил. Сожалею, что квартира, попавшаяся тебе ныне, не так удобна, как бы ей следовало быть. Но, сам знаешь, квартира есть всегда квартира, а становится она неудобною во всей силе тогда, когда позабудешь, что это квартира, а примешь ее за собственный дом. Мысль завести собственное гнездо в Москве недурна, совершенно прилична литератору, особенно домоседу, и я нахожу, что может быть удобно приведена в исполнен<ие>. Если через год и Жуковский переедет на жительство в Москву (как он то помышляет), то Москва получит бóльшую значительность и степенность, какой ей недоставало. Тогда может восстановиться в ней та литературная патриархальность, на которую у ней есть только претензии, но которой в самом деле нет. Кстати о Жуковском. Ты спрашиваешь: как идет «Одиссея»? На это скажу покаместь то, что дай Бог, дабы всё остальное так же шло на свете, как идет у Жуковского «Одиссея». Перевод этот решительно есть венец всех переводов, когда-либо совершавшихся на свете, и венец всех сочинений, когда-либо сочиненных Жуковским. Половина его уже совершена. Двенадцать песен готовы. Впрочем, обо всем этом, равно как и о производстве самого перевода, написано им весьма замечательное письмо к Авд<отье> Пет<ровне> и Ив<ану> В<асильевичу> К<иреевскому>, которое ты, вероятно, уже и сам прочел или, по крайней мере, о нем знаешь. Движение по части «Москвитянина», о котором ты пишешь, меня радует, но сотрудников следует подзадоривать и, так сказать, подпекать на дело. Это, как знаешь, народ русский. Рвануться на работу — наше дело, а там как раз и съедешь на пшик. У нас есть старье из литераторов, мастера только приводить в уныние молодых людей, а подстрекнуть на труд и дельную работу нет ума. Как до сих пор так мало заботиться об узнаваньи природы человека, тогда как это есть главное начало всему! Профессора

у нас заняты только своим собственным краснобайством, а чтобы образовать человека, об этом вовсе не помышляют. Они не знают, кому они говорят, а потому не мудрено, что не нашли до сих пор языка, которым следует говорить и беседовать с русским человеком. Не умея ни поучить, ни наставить, они умеют только, рассердившись, выбранить кого-нибудь, а потом сами[1] жалуются на то, что не принимаются слова, что у молодых не соответствующее потребностям направление, позабыв, что если скверен приход, то в этом поп виноват, а не кто другой. Как в последние пять или шесть университетских выпусков (когда об ученьи гораздо больше было прилагаемо старания, чем когда-либо прежде, и правительство с своей стороны сделало всё, что могло) не образовалось почти ни одного деятельно-работящего таланта! И «Москвитянин», издаваясь уже четыре года, не вывел ни одной сияющей звезды на словесный небосклон! Высунули носы какие-то допотопные старики, поворотились, <...>[2] и скрылись, тогда как с русским ли человеком не наделать добра на всяком поприще! Да его стоит только хорошенько попрекнуть, назвав его бабой и хомяком, загнуть ему знакомую поговорку и сказать, что вот, де, говорит немец, что русский человек ни на что не годен, — как из него уже вмиг сделается другой человек. А потому не позабудь, друг мой, что и ты, с своей стороны, можешь много ободрить русского человека. В самом стихе твоем есть уже что-то бодрое и бодрящее, и если таким стихом оденешь ты и мысль, вполне *бодрящую,* и если рассмотришь к тому и природу русского человека, чтобы узнать, по которому месту бить и хлестать его, то много-много можешь наделать добра. Стихи, присланные тобой в образчик духовн<ых> стих<отворений> («Блажен, кто мудрости высокой»), получил и прочел с удовольствием. В них есть простота, величие и светлость, но они далеки от «Землетрясения». Я не думаю даже, чтобы форма псалмов была прилична тем духовным стихотвореньям, какие потребны в нынешнее время. По крайней мере псалмы должны быть собственные, а не переделанные или извлеченные из Давида. Вообще же *духовное стихотворение* (какой бы формы оно ни было) может быть ныне значительно только тогда (всё это я, разумеется, говорю вследствие моего мнения, которое, может быть, и ошибочно), когда оно двигнуто которою-нибудь из следующих возбуждающих сил: или силою гнева, почерпнутого от самого гнева Божия, стало быть, нелицемерного

[1] сами же

[2] *Не принятое в печати слово.*

гнева, не в мыслях, но уже в сердце обитающего, гнева противу всего презренного и нечистого, в каком бы ни заключилось оно сосуде. (Само собою разумеется, что гнев не к самым сосудам, заключившим в себе презренное, но к презренному, заключенному в сосудах; против самих сосудов гнев может быть только за то, что они отворили двери презренному или заключили его в себе.) Итак, или силою попаляющего Божьего гнева должно[1] проникаться духовное стихотворение, и это пусть будет во-первых. Или же, во-вторых, оно должно быть проникнуто и подвигнуто силою любви к человеку, зажженною также от небесной любви Божьей к человеку, любви, измерившей всю страшную участь тех, которые воздвигают против себя гнев Божий. Содрогаясь от ужаса за них и подвигнувшись небесным ангельским состраданьем, она уже не поражает их, а молит, как брат умоляет брата, как несчастная и безотрадная мать умоляет сына, идущего на явную гибель, умоляет его такими воплями и стонами, от которых и бесчувствен<ный> камень содрогнется. И сею силою нежного моления[2] может бы<ть> подвигнуто значительное духовное стихотворение, во-вторых. Или же, наконец, в-третьих, духовное стихотворение может быть подвигнуто силой внутреннего собственного излияния: умягченным и утопающим в блаженстве вознесеньем сердца своего к Богу, внутренним гневом против собственных своих недостатков, унынья, малодушья и бессилья своего, умоляющим и горячим моленьем о ниспосланьи в душу того, чего еще нет в ней и что достается так трудно нашей черствой и неразмягченной природе. В последнем случае духовное стихотворение приемлет форму молитвы и может разнообразиться бесконечно, смотря по различию и разнообразию состояний душевных. Но само собою разумеется, что здесь ничего не должно быть вымышленного или вообразимого только умом. Что не было добыто слезами и душевным внутренним сокрушеньем, то не должно облечься и в стихи. Иначе, при всех достоинствах поэта, на место жара, холод пребудет[3] в стихотворении, оно останется никому не родным и круглым сиротою. Итак, сими только тремя побуждающими силами, мне кажется, должно[4] быть подвигнуто духовное стихотворение, дабы соответствовать высокому значенью своему. А что самые сии побуждающие силы пробуждаются в человеке

[1] должно быт<ь>

[2] Итак, силою такой любви

[3] останется

[4] может

не иначе, как от соприкосновенья с живыми, текущими, настоящими современными обстоятельствами, его обстанавливающими и окружающими, об этом и говорить нечего. Любви к прошедшему не получишь, как ни помогает поэту воображенье. Любовь возгорается к тому, что видишь, и, стало быть, к предстоящему, прошедшее же и отдаленное возлюбляется по мере его надобности и потребности в настоящем. Словом, вообще удача духовного стихотворения зависит от того, когда оно предприемлется как подвиг во имя Божие, как искреннейшее дело, как то деяние, по которому будет судить нас Бог во пришествии Своем. Вот почему так холодны попытки всех прелагателей псалмов: они их брали просто как предмет для поэзии, как поэтические игрушки.

Твое духовное стихотворение («Блажен, кто мудрости высокой») не содержит в себе ни *упрека,* порожденного гневом, ни *состр630данья,* порожденного любовью, ни *умоления,* исторгнутого силою душевной немощи. В нем заключено *восхваление,* которое, как известно, само по себе всегда уступает в силе трем прочим. Гневается ли человек, любит ли, умоляет ли, он всегда тут становится сильнее, чем когда он хвалит. Итак, вследствие уже этого твое духовное стихотворение не могло[1] произвести сильного впечатления. Притом предмет восхваления есть муж, отстранившийся от людей и от их порочного общества, тогда как люди[2] теперь больше, чем когда-либо прежде, нуждаются в любви к себе. Стало быть, стихотворение еще более должно отозваться какою-то черствостью. Я не говорю,[3] чтобы род стихотворений в виде *восхвалений* был теперь вовсе бессилен или не нужен, но я думаю только то, что и в сем роде восхваляться должно только то, что наиболее нужно нынешнему человеку среди нынешнего века, и предметом восхвалений должен быть муж, потребный современным обстоятельствам. Если бы ты сказал, например, что блажен муж, который и среди уныния других не предается унынию, но сеет бодрость в души, подъемлет повсюду падшего и воздвигает дух в человеке, или — блажен муж, отдавший всего себя на служение Богу, который, взявши какое бы то ни было мирское место и звание, служит на нем не для мира и не для своей почести и не ждет ни от кого из людей за это награды, но, как святыню, обнявши долг свой, умеет перенести всё и не оставит своего места ни в каком случае, какие бы ни нанесли ему оскорбления,

[1] не может

[2] сами люди

[3] я не отриц<аю>

не переносимые для человеческой гордости, помня только то, что не для себя, не для своего счастия, а для счастия других он взял свое место, и не для удовлетворенья своей гордости, а для защиты других должен он пребывать на нем, не ради какой-либо признательности и хвалы мира, а ради Христа, представшего перед него в виде страждущих несчастливцев, молящих и простирающих изнуренные от бесплодных простираний руки. Таким образом служащего Богу мужа можно ублажить[1] не даром и достойно, и найдутся сами собою для того сильные и восторгающие слова. Или — блажен тот, кто, оторвавшись вдруг от разврата и от подлой пресмыкающейся жизни, преданной каверзничествам, неправдам, предательствам, особачившим дни ее и заплевавшим его человеческую душу, как бы вдруг пробуждается в великую минуту и так же *запоем,* как способен один только русский, который с горя вдруг вдается в пьянство, так же запоем из пьянства входит в трезвость души, великодушно объявляет брань самому себе, загорается еще сильнейшей жаждой небесною, чем всякой другой, и становится таким образом возвышеннее даже того, кто всю жизнь провел в честности. Здесь можно кстати ублажить и тех тюрюков, которые от бездельной и лежебокой жизни обращаются вдруг к деятельной и таким образом вдруг превращаются из бабы в мужа.

Или же вообще — блажен тот, кто уже загорелся небесной любовью к людям и, позабывши уже все собственные страдания, всё, что ни наносилось ему в огорченье от них или в оттолкновенье от них, влечется к ним сильнейшею любовью, до того, что, уже как бы позабывши о собственном своем спасении, помышляет только о их спасении. Словом, муж, загоревшийся той любовью, которой еще и не знали во времена Давида и которую принес Христос на землю. Да и вообще много-много других, сильнейших псалмов может произвести поэт, крещенный огнем и духом Христовым, если только возрожденье свое как человека внесет в поэзию свою.[2] Я думаю, что если он ублажит таких мужей, которые именно нужны нашему времени, то[3] он произведет действие на всех,[4] несмотря на то, что стихотворения в виде *восхвалений* не могут иметь такой потрясающей силы, как упомянутые мною прежде роды духовных стихотворений.

[1] *Далее начато:* или же ласка<ть>

[2] *Далее начато:* где уже окажется возрожденье его, как поэта

[3] то такие

[4] *Далее начато:* и

Итак, вот всё, что я почел нужным сказать тебе о сем предмете с желаньем искренним помочь тебе, как брат хочет помочь любимейшему брату. Не взыщи, если что здесь сказано нескладно и бестолково, а лучше перечти в иное время и в другой раз: иногда и слово глупое наводит на умную мысль, и это всегда почти бывает, когда сказанное сопровождено любовью и желаньем искренним помочь. Тут всегда, как известно, помогает Бог. А потому перечти, подумай, и что тебе Бог внушит по сему поводу, то и сделай. Да не позабудь прислать мне в образчик и мирское стихотворение. Особенно прошу тех, которые были написаны по *какому-нибудь поводу* и в писании которых ты чувствовал подталкивающую силу.

Это уже будет третье письмо, которое пишу к тебе после прочтенья твоего стихотворенья «Землетрясенье», и с тем вместе третье, если не ошибаюсь, адресуемое в нынешнюю квартиру твою, в дом Шидловской. Затем обнимаю тебя многократно. Да воздвигаются неослабно твои силы.

Весь твой Г<оголь>.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного. В Серебряном переулке, в доме Шидловской.

892. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

18-го декабря <1844>, в понедельник. <Санкт-Петербург>

Вчера утром пришел ко мне Плетнев с вашим письмом, и мне открылась загадка вашего молчания: на такое письмо надобно время, и вы хорошо сделали, что сперва ему отвечали. Я говею, следовательно, очищаю душу от грехов, готовлю ее на обновление, на преумножение правды, любви, страха Божия. Теперь я вижу уже глазами более светлыми, нежели тому назад шесть месяцев; знаю и то, что совесть мне гласит; знаю и то, что искренняя дружба вынуждает меня вам сказать без всяких лишних светских обиняков. На Плетнева вы не пеняйте за то, что он потребовал нужду показать мне ваше письмо. Во-первых, с Плетневым самим произошла большая перемена в эти последние три года, и он, несмотря на то, что вы нашли его уже созревшим и характер его образованным, он был всегда прекрасный и добрый человек без сознания христианского, а теперь, благодаря Бога и приятеля его Грота, Плетнев сделался истинным христианином,

но в пределах своего практического благоразумия и данных семейных, которые давно определили его жизнь; потому Плетнев не может многого понимать того, что вы говорите и делаете; потому многое, что вы ему говорите, ему непонятно и кажется фальшивым. Он не уверен в вас, и притом ему кажется, что в вас нет простоты. Плетневу нужно было со мною переговорить, чтобы решить недоумение на многие слова ваши. Потому не сердитесь на него, а, напротив, сознайтесь, что он поступил благоразумно. То, что меж им, мною, вами, останется меж нами. Плетневу я едва ли не так нужна была всегда, как вы мне в последние годы. Он меня также воспитал в некотором отношении; мы так связаны с ним, что я души его потребность. Во-первых, Плетнев вас упрекал в недостатке простоты, и я с ним тоже согласна. Этот недостаток для меня уже проявился в Ницце, когда с таким упорством вы отказывались жить у Виельгорских и не хотели изъяснить мне причин этого отклонения. Проявлялся позже этот недостаток в более мелочных вещах; наконец, и тогда, когда я вас спрашивала о денежных ваших обстоятельствах. Вы отвечали мне, что деньги всегда будут, а как — и не намекнули даже. Бог вас знает, какие у вас на этот счет понятия! А дело в том, что пока вы еще не совсем расстались с миром, то должны о мирском помышлять. Что хорошо ли вы сделали, что вы запутались с светом, или дурно — это вопрос другой, и вы сами решите его. Но если же уже запутались, то не забрыкать же ногами во всех и на все, бросить всех, а они себе там хоть умирай. Смотрите, чтобы не брыкнуть так, что вы вовек не успокоитесь после этого. Вы же мне говорили, что мы здесь тесно связаны друг с другом. Это правда не в одном отношении отвлеченном, но и в материальном; так тесно связаны души наши с телами нашими, что это повторяется и в общественности нашей: мы, спасая души близких нам, не можем и не должны пренебречь о их теле. Ведь Филонов умер бы с голоду, если бы Александра Осиповна ему только Библию посылала!.. У вас на руках старая мать и сестры. Хотя вы думали, что обеспечили их состояние, но что ж делать, если по неблагоразумию, или каким-либо непредвиденным обстоятельствам, они опять у вас лежат на плечах. Дело ваше прежде всего, при получении отчета Прокоповича, сперва и не помышляя ни о какой помощи бедным студентам, выручить ее из стесненных обстоятельств. И потому мы решили с Плетневым, что так и поступим, если точно есть какие-нибудь деньги у Прокоповича. А до московских нам никакого дела нет; там пусть делают, как хотят.

С вашими планами для студентов вы мне напомнили одного фурьериста, который свой капитал растратил для общественного блага, а потом сам с женой и детьми умирал с голоду; кончил тем, что брыкнул в жену ногой, а сам для общественного блага заперся в четвертом этаже. Знаете ли, что St. François de Sales говорит: «Nous nous amusons souvent à être bons anges, et nous oublions qu'il faut avant tour être bons hommes». Итак, будьте проще, удобнее понятным всем тем, которые ниже вас на ступени духовной. Не скрывайтесь и не закрывайтесь беспрестанно. Зачем вы так тайно хотите помогать другим? Тут особенно должна быть большая простота; этому делу не надобно придавать никакой важности. Не помогать — просто мерзость, когда есть на то способы; и когда помогаешь, то на это надобно смотреть так, как на всякое житейское дело. Чтобы избегнуть упрека, что одни фарисеи раздают на перекрестках, и выполнить буквально предписание, «дабы левая твоя не ведала, что делает правая», вы забываете: «да светят дела ваши добрые перед людьми в славу Божию». Кто знает? может быть, узнав, что вы своей лептой помогаете брату, на это и у других явится охота им помогать; таким образом вы поможете большему числу людей. Конечно, ни Плетнев, ни я об этом публиковать не будем, а если оно узнается, то беда небольшая, что вас назовут. Меня все старухи петербургские знают, даже и безрукие офицеры, и я вовсе от этого не прячусь и не скрываюсь; мне даже все равно, если скажут, что я ханжа. Богу одному известно, что в глубине души моей. Другое дело, если бы друзья мои меня начали упрекать в лицемерстве; им бы я открыла свою душу и не запирала бы, <ка>к вы, ее в три замка. Сознайтесь, что все ваши недоразумения произошли от вашей молчаливой гордости.

Вот вам, кажется, упреки и правда — т. е. правда по моим понятиям. Вы просили упреков, как живой воды; вот вам и от меня посыпались.

Теперь перейдем опять к делу положительному — к деньгам. Я человек практический; меня Жуковский всегда называл *честным человеком*, платящим свои долги и считающим всякую копейку. Вот что. Прежде еще получения вашего письма, мы — а кто именно, не нужно вам знать — имели обещание получить их и оставим их у себя впредь до вашего приказания. Меж тем Плетнев узнает у вас в деревне, сколько там нужно, чтобы выйти из крайности. Туда пошлется, сколько можно, а остальное пришлется вам. Когда Прокопович отдаст отчет и буде у него что-нибудь накопилось, оно также нам не помешает. Вы тогда

должны себя и своих близких обеспечить прежде всего. Так требует благоразумие, и вы не вправе налагать на себя наказание за свои литературные грехи голодом. Эти грехи уже тем наказаны, что вас препорядочно ругают и что вы сами чувствуете, сколько мерзостей вы пером написали. Во-вторых, ведь деньги только у вас в воображении; их, может быть, нет, да и не будет, и вы мне напомнили: «Perrètte sur sa tête ayant un pot à lait»; а вы уже ими и пожертвовали, не сообразясь ни с каким порядочным понятием о милостыне и подаянии.

Вот вам все то, что я о вас передумала. Извините меня, если я слишком резко выразилась. У меня таки есть резкость в выражениях, да притом я по-русски пишу с трудом. По-французски можно делать упреки с комплиментами, а по-русски никак нельзя.

Скажите Жуковскому, что Андрей Карамзин сам три раза писал левой рукой матери. Раны его так неопасны, что мы надеемся его увидеть в конце генваря.

Здоровье Императрицы очень нас беспокоит. Биение сердца почти ежедневно. Бог знает что это за болезнь? Вероятно, летом ей придется ехать на воды; по крайней мере, мне это кажется необходимым, но об этом ничего не говорят.

Знает ли Ж<уковский>, что князь Александр Николаевич Голицын умер месяц после того, как опять прозрел после операций, и умер от водяной? Он был честный и добрый человек. Имение все роздал бедным: после него ничего не нашли для племянников; они, впрочем, не нуждаются.

Затем прощайте, любезный, прекрасный и добрейший Николай Васильевич. Бог вас да наставит и сохранит. Молюсь за вас, а вы молитесь за меня. Ваша от души *А. Смирнова.*

Получили вы 4 пакета с книгами? Они отсюда были пересланы Михаилу Михайловичу. Спросите у него о них. При первой оказии перешлю еще два последние тома Тихона Задонского, Макария «О молитве» и книгу Самарина. После начну пересылать «Христианское Чтение». Говорят, вышли славные вещи Стурдзы. Хотите ли вы его? Читали ли вы что-нибудь из его сочинений?

893. А. А. Иванову

1845 год. Генварь <9 н. ст.>. Франкф<урт>.

Поздравляю вас, добрейший Александр Андреевич, с новым годом и от всей души желаю, да усилится в продолжение оного

ваша деятельность около картины. А насчет ваших смущений по поводу денежных недостатков скажу вам только то, что у меня никогда не было денег в то время, когда я об них думал. Деньги, как тень или красавица, бегут за нами только тогда, когда мы бежим от них. Кто слишком занят трудом своим, того не может смутить мысль о деньгах, хотя бы даже и на завтрашний день их у него недоставало. Он займет без церемоний у первого попавшегося приятеля. На свете не без добрых людей; тому же, кто занят твердо и деятельно своим делом, тому всякий поможет. Но ваша картина не потому идет медленно, что вас *убивает* (даже в начале получаемых денег) *мысль*, что их не хватит на окончанье, но идет ваша картина медленно потому, что нет подстрекающей силы, которая бы подвигнула вас на уверенное и твердое производство.[1] Молите Бога об этой силе. И вспомните сие мое слово: пока с вами или, лучше, в вас самих не произойдет того внутреннего события, какое силитесь вы изобразить на вашей картине в лице подвигнутых и обращенных словом Иоанна Кр<естителя>, поверьте, что до тех пор не будет кончена ваша картина. Работа ваша соединена с вашим душевным делом. А покуда в душе вашей не будет кистью высшего художника начертана эта картина, потуда[2] не напишется она вашею кистью на холсте. Когда же напишется она на душе вашей, тогда кисть ваша полетит быстрее самой мысли. Явление же это совершится в вас вот каким образом. Начнется оно запросом: а что, если Бог в самом деле сходил на землю и был человеком и нарочно для того окружил земное пребывание Свое обстоятельствами, наводящими сомнение и сбивающими с толку умных людей, чтобы поразить гордящегося умом своим человека и показать ему, как сух и слеп и черств его ум, когда стоит одиноко, не вспомоществуемый другими, высшими способностями души и не озаренный светом высшего разума? Это будет началом обращения, концом же его будет то, когда вы не найдете слов ни изумляться,[3] ни восхвалить[4] необъятную мудрость разума, предприявшего совершить такое дело: явиться в мир в виде беднейшего человека, не имевшего угла, где приклонить гонимую главу свою, несмотря на всё совершенство своей человеческой природы. И это будет формальным окончанием вашего обращения. Затем прощайте. Напишите, что вы

[1] уверенную и твердую работу

предприняли по поводу денеж<ных> обстоятельств. Мой совет не смущаться, брать отвсюду взаймы на время. После всё отдадите. Ведь вы не Габерцеттель. А я вам помогу потом советом, каким образом это сделать. Письмо это держите про себя и никому не показывайте. А следующее письмецо отдайте Моллеру. А Чижову поклонитесь и скажите, что я *май* и даже *июнь* месяц пробуду во Франкфурте; впрочем, он во всяком случае узнает обо мне у Жуковского. А Франкфурта ему не миновать, потому что оный есть пуп Европы, куда сходятся все дороги.

Весь ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Rome. Italie.
Al Signore
signore Iwanoff Alessandro (Russo).
Roma. Via Condotti, vicina alla piazza di Spania, nel Caffe Greco.

894. В. А. Жуковскому

На 1845 год. <29 декабря 1844 / 10 января1845.
Франкфурт>

От всей души поздравляю вас с Новым годом и подношу вам лучший подарок, какой только мог придумать. Для меня из всех подарков лучший есть упрек, а потому дарю и вас упреком. Вы уже догадаетесь, что упрек будет за[1] излишнее приниманье к сердцу всех мелочей и даже самых[2] малейших неприятностей, в соединении с беспокойством и раздражительной боязнью духа. Вы сами себе делаете этот упрек, но это еще не всё. Вы должны вспомнить, что с вас этот грех взыщется строже, чем со всякого другого. Рассмотрите сами: вы так награждены Богом, как ни один человек еще не был награжден. На вечере дней ваших вы узнали такое счастие, какое другому и в цветущий полдень его жизни редко достается. Бог послал вам ангела в виде любящей вас чистой, ангельской любовью супруги; Он же внушил вам мысль заняться великим делом творческим, над которым яснеет дух ваш и обновляются ежеминутно душевные силы; Он же показал над вами чудо, какое едва ли когда доселе случалось в мире: возрастанье гения и восходящую, с каждым стихом и созданьем, его силу в такой период жизни, когда в другом поэте всё это охладевает и меркнет; Он же сими самыми[3] трудами, возвышая и размягчая

[1] в
[2] *В подлиннике:* самих
[3] *В подлиннике:* самими

вашу душу, ведет вас видимо и постепенно ко вкушению других, еще высочайших ощущений. И как любовь его возрастает по мере нашего стремленья к нему, то вас вместе с супругой вашей соединят еще высшие потом узы, и поживете вы на земле, как ангелы живут на небесах, остальное время своей жизни. Так вы награждены! И при всем этом вы не можете переносить и малейших противуположностей и лишений. Тогда как, получивши столько залогов и милостей, можно бы, кажется, встретить нетрепетно и большие неприятности, не только малые! Молю вас, подумайте об этом ныне в предстоящих вам теперь обстоятельствах по поводу приближающихся родов Ел<изаветы> Ал<ексеевны> и всего, что с этим связано. Я знаю, что ее нежное сердце смущается еще более при мысли, что и вы страждете. Женщина вдвое более выносит, когда знает, что близкие ее сердцу уже укрепились духом и пребывают твердой надеждой в Боге. А потому молю и прошу вас, в том ли или во многих других случаях, производящих в вас тревогу душевную, и вообще во всякую минуту душевного беспокойства, подойти прежде к столу и взять в руки это письмо, как ни глупо оно само по себе (впрочем, где двигнулся человек любовным участием к брату, там уже помогает Бог и обращает бессильное в сильное), взявши в руки это письмо, прочитать его, а, прочитавши его, не делайте никого свидетелем излияний досады или огорчений, не сообщайте никому тревожных беспокойств ваших, но обратитесь с ними прямо к одному Богу. Его одного изберите вашим другом и поверенным ваших беспокойств, жалуйтесь перед Ним, лейте слезы перед Ним, просите с тем вместе прощенья у Него за неблагодарность, за малодушие, просите о ниспослании сил истребить в себе то и другое и победить их — и вы их победите и возвратитесь утешенным и твердым от вашей молитвы. Ужели вы не верите этому? Ужели Тот, Кто одарил вас таким множеством благ, откажет вам и в этом? Выполните же всё так, как я вас прошу, не пренебрегите моим подарком, и вы сделаете его драгоценным, как он ни мал сам по себе, и наступающий год будет вам плодотворнейший из всех дотоле бывших. И с ним поздравляю вас еще раз, мой друг, благодетель, наставник и виновник многих прекрасных минут в моей жизни!

895. Н. М. Языкову

<10 января (н. ст.) 1845. Франкфурт —
14 января (н. ст.) 1845. Париж>

Франкфурт.[1] 15 генвар<я>.

Я получил твое письмо от 2 декабря и при нем стихотворение к Киреевой. Оно очень мило. Намерение твое попробовать Призница и воды я считаю совершенно основательным и благоразумным. О сем, как помнишь ты, мы когда-то трактовали. По крайней мере, по моему мнению, следовало бы во всяком случае потолковать и посоветоваться лично с Призницем, чтобы быть потом покойну в совести и не пенять на самого себя.[2] Ты сам знаешь, что это единственное леченье, которому я верил, и верил потому, что оно во всё время своего производст<ва> бодрит, а не расслабляет человека и что во время его даже не велится прекращать умственных занятий. Призниц даже особенно требует, чтобы они продолжались. А посему, если ты о сем что-либо утвердишь и остановишься на таком утверждении, то уведоми меня, дабы я мог к тебе выехать навстречу. Весьма может быть, что и сам я примусь за это лечение, и тогда разделим вместе скуку грефенбергского местопребывания. Я навербую с своей стороны разных ипохондриков, а ты с своей, и мы тогда заживем деятельным монастырем, в разного рода трудах и подвизаниях. Здоровье мое стало плоховато; и Копп и Жуковский шлют меня из Франкфурта, говоря, что это мне единственное средство. Нервическое тревожное беспокойство и разные признаки совершенного расклеения во всем теле пугают меня самого. Еду, а куда — и сам не знаю. Охоты к путешестви<ю> нет никакой. Пробираюсь в Италию и беру дорогу (избегая горных переездов и частых пересестов) на Францию и Париж. В Париже проживу месяц, а может быть, и более; самого Парижа я не люблю, но меня веселит в нем встреча с близкими душе моей людьми, которые в нем теперь пребывают, а именно с графинями Вьельгорскими и гр<афом> Толстым, братом того, которого ты знаешь, у которого я и остановлюсь, а потому ты адресуй следующие твои письма на имя графа Толстого в Париж: Rue de la Paix, hotel Westminster, № 9. Прощай, обнимаю тебя, ибо пора садиться в malle-poste, которая покамест понесет в Париж.

Твой Г<оголь>.

[1] 13

[2] *Далее начато:* Са<м>

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного, в Серебряном переулке, в доме Шидловской.

<*Штемпель:*>

Paris. 14 janv. 45

896. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Петербург, декабря 30-го 1844 г.

Хочу еще в старом году написать вам несколько строк, несмотря на рыбное состояние, в котором я нахожусь. Не совсем, впрочем, похожа я на рыбу; я только утратила веселость и деятельность, соучастие к другим, но сохранила способность страдать, и страдаю так душевно, как еще и не приводилось. Душа болит физически, даже плачется и неможется. Читать не могу, писать тоже, выезжать — еще менее. Одно только меня развлекает немного — это дети; но и они бедные больны: у всех трех коклюш, и довольно сильный. Пусть *же* вы, мой любезный и добрый друг, узнаете о состоянии души, для вас всегда совершенно открытой. Вы одни мне остались всегда верными, вы одни меня полюбили не за то внешнее и блестящее, которое мне принесло уже столько горя, а за искры души, едва заметные, которые вы же дружбой своей раздули и согрели. На вас одних я могу положиться, тогда как вокруг себя нахожу только расчет, обман или прекрасный призрак любви и преданности. К вам теперь стремится жаждущая душа моя. Вот вам моя исповедь. Но знайте же вы и то, что я хотя и горюю, но не совсем унываю. Я знаю, что это состояние пройдет и должно пройти. Мне уже очень известны все мои душевные перемены и фазы; я знаю, как и лечить себя. С помощию Божиею мы все можем победить, и это будет побеждено. Я слишком люблю и помню эти слова: «Да не смущается сердце ваше, и не устрашается». Зачем мы забываем и это: «Мир Мой даю вам, не яко же мир дает, яко же Аз даю вам»? Зачем искать на земли еще другого наслаждения вне этого святого мира?

Вы меня просите вам сообщать некоторые сведения о благородном петербургском обществе, да, право, я не знаю, что и сказать. Во-первых, оно делится на две партии (я говорю вам о высшем круге): одна — просто танцующая, веселящаяся до упада и, кажется, беззаботно глядит на все, начиная от Бога и своей души, и смотрит на все, как на изношенные свои башмаки. В этот

разряд высшего круга я не заглядываю: меня туда не зовут, потому что во мне там нет нужды. Через молодежь узнаются сплетни, ссоры и скандалез, там происходящий. Эта молодежь мне незнакома. Слышу иногда, что там пикники, пляшут польку на Средней Рогатке или на островах, не пропускают оперы никогда, хотя вовсе и не слушают музыки. Говорят тем же языком, те же пошлости и, наконец, разыгрывают сцены Баденской Террассы в блестящих своих гостинных. Вы знаете, что я с вами вслух зевала, когда вы читали Илиаду, именно в то время, как блаженствовали все на Террассе, и теперь я также на все смотрю очень издали. Другая партия этого же круга есть какой-то слиток разнородных существ, которые чувствуют, что не все в жизни вертится на польках у Средней Рогатки или на арии престарелого Рубини, и что надо бы стряхнуть лень и заняться делом, но меж тем все-таки из пустого в порожнее переливает. К этой партии принадлежу и я. Иногда разговор принимает оборот поважнее, построже, но все есть что-то несозрелое, неоснованное, и незаметно переходят к пустякам жизни светской. Вообще продолжается страсть обсуживать во всех кругах общества, и обсуживать строго, резко, не принимая в соображение, что на высотах у многих голова кружится, забывая и то, что каждый из нас был бы во сто крат хуже, если бы его так систематически и столько лет окружали льстецы и подлецы и не допускали никогда истины к нашим ушам. Эти строгие суждения поразили меня при приезде, поразили и Тютчева, очень милого и доброго моего приятеля, который по-французски так изъяснялся: «Je suis frappé combien on est cynique envers le Pouvoir ici». Все, все решительно перетолковывают в худую сторону и забывают, что всякий любит по-своему, и что тому надо простить, который так много и, может быть, один так любит Русь и чувствует, что в ней есть достоинства, обещающие ей и будущность, и жизнь. Те именно, которые так строги (заметно, что те, которые выше сидят, более и судят), те именно не понимают еще вполне, что такое отечество. Им еще кажется милой остротой слова ф<ранцуза> при переходе через Березину: «Et les malheureux appellent cela une patrie!». Так эти люди могут ли оценить то, что именно должно не только обезоружить нас, но искупить все ошибки и преступления его. Он решительно один понимает, что значит *слово* в устах наших. Это уже Богом дано и сохраняется в сердце, как пророческое чувство, несмотря на все то, что по слабости человеческой сделано ошибочного и виновного. Мне же очень грустно слушать эти разговоры. В них приметна еще ужасная

личность. Всегда почти бранят относительно к себе или к близкому лицу, а потом готовы пресмыкаться, когда их пригладят или прибьют. Тут есть что-то холопское!

В итальянскую оперу ездят очень много, но уже осмеливаются критиковать, и нет того глупого, безотчетного энтузиазма. Вероятно, на будущий год они войдут в общий разряд театров, а потом выдумают что-нибудь другое, и станет пусто в опере, как теперь во французском театре, где сидит человек 50 в прошлом веке запоздалых. Российский театр же процветает, вечно набит битком от райка до бельэтажа, благодаря «Герою Преферанса», «Булочнику» и «Трем полькам». Госпожа Левкеева приводит публику в такой же восторг, как и Рубини. Я там была на днях, нашла, что все очень пошло, и едва ли вернусь.

Пишу вам в постели, приехав из дворца, где я бываю гораздо реже и зачем, не знаю. Продолжение впредь.

897. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

<31 декабря 1844. Санкт-Петербург>
30 января 1845 г.

Здравствуйте, Николай Васильевич! Сегодня воскресенье; я была у обедни, видела митрополита. После обедни за ним черной, длинной вереницею потянулись по длинным золотым залам сергиевские монахи, которые всегда накануне приезжают поздравлять царя. Вид был довольно странный и даже грустный. После обедни я детям читала из 23 главы Ев<ангелия> от Матфея, потом повторяла молитвы, ектению, а потом и я читала и поплакала, и теперь плачу. Может быть, и хорошо иногда свои колодцы открывать. Вы, пожалуйста, не замечайте, что у меня нос и глаза красны. Это все-таки мне не помешает вам высказать всякую всячину сквозь слезы. А кстати, вы еще и не видали, как я плачу: от вас мне не приходилось еще плакать. Нынче патриотический концерт. Итальянцы грянут в нашу пользу. Я было и взяла билет, но передумала просто от лени. Мне как-то всего лучше сидится дома за письменным столом.

На днях я имела разговор, который меня немало огорчил. Есть люди, которых судьба поставила так далеко от других, что трудно их понять, хотя душа только этого и желает. Меж ними и нами столько промежутков, живых ступеней, и ступней неровных, негладких, бесчувственных или даже мешающих с умыслом. Так легко эти люди могут оттолкнуть нас совсем, что всякое

слово надобно взвесить по их ушам, умам и совестям. Так страждут, может быть, больше нашего, а что ищут развлечения недостойного их, утрачивают свою душу и милость Божию, которые нам являются[1] часто с горем, — это натурально. Там едва ли выронит кто задушевное слово, а без этого как и произойти взаимной пользе и добру? На лице написано страдание, изнеможение сердца, тоска — безутешная и бесплодная, т. е. которые не бывают переходом к лучшему и чистейшему состоянию души; а разговор все тот же, хотя не видно в нем даже старого увлечения и настоящей веселости. Это мне почувствовалось с первой минуты встречи. Бог весть, чем кончится это состояние. Помоги Бог. Я свое дело делаю — молюсь усердно.

Теперь поговорим об вас. Плетнева я сто лет не видала. К нему приехал Грот. В книжной лавке Иванова, где я взяла для вас «Воскресное Чтение» за весь прошлый год, купила я сочинения Н. Гоголя. Там мне сказали, что их продано только в этой лавке сто экземпляров, что Ольхин и Снегирев очень много продадут; в Москву и в губернии потребовали много сочинений этого автора, и проч. и проч. Следовательно, господа сенаторы, дела наши идут хорошо; а отчего же денег нет? По сему предмету надобно сделать запрос Прокоповичу, что и будет сделано согласно желанию автора, Плетневым. А меж тем А<лександра> О<сиповна>, всегда готовая к услугам, вышлет, после первого генваря 1 000 ассиг<нациями>, а деньги еще смотря по обстоятельствам автора. В этой книжной лавке сказано, что сочинения Стурдзы расходятся хорошо, новое издание Отцов еще лучше и преимущественно покупается купцами. «На сон грядущий» Сологуба печатается вторично: знак, что публика любит и фашионабельство. Тут спросила А<лександра> О<сиповна>, прелюбопытная дама, требуют ли еще сочинения господина Булгарина. В ответ весьма застенчиво получила *да* и прибавлено, что их не предлагают, не выставляют и стараются выставлять только книги порядочных авторов. Тут эта дама, громко вслух, пред офицерами, похвалила этого притворца книгопродавца и сказала, что не будет брать у Иванова и всем его раскритикует, если узнает, что он, как Смирдин, подружился с Фаддеем и с Сенькою. Вы знаете, что я люблю поврать со всяким. Я прочитала «Сорочинскую ярмарку», «Вечера накануне Ивана Купала» и «Шпоньку». Право, Федор Иванович был очень счастливый человек; разбирал белье и чистил пуговицы. Что может быть невиннее, как этакая голова?

[1] *Так в публикации.*

Здоровье Импер<атрицы> все так же дурно: из 5, 6 и 8 дней один без биения сердца. У Государя болят ноги, была опухоль и опасались рожи; но, слава Богу, оказалось, что это геморроидальная боль. Он сам боится подагры. Он продолжает ножные ванны и много ходит, хотя медленно и иногда прихрамывая, потому что, сидя, ноги замирают. В городе этим очень обеспокоились. Я, слава Богу, была там вчера, и госуд<арь> сам изволил говорить о своем здоровье. В<еликая> к<нягиня> Марья Николаевна спрашивала об вас с благосклонностью; вспомнила ваш визит в Риме. Она поправилась теперь. Очень умна, жива и добра. Другие все здоровы.

В Петербурге много говорят о назначении графа Воронцова на Кавказ *наместником*, главнокомандующим отдельного кавказского корпуса, с сохранением должности генерал-губернатора Новороссийского края. В отсутствие его краем будет править Феодоров, который и прежде его заменял, — очень умный и дельный человек, его правая рука. Воронцов писал Государю, что ему 64 года, что он уже слаб, а особенно глазами, что ему трудно решиться принять такую огромною ответственность, но что не считает себя вправе отказывать, пока находится в службе и когда Государь считает его способным. Он будет здесь 15 января для переговора личного условия с министрами. Все рады, что хотя этот не немец (из этого вы увидите, что на немцев более, чем когда-либо, огрызаются). Говорят, что Ермолова кто-то спросил в Москве: «Правда ли, что вас назначают на Кавказ?» И он отвечал: «Я для Кавказа теперь постарел, а он помолодел для меня теперь». Не знаю, правда ли?

Софье Михайловне я передала вашу записку. Она все так же мила, Владимир все также по-старому валяется в навозе. Он затеял (по истощению кармана) писать русские гены[1] в подражание Кора[2]. Князь Вяземский заметил весьма справедливо, что едва ли где сыплют остроумия в салонах, как у нас, но что ни одной из этих шуток нельзя печатать, и потому Сологубу остается писать одни глупости. Ведь мы и вправду очень умны и забавны. Меня это особенно поразило после Парижа. Там ум изветошился; на все уже иссшутились, исписались; три столетия все шутят и смеются над Богом и царями между войны, эшафота, славы и мира и, наконец, мануфактурою мещанского спокойствия. Теперь до завтрашнего утра. Поздравляю вас с новым годом, новым счастьем; помолюсь за вас и пущу за границу свое карабскание.

[1] *Так в публикации.*

[2] *Так в публикации.*

898. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Отрывок

<Вторая половина 1844>

...пытавшийся взять на себя редакцию «Москвитянина»; было много съездов и переговоров, но все кончилось пшиком: «Москвитянин» будет издаваться и в 1845 г. на прежнем основании. Жаль мне этого. И<ван> В<асильевич> поднял бы его и дал бы ему... и духу — и дело вышло дельное и пошло бы ходко.

899. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

1 января 1845 г. <Санкт-Петербург>

Поздравляю вас с новым годом, любезный друг. Я не совсем здорова, вероятно, потому, что заливаюсь слезами так, как не запомню из давних времен. Я тотчас лягу в постель, чтобы решительно никого не видеть. Я чувствую неодолимое отвращение видеть чужих. Я была у обедни, заехала на минуту поздравить Карамзиных и поскорее домой. Говорят, что Государю лучше. Прощайте, обнимаю вас. Вас бы одних в этакие минуты можно и нужно даже видеть. Жука и его жену поздравляю. Усердно молю Бога им продолжения счастия, и Сашу поцелуйте. Учите ее по-русски.

А. С<мирнова>.

900. В. А. Жуковскому

Париж. Генваря 12 <24 января (н. ст.) 1845>.

Благодарю вас очень, очень за ваше для меня радостное письмецо; а Бога я уже благодарил за дарованное вам счастие и еще буду благодарить. Вы также умейте быть отныне еще более благодарным Ему, чем когда-либо прежде, и молите у Него же о ниспослании вам сил быть Ему благодарным. Известие о даровании вам сына было принято радостно всеми близкими вам друзьями, а в особенности гр<афинями> Вьельгорскими. Поздравьте от меня Ел<изавету> Ал<ексеевну> и поцелуйте ее ручку, а потом поздравьте также от меня всё милое семейство Рейтернов, начиная с барона. Я их всех люблю, хотя и не изъясняюсь с ними словами и речами. О себе скажу, что дорога мне сделала добро,[1] но в Париже я как-то вновь расклеился. Время гнуснейшее: мгла и совершенное отсутствие всякого воздуха. Наместо его носится

[1] хорошо

какая-то густая масса человеческих испарений. Время йдет бестолково и никак не устраивается, и я рад бы в здешнее длинное утро сделать хотя в половину против того, что делывал в короткое утро во Франкфурте, хотя занятия были и не те, какие замышлял. Я не думаю в Париже пробыть более полутора месяца. Приближаясь к весне, я всегда люблю простор и вольный воздух, а здесь к весне вонь.[1] Говоря вам откровенно, я во Франкфурте совсем не соскучился, но выехал единственно потому, чтобы переломить болезненное и лихорадочное состояние, которого продолжительности я опасался. А наслаждений у меня много было там внутренних и тихих, которые были достаточны разлить спокойствие на весь день. Но покамест прощайте; обнимаю и целую вас и всем вашим посылаю мой душевный поклон.

Весь ваш Гоголь.

<На обороте:>

Francfort sur Main.
Son excellence monsieur m-r Joukovsky.
Francfort s/M. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

901. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

13 (25) января <1845. Франкфурт>.

Любезный Гоголек, пишу к вам только для того, чтобы сказать вам, что у нас все идет своим порядком: жена и сын здоровы; а я приближаюсь к выздоровлению. Вот вам письмо от Смирновой; не поглядев на адрес, распечатал, но не читал, хотя и весьма хотелось прочитать; это полный журнал. Со временем вы сами все мне прочтете. А ко мне ни строки. Чернушка! Я к ней, однако, писал. То, что вы пишете о своем здоровье, неудовлетворительно. Опыт вам доказал теперь же, что вам всего нужнее движение и воздух. На вашем месте я не остался бы в душном Париже пить ядовитую микстуру из испарины всех французов, а сел бы в дилижанс и объехал Францию: взглянул бы на берега Луары, на Бретань, Вандею; проехал бы южные провинции; полазил бы по горам Овернским и возвратился бы опять через Париж во Франкфурт, где Копп определил бы дальнейшие действия. Насчет Франкфурта вам должно, однако, согласовать свой план с планом Тургенева, ибо он по проезде в Карлсбад заедет к нам и поживет у нас. Отвечайте на все это. Я за работу еще не принимался и, вероятно, весь генварь не примусь. Вьельгорских обнимите.

[1] *Далее начато:* Это

902. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<17 января 1845. Москва>

Твои два письма, писанные тобою, как ты сам говоришь, под влиянием моего стихотворения «Землетрясенье», доставили мне много удовольствия, услаждения и пользы. Жаль, что их нельзя напечатать: я бы сделал это непременно, не спросившись тебя и взяв ответственность на свою совесть и на свой страх!! Посылаю тебе еще одно из моих стихотворений, *писанных по какому-нибудь поводу*; одно таковое же я отправил к тебе на прошлой неделе. Странно мне, что ты о сю пору не получил книг, давным-давно доставленных мною графу И. П. Толстому. Теперь я в недоумении, что мне делать с другими книгами, мною для тебя приготовленными и дожидающимися только выхода 4-й части переводов святых отцов на 1844 <год>? (Она уже объявлена в газетах вышедшею, а подписавшимся еще не выдается!!) Куда пересылать их, когда ты едешь в Италию? Италия велика: в ней есть и Ницца, и Рим, и Неаполь. Разреши мое недоразумение. Воздух благословенного юга, конечно, восстановит твое здоровье: очень естественно, что немецкий воздух действует на тебя разрушительно, — ты русский человек!

Ив. Киреевский все еще не успел выдать 1-й № «Москвитянина»; несчастие, поразившее Елагиных, помешало журнальным работам. Как быть? все мы под Богом ходим! Сверх того и цензура придирается к почтенному (с непочтенными она обходится легче и снисходительнее) и замедляет печатание, устремляясь на всякие мелочи, аки лютый зверь на добычу!

Все наши тебе кланяются; я сегодня же пишу в Рим к Чижову, с которым у меня переписка идет довольно живо. Весною поедет в Рим брат Александра Андреевича, Сергей Андреевич Иванов, — архитектор, юноша талантливый, и надежный, и самостоятельный, и ничуть не немец: он в начале лета будет пользоваться водами, вероятно в Крейцнахе, а потом уже...

Собрание моих стихотворений выйдет к марту: оно уже печатается. Если ты увидишь Мельгунова, скажи ему, что все мы просим и жаждем от него повестей и статей для «Москвитянина». Не забудь же — для «Москвитянина»!

Если я решусь ехать на водное лечение, то извещу тебя об этом заблаговременно; мы съедемся, посидим вместе и поговорим о том, о сем, о многом! Прощай покуда. Будь здоров. Кланяйся от меня А. И. Тургеневу и Н. Д. Киселеву.

Твой Н. Языков.

Января 17 дня. 1845. Москва.

903. Н. М. Языкову

<Начало февраля (до 5 числа, н. ст.) 1845. Париж>

Сам Бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи «К не нашим». Душа твоя была орган, а бряцали по нем другие персты. Они еще лучше самого «Землетрясенья» и сильней всего, что у нас было писано доселе на Руси. Больше ничего не скажу покаместь и спешу послать к тебе только эти строки. Затем Бог да хранит тебя для разума и для вразумления многих из нас. Прощай.

Весь твой Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве, в приходе Николы Явленного, в Серебряном переулке, в доме Шидловской.

904. В. А. Жуковскому

Париж. Генваря 28 <9 февраля (н. ст.) 1845>.

Письмо ваше вместе с письмом Смирновой получил и благодарю вас за то и за другое. Здоровью моему переезд из Франкфурта в Париж сделал пользу, но самое пребывание в душном Париже несколько порасстроило его, несмотря на то, что стараюсь прогуливаться в окрестностях. Последую вашему совету по мере возможности; выезжаю на днях из Парижа, с тем чтобы объехать некоторые места Франции, держась, однако ж, франкфуртской дороги, ибо благоразумие и кошелек не позволяют делать больших крюков, да к тому ж зимой не так бывает удобно слишком много двигаться. Во Франкфурте проживу с вами великий пост, а на последней неделе поеду говеть и встретить пасху в Штутгарт, откуда уже, вероятно, направлю путь на какие-нибудь воды. Стало быть, с Тургеневым мы всячески устроимся, ибо он не раньше, как после Пасхи, будет во Франкфурте, то есть или в конце апреля, или же в начале мая. Затем обнимаю вас всей душой и сердцем и милую вашу супругу, и малюток ваших, и почтенного добрейшего Рейтерна со всем его милым семейством.

Весь ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

Francfort sur Main.

Son excellence monsieur m-r de Joukovsky.

Francfort s/M. Saxsenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

<*Штемпель:*>

Paris… Fevr. 45

905. Н. М. Языкову

Париж. Февраля 12 <н. ст. 1845>.

За разъездами и за всякими проветриваниями, то есть бренного тела моего, а не духа, не успел еще написать обстоятельно тебе ничего. В Париж я попал совершенно нечаянно, как тебе известно и как я писал. Остаюсь в нем несколько дней и еду тоже проветрить себя еще несколько по Франции, направляя дорогу на старое гнездо, во Франкфурт, а потому пиши письма по-прежнему во Франкфурт и по прежнему адресу. Книги во всяком случае присылай, если случится оказия, во Франкфурт: там складочное место всему. О Париже скажу тебе только то, что я вовсе не видел Парижа. Я и встарь был до него не охотник, а тем паче теперь. Говоря это, я разумею даже и относительно материальных вещей[1] и всяких жизненных удобств: нечист, и на воздухе хоть топор повесь. Никого, кроме самых[2] близких моей душе, т. е. графинь Вьельгорских и гр<афа> Ал<ександра> П<етровича> Толстого, не видал. Тургенева видел раз и в другой мельком: он несет дичь. Противу всякого чаяния, я прожил, однако ж, эти три недели хорошо, в отношении[3] моральном. Жил внутренно, как в монастыре, и, в прибавку к тому, не пропустил почти ни одной обедни в нашей церкви. Священник наш хороший и умный человек, и, благодаря ему, я не оставался без русских книг, которые были мне потребны и пришлись по состоянию души. Больше тебе не пишу, ибо собираюсь в дорогу и спешу дочесть очень нужные книги. Из Франкфурта напишу поболее. А на письмах не позабудь прибавлять к адресу по-старому: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Причина, почему не еду в Италию: позднее время, а отчасти и ожидание решения от тебя насчет твоего прожекта лечения. Мне же, во всяком случае, придется проводить лето на каких-нибудь немецких водах; стало быть, высовывать в Италию нос на такое короткое время было бы никак неудобно. Обнимаю тебя. Поклонись всем моим знакомым.

Твой Г<оголь>.

Стихи твои «К не нашим» произвели такое же впечатление, как на меня самого, на моих знак<омых>, т. е. на гр<афинь> Виельгорских и на гр<афа> Толстого, которые от них без ума, но Тургенев, кажется, закрутит нос,[4] а может быть, даже и чихнет.

[1] даже и в самых материальных вещах
[2] *В подлиннике:* самих
[3] в житии
[4] закрутит слишком нос

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве, в приходе Николы Явленного, в Серебряном переулке. В доме Шидловской.

906. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

27 января 1845 г. Москва.

Отвечаю на твое письмо от 2 января. Стихов И. Аксакова я не посылал к тебе и не посылаю, потому что у меня их не было и нет; я только слышал их, и достать их себе в рукописи никак не мог и не могу. К. Аксаков сказывал мне вчера, что оные стихи давно уже к тебе посланы со многими книгами и, конечно, находятся и теперь еще у Жуковского. Справься! О немецком переводе «Мертвых Душ» напишу тебе мое мнение; на днях куплю его и местами сверю с подлинником. Об ознобе, на который ты жалуешься и который тебе не дает покоя, вот что оказалось по справкам, собранным мною от Мельгунова и Бодянскаго: они оба лечились и вылечились холодною водою; этот озноб есть обычное последствие водолечения и пройдет сам собою; а польза, тебе сделанная самим водолечением, останется с тобою непременно.

Русских книг пришлю тебе на днях что соберу: хорошего будет немного или вовсе не будет; пришлю кое-что и для Александра Андреевича Иванова.

Н. Н. Шереметева была отчаянно больна, теперь поправляется; письмо твое послал я к ней в Рузу.

Нынешняя зима для меня самая скучная, бесписьменная, грустная: хотелось бы мне уединиться, да грехи не пускают.

Прощай покуда. Будь же здоров.

Твой Н. Языков.

Мой адрес: на Пречистенке, у Троицы в Зубове, в доме Наумова.

907. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

30 января 1845 г.

Целый предлинный месяц протянулся, и вы молчали, и я молчала. Но вы — узнала я стороною — порхнули во Франкфурт на Сену, а я прохворала, и так хворала телом, что и с умом не могла сладить: не думала, не понимала, не читала и не писала. Теперь, слава Богу, лучше, да и душа свежее; как-то охотнее

принимаешься понемногу за дело собственного исправления души своей. Признаюсь, что она-таки немного было покривилась, прихрамывала, а глаза мои делались близорукими. Все это одно с другим было в связи. Но теперь, похворавши, как-то очнулась я опять и очень благодарна Богу за этот маленький домашний арест. После лихорадки настали дни слабости, немного уединенные, и кой об чем передумалось. И так все и всегда к лучшему. И так и вы, хотя хорошо сделали, что употребили вместо микстуры Париж, однако, верно, Богу благодарны за недуги. Как среди страданий тела чувствуешь свое ничтожество, трусость, подлость! Это *слишком* хорошо почувствовать сильно. Среди радостей и даже пустых светских увлечений как-то мы склонны себя ставить на пьедестал, рассуждать о всем смело; кажется, готовы смотреть смерти прямо в глаза, и когда покажется только ничтожное телесное страдание, душа и заговорит другим языком. Писать много я еще не в состоянии. Последнее мое письмо было тревожное. Вы теперь понимаете, что в нем уже есть нечто болезненное. Там вы увидите и всю слабость мою.

При этом письме вексель посылаю, пока что могу, а со временем будет и остальное. Плетневу я говорила непременно переговорить с Прокоповичем, у которого должны быть деньги по моим расчетам и сведениям, собранным у Иванова. На днях отосланы к вам по почте <сочинения> Тихона и Христианское Чтение за год. У М. М. Вьельгорского должны быть книги, прежде мною пересланные чрез французское посольство. Хочется мне послать вам слово Филарета по освящении храма в кафедральном Чудове монастыре. Оно коротенькое; замечательно своею актуальностью; очень умно отвечает западным притязаниям на первоверховность. Текст главный: «И Аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камне созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ее». Второй, на котором основано опровержение их притяжений, из Пос<лания> Ефес<еям>, IV, 11, 12, 15, 16; а собственно о первоверховности приводятся слова Григория Двоеслова из Пос<лания> к Евлалию Александрийскому: «хотя многие суть апостолы, однако в отношении <к> начальствованию единый престол первоверховного апостола возымел силу в общем уважении — единый в трех местах, ибо он возвысил престол, на котором почить и настоящую жизнь окончить благоволил, т. е. престол римский. Он украсил престол, на который послал ученика евангелиста, т. е. престол алекс<андрийский>. Он укрепил престол, на котором седмь лет восседал, хотя после

и отошел от него, т. е. престол антиохи<йский>. Единого, — продолжает с<вятой> Григорий, — и единый есть престол, на котором, по власти Божественной, три епископа председательствуют». В конце вот что мне понравилось: «Дело созидания Церкви вселенския превыше наших усилий и забот, хотя впрочем не должно быть чуждо для наших *молитв*: но есть часть сего дела, ближе касающаяся до каждого из нас и требующая полной заботливости нашей. Это — дело созидания той Церкви, о которой написал апостол: "Вы есте церкви Бога жива" — дело духовного созидания нашей духовной храмины, устроение спасения души нашей». Вы поймете по текстам связь. Передаю, как умею, и думаю, что для вас оно не без интереса.

Вышла вторая книжка Библиотеки для детей. Есть хорошая статья Грановского о Баярде, Редкина о Плинии Младшем и конец Рафаэля Шевырева. Шевырев не умеет писать для детей. Есть какая-то спесь слишком зрелого рассуждения и вместе детскости, а не простоты. Иногда как будто Одоевский, когда расшутился. А Баярд Грановского слишком пахнет la Plutarque de la jeunesse. Нет никакого применения возможного к нашим нравам. В его выполнении его Баярда в Тюльери мальчик jeune france лучше помнит, чем наши кадеты. Жду Москви<тянина>. Говорят, есть славная статья Кире<евского> о западных литературах.

В городе было расплясались, но траур опять всех погрузил в сон и скуку. Смерть эта, столько сближением разительная, погрузила двор в новое горе, возобновила столько тяжких воспоминаний. Импер<атрице> лучше; Государь, слава Богу, здоров. Вы понимаете легко, что *слава Богу* это мы все от глубины сердца и души говорим. В городе очень обеспокоились его нездоровьем. Назначение Воронова всем по нутру; все полны надежд, все царю благодарны. Ему в клубе готовят обед по подписке, а мы с вами помолимся за него, да даст ему Господь и силу, и правду, и разум, и глагол. Кавказ нам дорого стоит. За свои же грехи мы там своею кровью платимся. Ну, скажем или переведем русский *авось* на Бог поможет.

Прощайте, друг и брат. Отвечайте, пишите... Подумайте, не пора ли вам домой заглянуть. Я знаю, что не худо бы посмотреть, что делают частные лица вкупе; но скорым ли шагом идут? Дети здоровы; мне лучше, и вы будьте здоровы и телом и душою.

А. С<мирнова>.

908. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Рим. Февраля 12 <н. ст.>. 1845.

Я несколько опоздал отвечать вам на письмо от генваря первых чисел, а на днях получил письмецо, самое утешительное, от Александры Осиповны Смирновой. Не передаю вам его в оригинале, но посылаю ей подробный ответ чрез ваши руки. Прочитайте, оцензоруйте и пошлите немедленно по следующему адресу: в Петербурге, у Синего моста, в собственном доме.

На ваше письмо ответить нужно очень подумавши. Погодите, подождите, а покуда знайте, что у меня совершенно никого нет, кто бы ссудил деньгами, особливо такой значительной суммой, как мне нужно.

Чижов проедет чрез славянские земли в Россию; он тронется чрез три недели, сначала в Венецию. Он не будет в Петербурге к выставке академической и обещается мне, что, может быть, найдет покупщика для моей картины малого размера, за четыре тысячи ассигнациями, с тем чтобы деньги мне бы доставить вперед.

Это жалчайшее средство, может быть, и приму. Чтобы кончить картину малого размера, нужно ровно год, а в это время я не могу прожить менее четырех тысяч. Ведь тысячу рублей плачу я только за студию! Прикидываюсь Смирновой, что у меня денег совсем уже нет. Ведь к трем тысячам нужно будет прикладывать четвертую, чтоб продолжать труд. А просить четырех в год — уже совершенно руки у всех отвалятся со страха.

Моллеру отдам письмо ваше. Он уже три недели как в Риме. Все будет сделано по-вашему. Только одно я бы желал вам заметить, что верх картины «Преображение» гораздо меньше отделан, чем низ, или, лучше сказать, отделан на то расстояние, в каком зритель по необходимости находится, чтобы видеть снизу целую картину. Но одна голова Спасителя, без всего прочего, хотя бы вы вырезали ее из самого оригинала, не произведет никогда того действия, какое она там делает.

Моллер весьма доволен картинами Шаповалова на публичной выставке.

Совершенно вам преданный

Александр Иванов.

Мое почтение В. А. Жуковскому.

<Письмо А. А. Иванова к А. О. Смирновой от 12 февраля (н. ст.) 1845 г., приложенное к письму Н. В. Гоголю для пересылки А. О. Смирновой>

Глаза мои поправились, но совершенно здоровыми я их назвать не могу. Работаю по восьми часов в день. При таком положении можно бы надеяться, что картина подвинется вперед; но я эту зиму прохворал и теперь только поправляюсь. Забота о доставлении себе способов для окончания картины заставила меня на время отвлечься и заняться сочинением запрестольного образа в Храм Спасителя в Москве. Архитектор его Конст<антин> Андр<еевич> Тон весьма желает мне его поручить. Это, однако ж, тайна, которую знают только истинно мне преданные; может дело не состояться, а враги мои истолкуют все в мое посрамление. Чтобы сочинить мне образ Воскресения Христова, множество нужно сведений. Необходимо знать, как этот образ был понимаем Православной Церковью, когда еще религия не была трупом. Эти розыски сделает мне Ник<олай> Мих<айлович> Языков вместе с моим братом. Нужны советы живущих ученых отцов нашей Церкви. Здешний священник слишком мал, а римские с нами рознятся. Посреди сих забот я поджидал Тона в Рим и благодарю вас, что вы заботитесь доставить мне содержание для окончания картины.

Конечно, достаточно бы было вашего письма, чтобы оставить все другие пути, какие изобрела забота моя до его получения; но я еще увлекся сочинением Воскресения — не из алчности значительного задатка за образ, но потому, что двухмесячное чтение (во время болезни) церковных книг и постоянное в них вдумывание приучили мысли мои следовать в глубину нового предмета. Чтобы отдалить от меня все это, нужно время; я постараюсь оставить, но не вдруг. Тон должен приехать сюда; его хвалят как человека. Я ему обязан: он обо мне замолвил Государю Императору, и таким образом устроилось мое настоящее содержание, которым я до сих пор существую[1]. Боюсь сказать вам, сколько нужно времени, чтобы окончить мою картину; боюсь испугать вас, отнять всякую ревность обо мне хлопотать. Ведь нужно еще три года! Но если это вас останавливает, чтобы дочитать мое длинное письмо, то и два, и один год содержания уже подвинут мою картину на бóльшую степень окончания. Все-таки прожить

[1] *В черновом наброске письма было:* которого еще на год у меня достанет.

еще год в дивном стройном убеждении, что тружусь для успехов отечества, жертвуя довольством и удобством жизни, было бы для меня приятно, весьма приятно. Благодарю вас также за сведения о ходе наших художников в Петербурге. Многие из наших получили тоже известия, что на выставке был один из известных отцов нашей Церкви, что, смотря на картины Карла Брюлло, отдавал всю справедливость его таланту, *совершенно не находя в них никакого религиозного чувства.*

Десять лет, как у меня с Килем была небольшая неприятность; я полагаю, что он ее теперь не забудет выместить. Его скоро ожидают в Рим. Он сам что-то такое знает акварелью. Это дает ему право быть судьей опытных художников, которых он очень ласково приглашает переправлять свои акварели или, как он говорит, помогать ему. Горе отказывающим!..

Пименов ездил обвенчаться в Корфу с римлянкой. Он надеялся пожить в довольстве, рассчитывая оставаться всегда здесь и любить искусство в произведениях. Но не долго пожили в очарованиях: жене его назначено здешним правительством или оставить Рим, или быть заключенной навсегда в тюрьму, и Пименов двинулся с ней во Флоренцию, откуда скоро переберется в отечество. Вспомнит он не раз меня.

909. А. О. Смирновой

1845. Париж. Февраль 24 <н. ст.>.

Простите меня, прекрасный друг мой Александра Осиповна, за то, что давно не писал к вам. Но не я виноват; виновато было мое здоровье, которое расклеилось совершенно во Франкфурте в конце старого и начале нового года, вследствие этого мне велели сделать поездку куда бы то ни было для развлеченья и восстановления сил, расколебленных нервическими недугами. Не зная, куды направить шаги на такое короткое время, я отправился в Париж, единственно затем, что там были люди, близкие душе моей, надеясь, что просто развлечение и разговор с ними в силах разогнать всё и что это не более, как временная хандра. Но Париж, или, лучше, воздух Парижа,[1] или, лучше, испарения воздухов[2] парижских обитателей, пребывающие здесь наместо воздуха, помогли мне не много и даже вновь расстроили приобретенное переездом и дорогою, которая одна бывает для меня

[1] воздух Парижа наполня<ется>

[2] собственных воздухов

действительнее всяких пользований. С Вьельгорскими я видался мало и на несколько минут. Они погрузились в парижский свет, который исследывают любопытно вместе с Лазаревыми, чему я, впрочем, очень рад. Рассеяние им необходимо нужно, как графине-матери, так и графине-дочери. Они равно наклонны к хандре, а в Париже, при его сером, гадком климате, весьма легко предаться тому, если не ведешь жизни сколько-нибудь в парижском духе. Я, однако же, провел эти три недели совершенным монастырем, в редкий день не бывал в нашей церкви и был сподоблен Богом и среди глупейших минут душевного[1] состояния вкусить небесные и сладкие минуты, за что много и много благодарю. На днях, то есть через два дни с небольшим, еду во Франкфурт, где оставил начатое, но прерванное недугами длинное и большое письмо к вам по поводу разных объяснений и дел, как прозаических, так и душевных. Приехавши во Франкфурт, допишу его и отвечу на кое-что из ваших писем, а вы не глядите на то слишком строго, что я не так часто пишу к вам, как бы сам хотел. Скажу вам только то, что всякое слово вашего письма мне дорого, как слово родного брата (а родство это идет от Самого Христа), и всякая строчка вашего письма глядит[2] тем родством, каким не глядит земное родство, и все те места ваших писем, где только изливалась и где изливается и выказывается ваша прекрасная и страждущая душка, целую душевным поцелуем, целуя и самое страдание, ее искушавшее, моля внутренно Бога о превращении его в небесное вам наслаждение. Чего ж вам больше? Хотя я и не отвечаю вам иной раз словами, но душа отвечает. И ничто не пропадает в ваших письмах безответно. Итак, знайте это и никогда не уставайте писать ко мне: это обоюдно нужно нам. А обо мне помолитесь, и помолитесь крепко и сильно; здоровье мое слабеет, и не хватает сил для занятий. Молитесь, чтобы помог Бог мне в труде, уже не для славы и не для чего-либо другого предпринятого, но в Его святое имя и в утешенье душевное брату, а не в увеселение его. Я вижу ощутительней, что климат в Германии не так для меня благотворен, как в Италии. Большая разница во всем. А потому,[3] полечившись лето на водах холодных или морских, я думаю на зиму (будущую) отправиться в Италию и оттуда, уже не откладывая надолго, ехать в Иерусалим, чувствуя, что там только

[1] душевного свое<го>

[2] род<ством> глядит

[3] а потому, если

обрету полное выздоровление. Покаместь скажу вам[1] на один пункт вашего письма, именно о деньгах. Скажу вам, что мне крайне тяжело брать у вас. Я просил у вас, основываясь на ваших словах, что у вас лежат деньги для меня, данные вам на случай, когда я буду находиться в нужде, кем — вы умолчали и не сказали имени; рассчитывая это, я попросил твердо, ибо кто так благороден, что скрыл свое имя, помогая, от того[2] можно твердо взять деньги: такие деньги берутся прямо, от кого бы они ни были, хотя бы от такого человека, которым бы мы никак не хотели одолжиться; в таком случае не исследуется даже и имя давшего, а стремятся за него душевные, искренние молитвы. Таким образом если даются деньги, то уж, верно, даются ради Христа и в Его имя, а не для того, чтобы быть вправе напомнить получившему,[3] что мы его облагодетельствовали, или укорить его в неблагодарности, как поспешно и грубо привыкли делать даже лучшие из нас. Итак, эти[4] деньги, о которых вы говорили мне как о положенных для меня и вам врученных, я считал или делом любви ко мне, не рассчитывающей на какие-нибудь условия, или <они> истинно христианская, ради Самого Христа данная мне помощь для продления жизни моей. Теперь, по обещанию вашему прислать мне тысячу, как только успеете собрать, и по словам вашим, чтобы я надеялся на вашу помощь и впредь, я вижу, что эти деньги ваши, и мне страх жалко взять их у вас, мой добрый, прекрасный (и увы! небогатый деньгами) друг мой! Если вы мне вышлете эту тысячу, я ее возьму и не отправлю назад, но только и возьму от вас одну ее. И объявляю вам вперед, что сверх ее я не приму от вас ничего.[5] Друг мой, вы сами посудите, рассмотревши хорошенько ваше собственное положение и разнообразные ваши обязанности, прав ли я и можно ли мне брать у вас. Но довольно. По поводу этого поговорим после, а теперь спешу отправить письмо, чтобы вас не тревожило молчание. Сейчас получил письмо от Иванова и при нем письмо к вам, которое он просит прежде процензоровать мне самому, а потом отправить вам. Но я отправляю вам с тем, чтобы вы сами и процензоровали его.

Прощайте. Обнимаю вас от всей души.

Ваш вседушевный друг Гоголь.

1 скажу вам, что
2 у того
3 получившему о том
4 гд<е> эти
5 ничего бо<лее>

<*На обороте:*>

A Pétersbourg. Russie.

Ее высокородию Александре Осиповне Смирновой.

В С.-Петербурге, на Мойке, близ Синего моста, в собственном доме. En Russie.

910. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Середина февраля (н. ст.) 1845. Рим>

Вчерашний день получили мы, т. е. я и Чижов, известие, что вы находитесь в Париже и оттуда приедете в Италию. Я послал на днях к вам во Франкфурт весьма важное письмо — ответ свой А. О. Смирновой. Зная из многих случаев, что вы не довольно аккуратно поступаете с письмами во время отъездов, спешу вас о сем уведомить, прося покорнейше наказать кому-нибудь из ваших знакомых во Франкфурте — и мое письмо к вам переслать.

Сделайте одолжение, не замедлите также послать мое письмо Смирновой, особливо если вы там ничего не найдете, вас останавливающего. У меня вся надежда на нее. Мы ждем здесь Тона из Парижа, со дня на день. Киля еще нет. Как бы мне хотелось, чтобы без его соприкосновения к моим делам могло бы устроиться мое положение! Право, сил нет ласкаться у сатаны, чтобы он не мешал видеть свет Божий. Чижов уезжает в Венецию через день непременно.

911. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Середина февраля (н. ст.) 1845 г. Рим>

Ф. А. Моллер пишет к вам. Пользуясь сим случаем, я вас извещаю, что послал к вам два письма: одно во Франкфурт, а другое вчера, в Париж. Здесь Тон и г-жа Жеребцова. Она сегодня была у меня в студии и осталась очень довольна моим трудом. Что дальше будет, обо всем вам уведомлю. Сходите, пожалуйста, в Париже к издателю Библии, называется он S. Cahen, а живет в Rue Pavéz, № 1 — это где-то далеко, говорит Чижов, а прежде справьтесь у книгопродавцев Treuttel et Wurtz: вышел ли последний том этой Библии, то есть: Эсфирь, Иов, Псалмы, Притчи, Экклезиаст и Песнь Песней? Прочие пятнадцать томов все уже имею и читаю. Чрезвычайно любопытное издание. Очень буду жалеть, если не буду иметь его полного. Если этот последний том вышел, то пришлите его на имя Скарятина, первого секретаря посольства в Риме.

912. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<12 февраля 1845. Москва>

Горячими слезами облил я письмо твое, любезный друг! Благодарю, благодарю тебя за твое благодеяние. И всякой раз плачу, как его перечитываю. Хотел ответить тебе в тот же день, хотел передать тебе свои ощущения и до сих пор никак не могу. Да, друг мой, несчастие поучительно. Успокоясь, сообщу тебе, что со мной делается. Теперь прощай! Благодарю, благодарю тебя еще раз и обнимаю крепко.

Твой М. Погодин.

Дети здоровы.

Моя нога несколько покрепче ступает, но без костылей не могу.

Что Василий Андреевич? Мы слышали, что он болен. Сохрани его Бог.

Сколько доставило мне сладких удовольствий письмо его к Государю.

Февр<аля> 12/24. 1845.

913. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

<1 марта (н. ст.) 1845. Париж>

Любезный Николай Васильевич!

Я все о вас думаю и провожаю вас мысленно по вашей дороге, стараясь вообразить себе, какая у вас теперь физиономия, куда вы смотрите, что думаете и играете ли усами или просто сидите с сложенными руками, с полузакрытыми глазами, несмотря ни на что и не думая ни о чем? В такую погоду, как у нас сегодня, и особливо по такой скучной дороге, как та, по которой вы теперь едете, лучшее средство приятным образом провести время, это спать, и я надеюсь, что вы в эту самую минуту нимало ни о Париже, ни о Толстых, ни о нас не думаете, а просто спите и даже не видите нас во сне. Зато когда во Франкфурт приедете, вы хорошенько о нас подумаете и сейчас станете нам писать, чтоб известили нас, каким образом вы ехали, и приехали, и как вас приняли, и как вы чувствуете себя, проч. и проч. Нынешний вечер мы проводим у Толстых, как мы вам обещали, и будьте уверены, что все прочие ваши просьбы будут исполнены. Завтра, как буду у обедни, вспомню о вас и закажу также молебен. Лазарев очень сожалеет, что вас не видел. Я им всем сделала вашу комиссию.

Прощайте, любезный Николай Васильевич. Ведите себя хорошо, а то мы вас не будем любить, то есть будьте здоровы, и мы постараемся со своей стороны удовлетворить вас.

Маменьки дома нет. Прощайте. Христос с вами.

Анна Михайловна.

Париж, 1-го марта.

Сию минуту получили мы известие из П<етербурга>: слава Богу, все здоровы, и Софья Михайловна сердечно вам кланяется. Владимир Александрович собирается в К<ишинев>.

Будьте здоровы и веселы. Всем прошу от меня поклониться.

914. Ф. Н. Беляеву

<5 марта (н. ст.) 1845. Франкфурт>

Повторяю вам еще раз (чтобы вы не задавали себе двойной работы и труда), что мне Литургия Василия Великого нужна только на латинском. Если ж разберет вас до такой степени неугомонное желание написать и на греческом, то не пишите в два столбца, но постранично, т. е. на правой странице греческ<ий>, на левой латинск<ий>, а формат чтобы был не больше сей осьмушки, на которой пишу вам эту записку. Попросите также священника нашего, поблагодарив его еще раз за все ласки, чтобы он списал для меня собственноручно стихи Филарета в ответ Пушкину и на том же самом листочке почтовой бумаги небольшую выписку из книги, которую я у него брал за день до моего отъезда и в которой собраны некоторые статьи относительно богослужения. Из этой книги я прошу у него выписать о фимиаме и кадиле. Заглавие статьи, кажется: *каждение,* а объем ее: печатная страница[1] с хвостиком. Это весьма удобно может быть мне переслано в письме или им, или вами, или графом Толстым. Затем будьте здоровы.

Желающий вам искренно всего доброго

Г<оголь>.

<На обороте:>

Федору Николаевичу Беляеву.

915. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским

5 марта <н. ст. 1845. Франкфурт>.

Уведомляю вас, что приехал я благополучно и что, несмотря на хворость мою и на дорогу, не очень завидную, и на три ночи

[1] *Далее начато:* пет<ита?>

с четырьмя[1] днями, проведенными в дилижансе, не изнурился, и временами было так на душе легко, как будто бы ангелы пели, меня сопровождая. Кто-то, видно, сильно обо мне помолился… И хотя можно сказать, что до Франкфурта добрался один только нос мой да несколько костей, связанных на живую нитку жиденькими мускулами, но дух бодр, и во мне пребывает живая надежда, что если так же сильно обо мне помолятся, и еще крепче прежнего, то вместе с здравием духа воздвигнется и телесное мое здравие. Будьте же тверды и светлы душой, мои обе прекрасные графини, не забывайте меня. После буду писать больше, а теперь покамест поцелуйте за меня по пяти раз свои собственные ручки.

Ваш Г<оголь>.

Сейчас получил ваши строчки из Парижа, писанные в самый день моего отъезда. Поцелуйте за них еще раз свои собственные ручки.

<На обороте:>

Графиням Вьельгорским.

916. Графу А. П. Толстому

5-го марта <н. ст. 1845. Франкфурт>.

До Франкфурта добрался благополучно, хотя на четвертый день и притом поздно вечером, а потому и пишу к вам уже на другой день. В расстоянии двенадцати часов от Парижа я встретил зиму со снегом, которым издавна <?> были покрыты постоянно все поля, а подальше мороз. Во Франкфурте постоянно с первых чисел генваря держится снег и солнце. Немцы жуируют на санках. У Жуковского в доме всё благополучно. Здесь застал я для меня книги весьма нужные, присланные мне Ив<аном> Петровичем; но от него ни строки; каким путем они дошли, того не знаю. Дорога меня (несмотря на то, что погода была не очень завидна), кажется, подкрепила. Итак, смотрите же, молитвы обо мне никак не отлагайте. Молитесь сильно и крепко, молитесь, чтобы Бог не отлучился от меня ни на минуту и чтобы услышал молитвы, усиливая силу молений их: вы не будете от этого в убытке. Всё же, что ни говорил я относительно Великого поста и предстоящих вам подвигов говения и пощения, выполните с буквальною точностью, как бы она ни казалась вам ненужною или не идущею к делу. Наложите также на себя обет добровольного воздержания в *слове* во всё продолжение этого времени,

[1] *В подлиннике:* четыремя

а именно: 1) говорить более с *дамами,* нежели с *мужчинами,* 2) в разговоре с мужчинами, о *чем бы* то ни было, старайтесь заставлять их говорить, а не себя, 3) не спорить ни о чем сильно и не обращать никого в православие, ибо для того, чтобы обратить кого, нужно прежде самому обратиться, а для того, чтобы спорить в чем-либо сильно, нужно быть слишком самонадеянну и уверену в уме своем, умеющем видеть одну только правую сторону вещи. То и другое во время Великого поста может оказаться похожим на что-то слишком чуждое смирению и будет останавливать ежеминутно крылья души вашей, готовые распрямиться к возлетанию от ревностного исполнения поста. Не пренебрегите же и этими мелочами и выполните послушно, как ребенок, как ученик, как в монастыре умный монах нарочно подчиняется глупейшему, дабы на время уметь покориться.

Пишите как можно чаще ко мне во всё время Великого поста. Помещайте в ваших письмах статьи, результаты разговоров, слушаний, чтений и, наконец, результаты душевные ваши и молитесь сильнее и крепче обо мне грешном.

Весь ваш Гоголь.

Графине душевный поклон.

Прилагаемую записку передайте графиням и уведомьте меня, как часто с ними видитесь и о чем говорите. Видеться с ними почаще вам *нужно.* Познакомьтесь еще с графинею Сиркур и дайте мне сведение о ней, точно ли она так умна, как говорят, в каком роде ум и в такой ли степени, как говорит Тургенев. Еще перешлите это небольшое письмо Беляеву с Жозефом, он знает его квартиру. Жуковский вам искренно кланяется. Четыре дня назад тому он отправил вам два моих письма, возвратите их немедленно во Франкфурт по известному вам адресу в особом пакете с присоединением вашего собственного. Скажите еще, отчего вы вручили мне деньги вдвойне против тех, которые мне следовали? По ошибке ли или же по предположению, что мне в них будет настоять нужда? Я обсмотрелся и увидел это только во Франкфурте, а, принимая от вас в Париже, не сосчитал.

Впрочем, об этом поговорим при первом между нами последующем свидании.

<*На обороте:*>

A Paris. Son excellence M<onsieur> le c<omte> Alexandre Tolstoy.
Rue de la Paix. Hotel Westminster, № 9.

917. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<17 февраля 1845. Москва>

Спасибо тебе за похвалы, которыми ты награждаешь меня за мое стихотворение «К ненашим». Получил ли ты другое в этом же роде — послание к К. С. Аксакову? Оба эти мои детища наделали много разных сплетней и разъединений в обществе, к которому и ты принадлежал бы, если б ты был теперь в Москве, т. е. в том кругу, где я живу и движусь. Некие мужи важные и ученые, старые и молодые, до того на меня рассердились, что дело дошло бы, дискать, до дуэли, если бы сочинитель этих стихов не был болен. Вот каково!! Страсти еще волнуются и кипят, а мои грозные сопостаты удовлетворяются тем, что пересылают мои стихи в Питер, в «Отечественные Записки», где меня ругают как можно чаще, стихи мои пародируют и печатают эти пародии. Само собою разумеется, что эти на меня устремления и этот беззубый лай нимало не смущают меня и что я продолжаю свое. А. Ив. Тургенев бранит меня за стихотворение «К ненашим», полагая, что оно писано против петербургских журналистов. Совсем нет! В нем идет речь о здешних, московских особах, которым не нравятся лекции Шевырева, и потому они и лгут и клевещут на него во всю мочь — они, которых вся ученость ограничивается берлинскими их тетрадками и все личное достоинство их поддерживается в глазах так называемого большого света только их презрением ко всему отечественному, чего они вовсе не знают и знать не хотят!

Вышел 1-й № «Москвитянина», № отличнейший, полный дела, добра и славный! Ты, ежели будешь во Франкфурте, увидишь его, и напиши мне, что об нем подумаешь. Куда же ты едешь из Парижа? Я не знаю, как быть мне теперь с книгами, для тебя у меня готовыми. Граф И. П. Толстой уехал в Петербург и там пребудет! Погодин собирается в Иерусалим; на второй неделе Великого поста он пустится отсюда, а на последней будет говеть у Гроба Господня.

Посылаю тебе еще одно мое стихотворение под стать к двум первым; ты догадаешься, к кому оно относится, не давай его списывать: на меня и за него есть гонение — и еще какое? самое неотразимое! — дамское!

Я еще не знаю моей судьбы на наступающую весну: может быть, что меня опять пошлют на воды, хотя нынешняя зима, так,

как и прошлогодняя, мне гораздо сноснее всех прежних заграничных. Но мне все-таки хочется больше.

Прощай покуда. Будь здоров.

Твой Н. Языков.

Февраля 17 дня. 1845. Москва.

918. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Москва. Февраля 25 <1845>.

Вот уже вступаем в пост. Дай Бог провести оный в должном умилении. О Всемилосердный, не остави нас и настави творить по воле Твоей святой. Николай Михайлович сказал, получил от вас из Парижа и собирается к вам писать во Франкфурт — не хочу ли я к вам писать. Пользуясь его предложением, несколько строк напишу, чтобы поздравить вас с днем рождения, верно, сие к 19 марту до вас доберется, да благословит вас Господь и сей новый год и все дни вашей жизни проводить в чувствах, доставляющих блаженство, коим наслаждаются все, покорившие свою волю — воле Отца Небесного. С завтрешнего дня думаю говеть — и, если Господь сподобит, приобщиться Святых Таин. Всегда о вас, мой друг, помню, Бог это видит, а в сию блаженную минуту особеннее как-то вспоминается, да спасет вас Господь и наставит, и поможет идти[1] путем, Ему угодным. Более писать нечего, о себе на сей раз приятного не имею. Это время вот уже пятая неделя как-то нелегко; внук Якушкин был очень болен, и мать его занемогла и до сих пор в постеле, и очень страдает от боли в боку. Прощайте, мой милый друг, обнимаю, благословляю вас, вручаю Богу, молю Его, как только умею, да не оставит Он вас Своим Отеческим Покровом, а с Ним повсюду хорошо и отрадно. Прощайте, до смерти с одинаковым чувством пребуду вам с дружеством предана

Н. Шереметева.

У Аксаковых дочь все больна, ничего не лучше, а к этому еще новое у них горе, у Сергея Тимофеевича глаза очень болят. От них слышала, что Погодин собирается в Иерусалим, чтобы Страстную неделю там быть. Помоги ему Господи свершить благое намерение. Можно порадоваться его благополучию. Еще прощайте, мой друг. Знайте, пишу ли к вам или молчу, а всегда пред Господом о вас с любовию вспоминаю, да Он вас не покинет и поможет хранить душу в спокойствии. Христос с вами!

[1] *Далее было:* Ему

Прошу вас Василью Андреевичу сказать о дружеской моей преданности. Дай Бог, чтобы он с семейством своим был благополучен. Вас еще благословляю.

<*На обороте:*>
Николаю Васильевичу Гоголь.

919. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Петербург, 1 марта 1845 г.

Мне вчера особенно по вас взгрустнулось, любезный Николай Васильевич, вгрустнулось до слез. Я сбиралась вам писать, а теперь, слава Богу, отвечаю. Ваше долгое молчание меня беспокоило, а третьего дня Софья Михайловна мне сказала, что вы больны и в Париже. Я легко верю, что там никак не могло вам сделаться лучше. Серое, грязное небо, улицы еще грязнее, суетливый шум и какая-то пустота неизъяснимая среди этого движения, которое называют жизнью. Париж на меня также странно и неблагодетельно подействовал, а я была в самую прелестную весну. Если бы не солнце, я бы совсем погибла. Отчего так свободно и легко дышится, мыслится и чувствуется на развалинах милого Рима, и зачем вы его покинули? Вы как-то сжились с ним. Да, там иногда даже веет Малороссией, в тишине и пространстве Кампании, особенно при захождении солнца. Там есть что<-то> успокоивающее, убаюкивающее душу, а в Париже она как-то недоумевает и терзается; мирскими заботами ее забрасывает как волнами; а в наши лета душа жаждет покоя. Впрочем, Жуковский вам мог быть нужен, если точно вы намеревались подвигнуть дело вперед. Может быть, самый переезд из Парижа поправил вас, и вы с новыми силами приметесь за подвиг. Ведь я нахожусь в совершенном незнании ваших занятий, а потому я не могу никак дать вам никакого совета касательно вашего житья-бытья. Мне чувствуется, что вам надобно бы приехать в Россию на лето. Вместо этого вы хотите пить какие-то воды. А я, право, вам не советую: трудно определить, какие воды вам помогут. Если просто лечение Присница, то я вам скажу, что Аркадий, прожив там 4 месяца, не нашел никакой пользы и бранит водяное лечение на все четыре стороны. Ханыков упрекает его, говоря, что он не довольно долго там оставался: сам он там прожил 9 месяцев. Представьте себе, как вы одни, при вашем нервном расстройстве, при той потребности, какую вы имеете приютить сердце и душу в каком-нибудь семействе, как вы будете скучать и сиротствовать в Грефенберге.

Аркадий говорит, что вообще там чувствуешь свежесть и бодрость после первых ванн, но что потом реакция очень сильна и слабость еще усиливается. Словом, после четырех месяцев мучений и скуки он, вернувшись сюда, обратился к Манджу. Ханыков доволен Присницем до сих пор, но продолжает еще купаться, бегать и пить воду, соблюдает диет такой, который вы не в состоянии соблюдать, и убежден (на что и я упираю), что если лечиться гидропатически, то непременно у Присница, и сохрани вас Бог ехать в Бопорт или в Лаубах, где доктора шарлатаны и наобум лечат. Другое дело искупаться в море; на это я даю вам свое благословение. Но какое-то внутреннее убеждение мне говорит, что вам бы не худо заехать домой, повидаться со мною, заехать и в Москву, а там уже на зиму в Италию. Мне кажется, что вы своим приездом сделаете даже добро своим друзьям, а тут всегда бывает обоюдность, и они вам помогут. Уже наши ласки, изъявление участия и уверенность за вас — вас ободрят. Мы так слабы и так тесно связаны друг с другом, что как бы ни уединялись и ни устраняли себя от человеческого пособия, невольно и при твердом уповании на Бога, чувствуем еще нужду в участии собрата. Так я по крайней мере чувствую и принимаю всегда с благодарностию малейшие доказательства дружбы. Ах, душа, душа! сколько в ней силы и вместе слабости! Моя не переставала скорбеть все это время. Отчего и почему — не спрашивайте, потому что у меня нет силы и уменья пересказать ее состояние. Впрочем, Фенелон говорит: «Quand nous n'aurons plus à souffrir, nous n'aurons plus à vivre». Следовательно, вся жизнь ему представлялась как длинное мучение. Если вы молитесь за меня, просите для меня того, что более всего и нужно, — той любви, которой у меня нет. А я для вас прошу бодрости души, да даст вам Бог бодренным сердцем и трезвенным духом перейти всю настоящего жития нощь. Если точно душа ваша чувствует потребность увидеть Иерусалим, верьте ее предчувствию, но ради нас, не оставляйте вы совсем своих занятий: легко и тут увлечься — оставить всякую полезную деятельность. Мне как-то делается за вас иногда страшно: смотрите, не скройте своего таланта, то есть того, настоящего, вам Богом данного *не даром*. Не оставьте нам только первые плоды незрелые, или выходки сатирические огорченного ума. Многие видят в вас даже человека желчного, озлобленного, судя по первым вашим сочинениям. Признаюсь, я улыбнулась, когда передо мной высказали эту ересь на ваш счет. Но для тех, которые вас лично не знают — понятно, что они так перетолковывают ваш

смех. Но я, зная, что у вас в душе кроется, вправе желать и требовать от вас продолжения трудов ваших. Вы должны показать наконец и любовь вашу. Любовь уже есть доброе дело, а́ — «да светят добры дела ваши пред человеки». Не оставляйте за собою недоуменье или хулу: этим вы не искупите гордости, славолюбия, в котором, вероятно, себя упрекаете. Вам дано Богом оружие, и пока оно не притупится, вы стойте sur la brêche, и потому не тревожьтесь духом и продолжайте начатое дело; силы прийдут, если вы их пожелаете сильно.

Пожалуйста, не беспокойтесь насчет способов существования и не спрашивайте, каким образом я все это устраиваю. Это дело мое, а ваше — молиться за того, кто их дает. Вы теперь у меня в руках; три раза в год будете получать по 1000 рублей, а может — и тысячу серебром просто в год; мне только надобно всегда знать, куда их пересылать. Это все меж нами, а вы не должны сметь беспокоиться: нас Бог рассчитает. Деньги у меня есть, я их ни у кого не отнимаю, сама их не лишаюсь.

Довольно. Сегодня я была у первой преждеосвященной обедни в зимнем дворце. Солнце обливало ярким светом золотой иконостас, приятные голоса пели «Да исправится молитва моя»; я вспомнила вас. Я буду говеть на последней неделе. Может быть, в первую бы лучше, но я люблю всю службу Страстной недели и ожидание Светлого праздника.

Счастливые роды Наследницы, вероятно, благодетельно подействовали на царское семейство. Вчера меня звали во дворец, но головная боль мне помешала ехать к Импер<атрице>. Они опять стали ко мне привыкать и зовут меня чаще. Там всегда мне хорошо, потому что я их искренно и нежно люблю. Хотя биение сердца теперь уже никогда не перестает у Государыни, она сильнее телом и гораздо бодрее, все так же одинаково добра и мила, простосердечна и вместе так женски умна. Государь приметным образом поправился. В городе начались было танцы, но смерть великой княгини вся приостановила. На последних днях был бал у посла австрийского, где и ваша покорная слуга явилась, после двухмесячного заточения по причине коклюша. Маскарады нынешний год помещались с тщанием; мне доходили кое-какие слухи. Страсть к итальянцам выразилась наконец доказательствами материальными и увенчала себя в своей пошлой глупости. Высший круг, имена самые звучные, подписались на венец для Рубини золотой с бриллиантами. Брали по 15 р<ублей> сер<ебром> с дома. А кто же собирал? Александр Карамзин. Другие решили, что надобно

увенчать и госпожу Виардо, которая, по мнению моему и многих других, очень посредственная певица, решились по подписке и ей сделать подарок; а второе общество, по сродному ему обезьянничеству, по подписке поднесло госпоже Албони богатые серьги. Один чувствительный человек нашел, что не надобно обидеть Тамбурини, и поднес ему серебряную кружку. Итог этих даров простирается до 12 тысяч, а итог глупости вы подведите сами. Прибавляю только, что в западных губерниях мрут с голоду и что только заботою Государя там кормят крестьян. Я, впрочем, это так только, вскользь говорю: в душе моей такое обессиление, что я даже живо сердиться не могу на такие глупости. Может быть, это и хорошо, что во мне меньше бесстрастия в суждениях; но не высказать своего мнения я не умею, потому что я всегда говорю то, что думаю. С Александром Кар<амзиным> я по сему случаю спорила, но убедилась, что напрасно, и потому убегаю всех споров. Но Боже, Боже! как мне скучно в обществе! как часто я чувствую совершенную невозможность поддерживать разговор! а между тем как живо чувствую, что есть и должна быть между людьми точка сочувствия душевного и умственного, которая сближает и рождает вечный интерес! Сойтись искренно могут только те люди, у которых сильное убеждение душевное одно, которые как будто одними и теми глазами видят. Это выражается тем невольным влечением, которое чувствуешь к некоторым лицам, и той невольной принужденностью, которая рождается даже в беспрестанных сношениях с некоторыми людьми. Отталкивать никого не надобно, но часто никогда не выждешь минуты сближения, и всегда остается пропасть меж нами и ими.

Я слышала от Убри, что Василий Андреевич все еще хворает. Вяземский и все мы просим вас подробно и обстоятельно известить нас о его состоянии. Поговорите с Коппом. Он, давно зная Жуков<ского>, может сказать вернее, точно ли здоровье его возбуждает беспокойство. Зачем бы не съездить ему в Рим? и зачем так озабочиваться ему способами денежными? Я думаю, что наследник, в случае нужды, охотно вызовется ему помочь. Но слава Богу и благодаря Государя, он может путешествовать собственными своими средствами.

Получили ли вы книги, посланные по почте? получили ли вы те, которые я послала чрез фр<анцузское> посольство Михаилу Михайловичу. Да или нет? В 1-м номере «Москвитянина» за 1845 год есть очень хорошая статья Киреевского о современной литературе. Зная его, вы знаете сущность его мысли и направление

собственно мысленное. Слова его оправдаются, вероятно, не скоро, но, конечно, оправдаются, хотя и предвидеть трудно, в какой форме восток себя покажет. Первая часть его статьи развивает состояние немецкой философии, разногласицы разных исповеданий, наконец, разногласицы приверженцев всякой системы между собою, плоды непременно свободы разума, отвергающего всякую ограниченность. Где же середина меж заблуждениями гордой национальности и слепой покорностью к обветшалому слову, которое потеряло свою соль в руках честолюбивого папизма? Где сохранилась, однако же, та соль, которая все осолит в свое время? Это в руках Божиих, а нам дай Бог силу и терпенье.

Шевырева лекции посещаются многочисленной публикой, как видно из «Москвитянина». Плетнев у меня бывает редко. Кажется, от Прокоповича и не добился никакого толку. Прощайте. Пишите, когда можете. Ваши письма мне истинную пользу приносят. Я теперь читаю Максима, О любви, всякое слово заглядывает в глубину душевную. Дети, слава Богу, здоровы. О Оленьке читают вслух по-русски, по воскресеньям же идет чтение Евангелия после обедни. Софья Михайловна в благодатном состоянии, из которого ее сестрица только что вышла, родив дочь на днях. Она не так здорова и не выезжает. А супруг ее поживает кое-как, из пустого в порожнее переливая. Проку от него, кажется, не дождаться. Я мало расспрашиваю их, вижусь довольно редко с ними и никакого влияния не имею. Аркадий вам кланяется.

А. С<мирнова>.

920. Н. Н. Шереметевой

1845. Франкфурт. 14 февраля <14 марта н. ст.>.

Благодарю вас, добрый друг, за ваше письмо, писанное ко мне в Париж. В Париж я ездил единственно затем, чтобы сделать куды-нибудь дорогу, и покаместь был в дороге, по тех пор чувствовал себя лучше, чем во Франкфурте. Приехавши в Париж, начал опять прихварывать. Впрочем, я провел время хорошо. Был почти каждый день в нашей церкве, которая хороша и доставила мне много утешения, и виделся только с одними близкими, немногими, но прекрасными душами. Дорогой из Парижа во Франкфурт я опять чувствовал себя хорошо, а приехавши во Франкфурт, вновь дурно. Друг мой, помолитесь как обо мне, так и о бедном моем здоровьи. Я же покаместь вывожу то заключение, что мне нужна дальняя дорога, и не есть ли это знак, что

пора, наконец, отправляться в тот путь, ради которого я выехал из Москвы и простился с вами, о котором и первоначальная мысль была, без сомненья, Божьим внушеньем. А потому помолитесь прежде всего, друг мой, о моем здоровьи. Ибо, как только поможет Бог мне дотянуться до будущего года, то в начале его и не откладывая уже на дальнейшее время, отправляюсь в Иерусалим. С нынешнего лета или осени отправляюсь в Италию, с тем чтобы оттуда быть наготове сесть на корабль. А вы молите Бога, чтобы ниспослал мне силы совершить это путешествие так, как следует, как должен совершить его истинный христианин. Молитесь об этом заране, чтобы Бог приготовил к тому мою душу и чтобы не оставлял меня отныне ни на миг. Так нужно мне Его беспрерывное присутствие, да и кому оно не нужно? И помолитесь о моем здоровьи, которое так плохо, как я давно не помню. А я <за> вас молюсь и молюсь о том, чтобы Бог услышал все ваши молитвы.

Ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

921. Н. М. Языкову

Марта 15 <н. ст. 1845>. Франкфурт.

Пишу к тебе из Франкфурта, где нахожусь уже почти две недели и где чувствую себя совсем нехорошо. Странное дело: покамест был в дороге, чувствовал себя лучше; как только остановился на месте, вновь хуже. Жуковский тоже был болен, но, по крайней мере, теперь чувствует себя лучше. А я наоборот.[1] Изнурился как бы и телом, <и> духом. Занятия не идут никакие. Боюсь хандры, которая может усилить еще болезненное состояние. Писем от многих давно не получал. В том числе и от Аксакова. Во Франкфурте зима постоянная и продолжается до сих пор. Повсюду снег. После Парижа, где теплые дожди, мглистая слякоть и черная земля остается обнаженной от снега, это видеть как-то стра<нно>. Немцы не запомнят такой сильной зимы. Прощай. Я еще ни на что не решился, еду советоваться к Коппу (Копп тоже болен, а потому не выезжает). Хочу узнать, что он еще скажет: куды мне пока лучше переезжать, в зной или в холод. Странно, что я зябну и не могу согреться в самой теплой комнате. Не забывай меня и пиши почаще. А между тем помолись в душе

[1] *Далее начато:* И что всего хуже, мало вижу средств к развлеченью духа

о моем выздоровлении.[1] Книги, отданные тобою графу Толстому, получил в исправности и благодарю за них много. В пакете, присланном от граф<а> Толс<того>, находятся Св. Отцы за 1843 и 1844 г<оды>, толкова<ние> на Св. П<исание> Амвросия. Он же прислал мне сочинен<ия> Дмитри<я> Ростовск<ого>, о которых я его просил и за которые поблагодари его очень, когда увидишь.

При сем письмо Надежде Николаевне.

Весь твой Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве, в приходе Николы Явленного, в Серебряном переулке, в доме Шидловской.

922. А. О. Смирновой

Франкф<урт> s/M. Февраля <марта> 15 <н. ст.> 1845.

Приехавши во Франкфурт, я застал ваше письмо, бесценный друг мой Александра Осиповна, и с ним вексель. Благодарю вас за то и за другое и вновь повторяю вам: мне не нужны деньги, не присылайте мне ничего сверх посланных. Вообще не беспокойтесь насчет средств моего существования; мне было гораздо труднее прежде доставать денег, чем теперь. Не думайте также, что, говоря иногда: «Будут деньги», я говорил это в твердой уверенности на Бога. Нет, в грешной душе моей недостает столько веры. Я говорил это вследствие[2] соображений просто арифметических: складывая цифры мысленно, я говорил вам гласно сумму. Да и подумайте, точно,[3] статочное ли дело, чтобы меня допустили теперь погибнуть с голоду: я теперь нужен другим, а потому другие сохранят меня. Притом, слава Богу, во мне теперь всё почти умерло то, что почитается извинительным честолюбием и гордостью. И, как нищий, я могу теперь попросить у первого поперечного, в уверенности, что заплачу ему, если не самым делом, то искренними молитвами. Притом для путешествия моего в Иерусалим я могу собрать вдруг себе деньги, а это самое главное. Но меня мучит теперь другое: меня мучит плохое состояние моего здоровья, которое, признаюсь, никогда еще не было так плохо. Одна только поездка и путешествие как будто помогает. От переезда в Париж я почувствовал себя лучше; приехавши

[1] *Строчкой ниже зачеркнуто*: твой Г.

[2] просто вследствие

[3] также

в Париж, почувствовал хуже. Переезд из Парижа во Франкфурт вновь помог мне. Неделю проживши во Франкфурте, я вновь почувствовал хуже. И всё во мне до такой степени расклеилось, что не знаю, чему и приписать. Я дрожу весь, чувствую холод беспрерывный и не могу ничем согреться. Не говорю уже о том, что исхудал весь, как щепка, чувствую истощение сил и опасаюсь очень, чтобы мне не умереть прежде путешествия в Обетованную землю. А потому прежде всего помолитесь, друг мой, о моем здоровьи, и помолитесь сильно. Крепко, как можно крепче. Богу всё возможно, и на Него только Одного моя надежда, а медицина никакой никогда еще не делала пользы мне, тем более теперь. Хотя, впрочем, я готов ехать даже к Призницу, единственно ради решительности его средств, и останавливался только мыслию, не нужен ли мне теплый климат и не произошло ли зло оттого, что я остался зиму во Франкфурте, которая, как нарочно, в этом году довольно жестока и продолжается доселе, до самого сегодняшнего дни. Уведомьте меня о состоянии здоровья Аркадия Осиповича и помог ли ему хотя в чем-нибудь Призниц. А больше всего, прошу вас вновь, помолитесь обо мне, просите и других молиться. Просите и молите Бога, чтобы Он удостоил меня увидеть Святую Землю. Там, на Гробе Господнем, будут нужны, слишком нужны мои молитвы. Ибо приближается теперь время молитв, и без Бога ничего не сделает теперь никто в нынешних обстоятельствах и при нынешнем положении дел как всего мира, так и своих собственных. Итак, помолитесь же крепко и сильно. Посылаю вам письмо, давно уже написанное в ответ на ваше желание и намерение перевершить решенное дело. Не сердитесь на меня за него: так мне должно было поступить. Я перечел его еще раз теперь. Многое можно было изъяснить лучше, другое короче, а о третьем и вовсе не следовало бы упомянуть. Но основанье его так и должно быть так. Страницы от 1 до 7-й покажите Плетневу. Не сердитесь на меня, друг мой добрейший и прекрасный Александра Осиповна, и помолитесь о моем выздоровлении.

Ваш Гоголь.

923. А. О. Смирновой

<9 января — 15 марта (н. ст.) 1845. Франкфурт>

1844. Декабря 28.

Письмо ваше, добрейшая моя Александра Осиповна, меня несколько огорчило. Плетнев поступил нехорошо, и вы

поступили нехорошо. Плетнев поступил нехорошо, потому что рассказал то, в чем требовалось тайны во имя дружбы; вы поступили нехорошо, потому что согласились выслушать то, чего вам не следовало, тогда как вам бы следовало в самом начале остановить его такими словами: «Послушайте, хотя я и близка к этому человеку, но если он скрыл что-нибудь от меня, то неблагородно будет с моей стороны проникнуть в это. Одно только, так бы вы могли прибавить, могу я вам сказать[1] в успокоение, что этот человек достоин несколько доверия, он не совсем способен на необдуманные дела, и даже, сколько я могла заметить, он довольно осмотрителен относительно всякого рода добрых дел и не отваживается ни на что без каких-нибудь своих соображений. А потому окажем ему доверие,[2] особливо когда он опирается на слова: воля друга должна быть свята». Но вы так не поступили, моя добрая Александра Осиповна. Напротив, вы взяли даже на себя отвагу перерешить всё дело, объявить мне, что я делаю глупость, что делу следует быть вот как, и что вы, не спрашивая даже согласия моего, даете ему другой оборот и приступаете по этому поводу к нужным распоряжениям, позабывши между прочим то, что это дело было послано не на усмотрение, не на совещание, не на скрепление и подписание, но как решенное послано было *на исполнение,* и во имя всего святого, во имя дружбы молилось его исполнить. Точно ли вы поступили справедливо и хорошо,[3] и справедливо ли было с вашей стороны так скоро причислить мой поступок к *донкишотским?* В обыкновенных, житейских делах[4] призывается по крайней мере в таких случаях доктор с тем, чтобы пощупать пульс и узнать, действительно здрава ли голова и цел ли ум, и уже не прежде решаются отвергнуть решение[5] как безумное. А вы поступили ли таким образом со мной? Упрек ваш и замечания, что у меня есть мать и сестры и что мне о них следует думать, а не о том, чтобы помогать сторонним мне людям, мне показались также несправедливы, отчасти жестоки и горьки для моего сердца. Друг мой, Александра Осиповна, я не почитаю себя сыном, исполнившим все свои обязанности относительно родителей, но рассмотрите

[1] одно только то могу я вам сказать

[2] и ему также доверие

[3] *Далее было:* Если б положим мое решение

[4] делах мира

[5] его дело или решение

сами, не сделал ли я,[1] что по возможности мне можно было сделать: мне следовала половина имения (и притом лучшая[2] 100 душ кр<естьян> и земли). Я их отдал матери и сестрам в то время, когда я сам не имел верного пропитанья. Этот поступок называли в свое время также донкишотским многие добрые люди. Кроме того, мне удалось кое-что присылать им иногда в помощь из Петербурга, добытое собственными трудами; кроме того, я поместил сестер моих в институт и платил за них из своего кармана до времени, пока добрая Государыня не взяла их на свой счет. Это, конечно, небольшое дело. Лучшим делом с своей стороны я считаю то, что пожертвовал им своим временем и провел с ними год по выходе их из института, для того чтобы хотя сколько-нибудь воспитать их для того места и круга, среди которого будет обращаться их жизнь, чему, как известно, не учат в институтах. Словом, с теми средствами, которые я им доставил, можно было вести безбедную жизнь; но встретилось одно мешающее обстоятельство. Мать моя добрейшая женщина, с ней мы друзья[3] и чем далее, тем более становимся друзьями, но хозяйка она довольно плохая. Сестры мои умные и добрые девушки, любимые всеми в околодке за радушие, простоту в обращении и готовность помогать всякому, но к хозяйству и экономическим оборотам по имению имеют естественное отвращение, и немудрено, это дело мужа, а не женщины. С ними случается то же самое, что со многими: они отказывают себе во всем иногда самом необходимом, и этим однако ж ничуть не помогают хозяйству, потому что в самом хозяйстве[4] хозяйствуют *невпопад,* воздерживают и ограничивают себя невпопад, издерживают и тратят в отношении к потребностям экономическим *невпопад.*[5] Оказавши не один раз вспомоществованье им деньгами, даже и в последующее время (я не оставлял их до сих пор, сколько могли мне содействовать слабые мои средства), я увидел ясней, что[6] не в деньгах сила и что они будут бросаемы как в сосуд, в котором нет дна и которого вечно не наполнишь. Я почел это знаком и определеньем Божиим, что мне следует наконец заняться самому тем,

[1] не всё ли я сделал
[2] лучшая из
[3] друзьями
[4] *Далее было:* распоряжения
[5] тоже невпопад
[6] увидел, что

чем доселе гнушался, и взял теперь на свои руки их хозяйство. И хотя это отняло у меня много времени, но Бог милостив, Он помогает мне и здесь, как помогал мне во многом, и я больше ничего, как смиренно рассматриваю отчеты, распоряжения и проделки, вижу, что многое можно поправить простыми средствами, и есть надежда, что дело пойдет на лад, хотя слишком горьки, трудны и скучны для меня с первого раза эти занятия. Итак, рассудите сами, друг мой, справедливы ли были ваши упреки, и не жестоко ли было для моего сердца услышать их от вас? Еще скажу вам, что мне показалась слишком резкою уверенность ваша в авторитет слов своих, особливо, когда вы твердо называете желание[1] мое помочь бедным студентам безрассудным. Не бедным студентам хочу помочь я, но *бедным талантам,* не чужим, но родным и кровным. Я сам терпел и знаю некоторые те страдания, которых не знают другие и о которых даже и не догадываются, а потому и помочь не в состоянии. Несправедлив также ваш упрек и в желании[2] моем помочь тайно, а не явно, несправедливо также приведены здесь в другом случае справедливые слова, что дела наши должны светить всему миру, равно как невпопад было приведено вами многое из Francois de Sales. На всё это я могу вам сказать только словами ап. Павла: «Кийждо своею мыслью да извествуется». Поверьте, что делающий доброе дело не без разума его делает и соображается с тем, когда оно должно быть явно и когда тайно. А потому и сия тайная помощь моя бедным талантам основана[3] на посильном знании моем человеческого сердца, а не просто на какой-нибудь *идее,* принятой на веру. Талантам дается слишком нежная, слишком чуткая и тонкая природа. Много, много их можно оскорбить грубым прикосновением, как нежное растение, принесенное с юга в суровый климат, может погибнуть от неуместного с ним обхождения не приобвыкшего к нему садовника. Трудно бывает таланту, пока[4] он молод или, еще справедливее, пока он не вполне христианин. Иногда и близкий друг может оскорбить, оказав ему радушную помощь, может[5] потом попрекнуть его в неблагодарности. Это часто делается в свете, иногда даже без строгого рассмотрения,

[1] намере<ние>
[2] наме<рении>
[3] основана была
[4] когда
[5] может даже

а по каким-нибудь внешним признакам. Но когда дающий скрыл свое имя, значит он верно не потребует никакой благодарности. Такая помощь приемлется твердо и неколеблемо, и будьте уверены, что незримые и прекрасные моленья будут совершаться в тишине о душе незримого благотворителя вечно, и сладко будет получившему даже и при конце дней вспомнить о помощи, присланной неизвестно откуда. Итак, оставимте эти строгие взвешиванья благодетельных дел[1] наших. Мы не судьи.[2] Если ж судить, то нужно судить, забравши все доказательства и аргументы. Не тяжко ли будет для вас, если бы я, увидя кого-нибудь из братьев ваших нуждающегося и сидящего без денег, стал бы укорять вас в том, что вы помогаете посторонним бедным или же даже изъявляете готовность помочь мне? Свет ведь обыкновенно так судит. Не будьте же похожи и вы на свет. Оставим эти деньги на то, на что они определены. Эти деньги *выстраданные* и *святые,* и грешно их употреблять на что-либо другое. И если бы добрая мать моя узнала, с какими душевными страданиями для ее сына соединилось всё это дело, то не коснулась бы ее рука ни одной копейки из этих денег, напротив продала бы из своего собственного состояния и приложила бы от себя еще к ним. А потому и вы не касайтесь к ним с намерением употребить их на какое-нибудь другое употребление, как бы благоразумно оно вам ни показалось. Да и что толковать об этом долго: обет, который дается Богу, соединяется всегда с пожертвованьем и всегда[3] в ущерб или себе или родным, но ни сам[4] дающий его, ни родные не восстают против такого дела. А потому я не думаю, чтобы вы или Плетнев вооружили бы себя уполномочием разрешить меня от моего обета и взять на свою душу всю ответственность. Итак, оставим в покое дело решенное и конченное; много есть и без него о чем хлопотать. О потере же моей не сокрушайтесь. Поверьте, что ни я, ни мать моя с ее семейством не много здесь потеряли. Едва-едва какую-нибудь тысячу в год и то с большой возней и хлопотами удалось бы мне получать, что всё равно для меня что ничего. Притом я имею особенное предчувствие, что я ничего бы не получил из этих денег, но назначенные на благое дело, в помощь тем,

[1] взвешиванья дел

[2] *Далее начато:* Да притом

[3] и есть всегда

[4] Но ни сам чело<век>

которым редко помогают, они не пропадут. К тому ж, сами знаете, молодые люди с дарованиями появляются редко, а потому сумма успеет накопиться, и что мне бы приходилось безделицами враздробь, то придется им целиком и в значительной сумме. При том сами распорядители подвигнутся большим рвением и зная, что жертвует не богач, но бедняк, который едва сам имеет чем существовать, употребят эти деньги так хорошо, как бы не употребили денег богача, так что и полушка не утратится даром. Но довольно. Еще раз молю, прошу и требую именем дружбы исполнить мою просьбу. Нечестно разглашенная тайна должна быть восстановлена. Плетнев пусть вымет из своего кармана две тысячи и пошлет моей матери; мы с ним после сочтемся. Все объяснения по этому делу со мною должны быть кончены. Вы также должны отступиться от этого дела; мне неприятно, что вы в него вмешались. Всё должно кончиться между Плетневым и Прокоповичем, и поверьте, оно кончится хорошо. Никто из них не будет ленивым и нерадивым в этом деле и не укорит даже в нерадении другого, хотя бы[1] некоторые пустые *видимые* признаки и говорили о том. Я слишком знаю хорошо, к чему могут быть способны души их, и даже верю тому, что они могут любить меня, а потому как дело любви ко мне это будет выполнено. Эти страницы письма вы покажите Плетневу. И во имя любви ко мне способствуйте с своей стороны в том, чтобы просьба моя была исполнена.

Отсюда письмо начинается для вас одних, не с тем, чтобы его показывать кому-либо. Не стыдно ли вам взглянуть на меня глазами Плетнева? Вы сами сказали в одном из прежних ваших писем, что у Плетнева недовольно ума для того, чтобы понять меня, а теперь сами разделяете его заблуждения и обвиняете меня в том же, в чем и он. Неужели вы до сих пор не можете почувствовать, что мы стоим с ним на двух разных полюсах и что мне гораздо с ним труднее изъясняться, чем вам с Н<иколаем> М<ихайловичем>? Требуя от меня простоты и откровенности, он сам не знает, чего он хочет, я пробовал с ним говорить всеми возможными способами и всё было равно неудачно. Поверьте, что говорить с тем человеком, который чувствует недоверчивость к каждому слову и подозрительность ко всякому нашему поступку, сомневаясь в искренности всякого нашего движенья, — совершенно напрасный труд, потерянное время, себе страдание, ему тоже огорчение.

[1] *Далее начато:* обсто<ятельства>

Но наиболее всего я раскаивался тогда, когда стремился быть откровенным с такими людьми. Тут всегда выходило хуже всего: ум их был вовсе не в состоянии сварить слов моих, предавался недоразумениям, толковал всё иначе и наконец так запутывался в собственных догадках и предположениях, что я горько досадовал на себя самого даже и за одну мысль быть с ними откровенным. И вполне скрытным я начинал быть в глазах их именно с тех пор, когда покусился как-нибудь на откровенность. Так как вы уже вмешались в это дело, то я вам скажу несколько слов, которые могут отчасти объяснить его, хотя признаюсь вам, мне слишком тягостно даже и несколько слов произнести: так даже одно напоминание о тех внутренних моих страданиях, которыми, незримо никому, страдала душа моя, мне[1] (по слабосилию моему) горько. Прежде всего скажу вам о характере моих сношений с моими литературными друзьями и приятелями, к числу которых принадлежит и Плетнев. Прежде всего у меня начались знакомства и сношенья с литераторами, потому что я сам был литератор. Я всегда умел уважать их достоинства и умел от каждого из них воспользоваться *тем, что* каждый из них в силах был дать мне. Для этого у меня был всегда ум. Так как в уме моем была всегда многосторонность и как пользоваться другими и воспитываться была у меня всегда охота, то неудивительно, что мне всякий из них сделался приятелем и близким, как имеющий в себе что-нибудь такое, чего другой собрат его не имеет. Они же все как нарочно (что может случиться только у нас в России) одарены необыкновенными и с тем вместе до крайности оригинальными и не сходными между собою достоинствами, разнообразными умами, разнообразными характерами (отсюда очевидно, почему они так часто между собой враждуют и не сходятся во мнениях). Итак, умея ценить их, я умел от каждого из них воспользоваться кое-чем, а возблагодарить их за это откладывал всегда на дальше, то есть на то время, когда поумнею сам и буду в состоянии поучить их тому, чего у них недостает. Но никогда никому из них я не навязывался на дружбу, никого не просил из них или, что еще несправедливее, ни от кого не требовал жить со мной душа в душу, разделять со мною мои мнения и т. п. Словом, никаких никому не давал обещаний и никого не обязывал ничем относительно меня. Никому из них не поверял ни предположений, ни планов относительно

[1] *Далее начато:* еще трудно и еще

меня самого и всего, что относилось лично к судьбе моей, считая это ненужным по многим причинам, во-первых потому, что я и сам бы не мог в ясном виде сказать им того, что во мне самом еще находилось в младенчестве, во-вторых потому, что посильное знание людей у меня, благодаря Бога, было уже и тогда, и я мог уже и тогда чувствовать, чем какой человек мог быть мне полезен и, стало быть, что именно ему следует и что не следует говорить, наконец, в-третьих, я уже и тогда чувствовал, что любить мы должны всех более или менее, смотря по их достоинствам, но истинным и ближайшим другом, которому бы могли поверять мы все до малейшего движения нашего сердца, мы должны избирать только одного Бога. Это я живее и более должен был почувствовать,[1] чем все другие, потому что одаренный по Его небесной милости многими сторонами характера и способностей, я бы никогда не мог высказать себя всего никому, и потому что за всякую глупую попытку быть откровенным не кстати и не у места платил уже и тогда весьма дорого. Итак, я уже и в начале смекнул мое положение и вел себя в отношении к моим литературным приятелям так, как следовало себя вести, говорил с ними слегка о некоторых моих литературных предположениях, но о себе самом, относительно моего душевного внутреннего состояния не говорил ни с кем. Со всеми ими я остался приятелем. И таково было положение дел до времени выезда моего из России. Никто из них меня не знал.[2] По моим литературным разговорам всякий был уверен, что меня занимает одна только литература, и что всё прочее ровно не существует для меня на свете.

С тех пор,[3] как я оставил Россию, произошла во мне великая перемена.[4] *Душа* заняла меня всего, и я увидел слишком ясно, что без устремления моей души к ее лучшему совершенству не в силах я был двигнуться ни одной моей способностью, ни одной стороной моего ума во благо и в пользу моим собратьям, и без этого воспитания душевного всякий труд мой будет только временно блестящ, но суетен в существе своем. Как Бог довел меня до этой мысли, как воспитывалась незримо от всех моя душа — это известно вполне Богу. Об этом

[1] *Далее было:* потому

[2] не знал на самом деле

[3] С тех только пор

[4] началось мое внутреннее истинное воспитание

не расскажешь. Для этого[1] потребовались бы томы, и эти томы всё бы не сказали всего. Да и к чему рассказывать о том, какие вещества горели и перегорали во мне? Когда услышите потом раздавшееся благоухание, сами тогда догадаетесь, от горения каких веществ произошло благоуханье; если ж не услышите благоухания, то нечего и знать о том, что горело в душе моей. Скажу вам только то, что небесно милостив был ко мне Бог, что святая милость Его помогла мне в стремлении моем и что теперь, каков я ни есть, хотя вижу ясно неизмеримую бездну, отделяющую меня от совершенства, но вижу вместе с тем, что я далеко лучше от того человека, каким был прежде. Но всего этого,[2] что произошло во мне, не могли узнать мои литературные приятели. В продолжение странствования моего и моего внутреннего душевного воспитания я сходился и встречался с другими людьми, и встречался с ними родственней и ближе, потому что уже душа слышала душу. А потому и знакомства, завязавшиеся в это время, были прочней тех, которые завязывались в прежние времена, не мудрено: я сам стал достойней знакомства прочного, а не минутного. Доказательство этого вы можете видеть на себе: вы были знакомы со мною и прежде, и виделись со мною и в Петербурге, и в других местах. Но какая разница между тем нашим знакомством и вторичным нашим знакомством в Нице! Не кажется ли нам самим, как будто мы друг друга[3] только теперь узнали, а до того времени вовсе не знали? А в последнее время[4] произошли такие знакомства, что с одного, другого разговора уже обоим показалось, как будто век знали друг друга, и уже от таких людей я никогда не слыхал упреков в недостатке простоты или упреков в скрытности и неоткровенности. Всё само собой казалось ясно, сама душа высказывалась, сами речи говорились. Если ж что не обнаруживалось и почиталось ему до времени лучшим пребывать в сокровенности, то уважалась даже и самая причина такой скрытности. И с полным чувством обоюдного доверия друг к другу, каждый даже утверждал другого хранить[5] то, о чем[6] собственный разум его и совесть считает ненужным говорить

[1] Тут для этого
[2] *Далее было:* не могли
[3] вы меня
[4] Но скажу, что в последнее время
[5] в намерении хранить
[6] что

до времени, изгоняя великодушно из себя даже и тень какого-либо подозренья или пустого любопытства.[1]

Итак, вот какого рода уже становились мои отношения со встречавшимися в последующее время со мною душами. Само собой разумеется, что обо всем этом не могли знать ничего мои прежние литературные приятели. Немудрено: они все познакомились со мною тогда, когда я еще был прежним человеком,[2] зная меня и тогда довольно плохо. В приезд мой в Россию они все встретили меня с разверстыми объятиями. Всякий из них, занятый литературным делом, кто журналом, кто другим, пристрастившись к одной какой-нибудь любимой *идее* и встречая в других противников своему мнению, ждал меня как какого-то мессию, которого ждут евреи, в уверенности, что я разделю его мысли и идеи, поддержу его и защищу против других, считая это первым условием и актом дружбы, не подозревая даже того (невинным образом), что требования эти, сверх нелепости, были даже бесчеловечны. Жертвовать мне временем и трудами своими для поддержания их любимых идей было невозможно, потому что я во-первых не вполне разделял их, во-вторых мне нужно было чем-нибудь поддерживать бедное свое существование и я не мог жертвовать им моими статьями, помещая их к ним в журналы, но должен был их напечатать отдельно, как новые и свежие, чтобы иметь доход. Все эти безделицы у них ушли[3] из виду,[4] как многое уходит из вида людей, которые не любят разбирать[5] в тонкости обстоятельства и положения другого, а любят быстро заключать о человеке, а потому на всяком[6] шагу делают беспрестанные ошибки. Прекрасные душой делают дурные вещи, великодушные сердцем поступают бесчеловечно, не ведая того сами.

Холодность мою к их литературным интересам они почли за холодность к ним самим. Не призадумались составить из меня эгоиста в своих мыслях, которому ничто общее благо, а дорога только своя собственная литературная слава. Притом каждый из них был до того уверен в истине и в справедливости своих идей и положений, что всякого с ним несогласного считал не иначе, как совершенным отступником от истины.

[1] *Далее начато:* Но обо всем этом не мо<гу>
[2] еще не начинал стремиться к тому
[3] выш<ли>
[4] *Далее было:* Холодность и
[5] разбираться
[6] и на всяком

Предоставляю вам самим судить, каково было мое положение среди такого рода людей. Но вряд ли вы догадаетесь, какого рода были мои внутренние страдания, которых начало началось отсюда. (Плетнев меньше всех был в них виновен, или, лучше сказать, он вовсе невинен, но зато он был смешней всех и точный ребенок доныне.) Скажу вам только то, что между моими литературными приятелями началось что-то вроде ревности. Всякий из них стал подозревать меня в том, что я променял его на другого. И слыша издали о моих новых знакомствах и о том, что меня стали хвалить люди им неизвестные, усилили еще более свои требования, основываясь на давности своего знакомства. Я получал престранные письма, в которых каждый, выставляя вперед себя и уверяя меня в чистоте своих отношений ко мне, порочил и почти неблагородно клеветал на других, уверяя, что они мне льстят только из своих выгод, что они меня не знают вовсе, что они любят меня только по моим сочинениям, а не потому, что они любят меня самого (все они до сих пор еще уверены, что я люблю всякого рода фимиам), и упрекая меня в то же время такими вещами, обвиняя такими низкими[1] обвинениями, каких, клянусь, я бы не сделал самому дурному человеку, и поступков, приписываемых мне, я бы не приписал не только немного худшему меня, но даже никому бы не приписал, потому что просто безумное было бы дело приписать их кому бы то ни было. Они в мыслях своих сделали из меня какую-то игрушку, бесхарактерного человека, который не знает вовсе людей, меняется в мыслях и переходит от одного к другому. И с тем вместе придавали мне такие качества, которые явно противуречат такому бесхарактерному человеку, как-то: эгоизм, славолюбие, недоверчивость, скрытность и тому подобное. Одним словом, они наконец вовсе запутались и сбились со всякого толку. Каждый из них на месте меня составил себе свой собственный идеал, им же сочиненный образ и характер, и сражался с собственным своим сочинением в полной уверенности, что сражается со мною. Теперь конечно все это смешно, и я могу, сказавши:[2] «Дети, дети!», обратиться по-прежнему к своему делу.[3] Но тогда мне было невозможно того сделать. Недоразумения доходили до таких оскорбительных подозрений, такие грубые наносились

[1] низкими и подлыми

[2] сказавши только с некоторым легким прискорбием

[3] и обратиться вдруг к другим мыслям и занятиям

удары и притом по таким чувствительным и тонким струнам, о существовании которых не могли даже и подозревать наносившие удары, что изныла и исстрадалась вся моя душа и мне слишком было трудно. Тем более[1] это было трудно, что даже и оправдаться мне не было возможности, как ни хотелось оправдаться. Оправдаться мне уже потому было нельзя, что слишком многому мне нужно было вразумлять их, слишком во многом мне нужно было раскрывать им мою внутреннюю историю. А при мысли о таком труде и самая мысль моя приходила в отчаяние, видя пред собою бесконечные страницы. При том всякое оправдание мое было бы им в обвинение, а они еще не довольно созрели душою и не довольно христиане, чтобы выслушать такие обвинения. Мне оставалось одно — обвинить до времени себя, чтобы как-нибудь до времени их успокоить и, выждав времени, когда души их будут более размягчены, открывать им постепенно, исподволь и понемногу настоящее дело. Вот легкое понятие о моих соотношениях с моими литературными приятелями, из которых вы сами можете вывесть и соотношения мои с Плетневым.

Он бы был гораздо умнее в сношеньях со мной и справедливей ко мне, если бы на беду не затянулся сам в литературное дело. Ему вообразилось, что он, по смерти Пушкина, должен защищать его могилу изданьем Современника, к которому сам Пушкин и при жизни своей не питал большой привязанности, хотя издавал его собственными руками, и хотя я тоже с своей стороны подзадоривал его на это дело. Журнал определенной цели не имел никакой даже и при нем, а теперь и подавно. Плетнев связывает с ним какую-то пространную идею, которую имеет всякий и толкует по-своему, впрочем и сам он этой идеи в статьях своего Современника никому не дал понять. Но тем не менее он считает, что один только идет по прямой дороге, по которой должен идти всякий литератор, и всех, кто не помещает статей в Современнике, считает людьми отшатнувшимися и чуть не врагами тени Пушкина. Я это видел, а потому избегал[2] всякого литературного разговора с ним в бытность мою в Петербурге, ибо мне[3] предстояло или сказать: идея твоя совершенно справедлива, великодушна и благородна, — я твой помощник и сотрудник, или же

[1] Всё это тем более

[2] избегал с ним

[3] чувствуя что <мне>

сказать: любезный друг, ты гоняешься за тенью. Первого я бы не мог выполнить, а вторым я бы рассердил его навсегда. Вот почему я избегал с ним всяких речей о подобных предметах, что повергало его в совершенное недоумение, ибо он считает, что я живу и дышу литературой.

Я очень хорошо знал и чувствовал, что он терялся обо мне в догадках и путался в предположениях, хотя этого не давал он[1] мне заметить и хотя об этом не писал мне писем, а изредка только в разговорах с другими выражал неясно свое неудовольствие на меня. Мне захотелось узнать наконец, в каком состоянии находится он[2] теперь относительно себя[3] и относительно меня,[4] и с этой целью я наконец заставил его написать откровенное письмо. Из этого письма я узнал то, что он больше ребенок, чем я предполагал. В письме юношеские упреки, юношеские стремления, смешение понятий дружбы и дружеских отношений с целями литературными. К этому примешалась мысль о единстве Церкви в каком-то безотчетном, не объяснившемся для него самого соединении с литературой,[5] наконец, противоречия себе самому и при всем этом твердая уверенность в непреложности своих положений и в том, что он наконец мне высказал всю правду, указавши мне путь и дорогу, как человеку отшатнувшемуся. Письмо это мне было нужно, потому что, кроме суждений о мне, показало[6] отчасти его душевное состояние.[7] Но при всем том я был приведен в совершенное недоумение, как отвечать на него. Когда я показал его Жуковскому, он рассмеялся и советовал отвечать на него в шутливом тоне, объяснив ему слегка, что он несколько зарапортовался. Но я видел, что этого никак нельзя. Плетнев бы тогда рассердился на меня на веки. В письме его слишком было много уверенности в справедливости своих положений и в том, что он один может ценить меня. Притом в нем отражалась какая-то *черствость душевная,* негодующая на других, а не *размягченность душевная,* негодующая на себя, ищущая упреков себе. Я чувствовал, что мне слишком было нужно быть осторожным в ответе. Я ограничился только тем,

[1] и не давал он

[2] он находится

[3] к себе

[4] ко мне

[5] мысль о соединении дела литературного с единством Церкви

[6] показало мне

[7] *Далее начато:* Сверх

чтобы сделать ему сколько-нибудь ясным: что можно ошибиться в человеке, что нам нужно быть более смиренными в рассуждении узнания человека, не предаваться скорым заключениям, приличным гордому и уверенному в себе человеку, не выводить по некоторым поступкам, которых даже и причин мы не знаем, непреложных положений[1] о всем человеке. Наконец[2] мне хотелось сколько-нибудь возбудить в нем сострадание к положению другого, который может сильно страдать, тогда как другие даже и не подозревают о его страданиях, и который через то самое еще более страждет, когда другие даже и не подозревают о его страданиях. Намерение мое было при этом и то, чтобы сколько-нибудь расположить его душу к умягчению, что одно я считал и для него и для меня необходимым, отстранив всякие объяснения на те обвинения, которые просто были даже вовсе несвойственны моей природе и могли быть сделаны человеком, знающим плохо человеческое сердце. Но и это письмо (которое, может, было только плохо написано, потому что мне трудно писать к тому, с которым еще не завязывались душевные искренние речи, но которое однако ж в существе своем было искренно), но и это письмо навело на него только одни недоразумения.

Вы говорите, что с Плетневым произошла большая перемена в последние три года и что он сделался истинным христианином. Странно: его письмо этого не показывает. Христианин не будет говорить таким образом о чистоте души своей, как говорил он, и чем чище он будет душой, тем больше будет в силах видеть нечистоту души своей, постигая только тогда всю недоступность божественного совершенства. Христианин не будет также отзываться таким образом, как отзывается он о людях, которых считает моими друзьями, называя их промышленниками, раскольниками, врагами истины и просвещения и тому подобными именами. Против некоторых из этих людей, на которых он намекает, я более всех других имел бы право негодовать, получив личные оскорбления от них, из коих[3] Бог знает вынес ли бы и десятую долю Плетнев. Но отстранив в сторону всякие личные отношения, я должен сказать истинную правду, а именно, что душа у них так же добрая, как и у него, и сердце так же прекрасное, как и у него,

[1] зак<онов>

[2] *Далее начато:* быть сколько

[3] *Далее начато:* я бы по<ручился?>

но что они так же, как и он, сбились несколько с толку[1] или, как говорится, зарапортовались. Так же, как и он, отчасти бредят и единственно от неведения своего произвели некоторые поступки такие, которых бы никак не произвели, если бы были побольше христианами. Наконец мне кажется, христианин не станет так отыскивать дружества,[2] стараясь деспотически подчинить своего друга своим любимым идеям и мыслям и называя его потому только своим другом, что он разделяет наши мнения и мысли. Такое определение дружества скорее языческое, чем[3] христианское. Притом же и Христос не повелевал нам быть друзьями, но повелел быть братьями. Да и можно ли сравнить гордое дружество, подчиненное законам, которые начертывает сам человек, с тем небесным братством, которого законы давно уже начертаны на небесах. Те, которых души *уже* загорелись такой любовью, сходятся сами между собою, ничего не требуя друг от друга, никаких не произнося[4] клятв и уверений, чувствуя, что связь такая уже вечна и что рассориться они не могут, потому что всё простится, и трудно было бы даже им и выдумать что-нибудь такое, чем бы один из них мог оскорбить другого. Разве мы с вами давали какие-нибудь обещания друг другу, разве из нас требовал кто-нибудь от другого одинакого образа мыслей, мнений и тому подобное, напротив, каждый из нас шел своей дорогой к тому же нашему Небесному Виновнику нашей жизни. А встретились мы потому, что шли к *нему*. Но что тут говорить! Растет любовь сама собою; и поглощает[5] потом всё наше бытие, и любится нам уже оттого, что любится.

Итак, мне кажется, что вы не совсем справедливы, сказавши, что Плетнев теперь сделался истинным христианином. Я знаю также, что очень много теперь есть истинно достойных людей, которые думают, что они христиане,[6] но христиане только еще *в мыслях и в идеях*, но не *в жизни и не в деле*. Они не внесли еще Христа в самое сердце[7] своей жизни, во все действия свои и поступки. Есть также и такие, которые потому только считают себя христианами, что отыскали в евангельских

1 *Далее было:* на литературе
2 *Далее было:* и вызывать на него таким образом
3 а не
4 не произносят
5 и всё поглощает
6 *Далее было:* они отчасти точно еще христиане
7 так сказать, в самое сердце

истинах кое-что такое, что показалось им подкрепляющим любимые их идеи. А потому вы испробуйте сами Плетнева, заговорите с ним о таких пунктах, на которых узнается, как далеко ушел человек в христианстве, испробуйте также его мнения о других людях. Отзывается ли он о них так, как христианин? И если, по словам вашим, *он в вас имеет такую же нужду, как вы во мне,* то сделайте для него то, что предпишет вам истинная братская любовь: уврачуйте, что найдете в болезненном состоянии, умягчите с небесной кротостью то, что зачерствело, но обо мне покаместь с ним не говорите, не разуверяйте его насчет меня, и храни вас Бог показывать ему какие-нибудь мои письма, да и никому, кроме разве одного духовника вашего, их не показывайте. Поверьте, что они будут чужды для всякого: ибо писаны на языке того человека, к которому писаны. А таких языкознателей или лучше душезнателей, которые могли бы читать все языки, сами знаете, немного. О Плетневе вообще вот что можно[1] сказать. Душа у него, точно, чистая и прекрасная, но он не сделал никакого тяжелого проступка, не был потрясен сокрушающей силой несчастия, Бог не призвал его к тому, *чтобы быть ближе к Нему,* а потому он горд своею чистотою, и в этом грех его, ибо сами знаете: Богу лучше кающийся грешник, чем гордый праведник. От того и душа его обросла черствою корою всяких привычек[2] светской жизни и не слышит, что она бывает временами далека от самой себя. Плетнев имеет ум, но этот ум не *глубок* и не *многосторонен,* а потому он не может видеть далее того горизонта, который обнимают глаза его, и естественно, что отвергает[3] самую мысль, что есть[4] пространства вне им зримой черты. Но довольно о Плетневе. Поговорим[5] теперь вообще о тех четырех страничках выговоров и увещаний ваших, которые вы мне поместили в вашем письме.[6] Друг мой, вы видно не помолились перед тем, когда писали их. В них слышен холод, черствость и не слышна та прекрасная ваша душа, которая так часто обнаруживается во всех других строках ваших писем. Кажется,

[1] могу

[2] *Далее было:* набралось всей пустоты

[3] даже отвергает

[4] что есть еще

[5] Скажу

[6] вы поместили в вашем письме мне по поводу этого безрассудного по вашему мнению дела

как будто бы вы в них воюете[1] только с одним безрассудством моего поступка, видите только поступок отдельно от человека, а не видите самого человека, ни обстоятельств его, ни причин двигнувших, ни даже того, возможно ли приписать умному сколько-нибудь человеку в такой степени безрассудство. Я ставил на место себя опрометчивого и горячего юношу, способного[2] на то донкишотство, которое вы приписываете мне, и рассматривал эти страницы вашего письма уже не в отношении ко мне, а в отношении ко взятому юноше, но нашел, что они и ему не придутся; они, кроме того, что невпопад, они лишены силы сердечного убеждения, в них отсутствие того, что может тронуть душу. Они как будто писаны на воздух, а не направлены собственно к какому-нибудь *лицу,* которого *личность* и *природу* вы видели перед своими глазами, когда писали. Друг мой, если вы будете таким образом убеждать кого-либо, то я не удивлюсь, что слова ваши не будут иметь действия и доброе стремление ваше не достигнет цели. Ради Бога, перед тем как будете писать к кому-либо с тем, чтобы подействовать на него и убедить, представьте себе мысленно его всего, его поступки во всех других родах, сообразите всё, не уничтожают ли уже в нем находящиеся другие свойства того, что вы в нем предполагаете. А сообразивши всё, помолитесь Богу, чтобы Он <дал> вам слово убеждающее. Взгляните также на самих себя. Имейте для этого на столе духовное зеркало, то есть какую-нибудь книгу, в которую может смотреть ваша душа, хоть наприм<ер> Подражание Христу. Первая страница, которая вами развернется, будет кстати. Она даст душе вашей покойное и мирное настроение. Совет ваш исполнится великим смирением духа, ни резкого, ни самоуверенного, ни самонадеянного[3] не будет в нем, благоуханье любви только одно послышится в нем, и в совете вашем будет Божий совет, и не будет человека, который бы устоял против него, хотя бы в несколько раз сильнейшую правду вы хотели сказать ему.

Все мы вообще слишком привыкли к резкости и мало глядим на себя в то время, когда даем другому упреки, потому и упреки наши бывают недействительны. Очень чувствую, что и я, говоря[4] вам в этом письме, говорю, может быть,

[1] вы сражаетесь

[2] *Далее начато:* действовать

[3] ни самонадеянного слова

[4] говоря в этом

слишком дерзко и самоуверенно. Такова природа человеческая. Она всюду перельет, всё доведет до излишества, ей невозможно беспристрастие, и даже защищая самую святую середину, она покажет[1] в словах своих увлеченье человеческое, стало быть низкое и не достойное предмета. Друг мой, добрейший и ближайший моему сердцу, будем смиренней в упреках, когда упрекаем других. Но не относительно нас с вами. Мы люди свои, мы не должны взвешивать слов своих, когда говорим друг другу; но все-таки *портрет* друг друга мы должны иметь пред глазами, когда мы пишем друг к другу. Иначе слово будет холодно и не всегда впопад. Но имея в виду это, мы можем упрекать и резче и сильнее, и упреки будут впопад. Притом, упрекнувши другого даже, может быть, и очень сильно, из нас верно каждый потихоньку те же упреки обратит к самому себе, а потому и не будет удерживаться ни излишним смирением, ни осторожностью.

924. Графиня Л. К. Виельгорская (с припиской графини А. М. Виельгорской) — Н. В. Гоголю

Париж. 14-го марта <н. ст.> 1845 г.

Благодарим вас, любезнейший друг, за письмо ваше и известия о вашей дорогой для нас особе. Удивительно, что мы все вас так полюбили. Даже Беби, когда говорит о grand'mama Solochub и Anolite, никогда не забывает прибавить master Гоголь, как будто мы составляем в ее воспоминании какую-то дружескую троицу, для нее совершенно нераздельную. Слава Богу, все здоровы, кроме Владимира Александровича, который должен ехать в Кишинев. Он страдает завалами в печени, впрочем, ничего опасного, но в молодости особенно не надобно пренебрегать здоровьем. У нас опять наступила зима; сегодня утром 7 градусов. Нозинька в церкви с графом и граф<иней>. Пишут мне из Петербурга, что граф Иван приехал на 28 дней и ожидает с душевным нетерпением письмо от брата гр<афа> Александра из Парижа. Не понимаю, что за известия он ожидает — какого рода. Как вы думаете, любезнейший Николай Васильевич... неужели гр<аф> Иван еще думает о прошедшем?

Для иногурации нашего дома или, лучше сказать, залы мой супруг и зять дали 13-го числа большой консерт, биографический, классический, состоящий из 14 номеров. Гостями был царский

[1] уже покажет

дом женского пола. Италиянские артисты участвовали. Императрица и великие княжны были incognito. Софи принимала публику, Аполлина — царских гостей. Явное доказательство, что, слава Богу, вся царская фамилия здравствует и нимало не хворает, как утверждают газеты. Тургеневу, кажется, лучше; он что-то яснее и веселее смотрит. Мише также, слава Богу, лучше, или, лучше сказать, он совершенно здоров. Нет никакой надежды, чтоб Мишу теперь, когда произвели его в младшие секретари, послали курьером в Париж. Сегодня были мы у Шатобриана. Вся душа, воображение, ум, гений сего великого писателя сосредоточились в глазах его. Судя по наружности, он старее кажется, нежели есть в самом деле. Бонапарт и он одних лет. Он слаб на ногах, ходить не может и даже стоит с помощью трости. Завистники его славы, соперники, неприятели и даже друзья говорят, как будто он теперь беспокойного характера, терзаем желанием занимать свет своей особой и славой. Прошедшее невозвратимо, но и слава прошедших дней прекрасна, и ею надобно довольствоваться, когда она бессмертна, как французский язык и французская литература. И вам, любезный друг, и Жуковскому, Пушкину, Языкову, и некоторым другим предстоит бессмертие и на земле, а нам, несчастным, совершенное забвение. Эта мысль меня часто огорчает. Дайте мне хороший совет, чтобы сделаться как можно скорее известною, выдумайте что-нибудь необыкновенное. Но пора кончить, и потому простите. Нозинька хочет прибавить несколько слов; надо ей место оставить. Наш дружеский поклон нашему дорогому Жуковскому.

<Приписка графини А. М. Виельгорской:>

Любезный Николай Васильевич, пожалуйста, пишите Софье Михайловне. Она немножко унывает. Вот ее слова: «Il me faudrait deux ou trois bonnes conversations avec notre cher ami, pour me calmer el me remettre sur la bonne voie». Прощайте, я вам напишу прежде конца месяца.

Анна Михайловна.

925. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Рим. Марта 15 <н. ст.> 1845.

Три месяца сочиняя эскиз «Воскресения Христова», я все поджидал в Рим Тона. Его встретили все торжественным обедом, где он объявил мне громогласно, что поручает мне самую отличную работу в московском соборе, то есть на парусах написать

четырех евангелистов, прибавив, что его слово *верно* и *неизменно*. Все с шумом бросились меня поздравлять. А я, пораженный горькой переменой предмета, не знал, что делать. Тон, как видно, дивился моему безвосхищению; все другие, получившие от него поручения, были в полном восторге. Образ «Воскресения» остался за Карлом Брюлло.

В студии моей Тон был очень доволен, но взгляд его на искусство наше и устарел, и никогда не был воспитан высокой тишиной Рима. Он кажется каким-то хозяином-повелителем, привык видеть в живописцах и скульпторах своих покорных работников — слишком трудно уцелеть в Петербурге!

Самое утешительное то, что он обещался за меня поговорить в Академии, чтобы доставить мне трехлетнее содержание на окончание моей настоящей картины. Если это в самом деле будет, то мне больше ничего и желать не надобно. Что будет после: из русской ли истории сюжет писать мне или заборы и стены красить из-под палки — об этом у меня и заботы нет.

Жеребцова обещалась Моллеру уговорить Волконского, чтобы не останавливать обо мне представления академического. Ведь Петр Михайлович, когда дело идет о выдаче денег, привык обыкновенно без разбору останавливать. Хорошо, если бы вы потрудились написать А. О. Смирновой, чтобы при приезде Тона в Петербург тотчас поговорила бы с Лейхтенбергским обо мне, а то ведь эти господа все забывают.

Я ходил, хлопотал и писал, сделал все, что постигает ум мой, к доставлению себе способов на окончание картины. Все человеческое сделано, отдаюсь теперь на волю Божию.

Моллер часто мне надоедает своими мелкими поручениями и просьбами. Я думаю, что я запрусь от него, хотя его и очень люблю. Киля ждут со дня на день. Я решился его не пускать в студию и не представляться. Знаю, что рискую на беды, но что мне делать? Скажите!

Пожалуйста, ответьте мне скорее на это письмо, чтобы я знал, что вы его читали. Скажите также, получили ли вы письмо мое к А. О. Смирновой и два других — мое и Моллера, посланные к вам в Париж?

С неделю, как отсюда тронулся Чижов. Он будет до 15 мая в Венеции. Третьего дня уехал Тон. Он — прямо в Петербург, почти нигде не остановится.

Вам совершенно преданный

Александр Иванов.

926. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Черновой автограф

<Март (н. ст.) 1845. Рим>

Два слова о Шаповаленке.

Его копия с Перуджина так и осталась. Он ее в мае месяце пошлет в Петербург на выставку вместе с альбанской девушкой, греющейся скальдиной, что принадлежит уже Галагану, и присоединит сюда копию для великой княгини Марии Николаевны с «Мадонны» Рафаеля и ваш заказ головы Христа с «Преображения»; может быть, и еще что-нибудь из этюдов голов римских. Вот уже седьмой месяц, как он ходит к секретарю русских художников Сомову, чтобы получить ответ, согласен ли будет Бутенев ему что-нибудь заказать на казенные деньги или нет.

Если бы я еще не имел бы кое-каких денег, то Шаповаленко сто раз бы умереть мог с голоду.

Да, да, да, Николай Васильевич, не вините меня, что я за два года заботился о моем положении. 7-мь месяцев недостаточны, чтобы услышать только, будет ли вспоможение или нет.

Мое почтение Василию Андреевичу. Пишите в кафе Греко. Шаповалов, однако ж, не теряет ни духу, ни времени; я его точно так веду по дороге учения, как прежде. За письмо Чижову 19 <*нрзб.*>.

A monsieur monsieur Nicolas de Gogol.
A Francfort sur le Maine.
Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor...

927. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Середина 1840-х гг.>

Мысль, чем важнее, тем больше требует строжайшей своей девственности; рассказанная вполовину уже не имеет своей силы и, следовательно, не интересует.

928. Графу А. П. Толстому

Франк<фурт>. 1845. Март 29 <между 20 и 28 марта н. ст.>.

Ваше письмо от 10 марта несколько грустно. Понимаю, как трудно переносить *черствость* душевных состояний, но знаю вместе с тем, что велико Божие милосердие. Не трудно веселиться и светлеть духом, когда с нами пребывает благодать Божия и Бог

не оставляет нас ни на минуту.[1] Но зато в несколько раз выше подвиг того, кто, не получая благодати, не отстает от Бога и выносит крест, тягчайший всех крестов — *крест черствости душевной.* Поверьте, что искать, желать, просить и молить о благодати есть уже действие и подвиг. А потому, чем меньше исполняется наше моленье и замедляется ответ нам, тем сильней и тверже должны мы быть в надежде на Бога, и поступающий так не будет в убытке в будущей жизни и получит место перед многими праведниками, из которых некоторым относительно его[2] может сказаться то же, что сказано было человеку, вкусившему удовольствие на земли, т. е. ты имел уже на земли многое. А потому, мне кажется, более из нас грешен[3] тот, кто, возгордившись благодатным состоянием души своей, возмнил бы, что он уже достиг того, что нужно, что ему нечего уже делать, что ему можно уже покойно умереть, что он уже достоин Небесного Царствия. Будьте же тверды и не уставайте в молениях, исполните буквально всё, что я вам писал относительно чтения Тихона, хотя я и не знаю, получили ли вы письмо мое вместе с посланною книгою. Как вижу из письма вашего, вы не получали вовсе тех двух писем,[4] которые были посланы ко мне из Франкфурта Жуковским с аккуратной выставкой адреса вашей квартиры. Убедительно прошу вас разведать и допросить самого шефа парижской почты. Весьма может быть, что они лежат там в poste restante, и ваша привратница[5] отправила почтальона лаконическим словом: «уехал». Впрочем, здешние купцы жалуются беспрерывно на парижские почты, сознаваясь, что неисправнее их нет в Европе. Ваше письмо, означенное 10 числом марта, получено здесь 20 марта; стало быть, оно шло ровно десять дней, если только было отправлено тотчас по написании. О себе ничего не могу сказать вам утешительного. Здоровье мое хуже и хуже. Появляются такие признаки, которые говорят, что пора, наконец, знать честь и, поблагодарив Бога за всё, уступить, может быть, свое место живущим. Но да будет во всем Его святая воля! Угодно будет необыкновенным чудом Ему спасти и продлить жизнь мою, велика тогда будет сила Его и высшая премудрость. Угодно будет прервать ее, велика также будет Его сила и высшая премудрость, и это будет знак, что смерть моя, верно, была полезней

[1] *Далее начато:* Но трудней христианину в те минуты

[2] относительно к нему

[3] был бы грешен

[4] писем моих

[5] парижская портьерка

и нужней самой моей жизни. Но во всяком случае не прекращайте ваших молений, сильней и сильней молитесь обо мне Богу, чтобы не оставлял Он меня ни на минуту, — тем более, что болезненные мои минуты бывают теперь труднее, чем прежде, и трудно-трудно бывает противустать противу тоски и уныния. Часто желалось бы иметь под боком вас или подобно вам думающего только о спасеньи души человека, тем более, что братски и союзно-согласованное чтение книг, полезных душе, мне много помогало всегда. Самому не всё и не так читается, с человеком безучастным и не знакомым с подобным положением души тоже не так читается. Не раз случалось мне ощутительно[1] слышать всю силу слов Христовых: «Где вас двое, там и Церковь моя». И потому я думаю, что тоскующий должен искать тоскующего и, братски подав один другому руку, молиться от всех сил ко Христу, да придет к ним. Вы теперь тоскуете. Сама природа, кажется, тоскует: зима, повергая в изумленье всех, длится без конца; не стаёт уже дров в здешних лесах и продается на вес всякое полено; находят беспрерывно людей замерзших, барометр подымается беспрерывно вверх, и здешние лазареты наполняются беспрестанно больными по причине необыкновенного и вредоносного состояния воздуха. До сих пор не прекращался мороз, и беспрерывно показывался вновь снег. Благословен Бог, испытующий нас, и да внушит[2] нам стоять твердо в наши нетвердые минуты. Не пропускайте ни одной обедни. Молитесь о себе и обо мне, крепко и сильно молитесь. Просите и графиню, о которой я также буду молиться, как и о вас, и которой посылаю искренний и душевный поклон и желанье сердечное благодатного говенья.

Весь ваш Г<оголь>.

Пишу к вам в день пасхи лютеранской и католической, и да удостоит нас Бог дождаться и нашей, и так, чтобы сказать еще с большей верой и надеждой противу прежнего друг другу: «Христос Воскрес!»

929. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Отрывок

Париж, 16 марта <н. ст.> 1845.

Нужно ли просить вам раз навсегда письма мои уничтожать, и что содержание их про вас одного?

[1] *В подлиннике:* очутительно
[2] внушит полезно

930. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Отрывок

19 марта <н. ст.> 1845 (Из Парижа).

...которое говенье, между прочим, никому из нас не удается: без вашего посредства никто не умеет к священному подступиться. — — — В порядочные минуты я с женою или один читаю. Духовное еще не очень, увы, совсем даже не действует на меня.

931. Ф. Н. Беляев — Н. В. Гоголю

20 марта <н. ст.> 1845 г. Париж.

Милостивый государь, Николай Васильевич! письмо ваше я имел честь получить, но уже тогда, когда *меня разобрало неугомонное желание* (а я прибавлю: и душевное удовольствие) и когда я вследствие сего написал уже большую половину Литургии Василия Великого на греческом и на латинском в два столбца. Я не стал переписывать вновь, признаться, потому, что не хотелось бросать дела, которого большая часть была кончена; потом рассудил, что если вам угодно, то очень легко можно вставить между страницами и славянский текст, стоит только расшить мою тетрадь и опять сшить. О формате вы пишете, чтоб был не больше той восьмушки, на которой написали ваше письмо; вы изволите увидать из приложенной при сем тетради, что она форматом своим действительно не больше вашей восьмушки. Но вы пишете, чтоб он был и *не меньше*, а потому и это меня заставило продолжать и кончить так, как уже было начато. Впрочем я бы все исполнил по вашему желанию, если б оно было мне известно прежде. Извольте, я поправлю свою ошибку и напишу сызнова, только уведомьте меня аккуратно о том, что и как вам угодно. А теперь покорнейше прошу принять мое усердие в таком формате и в стольких столбцах, в каких оно само выразилось, по моей истинной к вам любви и сердечному почтению. На греческий же я переписал (хотя вам греческий, может быть, и не нужен) как бы в возмездие за то лишение, которое, может быть, вы испытали, предоставив мне исправное римское издание. Но и в нем есть ошибочки, напр<имер> в первом слове на первой строке 82-й страницы вм<есто> μεταβαλὼν напечатано μεταβαλγν, а может быть, найдутся и другие. Зато я в своем списке, посылаемом к вам, старался всячески избежать ошибок, сличая для сего три издания и употребляя смысл. Пунктуацию же я оставил Гоаровскую почти всю, не считая ее важным делом (а признаться, из лени). — Если я найду такую же книгу, то к вам не премину ее доставить, а до сих пор еще не нашел. Священник наш, — тип доброумно-

русского человека, — списал для вас собственноручно стихи Филарета, а выписку из книги посовестился сам списать, говоря, что почерк его руки не хорош. Эти два рукописания при сем имею честь приложить. Он искал и спрашивал в двух протестантских книжных лавках и у протестантского пастора Лютерова катехизиса на французском. Однако ж он говорит, что не потеряет этой книги из виду и все-таки будет искать, и если найдет, то к вам доставит этот. Наш священник, Дмитрий Степанович Вержинский[1], просил меня написать к вам, что он, как постоянный житель Парижа, все может, что только может, с большим удовольствием для вас исполнить и что вам будет угодно, только стоит к нему написать, и об этом он вас просит. Вот его адрес: № 4. Rue Neuve de Berry F–g du Roule. Он бы и сам к вам хотел писать, но говорит: «*не знаю, к чему придраться*».

Списанную мною Литургию Василия Великого в обертке с золотым крестом, стихи Филарета, выписку из книги о каждении и это письмо я передал графу Толстому по вашему назначению для доставления к вам и просил его не замедлить.

Затем благодарю вас тысячекратно за то, что вы меня натолкнули на мысль обратить внимание на наши православные священнодействия, которые возвышают мысль, услаждают сердце, умиляют душу и проч. и проч. Без вас я бы не был деятельным в подобном чтении, а имея его только в виду, все бы откладывал, по моему обыкновению, в долгий ящик. Это чтение есть истинная манна, манна вышенебесная! Итак благодарю вас еще, желая вам от *чистого сердца совершенного здоровья и счастия* во всем том, в чем только можно и должно находить истинное счастье, с особенным уважением, душевною преданностью, искренним расположением и всегдашнею готовностью пребыть честь имею вашим покорнейшим слугою Феодор Беляев.

<Дарственная надпись Ф. Н. Беляева Н. В. Гоголю от 16 марта 1845 г. на рукописной книге с греческим текстом Литургии святителя Василия Великого, с параллельным латинским текстом (отправлено при письме к Н. В. Гоголю от 20 марта (н. ст.) 1845 г.)>

НІКОЛАЮ ВАСІЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ,
ВЪ ЗНАКЪ ПАМЯТИ, ЛЮБВИ И ПОЧТЕНІЯ,
ОТЪ ѲЕОДОРА БѢЛЯЕВА.
ПАРІЖЪ. МАРТА 20 ДНЯ. ҂АѾМЕ ГОДА.

[1] *Следует*: Вершинский

932. Графу А. П. Толстому

<28 марта — 1 апреля (н. ст.) 1845. Франкфурт>

Марта 28. Фран<кфурт>.

Я получил ваше письмо, писанное 19 марта. Благодарю вас за него и за участие. Здоровье мое, кажется, лучше, хотя я и не смею еще предаваться надежде совершенно поправиться. Но Бог милосерд. Благодарю вас и за молитвы; я чувствую, что вы молились. Не скрою, что признаки болезни моей меня сильно устрашили: сверх исхуданья необыкновенного, боли во всем теле. Тело мое дошло до страшных охладеваний; ни днем, ни ночью я ничем не мог согреться. Лицо мое всё пожелтело, а руки распухли и почернели и были ничем не согреваемый лед, так что прикосновение их ко мне меня пугало самого. Я, однако ж, крепился духом и даже скрыл всё состояние болезни от Жуковского, заметивши, что он начал обо мне беспокоиться и за меня побаиваться. Теперь с оттепелью как будто бы оттаял и я, но, вероятно, не скоро приду в возможность совершить какую-либо дорогу, хотя бы она была мне и полезна. Притом вы, верно, уже слышали о несчастии, постигшем всех по поводу разлития рек. Никогда никто не запомнит подобных наводнений. Пол Франкфурта в воде. Вместо улиц — каналы и лодки. Наш дом, как среди моря: всюду волны, и вода прибывает, и бедные жители уже доныне понесли большие потери. Вид водных пространств, выбирающихся из домов и переезжающих жителей грустен и поневоле надрывает жалостью. Дай Бог, чтоб это продолжалось недолго. Помолитесь и вы. Помолимся все и о всех, потому что несчастных будет много и бедствовать придется многим. Но да обратит Бог всё во спасенье всем! Не позабывайте душеспасительных чтений во всё время поста. Покаместь писать вам много не в силах, по причине слабости и изнурения душевного, от которых еле прихожу <в себя>. Притом не знаю даже, когда дойдет до вас[1] это письмо: всюду моря и нет проезда. К графиням не пишу, но скажите им, что мне лучше. Письмо от графини, писанное 14-го марта, получе<но>. От вас я получил также вместе с вашим и то, которое вы получили на имя мое в Париже и которое, завернув в другой пакет, отправили мне. Но двух писем, отправленных Жуковским, я не получал до сих пор; что с ними сделали в Париже — не знаю. По здешним справкам из Франкфурта они точно отправлены. Посылаю вам нарочно расписку из здешней почты на Тихона, если вы его не получили, дабы могли показать ее парижским почтовым плутам.

[1] когда вы полу<чите>

Уведомьте, отчего письмо из Брюсселя было отправлено обратно, и что значит: *обратно?* В Брюссель ли или во Франкфурт? Журналов русских здесь не имеется никаких, равно как и новостей, а потому, если бы вы сделали выписки, насчет которых изъявляете готовность, то это был бы подарок. Затем обнимаю от всей души вас, а графине посылаю душевный поклон.

Весь ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Paris.

Son excellence m-r le c<om>te Alexandre Tolstoy.

Paris. Rue de la Paix, 9. Hotel Westminster.

<*Штемпель:*>

Frankfurt. 1 Apr. 1845

933. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

1845, марта 10. Москва.

Давно я не писал к вам, милый друг Николай Васильевич, и сам давно не получал от вас писем. В продолжение этого времени «много утекло воды», как говорит русская пословица. Кажется, я и прежде писал к вам, что начинаю худо видеть левым глазом; это худо все идет хуже. Один глаз — так и быть! Я дожил бы век с правым глазом, но вот беда: в нем уже начинаются те же явления, какие предшествовали помрачению левого!.. Делать нечего, обратился я к гг. докторам и — тут увидел все их невежество, по крайней мере здесь, теперь, по части глазных болезней!.. Назад тому две недели многие говорили не то, что теперь. Альфонский находит, что катаракт начался на обоих глазах. Ради Бога просит не лечиться и не мучить себя по-пустому, ибо ничто не может остановить хода болезни. Броссе ничего не находит покуда; а Иноземцев грозит такой слепотой, которая хуже темной воды, и пр. и пр. Но все согласны (кроме Альфонского), что нужно кровопускание, пиявки, мушки, фонтанели, слабительные, диета... всю эту мерзость я уже испытываю на себе другой месяц... Не видя пользы, я решился отдохнуть и теперь пятый день лечусь — гомеопатией у Хомякова... разумеется, я не верил ей, но первые приемы сначала оказали сильное действие на припадок мой, происходящий от неправильного кровообращения. Как знать, чудес на свете много! Может быть, и глазам моим будет лучше!.. Как истинному другу, должен я вам признаться, что я нехорошо встречаю мою страшную беду. Если нет христианского смирения и покорности воле

Божией, то есть человеческое достоинство, твердость, спокойствие духа — я не могу ими похвалиться. Покуда я — гнев, ропот и волненье.

Вероятно, вы, милый друг, не станете более получать от меня собственноручных писем. Я иным уже не пишу их. Пусть эти строки напоминают вам последние усилия моего зрения. Обнимаю вас крепко.

Ваш С. Аксаков.

934. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<10 марта 1845. Москва>

Вот тебе еще стихотворение под стать тем, которые я посылал к тебе в Париж. Александр Иванович Тургенев выписывает из Москвы объяснение на мое послание «К ненашим», и Хомяков и Димитрий Николаевич Свербеев послали ему свои комментарии: первый за меня, а другой, вероятно, против того духа, который подвигнул меня на этот подвиг. За стихи к Шевыреву осердился на меня и Английский клуб, а о московских представителях направления «Отечественных Записок» и говорить нечего!

Во Франкфурте ты, конечно, видел уже 1-й № «Москвитянина». Каков И. В. Киреевский? Есть надежда, что наш журнал пойдет ходко: с первого № число подписчиков умножилось от 400 до 700. Оно еще вырастет значительно. 2-й № еще лучше, сильнее, важнее и дельнее, нежели первый. Даже сам П. В. Киреевский выступает на сцену мира сего: пишет опровержение на статью Погодина, напечатанную в 1-м №. Это восстание московских писателей и всей нашей братии ото сна — дело вовсе русское! У нас все так: или все притаятся, или если один примется работать, то и другие, на него глядя, встанут и расходятся. Много может сделать русский человек, когда пошло на задор. Это не зависть, не желание перебить другого — это одно благородное чувство, которое, как электричество, разом потрясает всех держащих друг друга за руку!

У нас о сю пору продолжается зима, то и дело бывает по 15 градусов холоду, а весна уже на дворе по календарю. Едва ли пошлет меня Иноземцев за границу; на днях я переговорю с ним об этом подробнее; он, кажется, хочет пользовать меня холодною водою, и я буду проситься у него съездить летом в Симбирск, в деревню: мне, брат, крайне наскучила столичная жизнь, в уединении мне было бы лучше и как больному и как писателю, если

бы я мог только находиться там под надзором хорошего медика. Куда устремишься ты будущим летом? Не во Франкфурте же сидеть тебе? Или на воды? Напиши мне; я буду по-прежнему посылать тебе обычные порции моих каракуль. Прочти в «Москвитянине» все статьи, под коими напечатано «К.»; во втором № прочти и «Спорт» — это хомяковская штучка.

Будь здоров.

Твой Н. Языков.

Марта 10 дня. 1845

935. А. О. Смирновой

Франкф<урт>. 2 апре<ля н. ст. 1845>.

Отвечаю вам на письмо ваше от 1-го марта. Во-первых, благодарю за него. Здоровье мое как бы немного лучше. От денег не откажусь,[1] единственно, чтобы не спорить с вами бесполезно. Но если только милость Божия будет так велика ко мне и пошлется мне освежение и силы для труда, то я вам их выплачу, и вы должны будете принять эту уплату, ибо с таким условием и с такою милостью Бога у меня будет гораздо больше денег, чем можете вы думать, потому что расход тех сочинений, которые бы мне хотелось пустить в свет,[2] т. е. произведений *нынешнего меня,* а не прежнего меня, был бы велик, ибо они были бы в потребу всем.[3] Но Бог, который лучше нас знает время всему, не полагал на это Своей воли, отъявши на долгое время от меня способность творить. Я мучил себя, насиловал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и всё выходило принужденно и дурно. И много, много раз тоска и даже чуть-чуть не отчаяние овладевали мною от этой причины. Но велик Бог, свята Его воля и выше всего Его премудрость: не готов я был тогда для таких произведений, к каким стремилась душа моя, нужно было[4] мне самому состроиться и создаться прежде, чем думать о том, дабы состроились и создались другие. Нельзя изглашать святыни, не освятивши прежде сколько-нибудь свою собственную душу, и не будет сильно и свято наше слово, если не освятим самые уста, произносящие слово. Друг мой добрый и прекрасный,

[1] не откажусь, что<бы>

[2] произвест<и> и пустить в свет как

[3] *Далее начато:* но милосерд<ный>

[4] Нужно было прежде

помолитесь обо мне, помолитесь сильно и крепко, чтобы воздвигнул Господь во мне творящую силу. Благодатью Духа Святого она может только быть воздвигнута, и без сей благодати пребывает она, как мертвый труп, во мне, и нет ей оживотворения. Слышу в себе силу и слышу, что она не может двигнуться без воли Божией. Молитесь же, друг мой, крепко и крепко; как только можете помолиться, так помолитесь о мне. От болезни ли обдержит меня такое состояние, или же болезнь рождается именно оттого, что я делал насилие[1] самому себе возвести дух в потребное для творенья состоянье, это, конечно, лучше известно Богу; во всяком случае я думал о лечении своем только в этом значении, чтобы[2] не недуги уменьшились, а возвратились бы душе животворные минуты творить и обратить в слово творимое, но леченье это в руках Божьих, и Ему Одному следует его предоставить. Насчет Призница я с вами согласен и не думаю, чтобы мне было удобно это лечение. Призница средства могут быть мне полезны в самой малой мере, т. е. почти таким образом, как можно употреблять самому, без доктора. Лето мне следует провести в путешествиях и переездах: это действует на меня хорошо. В конце лета думаю отведать морского купанья. С вами хотелось бы подчас сильно увидеться, но ехать в Россию теперь на короткое время не могу, с этим много хлопот, особенно возня выезжать вновь и притом весьма скоро. Притом приезд мой мне был бы не в радость; один упрек только себе видел бы я на всем, как человек, посланный за делом и возвратившийся с пустыми руками, которому стыдно даже[3] и заговорить,[4] стыдно и лицо показать. Я слишком знаю и чувствую,[5] что до тех <пор>, пока не съезжу в Иерусалим, не буду в силах ничего сказать утешительного при свиданьи с кем бы то ни было в России. А потому молитесь обо мне; вновь вас прошу и умоляю, молитесь, чтобы Бог споспешествовал моему намерению, чтобы, во-первых, укрепил и послал мне возможность изготовить, что должен я изготовить до моего отъезда, и послать к вам, вместо меня, в Петербург. Это будет небольшое произведение и не шумное по названию в отношении к нынешнему свету, но нужное для многих и которое доставит мне в избытке деньги, потребные для пути. А на осень и зиму чтобы мог я переехать

[1] это насилие

[2] то есть, чтобы

[3] *В подлиннике:* и даже

[4] заговорить с сво<ими>

[5] чувствую хорошо

в Рим и провести это время плодотворно и как нужно душе моей, а с началом нового будущего года чтобы мог я изготовить<ся> к отъезду и приехать в Иерусалим к посту и Пасхе, а после Пасхи, исполнивши, как следует, пребывание в Иерусалиме,[1] возвратиться в Россию. Тогда ступлю я твердой ногой на родную землю, и будет в радость и мне и вам мой возврат, и всякому буду тогда, быть может, в помощь, в каком бы положении он ни находился, в каком бы звании ни состоял и какое бы место ни занимал, и всем буду родной, и мне все будут родные… Теперь же, покаместь, и мне все чужие, и я всем чужой. Приехать в Россию мне хочется таким образом, чтобы уже не уезжать из России. Дух мой жаждет деятельности и томится от бездействия, но, не совершивши этого путешествия, я приеду на бездействие и на тоску в Россию. Любовь уже есть в душе, но не оживотворена и не благословена еще силою высшею и не двигнется благодетельным движением во благо братьям. Молитесь же обо всем этом. Вы уже другой раз говорите мне, чтобы я не скрывал того, что во мне, от всех, да светят дела наши миру. Но того, что есть пока во мне, еще не так много, чтобы засветить миру, да и не от меня зависит, как видите сами, обнаружить его и двигнуть напоказ. Но довольно.[2] Пишу для вас и не показывайте никому моих писем. Уведомьте меня теперь о себе относительно предстоящего лета. Что вы намерены с ним сделать и куда отправляетесь? Об этом напишите мне теперь же, мне это нужно знать предварительно. Жуковский совершенно здоров и бодр духом, продолжает работать; он было на два месяца несколько расклеился, но теперь слава Богу, и я бы желал, чтобы состоянье моего здоровья нынешнего было сколько-нибудь похоже на его.[3] Но мне было так трудно, что уже было приуготовился совершенно откланяться. И теперь я мало чем лучше скелета. Дело доходило до того, что лицо сделалось зеленей меди, руки почернели, превратившись в лед, так что прикосновенье их ко мне самому было страшно, и, при 18 град<усах> тепла в комнате, я не мог ничем согреться. Но Бог милосерд, жизнь моя не угасла; видно, она еще нужна. От вас посылку я получил доселе только одну, в ней заключалось два тома последних Тихона и «Христ<ианское> Чтение» за прошлый год. Миха<ил> Мих<айлович> оказался неаккуратным: даже не уведомил меня, есть ли у него какие-нибудь для меня пакеты с книгами. За то

[1] *В подлиннике:* Ересалиме

[2] *Далее начато:* Что я

[3] *В подлиннике:* на него.

же, что мною получено, вам очень благодарен. Хотелось бы вам писать больше, но устаю. Я думаю, что вы уже получили весьма длинное письмо мое, написанное уже очень давно, в ответ на ваши и Плетнева распоряжения. Не позабудьте о том уведомить.[1] Письмо же, писанное мною из Парижа, вы, кажется, получили, сколько могу судить из содержания вашего,[2] служащего как бы ответом, хотя вы и не упоминаете о получении как моего,[3] так и приложенного при нем письма от Иванова. Прощайте! Обнимаю вас от всей души!

Весь ваш Г<оголь>.

На выставку академиче<скую> в Петербург прибудет, может быть, весной или летом в числе других картин из Рима головка Спасителя из «Преображения» Рафаэля, копированная Шаповаловым и принадлежащая мне. Отправьте ее от моего имени преосвящ<енному> Иннокентию в Харьков.

<*На обороте:*>

S-t Pétersbourg. Russie.

Ее высокородию Александре Осиповне Смирновой.

В С.-Петербурге. На Мойке, близ Синего моста. В собственном доме.

936. Н. М. Языкову

Апреля 5 <н. ст. 1845>. Франкф<урт>.

Письмо от 10 марта получил и с ним стихотворение к Шевыр<еву>. Благодарю за него. Оно очень сильно[4] и станет недалеко от «К не нашим», а, может быть, и сравнится даже с ним. Но не скажу того же о двух посланиях: «К молодому человеку» и «Старому плешаку». О них напрасно сказал ты, что они в том же духе; в них скорей есть повторение тех же слов, а не того же духа. В том же духе могут быть два стихотворенья, ничего не имеющие между собою похожего относительно содержания, и могут быть не в том духе[5] напоминающие содержанием друг друга и, по-видимому, похожие. Это не есть голос, хоть и похоже на голос, ибо оно не двигнуто теми же устами. В них есть что-то полемическое, скорлупа дела, а не ядро дела. И мне кажется это несколько мелочным

[1] ув<едомьте>

[2] письма вашего.

[3] его

[4] сильно и хорошо

[5] не в том же духе

для поэта. Поэту более следует *углублять* самую истину, чем *препираться* об истине. Тогда будет всем видней, в чем дело, и невольно понизятся те, которые теперь ерошатся. Что ни говори, а как напитаешься сам сильно и весь существом истины, послышится власть во всяком слове, и против такого слова уже вряд ли найдется противник.[1] Всё равно, как от человека, долго пробывшего в комнате, где хранились благоухания, всё благоухает, и всякий нос это слышит, так что почти и не нужно[2] много рассказывать о том, какого рода запах он обонял, пробывши в комнате. Друг мой, не увлекайся ничем гневным, а особливо если[3] в нем хоть что-нибудь[4] противуположное той любви, которая вечно должна пребывать в нас. Слово наше должно быть благостно, если оно обращено лично к кому-нибудь из наших братии. Нужно, чтобы в стихотворениях слышался сильный гнев *против врага людей,* а *не против самих людей.* Да и точно ли так сильно виноваты *плохо видящие* в том, что они плохо видят? Если ж они, точно, в том виноваты, то правы ли мы в том, что подносим прямо к их глазам[5] нестерпимое количество света и сердимся на них же за то, что слабое их зренье не может выносить такого сильного[6] блеска? Не лучше ли быть снисходительней и дать им сколько-нибудь рассмотреть и ощупать то, что оглушает их, как громом? Много из них в существе своем люди добрые, но теперь они доведены до того, что им трудно самим, и они упорствуют и задорствуют, потому что иначе нужно им публично самих себя, в лице всего света, назвать дураками. Это не так легко, сам знаешь. А ведь против них большею част<и>ю в таком смысле было говорено: «Ваши мысли *все* ложны. Вы не любите России, вы — предатели ее». А между тем ты сам знаешь, что нельзя назвать всего совершенно у них ложным и что, к несчастию, не совсем без основания их некоторые выводы. Преступление их в том, что они некоторые *частности* распространяют на *общее,* исключенья выставляют в правила, временные болезни принимают за коренные,[7] во всяком предмете видят *тело* его, а *не дух,* и, близоруко руководствуясь аналогией видимого, дерзают произносить свои сужденья о том, что духом своим отлично от всего того, с чем они

[1] *Далее начато:* Кто д<олго>
[2] так почти об этом и не нужно ему
[3] *В подлиннике:* есть ли
[4] что-нибудь есть
[5] носу
[6] выносить слишком сильного
[7] *Далее начато:* и

сравнивают его. Следовало бы, по-настоящему, вооружиться противу сих заблуждений, разъять их спокойно и показать их несообразность, но с тем вместе[1] поступить таким образом, чтобы в то же время и тут им самим дать возможность выйти не совсем бесчестно из своего трудного положения. Тогда, кроме того, что многие из них сами обратились <бы> на истинный путь, но самой публике было бы доступней всё это и хоть сколько-нибудь понятней, в чем дело. Теперь же[2] она решительно не понимает, в чем дело и отчего так сильно горячатся у нас одни против других в журналах. Десяток людей сражаются между собою; те и другие говорят в слишком общем и пространном смысле; с обеих сторон крайности, не соединяющиеся никаким образом друг с другом; те и другие сражаются друг против друга уже выведенными результатами, не давая никому отчета, как они дошли до своих результатов, и хотят, чтобы всё это понятно было всем читателям. Конечно, многое понимается инстинктивно, потому что дух идущего века[3] действует своим чередом. Поэт может действовать инстинктивно, потому что в нем[4] пребывает высшая сила слова. Но кто хочет действовать полемически, тут потребна необыкновенная точность, разъятие ясное всего и ощутительное показание, в чем дело.[5] Храни Бог тут быть поэтом, как раз будешь сражаться с тенью и воздухом, бросая, вместо ядер, целые беспредельные пространства мыслей, то есть мысли слишком цельные, которые можно истолковать всячески. Я бы очень хотел теперь читать лекции Шевырева. Я уверен слишком в их значительности, но знаю также, что он способен человечески увлекаться, переходить нечувствительно в излишество, и потому весьма может быть, что отчасти повредил и себе и своему предмету. Но мы не получаем здесь решительно ничего. Скажи Киреевскому, что Жуковский на него сердит за то, что он не прислал «Москвитянина». Я сам также ехал во Франкфурт с приятной надеждой найти здесь 1 номер давно полученный, и вот с приезда моего сюда[6] протекло уже почти полтора месяца, а «Москвитянина» всё нет. Я всё еще нахожусь в больном и расстроенном состоянии. Временами бывает несколько лучше, времена<ми> вновь хуже. До сих пор не в силах писать

[1] но сохранить к ним по

[2] Потом что теперь <...>

[3] дух времени

[4] потому что он

[5] разъятие ясное всего и облечение всего в простое слово

[6] с тех по<р>

и трудиться, и малейшая натуга повергает меня в болезнь,[1] а что всего хуже, с этим соединяется всякий раз тоска, и не знаешь, куда от нее деться. Но отложим обо мне речь на конец[2] письма. Продолжаю о тебе. В послании твоем «К плешаку» слышно военнолюбивое расположение, вовсе неприличное твоему мирному характеру, по существу своему настроенному[3] к прохладам тишины, а потому я отчасти думаю,[4] не вмешались ли сюда нервы? А потому советую тебе рассмотреть хорошенько себя: точно ли это раздражение законное и не потому ли оно случилось, что дух твой был к тому приготовлен[5] нервическим мятежом. Эту поверку я делаю теперь всегда над собою при малейшем неудовольствии на кого бы то ни было, хотя бы даже на муху, и, признаюсь, уже не раз подкараулил я, что это были нервы, а из-за них, притаившись, работал и черт, который, как известно, ищет всяким путем просунуть к нам нос свой, и если в здоровом состоянии нельзя, так он его просунет дверью болезни. А потому советую и тебе также в таких случаях всякий раз обсматриваться на себя. А чтобы исполнить это успешней, перечти вновь мои письма, писанные к тебе по поводу «Землетрясения». И так как там многое, вследствие твоих же слов, согласно с твоими собственными мыслями относительно действований поэта в нынешнее время, то ты можешь весьма скоро сличить и увидеть, не отступил ли сам от собственных своих мыслей. А покаместь я тебе повторяю вновь: перетряхни русскую старину, особенно времена царей. Они живей и говорящей и ближе к нам. И ты в несколько раз выиграешь более, когда те русские стихии и чисто славянские струи нашей природы, из-за которых идет спор, выставишь в живых и говорящих образах. Твои[6] герои (а в героя может обратиться и всякий бездушный предмет) ходом и действием своим защитят сильней, чем бы ты сам защитил истину, ибо дело сильней слова. Но довольно. Обращаюсь от твоей души к твоему телу. На днях я был у Коппа, и он, расспрашивая о тебе, сказал мне, чтобы[7] я написал тебе, чтобы ты съездил[8] непременно еще один раз, и именно в нынешнее лето, в Гастейн, и потом морское купанье

[1] в болезнь и в худшее состояние

[2] к концу

[3] вообще настроенному

[4] заключаю

[5] приготовлен в то время

[6] Сами твои

[7] что

[8] еха<л>

на Северном море, или в Остенде, или в другом месте. В то же время прибавил, что не худо бы и мне сделать то же. А потому я и передаю это тебе к сведен<ию>. Как решишь, конечно, зависит от тебя и от твоего нынешнего состояния, но, во всяком случае, если бы тебе случилось, точно, ехать в Гастейн, то я готов тебя сопровождать и туда, ибо к Призницу я не отваживаюсь, тем более, что получил, наконец, известие от Россети, который бранит на все четыре стороны холодное свое лечение, говоря, что, кроме каторги самого лечения, никакого от него удовольствия, а пользы и на копейку <нет>, и который притом пророчит, что я никак не в силах буду выдержать курса. Я знаю только то, что где ни случится мне протаскаться летом, но нужно протаскаться и проездиться; дорога и переезды мне делали добро. А осенью — в Рим, где встречу и начало зимы, а в конце зимы — в Иерусалим, к говенью и Пасхе. А из Иерусалима — в Москву. Всё это, разумеется, в таком разе, если Бог будет так милостив, что повелит прийти в порядок душевным и телесным моим силам. Пришли мне «Путешест<вие> к Св. Местам» Норова, хочу посмотреть, что за вещь. Спроси у Шевырева, писал ли он ко мне или нет в ответ на мое письмо, писанное еще в прошлом году. Вопрос этот не упрек и не напоминанье, а хочу только знать, чьи были два письма ко мне, о которых я имею известие то, что они пропали между Франкфуртом и Парижем. Узнай также от Конст<антина> Серг<еевича>, получил ли Сер<гей> Т<имофеевич> от меня письмо с некоторым поученьем сыновьям его, в числе которых и ему,[1] т. е. К<онстантину> Серг<еевичу>, и что он думает о сем. Да распорядись,[2] чтобы к нам какими-нибудь судьбами дошел «Москвитянин». Может быть, пришествие его оживило бы сколько-нибудь литературные побуждения. Уведоми также, уехал ли Погодин в Иерусалим или отложил свою поездку на другое время. В последнем случае объяви ему о моем намерении, и если ему случится ехать на Рим,[3] то, вероятно, мы отправимся тогда вместе. Намерение твое ехать в Симбирск я не одобряю, а Жуковский, как услышал, даже закричал, чтобы ты ни под каким видом сего не делал, а Копп, если услышит, вероятно, тоже подымет вопль, да вряд ли и Иноземцев тебя отпустит. Что ни говори, люди всё-таки важная вещь: хоть они подчас и надоедят, но всё же потом обратишься к ним. Хороший доктор под рукой тоже не

[1] есть и ему

[2] распорядись таким образом

[3] в Рим

безделица, а этого в деревне не найдешь. Мой совет ужъ лучше послушаться Коппа и съездить в Гастейн, а после поездки заграничной наскучившая Москва приглянется вновь. А там подъеду я, и ты увидишь, что при мне будет многое сносно, особенно если я приеду из Иерусалима таким, как хочу приехать, внося мир, а не раздор в домы. Помолись же хорошенько Богу о себе, да и о мне тоже помолись, о здоровьи и о силах моих слабеющих. Восстание наше в Его святой воле, и всё от Него.

Обнимаю тебя от всей души.

Твой Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного, в Серебряном переулке. В доме Шидловской.

937. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Москва. Марта 20 <1845>.

Третьего дни получила, мой милой друг, через Николая Михайловича ваше письмо, и очень желалось мне вчерашний день к вам отвечать, но все это время нездоровилось, и пустили из руки кровь, то писать и невозможно было. Но надеюсь, что мое поздравление ко вчерашнему новорожденному дошло вовремя, я 25 февраля к вам писала и поздравляла с рождением. Все, чего вам, мой друг, желаю, Бог видит, молю благость Его, да поможет хранить душу в спокойствии, тогда повсюду вам будет хорошо и отрадно. Ради Христа берегите себя. Из письма вашего видно, что вы все хвораете, и очень грустно видеть, что вы от сего так унываете. Умоляю вас именем Иисуса Христа, не поддавайтесь искушению, не ослабевайте духом, а подвигайтесь вперед. Ради Бога не смущайтесь, что доселе не свершили путешествия, которое было побудительною причиною отъезда вашего из Москвы. Замедление наверное нисколько не уменьшило желания вашего поклониться Святым Местам. Если обстоятельства доселе не допустили вас насладиться сим блаженством, то сие нисколько не доказывает, чтобы вы внутренно отдалились от предмета, куды так пламенно душа ваша стремилась; намерение было чисто, свято, Сердцевидец то знает, Он вам и поможет свершить, Только ради Бога не смущайтесь, а уповайте на Того, Кто вам внушил сие желание. Говорите, пора отправиться в дальний путь. Ступайте с Господом, помолитесь Ему прежде, нежели что-либо

предпринять, Он вас и наставит, и поможет, как к Нему добраться; до Него близко, если мы сами только не удаляемся, в одно мгновение Ему все объяснишь, вздохнув от чистого сердца.

По отъезде вашем отсюда мы с вами часто переписывались и именно на сей счет часто беседовали. Вы на мой вопрос, когда отправитесь в дальний путь, всегда отвечали, что вам необходимо прежде кончить свой труд. Кончена ли эта работа, которая вас доселе удерживала от исполнения благого вашего намерения? Помоги вам Господи свершить сей труд для пользы ближнего, и собственного успокоения, дабы беспрепятственно могли отправиться, чтобы ничто внутренно вас не теснило. Сподоби вас Господи достигнуть желаемого, и минута этой невыразимо чистой радости, когда вы ступите на Святую Землю, сил не достанет высказать, скорее можно понять блаженство души, достигшей, чего давно жаждет. Часто, мой милой друг, о вас помнится пред Господом, молю Его от всего сердца, да по Отцовскому Своему милосердию Сам наставит, когда и где быть и творить Его святую волю. Тогда счастие ваше несомненно, потому что водворится в душе спокойствие, которое при помощи Божией поддерживает в испытаниях, кои мы встречаем в сей жизни, — и предавшись вполне этой благой воле, все на пользу нашу устрояющей, както надежнее идти. Все, даст Бог, уладится и свершится по желанию вашему — умоляю вас об одном: ради Христа не унывайте, ограждайтесь от него молитвою, убедитесь в том, что ничего без Промысла Божия с нами случиться не может; такая сладостная уверенность и в самых по-видимому неудачах придает душе силу, не ослабевая, продолжать свой путь со смирением. Весною, даст Бог, здоровье ваше поправится; и самое здоровье иногда, я думаю, зависит от внутреннего спокойствия. Говорите, мой друг, заранее о вас молиться, чтобы ниспослал Господь вам силы совершить сие путешествие, как должно истинному христианину. Мой друг, с того времени, как расстались, вот 23 маия будет три года, молюсь о сем и прошу Господа, дабы помог вам свершить для Спасения души вашей, и с минуты первого нашего столь нечаянного свидания мне так запало в сердце ваше желание отправиться в Иерусалим и так как мне это дорого и близко, истинно, с того дня молюсь о вас, мой друг, как о сыне, Богом мне данном, вручаю вас Отцу Небесному, с Ним и к Нему ступайте с умилением и упованием. Говели вы первую неделю? я по благости Божией сподобилась приобщиться Святых Таин, помнила о вас и в сие время, и в Самый Великий Праздник при радостном услышании:

Христос Воскрес! с любовию о вас вспомню. Кажется, в это мгновение расстояние исчезает, все близко, как будто вместе поздравляю вас, мой друг, с сим Праздником. Дай Бог нам его встретить в радости духовной. Вот, другой год, как мой образ с Бабарыкиным странствует и до вас не доберется. Но мысленно ежедневно вас от всей души благословляю, прощайте, мой милый друг, обнимаю, благословляю вас со всею нежностию матери и принадлежу на всю жизнь с др<ужеством>[1]. Христос с ва<ми!>[2].

Василья Андреевича поздравьте от меня с Великим праздником. Прощайте, еще вас благословляю.

Спаси вас Господи!

<На обороте:>

О Аксаковых ничего не писала, они сами недавно писали; а о Погодине слышала от них, что он путешествие свое отложил до весны, теперь доктора ему не позволяют. Прощайте, мой друг, пора печатать; еще благословляю, вручаю Покрову Божию.

Николаю Васильевичу Гоголь.

938. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Петербург, 20 марта 1845.

Любезный друг и брат, мне и за вас и по вас грустно: за вас — зная ваши страдания, по вас — для себя. Мне как-то чувствуется, что вам легче было бы, если бы мы встретились теперь, если бы опять вы жили, как в Ницце, меж нами, смотрели на Надежду Николаевну, забавлялись ее неожиданными выходками, читали мне вслух те книги, которых я забыть не могу, наконец позабылись бы в семейном быту, хотя чужом, но вам почти в родном. Мне как-то чувствуется, что вам, вместо всяких вод и лечений, приехать было ко мне в деревню, где я провожу лето одна с детьми. (Н<иколай> М<ихайлович> едет лечиться за границу.) Вот как я это все в своей головушке устроила. В тот день, когда решится минута и час моего отъезда, я к вам напишу, если точно уединение мое так же будет свободно, как в Ницце, если точно я одна с детьми поеду в село Спасское, тогда вы отправитесь из Франкфурта на Петербург в Москву, где останется два дня для свидания с Аксаковым С. Т. Экипаж вас будет ждать, ждать, и вас перевезут ко мне, в 70 верст от Москвы, в такую мирную глушь в такие бесконечные поля, где, кроме миллионов сенных скирд,

[1] *Край листа оторван.*
[2] *Край листа оторван.*

песни жаворонка и деревенской церкви, вы ничего не увидите и не услышите. Отведен вам будет флигель, где вы одни будете царствовать. Старый Илья, который на флейте игрывал в оркестре забытого шута Позднякова, будет вам служить. Марья Даниловна, которая слывет колдуньей на селе, постелю будет стлать. Луй, вам известный парень, будет вам подавать кофе со сливками, подобными громоклеевским и которые Василисса отпустит всегда с преважным и гордым видом. Обедня будет всякий день, потому что церковь села Константинова напротив, через паром только перейти, и священник препорядочный человек. Соседей нет, или почти нет. За обедом вы встретите детей, Марью Яковлевну Овербек, которую вы любите, и меня. Душа моя прыгает и веселится, когда я воображу такую радость. Если бы вы и захотели повидаться кое с кем, мы выпишем кого вам угодно. Если бы вдруг вы захотели нас оставить, мы вас отошлем, куда угодно. Словом, мы так друг с другом поступим на деле, как делали до сих пор на словах. Вы меня бранили — я слушала; вздумала вас разбранить — вы меня вдвойне разбранили, потому что мы уже не можем ни сердиться, ни считаться. Кто кому обязан. Это Божие дело разузнать. До сих пор я всем у вас в долгу всячески. Знайте же вы, что и эти деньги были не мои. Они точно у меня лежали, но меня просили даже выдать их за мои, но теперь позволили сказать, что они были оставлены совсем на мое распоряжение! Вы никогда не узнаете, откуда они, а молитесь за эту особу горячо. Она чиста и прекрасна душою. Меня немного удивляет, что вы не хотите ничего принять у меня. Если бы вы были богаче меня, я никогда бы не остановилась у вас попросить. Вы представьте себе, что я ведь в самом деле очень богата. Мне Н<иколай> М<ихайлович> дал все доходы в полное распоряжение. Прежде я, не зная всего хода дел, сорила деньгами, а теперь я всем дорожу и знаю, как и когда и в чем себе отказать. Если вы у меня возьмете, вы уже меня невольно заставите сделать доброе дело. Давать мне всегда было легко и приятно, но отказывать я себе ни в чем не умела; а теперь я хочу этому учиться, потому что распоряжаюсь без всякого контроля сотнею и более тысяч в год. Но впрочем хорошо и то, что у меня были чужие деньги в руках. Наши души выше обязательств светских. Знайте, что я это чувствую точно так, как чувствую, что мы не можем поссориться никогда. Вы не с лицевой стороны меня видали и полюбили. Хотя бы вы это не сказали мне, так я все-таки это бы почувствовала; оттого и уверена, что никогда и ничто не может отдалить друг от друга. И так подумайте о моем предложении.

Между тем Аркадий вам пишет свое мнение о Приснице, хотя очень затрудняется. Он не совсем против этого лечения, но находит, что есть преувеличенность в способах. Ханыков, напротив, убежден, что Присниц совершенно знающ в своем деле и что каждое его предписание основано на глубоком знании природы человеческой и соединяется с весьма верным взглядом. Ханыков, впрочем, и по словам Аркадия, склонен к энтузиазму. Дело в том, что ему гораздо лучше и что, при малейшем нездоровьи, он лечится водою. Я прилагаю вам записку от каждого из них, и вы выберите середину из этих двух мнений.

Вчера я обедала у Веневитиновых. Софья Михайловна беременна и очень нездорова. Ей раз пускали кровь, после приставляли пиявки; у нее кровь в волнении, вечером жар. Несмотря на это, она принимает и выезжает. На Владимира Александровича я махнула рукой. Вчера он проспал и прозевал все после обеда и валялся, как в Ницце. Если не таскается по вечерам, то оттого, что болен, и когда может выйти, то уже ничем его дома не задержишь. Я Софью Михайловну видаю мало и не знаю, что у нее теперь на душе; кажется, однако, что она спокойнее. Дай Бог, чтобы приезд графини Вьельгорской не нарушил это спокойствие. Она ничего не знает об ее здоровьи, и вы — смотрите — не проговоритесь, если встретитесь с ней. А С. М. надобно будет поберечь, когда подойдет время ее родов: особенно избегать всяких душевных тревог и волнений.

Дети, слава Богу, здоровы. Я продолжаю читать с ними по воскресеньям, после обедни. На неделе, когда удастся, читаем по-русски Пушкина, по местам и Жуковского. Читали «Марфу Посадницу» с наслаждением. Надежда Николаевна обыкновенно дуется, когда я читаю вслух. Она любит обращать вниманье публики единственно на свою персону. Она читает изрядно по складам по-русски и выговаривает очень хорошо Э *оборотное.*

О своей душе скажу, что она полна добрых намерений, желания отказаться от всех наслаждений, от всех увлечений, но все это намерения и старания, а крест тяготит, и душа так изнемогает иногда, что в слезах бессилия и в горючих слезах высказывается ее немощность.

Прощайте. Ваша от души. Жду ответа.

939. Протоиерею Иоанну Базарову

<Середина апреля (н. ст.) 1845. Франкфурт>

Приезжайте ко мне причастить меня, я умираю.

940. Я. В. Ханыков — Н. В. Гоголю

Отрывок

Середина марта 1845 г. Санкт-Петербург.

<...> Гигиенические способы, устраняя все противоестественное, могут восстановить силы наши лишь в известной степени расстройства; при значительнейшем же расслаблении необходимо более положительное пособие, применение средства, которое, действуя не на один орган, а на весь организм, не увеличивая чрезмерно жизненной деятельности, но только постепенно возбуждая ее, вместе с тем не ограничивалось бы одним отклонением вредного нашему здоровью, но положительно бы укрепляло тело — средство это есть вода: внутреннее употребление ее, содействуя пищеварению и разводя завалы, не ослабляет, как ревень, а укрепляет желудок; наружное — вызывая на кожу, в виде нарывов и чирьев, вредные соки и скопления, не только не разрушает на будущее, подобно теплым минеральным ваннам, деятельности пор, но обеспечивает правильное отправление их, уничтожает раздражительность и омертвение нервной системы, — и все это, не истощая больного, не заставляя его голодать, или сидеть в душной комнате, даже в припадках острых недугов, каковы горячки, лихорадки, корь и проч. Теоретическое объяснение этих результатов в одном из двухсот сочинений, о гидропатии изданных; лучшие: «Hydrotherapie» par Scoutetine и «Die Gröffenberger Wasserheilanstalt» von Munde; практическое же доказательство в виде греффенбергских больных столь обманчиво, что два английских доктора, посещавших это заведение, печатно объявили, что там нет ни одного истинно больного, а все только недужные, между тем как значительная часть там пользующихся признана была аллопатами неизлечимою. Потому я и не стану утруждать вашего внимания многочисленнейшими рассуждениями; присовокуплю только, что вода, составляя могучее, весь организм укрепляющее средство, открывает также возможность действовать преимущественно и на *одну* страждущую часть тела, возбуждая в ней усиленную деятельность, или оттягивая приливы к другому месту посредством частых ванн и примочек. Сверх того пребывание в гидропатическом

заведении чрезвычайно облегчает переход к правильной жизни, как влиянием общего примера, так множеством ежедневных неизбежных обязанностей, на больного возложенных. Наконец положение большей части подобных заведений, — вдали от городов и присутствие там одних истинно больных, а не страждущих жаждою игры и веселий, — изгоняет господствующее почти на всех водах волнение и беспокойство, столь вредное для серьезно лечащихся... Несмотря на отрывочность и несвязность высказанного мною, вам, однако ж, не трудно будет убедиться, что 1) так как водолечение не производит никаких необыкновенных противоестественных напряжений, — то и должно действовать медленно; 2) требует неуклонной точности, и потому утомительно; поглощает почти все время дня — словом, успешное действие его возможно лишь под условиями: значительного времени (в хронических болезнях — не менее года), терпения, постоянства и независимости.

Кроме того, я говорю везде *водолечение*, но разуметь под этим должно одну систему Призница, а отнюдь не толпы бездарных подражателей его, открывших уже с 1839 года до 60 заведений в Европе. Греффенбергская метода имеет с ними столь же мало общего, как с аллопатией, и многие из самых трудных пациентов Призница принадлежат к больным, залеченным гидропатаминевеждами.

Это мнение мое найдет себе в особенности много поборников не только между докторами, которые, будучи не в силах утаить блестящих результатов гидропатии, стараются по крайней мере унизить творца ее, но даже и между недовольными больными греффенбергскими. Причина этому несколько слишком удачных излечений, которые возрождают во всех приезжих несбыточные надежды: не довольствуясь гением, от Призница требуют, чтобы он почти был богом. Обыкновенно упрекают его в неучености и бессилии отдать отчет в своих действиях. Но не возражая уже на первое, — что гений нередко мгновенными соображениями опережает многолетние школьные усилия, — можно привести в опровержение огромную практику Призница: с 1829 г. по первое января 1845 г. в его заведении перебывало 10.500 человек лечащихся; он занимался ими исключительно один и из них не умерло и сорока человек, несмотря на то, что значительная часть была осуждена медиками. Что касается до теоретической безотчетности Призница, то он разделяет этот недостаток со многими другими гениями: Лафатер, одно из необыкновеннейших

явлений мира, который угадывал уже не болезни или свойства тела, а души, — когда вздумал изложить свою теорию, написал книгу — в объяснениях его заключений совершенно непонятную, чтобы не сказать более. К тому же я и не думаю утверждать, что гидропатическая теория не сделает уже более успехов после Призница; но утверждаю лишь, что как гениальный практик (а это для больных главное) он один стоит на высоте не достигнутой никем или даже недостижимой. Может быть, многие из нынешних дюссельдорфских живописцев, учеников Гегеля, разовьют на кафедре полнее и отчетливее эстетическую теорию, чем бы мог сделать сам Рафаэль, но Преображения <никто из них> не создал еще никогда и едва ли создаст когда.

Искренно желая, дабы сие гидропатическое послание осталось бесполезным по восстановлении здоровья вашего без всякого врачеванья, пользуюсь этим случаем для засвидетельствования вам моего совершенного почтения и преданности.

Я. Ханыков.

941. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Петербург, 24 марта 1845 года.

Я вам посылаю письмо Ханыкова, хотя нахожу его вовсе неудовлетворительным. Но мнение его резко отделяется от мнения Аркадия. Пока этот лентяй соберется вам писать, я выписываю несколько слов, им сказанных на счет Присница. Сам же он не хочет вас отговаривать от этого лечения, да и против самого лечения, умеренно сделанного, он и не восстает. Вот как, во-первых, он описывает Грефенберг. Местечко самое печальное; кругом унылые горы с ельником; квартиры как казематы, кушанье самое подлое, народ — что ни есть дряни немецкой, французской, английской и русской; климат хуже петербургского. Присниц — мошенник и не видит своих больных и следует плохо за успехами лечения. Если сказать ему, что хуже, то он только велит прибавить еще лентуха, или сильнее заморозить бригадиршу, или дать сильнее душу. Душа же эта дует с большой высоты и так сильна, что если бы больные не держались за железную опору, то их бы занесло Бог весть куда. Аркадию вдруг он велел, для согревания ног, бегать босому по сырой траве, приводя в пример крестьян, которые всегда так ходят и не бывают больны. Ему же стало еще холоднее после этой прогулки, повторяемой ежедневно. Он говорит, что там находит такое одурение на всех, что в лечении

каждый хочет опередить другого, задавая себе более и более всяких душ, зиц-бадов и лентухов. Часто выходит сыпь на теле, и сыпь, производящая ужасный зуд. Он видел француза Наполеоновой vielle garde, который, спеленутый в мокрую простыню, заливался горькими слезами, и когда с удивлением спросил причину этих странных слез, узнал, что живот его так чешется, что ужас, а чесать нельзя, потому что он пошевелить рук не может. Представьте себе, до чего доходит безумие: француз этот прострадал год, не получил облегчения и уехал, ругая Грефенберг. Русский офицер Регалет жил два года, уехал без большой пользы. Томич, у которого болела спинная кость, после двух лет, уехал без ног. Железнов так же. Вообразите вы себя с вашими слабыми нервами и вообще тщедушной всей особой, под душей с лентухами, с зиц-бадами, от которых, по словам Аркадия, никогда вполне не согреваешься, и представьте еще материальные неудобства жизни, скуку общества, притом невозможность ничем заняться, потому что более двух часов отдыха сряду никогда не бывает; представьте, что 6 месяцев такой уродливой и собачьей жизни, по словам Присница, ничего не значат, и легко увериться, что вы не поедете в Грефенберг. Брат мой вовсе не против водного умеренного лечения, т. е. употребления воды и окачивания, даже два и три раза в день повторяемого, но для этого не нужен Грефенберг. Вода там, впрочем, точно хороша, но горная вода везде хороша, даже и в Заксен-гаузен, если бы была она там. Он мне сказал, что вначале он точно чувствовал бодрость, но потом за эту искусственную бодрость почувствовал большое ослабление и по приезде своем сюда обратился тотчас к Мондту. Теперь его уже ничем не заманишь к Присницу. У вас просто — расстроенные нервы, и, от уединения и скучной жизни, вы беспрестанно обращаете на их затеи и шалости внимание. Сей же почтенный Аркадий теперь часто чувствует онемение в ногах и часто после обеда, когда со мной переговорит все, начинает потряхивать ими и бегать по комнате. Я спросила его однажды: «Я, чай, за преферансом, хоть три года сидишь, ноги не немеют». Вышло точно так: развлечения мешают ему подслушивать свои ноги. Поверьте, что для нервных недугов, не упуская из виду лечения, надобна жизнь с развлечениями, и вы погибнете в Грефенберге от тоски, скуки и уединенья. Что вам делать с немецкими портными и русскими армейскими офицерами, кое-какими дрянными полячишками и французишками. Летом пробейтесь где-нибудь, хоть ко мне приезжайте. Уже самое лето вас подкрепит и восстановит равновесие в нервной системе, а там прямо

в милый Рим. Я уверена, что способы на это найдутся, и даже в скором времени.

Жду с нетерпением вашего ответа на последнее письмо. Мне смерть как хочется вас видеть в селе Спасском. Н<иколай> М<ихайлович> едет лечиться заграницу. Он точно болен. От Жуковского я получила прелестное письмо, веющее благодатным состоянием его прекрасной мысли, хотя душа еще не соглашается вполне на голос, его зовущий. Состояние его жены меня, однако, беспокоит, хотя опасного тут точно ничего нет. Плетневу я еще не прочитала ваше письмо. Не выбралось такого времени, чтобы нам быть наедине. Он мне вчера читал «Наль и Дамаянти». Вся повесть тиха и ровная, сладкоприветливая, как сама Дамаянти. В ней виден весь теперешний Жуковский. Да сохранит их Бог обоих!

У нас для 25 марта 15 градусов холода, после самой сильной недельной оттепели. Зато и больных много. Мои мопсики здоровы, учатся, гуляют, веселы и очень радуются ехать в деревню. Какое у детей всегда верное чувство! Для них все настоящие радости в внешней природе и свободе сельской жизни. Я впрочем сама радуюсь будущему уединению и отстранению от общества. Я немного устала от продолжительной зимы. Отвечайте хотя несколькими словами. Сологуб читал нам в среду препошлую комедию «Букеты». Одно лицо у него Тряпка, самое подлое подражание вам, так что совестно было слушать. Прощайте. Ваша от души.

А. С<мирнова>.

942. Министр народного просвещения С. С. Уваров — Н. В. Гоголю

<27 марта 1845. Санкт-Петербург>

Милостивый государь,
Николай Васильевич!

Государь Император по всеподданнейшему ходатайству моему, обращая благосклонное внимание на литературные труды ваши, и принимая в уважение болезненное ваше состояние, требующее пользования заграничными минеральными водами, всемилостивейше повелеть соизволил выдавать вам в течение трех лет по тысяче руб<лей> сер<ебром> ежегодно, из сумм Государственного Казначейства.

Уведомляя вас о сей Монаршей милости, считаю нужным присовокупить, что пожалованные вам деньги будут отпускаемы

в С.-Петербурге под расписку г. действительного статского советника Плетнева, для доставления вам.

Мне приятно надеяться, что милость Царская оживит талант ваш на новую деятельность для пользы отечественной словесности.

Примите, Милостивый Государь, уверение в истинном моем почтении.

Уваров.

№ 449.
27 марта 1845 г.
С.-Петербург.

943. А. О. Россет — Н. В. Гоголю

28 марта 1845 г. Санкт-Петербург.

Сестра передала мне поклон и желание ваше иметь сведения о последствиях моего лечения в Греффенберге у Призница. Душевно благодарю вас за первое и каюсь, что, не отвечав на последнее ваше письмо, поступил, как человек, не получивший никакого тонкого светского обхождения. Очень затруднен отвечать вам положительно на второе. Окунувшись в воду, я вышел, не запачканный энтузиазмом; <не> принадлежу не только к отчаянным гидропатам, а скорее к противникам; между тем, памятуя о животе вашем, склонен посоветовать вам употребить этот способ и думаю, что при известном данном он может быть вам полезен. Дело в том, что во всем нужна *умеренность,* начиная с умеренности желания и надежды, которая предостережет вас от неумеренных средств. Болею с 1839 г. и, испробовав все системы, я убедился, что здоровье все равно, что девственность: раз потерял, в другой не вернешь; потеря первого исправляется целомудрием, второго — приобретением сил и некоторым навыком, уменьем обращаться с болезнью. В Греффенберге вы не возродитесь, как пишут в книгах, а можете поправиться, если на воду будете смотреть, как на гигиеническое средство, а гигиена предполагает умеренность. Боже вас сохрани от пятичасовых потений, салфеток мокрых на животе, душ стремящихся с высоты на ваше грешное тело, — все это хорошо для тех натур, которым можно влепить пятьсот палок, и они встанут, как встрепанные. Я знал одного генерала Олферьева (он и теперь жив), который давал в руки повару и кучеру по нагайке и сам брал нагайку; они его били, он их, до тех пор, пока или он их, или они его не загонят за

дверь. Такому благодатному телу под пару греффенбергское лечение, а мы с вами к таким упражнениям неспособны. У вас слабы нервы: скажите, можно ли укрепить их или успокоить, беспрестанно раздражая их подверганием тела ужасно неприятным каким-то дьявольским ощущениям? Предписав вам рецепт умеренности и повторяя, что при этом условии водолечение может и несомненно принесет вам пользу, начну сначала. — Предполагаю, что вы сели в дилижанку и едете к Призницу: вот что вас там ожидает, что будут заставлять делать, что вы должны делать, чего не делать, на чем остановиться и далее чего не идти. Проезжая велите остановиться в Freiwaldau, местечке, отстоящем от Греффенберга на полторы версты; остановившись в трактире, если не найдете кого-нибудь из русских там, то сходите в Греффенберг и отыщите Дегалета (адъютанта кн. Меншикова): он очень добрый и простой малый, проживающий там уже три года, и возьмите его к себе в дядьки ради немецкаго языка для приискания квартиры и переговоров с Призницем. Квартиру возьмите непременно в Freiwaldau; оне там дешевы и все устроены с ваннами; Дегалет и все будут вас уговаривать поселиться в Греффенберге, представляя, что там вода лучше, что там по устроению душ вода стремится с высот «четырьмя скалами», что там Призниц нарочно дает гадкую пищу, чтоб приучить желудок к гадостям, и прочее; вы им не верьте, а устройте квартирку комфорта первейшего свойства: чтоб ванна была поближе от спальни, чтоб была теплая и без сквозного ветра; надобно знать, что Греффенберг в горах, климат петербургский, всегда ветер, дождь, сырость, и Боже сохрани от простуды, но о сем последнем я ниже распространяюсь. Когда будете говорить с Призницем, много не болтайте о болезни, да он вас и слушать даже не станет, скажет: «gut; я приду завтра утром», или тотчас поведет вас в ванную и, по действию воды на ваше тело, как уверяют, предпишет вот что: 1) утром в шесть-семь часов *лентух,* т. е. вас подымут с постели и голого завернут в мокрую простыню на 3/4 часа времени, покуда вы не согреетесь, и потом, развернув, бросят в ванную на минуту или две; потом поскорее одевшись, пойдете бегать и пить 8 или 10 стаканов воды до завтрака, состоящего из холодного молока или кислого молока; 2) до двенадцатого отдых и потом зитцбад, т. е. ванна... в ванной на полчаса, потом опять гульба для согревания этой части и во время прогулки питие двух или четырех стаканов воды; после обеда и до 4 или 5 часов отдых; потом опять лентух, т. е. повторение утреннего, и конец. Сверх сего он непременно предпишет вам

умшлаг, т. е. мокрую салфетку, постоянно на животе с утра до вечера и на ночь. Вы ее *отнюдь* не носите или носите с умеренностью, т. е. носите до тех пор, пока у вас тело не начнет краснеть и образовываться лишай, что обыкновенно бывает после четырех или шести недель; как покраснеет, бросьте умшлаг к черту; этим лишаям приписывают сумасшедшие удивительную силу, утверждая, что гниением их выходит из живота нечистота и от холодной мокрой салфетки укрепляется желудок и приучается к сырости и холоду; первое — вздор: лишаи происходят не вследствие выходящей нечистоты из живота, а от прикосновения сырости к телу, точно так, как бы прикладывая постоянно мокрую тряпку к руке или ляшке, под тряпкою образовался бы лишай; второе — может быть; но это укрепление от умшлага, конечно, не вознаградит того раздражения нервов, которое произведут лишаи; они так чешутся, что вы будете лезть на стену, плакать от бешенства днем и просто рыдать по ночам. Если пожалуетесь Призницу, что у вас бывают головные боли, он перед обедом или вечером предпишет головные ванны; вы их берите; так как на вид вы крепки, он велит, может быть, сначала становиться под душу, также перед обедом. Соблюдайте следующее: становитесь всегда под слабую, 2) не оставайтесь долго, отнюдь не более минуты или двух, 3) замечайте действие первых душ; если кровь очень будет волноваться, перестаньте их брать (я, например, под душею почувствовал прилив крови к затылку, а на другой день кровь пошла из носу; вечером же в дни душей, ложась спать, не мог заснуть два или три часа, чувствовал такое волнение крови, что, казалось, будто она хлынет у меня из горла); 4) соображайтесь с юмором и состоянием тела; не берите се, если чувствуете зябкость, если сыро или ветрено или просто почувствуете нежелание стать под душу. На сие последнее я особенно напираю и советую даже совсем прекратить лечение на день или два, если будете не расположены. В Греффенберге вы будете под влиянием общей болезни: будете испытывать род угрызения совести, если не возьмете лентух или зитцбад; это совершенный вздор; отнюдь не принуждайте себя и тем себя не раздражайте. Вы увидите также людей, ходящих без шляп и с открытой грудью, с босыми ногами — это все энтузиасты, которые хотят и думают из тела сделать кусок гранита, в полной надежде, что достигнут того, что если их положить на день между двумя льдинами, они не замерзнут. Бойтесь, главное, простуды; главная польза в водолечении это от легкой испарины, возбуждаемой после купанья ходьбою, и потому не возвращайтесь домой иначе,

как совершенно согревшись, и для сего одевайтесь теплее; для сего тем необходимее предосторожности, что, как увидите, климат в Греффенберге ужасный: вьюга, ветер, холод, дождь и сырость — даже в летнее время. То, что я вам говорю, говорю вследствие опыта; покуда я брал одни лентухи, разведенные ванны, т. е. не ниже восьмиградусных, зитцбады, т. е. лечился умеренно, я чувствовал себя несравненно лучше. К горю моему, я подпал под влияние тех дураков, которых нашел в Греффенберге, и хотел радикально вылечиться, т. е. быть тем, чем Бог не судил мне быть, каким-то богатырем, и стал увеличивать приемы; души, чесание лишаев, беспрерывная зябкость, — которую ощущал, ибо жил в гадкой квартире, и одевался не тепло, — меня доканали: выехал хуже, чем туда приехал. Мне даже простые ванны были сильны: только что брошусь, чувствую сильный удар в голову и в затылок и вместе кровь шла из носу в самой ванне; я должен был ограничиться разведенными ваннами. Не лечитесь водой, а освежайте ею ваше тело: долгое и постоянное освежение, которое можно всегда производить, разумеется, полезно; питье же воды непременно будет способствовать пищеварению, вас прочистит, и желудок приобретет навык и силу переваривать пищу, и через это получите силу. — Вы можете сказать, что Призница советы будут лучше моих: но дело в том, что Призниц, может быть, лечил хорошо, когда был беден, был бедный мужик; теперь имеет более ста тысяч дохода, о больных столько заботится, сколько о своих старых сапогах. Он немец, а немец если по натуре выйдет хороший человек, — он бывает очень хорош; если же дурной, то представляет самое холодное животное в мире. Призниц — сие последнее. Участия в больных никакого! Обыкновенно приезжающие вначале смотрят на него, как на Спасителя, потом охлаждаются и после редко с ним советуются, потому что он не любит этого, и лечатся каждый по-своему, приобретя некоторый навык от разговоров между собою.

Вот вам, любезный Николай Васильевич, моя проповедь о воде; передаю вам те мысли, которым бы сам следовал, если б не опротивела мне вода. Прибавляю еще: отнюдь не верьте книгам; я их перечитал много, проверил опытом и убедился только в том, что каждый из нас более или менее знает: «человек есть ложь». Если вообще в книгах более лжи, чем правды, то в водяных все ложь и нет тени правды. Те люди, над которыми совершились чудеса и которые по книжным спискам давно вылечились и благословляют Призница, сидят и ныне в Греффенберге, в числе их

Дегалет, который там три года и семь месяцев переносит это лечение. Жизнь в Грефденберге дешева: месяц обойдется не более 100 или 200 фр. Если за 5 или 6 месяцев, которые там останетесь, дадите Призницу 100 или 120 фр., он будет доволен.

О себе скажу, что я плох; думаю ехать за границу, но для этого нужны деньги, а у меня их нет; еще не решил, поеду или нет.

Не знаю, письмо мое облегчит ли вам решение ваше, или только затруднит более. Мой совет вам — ехать, но быть осторожным, умеренным в средствах. Прощайте, душевно желаю пользы; если нужны добавочные пункты, напишите; готов отвечать на все. Дружески вам кланяюсь.

Ар. Россет.

944. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

29 марта 1845 г.

Я что-то долго уже не писал к тебе; как-то все откладывал день за день и этак этаких дней накопилось у меня довольно много. Ты, брат, кажется мне — я слышал от Надежды Николаевны — предаешься и поддаешься хандре и впадаешь в уныние и следственно в бездействие! Я приписывал это вовсе не нездоровью твоему, а только худой погоде: я, брат, по собственному опыту, по собственному сердцу знаю, как сокрушительно действует слякоть, непроходимый дождик, несвоевременный снег и туманный воздух на нашего брата, как говорится, нервического человека. Теперь, конечно, уже и во Франкфурте весна установилась, и я думаю, надеюсь, что ты стал бодрее и ходче. Воображаю тебя подымающимся ранним рано поутру и уединенно бродящим под густыми каштанами того места, где поставлен памятник Гете!! Здесь про тебя ходят слухи вот какие: что ты учишься погречески, что собираешься в Италию и оттуда уже в Иерусалим, и только! Я сердечно буду рад, когда узнаю, что все это правда. В Италии ты, конечно, будешь, так сказать, в своей тарелке, а поездка (в) Иерусалим увенчает одно из лучших и заветнейших твоих желаний. Погодин едет в Мариенбад, а его путешествие в Святую Землю, кажется, отложено в длинный ящик.

Все ли мои письма дошли до тебя? Я вижу, что ты уехал из Парижа, не получив двух из них?

У нас все идет своим порядком, т. е. новым порядком, хлопочем о «Москвитянине», и есть успех: отовсюду получают похвалы ему, и ты, конечно, похвалишь его.

Иноземцев оставляет меня и на лето текущего года все-таки в Москве, под его близким надзором: это-де необходимо! Будь здоров.

Твой Н. Языков.

945. Министру народного просвещения С. С. Уварову

<Конец апреля (н. ст.) 1845. Франкфурт>

Милостивый государь
Сергий Семенович![1]

Письмо ваше мною получено. Благодарю вас искренно[2] за ходатайство[3] и участие. О благодарности Государю ничего не говорю: она в душе моей; выразить ее могу разве одной[4] молитвой о нем. Скажу вам только, что после письма вашего мне стало грустно[5]. Грустно, во-первых, потому, что всё, доселе мною писанное[6], не стоит большого внимания: хоть в основание его легла и добрая мысль[7], но выражено всё так незрело, дурно, ничтожно[8] и притом в такой степени не так, как бы следовало, что недаром большинство приписывает моим сочинениям[9] скорее дурной смысл, чем хороший, и соотечественники мои извлекают извлеченья из них скорей[10] не в пользу душевную[11], чем в пользу. Во-вторых, грустно мне потому, что и за прежнее я состою доныне в неоплатном долгу пред Государем. Клянусь, я и не помышлял даже просить что-либо теперь[12] у Государя; в тишине только я готовил труд, который, точно, был бы полезнее моим соотечественникам моих прежних мараний, за который и вы сказали бы[13], может быть, спасибо, если бы он исполнился[14] добросовестно,

[1] *В копии обращение отсутствует.*
[2] *В черновом автографе:* много
[3] *В черновом автографе:* за ваше ходатайство
[4] *В черновом автографе:* одной только
[5] *В черновом автографе:* Но мне сделалось в то же время грустно
[6] *В черновом автографе:* сделанное
[7] *В черновом автографе:* и легла добрая мысль
[8] *В черновом автографе:* дурно, ничтожно, незрело
[9] *В черновом автографе:* им
[10] *В черновом автографе:* скорей извлекают из них извлеченья
[11] *В черновом автографе:* души своей
[12] *В черновом автографе:* о чем-либо
[13] *В черновом автографе:* сказали бы мне
[14] *В черновом автографе:* если будет выполнен

ибо[1] предмет его не был бы чужд[2] и ваших собственных убеждений[3]. Меня утешала доселе мысль, что Государь, которому[4] истинно дорого душевное благо его подданных, сказал бы, может быть, со временем о мне так[5]: «Этот человек умел быть благодарным и знал, чем высказать мне свою признательность». Но теперь[6] я обременен новым благодеянием; в сравнении[7] с тем, что сделано уже для меня, труд мой покажется бедней и незначительней[8], мое же расстроившееся здоровье может отнять у меня возможность сделать[9] и таким, как бы я хотел и даже бы мог; и вот почему мне грустно. Грустно мне даже и[10] то, что сим самым вашим письмом и вашим участием во мне вы[11] отняли у меня право сказать и вам то, что я хотел[12]. Я[13] хотел вас благодарить за все, сделанное для наук[14], для[15] отечественной старины (от этих дел перепала и мне польза наряду с другими), и что еще более — за пробуждение в духе нашего просвещения[16] твердого русского начала. Благодарить вас за это я прежде имел право, как сын той же земли, как[17] брат того же чувства, в котором мы все должны быть братья, и как не обязанный вам ничем лично[18]. Теперь вы отняли от[19] меня это право[20], и что[21] было бы законным делом, может показаться теперь похожим[22] на комплимент. Итак[23], примите лучше, вместо

1 *В черновом автографе:* потому что

2 *В черновом автографе:* не чужд был

3 *В черновом автографе:* помышлений

4 *Далее в черновом автографе:* как я знаю

5 *В черновом автографе:* о мне со временем так

6 *В черновом автографе:* Теперь

7 *В черновом автографе было:* перед

8 *В черновом автографе:* незначительней, чем прежде

9 *В черновом автографе:* сделать его

10 *В черновом автографе:* вместе с этим и

11 *В черновом автографе:* что нынешним письмом вашим вы

12 *В черновом автографе:* хотел сказать

13 *В черновом автографе:* А я

14 *В черновом автографе:* многое, сделанное вами в пользу *а.* всем нам *б.* наук

15 *В черновом автографе:* и

16 *В черновом автографе:* просвещения нашего

17 *В черновом автографе:* и как

18 *В черновом автографе:* за личное добро мне

19 *В черновом автографе:* у

20 *Далее в черновом автографе начато:* благодарность моя

21 *В черновом автографе:* то, что

22 *В черновом автографе:* будет походить

23 *Далее в черновом автографе начато:* вот вам вместо того

всякого выражения благодарности[1], это искреннее изложение моего душевного состояния[2]; иного[3] ничего не могу сказать вам; не прибавляю даже и почтительного окончания, завершающего светские письма, потому что позабыл их все[4], а остаюсь просто вам обязанный и признательный искренно[5]

Н. Гоголь.

946. А. О. Россету

Франкфурт. 1 мая <н. ст. 1845>.

Благодарю вас, добрейший Аркадий Осипович, за ваши известия о лечениях Призница. Они изложены и толково и умно. Я и прежде уже отложил это лечение, не найдя его соответствующим со многими вновь обнаружившимися во мне недугами и собственным состоянием моральным. Впрочем, если бы я и лечился, то будьте уверены, что никак не пускался бы в крайности. Это не мое дело. Я не хлопочу из-за совершенного здоровья, и чуть только мне немного делается лучше — я подальше и от докторов и от лечения. Припомните, что я и вам советовал прежде вашего путешествия к Призницу не пускаться в такие глубины водоврачевания,[6] а довольствовать<ся> просто утренним обливанием дома без потения и пиением воды; советовал вам также и тогда, вместо Призница, заехать в Гастейн, который мне казался вашему слабому телу приличнее; им же хвалятся все слабые и старики. Я сам, бывши в Гастейне с Языковым, хотел было попробовать вод, но переменил это намерение единственно от того, что почувствовал себя вдруг лучше от одного гастейнского воздуха, который (в этом надобно отдать ему честь) имеет в себе что-то бальзамическое и лучше всех воздухов, какие я обонял где-либо в летнее время во всех прочих концах Европы, чему причина заключается отчасти в необыкновенном возвышении этого места от поверхности моря. Ключевая же вода в Гастейне решительно первая в мире; подобной я нигде не пивал; ей уступит даже римская. Я бы радостно поехал и теперь в Гастейн, но, признаюсь вам, боюсь страшно одиночества, которое для меня теперь опаснее всего,

[1] *В черновом автографе:* вместо его

[2] *В черновом автографе:* состояния душевного

[3] *В черновом автографе:* другого

[4] *В черновом автографе:* давно живя в удалении от него, я позабыл их вовсе

[5] *В черновом автографе:* и искренно за то признательный

[6] глубины премудрости

хотя бы случилось оно и на самых целебнейших водах. Мне очень жаль, что вы остаетесь[1] в Петербурге, на летнее время (хотя ради хандры, если не ради здоровья) следует выезжать из него. Почему знать? Может быть, вы весьма не были бы в раскаянии, если бы даже и рискнули[2] призанять тысячи две для того. Бог поможет, выплатим. Поблагодарите Ханыкова за письмо, скажите, чтобы он не сердился на мое неучтивство, то есть что не отвечаю.[3] Вместо ответа,[4] я вам поручаю обнять его. Вас обнимаю также, это разумеется само собой.

Затем прощайте.

Г<оголь>.

947. Н. М. Языкову

Франкфурт. 1 мая <н. ст. 1845>.

Не хандра, но болезнь, производящая хандру, меня одолевает. Борюсь и с болезнью, и с хандрой и, наконец, выбился совершенно из сил в бесплодном борении. Благодарить Бога следует и за то, что в силах был еще и так бороться. С приходом весны здоровье мое не лучше нимало, и недуги увеличились. Тягостнее всего беспокойство духа, с которым трудней всего воевать, потому что это сражение решительно на воздухе. Изволь управлять воздушным шаром, который мчит первым стремлением ветра! Это не то, что на земле, где есть и колеса и весла. Может быть, помогла бы дорога, но дорога эта должна для этого иметь какой-нибудь интерес для души; когда же знаешь, что по приезде на место ожидает одиночество и скука, и когда сам знаешь, как страшна с ними битва, отнимается дух для самой дороги. Из русских еще никого нигде нет на водах; стало быть, нигде не предстоит мне развлечения, котор<ое> мне теперь необходимо при употреблен<ии> вод. Порадовала меня было мысль встретиться с тобою, но теперь, как вижу из письма твоего, ты остаешься в Москве, несмотря на совет[5] Коппа проездиться в Гастейн. Но что делается, то делается не без воли Божией. Да будет Его святая воля! Говоришь беспрерывно и при всем том не в силах быть покойным, не в силах, сложа руки, опустить на них голову, как ребенок, приготовляющийся ко сну. Еще бы было возможно это, если бы не

[1] остаетесь на лето

[2] *В подлиннике:* рыскнули

[3] и на то, что не отвечаю

[4] Скажите, что, вместо ответа

[5] несмотря даже на настоятельный совет

соединялось с недугами это глупейшее нервическое беспокойство, против которого если и понатужишься воздвигнуть дух, но самая эта натуга воздвигнуться производит еще сильнейшее колебание.

Вот какого рода вещи! При всем том, полученный на днях «Москвитянин» (два номера) доставил мне несколько приятных минут. Статьи за буквою К. все очень замечательны и дельны. О самом же обозрении словесности можно сказать только в охуждение ему то, что оно нескол<ько> длинно, а особенно во второй половине содержан<ия> приступ к словесности русской. Многие вещи следовало бы сказать еще очевидней, осязательней, проще и короче, облечь в видимую плоть; многое довольно отвлеченно, так что повсюду философ берет верх над художником, и это обращается почти в порок в тех местах, где должен художник взять верх над философом. Кажется, как будто многие вещи слышит и чувствует критик *вкусом тонкого ума*, а *не вкусом души и сердца*. Но зато повсюду сказано много истинного, прекрасного, особенно там, где обращено <внимание> на самую идею и мысль разбираемых предметов. По поводу глупых книг сказано много дельного и умного о том, каковы должны быть умные книги. И вообще все статьи, которые, по-видимому, написаны вскользь, оказались существенно значительней тех, которые, по-видимому, обдумывались и писались с трудом. Отрывок из вступительной лекции Шевырева мне понравился очень. Шевырев вызрел и установился в надлежащие границы. Всё теперь как следует, не растянуто и не кратко, в строгом логическом ходе и порядке, и с тем вместе[1] в живом, не похожем вовсе на мертвечину сухопарой логики немецкой. Словом, в первый раз преподает<ся> наука в том виде, в каком ей следует преподаваться в России и русским. Твои стихотворения, мне неизвестные, к Полонскому, второе к Киреевой и к какому-то живописцу (вероятно, в роде Мокрицкого), прочел с удовольствием. Хомякова тоже прочел не без удовольствия и письмо и «Спорт». Хоть первое и слишком раскинуло<сь> и разбросалось во все стороны, но в нем много ума. Затем устал. Писать долго не могу, прощай; не забывай хотя писать почаще; адресуй по-прежнему. Жуковский перешлет письма ко мне, если я куда уеду.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве. В приходе Николы Явленного, в Серебряном переулке, в доме Шидловской.

[1] но вместе с тем

948. С. Т. Аксакову

Франкфурт. 2 мая <н. ст. 1845>.

И вы больны, и я болен. Покоримся же Тому, Кто лучше знает, что нам нужно и что для нас лучше, и помолимся Ему же о том, чтобы помог нам уметь Ему покориться. Вспомним только одно то, что в Его власти *всё* и *всё* Ему *возможно.* Возможно всё отнять у нас, что считаем мы лучшим, и в награду за то дать лучшее нам всего того, чем мы дотоле владели. Отнимая мудрость *земную,* дает он мудрость *небесную;* отнимая зренье *чувственное,* дает зренье *духовнее,* с которым видим те вещи, перед которыми пыль все вещи земные; отнимая *временную,* ничтожную жизнь, дает нам жизнь *вечную,* которая перед временной то же, что *всё* перед *ничто.* Вот что мы должны говорить ежеминутно друг другу. Мы, еще доселе не привыкнувшие к вечному закону действий, который совершается для всех непреложно в мире, желающие для себя[1] непрерывных исключений, мы, малодушные, способны позабывать на всяком шагу то, что должны вечно помнить, наконец, мы, не имеющие даже[2] благородства духа ввериться Тому, Кто стоит того, чтобы на Него положиться. Простому человеку мы даже вверяемся, который даже нам не показал и знаков, достаточных для доверия, а Тому, Кто окружил нас вечными свидетельствами любви Своей, тому только не верим, взвешивая подозрительно всякое Его слово. Вот что мы должны говорить ежеминутно друг другу, о чем я вам теперь напоминаю и о чем вы мне напоминайте. Затем обнимаю вас от всей души и прошу вас вместо меня обнять ваше семейство. Напишите мне, куда едете или остаетесь в Москве, и что делают ваши дети; если можно — порознь о каждом. Если вам писать трудно, прошу Ольгу Семеновну. Прощайте. Бог да хранит вас.

Ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

949. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Петербург, 11 апреля 1845 года.

Давно я не писала вам, любезный друг мой, давно не благодарила вас за письмо ваше. Отчего это так? Сказать ли вам грустную причину моего молчания? Сбылись мои предчувствия:

[1] и хотим для себя

[2] даже и

вся живость, легкость, все силы душевные, набранные под вашим руководством, все это меня оставило в беспрестанной и утомимой борьбе с настоящими моими данными. Весна пришла — погода ли, вследствие ли моего коклюша, нравственная ли причина или стеснение причин разных и более или менее грустных, но я так расстроена, так обессилела, что никак не могу прийти в свое прежнее состояние. Ничего не делаю, даже не читаю, плачу беспрестанно, слезы от малейшей вещи навертываются на глаза, молюсь и не нахожу успокоения. Чувствую в особенности такое одиночество; братья мои все разбрелись, да от них и мало отрад; один только Аркадий успокаивает мое сердце. Светские связи и обязанности день ото дня делаются мне тягостнее. Которые из этих связей не основаны на расчетах? спрашиваю я вас. Ни мое положение, ни даже моя собственная фигура не дают мне права ожидать, чтобы мною занимались, и в мои лета становится тягостно искать вне домашнего круга отдохновения. Опять, несмотря на всю натяжку светских отношений, они мне нужны, как развлечение. Это с летами становится беспрестанно тяжелее и тяжелее. Но если бы вы знали, сколько скуки я переношу, потому что и знакомые мои ищут себе веселее круга, а иначе бы зачем и выезжать? Таким образом проходят дни, когда я не выезжаю, что просиживаю одна с книгой в руке и в грустном раздумьи. Нет, не далось мне это счастье — иметь даже друга в Петербурге, которого бы я могла видеть, как вас, ежедневно, с которым говорила бы, если не так откровенно, как с вами, по крайне менее не выискивая сюжетов светских и пустых. Иногда я себя укоряю в этом: вероятно, нет во мне той привлекательной теплоты сердечной, которая переходит невольно в обращение; а между тем, если бы вы знали — да вы и знаете — как мое сердце просто! и с какою благодарностью принимает ласки и малейшее участие! Так как теперь у меня нервы очень расстроены, мне все представляется в преувеличенном виде, и ум настроен самым грустным образом. Плакать я готова беспрестанно. Вчера сподобилась причаститься с детьми. Душа как-то молчала тихо и грустно; мысли сливались с нею в одно неизъяснимое состояние бессознания самой себя в эту минуту. Плакалось, потому что плачется беспрестанно, когда я в церкви; но это не те слезы, до которых достигает душа, уже оторвавшаяся от всего земного. Крепко и крепко привязана я еще к земному, а меж тем не люблю это земное и не чувствую никогда удовлетворения в обладании земных благ. Меня в особенности терзает скука и одиночество посреди шумного,

населенного города, — можно сказать, отчуждение мое от того света, где поставили меня обстоятельства и к которому я не касаюсь никакими интересами. Настоящих дружеских отношений здесь так мало, так много основано на расчетах, и если бы двор меня не поддерживал, то, вероятно, никто бы из старых знакомых и не глядел бы на меня. Здесь я живу так же одиноко, как в Бадене, не могу больше принимать живого участия в пустых сплетнях, не танцую, не вожусь ни с бабенками, ни с молодежью, потому сижу одна, как дура, да и делом не занимаюсь. Если бы глаза мои не так ясно смотрели на все, то я бы жаловалась на окружающие предметы, на ничтожность петербургской жизни, повторяла бы все эти пошлые отговорки тех, которые собою недовольны. Но я знаю, что дело все зависит от меня, и что зло во мне обретается. Зло это есть гордость и тщеславие, с которыми я свыклась, может быть, не столько от собственного расположения, сколько вследствие жизни, мне привитой, и первых блистательных годов моей жизни. Теперь совершается переход к другой жизни, и этот переход будет труден, пока не подрастут дети и не займут меня исключительно. Слова ваши всегда оправдываются: губерния, на которую я смотрела с ужасом, мне теперь представляется как отдохновение. По крайней мене не будет это несносное ни то, ни се; там буду работать деятельно и усердно, для отдыха читать и писать, и между тем копить барышням на приданое. Ничего нет труднее, как плавать меж двух вод, — не делать ничего положительно дурного и ничего положительно хорошего, а пока принадлежишь свету, невольно светское овладевает душою, до того мельчаешь, доходишь до таких подлых и низких движений, что, не закрасневшись, нельзя в них признаваться. Скажу вам откровенно, что в старину этого со мною не было, что это в особенности развилось нынешний год, а теперь дошло до болезненного состояния. Богу угодно было наказать меня за мои грехи и унизить в собственных глазах. Вы же помолитесь обо мне, потому что я страдаю от этого состояния; помолитесь обо мне крепко, потому что вы уже дошли до благодати молитвы, а мне теперь совершенно нельзя молиться. Сердце не чувствует успокоения и отрады от молитвы; болезненная мысль беспрестанно отрывает его от молитвы. Старые, скверные помыслы заменились теперь другими, исполненными неудовлетворенной гордости и страшным опасением за будущность, которая мне представляется самым унылым уединением без друга и без помощника. Вы избаловали мое сердце, и будь вы при мне, все пришло бы в своей порядок,

а Бог весть, где и когда нам нужно свидеться. Одно отдохновение для меня, это — присутствие Аркадия, который, благодаря Бога, спокоен душою и теперь у меня почти безотлучно. Я смотрю на него с благодарностию, но чувствую, что ему нет отрады от меня.

У Софьи Михайловны была корь в доме, оттого я ее давно не видала. Она притом беременна, не может много выезжать, и я ее видела очень мало, равно и Апполину Михайловну. Не знаю, что думать о неаккуратности Михаила Михайловича. Он даже мне не отвечал на одно письмо, где я просила у него книг. Поклонитесь от меня Жуковским. Прощайте, я еду в деревню. В теперешнем моем состоянии это хорошо, может быть. Я пишу три дня это письмо. Завтра Светлое Воскресение. Христос воскресе! Обнимаю вас, прекрасный друг мой, могу сказать — единственный. Как бы мне нужно было вас увидеть, вы не можете себе этого и во сне представить. Ваша от души

А. С<мирнова>.

950. Графиня С. М. Соллогуб — Н. В. Гоголю

С<анкт>-Петербург. 15 апреля 1845 г.

Христос воскрес, любезный Николай Васильевич! Виновата я перед вами, очень виновата! Простите долгое мое молчание. Я не только *часто* собиралась писать вам, но оставила с ноября месяца недоконченное письмо в моем бумажнике. Поверьте мне, главная причина тому — незнание русского языка и удивительная трудность облекать мысли и чувства мои в удобопонятные формы. Я недостойна быть вашей сестрой[1], любезный Николай Васильевич, но я стремлюсь к этой цели и надеюсь на помощь Всевышняго. В течение двух месяцев я была больна и совершенно пала духом. Печаль и уныние едва не утопили душу мою. Вдруг Беби занемогла корью; это произвело счастливый *кризис* во мне. Я как будто очнулась, сердце мое смягчилось, и я начала опять жить и действовать. Беби перенесла болезнь благополучно, и мне стало как-то легче. На Страстной неделе мы все вместе как-то говели; это меня успокоило и подкрепило. Мне теперь светлее на душе. Вот вам, любезный братец, вся моя история. Милому нищему я охотно подаю копейку, и как можно более стараюсь остерегаться смущения и уныния. Сама чувствую, какое пагубное влияние оно производит на меня.

[1] *В выписке П. А. Кулиша слово:* сестрой — *подчеркнуто.*

Владимир Александрович намерен через несколько дней отправиться в Москву, а оттуда в деревню. Эта разлука уже теперь не смущает меня. Я совершенно предалась воле Божией. Лето я, вероятно, проведу и в Павловском, и на Петергофской дороге. Ваши советы не останутся бесполезными. Положение мое прояснилось для меня, и обязанность как-то светлее представляется. Бог милостив: все может одним словом исправить.

Вот уже месяц, как я Александру Осиповну не видела. Она опасается кори, и я по той же причине не смею к ней ездить. Она, кажется, намерена ехать в деревню. Муж ее назначен губернатором в какой-то губернии.

Наконец «Тарантас» вышел, и появление его произвело не малое впечатление на публику. Всем досталось. Зато многие критикуют, особенно литераторы. Они дуются на седьмую главу: «*Нечто о словесности*», и сильно бранят Владимира. При первом удобном случае я вам пришлю один экземпляр.

Теперь скажите мне, что вы делаете, любезный Николай Васильевич, и как вы поживаете? Что делают «Мертвые Души»? Что делает Василий Андреевич, и жена, и дети его? Маменька и сестра писали мне, что вы были очень больны и что вы внезапно оставили Париж. С тех пор не знаю, что с вами было. Напишите мне хоть два слова. Обнимаю вас от всего сердца. Обнимите и вы маменьку и Анну Михайловну за меня. Кланяйтесь Василию Андреевичу и жене его. Прощайте, любезный брат! Не забываю вас в молитвах моих.

С. С<оллогуб>.

Отец сердечно вам кланяется, как и муж мой.

951. А. О. Смирновой

Франкф<урт. 11 мая (н. ст.) 1845>.

Друг мой и душа моя, не грустите. Один только год — и я буду с вами, и вы не будете чувствовать тоски одиночества. Когда вам будет тяжело или трудно, я перелечу всякие пространства и явлюсь, и вы будете утешены,[1] потому что Третий будет Христос с нами. Мне не трудно будет никогда приехать к вам, несмотря даже на всякое состояние моего здоровья, но этот год надобно перетерпеть (то есть разумею о себе) и сделать то, что мне следует и без чего я не могу быть полезным никому вполне.

[1] *Далее начато:* буду<чи>

Из вашего письма я вижу, что у вас теперь в довольно порядочной степени нервическое расстройство. Поблагодарим прежде всего за него Бога. Оно недаром. В этом году особенно на всех наведено более или менее это нервическое расстройство, приведены в слезы, в унынье и в беспокойство те, которые даже никогда дотоле не плакали, не унывали и не беспокоились. Блаженны избранники, которых посетил Бог ранее других! Поверьте, что ко многому дотоле не испытанному и не узнанному приводится сими болезненными страданиями[1] человек.[2] Сверх всего прочего, оно приводит нас и к тому, чтобы узнать всю силу братской помощи, которую может оказать на земле человек человеку и, вследствие такой помощи, возлюбить так друг друга, что в любви этой предвкушается уже Сам Бог и зарождается к нему то неугасимое стремление, которого не дадут ни посты, ни молитвы, ни милостыня, раздаваемая бедным. Сколько могу судить теперь о состоянии вашего *здоровья телесного,* вижу, что вам необходимо прежде просто полечить и успокоить ваши нервы водами и переменой воздуха. Поезжайте налегке в Гастейн, который действует хорошо на всякие нервические расслабления и еще более живит необыкновенным своим и как бы обновляющим воздухом. Сколько же могу судить о состоянии вашего душевного *здоровья,* вижу, что и здесь следует дать почти тот же совет вам, ибо встреча наша с вами будет обоюдно живительна для обоюдного нашего душевного здоровья. Нам нужно с вами о многом и о многом еще переговорить, и вряд ли без этого вы будете снабжены достаточным запасом терпения и бодрости для предстоящих вам поприщ, в Петербурге ли то будет или в губернии. И Бог весть, может быть, это самое нервическ<ое> расстройство и физическая болезненность вела именно к тому, чтобы мы доставили друг другу то здоровое состояние души, которое без этого расстройства мы бы не могли и не умели доставить. Воспользуйтесь весенним временем, пока еще не жарко. Возьмите с собою деток и Аркадия Осиповича, которого никак не оставляйте в Петербурге. Поезжайте тихо, не торопясь, чтобы никак не расколебать нерв, а, напротив, успокоить их умеренным движением; на всякую гору подымайтесь пешком, но недолго, и чуть заметите в себе малейший признак усталости, садитесь в коляску. Старайтесь и мыслям, и чувствам дать дремлющее состояние и уподобить себя ребенку, которого колеблют в люльке. Не думая ни о чем, сливайтесь чувством

[1] приводится ими

[2] *Далее начато:* Почему знать, может быть

с весенним ветерком, который будет навевать на вас, прилетевши Бог весть откуда, и с запахом полевого цветка, им же нанесенным, и вы приедете в благодатном состоянии в Гастейн. А мысль, что встретит вас тот, для которого так же будет благотворна и свежительна, и целительна с вами встреча, как и для вас самих,[1] будет воздвигать дух ваш во всю дорогу и удалит от вас тоску и беспокойство.

Мне повелено медициной до Гастейна пить воды в Гомбурге для удаления геморроидальных, печеночных и всяких засорений, на которые, по приговору медиков, следует предварительно подействовать Гомбургом, после чего Гастейн, действующий благодетельно на всякие нервические расслабления, может оказать мне значительную пользу. В Гомбурге я должен пробыть не более трех недель. Стало быть, чрез месяц времени я уже полагаю быть в Гастейне. Рассчитывайте вашим ответом и соображайтесь, адресовать ли мне во Франкфурт или же прямо в Гастейн, в Австрийский Тироль. Впрочем, Жуковский перешлет мне письмо из Франкфурта. Если ж вы едете, то дайте мне знать, да приищу для вас квартиру. Ибо в Гастейне помещений немного, и места нужно захватывать. На тесноту не пеняйте и помышляйте о том вперед, что вы не будете помещены *на большую ногу.* Итак, усердно помолясь Богу, с молебнем в дорогу! О деньгах не говорю ничего, ибо, как сами знаете, я их считаю за самую последнюю вещь. Займите[2] у первого попавшегося и для себя и для Аркадия Осиповича. А не то — и я вам найду даже случай доставить деньги, если их окажется потом недостаточно.

Весь ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

S-t Pétersbourg. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В С. П. Бурге. На Мойке, близ Синего мосту, в собственном доме.

952. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Париж, 11 мая <н. ст.> 1845 г.

Хотя вы не отвечаете, любезнейший Николай Васильевич, и только графу Толстому пишете, не менее того осмеливаюсь беспокоить вас моей просьбою, т. е. прошу вас прислать мне сейчас письма на мое имя, во Франкфурте находящиеся, на почте или

[1] для вас самих с ним

[2] займите их

в посольстве. Вернее адресовать на имя Лазарева; он знать будет, куда их переслать, а я, будучи принуждена еще дней десять отсрочить наш отъезд, не хочу все это время быть без известий.

Погода все время, т. е. более десяти дней, довольно холодная для Парижа, и потому мы еще почти ничего не видели. Я охотно сейчас бы уехала, но Нозинька то и другое желает видеть; все друзья и семейство наше здешнее не пускают нас и находятся разные причины, чтобы отложить отъезд. Таким образом, если побуду здесь еще десять дней, то успею получить письмо ваше из Франкфурта. В Петербурге у нас было все печально по причине болезни Беби и Миши. Опять, слава Богу, стало радостно и благополучно. Биша Софи также понесла на свою долю заботы и огорчения. Каждому свой крест по требованиям души и мудрости Господа.

Против воли и желания пустились мы в свет. Нозинька очень по сердцу всем. Герцог Ларошфуко написал нравственный портрет Нози, а стихотворец Ребул — стихи. Пора нам Париж оставить, а то кто-нибудь влюбится, и тогда беда нам.

Прощайте, любезнейший Николай Васильевич. Я так спешу писать потому, что мы отправляемся в St.-Cloud, что не знаю, как пишу и как вы мое письмо прочтете. Нози сердечно кланяется. Жуковскому и Тургеневу мой поклон.

953. Графине Л. К. Виельгорской

Мая 17 <н. ст. 1845>. Франк<фурт>.

Сейчас только, приехавши на одну минуту к Жуковскому во Франкфурт, нашел у него ваше письмо. Так как я уезжаю опять назад в Гомбург, где лечусь и пью воды, то и поручил ему исполнить вашу просьбу относительно письма. Вы, вероятно, получите его поздно (если только оно находится в посольстве), потому что и ваше письмо, писанное вами от 11-го мая, получено здесь только 16-го, сегодня же семнадцатое.

О себе скажу, что здоровье мое плохо; в Гомбурге пробуду три недели и потом еду в Гастейн. Благодарю вас за ваше, а Анну Миха<й>ловну за ее письмо. Рад душевно, что вам в Париже весело, и что веселость,[1] а не что другое, замедляет отъезд. Спешить вам, точно, незачем, на воды вам никуда не нужно, в Петербург рано, а потому, не торопясь, вы можете всё высмотреть. Глядите, наслаждайтесь и даже восхищайтесь, но не давайте большой цены всякому дыму похвал и не считайте за слишком важное дело

[1] именно веселость

известность. Она худой пашпорт не только на том свете, но даже и на этом. В прошлом письме вашем послышался[1] мне вздох по этой известности:[2] храни вас Бог от этого! Если бы я узнал, что вы меня полюбили несколько более ради бедной известности моей, не показался бы я вам и на глаза никогда; теперь же не без удовольствия помышляю, что покажусь вам на глаза, хотя и больной, хворый. Итак, распоряжайтесь с вашим отъездом так, чтобы хоть два дни нам с вами увидаться и провести вместе.

Весь ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Paris.
Son excellence madame la c-tesse Wielhorsky.
Paris. Place Vendome, 6.

954. В. А. Жуковскому

Вторник. <20 мая (н. ст.) 1845. Гомбург>

Не постигая, что делать с присланным вами письмом, посылаю его к вам. Таковой Лазаревой я отнюдь не знаю и не могу постигнуть, зачем приписано внизу: «bei G. Gogol». Лучше бы всего узнать в полиции; может быть, точно такая Лазарева существует во Франкфурте. Если же его отдать вновь на почту, то, я думаю, вряд ли она, бедная, его получит. Знаете ли, что ваше письмо я получил только сегодня? Ибо оно успело уже вновь побывать во Франкфурте за неотысканием меня, тогда как я отправил свой адрес и в полицию, и в здешний кургаус. Но почтовый чиновник, случившийся во время приема писем, так был уверен в том, что он знает всех живущих в Гомбурге, что даже одному дни не позволил письму остаться на почте и обратил того же часу вспять. А потому вот вам мой адрес: Kissileffstrasse, maison Deiainger. В Гомбурге ни души знакомой, так что тоска разбирает. В четверг буду у вас обедать.

<*На обороте:*>

Son excellence monsieur de Joukowsky.
Francfort s/M. Saxsenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

[1] был

[2] [Пои<стине>] И самый из известнейших известностей в мире еще

955. П. А. Плетневу

Франкф<урт>. Мая 24 <н. ст. 1845>.

Уведомляю тебя только о том, что я сильно болен, и только одному Богу возможно излечить меня. Письмо, однако же, к Уварову я написал и отправил его Смирновой для передачи или ему, или тебе. Если можно,[1] возьми за первый год деньги и перешли на всякий случай к Жуковскому. От него я получу их в минуту надобности повсюду. Больше невмочь писать, прощай. Будь здоров, и Бог да хранит тебя.

Твой Гоголь.

<*На обороте:*>

S-t Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству г. ректору СПбургского имп. университета Петру Александровичу Плетневу.

В П. Бург. В университет.

956. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

25 апреля 1845 г.

Отвечаю тебе на твое письмо от 24 марта. Погодин, вопрошаемый мною о поездке его за границу нынешним годом и о путешествии его в Иерусалим, сказал мне, что то и другое еще не решено, но что он спишется обо всем об этом с тобою заблаговременно. Шевырев сам будет писать к тебе и разрешит твое сомнение о его прошлогоднем письме. Аксаковы писали, дескать, недавно.

Странно и досадно, что Жуковский о сю пору не получает «Москвитянина». Виноват не Киреевский.

Путешествие в Иерусалим Норова пришлю тебе через князя Вяземского. Да сделай милость, не забудь написать мне, как пересылать к тебе книги, напр<имер> в Рим? И куда до приезда твоего в Рим посылать мне к тебе обыкновенную порцию моих каракуль?

Нынешним летом я было надеялся побывать на родине в Симбирской губернии, да не пускают: сиди в Москве и купайся в соленой воде! Слушаюсь — и слушаюсь!

Всем сердцем и всею душою благодарю достопочтенного Коппа за память его обо мне и за участие, принимаемое им в моем здоровье. Иноземцев говорит, что в Гаштейн ехать мне не надобно, что и самая эта поездка столь дальняя расстроила бы меня крайне.

[1] Если возь<мешь>

В бытность мою в Ганау я ходил ровно по 30 м. по комнате сразу: теперь не могу проходить и 4 минут — таковы-то не бойки стали мои ноги! Не оттого ли это, что с тех пор я перестал *точить*? Иноземцев запретил мне это телодвижение, предписанное Коппом, оно-де вредно мне! а Коппа называл токарный станок моим спасением! Как тут быть? Не разберешь!

Твой Н. Языков.

957. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Отрывок

Париж, 14 м<ая> <н. ст.> 1845. <Париж>.

Я чрезвычайно сожалею, что в ваше время мы вместе не побывали у Мицкевича. Очень было бы нам полезно вместе и на досуге заняться решением этого к нам русским близкого вопроса.

958. Графу А. П. Толстому

Гомбург, мая 28 <н. ст. 1845>.

Уведомляю вас, что отъезд мой отстрачивается[1] еще на одну неделю. Недостает духа уехать, с вами не простившись, хотя на весеннее путешествие и дорогу, как на единственно мне помогавшее доселе средство, была одна моя надежда... Но надеяться следует на Бога[2]. Прошу вас просить нашего доброго священника в Париже отправить молебен о моем выздоровлении. Отправьте также молебен о вашем собственном выздоровлении. Бог да хранит вас. Я уверен, что вы и это письмо мое получите в Париже, потому что, вероятно, успели вновь отложить и без <того> отложенный так надолго отъезд ваш.

Ваш Н. Гоголь.

<На обороте:>

Son excellence le comte Alexandre Tolstoy. Paris, rue de la Paix, 9. Hotel Westminster.

959. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

10 мая 1845 г. Москва.

Грустно мне было читать твое письмо от 1 мая. Что это с тобою делается? Болезнь и хандра, хандра и болезнь, и ни та, ни

[1] *Так в источнике.*

[2] *Далее начато:* А потому

эта о сю пору тебя не покидает. Я было надеялся, что весна отгонит их прочь от тебя, теперь вижу, что не воздух, не слякоть и кись и дрянь погоды, а что-то постояннейшее и действительнейшее расстраивает твое тело и томит и сокрушает дух твой. Приписываю это знаешь ли чему? Долговременному пребыванию твоему между немцами, среди чужого языка! Выдь на минуту из себя, взгляни на себя, как на всякого истинно русского человека, живущего и движущегося, положим, уже хоть полгода между шмерцами, и войди беспристрастно и сострадательно в его положение: ты согласишься со мною! Беги скорее от них, беги неоглядкой хоть куда глаза глядят: я уверен, что ты скоро поправишься, ободреешь и что болезнь и хандра убегут от тебя обе вместе, видя себе беду неминучую.

Погодин на днях делает консилиум, где решится судьба его на наступающее лето, т. е. ехать ли ему на воды или нет, и если ехать, то куда? Ноге его стало хуже.

Сердечно рад, что «Москвитянин» таки дошел до тебя. Благодарю за похвалы моим стихотворениям! Ты напрасно думаешь, что Хрипков — живописец вроде Мокрицкого; мое послание к Хрипкову я почитаю одним из удачнейших дел моих сего рода: стало быть, меня обманули чувства, что я восхитился дрянью. Нет! Я с тобою не согласен во мнении о моем кавказском пейзажисте. Спроси о нем Жуковского — он, конечно, помнит его и не назовет дрянью. Прискорбно мне еще и то, что ты вовсе ничего не сказал мне о моей элегии, напечатанной во 2-м № «Москвитянина»; я думаю, что это одна из лучших картин, нарисованных моими стихами; не всякий может оценить ее достоинство, тут нужен взгляд знатока, но ты, мой любезнейший, должен отдать ей должную похвалу, ты, который умеет крепко ограждать себя от надоедников и который истинно геройски защитился от предмета этой элегии! Помнишь?

С. Т. Аксаков будет на днях писать к тебе, Шевырев тоже; Хомяков и Свербеев тебе кланяются — все мы зовем тебя в Москву; полно тебе кочевать в странах не русских и не православных. Пора тебе домой, и если ты боишься борея, то ведь русская земля не клином сошлась; от Черного моря до Белого много климатов, выбирай любой и живи со своими...

Прощай покуда. Поправляйся же. Я буду писать к тебе еще чаще.

Твой Н. Языков.

Мая 10 дня 1845.

960. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Петербург, 12 мая 1845 г.

Грусть и тоска меня пожирают, любезный друг мой. Ежечасно, ежеминутно чувствую сильнее, как силы душевные и даже умственные меня оставляют. Странное чувство отчуждения от всего светского овладело мною. Не только не имею желания видеть кого-либо, но даже, напротив, страдаю в прикосновении с чужими: ни на сердце, ни на уме нет ничего им сказать. Этот свет, к которому я принадлежала случайно, никогда меня не любил и <я> обращала на него мало внимания; но теперь мне кажется, что всякий ищет меня обидеть, что все меня оттолкнули и что я брошена одна, совсем одна на свете. Боже, Боже мой, какое тяжкое одиночество и как оно еще тягостнее падает на сердце, когда смотрю на детей и воображаю, что им предстоит также борьба с этими обстоятельствами, с этим светом, в который меня забросила судьба. Я теперь за них уже страдаю, потому что если бы я была одна давно бы никто меня не видал в этом круге, мне по сердцу, мне по связям чуждому. Теперь я смотрю на место губернатора как на спасительную пристань; по крайней мере там откроется <для> меня полезная деятельность и другое направление сил душевных. Дела мои, притом, расстроены, и живя в маленьком городке, мы можем их поправить. Но и на этот счет ничего нет положительного. Н<иколай> М<ихайлович> служил три года как нельзя ревностнее; им были довольны; теперь дали делать ревизию Петерб<ургской> губернии, а назначение будет зависеть от воли Государя. У нас, по несчастию, имения рассеяны по всем губерниям, а вы знаете, что есть правило — не назначать туда в губернаторы, где есть поместья. Пока я еду в деревню с детьми, а Н<иколай> М<ихайлович> предполагал ехать за границу, потому что его здоровье точно расстроено. Не знаю, удастся ли ему это сделать, потому что поездкой может прогулять вакансию. Дом было продали; покупщик отказался на другой день; дела же довольно запутаны. Словом, со всех сторон стечение самых неприятных обстоятельств. Но все бы это ничего, если бы я не находилась в таком тягостном расположении духа: следствие светского моего одиночества. Не думайте, чтобы это было чисто болезненное чувство, *расположение все видеть в черном виде.* Нет, даже наша милая Софья Михайловна, разговаривая со мною, сказала мне, что она понимает, как я должна чувствовать это уединение и отчуждение от того круга, в который судьба меня забросила, которого привычка и требования сделали меня неспособною найтись

в другом. Кроме Вьельгорских, Карамзиных, гр<афини> Нессельрод, нет решительно никого доброжелательного ко мне. Если я не выезжаю, проходят дни, то никто ко мне и не заглянет, и я живу среди движения большого города, как в деревне. Всегда самой ездить искать мне тягостно, а вне этого круга движения решительно нет ни занятий, ни способов заняться. Все это вам одному могу я сказать, мой прекрасный друг во Христе. Эти мелкие страдания самолюбия едва ли кто решится поверить кому-нибудь, но вы поймете их, ибо стали уже выше их и живете в Боге. Я далека, очень далека еще от того, и потому молитесь обо мне и пожелайте перемены во внешних обстоятельствах, скорого переезда в губернию, где все это забудется и где начнется новая жизнь. Всякого рода испытания мне Бог послал, испытует Он меня горестно и трудно и в эту минуту, а что всего хуже, молиться не могу, и вздохи одни, полные сознания немощи и низости моей, долетают до Него. Вам писать мне отрадно. Ваше милое письмо я получила. Обещание меня посетить через год навевает на душу прохладу. В течение этого месяца я так похудела, что страшно меня видеть. Аппетиту совсем нет, сон короткий, и просыпаясь чувствую *тоску* невыносимую. Решено, что Аркадий со мной едет в Спасское (наша деревня) и останется со мной шесть недель. Оба будем там пить воды. Я возьму с собою книг, потому что здесь вовсе не читала и в уме моем совершенное запустение. Это последнее время я не могла читать: глаза одни читали, без участия ума и мысли.

Погода стоит прекрасная. Летний сад зеленеет. Я туда не хожу: публичных прогулок я никогда не любила. Государь в отсутствии и вернется 29<-го>. В<еликий> К<нязь> Константин уехал в Константинополь. Императрица едет на Елагин. Здоровье ее не в хорошем состоянии. Поговаривают об ее отъезде за границу на зиму; куда именно — это неизвестно. Боже сохрани нас от несчастия ее лишиться: она нужна нам всем и каждому в особенности. Молиться должны мы за нее горячо и беспрестанно, как и за Государя. Его спокойствие зависит от этого семейного круга, которому она служит центром, полным любви и самоотвержения. Прощайте, любезный друг мой. Софье Михайловне я вручила ваше письмо. Она мила и добра, как ангел. Мне бы нужно их видеть часто но они также живут рассеянно, как графиня в Париже, а мне нужна жизнь, как в Ницце, в особенности душевная связь, как с вами. Этого здесь не доищешься, да и Экклезиаст сказал, что одного друга только можно иметь в жизни, что это сокровище дается Богом в награду. Нас сдружило наше обоюдное

одиночество в свете и сознание, что способности наши выше того слоя, где мы родились. Талант ваш вам еще дает право на всеобщее уважение, а я ничего не приношу в дань тому кругу, в котором я живу, как в западне. Н<иколай> М<ихайлович> очень соболезнует моему состоянию, но не понимает моего чувства; может быть, и не хочет сознаться, потому что я, глядя на него, часто страдала тем, что и он должен выносить. Не говорите Жуковскому о всем этом. (Повторяю, что вам одному, брату и мужу я могла поверить тайну своего состояния.) Я твердо уверена, что тело мое расслабело вследствие душевной болезни, а не душа от тела. В свете же надобно сие скрывать и казаться веселою и беззаботною. Да будет воля Божия над нами и да выйдет душа наша чиста и спокойна в день ответный. Знайте, однако ж, что я не чувствую ни жизни, ни горечи, ни зависти, ни ненависти и всякому воздаю ему должное, без лицеприятия. Прощайте. Молитесь обо мне и пишите все-таки в Петербург к Синему мосту. Не забывайте каждый раз своего адреса. Я желала бы познакомиться в Москве с стариком Аксаковым. Устройте мне это.

961. А. О. Смирновой

Гомбург. Июнь 4 <н. ст. 1845>.

Друг мой добрый и прекрасный, ваше письмо от 12 мною получено. Что его читали не глаза мои, а читало сердце, о том нечего и говорить; что всякое из страданий ваших почувствовано самой глубиной того же сердца,[1] о том также нечего говорить. Год этот всем труден, и не без особенных намерений промысла вышнего он проходит почти для всех во скорби душевной. Напрасно вы также думаете, что я выше всего того, что[2] принадлежит слабейшему человеку, что нашел тайну побеждать страдания и живу в одном Боге. Увы! даже и в первых я ничтожен, не говоря уже о последнем. Жить в Боге значит уже жить вне самого тела, а это[3] невозможно на земле, ибо тело с нами. Я даже не в силах выносить покорно моих болезненных страданий, вот уже скоро полгода нахожусь в беспрерывной борьбе с моими недугами и с немощью моего духа взять власть над своим болезненным телом. Не страдая теперь ни одной душевной болезнью, происходящею от моих отношений и положений к людям (впрочем,

[1] самим сердцем души
[2] выше всего, что есть
[3] этого

может быть, только так это мне кажется и нашептывает[1] так гордость моя), я страдаю весь душою от страданий моего тела, и душа изнывает вся от страшной хандры, которую приносит болезнь, бьется с ней и выбивается из сил биться. Я, верно, исхудал не меньше вашего, и вы бы ужаснулись, меня увидев. И ни души не было около меня в продолжение самых трудных минут, тогда как всякая душа человеческая была бы подарком, и всякий страждущий, вызвавши меня на помощь себе, сим самым,[2] может быть, исцелил бы хотя на время дух мой. Здоровье мое с каждым часом хуже и хуже. Воды Гомбурга действуют дурно, и этому помогает, может быть, опасное положение совершенного одиночества. Всякое занятие умственное невозможно и усиливает хандру, а всякое другое занятие — не занятие,[3] а потому также усиливает хандру. — Изнуренье сил совершенное. Вот вам мое состояние. Мне казалось бы, что встреча наша была бы нужна с вами, если Богу угодно будет продлить до того времени мою жизнь. Мне казалось, что воды Гастейна вам помогли бы больше всего, и если бы вы решились хотя с одним Аркадием Осиповичем отправиться в Гастейн, оставивши детей с м<исс> Овербек в селе Спасском, то это было бы не дорого. Из Москвы вы отправились бы прямо в Гастейн на Вену[4] в легком экипаже. Вы спрашиваете, как познакомиться со стариком Аксаковым. Приехавши в Москву, пошлите прямо за ним, чтобы он приехал к вам. Скажите, что это мое желание. Отыщите также старушку Шереметьеву; скажите[5] также, что я велел вам с нею познакомиться. В минуты трудные она вам будет очень полезна. Навестите также Языкова. Он без ног, а пото<му> к вам не в состоянии приехать. Прочих всех можете увидеть у Хомякова, который даст[6] для вас вечер и на нем покажет вам всех. Когда вам слишком будет трудно и грусть ваша будет велика, не забудьте взять сочинения св. Димитрия Ростовского (в 5 томах) и в первом томе прочитайте (помолившись прежде крепко Богу) разговор между *утешающим* и *скорбящим* и не один раз потом его перечитывайте. Вот всё, что могу вам посоветовать, изнывая и скорбя сам. Затем обнимаю вас всей мыслию души моей.

Весь Ваш Г<оголь>.

[1] говорит
[2] *В подлиннике:* самим
[3] тоже не занятие
[4] прямо на Вену
[5] скажите ей
[6] сделает

Если будет вам не в труд, то купите для меня книги:

1) «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита, в одном томе.

2) «О церковном священноначалии», его же, Дионисия Ареопагита, также в одном томе.

3) «Изъяснен<ие> Литургии», недавно вышедшее, священн<ика> Нортова и

4) книга совершенно мирская, на днях[1] вышедшая, что-то вроде «Петербургских сцен», Некрасова, которую очень хвалят и которую бы мне хотелось прочесть.

Письма для большей верности адресуйте по-прежнему к Жуковскому; он их мне перешлет. Книги же нужно будет[2] уже прямо в Гастейн. Затем прошу вас о том же, о чем вы меня просите: молитесь обо мне; здоровье мое очень плохо. Молюсь и я об вас, сколько в силах то при нынешнем бессилии моем.[3]

<На обороте:>

S-t Pétersbourg. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В С. П. Бурге. На Мойке, неподалеку от Синего моста. В собственном доме.

962. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Петербург, мая 23, 1845 г.

Спешу пересылкою ваших денег, любезный друг. Это первая треть. Уведомьте о получении векселя. Второй остается у меня, в случае если затеряется это письмо. Я порядочно пространа все это время. *Нервы мои в сильном расстройстве, что ни пером не описать, ни языком не рассказать.* В моих планах перемена: я наняла дачу у Вьельгорских. Там будет и тихо и не слишком одиночно. Между тем судьба Н<иколая> М<ихайловича> должна решиться, и мы на днях это узнаем. Меня так и тянет вон из Петербурга; вне света, который для меня потерял всякое значение, нет ничего, а общество, которое я вижу, не связано никаким живым душевным интересом. Мы сбиралися убивать время это так, и ничто не выливается из этих суетных разговоров. Моя душа теперь уже чувствует потребности высшие. Молодость, о молодость! где то призрачное покрывало, которое ты накидываешь на пустоту

[1] ед<ва>

[2] нужно будет дост<авить>

[3] то делать при моих болезненных силах

и наготу жизни? Сильный, очень сильный перелом был в жизни моей нынешний год. Вы, милый сердцеведец, угадали мою душу, и, как бы предвидя ее будущее *уныние*, приучали обращаться к Тому, Который не оставляет никогда горюющих и погибающих. Отчего я так страдаю одиночеством среди друзей, которые меня ни увещеваниями, ни посещениями не оставляют, не понимаю. Уж не готовиться ли мне оставить этот мир? уж не приходит ли час? или точно мне суждено впасть в душевную болезнь и сделаться ненужным и тягостным бременем для семейства? Плетнев мне передал вашу записку от 21 мая. По всему видно, что и ваше состояние сокрушительно. Вы для меня так нужны, что я даже предвидеть не могу, как я без вас выйду из своего положения. Выезжайте, ради Бога, скорее из Франкфурта в Гастейн. Не умею вам сказать, будут ли там люди, вам нужные. Аркадий узнал в а<нглийском> клубе, что граф Апраксин Петр Ив<анович>, туда едет, и говорил ему, чтобы он вас отыскал. Он говорил, что весьма рад бы с вами познакомиться, но что вы бегаете людей и потому опасается, что и его будете дичиться. Он очень добрый человек и знает много русских анекдотов: вот его характеристика, составленная Аркадием. Итак, вы будете не совсем одни в Гаштейне. Бог даст, еще кто-нибудь выищется. Я решилась теперь не ехать в Москву; наняла дачу в Павлине у Вьельгорских, которые меня туда зазвали, видя мое состояние. Вчера <Плетнев> принес мне известие, что вам нельзя выдавать пенсиона вперед за год, а вы будете его получать по третям, и потому прошу вам извещать меня по крайней мере ежемесячно о перемене вашего местопребывания. Самарин вернулся из Москвы полный жизни и надежд, весьма довольный кругом своих приятелей, которые, по словам его, работают впрок. Не все им отдают справедливость, и даже очень умные люди сильно на них нападают, не говоря уже о бессмысленной толпе. Я более писать не могу и не умею: в такие минуты душевного расстройства не слышишь свои недостатки каждый порознь; вся низость и мерзость нашего существа сливаются вместе и затемняют душу страстями. Как и когда выйдешь из этого мучительного перехода к лучшему — неизвестно и странно подумать.

Сейчас подали мне письмо Жуковского; тут и об вас идет речь. Мы с вами, друг мой, в одном положении, как видно. Могу только соболезновать искренно и молить Бога. Без того мы оба погибнем. Молитесь так же горячо обо мне, как я молюсь об вас. Ваша от души, мой прекрасный и бедный друг.

А. С<мирнова>.

963. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Отрывок

Париж, 27 м<ая н. ст.> 1845.

Между тем напал случайно на старинную ф<ранцузскую> книгу Eloqucnce des auteurs sacrés, в которой многое как будто нарочно для моего положения написано; но, увы, никакие слова, самые сильные, не проникают в глубину прескверной моей души.

964. Н. Н. Шереметевой

5 июня <н. ст. 1845. Гомбург>.

Молитесь, друг мой, обо мне. Ваши молитвы мне нужны были всегда, а теперь нужнее, чем когда-либо прежде[1]. Здоровье мое плохо совершенно, силы мои гаснут; от врачей и от искусства я не жду уже никакой помощи, ибо это физически невозможно; но от Бога все возможно. Молитесь, да поможет Он мне уметь терпеть, уметь переносить, уметь покоряться, уметь молить Его и уметь благословлять Его в самых[2] страданиях. Я слишком знаю[3], что нельзя[4] зажечь уже светильника, если не стало масла. Но знаю, что есть сила, которая и в мертвом воздвигнет дух жизни, если восхочет, и что молитва угодных Богу душ велика перед Богом. Молитесь, друг мой, да не оставляет меня в минутах невыносимой скорби и уныния, которые я уже чувствую и которых, может быть[5], целый ряд предстоит мне вперед, в степени сильнейшей. Молитесь, да укрепит меня и спасет меня.

<*На обороте:*>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

965. Н. М. Языкову

5 июня <н. ст. 1845>. Гомбург, близ Франкф<урта>.

Твое письмо от 10 мая мною получ<ено>. Друг мой, ты всё еще принимаешь дело легко и почти в шутку, приглашая меня в Москву. Больного в таком состоянии, в каком я, не призывают, но скорее к нему едут. Бог весть, как я еще доберусь до Гастейна.

[1] *Далее было:* Моли<тесь>

[2] *В автографе:* самих

[3] *Далее было*: Я вижу

[4] *Было:* нет

[5] *Было:* уже, может быть

Повторяю тебе еще раз, что болезнь моя сурьезна, только одно чудо Божие может спасти. Силы исчерпаны. Их и без того было немного, и я дивлюсь, как, при моем сложении, я дожил и до сих еще дней. Отчасти, может быть, я обязан тому, что берег себя и не вдавался во всякие излишества; отчасти обязан тому, что Бог крепил и воздвигал, несмотря на всё мое недостоинство и непотребство. Знаю, однако же,[1] и то, что повредил себе сильно в одно время тем, что хотел насильно заставить писать себя, тогда как душа моя была не готова и когда следовало бы[2] покорно покориться воле Божьей. Как бы то ни было, но болез<ни> моей ход естественный. Она есть истощение[3] сил. Век мой не мог ни в каком случае быть долгим. Отец мой был также сложенья слабого и умер рано, угаснувши недостатком собственных сил своих, а не нападеньем какой-нибудь болезни. Я худею теперь и истаиваю не по дням, а по часам; руки мои уже не согреваются вовсе и находятся в водянисто-опухлом состоянии. Припадки прочие всё те же, которые сопровождали бедного Елима Мещерского (умершего тоже от изнуренья сил) за неделю до его смерти. Вот тебе состояние моей болезни, которой не хочу от тебя скрывать. Ни искусство докторов, ни какая бы то ни было[4] помощь, даже со стороны климата и прочего, не могут сделать ничего, и я не жду от <н>их помощи. Но говорю твердо одно только, что велика милость Божия и что, если самое дыхание станет улетать в последний раз из уст моих и будет разлагаться в тленье самое тело мое, одно его мановенье — и мертвец восстанет вдруг. Вот в чем только возможность спасенья моего. Если сыщется такой святой, чьи молитвы умолят обо мне, если[5] жизнь моя полезней, точно, моей смерти, если достанет хотя сколько-нибудь чистоты грешной и нечистой души моей на такого рода помилование, тогда жизнь вспыхнет во мне вновь, хотя все ее источники иссохли. Знай об этом сам, объяви о том и другим, да напрасной надежде и мечтам не предаются, а пусть лучше, вместо того, молятся, благоговея пред Божиим могуществом, благословляя его и не осмеливаясь произносить чего-либо похожего на свои соображения, а отголь и на роптания, и т. п.[6] С. Т. Аксакову и Шевыреву скажи, что напрасно они

[1] также

[2] *В подлиннике:* было

[3] *В подлиннике:* источение

[4] какая-либо

[5] и если

[6] *Далее начато:* Стихи твои я читал в «Москвит<янине>». Элегию весь<ма>

собираются писать в ответ на письмо, на которое просилось[1] одного только дружеского: да. С тех пор прошло уже полгода, и молчанье принято, как следует, за совершенное согласие; напоминание же о чем-нибудь уже забытом будет[2] мне неприятно. Итак, да не приходит им в ум[3] заикаться о делах, решенных и сложенных в архив.

Стихотворе<ния> я твои прочел как в «Москв<итянине>», так и в отдельн<ом издании>. Из них многие мне принесли большое удовольствие. В том <числе> самое[4] посвящение Авдот<ье> Пет<ровне> Елагиной. Элегию о надоедателе весьма заметил и даже сказал о ней Коппу. В Москве будет, вероятно, на днях Смирнова. Ты должен с ней познакомиться непременно. Это же посоветуй Серг<ею> Т<имофеевичу> Аксакову и даже Н<адежде> Н<иколаевне> Шереметьевой. Это перл всех русских женщин, каких мне случалось знать, а мне многих случалось из них знать прекрасных по душе. Но вряд ли кто имеет в себе достаточные силы оценить ее. И сам я, как ни уважал ее всегда и как ни был дружен с ней, но только в одни истинно страждущие минуты, и ее и мои, узнал ее. Она являлась истинным моим утешителем, тогда как вряд ли чье-либо слово могло меня утешить. И, подобно двум близнецам-братьям, бывали сходны наши души между собою. Она также теперь больна, и дай Бог ей выздоровление для счастия многих. Затем прощай, Бог да благословит тебя! Адресуй еще на имя Жуковского во Франкфурт.

Твой Г<оголь>.

966. А. А. Иванову

Франкф<урт>. Июня 18 <н. ст.> 1845.

От вас я давно не имею никаких вестей, добрейший мой Александр Андреевич. Напишите хотя два словечка. Я всё время хворал и был болен, и теперь болен, и даже очень болен. Но все-таки имею желание и намереваюсь, если Бог поможет, ехать к вам на осень и зиму в Рим. А потому вы постарайтесь меня уведомить, где будете вы лето, дабы я знал, как отыскать вас, если, на случай, приеду рано. Пишите мне в Гастейн, куда я еду теперь же, и не откладыв<ая> письма вашего, дабы оно меня там застало. Гастейн

[1] требова<лось>
[2] о чем-нибудь старом может
[3] и в ум
[4] самое прек<расное>

вы уже знаете: он находится в Австрийском Тироле. Адресуйте в poste restante.

Скажите Моллеру, чтобы он хотя что-нибудь мне написал о себе: что он делает, чем занимается и как его здоровье и силы для работ? Сам же я всё еще не в силах много писать.

Прощайте! Бог вам в помощь!

Весь ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

à Rome (en Italie).

Al signore Alessandro Iwanoff (Russo).

Roma. Via Condotti. Vicina alla piazza di Spania, nel Caffe Greco.

967. А. О. Смирновой

Гомбург.[1] 18 <июня (н. ст.) 1845>.

Ваше письмецо (от мая 23) получил, находясь[2] на выезде в Гастейн. Как ни слаб, но во имя Божие пускаюсь. Все из тех, которые желали быть в Гастейне или говорили о том, изменили[3] слову… но да будет лучше всего так, как Богу угодно. Относительно вас я рад хотя тому, что вы будете с Вьельгорскими лето. Вот вам мой совет: позабудьте о себе и думайте о них; позабудьте о своих недугах и думайте о их недугах; позабудьте о своих огорченьях и думайте о их огорчениях. Чтобы отселе в ваших глазах как бы вовсе не существовало вас самих и вы одним сим только исцелитесь от вашего недуга. Постарайтесь сойтись поболее и потеснее с Анной Миха<й>ловной. Это вам слишком будет нужно. Вы ее доселе, сколько мне кажется, не оценили и не узнали, но[4] она будет вам более всех теперь нужна, и вы будете нужны ей, укрепляя, бодря,[5] освежая ее и заставляя ее действовать. Слов ваших о векселе я не понял: вы пишете, что посылаете вексель за треть и что я буду получать по третям. Но в таком случае мне бы следовало получить тысячу с лишком франков, потому что, основываясь на письме Уварова, я получаю по тысяче рублей серебром в год, что составляет близ четырех тысяч франков в год. Но, вместо этого, я получил от вас вексель только в триста с лишком франков. А потому совершенно недоумеваю, что это значит, равно как и слова ваши: «Посылаю вексель за первую треть».

[1] Франкфурт

[2] еще находясь

[3] говорили мне о том, кажется, изменили

[4] но мне <кажется>

[5] бодря и

Объясните мне это, написавши в Гастейн и давши в то же время об этом знать и Жуковскому. Если кто-нибудь едет в Гастейн, попросите его взять с собой те книги, о которых я вас в прошедшем письме просил. Прошу вас также, ради Христа, выставлять в ваших письмах, что мое письмо, писанное мною к вам от такого-то числа, было получено вами такого-то[1] месяца и дня. Этого вы никогда не делаете, а мне это слишком нужно.[2] Затем Бог да укрепит вас, изравнявши всё в благо. Молюсь ему и в сию самую минуту, да, как освежающий дождь, пронесутся сквозь вашу душу все эти доселе вами испытанные изныванья и скорби, и, как земля, освещенная после бури[3] солнцем, будет отныне душа ваша. Крепко, твердо и бодро в дорогу, мой добрый друг! Во имя Бога, вновь в дорогу жизни, и на всяком шагу да будет он с вами, и да будет бестрепетна ваша в него надежда! Прощайте! Адресуйте в Гастейн, в poste restante. А обо мне молитесь.

Ваш Г<оголь>.

При сем письмо к графине Виельгорской. Уведомьте <о> их приезде и о прочем.

<*На обороте:*>

S-t Pétersbourg. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В С.-Петербурге. На Мойке, близ Синего моста, в собственном доме.

968. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

1845, мая 24 дня, Москва.

Я получил последнее письмецо ваше через Языкова, милый друг Николай Васильевич! Все ваши слова справедливы, но... надобно иметь сердце, исполненное теплой веры и преданности воле Божией безусловно, чтоб находить отраду, например, в самой мысли: что значит потеря зрения телесного, когда человеку откроется зрение духовное! Я не спорю, что это истина и что в ней можно найти отраду; но когда? Тогда, без сомнения, когда человек внешний, телесный преобразится в человека внутреннего, духовного. Я еще далек от этого преображения, да и не знаю, буду ли когда-нибудь его достоин, и потому откровенно скажу вам, что мне даже досадно было читать ваше письмо... Я хотел

[1] от такого-то

[2] иногда слишком нужно.

[3] дождя

от вас живого участия, боялся даже, что слишком вас огорчил... Я — человек, и потому хотел человеческого огорчения; ропота... Я слепну, рвусь от тоски и гнева, прихожу в отчаяние иногда, и вы думали меня утешить, сказав, что слепота ничего не значит?..

Мы все еще живем в Москве и даже не знаем, когда и куда уедем. Переезд в деревню, куда намереваемся перенесть нашу больную на руках в портшезе, — кажется мне самому несбыточным. В то же время родилось у нас убеждение (происшедшее от слов ясновидящей, даже двух), что гомеопатия может помочь нашей больной и что надобно ее испытать. Для этого нужно жить в Москве или на даче, в самом близком от Москвы расстоянии. Дач теперь уже нет свободных, да и средств нет это исполнить; не говорю уже о том, что я не могу без горести подумать о разделении семейства, подобно прошлогоднему. Оставаться же на некоторое время в Москве на теперешней квартире невозможно по многим причинам: здесь летом слишком шумно и душно.

Киреевский отказался от «Москвитянина» также по многим уважительным причинам: во-первых, Киреевский не создан от Бога, чтоб быть издателем журнала. Это такой чудак в действительной жизни, что, при всем своем уме, хуже всякого дурака. Во-вторых, никакой порядочный человек не может иметь денежных сношений с Погодиным. В-третьих, от нелепого образа занятий Киреевский сделался болен. Довольно этих трех причин. До сих пор идут толки о выборе нового редактора; но все это вздор. Дело кончится тем, что Погодин опять примется за издание журнала и начнет сколачивать его топором, кое-как, или прекратит на шестой книжке. Какое торжество для всех врагов наших! Не останется уже места, где бы мог раздаться человеческий голос. Это нанесет удар возникающему чувству национальности! Но теперь наступает лето, все наши краснобаи разъедутся по деревням, и здесь хоть трава не расти!

Ваше нездоровье, и душевное, и телесное, нас сердечно огорчает. Не знаю, где найдет вас это письмо, посылаемое с одним из товарищей моего сына, Погуляевым. Мой Иван посылает вам две свои стихотворные пиесы. Напишите о них правду. Не бойтесь оскорбить самолюбие молодого человека. Обнимаю вас крепко. Семейство мое делает то же.

Весь ваш С. Аксаков.

Разумеется, 9 мая мы выпили за ваше здоровье. Адрес мой на имя Томашевского, в почтамте.

969. Графиня Л. К. Виельгорская (с припиской графини А. М. Виельгорской) — Н. В. Гоголю

Берлин, 16-го июня <н. ст.> 1845 г.

Мы благополучно приехали, любезнейший Николай Васильевич, и нашли Мишу на железной дороге. Жара ужаснейшая заставила нас ехать ночью и отдыхать несколько часов днем, и мы приехали в субботу в Halle в 5 часов. Отдохнувши часа четыре или пять, мы пустились по железной дороге и были в Берлине в два часа. Барон Mayendorf просил нас жить у него в посольстве, возле Миши. Итак мы целый день вместе: обедаем, чай пьем, завтракаем всегда вместе. Надобно пользоваться моим здешним пребыванием.

Кучу писем нашла я здесь. В Петербурге все здоровы, ожидают нас с нетерпением и бранят, что давно не на месте. К несчастию, пароходы не отправляются из Стетина, — итак мы принуждены продолжать наше путешествие сухим путем. Я отчаянии: от Берлина до Петербурга уже не Европа, а пустыни Африки и Азии. Пугает меня ужасная мысль пуститься в дорогу к жидам и некрещеным народам, которым употребление хлеба почти не известно. Я не знала, что m-me Mayendorf в Гомбурге: я бы к ней явилась. Говорят, Киселева играет в карты и держит банк: берегитесь и не пускайтесь в их общество.

Надеюсь отправиться в Петербург в субботу, если Бог велит. Мы все очень устали и стараемся отдохнуть в Берлине. Смирнова наняла дом в Павлине и будет жить с нами все лето. Муж ее назначен губернатором. История развода Валуева, к счастью, выдуманная сказка. Волконский здесь по причине болезни. Много русских отправляется за границу. Здоровье Государыни в плохом состоянии. Опасаются, что она не в состоянии будет ехать за границу, а ей хотелось провести зиму в лучшем климате. Киселев едет за границу; вероятно, будет к вам в Гомбург. Радуйтесь этому освещению. Сообщите все эти достоверные известия Жуковскому и поклонитесь ему от нас сердечно. Так спешу, что, мне кажется, вам нельзя будет разобрать мои Hieroglyphe. По крайней мере то разберите, что мать и дочь вам искренно преданы. Миша кланяется, а мы даем вам дуржеский *шек хандс.*

<Приписка графини А. М. Виельгорской:>

Мне некогда вам писать, любезный Николай Васильевич: я a la lettre целый день с братом. Он здоров и весел, а я так счастлива его видеть, что я совсем другими глазами смотрю на будущее. Чем более я приближаюсь к Петербургу, тем более мне становится легче и веселее.

970. И. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

Из деревни Симбирского уезда. Июня 5-го <1845>.

Я поздно получил ваше письмо и уже распорядился, чтобы из Петербурга высланы были в Берлин требуемые вами реестры. В конце лета буду я сам в Питере и тогда исполню другие поручения, а между тем за письмо вас благодарю, несмотря на весь воз упреков, как вы говорите, да за них-то собственно и спасибо, ибо они имели силу от совершенно внешней жизни, какую я веду здесь, обратить меня к самому себе. Это их заслуга. Многое в них и несправедливо, так особенно горько было подозрение[1] в самолюбии и гордости — меня, из глубины души считающего себя из всех детей ничтожных мира наиничтожнейшим без всякого реванша. Впрочем, все это глупости и никому знать их нет надобности. Скажу только, что я могу по вашему совету устоять против всего, исключая хладнокровия, с каким принимается хорошее и дурное, подлое и благородное, труд и шарлатанство. Довольно однако ж. Прощайте, Николай Васильевич. Вы знаете, как я вас уважаю и с каким удовольствием принимаю всякое ваше поручение. Адрес старый.

И. Аксаков.

971. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

6 июня 1845 года.

Любезный друг, вы легко представите себе, сколько меня огорчило ваше письмо. Писать много и долго незачем. Я сама так грустна и слаба душою, что стыдно даже и говорить об этом. К вам ехать не могу по разным обстоятельствам, а вас зову и вызываю и желаниями и молитвою к Богу, чтобы Он вас вразумил и решил приехать в Москву. Вам нужны люди и души, вас любящие, а вы в совершенном одиночестве, и это вас теперь погубит. Оставьте вы в стороне мысль, что вам стыдно вернуться с пустыми руками в Россию; против недуга и бессилия, посланного Богом, нечего делать, и люди, вас искренно любящие, поймут это, и никто и не вздумает упрекнуть вас. Я пишу вам из Павлина, дачи Вьельгорских, где наняла домик на лето. Они все ангельски добры ко мне, но сердце мое так убито, что ничто не утешает его. Я чувствую какое-то притупление всех способностей ума: усталость души подействовала на его живость. Прошлое и прошлое как-то теперь отозвалось во мне. Вчера назначили Н<иколая>

[1] *Было:* упрек

М<ихайловича> губернатором в Калугу. Мне бы хотелось туда ехать скорее, потому что имею сильное расположение к одиночеству. Туда вам бы легко ко мне приехать. В октябре я непременно там буду. Вы напрасно понадеялись на мои силы. Если бы вы знали, как я упала и как истощилась духом! Чувствую все свое ничтожество, исповедываю его пред Богом, а между тем не могу обрести успокоения, как разве только в те минуты, когда плачу и молюсь. Есть искушения свыше сил наших, а именно *уныние,* которое мною так сильно овладело. И в бессилии своем я об вас молюсь, как об лучшем своем друге. Да восстановит Он ваши силы телесные и даст помощь на дело, вами предпринятое. Ах, охладело мое сердце! вот что я чувствую, — охладело ко всему земному, к которому никогда сильно не было привязано; а, может быть, еще много лет суждено мне оставаться мертвой на земле живых. Не могу смотреть на детей без страшной и болезненной грусти. Слезы их, игры их — все тревожит мое больное сердце, которое не предвидит ничего радостного для них на этом свете. Бог сирых не оставляет — правда, Он и меня не оставил; но сколько мучений и терзаний прошло чрез мою душу! и наконец силы истощились совсем, но тело еще живо, к несчастию. Но «претерпевый до конца, тот спасен будет», и потому и мысль о смерти мне не приходит, хотя чувствую сильное желание умереть, или не чувствовать бремя жизни.

Имею надежду, что графиня Вьельгорская вас вытащит в Россию, и уверена, что возврат ваш будет вам спасителен. Мысль одна, что вы меня, может быть, спасете от *болезни умственной,* уже вас подкрепит. Аркадий едет в Гельсингфорс на морские ванны. Они ему нужны, и, хотя мне очень тяжко с ним расставаться, не хочу, однако же, его отговаривать. Ханыков в Ригу послан. Карамзины разъехались. Н<иколай> М<ихайлович> едет чрез шесть недель в Калугу. Кроме семейства Вьельгорских, не останется у меня никого. Сердце и боится, и ищет уединения. Бог да сохранит вас и да научит вас, что делать с самим собою. Писать могу только об одном, и зачем далее останавливаться на таком грустном предмете? Прощайте, отвечайте, любите, молитесь, и жалейте о той, которой вы указали путь, но которая не могла найти способа извлечь практическое применение к жизни.

А. С<мирнова>.

972. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Июня 11, 1845, Москва.

Завтра, если Бог допустит, мы с Ольгой Семеновной и нашей несчастной страдалицей Оленькой отправляемся в деревню. Доктора возлагают большую надежду на воздух и движение; но больная так слаба, так расстроена нервами, что я не смею верить в возможность переезда. Из Москвы по камням перенесем ее на руках, а за заставой положим в карету... Мрачно и страшно наше будущее! Особенно потому, что не за себя одного боишься, а за многих...

Несмотря на то, что собственное горе и еще более беспрестанное опасение за каждую минуту будущего ожесточает сердце (вопреки мнению некоторых), или, лучше сказать: лишает способности принимать живое и глубокое участие в положении друга и брата, — последнее письмо ваше к Языкову, милый друг Николай Васильевич, сильно меня поразило... Дай Бог, чтоб оно было написано в припадке мрачной ипохондрии! Что можем мы делать? Только молиться Богу, кто сколько может и умеет, о вашем выздоровлении... Меня сильно тревожит мое последнее к вам письмо. Постоянно находясь в огорчительном и раздражительном состоянии, я, вероятно, написал к вам что-нибудь резкое и, может быть, огорчительное для вас... Я знаю, что вы меня ту же минуту простили; но мне очень прискорбно, если я и на минуту огорчил вас. В нашем душевном союзе, с первой минуты столь чистом и прекрасном, не долженствовало быть ни одной темной минуты.

Уже давно сильно занимает меня Смирнова. Все, что свет говорит о ней с злобным наслаждением, мне хорошо известно. Живя давно на свете, я мало верю его слепым приговорам. Ваши слова возбудили во мне живейшее участие. Я дорого бы дал, чтоб узнать лично эту женщину. К сожалению, она в Москву, как говорят, не будет: ибо наняла дачу под Петербургом; я приехал бы из деревни, чтоб с ней познакомиться.

Прощайте, милый друг! Напишите мне несколько слов через Языкова. Обнимаю вас крепко и надеюсь на милость Божию. Все мы вас обнимаем.

Ваш С. Аксаков.

973. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<12 июня 1845 г. Москва>

Отвечаю на твое письмо от июня 5 дня. Если бы я записывал все, что я передумал о самом себе и о моей болезни, положим, хоть в одно полугодие многолетнего и непрестанного жития моего с нею, у меня недостало бы денег на бумагу. Мнительность — растение, растущее неимоверно быстро: оно разом развивается в огромное мачтовое дерево; наше воображение пользуется им так же быстро: тотчас строит из него и оснащивает корабль, сажает нас в этот корабль, спускает его на бурное море, и мы несемся черт знает куда. Кроме всего этого, ты, мой любезнейший, повторяю тебе, дышишь немецким воздухом, живешь между немцами, движешься на немецкой земле, среди чужого языка!

Жду приезда Смирновой в Москву, познакомлюсь с нею непременно и обещаюсь тебе воспеть ее: я давно уже жажду узнать ее лично, я о ней много слышал разных воспетий, но я держусь слов, сказанных не помню каким летописцем: «Не всякому слуху веруйте, но испытуйте духи: есть бо дух Божий и дух льстечь!»

Что ты делаешь в Гомбурге? Гаштейн, по моему соображению, поможет тебе, только не забудь там устроить себе здоровую и сытную пищу. Гаштейнские воды, правда, укрепляют, но гаштейнская пища — самая слабительная: помнишь?! Вспомни штраубингеровскую говядину, телятину и особенно его супы, и особенно субботний!!

Вспомни и гр. Апр<аксина?> — как, бывало, вылетал он после обеда за общим столом на площадку перед моим окном, распаленный, грозный, браня встречному и поперечному обед, его не удовлетворявший, и в самом деле обед подлейший!

Путешествие А. Норова в Иерусалим я уже отдал Аксаковым, которые имеют с кем переслать его к тебе: оно мне очень поправилось: это не муравьевское! Книга дельная, ученая и необходимая всякому паломнику. Слышно, что Погодин не переменил своего намерения побывать в Святой Земле, но я еще не говорил с ним об этом; уведомлю тебя, когда и как он решился.

Будь же здоров.

Твой Н. Языков.

Июня 12 дня 1845. Москва.

974. А. О. Смирновой

Берлин. 5 июля <н. ст. 1845>.

Пишу к вам, мой прекрасный друг Александра Осиповна, из Берлина, куда притащился я больной и еле движущийся для окончательного совещания с здешним доктором Шёнлейном,[1] ибо мнение докторов о моем лечении раздвоилось: одни советуют в Гастейн, другие решительно морское купанье как можно подольше. Приезд в Берлин вышел неудачен: Шёнлейна я не застал; он уехал за день[2] до моего приезда и возвратится нескоро. Я, признаюсь, скорее наклонен к морскому. В нем есть что-то освежающее уже с самого начала, и самому бренному телу моему как-то более желалось бы моря. Но решиться не могу. Морские купанья пока еще все пусты, а остров *Эльголанд*, куда предпочтительно шлют меня, особенно пустынен, и ни одна русская душа туда не заезжает, тогда как он всего в четырех, или с небольшим, часах от Гамбурга. Итак, вот какого рода мое положение: за два дни до моего отъезда я еще не знаю наверно, куда еду. Знаю одно только то, что опаснее всего для меня хандра, а она, как нарочно, предстоит мне в тех местах, куда шлют меня, и, как нарочно, никогда еще не посыла<ли> меня в такие лишенные людства места, как ныне. Не раз приходит мне на ум, какое[3] утешение было бы теперь нам встретиться именно в нынешние минуты. Но это, как видно, Богу неугодно покамест. По крайней мере, во всяком случае, посоветуйтесь сурьезно с докторами насчет ваших нерв, если только вам не лучше. Я уверен, что вам присоветуют или Гастейн, или море с морским купаньем. Если море, тогда переезд не станет[4] вам ничего. Ни экипажей, ни громозду не нужно; на пароход взять надобно одни только сундуки и приехать только в Гамбург, а от[5] Гамбурга в нескольких шагах все притоны морских купаний. Как бы хороши были морские купанья для Софьи Михайловны также! и как бы удобно было вам сделать это путешествие вместе! Издержек вы бы сделали менее, чем в Петербурге летом, а между тем набрались бы сколько-нибудь здоровья для зимы. Притом самое спокойное путешествие, не сопряженное ни с какими хлопотами и продолжающееся всего одну неделю, если не меньше. А для меня остров Эльголанд превратился бы

[1] *В подлиннике:* Шонлейном; *далее не отмечается.*
[2] ровно за день
[3] какое бы было
[4] это не ст<анет>
[5] из

тогда в рай. Я уверен, что Аркадию Осиповичу помогли бы также весьма сильно морские купанья. Ему нужны укрепляющие[1] и освежающие средства. Но… буди всё по воле и милости Божией! А вы все-таки дайте мне скорый ответ на это письмо, адресуйте на имя Миха<и>л<а> Миха<й>ло<ви>ча в Берлин. Он мне отправит туда, куда я потащусь. Прощайте, друг мой. Устал, не имею сил даже двигать пером,[2] а между тем много и много еще предстоит дороги вперед, если придется ехать в Гастейн. Но если и в Гастейне я узнаю, что вы едете на морс<кие> купанья, то притащусь отвсюду к вам, несмотря ни на какой переезд. Прощайте же и напишите хотя несколько строчек. Душа моя обнимает вашу душу.

Ваш Г<оголь>.

Само собой разумеется, что вы должны крепко и сильно обнять за меня всех Вьельгорских.

<*На обороте:*>

S-t Pétersbourg. Russie.

Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.

В Петербурге. На Мойке, близ Синего моста, в собст<венном> доме.

975. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<10–14 июня 1845. Покровское>

Покровское. Июня 10.

С сегодняшней почтой от Николая Михайловича получила, мой возлюбленной друг, ваше письмо. Оно меня опечалило, видя, как сильно томится душа ваша в беспрерывных страданиях. Сколько раз умоляла вас, мой друг, не предаваться унынию, и теперь именем Иисуса Христа о том же вас прошу. Тяжко вам это, я понимаю, разделяю с вами эту невыразимо жестокую болезнь души, и понимаю и чувствую, что вы терпите, но на все даны нам средства к облегчению. Умоляю вас со всею любовию матери, у ног ваших вас умоляю, ради Христа ободритесь и с твердым упованием прибегните к Тому, Которой во веки не отвергнет стон сердца, нуждающегося в успокоении. Пишете, мой друг, молиться. Четвертый год, как вас узнала, молюсь, мой друг; и уже теперь, как молюсь и что мне за вас чувствуется, один Бог только

[1] укрепляющие средства

[2] *Далее начато:* придется, я дума<ю>

видит; как мне вас жаль и как больно сердцу знать вас в сих мучениях; и тем для меня прискорбнее, что вы, который по благости Божией постигли, в чем состоит прямое счастие человека, и для достижения оного вам все дано; Отец Небесный вас наградил своими дарами, не говоря об уме и сердце, свыше всего озарил вас светом религии, с помощию которой все можно нести, и чего не снесешь, убедясь внутренно в том, как бы крест ни тяжел был, но Кем и для чего он ниспослан — Господом, пекущем<ся> о моем спасении. А после этой сладостной для христианина уверенности что значит здоровье или болезнь, счастие или несчастие, все связи и наконец все скорби, нами на сем свете претерпеваемые. Ничто не должно отвлекать от этого отрадного для души ощущения, что мое назначение здесь — готовиться к вечному блаженству, а тем или другим путем Отцу Небесному угодно меня вести, буди Его святая воля. Наше дело лишь благоговеть пред Его велениями. Отдайтесь же вполне этой благой Отцовской воле, просите Его помощи, Он вас исцелит всячески, или возвратя вам здоровье, или даст такую силу душе, что вам и в болезни будет хорошо, даже отрадно, когда вы подумаете, что не самопроизвольно страдаете, а ниспослано свыше, а там всему ведется верной расчет. Я думаю, состояние, в котором вы теперь находитесь, не есть следствие болезни, но болезнь произошла от уныния; как вы, мой друг, упадаете духом, пишете, чувствуете[1]* и уныние и что, может, целой ряд вперед в сильнейшей степени вам предстоит[2]. Мой возлюбленной Николай Васильевич, ради Бога не вдавайтесь в такие мрачные мысли. Не нам заботиться о том, что вперед нас ожидает; наше дело в настоящем за собою наблюдать, чтобы поступать, елико возможно, по воле Божией, а там пусть свершится, как Ему, Отцу Небесному, угодно, а Ему наверное угодно меня спасти, и спасет, лишь бы[3] только мы сами не препятствовали. Ох, мой милой друг, сколько ни говорить — не сумею выразить, как мне больно и грустно знать вас в таком со всех сторон безотрадном положении. Здоровье расстроено, ничто вас не занимает, не радует. Возрадуйтесь о Господе и у подножия Креста Его сбросьте с себя обременяющую вас скорбь. Мне кажется, тут в одно мгновение может человек переродиться, что ему станет легко. Поверьте, мой друг сему; кто испытал на сем свете много горя, чье сердце прошло сквозь тяжкую печаль, и она еще все продолжается, тот

[1] * невыносимую скорбь. — *Примеч. Н. Н. Шереметевой.*

[2] *Было*: вас ожидает

[3] *Далее было:* мы

смело может вам сказать, что нет скорби, которая бы не нашла успокоения там, где одним вздохом все объяснить возможно, и внутренно так затихнут страдания, что пересказать это состояние слов для сего не существует, но чувствуешь отраду, которой кроме Бога никто мне дать не может. О Всемилосердный, Ты нас не оставь! Спаси и помилуй! Прощайте, я завтра еду в Москву, там кончу и узнаю ваш адрес. Обнимаю, благословляю.

Христос с вами!

Москва. Июня 14.

Вчера была у Николая Михайловича на даче; его нашла за это время лучше. Слава Богу! Спрашивала у него о вашем адресе, он просил к нему прислать: говорит, хоть он вчерашний день послал к вам письмо, но что ему хочется еще с вами побеседовать. Погоревали с ним о вас. Дай Бог, чтоб сие нашло вас в лучшем состоянии здоровья, а паче спокойствии. Что еще вам сказать. Недавно к вам писала, и не знаю, с кем; общие друзья наши Аксаковы писали ко мне, что их знакомой едет и вас увидит. Прощайте, мой милой друг, берегите себя. Сохраняйте остатки расстроенного вашего здоровья. От всего сердца вручаю вас Господу, Ему помолимся, Он ли кого оставит. Ох, мой милой друг, прискорбно знать вас в сем страдании. Ради Христа ободритесь. Дай Бог услышать, что вы покрепче в здоровье и покойнее. Возблагодарю Бога с тою любовию, с какою молю Его о вашем выздоровлении и спокойствии. Пора кончить. Прощаясь здесь, не разлучаюсь с вами душею и в молитве с вами соединяюсь. Милосерд Отец Небесной, что в здешнем странствии дано такое утешение, которое с Его помощию обретаешь в молитве. В ней и самое расстояние исчезает, в эту минуту все близко. Ох, прощайте, обнимаю, благословляю вас, и до последней минуты жизни принадлежу вам с дружеством. Теперь вы мне еще стали ближе. По страданиям вашим дорого мне ваше спокойствие. Мой друг, берегите себя, ради Христа берегите. Когда-то о вас узнаю. Уверена, что известите и тем доставите успокоение душе, вам крепко преданной. Пр<ощайте>[1].

Христос с вами!

<*На обороте:*>

Николаю Васильевичу Гоголь.

[1] *Окончание слова утрачено.*

976. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

15-го июня 1845 г. Москва.

Я отвечал уже на твое письмо от 5 июня и снова пишу тебе о нем же, и потому, что пересылаю к тебе письмо Надежды Николаевны и потому, что твое нездоровье не выходит у меня из головы. По твоему собственному описанию припадков твоей болезни видно ясно и несомненно медику и не медику, всем и каждому, что у тебя сильно расстроены и возмущены нервы: это холодение рук и ног, эта безнадежность на выздоровление и вместе с нею все болезни, которые ты сам себе приписываешь и в себе находишь и чувствуешь, все это и вкупе и поодиночке ничто иное, как прихоти. каприз или, лучше сказать, буйство нервов — мятежных и бунтующих! Ты приписываешь твое теперешнее болезненное состояние умственному напряжению, в котором ты держал себя до сих пор. Так прогони всего прежде, прогони же прочь эту причину такого .....[1]

Повторяю тебе, что Гаштейн тебе поможет, а потом бы морские купанья и пребывание не между немцами!

Надежда Николаевна послала тебе молитву Ефрема Сирина — книжку, сочиненную пр<еосвященным> Иннокентием. По-моему, это одно из лучших, если не самое лучшее сочинение нашего великого иерарха. Не забудь прочесть в четвертом № «Москвитянина» жизнеописание Паисия. Статья вовсе не журнальная, вовсе не европейская, и немногие прочтут ее, но мне она очень понравилась, хотя и следовало описать житие этого доблестного праведника еще подробнее. «Москвитянин», как кажется, дойдет до конца 1845 г. и до своего собственного коекак, нога за ногу, ковыляя и падая. Знать не судьба И. Киреевскому быть редактором журнала: его деятельности хватает только на три №№.

У нас прошел слух, что Смирнова в Москву не будет: она-де на нынешнее лето наняла себе дачу и Питере и перешла уже на дачу. Хомяковы и Свербеевы тебе кланяются.

Прощай покуда, будь же здоров! Не робей и держись крепче.

Твой Н. Языков.

[1] *Точки на месте непрочитанного слова.*

977. В. А. Жуковскому

Берлин. Июль 14 <н. ст. 1845>.

Я медлил описаньем вам моих плачевных похождений, желая написать вам что-нибудь о себе утешительное. Из Франкфурта я выехал в состоянии совершенно нерешительном насчет моей болезни. Меня смущала не самая болезнь моя, но то, что я не мог добиться от докторов, в чем именно состоит болезнь моя. Что есть во мне нервическое расстройство, это я слышал, но отчего оно произошло, это осталось для меня задачей, а беспрерывное возраст<ан>ье недугов *не нервических* вместе с нервическими, иссушение всего тела и цвет мертвечины, который оно принимало, чем дальше, больше, — всё это запутывало еще больше задачу и не давало мне надлежащего духа отважиться на одинокое и пустынное лечение, опасное при хандрическом расположении духа, постоянно преследовавшем меня. А потому я не был спокоен во всё время путешествия, хотя и старался взять всю власть над собою. Для душевного моего спокойствия оказалось мне нужным отговеть в Веймаре. Гр<аф> Толстой также говел вместе со мною. Добрый веймарский священник советовал мне убедительно посоветоваться еще на дороге с знаменитым доктором в Галле, *Крукенбергом.* К сему склонял меня и граф Толстой, видевший усиливавши<еся> мои припадки, исхуданье и странный, болезнен<ный> цвет кожи. Крукенберг обратил особенное внимание на мою спину, пытаясь отыскать в ней причину этой болезни моей, исхуданья и расслабленья и прочего. Он меня раздел и щупа<л> всего, перебрал и перещупал всякий позвонок в спине, испробовал грудь, стуча по всякой кости,[1] и, нашед то и другое в добром здоровьи, вывел[2] заключение, подобно Коппу, что всё дело в нервах и что мне необходимо прожить три месяца, по крайней мере, на открытом море, купаясь ежедневно, и что для этого всего удобнее мне остров Helgoland, недалеко от Гамбурга, что Гастейн меня может разгорячить. Это заключение меня не совсем утешило и не могло прогнать сомнений: во-первых, потому, что я чувствовал[3] ясно в себе кое-что сверх нерв, а во-вторых, потому, что я не в силах был пренебречь таким сильным авторитетом, каков Коппа, присоветовавшего *Гастейн.* Я решился ехать до Берлина и предоставить то и другое на суд *Шёнлейна,* рассказавши всё мое критическое положение, и с чьим мнением

[1] *Далее начато:* ощупал все ме<лкие>
[2] ре<шил>
[3] видел слишком

он будет согласней, на то решитель<но> и отважиться, основываясь единственно на большинстве голосов. Но, на мою беду, Шёнлейна в Берлине не застал; он уехал в Гомбург, и я остался, весь преданный нерешительности. А каково мое положенье, это предоставляю судить всякому, кто знает, что такое нерешительность в важную минуту. Уходящее между тем время еще более увеличивало тягость моего положения. В Берлине посоветовали мне съездить, по крайней мере, в Дрезден к доктору *Карусу*. Я поехал в Дрезден. Карус, когда я рассказал ему всё дело, расспросил меня обо всем образе моей жизни и обо всех излишествах, каким я предавался в жизни и которые могли бы произвести во мне в такой силе нервическое расстройство. Не найдя их достаточными для произведения совершенного расстройства нерв и найдя жизнь мою довольно для того умеренною, он сказал, что причины должны быть иные и что он приедет ко мне на дом рассмотреть и ощупать меня всего. Раздевши меня всего, он перещупал меня так же. Стучал по всем местам и костям в груди, нашел грудь здоровою, щупал живот и потом начал вновь стучать по ребрам в правом боку. Здесь он остановился и нашел, что звук гораздо повыше места печени уже становится глухим, что, по его мненью, есть ясный признак, что печень выросла, оставляя менее и менее места для легких, что дело всё в печени, что отсюда исхудание, зеленый цвет кожи, беспорядок желудочных отправлений, нервическое расстройство и дурное кровообращение крови, что лечить нужно прежде всего печень и что, не теряя времени, следует мне прежде всего ехать в Карлсбад. Итак, вот вам мое положение. Еду в Карлсбад, потому что на что-нибудь должно реши<ться>, потому что мнение это последнее, уже произнесенное по соображении всех мнений прочих докторов, потому что Карлсбад менее других пустынен и, может быть, не так опасен в рассуждении[1] хандры. А благоразумно ли я это делаю, право, не знаю. Один Бог знает, что для меня истинно полезно и какой из врачей менее всех других ошибся. Объявите и расскажите об этом обстоятельно *Коппу*. Какого он будет об этом мнения? Мне жаль только, что ни мне, ни ему не пришло в ум меня, раздевши, ощупать хорошенько всего, что было бы весьма удобно, потому что по моему телу можно теперь проходить полный курс анатомии, до такой степени оно высохло и сделалось кожа да кости. Пожмите ему крепко руку и поблагодарите в то же время за всё, и особенно за то, что он не сердился на мою нерешительность,

[1] относительно

слабодушие и сомнение. Вы сами видите мое положение: все эти слабости уже кроме того, что происходят от критического моего положения, суть в то же время неминуемые следствия самой болезни моей и, может быть, с ней вместе составляют нераздельное и единое.

А вы, мой бесценный друг и душа, много мною любимая, не гневайтесь на меня ни за то, что я доселе не давал вести о себе, ни за то, что я не в силах был действовать, как твердый муж, и не колебаться во время колебанья, ни за то, что и теперь я, может быть, пишу бессвязно и уж, верно, неразборчиво и нечетко. Всё простите мне и помолитесь обо мне крепко Богу, да укрепит меня и воздвигнет и обратит мне в целение и пользу предстоящее лечение. Посылаю мой душевный поклон вашей добрейшей супруге, обнимаю мысленно ваших малюток. Обнимаю также доброго бар<она> Рейтерна и посылаю искрен<ний> поклон всей милой семье его. Напишите в ответ только две строчки, чтобы я знал, что письмо мое получено. Адресуйте в Карлсбад, poste restante. Приехавши в Карлсбад, я вам пришлю тот же час свой полный адрес. Выезжаю я отсюда завтра, а послезавтра надеюсь быть в Карлсбаде.

Весь ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

Son excellence monsieur m-r de Joukowsky.

Francfort s/M. Saxsenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

978. А. О. Смирновой

Берлин. 15 июля <н. ст. 1845>.

Пишу к вам еще раз из Берлина, где должен был я прожить полторы недели в ожидании Шёнлейна, которого, однако ж, не дождался. Вместо того пришел ответ, что Шёнлейн будет не раньше, как чрез три недели. Чтобы чем-нибудь решить дело, я съездил в Дрезден к Карусу. Карус, по выслушании всего, равно как и затруднительного моего состояния насчет того, что предпринять и чему последовать, осмотрел меня всего, перещупал всё мое высохнувшее тело и кости и задал мне новую задачу: нашел, что всё дело у меня в печени, которая сильно выросла, и что мне следует ехать в Карлсбад и лечиться Карлсбадом, как единственным для того средством. Итак, я теперь, перекрестясь и благословясь, и предаясь совершенно на волю Божию, еду в Карлсбад, а вас прошу помолиться обо мне, бесценный друг мой

Александра Осиповна. Отправьте молебен о моем выздоровлении и попросите помолиться обо мне того из служителей Божиих, чьи молитвы доступнее и действительнее. Молитвы лучших из нас много могут сделать. Отправьте молебен также и о вашем собственном выздоровлении. Наше выздоровление в руках Божиих, а не в руках докторов и не в руках каких-либо медицинских средств. Я думаю, что какое бы ни было предписано нам лечение, хотя бы оно даже и не вполне соответствовало нашему недугу и даже самый врач ошибся, но если мы во имя Божие и верой в Бога станем им лечиться, то Всевышняя воля направит всё в исцеление нам. Карлсбад имеет хотя то преимущество, что там я буду не один; по крайней мере, там редко бывает без большого съезда русских, что теперь, по причине одолевающей меня беспрерывно хандры, не совсем маловажно.

Адресуйте или прямо в Карлсбад, poste restante, или в Берлин, на имя Мих<аила> Михалини, для отправления ко мне.

Затем, обнимая вас всею душою и мыслию, молю вас не лениться писать ко мне и, хотя по две и по три строчки, но как можно почаще, говорить о вашем душевном состоянии. В нем всё мне дорого, и хотя бы вы мне писали нехотя, в бессвязных отрывках, в недоконченных речах и словах — душа моя найдет в них смысл, а Бог вразумит и в неполноте почувствовать дело в полноте...

979. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

18 июля <н. ст. 1845. Франкфурт>.

Наконец есть от вас известия; мы с женою начинали уже весьма беспокоиться. Хоть и провели вы печальные часы от нерешимости — ибо при болезни нерешимость хуже самой болезни, — но кажется мне (сколько мы в нашем невежество можем угадать), что ваша поездка в Дрезден послужила нам к добру. Едва ли не прав Карус! От недуга печени часто бывает великая хандра. Может быть, наша и происходит от этой причины. Следственно, это главная причина, и ее первую отдалить должно. Принимайтесь за Карлсбад. Только будьте осторожны; с этими водами шутить не должно; они действуют сильно и могут повредить, если употреблять их неумеренно и без необходимой нужды. Если увидите, что действие их вам вредит — остановитесь и перестаньте пить или на время отдохните. Расскажите как можно подробнее положение ваше доктору. Но спросили ли вы

у Каруса, к которому из карлсбадских докторов надобно адресоваться? Верно, не спросили. Прошу вас убедительно дать о себе знать как можно скорее теперь; и потом продолжать уведомлять в немногих словах о своем лечении и об успехе его. Я послезавтра отправляюсь в Швальбах на три недели вместе с женою, следовательно и со всем домом. Продолжайте писать во Франкфурт. Здесь оставлю на почте назначение, куда ко мне пересылать. И мои все работы остановились; ничто не делается. Надеюсь, что после Швальбаха все пойдет своим обыкновенным чередом. Третьего дня со мной чуть не случилась беда. В супе, который я ел, притаилась маленькая, незаметная острая косточка. Я хлебнул супа; вдруг чувствую, что косточка вонзилась в горло. Начало колоть. Я беспрестанно кашлял; жевал мякиш хлебный, глотал — ничто но помогало. Наконец велел идти за доктором. Но видно, что кость испугалась доктора; я хлебнул воды, и за водою она ускользнула из горла. Тем и кончилось. Но было бы весьма, весьма худо, если бы так не кончилось. Теперь бы, может быть, я сидел с распухшим, воспламенившимся горлом, и, может быть, пришлось бы делать операцию. От таких бед остеречься нельзя; они еще более доказывают, что Бог бережет нас. Чем более думаешь, тем яснее становится одно, что мы должны покоряться и во всем, что бы с нами ни случилось, видеть добро, добро не потому, что оно нам *таким* кажется, а потому, что все выходит из воли одного Того же любящего Бога, который во всякое мгновение жизни нашей с нами, что на все есть его воля и его воля есть благо, в чем бы она ни проявлялась нам. Итак, покорность! В этом все: и терпение, и мир душевный, и все блага души. Вот вам куча писем. Я их вынул из пакетов, чтобы не обременять письма; но ни одного не читал. У нас была ваша московская красавица Киреева. Отправилась в Эмс; на зиму поедет в Италию. Есть у меня для вас две рукописи поэтические Аксакова; посылать их по почте нельзя; они сохраняются у меня до удобного случая. Прощайте. Храни вас Бог. Жена вам дружески жмет руку. Дети, слава Богу, теперь здоровы... Рейтерн и вся его семья вам сердечно кланяются.

980. Неустановленное лицо — Н. В. Гоголю

Конверт несохранившегося письма

<20 июля (н. ст.) 1845. Франкфурт>

<...>
Karlsbad
Monsieur
Monsieur
de Gogol.
М. Г. Николаю Васильевичу Гоголю.

<Штемпели:>
<1-й:>
20 Juli
<2-й:>
<KARLS>BAD
22 July.

981. В. А. Жуковскому

Карлсбад. 24 июля <н. ст. 1845>.

Ваше милое письмо, а с ним вместе и приложенные на мое имя письма получил и благодарю вас очень за то и за другое. Вот уже пять дней, если не боле, как пью воды Карлсбада. Больше ничего не могу сказать: так слаб и в изнуренном состоянии. У Каруса я расспросил обо всем; в этом отношении не беспокойтесь. Он составил описание найденного им во мне недуга в соединении с письмом к здешнему доктору. Доктора имя — Флеклес. Доктор Флеклес подтверждает всё то же, что Карус, что, впрочем, ни удивительно, ни слишком обнадеживательно, ибо так бывает и водится всегда. Что до меня, надежду более всего возлагаю на Бога. Его святой воле угодно — и действие, по-видимому вредоносное, обратится в полезное. Да будет же Его воля и да поможет Он нам в бессилии нашем и подаст нам силы произносить ежеминутно: «Да будет воля Твоя!» С водами я поступаю осторожно, ибо знаю, что, сколь ни благотворны они в таком случае, если болезнь[1] именно та, которую определил Карус, столько вредоносны и гибельны, если болезнь не та, то есть если первоначальная причина болезни не в печени, а в нервах и во всеобщем расслаблении и изнурении сил.

Тут середины нет: либо пан, либо пропал, так, по крайней мере, гласят все медицинские описания карлсбадских вод.

[1] болезнь во мне

Но велик Бог, и природа человека еще такая тайна, которая ускользает далеко во многом от глаза докторов. А потому всё клонится к тому, что во время лечения еще крепче и сильней нужно молиться Богу. Молитесь и вы, мой добрый друг. Больше писать покаместь не в силах. В следующий раз и особенно, когда почувствую себя лучше, напишу пообстоятельней и подлинней. Обнимаю вас от всей души и передаю душевный поклон Елисавете Алексеевне.

Весь ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

Son excellence m-r de Joukowsky.

Francfort s/M. Saxsenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

982. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Павлино, 19-го июня 1845 г.

Я у вас в долгу на два последние ваши письма; этому причиною тоскливая лень, которая мною так овладела, так затмила все способности ума, что сама не знала, что говорила и делала. Меня уверяют, что я больна и что воды помогут; я пью эти воды и, точно, чувствую себя гораздо крепче телом, но дух мой вовсе не спокойнее от этого, потому что беспрестанное воспоминание всех трудностей моего положения должно наводить тоску, и как ни верти и не перевертывай, со всех сторон все выходит одно и то же. Несчастные данные не есть хандра, не есть болезнь; но «сытый голодного не разумеет», и, если бы я захотела кому-нибудь рассказать, что меня приводит в уныние, тот бы не поверил, смеялся бы моему слабодушию, а не менее того нет сильнее страданий, как самолюбивое чувство, беспрестанно уязвленное. Не думайте, что я не могу не жить в том круге, куда забросила меня судьба; совсем нет, я очень спокойна и счастлива, когда сижу с братьями или друзьями, но жить так, как я бы хотела, мне нельзя, потому что для детей надобно поддерживать светские сношения, и тут я и нахожу опять страдания и отчуждение. Вы не поверите, до какой степени мне тяжело и трудно даже с Вьельгорскими; более или менее говорят о светских мелочных интригах и приключениях, а я так живу далеко от всего, что не могу принести с собою ничего в состав этого разговора. Вы лучше, чем кто-либо, поймете, как трудно тогда, когда питаешь в себе чувство, что ничего нет общего между теми, с которыми живешь. Нельзя всегда выливать изнутри, а слишком частые сношения с людьми порождают,

наконец, какой-то застой в уме, и кончается тем, что, все переговоривши, нечего более и сказать. Семейный и все семейный круг наконец делается скучен, а я почти не выхожу из него, исключая редких выездов к графине *Нессельрод* и во дворец. Впрочем, что об этом толковать? этого не переделаешь, и Божия воля мне назначила теперь новую жизнь: Николай Михайлович получил место в Калуге; он едет на днях туда, а я в октябре туда переселяюсь. Слова ваши исполнились, любезный друг, вы мне писали: «Вас скоро не будет страшить губернаторство», и точно: я туда еду с радостию; в отсутствие этих мелочных страданий по крайней мере займусь делом, я буду читать и писать и тем наполню часы одиночества. Странно довольно, что мое одиночество везде повторяется: в Бадене, Нице, в Париже, во Франкфурте все одно и то же, наконец и тут, где, по-видимому, мое дома. Я писала княжне Цициановой и просила ее к себе на житье в Калугу или, лучше сказать, навеки; она умная, добрая и меня любит; в жизни также страдала много и потому отдала себя совершенно Богу. Может быть, и вы к нам подъедете, и тогда мы переговорим обо всем и передумаем вместе многое, о чем прежде не говорили. Странно довольно, что перед моими глазами теперь беспрестанно подымается, как безобразный великан, все мое прошлое; тут сливаются и упреки себе, и часто возмущение сердца на судьбу, и ужасное отчаяние для детей; словом, все призраки, угрюмые, печальные, наводящие на лоб морщины преждевременные. Принуждение улыбаться в свете мне так тягостно, что это похоже на гримасу, и даже чувствуется боль в щеках от этого, если долго приходится остаться в кругу с чужими. Еще пред отъездом из города я поручила Аркадию искать для вас книги, но ни в одной книжной лавке их нет, и потому я просила Самарина их выписать из Москвы; он, кажется, писал Аксакову, но еще не получил ответа; он, т. е. Аксаков, кажется, уехал по расстройству дел в деревню, и потому не пеняйте на мою неаккуратность. Вы мне не сказали, получены ли вами книги, точно ли все они до вас дошли. Последние ваши два письма, от 4 и 18 июня, я получила и отвечаю на них. Я сама не могу вам растолковать, отчего Плетнев мне принес так мало денег и какие тут расчеты; хотя он на даче в Лесном, я ему напишу и узнаю, когда и как вы будете вперед получать свою пенсию. Плетнев или болен, или в хандре, я все это время находила его весьма вялым и странным; скажу с Мухановым: «у каждого Ермишки свои горькие делишки». Графиня Вьельгорская приехала не совсем здоровая, однако ей уже лучше, и сегодня

приехал и Владимир Александрович; не знаю, как-то они встретились и какого роду будут их отношения. С Нази я непременно сойдусь , хотя между нами такая большая разница лет; но мне на это надобно время, теперь она еще не переговорила с сестрами и подругами. При проезде моем в Москву, я отыщу Аксакова и Языкова и пошлю за Хомяковым; постараюсь отыскать и старушку Шереметьеву; однако же прошу вас дать мне их адресы и имена собственные по крайней мере. Представьте себе, что у меня нет ни одной души короткой в Москве, и если там придется жить несколько времени, то я со скуки пропаду. Мне нужно их видеть не по одному чувству любопытства, но и потому, что все-таки мне надобно знать их понятия насчет того круга деятельности, который мне предстоит; да и я таки могу им сказать кое-что.

Меня теперь занимают благотворительные общества: я чувствую, что в этом круге действий есть что-то фальшивое, а не могу придумать, каким образом направить это. У нас везде заводят приюты, школы, пансионы; принято уже, что каждая губер<наторша> должна ими заведовать, отдавать отчет почти сюда, в Петербург. Это считается почти доказательством добродетели и доблестей гражданских. Если я не буду этим же промышлять, то прослыву за весьма ненужную губер<наторшу> и могу даже повредить Николаю Михайловичу, а между тем трудно мне придумать, как вывернуться из этой колеи, в которую влезло все наше бытие и, в особенности, воспитание девиц, т. е. будущих матерей нового поколения. Надобно найти середину между совершенным бездействием и этим полуделом. Говорят, что архиерей очень хорош у нас будет, и я считаю <возможным> много<му> научиться у него. Вспомню я не раз ваши «Мертвые души», но, к несчастью, смеяться более не могу этим недостаткам; они возбуждают теперь во мне сожаление; не пеняйте на меня за эту правду. Кстати о книгах: «Тарантас» очень понравился Государю, он очень часто об ней говорил; я желала бы знать ваше мнение о *сей* тарантасе. Критика Плетнева была недурна, а скоро выйдет в «Москвитянине» разбор Самарина. Здоровье Импер<атрицы> все почти одинаково; насчет ее путешествия ничего не решено; мне грустно подумать о дворе; Государь очень озабочен ее состоянием; много тут есть перемен, а есть и благодатные; при оказии я бы вам это все пересказала, но теперь нельзя. Разговоры его приметно серьезные, — вот все, что могла заметить я, бывая там раз в неделю, не более, и не сохраняя никаких сношений с двором вне этого круга царского, где были со мною постоянно ласковы и милостивы. Прощайте, обнимаю

вас душою и мыслию, друг мой. Сколько пришлось мне открыть и поведать того, что никому другому не сказала бы, пусть то останется меж нами.

983. А. О. Смирновой

25 июля <н. ст. 1845. Карлсбад>.

Слабый и еле движущийся пишу к вам из Карлсбада. Покаместь воды меня повергнули в совершенное расслабление телесное. Вот всё, что могу сказать. Что будет потом, это известно одному Богу. Карлсбад может помочь, если все мои недуги происходят от печени, и может вконец повредить, если прямо от нерв и от расслабления, соединенного с изнуреньем сил. Жуковский переслал мне ваши два письмеца (последнее от 19 июня). Наконец судьба Н<иколая> М<ихайловича> решилась: ему досталась на долю Калуга. Что ж, это хорошо: Калуга близко от Москвы и не так далеко от Петербурга. В Москву вам нужно иногда наведываться для освежения, а иногда и для переговоров с людьми, которых сведения вам могут быть полезны. В Петербург вам нужно наведываться собственно для одной царской фамилии, которой вы будете необходимей и нужней, чем далее, более. К тому ж в краткое время приезда гораздо больше обделывается и делается дел, чем в долгое пребывание. Не смущайтесь вперед предстоящими благотворительными обществами и приютами, какие ныне требуются от губернаторш. Рассмотрите прежде хорошенько место и положение настоящее тех, для которых делаются благотворения, и вы найдете потом средства, как благотворительные заведения только *по имени* обратить в *действительно благотворительные по существу* и как из приютов, оставивши им только имя и форму приютов, сделать вовсе не похожее на то, что иные принимают за приют. Словом, местные надобности и потребности в губернии укажут вам сами весьма ясно, в каком <месте> и в какой силе должно быть у вас основано какое бы то ни было заведение. Постарайтесь только узнать получше всех в губернии, умейте всех и каждого выспросить и не принимайте ничьего показания за непреложное и последнее, пока не отберете и от других таких же показаний, а отобравши, не пощупаете сами собственными руками. И тогда уже с Божией помощью, благословясь, принимайтесь за дело.

Вы коснулись «Мертвых душ» и просите меня не сердиться на правду, говоря, что исполнились сожалением к тому, над

чем прежде смеялись. Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно «Мерт<вых> душ». Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру насмешку над губерниями, так же, как были прежде несправедливы хваливши. Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет «Мертвых душ». Это пока[1] еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущий труд. Повторяю вам вновь, что это[2] тайна, и ключ от нее покаместь в душе у одного только автора. Многое, многое даже из того, что, по-видимому, было обращено ко мне самому, было принято вовсе в другом смысле. Была у меня, точно, гордость, но не моим *настоящим,* не теми[3] свойствами, которыми владел я; гордость *будущим* шевелилась в груди, — тем, что представлялось мне впереди, счастливым открытием, которым угодно было, вследствие Божией милости, озарить мою душу. Открытием, что[4] можно быть далеко *лучше* того, чем есть человек, что есть средства и что для любви... Но некстати я заговорил о том, чего еще нет. Поверьте, что я хорошо знаю, что я слишком дрянь. И всегда чувств<овал> более или менее, что в *настоящем* состоянии моем я дрянь и всё дрянь, что ни делается мною, кроме того, что Богу угодно было внушить мне сделать, да и то было сделано мною далеко не так, как следует. — Но рука моя устает. Друг мой, укрепимся духом! Примем всё, что ни посылается нам Богом, и возлюбим всё посылаемое, и, как бы ни показалось оно горько, примем за самый сладкий дар от руки Его. Злое не посылается Богом, но попускается Им для того только, чтобы мы в это время сильней обратились к Нему, прижались бы ближе к Нему, как дитя к матери при виде испугавшего его предмета, испросив у Него сил противу зла. Итак, возрадуемся приходу зла, как возможности приблизиться ближе к Богу. Крестом сложивши руки и подняв глаза к нему, будем ежеминутно говорить: «Да будет воля Твоя» и всё примем, благословляя и самую тоску,[5] и скуку, и тяжкую болезнь. Не знаю, как вам дать адресы московских

[1] покамес<т>

[2] это еще

[3] моими теми

[4] того, что

[5] тоску нашу

моих знакомых; они все, вероятно, разъехались. О квартире и местопребывании Языкова Никол<ая> Михайловича можете узнать на Кузнец<ком> мосту в доме Хомякова. О Надежде Николаевне Шереметьев<ой> узнаете, если нет Акс<аковых> и Языков<а> в городе, у Авдотьи Петровны Елагиной (в собст<венном> доме, у Красных ворот), с которой вам советую тоже познакомиться. Шевырев Степан Петрович живет в собств<енном> доме, в Дегтярном переулке, близ Тверской; с обоими Киреевскими, Иваном и Петром Васильевичами, познакомит вас их матушка, Авдотья Петровна. Адрес Свербеевых у Хомякова или у Елагиной. Черткова, Елисавета Григорьевна, живет на Мясницкой, близ Мясницких ворот, в приходе Егупла. Всё семейство Аксакова Сергея Тимофеевича, вероятно, переехало в деревню, если ж в городе, то адрес их узнаете, пославши человека или к Шевыреву, или к Погодину, живущему под Девичьим монастырем в собств<енном> доме...

Но прощайте, друг мой. И руки, и ноги, и голова устали, и уже не помню, что пишу. Не позабывайте и пишите почаще.

Ваш Г<оголь>.

Адресуйте в poste restante, Карлсбад.

Во время тоски читайте св. Дмитрия Ростовского разговор между *утешающим* и *скорбящим,* напечатанный в его сочинениях. А потом примитесь, отбросивши всякое помышлен<ие>, как ученик и как школьник, учить наизусть псалмы, как[1] я вам когда-то назначал.

984. Н. М. Языкову

Карлсбад. 25 июля <н. ст. 1845>.

Пишу к тебе, расслабленный и еле движущийся, из Карлсбада, куда наконец забросила меня судьба. Оставивши Франкфурт, я не посмел прямо ехать в Гастейн, боясь сильно одиночества и не уверенный в том, какого рода во мне болезнь и прямо ли действителен против нее Гастейн. Я решился ехать в Берлин, воспользовавшись сотовариществом графа А. П. Толстого, с тем, чтобы посоветоваться с Шёнлейном. На дороге, в Веймар<е>, говел во второй раз и приобщался. Тамошний очень добрый священник наш советовал мне непременно, едучи в Берлин, заехать по дороге в Галль, к тамошней знаменитости, доктору Крукенбергу,

[1] которые

о котором он рассказывал чудеса. Крукенберг, осмотревши и ощупавши меня всего — спинной хребет, грудь и всё высохнувшее мое тело — и нашед всё в надлежащем виде, решил, что причина всех болезненных припадков заключена в сильнейшем нервическом расстройстве, покрывшем все прочие припадки и произведшем все недуги. Гастейн советовал мне решительно оставить, как раздражительный, и, вместо то<го>, предписал мне провесть, по крайней мере, три месяца в открытом море на острове *Helgoland* на Северном море. Решение это произвело во мне только нерешимость и гадкое[1] состояние сомнения и в Гастейне и в море. То и другое было определено[2] врачами известными и прославленными и тем еще более повергало меня в нерешимость. А потому ожидал с нетерпением, что скажет *Шёнлейн,* положивши себе наперед последовать[3] тому, что утвердит и признает справедливейшим он. Но Шёнлейна не было уже в Берлине. Он уехал за день до моего отъезда именно в Гомбург, откуда я выехал. Неделю с лишком в тоске ожидал я его в Берлине. По истечении этого времени пришло от него известие, что он около месяца пробудет в отлучке. Время между прочим было уже слишком подвину<то>, и я рисковал пропустить время вод. И нерешимость и настоящее состояние болезни моей стали мне невтерпеж; я решился отправиться еще к одной знаменитости: к *Карусу,* в Дрезден. Карус осмотрел меня вновь всего, от головы до ног, ощупал и перестучал все мои кости и перещупал живот и нашел, что главная причина всего заключилась в печени, что печень необыкновенно выросла, оставив весьма мало[4] места для легких, что отсюда и нервическое расстройство, и расслабление, и прекратившееся вырабатывание крови, что прежде всего следует излечить печень, что для этого необходим Карлсбад и что я должен как можно скорей туда ехать, дабы не упустить времени. Уставши и выбившись весь из сил, я решился последовать последнему совету, во-первых,[5] потому, что он дан после всех, во-вторых, потому, что Карлсбад менее других грозит одиночеством, что было бы для меня совершенно опасно при хандре, порождаемой самой болезнью и увеличивающейся постепенно более, в-третьих, потому, что нужно же на что-нибудь наконец решиться. Карлсбад, по сознанию всех, может

[1] страшное
[2] советовано
[3] последовать решитель<но>
[4] даже весьма мало
[5] единств<енно>

действовать благодетельно, если главная причина всех расстройств произошла в печени, и может подействовать вконец разрушительно, если главная причина в самом нервическом расстройстве или же в всеобщем расслаблении и изнурении сил. Одним словом: либо пан, либо пропал. — Итак, вот тебе мое положение. Жду полного успеха лечения только от одной милости Божией! Сегодня седьмой день, как начал пить воды. Пью с осторожностью и ничего не могу еще сказать, кроме того, что слабость увеличилась и в силах могу передвигать ноги. Руки как лед и особенно холоднее не тогда, когда сижу на месте, а когда делаю движение и потею. — Но прощай. В силу мог совладеть с письмом.

Твой Гоголь.

Поблагодари Аксаковых и Надежду Николаевну за их милые письма. Отвечать же теперь совершенно не в силах, а буду, как только сколько-нибудь приду в состояние.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.
Николаю Михайловичу Языкову.
В Москве. В доме Хомякова на Кузнецком мосту.

985. М. И. Гоголь

Карлсбад. Июля 28 <н. ст. 1845>.

Пишу к вам всё еще больной из Карлсбада, куда отправлен теперь лечиться. Помогут воды или нет, это в воле Божией. Мы можем только молиться, молитесь и вы. Ваше письмо, адресованное во Франкфурт (от 30 мая), я получил уже здесь. Слухи, которые до вас дошли, что я будто потому не еду в Россию, что совестно с пустыми руками показаться, не совсем справедливы. Если мне и совестно, то, верно, не кого другого, а самого себя; а до того, как кто меня примет, мне и дела нет; я даже уверен, что меня лучше примут, чем я стою. Но не в том дело, покаместь главная вещь — здоровье. Недуги мои увеличиваются, и во время всякого приезда моего в Россию я себя чувствовал нехорошо. Здесь поправлялся и чувствовал охоту к труду и занятиям. Но эту зиму (слишком дурную и здесь) стал понемногу хворать, весной даже заболел сурьезно. Но даже теперь еще не совсем вышел из нерешительного состояния, а потому прежде всего помолимся Богу, да устроит всё по своей благости и да будет милостив к нашему слабодушию и бессилию. Письмо это я посылаю в конверте, надписанном на имя Соф<ьи> Вас<ильевны> Скалон. На ваше имя

прямо не пишу по тех пор, пока вы не уведомите меня, что два мои письма вами получены. (В одном из них запрос о причине долгого молчания, в другом хозяйственные распоряжения относительно поручения[1] Лизе вести книгу расхода и прихода вместе с хранением денежной кассы). Адресуйте в Карлсбад, poste restante. А о выздоровлении моем прошу вас, любезнейшая маминька, помолиться,[2] равно как и о здоровье сестер моих и всех вас. Прошу вас также отправить обо мне молебен не только в нашей церкви, но даже, если можно, и в Диканьке, в церкви святого Николая, которого вы всегда так умоляли о предстательстве за меня.[3] Но, молясь Богу, нужно всё простить всем и, кроме того, предаться совершенно в волю Божию и душою, и телом, и всем существованием, и всё принять радостно, что ни пошлет он нам.

Затем прощайте.

Истинно почитающий и любящий вас сын

Н. Г<оголь>.

<На обороте:>

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.
В деревне Васильевке.

986. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Павлино, 3-го июля 1845 г.

Любезный, бесценный друг мой, Николай Васильевич, письма ваши все более и более беспокоят и огорчают меня. Душа моя хотела бы перелететь к вам, быть с вами неразлучно, пострадать около вашей и свои и ваши болезни. Отсюда мне оторваться невозможно. Николай Михайлович едет в конце июля в Калугу (если письма мои к вам дошли, то вы знаете, что он назначен туда губернатором). Мне остается здесь кое-какие дела устроить, дождаться Аркадия из Гельсингфорса, и прийдется ехать в Калугу в конце сентября, прежде дождей и худых дорог. А вы в Берлине... как близко от нас, и нет возможности надеяться вас видеть. Это грустно и тягостно, и Бог знает, где и когда мы встретимся. От Плетнева я выведала, почему вы получили так мало денег за прошлую треть. В казначействе все расчеты ведутся от 1-го генваря; приказание вышло гораздо позже и потому за генварьскую треть вы получили так мало. В сентябре вы получите майскую

[1] поручения привести

[2] *Далее начато:* и даже

[3] *Далее начато:* и Бог действительно

треть сполна, 333 рубля серебром. Прошу вас указать мне, кому прислать. Буде вам нужны теперь деньги, то Плетнев вам готов выслать из своих.

Виельгорские все, слава Богу, здоровы. У них теперь идет все мирно и спокойно. Софья Михайловна ждет своих родов в конце июля или в начале августа и супруг очень угомонился. Старая графиня, его матушка, тоже притихла, так что мне совершенно нечего делать, и слава Богу. Притом, Петербург не Ницца. Там они жили вне света и оттого слишком увлекались семейным бытом, а здесь есть тысячи развлечений, полезных и тем и другим. Я видаю их часто, боюсь даже надоесть им, потому что вне их круга не вижу никого.

Если вам любопытно знать, каково мое расположение духа, скажу вам, что когда я одна дома, то мне иногда очень грустно, но не скучно, но всякое прикосновение с светом действует на меня болезненно. Мы с вами никогда не говорили об этих светских отношениях. На это были причины. Я на все смотрела сквозь живейшие увлечения и была ко всему равнодушна, что не относилось к чувству, мною обладающему; теперь же все прояснилось в моих глазах. Калуга, конечно, произведет большой перелом в моей жизни, и тут я вижу руку Божию; не менее того будет мне тягостно там в первые минуты. Вот месяца четыре, как я оставила все свои занятия, даже молитву и чтение Евангелия. Ничто, решительно ничто меня сильно не интересует; душа болит, а сердце не любит. Мне страх как бы хотелось совсем оставить свет, но я связана. Воля Божия была поставить в такие отношения, и каждый из нас должен оставаться на своем посте, как говорят. Но как трудно иногда улаживать свою жизнь! Вы не поверите, что меня тянет на покой в самый пустынный угол, где бы мне только отдохнуть. Жалобами, впрочем, ничего не переменишь и все теснящее не высказать. Прошу вас также все это оставить между нами и никому не говорить об этом. Надобно бы, чтобы в нравственном отношении я не гибла от этих, может быть, мелочных страданий и наполнила жизнь чем-нибудь; но посреди тех же обстоятельств и отношений мне трудно найти круг действия, и потому я вяну совершенно душою.

...Мое положение неизменно; впрочем, оно менее в моих руках, чем чье-либо, и связано с прошлыми обстоятельствами, а потому надобно мне изменить свою душу, оградить ее, как чешуей, от жала гордости и самолюбия, или жить в совершенном уединении, а это трудно или почти невозможно. Мне иногда

кажется, что я в западне, и точно, это правда. Прощайте. Мне кажется, вам уже должны надоесть мои частые повторения одного и того же. Но вы знаете, что трудно говорить о другом, когда все силы ума устремлены к одному предмету.

Аркадий вручил для вас книги Апраксину, который хотел вам их вручить в Гастейне. Прощайте, друг мой. Вас я люблю искренно и с уверенностию, что вы никогда ко мне не переменитесь. Вы мне нужны более, чем вы думаете. Мы оба на разных путях и разными образами прострадали в свете и были без опоры. На что мне мой затейливый дом с галереями? На что богатое платье и жемчужное ожерелье? Это все для чужих готовится, а ко мне никто не заглянет их посмотреть, да и незачем ко мне заглядывать. Прощайте, не браните меня, пожалейте обо мне и любите меня, страждущую и обремененную жизнью, потому что жизнь иногда бремя ужасное, но которое мы обязаны все-таки носить. Христос с вами. Ваша от души.

987. А. О. Смирновой

Карлсбад. 28 июля <н. ст. 1845>.

Карлсбад пока расслабил и расстроил меня слишком сильно. После, может быть, не соберусь и не успею; может быть, недуг еще более помешает... а потому тороплюсь поговорить с вами теперь о предстоящей вам жизни внутри России и об обязанностях, с ней сопряженных. Намечу одни только главные пункты. Вам немного нужно говорить; недоговоренное вы почувствуете сами и пополните всё, что мною будет пропущено. Ваше влияние в губернии гораздо значительнее,[1] нежели вашего мужа, а, может быть, и генерал-губернатора.[2] Начинаю с этих слов.[3] Их влияние — на чиновников, и то по мере прикосновения[4] чиновников с должностью, ваше влияние — на жен чиновников вообще, по мере прикосновения их с жизнью городскою и домашнею и по влиянию их на мужей своих, существеннейшему и сильнейшему,[5] чем все другие власти. Губернаторша как бы то ни было первое лицо в городе. Благодаря нынешнему направлению обезьянства, с вас будут брать[6] и заимствовать всё до последней безделицы.

[1] будет гораздо значительнее

[2] генерал-губернаторского

[3] *Далее начато:* жена губернатора может, как бы то ни <было>

[4] их прикосновения

[5] сильнейшему на своих мужей

[6] брать всё

Итак, вы видите сами, как вы можете быть значительны. Дамские общества в губерниях скучны до нестерпимости. В этом согласны все. Вначале вам будет слишком трудно. Во-первых, все они заражены более, чем где-либо в столицах, страстью рядиться — источник взимания взяток и всяких несправедливостей для их мужей. Смотрите, чтобы вы всегда были одеты просто, чтобы у вас как можно было поменьше платья. Говорите почаще, что теперь и Государыня и Двор одеваются слишком просто. Нападайте на визиты — источники всяких ссор и щекотливых раздражительностей честолюбья и самолюбья. Говорите[1] почаще, что вы совершенно считаете за ничто, сделает ли вам или не сделает кто визита, что принимать это за важное — грех, а выводить из того какие-нибудь заключения — мелко. Говорите, что вы считаете[2] неизвинительным не сделать визита, когда визит[3] чем-нибудь может быть полезен, когда посещаемый находится в горе, в тоске, когда нужно его утешить, развеселить или поднять дух его, и докажите это делом. Как только узнаете, что какая-нибудь из дам или захворала, или тоскует, или в несчастии, или, просто, что бы ни случилось с нею,[4] приезжайте к ней тот же час. Будьте к ней заботливы и обходительны с ней и, ободривши ее, оставляйте ее *скоро,* чтобы обратиться к другой или к ждущему[5] вас благотворительному подвигу. Долго[6] не засиживайтесь, заставляйте лучше желать вашего вторичного посещения; лучше пусть будут чаще ваши приезды для утешения, чем продолжительны. Нужно, чтобы в первый приезд ваш увидели только вашу доброту и ваше искреннее расположение любить, а потом вы уже нечувствительно будете мало-помалу приобретать над ними власть и придете в силы внушать им, как они должны действовать благодетельно на мужей. Что же окажется слишком жестко и нельзя будет расшевелить,[7] что, как застарелая болезнь, будет противиться умягчающим лекарствам, то до времени оставьте, не идите слишком упрямо против него, лучше покамест сообщите это духовному пастырю. Пусть изберет он его текстом проповеди, выставит резко всю черноту его и покажет, как может им погубить свою душу человек; или передайте духовнику (если он сколько-нибудь

[1] говорите, что вы
[2] только тогда считаете
[3] только в случае, когда визит
[4] *Далее начато:* не сов<сем?>
[5] другому ждущему
[6] Долго с ней
[7] расшевелить его

понимает, что такое духовник), пусть он обратит наиболее на это внимания при исповеди. Прежде всего познакомьтесь с теми женщинами, которые поумнее других, расспросите у них обстоятельно и хорошо о всех других, которые поглупее,[1] не упуская ничего, до самых пустых привычек и мелочей. Вы же владеете искусством расспрашивать и разведывать. Доселе вы употребляли это искусство суетно и на пустое; теперь следует возвратить ему законное благодетельное значение. Помните теперь твердо, что все эти мелочи суть признаки тех болезней, которы<е> вам следует лечить, и, не зная которых во всей подробности, вы никак не сумеете лечить самой болезни, как бы рассудительно на нее ни взглянули и как бы ни велик был ваш талант в лечении. Склоняйте всех, которые сколько-нибудь поумнее, идти по вашим следам и делать в своем кругу и с своей стороны почти то же. Убедите их, что пора хотя сколько-нибудь, хотя понемногу заботиться о *душе* и среди пустых дел хотя сколько-нибудь отделять времени на занятия и обязанности важнейшие. Заставьте их также делать *визиты*, сколько-нибудь *благодетельные*. Приезжайте к ним забирать отчеты в их действиях, чтоб это сделалось нечувствительно предметом разговоров, тогда и разговор не будет скучен; тогда и разговор будет оживляющим и подталкивающим на самое дело.[2] Когда же умные начнут, глупые поневоле и наконец от скуки станут подлаживать и не так рознить в общем ладу. Вы сами увидите в непродолжительном времени, какие заведения окажутся потребными и надобными в губернии,[3] если подолее будете разузнавать и расспрашивать, и действовать, и видеть, и поверьте, что даже и те[4] благотворительные заведения, которые у других не достигают своей цели и считаются ничтожными, у вас достигнут. Если узнаете, что есть хорошие священники, познакомьтесь с ними, беседуйте почаще, именно о том, как они, с своей стороны, по мере и в границах определенных им обязанностей, могут подействовать благодетельно. Представляйте им живее и яснее тех людей, с которыми они имеют дело, чтобы они поняли, каким образом и как поступать с ними. Помните, что священники[5] иногда, при доброте и добрых христианских качествах, лишены познания света и не знают иногда, какой стороной и как применить высокие истины

[1] *Далее начато:* вы
[2] *Далее начато:* Вы
[3] *Далее начато:* и поверьте, что все те благотво<рительные>
[4] даже все те
[5] эти люди

христианские к ежедневно вращающейся жизни. От них вы тоже можете забрать много сведений относительно нуждающихся и бедствующих в разных сословиях низших, и Бог откроет вам способы помочь им. Не оставляйте также и тех священников, которые[1] почему-либо дурны. Нужно понемногу усовещивать также их. Говорите им при случае, что Государь во время проезда у вас будет спрашивать непременно о том, каковы здесь попы. Напоминайте также почаще архиерею, чтобы он их усовещивал. Словом, чтобы хотя сколько-нибудь заставлены были и они действовать и не оставались бы в совершенной праздности. Обратите потом внимание на должность и обязанность вашего мужа, чтобы вы непременно знали, что такое есть губернатор,[2] какие подвиги ему предстоят, какие пределы и границы его власти, какая может быть степень влияния его вообще, каковы истинные отношения его с чиновниками и что он может сделать большего и лучшего в указанных ему пределах. Не для того вам нужно это знать, чтобы заниматься делами своего мужа, но для того, чтобы уметь быть полезной ему благоразумным советом в деле трудном и вообще во всяком деле, чтобы исполнить <на>значение женщины — быть истинною *помощницей мужа в трудах его,* чтобы исполнить наконец долг,[3] тот, который вами не был выполнен, долг верной супруги, который выполнить можно вам только на этом поприще[4] и только в сем, а не другом смысле. Тогда смоется прегрешение ваше, и душа ваша будет чиста от упреков совести. Здесь вы также должны познакомиться прежде со всеми давно служащими в губернии и опытными чиновниками, расспросить их обо всем и выведать от них всю подноготную по мере их знания. Вы их можете всех, всех весьма легко расположить к себе, съездить иногда к ним на дом, обласкать их жену, детей. Словом, всё вы должны употребить к тому, чтобы вам мало-помалу открылся весь внутренний[5] ход дел в губернии, не только явных,[6] но и тайных. Когда узнаете многие сокровенные пружины, уведаете тогда и то, что[7] многое, по-видимому, ничем неисправимое *зло* кроткими, тихими,[8] никому невидными и благодетельно

[1] которые были бы
[2] его обязанности
[3] долг супру<ги>
[4] на этом поприще, а не на каком-либо другом
[5] *В подлиннике:* внутренный
[6] видных глазам
[7] то, как
[8] иногда кроткими, тихими

христианскими путями может быть уничтожено вовсе, прежде чем узнают даже о существовании его. Но об этом поговорим после, когда вы станете лицом к лицу к самому делу. Теперь, пока, я вам набросил только пункты, о которых вы должны подумать предварительно, прежде чем отправитесь на место.[1] Когда же вы напишете мне с места, ясно представите положение всех ваших обстоятельств, тогда я буду уметь вам сказать толковей, ближе к предмету и удобоисполнимей, словом — вы сами тогда меня научите тому, что должен я вам говорить; ибо[2] вы знаете сами, бесценный друг мой, как я глуп во всяком деле, когда оно не открыто предо мной во всей ощутительной его ясности. Я не могу ходить *не по дороге*. Скажу вам только то, что слишком много обязанностей прекрасных вам будет предстоять на ныне открывающемся поприще. Молитесь же Богу, да воздвигнет в вас дух деятельности, и в минуту лени или тоски обращайтесь вновь к нему и вслед за таким обращением тотчас же за дело.[3] А я, если Богу угодно будет излечить меня и продлить еще на несколько лет жизнь мою, заеду к вам, без сомнения, в Калугу, и, верно, свидание наше будет радостней и плодотворней для душ наших, чем когда-либо дотоле. Простите меня за то, что так дурно и неразборчиво пишу: в силу движу слабой рукой моей.[4] Письмо это мне хотелось непременно написать вам. Прощайте же, бесценный друг мой.

Весь ваш Гоголь.

Письмо это, каково оно ни есть, перечитывайте чаще и передумайте заблаговремен<но> обо всем, что ни есть в нем, хотя бы оно показалось вам и не весьма основательным.

Пишите в Карлсбад, poste restante.

<*На обороте:*>

Pétersbourg. Russie.
Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.
В СПбурге. В собствен<ном> доме, на Мойке, близ Синего моста.

[1] *Далее начато:* А после вы будете учить меня тому, что должен я говорить вам

[2] а без того

[3] *Далее начато:* Не сердитесь на меня за то, что

[4] *Далее начато:* но

988. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<14 июля 1845. Москва>

Где ты, милый? Что с тобою?!

Я давно уже не получал от тебя ни строчки; полагаю, что это время твоего ко мне неписания — время переезда твоего из Франкфурта в Гаштейн. Я надеюсь, что Гаштейн поправит твои нервы и освежит все твое бренное тело, и ты снова приободришься духом и пойдешь твердо и весело по той дороге, на которой все мы и все наши сердечно желаем тебя видеть!! У нас теперь о тебе слухов мало, и те слабые. А. И. Тургенев видел тебя мельком. Аржевитинов не застал тебя во Франкфурте, Заикин видел тебя еще в Париже, а Мельгунова я еще <не> видал. Он возвратился в Москву и, как слышно, молодец-молодцом, процвел телом от водного лечения и расцвел душою, женившись на красавице.

Моя свояченица Ел. П. Языкова, которую ты знаешь, едет в Гаштейн еще в августе; итак, она едва ли найдет тебя там, но я все-таки пошлю тебе с нею что-нибудь.

Я прочел роман Кулиша «Михайло Чарнышенко»: скука и тоска! Не знаю, о каких отрывках его говоришь ты; где ты читал их?

Мельгунов сказывает, что у Василия Андреевича уже готовы 12 песен «Одиссеи». Каково действует наш парнасский старейшина? А мы что делаем? О, если бы во всех в нас была хоть десятая часть его славной доблести!

Вышли, одною книжкою, 5-й и 6-й №№ «Москвитянина». Напрасно восклицал Погодин, что журнал его воскрес: книжка тощая, слабая, еле дышит и говорит много вздору! Погодинскому редакторству сильно вредит нелюбовь к нему молодого поколения московских книжников и литераторов; не знаю, праведна ли эта нелюбовь, но она ясна, как свет Божий: все наши юноши решительно отступились от «Москвитянина» с тех пор, как И. Киреевский его оставил, а под редакцию Киреевского шли они ходко и весело, как жених на брак. Панов — юноша тебе знакомый, и дельный, и благонадежный, собирает альманах; не знаю, удастся ли и эта попытка дать сборное место жаждущим движения... Посылаю тебе письмо Н. Н. Шереметевой. Хомяковы, Свербеевы, Елагины и все мы желаем тебе здоровья и бодрости духа.

Прощай покуда.

Твой Н. Языков.

Аксаковы переехали в деревню близ Троицкой лавры и занимаются ужением рыбы; у них цветет благоденствие и сладчайшая деревенская жизнь.

989. А. П. Ермоловой

Карлсбад. Август 3 <2 н. ст. 1845>.

Посылая вам душевный поклон, прошу вас, Александра Петровна, уведомить меня тремя строками о вашей сестрице Елисав<ете> Петровне. Я получил письмо от Ник<олая> Мих<айловича> Языкова, в котором он говорит, что она на днях выезжает в Гастейн. А потому я бы хотел знать, едет ли она точно и прямой дорогой в Гастейн или же заедет прежде в Дрезден. Это мне тем более любопытно знать, что я сам, весьма может статься, поеду в Гастейн. Карлсбад мне не только не помог, но даже повредил и сильно расстроил и расслабил. Пишу к вам наудачу, не зная, точно ли в Дрездене или нет. Прощайте. Будьте здоровы и не забывайте искренно вас любящего

покорного слугу

Н. Гоголя.

<На обороте:>

Dresden.
A madame
madame Alex<andrine> Jermoloff (nee Iwacheff).
à Dresde recommande aux soins obligeants de la Mission Russe.

990. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Павлино, 29 июля 1845.

Где вы, любезный друг мой? Давно от вас нет писем, а душа моя жаждет всякого дружеского слова и наставления. Николай Михайлович уехал уже в Калугу; я в совершенном одиночестве, и, если бы не добрые и прекрасные мои соседи, я бы пропала с тоски. В городе у меня только Вяземские и Нессельроды; но туда меня вовсе не тянет, душа там не отдыхает, а моей нужен беспрестанный отдых. Куда, думаете вы, меня тянет? Именно в Калугу. Это ведь странно, но оно так. Там не найду я того светского обращения, там иначе мыслят, говорят, но, верно, там более простоты и чистосердечия. Боже, Боже мой! как здесь все основано на условиях и как это тягостно!..

На днях я читала «Servitude et grandeur militaire» D'Alfred de Vigny. Пожалуйста, прочтите эту маленькую книжку. Она чрезвычайно замечательна в том отношении, что, не упоминая ни слова

об отречении от всякой суетности, от всякого тщеславия в жизни, от всякой добродетели, знаемой и уважаемой светом, сочинитель ставит ее всего выше и только самыми простыми словами рассказывает истории, в которых живо и прекрасно выражается его мысль. Это тем замечательно, что в наш век именно все стремится к известности, все ее алчет и жаждет, и смиренная доля уже почитается несчастием. Замечательна эта книга еще потому, что в ней нет ничего догматического, не слышен этот обветшалый язык католицизма, который пресмыкался в своих оборотах только, а в душе преподавателя таил и гордость и всякие тщеславные замыслы. Тут все ново, живо, непринужденно и глубоко почувствовано со смирением и сознанием, что смирение — первая добродетель. Прочтите ее, вы будете довольны. Давно говорил мне об этом великий князь Михаил Павлович, которого она очень поразила, а теперь еще рекомендовал и Михаил Юрьевич.

В своем одиночестве я мало читаю, но много, много размышляю. Не знаю, что разовьется со временем из этой жизни, которую мне сделали обстоятельства вопреки моему вкусу. Теперь только я поняла, до какой степени я светская женщина и как меня избаловала моя придворная жизнь, которая продолжалась до сих пор. Противоречий во мне бездна. Когда свет меня искал и завлекал к себе, я его бегала; теперь начинаю чувствовать одиночество, потому что меня свет оставляет.

Сейчас получила ваше письмо из Карлсбада. Не знаю, что и думать о вашей болезни. Остается только помолиться; но молитва моя за вами всегда следовала. Бог ведает один, каково будет следствие вод. Мне приходило на мысль, что не хорошо ли вам съездить в Воронеж помолиться? Там многие получили исцеление. По приезде моем в Калугу, я сама имею намерение туда отправиться с княжной Цициановой, которая там у меня будет жить. Ваших друзей я отыщу в Москве через Аксакова или Хомякова. Погодин, кажется, рассорился с ними. По крайней мере, Киреевские более не пишут в «Москвитянин» и «Москвитянин» выходит нерегулярно.

Здоровье Императрицы поправилось вследствие хорошей постоянной погоды; однако же Мандт приехал, и говорят, что она едет на зиму в Италию. Надеюсь, что Михаил Юрьевич поедет с нею...

1-го сентября вышлются вам деньги. Прощайте, мой прекрасный, добрый друг. Нам с вами дался трудный год. Это воля Божия, а наше дело бороться, трудиться и бодрствовать. Ваша от души.

991. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<4–5 августа 1845. Покровское>

Покровское. Августа 4.

Так давно, мой милый друг, ничего о вас не слышно, где вы и что с вами. Очень больно быть в такой неизвестности о человеке, спокойствием коего дорожишь. Дай-то Бог скорее о вас услышать и добрые вести. Николай Михайлович обещал тотчас написать, как получит. Вот и он два месяца как от вас ни слова не имеет. Сохрани вас Господи, Ему вас часто вручаю и всякой день молю о вас. А сегодня еще сильнее вспоминалось, по благодати Божией сподобилась приобщиться Святых Таин. Крепко, мой друг, вспоминалось о вас. Что с вами? Право, при такой неизвестности ничего и не скажется более. Нечего делать; молчать и молиться. Прощайте, обнимаю, благословляю вас и заключаю просьбою. Ради Бога берегите себя. Христос с вами!

Августа 5.

Сегодня, благодаря Бога, что-нибудь о вас, мой друг, узнала. Николай Михайлович пишет, получил от вас письмо, что вы пользуетесь водами в Карлсбаде[1]. Молю Бога, чтобы вам помог, исцелил вас, а более всего желаю, да сохранит Он вас во внутренном спокойствии. Очень разделяю с вами все, что вас трогает, печалит, чувствую ваше положение, что вам очень сиротливо на чужбине, а паче в болезни. При здоровье все стерпится лучше, а без него трудно. Боже мой, спаси его и помилуй! Прощайте, мой милой друг, не хочу затруднять вас длинным письмом, а посылаю сии строки как знак памяти души, вам сильно преданной и принимающей большое участие во всем, до вас относящим<ся>. И знайте, мой друг, пишу ли к вам или молчу, а всегда с вами, и всегда вспоминаю о вас с любовию пред Господом, Покрову Коего столь часто вас вручаю, как и детей своих. Сердцевидец то знает. Грус<т>но знать мне вас в сем положении, но что может человек. Одно, что нам дано, молиться и молиться друг за друга. Молюсь, мой друг, сколько умею только чувствовать, молюсь и участвую. Все, до вас относящее<ся>, мне близко, а потому и дорого, и больно бывает, когда знаешь вас и больным, и пасмурным. Очень благодарна Николаю Михайловичу, что известил о вас, и благодарю Бога, что хоть что-нибудь о вас узнала; неизвестность томительна. Прощайте, мой милый и бесценный друг, обнимаю, благословляю вас — и до последнего издыхания

[1] *В автографе:* в Карнсбаде

принадлежу вам с любовию и дружеством, и еще вас благословляю. Христос с вами! Прощайте. Боже мой, не остави его!

<*На обороте:*>
Николаю Васильевичу Гоголь.

992. Графиня С. М. Соллогуб — Н. В. Гоголю

Павлино. Августа 6-го 1845 г.

Здравствуйте, любезнейший Николай Васильевич! Как вы поживаете? каково ваше здоровье? Я часто сердцем о вас вспоминаю, т. е. с любовью и благодарностью. Ваши письма к Александре Осиповне, хотя я их и не читала, меня очень огорчили. Вы больны, вы страдаете, вам грустно, верно очень грустно! и когда я думаю, что вы совершенно одни должны бороться против такого расположения духа, то мне также становится грустно. Что же, если бы вы возвратились в матушку Россию? Здесь[1] найдете три семейства, которые соединятся в одну мысль — рассеять печальные мысли ваши, в одно чувство любви к вам, которые будут счастливы каждым веселым вашим взглядом, каждою веселою улыбкою вашею. Как вам не обрадовать нас неожиданным посещением вашим? Помните ли вы обещание, сделанное в Остенде: придти пожить у нас?

Мы теперь все соединены под одною крышею; живем тихо, приятно, дружно. Маменька здорова, деятельна, только часто жалеет о прекрасной погоде Ниццы и чудесном климате южных стран. Анна Михайловна мой верный друг; могу ей всю душу мою открыть. Предсказания ваши сбылись; все идет ладно, мирно, как я только могла бы желать. Маменька посетила графиню Софью Ивановну в Павловске. Свидание их обошлось как нельзя лучше. О Владимире Александровиче и нечего говорить: он просто милач, настоящая тишка небесная. Понимаете ли вы меня, любезный братец? Пишу вам как чувствую, а я чувствую, что я всего этого недостойна.

Муж мой оканчивает новую повесть «Воспитанницу», которую вам посвящает. Это истинное происшествие, рассказанное ему Щепкиным. Конец ее меня так поразил и расстроил, что я умолила моего мужа переменить его. Читали ли вы «Тарантас»? Напишите хоть словечко о мнении вашем. Милая соседка наша, Александра Осиповна, часто бывает в хандре. К несчастию, никто не может пособить ей — один Бог и религия. С ней должны быть

[1] *В выписке Кулиша:* Вы здесь

чрезвычайно тяжелые минуты. Она находится на страшной меже наслаждений, осуществившихся в протекшей молодости, и неизвестных испытаний в преддверии к старости. Разочарование всегда трудно переносится.

Прощайте, любезный Николай Васильевич! обнимаю вас от всего сердца. Отец поручил мне вам сказать, что он глубоко чувствует ваше отсутствие; он привык на вас смотреть как на члена своего семейства. Прощайте, Бог да подкрепит вас!

Навсегда сестра ваша Софья.

993. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

9 (21) августа 1845. <Франкфурт-на-Майне>.

Что с вами делается, любезнейший Гоголек? Грешно вам оставлять нас без известий о себе. Бог знает что можно придумать в отдалении. В Карлсбаде ли вы или оставили Карлсбад? Есть ли какое добро от питья вод? Что вы потом хотите с собою делать? Отвечайте на эти вопросы. О себе скажу, что я провел три недели в Швальбахе; пил и купался, несмотря на мерзкую погоду. Теперь нахожусь во Франкфурте, куда приехал праздновать серебряную свадьбу тестя, что было вчера, 8/20 августа. Завтра опять дней на десять еду в Швальбах доканчивать лечение. Воды живительны; но они еще не сладили с моею болезнию, которая состоит теперь в биении сердца и в интермиттенции пульса. С Богом пройдет. То же будет и с вами. Только прошу поскорее уведомить о себе. Вот вам какое-то письмо. Распечатал для облегчения пакета, но не читал. И я, и жена обнимаем вас.

Жуковский.

994. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Павлино, 11-го августа 1845 г.

Я давно к вам не писала, любезный Николай Васильевич. Мне все еще так грустно, что кроме жалоб и пустых упреков на судьбу ничего из головы не выходит. Грустно мне и за вас, и на вас. Как нарочно, все то, что я люблю и к чему имею привязанность, или страдает, или погибает. Иногда мне кажется, что я Settattore, как Prospéri. Мне трудно пересказать вам, сколько мною было передумано грустного и мрачного. В голове не осталось ни одной здравой мысли; лень страшная, все так гадко, что мочи нет. Всего хуже очерствение души моей. Она не только не любит, но и не

верует. Еще никогда я не находилась в такой фазе. Губами твержу: *«Веруйте в Бога и в Мя веруйте, да не смущается сердце ваше»*, а душа отворачивается от этих слов, как от горькой чаши. Что такое вера и надежда на промысл? и кому дается здесь желаемое? Вот в каком состоянии я нахожусь, вот что повторяю себе беспрестанно. Кому и как делать добро после этого.

Письмо ваше, полное добрых наставлений и хороших советов, как мне обращаться с чиновным людом, я перечитала несколько раз. Увы! надобно много самоотвержения, чтобы жить так, как вы предполагаете, а у меня еще его совсем нет. Впрочем, меня Калуга не пугает, потому что все равно кажется мрачным и скучным.

Каково-то ваше здоровье, друг мой? вот главный мой запрос. Вам нужно воротить силы и кончить свое дело. Вы нужнее, чем кто-либо. Я не сомневалась никогда, что «Мертвые Души» заключают в себе высокое значение, которое должно было развиться в последующих томах, и потому и молилась, чтобы Бог дал вам силу окончить этот труд. Хорошая книга очень нужна в нашу эпоху. Все чувствуют потребность хорошей пищи, и все как будто ищут чего-то; скучают неимоверно, обессиливают в тяжкой борьбе, и часто самые лучшие погибают не по своей вине, а от окружающей их атмосферы.

Москвичей я желала бы видеть. Если у меня нет достаточных познаний, взгляд у меня по крайней мере верный. Если Хомяков будет уже там, я его непременно вызову к себе; также и старика Аксакова. С дамами я не охотница знакомиться, не терплю чопорность. До меня дошло слухами, что там делают глупости. Один из них, например, напомнил мне замечание городничего учителю: «Александр Македонский, конечно, был великий человек, но зачем опять стулья ломать?». Не назову его; но знаю, что он не только стулья ломает, но еще и платье свое изорвал на себе. Его почитают помешанным в Москве и это дошло ко мне от очевидца и очень хорошо расположенного человека. Не знаю, так ли мне только кажется, или оно точно так, но в течение последних пяти лет сделался большой переворот в мыслительном мире; заметно, предаются анализу, доискиваются как бы точки равновесия между потребностями и данными, но, слава Богу, не в западном глупом, конституционном духе. О форме и помину нет, слава Богу — еще повторяю. Я уверена, что вам будет любопытно поговорить здесь с молодыми людьми. Между ними есть много учащихся и мыслящих.

Новости у нас большие. На Кавказе идет все хорошо, Государь доволен, и все довольны. Взяли Дарго, вытеснили Шамиля из его укрепления, прошли чрез знаменитый Ичкеринский лес, где так несчастливо <погиб>, тому назад два года, Грабе.

Решено, что Императрица на зиму едет в Италию, а именно в Палермо. Государь на это согласился, хотя и очень тягостна для него разлука. Если вы будете в Риме, вероятно, увидите Михаила Юрьевича, который поедет хотя не с Императрицей, но будет приглашен в Палермо. Едут все 21 числа, потому что Государь отправляется на юг с наследником. Герцог Лейхтенбергский — в Сибирь, по своей части, горной. Тут-то пойдут толки; а теперь пока еще все хлопочет об укладке. Государыню сопровождают граф Ан. Шувалов и Гр. Ст. Апраксин, фрейлины Тизенгаузен и Нелидова, а при в. кн. Ольге Николаевне Окулова. Едут пароходом до Штетина, а там и железными и другими путями до Генуи, где будет ожидать Ея Величество пароход «Камчатка», с которым она приплывет в Палермо на виллу княгини Бутера.

...Прощайте, друг мой. Напишите хоть несколько строк о своем здоровье. Я очень беспокоюсь о последствии Карлсбада. С кем вы там видаетесь? Где ваш приятель Толстой? Ваша от души. Помолитесь за меня, а я за вас съезжу помолиться в Воронеж зимою.

995. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

4 сентября <н. ст. 1845. Франкфурт>.

Милый Гоголек, вы безбожно и бесчеловечно поступаете с нами. Для чего не уведомляете вы нас о себе? Что с вами делается? Как вы? Где вы? Куда вы? Писать много не нужно; а два слова написать необходимо; и не написать их грех. Мы об вас в тревоге; и жена только о том и думает, что с вами делается с тех пор, как проехал здесь Плещеев и сказал ей (я был в Швальбахе в это время), что вы бросили Карлсбад и отправились в Гренфенберг. Но Бог знает, в Гренфенберге ли вы теперь или еще куда-нибудь уехали. Как же не написать? Куда же я буду пересылать вам и письма и деньги? — На всякий случай, пишу теперь в Гренфенберг. Я вас прошу отвечать немедленно. Да напишите два письма, то есть две коротенькие записки, одну во Франкфурт, а другую в Нюренберг poste restante. Я туда послезавтра еду навстречу Императрице. А от нас вот какое предложение; возвращайтесь прямо к нам и поселитесь опять у нас в доме; вам с вашею

теперешнею слабостию разъезжать по свету не можно. Подле нас Копп (жаль, что вы его не послушались и в Гастейн не поехали); да и в моем доме, хотя вам часто бывает и пусто, вы будете посреди своих; о вас будет дружеское, сердечное попечение. Жена этого требует от вас с величайшею о вас заботою, и не должны отказать ей в ее просьбе. Прошу вас скорее решиться и к нам приехать на житье. Не хотите ли, чтобы я к нам прислал Даниила, чтобы он вас проводил из Гренфенберга во Франкфурт? Одним словом, приезжайте непременно; у нас ждет вас приют родной, и вам у нас будет спокойно и беззаботно. Отвечайте немедленно (в двух экземплярах).

Жуковский.

996. В. А. Жуковскому

Греффенберг. 11 сентября <н. ст. 1845>.

Бог милостив: мне, кажется, как будто немного лучше. Во Франкфурте найдете подробное письмо. Обнимаю еще раз сильно и крепко и всею душою вас и всё ваше прекрасное семейство. Помолимся теперь сильно и слезно во глубине души нашей о здоровьи Императрицы, которое, может быть, нужнее для всех нас, чем здоровье наше.

Весь ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

à Nürenberg.

Son excellence monsieur m-r de Joukoffsky. Василию Андреевичу Жуковскому.

Nurenberg. Poste restante.

997. А. О. Смирновой

Фрейвальдау, то же, что Греффенберг. 11 сент<ября н. ст. 1845>.

Ваши два маленькие письмеца, адресованные в Карлсбад, я получил, бесценный друг мой Александра Осиповна, уже здесь в Греффенберге[1]. Прежде всего благословим наши скорби и поблагодарим за них Бога. Они недаром, они нужны, так как и самая болезнь и неумолимая тоска нужны нам. Утешьтесь! ваша будущность светла. В Калуге она начнется. О здоровьи моем скажу вам только, что его вконец сокрушил было Карлсбад, и я, отчаянный, решился на последнее средство — приехал

[1] *В подлиннике:* Грейфенберге

в Грефенберг, где до сих пор не в силах почти опомниться от холодной воды, но сквозь всю эту жестокую проделку, производимую над моим телом, слышу, как сквозь сон, какое-то освежение и доволен уже тем, что не в силах ни о чем подумать. Это для меня уже много. Я только и прошу теперь хотя минутного освежения. Вот уже скоро месяц, как я здесь, и долее пробыть не намерен, довольный тем, что набираются сколько-нибудь силы для дороги. Я с будущей недели отправляюсь в Рим. Надеюсь на дорогу, которая меня всегда спасала; надеюсь на Рим, который всегда меня оживлял и воздвигал, а больше всего надеюсь на Бога, который доселе не оставлял меня в мои трудные минуты и внушил, без сомнения, и вам ваши утешительные письма и заботы обо мне. Пишите мне в Рим. Деньги и прочее скажите, чтобы были адресованы в Рим. Что поважнее, то адресуйте на имя нашего посольства, прочее прямо в poste restante. В Риме я буду около 15 октября, по приблизительному расчету; в дороге проведу не менее месяца. Это мне нужно и полезно. Если успеете написать до того времени, адресуйте в Венецию, poste restante. Попросите доброго вашего священника Наумова отслужить напутственный молебен о благополучном путешествии и выздоровлении двух путешественников: вас в Калугу и меня в Рим. Обнимаю вас.

Прощайте, до писем ваших, которые надеюсь найти в Риме.

Весь ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

Александре Осиповне Смирновой.

998. Графине С. М. Соллогуб

Сентября 11 <н. ст. 1845 г.>. Фрейвальдау.

Сам Бог внушил вам[1] ваше миленькое письмо, моя добрейшая Софья Михайловна! Оно меня утешило; оно первое пришло ко мне в Греф<ф>енберг, куда с отчаяния я убежал из Карлсбада. Карлсбад меня расстроил и разрушил в[2] конец. Не могу сказать вам ничего теперь о моем здоровьи. Я как во сне; чувствую только судорожное прикосновение холодной[3] воды и ничего другого не слышу и не[4] вижу. Времени даже нет опомниться от сажаний в ванну, обливаний, завертываний в мокрые простыни и проч.

[1] вам *вписано.*

[2] *Далее было:* пух

[3] холодной *вписано.*

[4] не *вписано.*

Одно могу только сказать, что мне как-то свежее, и я чувствую теперь дух пуститься в дальнюю дорогу, на которую больше всего надеюсь, потому что дорога мне всегда помогала. На следующей же неделе я полагаю сесть в дорожную телегу, заеду в Берлин переговорить с Шёнлейном, не насчет моего излечения, но насчет того только, чтобы узнать, какого рода во мне болезнь, силы и в каком я состоянии. Оттуда же, обнявши Михаила Михайловича, в Рим на зиму, где, если Богу будет угодно, восстану вновь здоровьем, ибо, признаюсь, я более всего надеюсь на Него и на святую милость Его, которая уже не раз была мне оказана в Риме. Итак, пишите мне в Рим.

Обнимаю вас. Весь ваш Г<оголь>.

Более писать не в силах, и нет минуты свободн<ой>. Передайте эти две записочки Алекс<андре> Осип<овне> и Анн<е> Михайловне.

Обнимаю всех вас от мала до велика.

В Греф<ф>енберге граф А. П. Толстой, который всем вам сердечно и душевно кланяется.

<*На обороте:*>

Russie, S-t Pétersbourg
Ее Сиятельству
Графине Софье Михайловне
Салогуб, урожденной Графине Вьельгорской
В С.Петербург. В Доме Графа Вьельгорского
на Михайловской площади.

<*Штемпели:*>

<*1-й:*>

Freiwaldau 11 SEP.

<*2-й:*>

Получено 1845 СЕН 15 Полдень

999. В. А. Жуковскому

Греффенб<ерг>. 12 сентября <н. ст. 1845>.

Не тревожьтесь обо мне, добрый друг мой! Во всем есть воля Божия, равно как и в том, что я теперь в Греффенберге. Боюсь сказать наверно, но, кажется, мне лучше. Я давно имел тайную веру в воду и в то, что лечение ею может пособить мне, но не имел духа отважиться на эти ужасные, по-видимому, средства, которых так боится наша кожа. Нужно было, чтобы привели меня к тому все безуспешные лечения докторов, начиная от Коппа,

увеличившие мои недуги, наконец, до того, что я почти в отчаянии, расстроенный вовсе Карлсбадом, решился, в противность всем советам, ехать в Греффенберг, не столько для излечения, которого я и не ждал, сколько для освежения сколько-нибудь моих сил, дабы быть в состоянии предпринять дорогу, которая[1] одна мне помогала доселе. Еще более меня побудило самое пребывание в Греффенберге графа Алексан<дра> Петр<овича> Толстого, получившего там значительное облегчение (который до сих пор здесь). Всюду, куды бы я ни поехал, я бы умер уже от одной тоски, прежде чем получил бы какую-нибудь пользу от лечения. В Греффенберге же я знал, что уйду не только от тоски, но даже от самого себя, предавши себя совершенно во власть не прекращающейся ни на минуту деятельности всех проделок, производимых над телом. Действительно, мне нет здесь ни одной минуты о чем-либо подумать, не выбирается времени написать двух строк письма. Я как во сне, среди завертываний в мокрые простыни, сажаний в холодные ванны, обтираний, обливаний и беганий каких-то судорожных, дабы согреться. Я слышу[2] одно только прикосновение к себе холодной <воды> и ничего другого, кажется, и не слышу и не знаю. Это покамест всё, что мне теперь нужно, а мне нужно теперь *позабыться.* Сквозь все эти тягостные проделки, чем далее, тем более, слышу, однако же, какое-то живительное освежение и что-то похожее на крепость и как бы на пробуждающуюся силу. Да будет же благословен Бог, спасающий нас и внушающий иногда простому человеку то, что утаивается им от мудрых! Призниц решительно умный мужик, и многое из того, что он говорит, слишком справедливо. Много болезней наших он производит от излишнего обременения нашего желудка *слишком питательною* пищею, изнуряющею наше тело обилием соков, которые при сидячей нашей жизни переходят в источники болезней. Он дает пищу большею частию трудно варимую, мяса мало (и то вываренное, почти не имеющее соков), мучного много (особенно хлеба, спеченного вместе с мякиною и деревянистыми частями, и молока); требует, чтобы желудок не приучался к лени удобноваримою пищей, но, напротив, более работал; требует в то же время уравновешения сил физических и умственных в наших ежедневных занятиях; больные пилят и рубят дрова, копают землю и беспрестанно на воздухе, а что всего удивительней, от непитательной пищи полнеют, и я даже чувствую желудок свой лучше,

[1] для предпринятия дороги, которое
[2] Я однако же слышу, что

чем тогда, когда по предписанию докторов ел сочное недожаренное мясо и легкие блюда из зелени.[1] Я много уже заметил разных *гигиенических* средств, которые буду употреблять во всю жизнь, если Богу будет угодно продлить жизнь мою. Еще одну неделю остается мне пробыть здесь, после чего отправляюсь на зиму в Рим, в надежде и на дорогу, и на самый Рим, которые мне помогали всегда. Не думайте, добрый друг мой, что с моим здоровьем трудно скитаться по белу свету, как вы пишете. Напротив, я тогда только и чувствовал себя хорошо, когда бывал в дороге. Дорога меня спасала всегда, когда я засиживался долго на месте или попадал в руки докторов, по причине малодушия своего, которые всегда мне вредили, не зная ни на волос моей природы. Благодарю вас много за ваше приглашение ехать во Франкфурт пожить с вами вновь. Просьбы, как ваши, так и добрейшей супруги вашей, меня сильно тронули. Вы меня любите как бы еще сильней, чем прежде, несмотря на то, что я бы должен был надоесть вам сильно. Вы меня видели во всем моем малодушии, во всех невыгоднейших сторонах моего характера, со всем множеством моих слабостей и непривлекательных свойств и, наконец, в хандре, в которой бывает несносен даже и в несколько раз меня лучший человек, и при всем том вы меня любите еще более прежнего! Хотя мне очень хотелось бы взглянуть на вас теперь, но покоримся благоразумию. Климат Рима мне больше всего благоприятствовал и воздвигал; весьма быть может, что Бог еще окажет надо мной милость свою. Дорога, и притом дорога в Италию, всегда мне была благотворна. Я же намереваюсь ее совершить вовсе не изнурительно, а как прогулку. Около 15-го октября полагаю быть в Риме (почти месяц на переезд). Письма и всё, что получите на мое имя, адресуйте прямо в Рим, всего лучше и вернее на имя посольства, для большей же уверенности можете присоединить несколько строк или к тамошнему посланнику Бутеневу или к секретарю посольства Скарятину. Не гневайтесь, что так дурно пишу: озяб, тороплюсь и нет минуты времени. Прощайте. Обнимаю всею силою души. С дороги буду писать. Рейтерну и всему его доброму семейству усерднейший душевный поклон, а прекрасную Елисавету Алексеевну, которую я полюбил еще более теперь, молю молиться обо мне. Я много верю молитвам прекрасных душ, а ее душа прекрасна, и Бог, верно, внимет всем чистейшим движениям ее, помилует и восстановит меня.

Весь ваш Гоголь.

[1] *Далее начато:* Мне остается пробыть здесь еще одну неделю

Если придет вам желание или надобность известить меня о чем бы то ни было прежде приезда моего в Рим, то адресуйте в Венецию, poste restante, куда я намереваюсь прибыть к 5 октябрю.

Письма ваши мною получены исправно, хотя весьма поздно. Вчера я отправил к вам коротенькое письмо в Нирнберг.

Письмо это я пишу на другой день по получении вашего, но вы его получите поздно,[1] потому что в Греффенберг почта не ходит прямо. Это захолустье, и письма не прежде, как обошед все австрийские города, приходят сюда. Из *Карлсбада,* который в трех днях расстояния, письма иногда идут 14 дней.

<На обороте:>

Francfort sur Main.
Son excellence monsieur
monsieur de Joukoffsky
Francfort s/M. Saxsenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

1000. М. И. Гоголь

Греффенберг. 15 сентября <н. ст. 1845>.

Пишу к вам из Греффенберга, где нахожусь на холодном лечении. Карлсбад мне не помог. Но, слава Богу, леченье холодною водою, несмотря на утомительность свою, действует, кажется, лучше.[2] Видно, чьи-то усердные молитвы доносятся до неба; по крайней <мере>, припадки мои не так теперь тяжки, как доселе, а с ними вместе и страдания духа несколько утихают. Еще около недели остаюсь здесь, дабы сколько-нибудь укрепиться для дороги, и отправляюсь на зиму в Рим. Пребывание в Риме было всегда благотворно для моего здоровья.[3] Климат римский и самая дорога по Италии всегда воздвигали и восстановляли мои силы. Помолимся же Богу, да и теперь будет на то Его святая воля. Адресуйте письма в Рим, в poste restante, ибо[4] через месяц я полагаю уже быть там. Бог да хранит вас! А обо мне, то есть о моем выздоровлен<ии>, не переставайте молиться крепко.

Обнимаю вас, почтеннейшая маминька, поручая обнять за меня и сестер.

Вас любящий сын Н. Гоголь.

[1] *В подлиннике:* позно
[2] *Далее начато:* по крайней мере, мне
[3] *Далее начато:* и самая дорога
[4] где

<*На обороте:*>
Poltava. Russie Méridionale.
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.
В Полтаве, а оттуда в деревню Васильевку.

1001. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

<23–25 августа 1845. Павлино>

23-го августа 1845.

Любезный Николай Васильевич, я вам объявляю большую новость: у Софьи Михайловны родился сын 17 числа сего месяца, и его назвали Александром. Он прездоровое и сильное дитя и очень похож на отца. Софья Михайловна очень здорова и так спокойно счастлива, что приятно на нее смотреть. Графиня Соллогуб приехала к нам в Павлино на несколько дней; она была очень любезна и весела, так что она меня удивила. Двор уехал из Петергофа. Вы уже, верно, давно знаете, что Государыня едет в Палермо там провести зиму. Сегодня она выехала из Гатчины. Царь очень грустит и даже сильно унывает. Надобно много за него молиться. Он не хочет ничего видеть, никуда не идти, и он говорит, что он запрется на всю зиму. Никто еще не знает, где он будет жить. Он теперь на шесть недель поехал во внутренность России. Когда он протянул мне руку, чтобы со мной проститься, я ему сказала, смотря ему в глаза: «Sire, que Dieu vous bénisse et vous conserve!». Он улыбнулся и благодарил меня движением головы. Это единственные слова, которых (sic) я имела случай ему сказать с тех пор, как мы в Россию воротились.

Любезный Николай Васильевич, я вам все рассказываю о себе и других, но, пожалуйста, вы, однако же, не забывайте, что я все время о вас думаю и что мне очень хочется знать, что вы делаете и как вы чувствуетесь (sic). Когда получу я от вас хоть одну строку? Вы, я знаю, не забыли нас; вы, вероятно, часто думаете о нас, но действуете, как будто вы бы нас совершенно забыли.

Суббота, 25-го августа.

Смирнова собирается ехать в Калугу. Она, кажется, стала бодрее духом, но все-таки она находится еще dans un moment *de crise pénible*. Я теперь очень много бываю с Софьей Михайловной. Она любит, чтобы я была у нее, и говорит, что мое присутствие сделалось для нее нужным. Я стараюсь как можно больше быть веселой и приятной среди семейственного круга и, сколько можно, полезной в моих нынешних обстоятельствах. Я стараюсь

всячески меньше думать о себе и заниматься собою. Бывают у меня минуты уныния, но я гораздо сильнее против них, слава Богу, чем прежде. Были также у меня наслаждения христианские, высокие, qui surpassent toutes les jouissances terrestres. Я третью часть моего долга не исполняю, но малое, которое я исполняю из любви к Богу, уже приносит мне душевную глубокую радость.

Прощайте, любезный Николай Васильевич, пишите мне и молитесь за мое душевное здравие, как я молюсь особенно за *ваше здравие телесное.*

Анна В.

1002. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

<Конец августа — начало сентября 1845. Москва>

Как давно, дорогой наш Николай Васильевич, как давно я уже не писал к вам. Хотя отчасти здесь и была причина, но большею частию я виноват. Причина та была в том, что мне совестно было писать вам, не окончa моей диссертации; но диссертация моя окончена, переписана и подана, а все я не сейчас после этого написал к вам. Теперь наконец пишу. Мы теперь в Москве, т. е. батюшка, я и брат Иван, который назначен в Калугу товарищем председателя уголовных дел. Мы приехали из деревни, чтоб провожать его; брат Иван сам жил с нами в деревне до того времени. — Вы, дорогой наш Николай Васильевич, вы сами не сдержали вашего обещания: помните, по выходе первого тома «Мертвых душ», вы сказали, что через два года выйдет другой том, и гораздо толще; срок пришел, и второй том не вышел. Конечно, верно, нельзя было этого вам сделать, и я далек от того, чтобы вас за то упрекать; но я очень, очень сожалею, и, разумеется, не один я. Хотя вы не любите, чтобы вам говорили о ваших созданиях, но отчего же не сказать, и сами вы знаете, что все на вас смотрят с ожиданием. Я не знаю причин, замедливших выход вашего сочинения, и нисколько вас не осуждаю.

Что сказать вам о Москве? Вы, я думаю, уже знаете, что в Москве читаются публичные лекции, — явление чрезвычайно утешительное и замечательное. Особенно замечательно то участие, которое возбуждают они в московском обществе. Лекции Шевырева были прекрасны, особенно некоторые; я полюбил его гораздо больше, нежели прежде, и узнал его ближе. На ту зиму будут тоже лекции — Грановского, но не знаю, буду ли я их слушать. Я намерен, как только позволят мне мои

отношения к университету (мне предстоит еще печатание диссертации и диспут), жить все время в деревне, вместе с нашими. Я намерен заниматься и надеюсь, что это намерение исполнится. Много нового нашли бы вы в университете; новые профессоры вышли на кафедру. Сидит на кафедре эта дрянь — Кавелин; выходит на кафедру Катков; на него, кажется, нет больших надежд; на кафедре — Соловьев, я его мало знаю, но, кажется, он с достоинством. Были в Москве замечательные диспуты Самарина, Грановского. Блеснул было прекрасно «Москвитянин», но теперь опять в нем всякая всячина, и выходит он по две книжки. Думаем мы издавать сборник и готовим статьи для этого. Я написал о правописании и разбор альманаха Соллогуба. Хотелось мне очень, чтобы вы познакомились со стихами брата Ивана; в них много прекрасного, которое невольно и неожиданно поражает; вообще они идут в глубину, а не в мелководную ширь. Вы, вероятно, уже читали прекрасные статьи Хомякова и Киреевских. Вот вам наскоро наши московские новости; о Петербурге вам говорить нечего нового. Известно, что город <нрзб.>, что петербургские литераторы подлецы — это не новость тоже. Одно скажу, что подлость их развивается не по дням, а по часам и достигает какой-то художественности, какого-то благородства. Да, в Петербурге подлость доведена до благородства, до достоинства, это уже не та низкая подлость, это высокая подлость. — Всякое дело мастера боится.

Что же сказать вам о себе? Признаюсь, светское общество и вообще общество — мне стало несколько в тягость; в свете многие соглашались со мной, многие, казалось, уступали усилиям пробудить в них живое русское чувство, дамы, девушки, особенно последние, казалось, с таким участием принимали всякое русское явление, всякое русское слово — но все это непрочно, ни одна не решается надеть сарафана. Одна из них, которая так высоко стояла в моем мнении, которую часто называл я, указывая на русских душою девушек, кн. Мещерская, поступила презрительно, вышла замуж за немца, сверх того, за Бирона, и навсегда оставила Россию. Я могу сказать только, что во многих пробудилось негодование в Москве.

Что касается до меня лично, то мысли мои всё те же, они стали еще тверже, может быть, стали яснее; много нового открылось мне. И сам я, мне кажется, мог бы быть постояннее и живее ими проникнут, мог бы больше трудиться; и потому я собой недоволен — но, Бог даст, надеюсь трудиться усерднее. Из планов моих

работ вот какие у меня самые важные: занятие русскою историею и, собственно, междуцарствием, чтобы написать историю междуцарствия; грамматика и потом разные мелкие статьи.

Что вы, дорогой наш Николай Васильевич? Я видел из писем ваших, что вы нездоровы. Родной воздух вас бы вылечил. Приезжайте. Послушаетесь ли вы этого слова? Впрочем, делайте, как вам Бог на сердце положит. А желал бы я, чтоб вы приехали. Прощайте, дорогой наш Николай Васильевич. Обнимаю вас крепко, очень крепко.

Ваш Константин Аксаков.

Не сердитесь на меня за молчание и езжайте к нам. Вот всё. Все мы вас крепко обнимаем.

1003. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Павлино, 12 сентября 1845 года.

Где вы и что с вами, любезный друг Николай Васильевич? Вот четыре недели, как от вас нет весточки, а мне нужно вам прислать сентябрьскую треть. От Жуковского тоже не получаю никакого известия, и пишу так, на всякий случай, во Франкфурт: авось либо он знает, где вы обретаетесь. Полагаю, что вы давно оставили Карлсбад? Не могу понять, отчего вы хотя словом не уведомили меня о своем здоровье и будущих намерениях. Последнее письмо ваше от 26 июля н. ст. пришло сюда 31 июля ст. ст., а у нас теперь 12 сентября. Это меня все очень смущает. Мы с Анной Михайловной часто говорим о вас и сокрушаемся вашим молчанием. Ради Бога, дайте весточку о себе.

Николай Михайлович (Смирнов) уже вступил в должность, а я вступлю только в начале октября. У нас там служит один из Аксаковых; я этому очень рада…

…Последний «Москвитянин» плох и отзывается отсутствием Хомякова и проч. Он весь напитан Погодиным. Соллогуб пишет всякую дрянь и сидит теперь у меня. Впрочем, его «Воспитанница» *хороша* и вам посвящена. Это рассказ Щепкина, им изложенный. Прощайте, друг мой. Обнимаю вас.

А. С<мирнова>.

1004. Граф В. А. Соллогуб — Н. В. Гоголю

Приписка к письму А. О. Смирновой от 12 сентября 1845 г.

<12 сентября 1845. Павлино>

Раб Божий Александр поручает себя вашему дружелюбному расположению. Что будет из него — неизвестно, а пока он рыжий. По крайней мере, нянька утверждает, что он рыжий. Это может быть от моего пламенного воображения. «Воспитанница» теперь на воспитании у Никитенки, и как только принарядится, то выйдет к вам.

Жена моя, слава Богу, поправилась. Дочь выросла. Не забывайте всех вам преданных.

Гр<аф> Сол<л>огуб.

1005. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Петербург, 19 сентября <1845>.

Вашу записку передала мне Софья Михайловна. Наконец вам немного лучше. Слава Богу! А мне уже снились сны уж подлинно чудесные. Снилось мне, что я получила от вас письмо, которое горело ярким лучом. И бумага, и почерк — все как будто преобразилось. Этот сон рассказан был в доме Вьельгорских, и все ему удивлялись. Пусть оно так, пусть вы преобразились телом и духом, и да увидим мы своими глазами преображение ваших «Мертвых душ» в живительный источник любви и силы для наших собственных мертвых душ.

Сегодня я вам так рада, что не хочу о себе говорить, потому что себе я вовсе не рада. Теперь, впрочем, вот штука какая. Плетнев ходил в казначейство за вашими деньгами, и там ему сказали, что для получения оных всякую треть вы должны высылать свидетельство посольства или консульства того места, где вы обретаетесь, о вашей драгоценной жизни. Так как за эту треть вы опоздали, то я Дювалю поручила 1000 франков во Франкфурт Жуковскому. Он же, Жук т. е., сидит теперь в Нюрнберге, где ждет Императрицу, но вернется скоро домой, и я ему напишу завтра, чтобы вексель выслать к вам в Рим, в посольство. Вы же вышлите Плетневу скорее свидетельство за сентябрьскую и декабрьскую трети. Тогда 1000 франков выплатят здесь Дювалю, а другие 1000 вам вышлет Плетнев в Рим. Смотрите же не забывайте вы это свидетельство и переписывайтесь с Плетневым, потому что я всю зиму провожу в Калуге. Аркадий просит меня передать вам его дружеский поклон. Он не очень доволен своим

здоровьем; грустен, потому что видит мою грусть, иногда непростительно подлую.

Я переслала вашу последнюю записку Аксакову — порадовать старика доброй вестью о вас. Вы, кажется, любите новости, а у нас их так много, что высказать их трудно. Я же живу между Петербургом и Москвою; потому часто видаю Самарина, напитанного еще духом премудрости ваших друзей и верного ему по сих пор, но грустящего и, кажется, колеблющегося. Впрочем, то, что называют новостями собственно, т. е. мелочными ежедневными сплетнями, я не могу вас ими потчевать, потому что живу вне света.

Императрица у вас в Италии, Государь на нашем юге и на днях должен воротиться в Москву, куда едет великий князь Михаил Павлович. Между прочим, скажу вам, что случай доставил мне истинное наслаждение говорить долго с цесаревной. Она настоящее сокровище и душой и умом. Долго расспрашивала меня о воспитании в казенных заведениях и делала такие верные, исполненные здравомыслия замечания, что я удивлялась, как в эти лета, при этой жизни и стольких заботах, она могла так хорошо обдумать этот предмет. Она принимает в Царском Селе раз в неделю, и все разъезжаются обвороженные ее милой, непринужденной обходительностию; особенно довольны ею старики и старухи, которых она никогда не забывает, даже во время танцев. Говорят, что наследник любит ее гораздо более еще и тогда только и счастлив, когда может провести вечер с нею с глаза на глаз. Она совсем несветская, по собственным ее словам, но когда принимает, то показывается именно так, как надобно. За такую цесаревну надобно благодарить Бога и просить, чтобы он ее сохранил для России. Государь от нее без памяти. По-русски она говорит очень хорошо и много читает. Пушкин, Жуковский ей очень известны. Михаила Павловича она очень тронула, изъявив ему желание слушать панихиду в день св. Елизаветы. Всякое слово, которое она ему сказала, было исполнено самого искреннего и глубокого чувства. Пока Императрица здесь была, об ней не говорили, потому что ей не следовало себя выказывать. Вы понимаете, сколько надобно иметь такту сердечного и сколько ума, чтобы при таких обстоятельствах себя не выказать. Вот вам весть хорошая. Вы охотник до таких очерков нравственных, а я охотница оценять достоинство и его выставлять. На это я артист и с непритворным восхищеньем люблю говорить о тех, в которых чувствую душу и ум.

В Павлине живут благополучно и мирно. Меня отпустили с сожалением. Не умею вам пересказать, сколько я им благодарна за милые их ласки. Я не умею никак благодарить. Есть слова, которые всегда похожи на комплименты; я их не терплю. Прошу вас, когда вы будете писать, передать им мою благодарность. Графиня Нессельроде проводит нынешнюю зиму в Риме. Если вы ее случайно встретите, хотя она плохо говорит по-русски, не дичитесь ее. У нее душа предобрая, несмотря на испорченность, неминуемую в таком положении, где все льстят. Памятник Карамзину был открыт 12 сентября. Там отличился Погодин. Андрей Карамзин отвечал коротенькою речью, которую вам выписываю по большой моей к вам дружбе, за что прошу вас быть мне очень благодарным. Вот как изъяснился Андрей Николаевич:

«Милостивые государи, ежели каждому русскому останется памятным торжество, соединяющее нас, то какими словами мне, сыну Карамзина, выразить все, чем исполнена душа моя? Гений и талант не наследственные, но наследственно с малолетства питаемое чувство любви к родине, пламенное, святое,— преданность престолу и Государю. Мое русское сердце трепещет радостью, видя, как милое мое отечество ценит великие труды, понесенные бессмертным покойником в пользу русского дела и русского слова. Как сын его, исполненный благодарности, с умилением и восторгом возношу заздравный кубок в честь первых виновников торжества, в честь благородного, просвещенного симбирского дворянства. Ура!»

Погодин, между прочим, сказал: «Да цветет Россия долго, долго, выражусь словами Карамзина, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!»

Я получила письмо от Иванова. Не понимаю, отчего он не получает денег. Это дело шло чрез Василия Алексеевича Перовского, которого я не видаю здесь по причине разных обстоятельств. Посредником был Ханыков; но его услали в Ригу по комиссии. Пред отъездом я поговорю с Прянишниковым. Он хороший человек и любитель русского художества. Радуюсь за Иванова, что вы будете в Риме: его надобно поторопить. Дети мои здоровы и беззаботно веселы. Дай Бог, чтобы всегда так было. Вам собирается писать Самарин длинное письмо. Не ёжьтесь с ним: он прекрасно умен и любит вас за вашу живую душу и за «Мертвые души». Молебен отслужу. Хотя охота молиться меня оставила теперь, но мои дети за вас помолятся. Тоска, тоска и одиночество!

1006. Н. Н. Шереметевой

<Середина сентября (н. ст.) 1845. Греффенберг>

Благодарю вас, добрый друг мой, за ваши письма, которые меня утешили в моем болезненном[1] состоянии и всегда утешали. Не могу сказать еще ничего решительного о моем здоровьи. Твердо верю, что если милость Божия захочет, то оно вдруг воздвигнется. Нынешнее лечение холодной водою, по крайней мере, освежает и прогоняет печальные мысли. Я чувствую себя как будто крепче. Через неделю, а может быть и раньше, пущусь, перекрестившись и помолившись, в дорогу: в Рим на всю зиму. Там я чувствовал себя всегда хорошо: переезд тоже мне помогал и восстановлял. Бог милостив и обратит, может быть, то и другое в мое излечение. Знаю, что я сам по себе далеко того недостоин[2], и не ради моих молитв, но ради молитв тех, которые обо мне молятся, в числе которых одна из первых вы, мне ниспошлется облегчение, а что еще выше – уменье покоряться радостно Его святой воле. Итак[3], покаместь прощайте до Рима.

Искренно вам благодарный и много обязанный за все

Н. Гоголь.

1007. Графине А. Г. Толстой

Сентябрь 21 <н. ст. 1845>. Греффенб<ерг>.

Благодарю вас очень много, графиня, за то, что не позабываете меня и прилагаете по поклону в письме к графу. Благодарю вас также за ваши искренние желания скорейшего мне выздоровленья. Исполнение последнего зависит от Бога, и если мы сильно, усердно и с верой помолимся, то оно исполнится; а потому прошу вас молиться обо мне. Я же молюсь и буду молиться о вас и жалею только о том, что вы в Париже, а не в Риме, где вам в несколько раз было бы лучше и спокойней как в отношении телесного, так и душевного здоровья. И если бы вы, помолившись крепко, решились с Богом и во имя Божие переехать на зиму в Италию и склонить также и графа к тому, которому необходимо нужно провести зиму в климате потеплее, то ваш переезд совершился бы не только благополучно, но даже с существенной пользой для самого вашего здоровья. Дорога по Италии так же живительна, как и пребывание в ней. Может быть, и мне посчастливилось бы

[1] *Было:* без<выходном>

[2] *Далее было:* но об

[3] *Было*: Итак, прощай<те>

тогда чем-нибудь, хотя малым, быть вам полезным в отблагодарение за ваше гостеприимство, дружеское расположение и добрую память, которую вы постоянно сохраняете обо мне. А до того времени остаюсь только благодарный в душе и вас

искренно любящий слуга ваш

Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Ее сиятельству графине Анне Егоровне Толстой.

1008. С. Т. Аксакову

<21 сентября (н. ст.) 1845. Греффенберг>

Благодарю вас, бесценный Сергей Тимофеевич, за ваши два письма. Они мне были очень приятны. Здоровье мое, кажется, как будто немного лучше от купаний в холодной воде, но не могу и не смею еще предаться вполне надежде. Пишите в Рим, куда я отправляюсь; от Языкова узнаете подробнее. Не име<ю> ни минуты свободной. Обнимаю вас всей душою, а с вами вместе и всё ваше милое семейство.

Весь ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

1009. Графу А. П. Толстому

<1 октября (н. ст.) 1845. Дрезден>

Дрезден. 1 сентября.

Наконец могу вам дать известье о себе. Из Берлина не успел; пишу из Дрездена. С Шёнлейном переговорил окончательно только перед отъездом; впрочем, по его мнению, более речей тратить было незачем, а следовало поспешать в Рим. Выслушавши всё довольно внимательно, он решил, что во мне расстройство в нервической системе, так называем<ое> *nervoso fascoloso* (в брюшной области); над Карусом, его печенью и Карлсбадом посмеялся[1] и определил: приехавши в Рим, поутру вытираться мокрой простыней, потом принять две капли прописанных каплей, а ввечеру — две пилюли. В апреле же месяце ехать в Неаполь и начать морское купанье в Кастелламаре и пить в то же время там обретающуюся воду[2] *Aqua Media*. Когда же сделается слишком жарко,

[1] смеется

[2] обретающиеся воды

переехать на северное море[1] и воспользоваться, сколько можно, побольше морским воздухом и купаньем. Словом, почти то же, что и я думал. В пище есть побольше мясного и зелени и поменьше мучнистого и молочного. Когда я изъявил ему опасенье насчет кофию, сказал, что это вздор, что кофий для меня даже здоров и лучше, нежели одно молоко, и когда я объявил ему, что выпивал трактирную порцию, он сказал, что это немного, что если бы даже и две, но с молоком и хлебом, и поутру, а не после обеда или ввечеру, что это для меня имеет укрепляющее свойство. Сему бы, вероятно, я обрадовался прежде. Но теперь от кофия отстал и принял холодно такое разрешение. Впрочем я, в противность вашего мнения, всегда был уверен, что кофий мне не вреден, и это узнал из опыта. Как нарочно именно в то время, когда я пил кофий покрепче, у меня нервы были хороши. Именно[2] в Остенде да в первый раз в Риме (после великого нервического расстройства в Вене) пил я кофий в большом количестве (оба раза непосредственно вслед за нервами) и оба раза был здрав. — Итак, вот вам отчет. Обсудивши и подумавши обо всем строго, я решил внутренно[3] последовать пословице:[4] «Людей расспрашивай,[5] а держись своего разума». Умными советами воспользуйся, а изучай[6] в то же время свою собственную натуру для того, чтобы уметь применить к ней умные советы. — Совещанием с Шёнлейном я доволен, и оно отныне да будет последнее мое совещание с доктором насчет главного свойства болезни. Его мнение уже потому для меня значительно, что не противоречит мнениям других докторов, на его стороне большинство.[7] Болезнь прояснена, и стало мне открытей, чего следует мне придерживаться, в главном я уже знаю, а потому спокойней и с Божьей помощью буду уметь обходиться с собой. Затем уложим это дело, как решенное, в архив и не будем больше никогда заикаться о моих недугах. Мы слишком грешили, что часто говорили о таких предметах, т. е. я. Государыню все в Берлине нашли в хорошем состоянии; она взбежала весьма скоро на лестницу, так что видевшие ее незадолго до того в Петербурге почти не узнали. В Палермо ей никто не советовал

[1] *Далее начато:* словом, как можно если и
[2] только именно
[3] внутренно так
[4] сове<ту>
[5] расспрашивай побольше
[6] уз<най>
[7] *Далее начато:* и стало быть я могу быть больше уверен в том, что знаю, что во мне есть

из докторов, но она сама ее избрала. Решение это произошло во время сильного жару, который сделался вдруг в Петербурге и в продолжение которого она значительно почувствовала <себя> лучше. Шёнлейна на совет в Берлин не призывали. Не знаю, получили ли вы письмо, которое послано было на мое имя в Фрейвальдау гр<афом> Мих<аилом> Мих<айловичем> Вьельгорским, — я его, по крайней мере, обратно не получал. Мне жаль, если вы не догадались его распечатать. В этом письме было приложено письмо к вам от графини Апраксиной, выехавшей из Берлина в Рим за несколько дней до моего приезда (кстати: отныне не чинитесь относительно писем на мое имя, распечатать всегда можете, ибо, во-первых, секретов в письмах ко мне не бывает, а, во-вторых, если бы и было написано[1] что, о чем не всякому следует знать, то в вашей скромности я уверен). Виельгорскому Апраксины очень понравились, и он, кажется, с ними хорошо познакомился. Рим, как вы видите, наполняется вашими родственниками и близкими людьми,[2] а потому вам и графине будет теперь почти непростительно не побывать в нем.[3]

Затем до следующих писем! Жду с нетерпением описанья вашего приезда в Париж и всего, что ни случилось с вами на пути, что всё надеюсь узнать в Риме.

Ваш Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Son excellence monsieur
monsieur le c-te Alexandre Tolstoy.
Paris. Rue de la Paix, № 9.

1010. Графине А. Г. Толстой

<1 октября (н. ст.) 1845. Дрезден>

Благодарю вас, графиня, много и много за вашу память обо мне и поклоны. Граф мне отдал также письмо ваше, которое вы писали ко мне из Парижа и которым приглашали меня ехать в Париж. Не знаю, помог ли бы мой приезд к развлечению,[4] знаю только, что мысль быть с вами вместе мне приятна и усладительна.[5] Я вас полюбил искренно, полюбил, как сестру, во-первых, за доброту вашу, во-вторых, за ваше искреннее желание творить

[1] и случилось
[2] или вашими близкими людьми,
[3] *Далее начато:* чего вам от
[4] к вам
[5] усладна

угодное Богу, Ему служить, Его любить и Ему повиноваться. Кто питает это искреннее желание и кто не забывает при этом молиться, да поможет Бог привести его в исполнение, и строго при этом смотрит на самого себя и взвешивает все поступки свои, тот успеет, наконец, выучиться науке угождать Богу во всем и дойдет до того, что Бог повсюду ему будет в помочь! От всей души молю, да будет Он вам в помочь! Я бы слишком хотел увидеться с вами, если не теперь, то хотя наступающею зимою. Может быть, это случится. Если вы решитесь приехать на зиму в Рим, где вам будет гораздо лучше, чем где-либо, и если Бог продлит жизнь мою и даст мне здоровье, то мы проведем там время душеспасительно и обоюдно полезно. А теперь прошу вас пока молиться обо мне. Мне слишком нужны молитвы всех молящихся, в том числе и ваши, я же с своей стороны вас помню и не забываю и в ту минуту, как ни грешны мои моленья, но возношу их о вас. Прощайте же и не забывайте меня.

Вас искренно любящий Н. Гоголь.

<На обороте:>

Ее сиятельству графине Анне Егоровне[1] Толстой.

1011. А. А. Иванову

Верона. 9 октября <н. ст. 1845>.

Пишу к вам, Александр Андре<евич>, с дороги. О вас я не имею никаких известий; от вас писем уже с полгода я не получал. В Гастейне (куда, вероятно, вы писали) я не был. Всё время я таскался по водам и докторам и находился в совершенном неведении насчет моей участи, по причине страшной разноголосицы их[2] в моей болезни. Не мог[3] никому дать наверное адреса и всё еще думал, что буду в Гастейне и заберу всё оттуда. Теперь спешу вас уведомить только о том, что участь моя определилась. После холодных лечений мне сделалось лучше, и я еду теперь к вам в Рим, и по собственному желанию, и по медицинскому совету. Имейте в виду для меня квартирку или в Via Sistina и Felice, или Грегориана, — две комнатки на солнце. Можно даже заглянуть[4] и к Celli, моему старому хозяину, хотя он своею безалаберностью и беспрерывной охотой занимать деньги смущает меня, но если,

[1] *В подлиннике:* Егорьевне
[2] разноголосицы насчет моей болезни
[3] Почему не мог
[4] даже взять

кроме его, не найдется в тех мест<ах>, то можно будет и у него: я привык к этим местам, и мне жалко будет им изменить. Моллеру скажите, что я его обнимаю и надеюсь это сделать лично через три-четыре дня после этого письма или много — через неделю. Пока же до радостной минуты обнять вас обоих лично, довольствуйтесь оба лобзаньем заочным. Иордану передайте также мой поклон.

Затем до свидания!

Ваш Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Александру Андреевичу Иванову.

1012. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Франкфурт н<а>/М<айне>. 1845. 6 окт<ября> <н. ст.>.

Возвратясь из Ниренберга, я нашел здесь ваше письмо, любезнейший Гоголек, за которое весьма благодарю; оно несколько поуспокоило тревоги о вас. В Ниренберге я также получил вашу записочку. Теперь, по письму вашему, вы должны быть в Риме. Хотя и не знаю вашего адреса, но не хочу задерживать писем, которые получены мною на ваше имя: отправляю их к нашему посланнику Аполлинарию Петровичу Бутеневу, к которому пишу об вас и с которым прошу покороче познакомиться. Он мой давнишний, добрый приятель; он не только что хороший и умный дипломат, но и человек с теплым сердцем и благовонною душою: я уверен, что вы его полюбите и найдете в его обществе душевную отраду, которая будет лекарственна и для тела. Только не дичитесь с ним, не брыкайтесь и не становитесь на дыбы. — О себе и о своих не могу, благодаря Богу, сказать ничего, кроме добра. Швальбах мне помог. Жене вообще хорошо. Дети здоровы. Мальчишку Павла Васильевича нашел я в благословенном состоянии, он метит в Геркулесы. Теперь начинаю вести жизнь по-старому. Принимаюсь за свои переводы. С одной стороны Послания Павла, а с другой Гомер; но при этих работах не раз придется вздохнуть о вас и о наших сходках на моих антресолях. Весьма надеюсь, что Бог позволит нам возобновить их некогда на Руси, под небом Москвы или на берегах Невы, а может быть, где-нибудь у меня, в моем лифляндском домике. А жаль мне расстаться с своим франкфуртским эрмитажем; он так уютен; и найду ли где-нибудь тот покой, которым мне здесь позволил Бог так беззаботно насладиться? Но тревог допускать до себя не

должно: всякая тревога есть родная сестра греха. Скажу вам лучше, что свидание мое с Императрицею произошло по желанию и успокоило насчет ее сердца. Путешествие в Италию и несколько месяцев мирной там жизни исцелят ее непременно. Уже и теперь ей лучше. Я уверен (если что другое не случится), что она воротится к нам с обновленными силами и с воскрешенною жизнию. Благослови Бог нашего доброго ангела. — Прощайте. Отвечайте немедленно. NB. Прошу вас послать непременно и немедленно к вашим корреспондентам ваш адрес. Иначе письма будут доходить к вам в Рим через Франкфурт: крюк этот уж непозволенно велик; да надобно, чтобы вы написали, куда пересылать вам деньги. Я же не останусь долее июня во Франкфурте. Прощайте.

Ваш Жуковский.

На ваших адресах прибавляйте всегда а Saxenhausen; Salzwedelsche Garten. Здесь проявился какой-то другой Жуковский, который, наподобие другого Гоголя, жрет мои письма; а ко мне приносят его деньги.

1013. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

21 сентября 1845 г. Павлино.

Мне не нужно вам сказать, как ваше письмо меня обрадовало, любезный Николай Васильевич. Мы были без ваших известий уже так давно, что начинали сильно беспокоиться. Слава Богу, что вам немножко лучше и что вы в состоянии ехать в Рим. Ваше здоровье там, верно, поправится. Смирнова также очень беспокоилась[1] на ваш счет. Она мне раз сказала: «Quelquefois quand je pense a lui, j'ai *des angoisses* véritables: je me fais des reproches d'etre ici, tandis qu'il est tout seul. J'aurais dû aller le rejoindre, aller le soigner». Тогда я ее уверяла, что невозможно ей это сделать: как ей оставить детей и мужа, хоть и на короткое время.[2] Но это вам показывает, какое у нее прекрасное сердце. Она приехала[3] в город, где приготовляется к отъезду в Калугу. Хотя она веселее прежнего, она все еще как будто под влиянием душевного расстройства. Мне кажется, что она еще с собою несогласна, нет в ней ничего твердого и согласного[4]. Все это лето она вела жизнь вялую и недеятельную. Не было у нее постоянных часов для занятия. Детьми она очень

[1] *В выписке Кулиша:* беспокоится
[2] *В выписке Кулиша:* время?
[3] *В выписке Кулиша:* переехала
[4] *В выписке Кулиша:* твердого, спокойного

мало занималась; настоящая их мать m-lle Overbeck. Я вам все это пишу потому, что, зная ваше влияние на Александру Осиповну, я уверена, что вы можете ей дать хороший совет. Здоровье ее в (том же) самом положении[1], нервы ее расстроены и она часто страдает головной болью. С<офья> М<ихайловна> вас очень благодарит за письмо и напишет вам, как скоро ей будет возможно. Я уже вам объявила рождение ее сына Александра, но не знаю, получили ли вы мое письмо, адресованное русскому посольству во Франкфурте. Сестра, слава Богу, очень здорова, а мальчик ее — сильное здоровое дитя.

У нас совершенная осень. Первого октября мы хотим переехать в город. Мне очень жалко оставить мое любимое Павлино. Вы не можете вообразить себе, какое счастливое прекрасное время я здесь провела. Ежели у меня иногда бывают грустные минуты, — это вследствие собственных моих подлостей. Мне нужно иметь всего больше терпения с самой собою. Чем больше себя испытываешь, тем делаешься смиреннее и снисходительнее для других. Mon plus grand défaut est *l'amour* du *moi*. Я также против этого всего более стремлюсь. Вы мне пишете, что о собственных ничтожных сокрушениях не следует нам и думать. Эти слова сделали на меня впечатление. Я часто будто[2] о них размышлять. Теперь месяц, что я почти никого не видела. Мы в трауре по сестре Лазаревой, графине Hohenthal. Прощайте, Николай Васильевич! Господь с вами и с нами всеми.

Анна Виельгорская.

1014. А. А. Иванову

<Между 10 и 23 октября (н. ст.) 1845. Рим>

Уведомляю вас, Александр Андреевич, что я приехал и остановился в Cesari и жду вас, сам же к вам нейду по причине болящей ноги.

Н. Гоголь.

1015. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским

Октября 24 <н. ст. 1845>. Рим.

Спешу вас уведомить, мои прекрасные[3] графини, что я в Риме. Мне лучше; переезд в Италию и теперь, как всегда,

[1] *В выписке Кулиша:* Здоровье ее в самом (плохом) положении

[2] *Вероятно:* буду. — *Примеч. В. И. Шенрока.*

[3] мои три прекрасные

подействовал хорошо. В poste restante я нашел письмо от Анны Миха<й>ловны, за которое весьма ее благодарю. Всех вас прошу выполнить всё то, о чем вас просил, и всех вообще и порознь каждую из вас, и что вы обещали мне выполнить ради братской любви ко мне. Не забывайте также писать ко мне, мне это теперь очень нужно. К вам же я покамест ни о чем не пишу и спешу послать эту передовую записку. Прощайте, до следующего письма.

<Ваш Гоголь>[1]

Адрес мой: Via de la Croce, № 80, 3 piano.

<*На обороте:*>

S. Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Вьельгорской, урожденной принцессе Бирон.

С. Петербург. В доме графа Вьельгорского на Михайловской площади, возле Михайл<овского> дворца.

1016. Графине С. М. Соллогуб

<Около 24 октября 1845. Рим>

Узнав на лету о существовании Александра Владимировича, спешу вас поздравить и прошу[2] поцеловать его лишний раз за меня. Уведомьте меня обо всем и напишите в Рим о том, каков он.

Затем обнимаю вас со всеми вместе. Ваш Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Софье Михайловне.

1017. А. О. Смирновой

Октября 24 <н. ст. 1845>. Рим.

Друг мой Александра Осиповна, не беспокойтесь обо мне. Мне гораздо лучше. Анна Миха<й>ловна мне писала, что вы тосковали о том, что не со мною и что не можете ухаживать за моею болезнью. Благодарю вас от всей глубины вас любящей души; но всё делается не без воли Божией. Иногда хорошо, чтобы мы потерпели кое-что и остались одни, и всё идет впрок и во благо! Я вновь в Риме, длинная дорога мне вновь помогла. Вечный Петр вновь перед мною; Колизей, Монте-Пинчио и все наши старые

[1] *Подпись вырезана.*

[2] прошу *вписано.*

друзья со мною.[1] Бог милостив, и дух мой оживет, и сила воздвигнется! Жду с нетерпень<ем> описанья вашего приезда в Калугу, до малейших подробностей, которые все до единой мне нужны.

Обнимаю вас всею мыслью и душою.

Ваш Гоголь.

Адрес мой: Via de la Croce, № 80. 3 piano.

<*На обороте:*>
Александре Осиповне Смирновой.

1018. М. И. Гоголь

<24–25 октября (н. ст.) 1845. Рим>
Октября 24.

Спешу вас уведомить, маминька, что я в Риме. Длинный переезд и дорога подействовали на меня и на сей раз, как и всегда, благодетельно. Не сомневаюсь, что в этом участвовали и усердные ваши молитвы. Я чувствую себя и крепче и лучше. В Риме я нашел (в poste restante) ваше письмо, адресованное в Карлсбад, которое меня очень ободрило,[2] освежило и заставило твердо верить в то, что вы так пророчески мне говорите, что Бог продлит мою жизнь и подаст силы действовать на прославление Его. Обо всем прочем поговорим в следующих письмах. Теперь же спешу отправить поскорей это коротенькое и боюсь, чтобы не постигла его такая же участь, как и тех писем, которые таким необъяснимым и непостижимым для меня образом не дошли до вас, — тем более, что на почте письма у нас никогда почти не пропадают.

Сестры не пишут мне ни слова о том, что мне приятно знать, и зная, что мне нравятся письма дельные, не упоминают ни слова ни о каком деле.

Затем остаюсь всегда вас
любящий сын

Н. Гоголь.

<*На обороте:*>
Poltava. Russie.
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.
В Полтаву, а оттуда в д<еревню> Васил<ь>евку.

[1] теперь со мною
[2] утешило

1019. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Покровское. Октября 3 <1845>.

Наконец, мой милый друг и возлюбленный мне о Господе Николай Васильевич, имела утешение получить письмо ваше, и как-то стало за вас поспокойнее. Так давно от вас ничего не имела, и ничего давно уже не слышно — а знав вас в болезненном состоянии и в таком мучительно изнуряющем расположении духа, признаюсь вам, что тяжела была эта томительная неизвестность для души, сроднившейся с вами, а теперь и с вашими страданиями. Но слава Богу, что получила письмо, и от всего сердца благодарю благость Его, видя, что вам самим кажется, что вы покрепче, да с Его святою помощию более и более укрепляйтесь, дабы приобрести силы душевные, а с сим и возможность все на сем свете встречающее<ся> нести с любовию и тою сладостною уверенностию в милосердие Божие, что все, от Него ниспосланное, мне на пользу, на пользу души моей.

Прошу вас, мой друг, ради Христа берегите себя, не поддавайтесь унынию, ограждайтесь от него молитвою.

Теперь хочу писать о том, о чем три года назад много раз писала, просила и теперь убедительно о том же вас, мой милый друг, прошу. Ничего не предпринимайте, не помолясь; и не испрося Его Отцовского благословения, не приступайте ни к чему. Молитва и терпение, Самим Господом нам внушенные, есть средство к достижению блаженства, кое можно здесь еще ощущать, как бы пред<д>верие ожидающего нас в будущем. Дай Бог все дни нашей жизни посвятить для вечности — тогда и здесь все было бы хорошо и до того отрадно, что и среди печали могли бы иметь минуты радости, никем не отъемлемые и коих передать слов нет: пребываешь в безмолвии проникнут глубоко благодарностию к Тому, Которой не отвергает моление терпящих, Ему внятен стон страдальца. Милосерд Отец Небесный. Окончу тем, что молитва и терпенье есть целительное врачевство от всех недугов, обременяющих наше слабое существование.

Сие найдет вас в Риме, и дай Бог, чтобы предчувствие ваше сбылось, что вам всегда там хорошо бывало. Бог милостив; если Ему угодно, то все, вами претерпенное, в одно мгновение изменится к лучшему, и водворится спокойствие, коим, может, уже вы давно не наслаждались. Порадовали вы меня, сказав, что выше здоровья — это уменье радостно покоряться святой воле. Дай Бог вам пребывать в сих чувствах. Эта безусловная покорность не только облегчает боль души скорбной, но помогает все

это обратить на спасение наше. О Всемилосердный, не остави его! Говорите, мой друг, продолжать молиться. Поверьте, мой друг, Господу, что в маие минуло три года, как мы с вами так нечаянно встретились, с тех пор молюсь о вас со всею нежностию матери, а уже с тех пор, как узнала о болезни и о всех страданиях, что вы претерпевали, так мне было все это не только что понятно, но сильно чувствовалось. Бог видел, как разделяла с вами вашу боль. Но в сем случае, как и во всех, нет иного средства к успокоению, как молитва. Молилась и молюсь, видит Господь, Коему часто вас вручаю и Им вас умоляю: берегите себя, не унывайте. Молитесь Матери Божией, Она наша Помощница и Заступница у престола Божия, Ея Покрову вас вручаю. Прощайте, мой милый друг, обнимаю вас с любовию, как сына; с тем же чувством вас благословляю, и всякой день то повторяется в душе вам с дружеством до гроба преданной.

Н. Шер<еметева>.

Пишет ко мне Николай Михайлович, Бабарыкин возвратился в Москву, что посылка, которую я с ним к вам послала, она находится в Берлине у какого-то трактирщика, которому оставил дипломатической курьер, нашедши[1] в каретной сумке, где забыл ее, как говорит Николай Михайлович, наш любезный Бабарыкин. И это происшествие случилось в генваре 1844 года. Хоть бы он написал о сем к Николаю Михайловичу. Вот в будущем генваре два года. А письмо мое к вам, говорит, пропало. Какой милый человек. Мне 26 сентября минуло 70 лет, я в мою жизнь не встречала такого человека. И как теперь достать, не знаю. Просила Николая Михайловича, не придумает ли он, через кого. Мне грус<т>но, что до вас не дошло. А с каким усердием заказывала. Какой[2] есть в Москве лучший живописец; с одной стороны Николай Чудотворец, а с другой Иверская Божия Матерь — так, чтобы вам можно было на себя надевать, ехав в дорогу. Вы тогда с почтою не велели присылать, вернее бы дошло, чем с этим Бабарыкиным. В этом ящичке еще были молитвы и шнурки для образа. Признаюсь[3], жаль, что до вас не дошло. Я его никогда не видывала[4]. Прощайте, мой друг.

Христос с вами!

[1] *В автографе:* нашедчи
[2] *Было:* Какой-то
[3] *Далее было:* что
[4] *В автографе:* видавала

Аксаковы возвратили мне мое письмо к вам, что их знакомый Пофиснев весной собирался ехать, но отдумал. В другой раз перешлю к вам, а то много за один раз вам читать. Прощайте, еще вас благословляю и сим оканчиваю, благодаря Бога, что о вас узнала. О Всемилосердный, Ты его не оставь. На чужбине ес<ть> ли у вас кто там, чтобы по душе пришелся. Еще, мой друг, вас благословляю, и конец.

Знайте, что душею с вами не разлучаюсь. Спаси вас Господи!

1020. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

<4 октября 1845. Москва>

Любезный друг, давно я не писал к тебе — и сам не знаю почему. И еще бы молчание мое продлилось, но сейчас писал к Киреевскому в ответ на его грустное письмо. Он болен. У него болит сердце. Вдруг как-то сильно захотелось написать и к тебе. Ты также болен, как я слышал. Чем? — не знаю. Но, может быть, это болезнь твоя прежняя. Горько слышать и там и тут о больных, и о каких же больных — которые мыслию своею и словом могли бы столько сеять добра на Русской земле. Неужели нет молитвы, которая бы вас исцелила? Неужели нет силы высшей, которая подняла бы и немощь духа вашего, и немощь тела? Есть она, есть она и всегда готова сойти на вас, да, видно, вы ее плохо призываете.

На твое большое письмо я не отвечал. Ты требовал решительного «да» на свое предложение. Я не мог тебе уступить насильно это «да» и вот почему не отвечал. Предложение твое о сумме, сбираемой с твоих сочинений, не могло быть мною исполнено по двум причинам. Первая — ты должен еще Аксакову. Книги продаются туго, и до сих пор еще не все ему заплачено. Между тем я знал, что Аксаковы нуждаются. Они даже на зиму переселились теперь в деревню по этой причине. Мне казалось несправедливым употреблять твои деньги на бедных студентов, когда еще не уплачен тобою долг человеку нуждающемуся. Языков — другое дело, конечно, подождет. Итак, вот первая причина. О другой говорить я теперь не стану, потому что лишнее, а поговорю с тобою тогда, когда уничтожится первая. Для этого уведомь меня, как велика вся сумма, которую ты должен Аксакову. Со времени твоего отъезда я переплатил ему за тебя, как значится в твоей расходной книге, 5605 р. асс. Сколько еще остается заплатить, уведомь. Когда я расплачусь за тебя с Аксаковым, тогда примусь

с тобою рассуждать о будущем назначении твоих денег. Пока же эта первая обязанность, тобою же на меня наложенная, не выполнена, о другом я говорить с тобою не буду, потому что не могу принять на себя исполнение такого дела, которое мне кажется противным справедливости.

Письмо твое, на которое отвечаю, так давно уже написано, что ты, предполагаю, забыл его содержание. Мне в нем особенно приятно теплое чувство дружбы, которым оно согрето, и порыв искренности, который в тебе я умею ценить. Несмотря на то, что это письмо было мне очень сладко, я не мог на него тотчас отвечать тебе. Ты сковал меня этим предложением, требованием «да» в том случае, когда я не мог дать его, и вот единственная причина, почему я не отвечал. Как я ни чувствовал, что надобно писать к тебе, как ни говорило мне сердце — стояло тут это твое грозное «да», на которое я не хотел сказать вдруг «нет», и вот переписка была нарушена.

Скажу тебе о себе с того времени. Я докончил публичный курс свой хорошо. Много пережил я в это время. Он мне самому был полезен, не столько в ученом, сколько в духовном отношении. Теперь я занимаюсь тем, чтобы положить то на бумагу, что говорил устно. Лето мы проводили около Москвы, в Астафьеве. Я отдыхал от трудов и отчасти занимался курсом. Семья моя, слава Богу, цветет. Катенька очень мила и нас утешает.

Погодин с честью и славой совершил дело, возложенное на него Симбирском. Он сказал похвальное слово Карамзину при открытии памятника. Теперь заботится о его редакции. Киреевский по болезни не мог продолжать, ко всеобщему сожалению, издание «Москвитянина», которого первые три номера были отличны. Он удалился в деревню. «Москвитянин» тянется теперь по-прежнему. Я занят большим своим делом и потому не могу в нем участвовать. Елизавета Григорьевна ездила нынешним летом в Крым и до сих пор еще не возвратилась. Этой поездки требовало ее здоровье. Свербеева недавно родила сына Дмитрия. Хомяковы в деревне. Он приезжал сюда на несколько дней, с открытием славян на Кавказе в IV веке, и опять уехал до порош и снега. Аксаковы уехали в деревню, как я тебе уже говорил, и живут около Троицы, в 50 верстах от Москвы. Вероятно, вызовет их диссертация Константина, которая подана в факультет и теперь читается. Он должен будет ее печатать и защищать. Хороший и большой труд, но во многом он был жертвою странного брожения мыслей. В филологическом отношении тут

много прекрасных вещей. Исторические взгляды и взгляды на народную жизнь и песню также весьма живые, светлые, новые. Но Гегель подпустил дыму, иногда и в мысль, а всего более в слог. Что делать? Я люблю душою Константина, несмотря на все его увлечения. Все в нем течет из такого чистого, прекрасного источника: душа сильная и благородная. Но фантазия преобладает в нем иногда и увлекает его туда, куда не следует. Тем он вредит и прекрасным своим мыслям. Ты знаешь, что он решительно бородой и зипуном отгородил себя от общества и решился всем пожертвовать наряду. Диссертация заставит его одеться иначе, но это будет на время только, как он говорит. Его дело было бы изучать народный быт, язык, песни, предания, пословицы. Но Гегель до сих пор всему мешает. Немцы напустили такого туману в эту славную русскую голову, что она до сих пор от того болит. Иван Аксаков развивает талант поэтический необыкновенный. Его «Зимняя дорога» прекрасна и стихом и мыслию. По нашей печатной литературной степи промчался только «Тарантас» Соллогуба, не без шума, но так скоро, что едва заметили. Интересы общественные сосредоточены около университета, который более и более привлекает внимание. Публичные лекции и диспуты у нас зрелища.

Молви словечко о себе. Будь здоров. Прощай. Обнимаю тебя. Жена и дети тебе кланяются.

Твой С. Шевырев.

Окт<ября> 4. Москва. 1845.

1021. В. А. Жуковскому

Рим. 28 октября <н. ст. 1845>.

Я в Риме. Передо мною опять Monte Pincio и вечный Петр. Здоровье мое от дороги и переезда поправилось значительно. Молитвы молившихся обо мне услышаны милосердным Богом. Ваше приятное и милое письмо мною получено. С Бутеневым я познакомился и, кажется, мы с ним сойдемся близко. Всем моим добрым друзьям я послал мой адрес, который я прилагаю и вам: Via de la Croce, № 81, 3 piano. Впрочем, вы можете адресовать прямо на имя посольства, что особенно нужно сделать, если случатся деньги. В Риме я нашел некоторых прежних приятелей и весьма милую сестру графа А. П. Толстого, графиню Апраксину. Все вести, заключенные в вашем письме, как о вас самих, так и о милой вашей хозяйке с прекрасными малютками, были мне

радостны. О франкфуртском уголке не жалейте;[1] спокойствие будет повсюду с вами, и в России вы будете радостнее, чем где-либо. Благодарю вас еще раз за ваше прекрасное письмо. От него дышит чем-то освежающим и бодрящим. Возношу от всей души Богу благодарственные мольбы за то, что здоровье Императрицы поправилось. Из Петербурга я имею утешительные вести о цесаревне. Она, чем далее, обворожает более и более всех. Понемногу открывается, что это сокровище, которым подарил Бог Россию. Государь ее любит более и более, а что всего важнее, наследник считает прекрасным тот вечер, который ему удается провести глаз на глаз с нею. Всё это, я знаю, вам слишком приятно услышать. Не забывайте меня и пишите. Обнимаю вас всею мыслию и душою, обнимаю таким же образом вашу супругу и всё ваше семейство.

Весь ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

Francfort sur Main.
Son excellence monsieur
monsieur Basile de Joukoffsky.
Francfort s/M. Saxsenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

1022. А. О. Смирновой

<27–29 октября (н. ст.). 1845. Рим>

Октября 27. Рим.

Я получил ваше письмо, писанное от 19 сентября из Петербурга (так должны всегда начинаться наши письма, еще один раз вас о том прошу). Благодаря вас за всё, моя добрая Александра Осиповна, за ваши прекрасные новости, особенно о цесаревне, я приказываю вам не грустить. Во имя Бога повелеваю вам это. Позабудьте о себе, как бы вас и не было вовсе на свете; помышляйте и думайте только о других. Когда перед нами страждут и вопиют о помощи, грех помышлять о своих недугах и не лететь на помощь. Все,[2] что ни вокруг вас, суть больные, и, если всмотритесь пристально, всяк требует вашей помощи. Вся Калуга будет лазарет ваш. Если ж придут такие минуты, в которые вы будете с одною собою, будьте в это время с Богом, а не с собою: молитесь. Если ж вам не молится, учите буквально наизусть, как школьный ученик, те псалмы, которые я вам дал, и учите<сь> произносить

[1] *Далее начато:* если пр<идется>
[2] больные все вокруг вас

их с силою, значеньем и выраженьем голоса, приличным всякому слову. Если почувствуете, что вы устали от занятий и дел, и услышите приход тоски даже и в Калуге, не оставайтесь на месте, но отправляйтесь тот же час на неделю в Москву или в Петербург. Это вас освежит, и вы с новыми силами возвратитесь в Калугу. Часа, посвященного мне, не забывайте. Теперь вам нужно будет почти каждый день назначить для меня собственно несколько минут, в которые могли бы записать всё, что ни делается с вами. Мне нужен подробный журнал, как ваш, так и того, что *вокруг вас.* Не забывайте также благодарить Бога сильно за тоску и грусть, которые вам были даны.[1] Вы еще не знаете им цены, но благодарите вперед *на веру,* зная только то, что всё, что ни дается нам, дается во благо. После вы узнаете смысл всего и подивитесь необъятной бездне Божией премудрости. О прочем всем до следующего письма!

Обнимаю вас мыслью и душой моей.

Ваш Гоголь.

Адресуйте или в посольство (которое довольно ко мне благосклонно), или на мою квартиру, Via de la Croce, № 81, 3 piano.

<*На обороте:*>

Александре Осиповне Смирновой.

1023. Графине А. М. Виельгорской

29 октября <н. ст. 1845>. Рим.

Едва я получил ваше письмо, добрый друг мой Анна Михайловна (от 21 сентября), как вслед за ним пришло другое, от Жуковского из Франкфурта, писанное от 28-го августа. Благодарю от всей души Бога за то, что у вас всё хорошо и что Бог внушает вам так действовать умно, как вижу из вашего письма. Не позабывайте, повторяю вам вновь, того, которого я вам поручил. Вы будете ему нужны, особенно теперь, по возвращении его. Начало, сделанное вами, прекрасно, и слова, которые вы ему сказали, именно те, которые нужны. Да встречает он в вас нежную душу сестры и твердый взор верующей в Бога, да дышит от ваших слов надежда несокрушимая и укрепленье — Бог вам помогает, в том не сомневайтесь. Имейте только Его, Всемогущего, в своих мыслях присутствующим несомненно и произносите ваше слово, как бы имели Его Самого об руку вашу, а без

[1] которая вам была дана

Него не произносите вашего слова. И будет слово ваше разумно и облечется силою, вам неведомою. А пока молитесь заблаговременно о том, чтобы было так. Я рад также тому, что вы ближе и ближе сходитесь с Софьей Миха<й>ловной и что она в вас видит свою потребность душевную. Ей вы много можете сделать добра и в ее собственном положении, и в воспитании детей, и во многом прочем. Вам нужно будет также сойтись и непременно поближе с Марие<й> Алекс<андровной>: всё, что ни слышу я о ней, говорит о многих сокровищах, в ней заключенных, за что должны[1] также благодарить Бога. И вы ей, и она вам может быть очень полезна. Александре Осиповне передайте это письмецо, которое, если она прочтет,[2] помолившись сильно Богу, то я уверен, что грусть ее минет, как тень от скоропреходящего облака.[3] Она, вероятно, уже в Калуге; если так, то письмо ей перешлите туда немедленно. Она вам всем очень, очень благодарна за все ваши ласки и дружбу, оказываемую ей в *Павлине,* и, не умея ничем выразить своей признательности, просит, бедненькая, меня сказать вам это. Но я, вместо слов с моей стороны, выписываю вам строки ее самой из письма ее, которые вы передайте маминьке и Софье Михайловне: «Из Павлина меня отпустили с сожаленьем; не умею вам пересказать, сколько я им благодарна за милые их ласки; я не умею никак благодарить; есть слова, которые похожи на комплименты, я их не терплю. Прошу вас, когда вы будете писать им, передать им всю мою благодарность». О себе скажу вам, моя добрая Анна Миха<й>ловна, что Бог ко мне бесконечно милостив, чему, без всякого сомнения, способствовали не мои грешные молитвы, но молитвы молившихся обо мне, которых всех, а в том числе и вас, благодарю всею благодарностью души моей. Я чувствую себя после дороги лучше; климат римский, кажется, по-прежнему благосклонствует ко мне. И милосердный Бог, может быть, вновь воздвигнет меня на труд и подаст силы и высшую всего на свете радость служить Ему. Поцелуйте Софию Миха<й>ловну, обнимите вашу маминьку и прощайте до следующего письма.

Ваш Гоголь.

Адресуйте или в посольство, или на мою квартиру: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

1 мы должны

2 *Далее начато:* и

3 *Далее начато:* Она очень, очень благодарна за все ва<ши>

<*На обороте:*>

S. Pétersbourg. Russie.

К ее сиятельству графине Анне Михайловне Вьельгорской.

С. П. Бург. На Михайловской площади в доме графа Вьельгорского.

1024. Графине С. М. Соллогуб

<Лето–октябрь 1845. Рим>

Здравствуйте, миленькая моя сестрица! Правда ли то, что вы уже несколько раз бросили копейку нищему? Мне, по крайней мере, так сказала Анна Миха<й>ловна. Не оттого ли мне часто было так легко и светло на душе, когда вспоминал об вас? Благодетельствуйте и вперед. Вы много можете сделать. Помогайте также и другим понемногу, особенно тем, которых вы увидите в унынии: тут вы можете помочь, потому что бывали сами в унынии и знаете, что такое уныние. Вы можете даже проще всех нас помогать в сем случае и на это одни только имеете право. Помогите особенно Александре Осиповне, когда увидите ее в хандре. Погрозите ей только вашим пальчиком и скажите, что вы запрещаете ей быть в хандре и чтобы она сию же минуту рассмеялась; но скажите это твердо, и хандра вмиг исчезнет. Напишите мне о вашем собств<енном> душевном состоянии, о беби, о В<ладимире> А<лександровиче> и о прочем хотя два слова. А нищего все-таки не забывайте. Усмехнитесь же немножко таким образом, как я люблю.

Прощайте, сестрица вовеки и всюду.

Брат ваш Г<оголь>.

Расскажите мне также какую-нибудь сказочку.

<*На обороте:*>

Софье Миха<й>ловне.

1025. О. Сем. и С. Т. Аксаковы — Н. В. Гоголю

1845. Октября 9-го. <Абрамцево>.

Слава Богу! Мы получили известие от вас, что вам хотя немного лучше, что вы едете в Рим, а в Риме вы всегда бывали здоровее и бодрее, нежели в этой Германии. Когда вы были в Карлсбаде, я надеялась, что вы решитесь приехать в Россию, что мы увидим вас, *всем* уже тяжело становится не видеть вас четвертый год. Да внушит вам Господь мысль возвратиться скорее

на родину, в Россию, где много людей, которые любят вас всею душою горячо, так, как вы никого не найдете в Европе, чтоб вас так любили, вы это знаете сами. Мы переехали жить в деревню, в четырнадцати верстах от Троицы, место святое. Филарет устроил скит, куда не пускают женщин; кто расположен молиться в уединении, тот вполне может. Оленька наша менее теперь страдает, но совершенного выздоровления она, кажется, не может получить; лекарства все оставлены; одно чудесное и видимое милосердие Божие ее спасает. Константин с нами, ожидает, когда прочтут его диссертацию профессора. Гриша во Владимире <*1 нрзб.*> хорошая. Иван переехал в Калугу, где нетерпеливо ожидает приезда Алекс<андры> Осип<овны>.

Вот вам коротенький отчет о семье нашей, милый друг наш Николай Васильевич. Сколько могу и умею, молюсь о вас. Пишите к нам, обнимаю вас.

<*Приписка С. Т. Аксакова*>

Здравствуйте, милый друг Николай Васильевич! Я получил вашу записочку через Языкова, прочел также ваше письмецо к нему и знаю, что вы писали к Александре Осиповне, с которой я, к душевному моему удовольствию, познакомился заочно и даже переписываюсь. Мой Ваня служит в Калуге и живет в совершенном пустынном сиротстве: А<лександра> О<сиповна> заранее предлагает ему свой дом как родной, как *его собственный* (так она выражается). Я увижу эту необыкновенную женщину в проезд ее через Москву и нетерпеливо ожидаю этого свидания. Мне очень хочется сохранить ее образ в моей памяти в числе немногих утешительных воспоминаний, и я не хочу пропустить этого случая: ибо слепота моя приближается.

Молю Бога, да подкрепит Он ваше здоровье. В глубине души моей живет отрадное убеждение в полном вашем восстановлении. Еще дело не сделано, не кончено, и делатель не должен погибнуть... Долгое и трудное поприще вас ожидает!.. Констан<тин> мой меня сокрушает: он бездействует в лютой хандре (это между нами). Обнимаю вас крепко и горячо: сердце мое еще молодо!

Ваш друг С. Аксаков.

1026. А. П. Бутенев — Н. В. Гоголю

Понедельник 15/27 окт<ября 1845 г. Рим>.

Не застав уже вас, почтеннейший Николай Васильевич, в Hotel Cesari, где никто не умел означить мне новую вашу

квартиру, спешу письменно бить челом и просить у вас прощения в непонятной для меня самого рассеянности моей, которая допустила меня два дня задержать прилагаемое при сем письмо к вам от Василия Андреевича, мною еще до прибытия вашего полученное. Надеюсь, что вы держитесь старинной нашей пословицы: «повинную голову и меч не сечет». Прошу вас применить и к невольному промаху вас искренно уважающему

покорнейшего слуги

А. Бутенева.

1027. С. Т. Аксакову

<29–30 октября (н. ст.) 1845. Рим>

Рим. Октяб<ря> 29.

Уведомляю вас, добрый друг мой Сергей Тимофеевич, что я в Риме. Переезд и дорога значительно помогли; мне лучше. Климат римский подействует, если угодно Богу, так же благосклонно, как и прежде. А потому вы обо мне не смущайтесь и молитесь. Уведомьте об этом также и маминьку мою. Я хотя и написал к ней письмо сей же час по приезде в Рим и к ней первой, но вообще за письма мои к ней я сильно беспокоюсь. Двух или трех писем моих *сряду* она не получила. Два из этих писем были очень *нужны*. Это для меня неизъяснимо. Пропасть на почте, пожалуй, еще может одно письмо, но *сряду* два, писанные одно за другим, — это странно. У маминьки есть неблагоприятели, которые уже не раз ее смущали какими-нибудь глупыми слухами обо мне, зная, что этим более всего можно огорчить ее. Подозревать кого бы то ни было грешно, но всё не худо бы об этом разведать каким-нибудь образом, дабы узнать, как руководствоваться вперед; последние письма я даже не смел адресовать прямо на имя маминьки,[1] но адресовал на имя одной ее знакомой, С<офьи> В<асильевны> Капнист. Письмо, однако же, из Рима было послано[2] на ее собственное имя. Оно отдано мною здесь на почту 25 октября здешнего стиля. Об этом прошу вас, друг мой С<ергей> Т<имофеевич>, уведомить маминьку немедленно или поручить кому-нибудь из ваших, кто с ней в переписке.

О себе, относительно моего здоровья, скажу вам, что холодное леченье мне помогло и заставило меня, наконец, увериться лучше всех докторов в том, что главное дело в моей болезни были

[1] прямо к м<аменьке>

[2] я адресовал

нервы, которые, будучи приведены в совершенное расстройство, обманули самих докторов и привели было меня в самое опасное положение, заставившее не в шутку опасаться за самую жизнь мою. Но Бог спас. После Греффенберга я съездил в Берлин, нарочно с тем, чтобы повидаться с Шёнлейном, с которым прежде не удалось посоветоваться[1] и который особенно талантлив в определении болезней. Шёнлейн утвердил меня еще более в сем мнении, подивился докторам, пославшим меня в Карлсбад и Гастейн.[2] По его мнению, сильней всего поражены были у меня нервы в желудочной области (в так называемой системе nervoso fascoloso), одобрил поездку в Рим, предписал вытиранье мокрой простыней всего тела по утрам, всякий вечер пилюлю и две какие-то гомеопатические капли поутру, а с началом лета и даже весной — ехать непременно на море, преимущественно северное, и пробыть там, купаясь и двигаясь на морском воздухе, сколько возможно более времени, — ни[3] в каком случае не менее трех месяцев. Затем, обнимая как вас, так и всё ваше милое семейство, остаюсь

ваш Гоголь.

Адресуйте письма так: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.
В Троицкий Посад.

1028. Н. Н. Шереметевой

Окт<ября> 30 <н. ст. 1845. Рим>.

Уведомляю вас, добрый друг мой Надежда Николаевна, что я приехал в Рим благополучно. Молитвы молившихся обо мне услышаны милосердным Богом: мне гораздо лучше, и не нахожу слов, чем выразить Ему благодарность. Все было во благо: и страдания и болезни[4]. А вас благодарю также, моих грешных молитв недостало бы. Молитесь же, друг мой, теперь о том, чтобы вся жизнь моя была Ему служение, чтобы дана мне была высокая радость служить Ему и чтобы воздвигнуты были Его всемогущею десницею во мне силы на такое дело.

Адрес мой в Риме: Via de la Croce, № 81, 3 piano. Впрочем, вы можете по-прежнему прилагать ваши письма при письмах

[1] вид<еться>
[2] *Далее начато:* Подкре<пил>
[3] и ни
[4] *Далее было:* как все, что ни исходит от Него

Языкова и Аксакова. Будьте здоровы душевно и телесно́. Христос с вами!

Обнимаю вас мысленно. Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

1029. Н. М. Языкову

Рим. 30 окт<ября н. ст. 1845>.

Уведомляю тебя, что я в Риме, куда приехал благополучно. Дорога меня поправила значительно, и хотя не могу еще сказать, что стал совершенно на ноги, но по крайней мере питаю надежду. Слабость и запоры, которые произвел во мне Карлсбад, подействовавший на меня совершенно противоположно, отчасти прогнаны холодной водой, отчасти остаются. Но оставим все эти гадости, надоело говорить о себе. Из письма, при сем приложенного, к Сергею Тимоф<еевичу> узнаешь остальное о моих недугах: мнение Шёнлейна и весь лечебный маршрут, мне предстоящий. Надеюсь на Бога, на Рим и на питательный здешний воздух. Адресуй письма в Via de la Croce, № 81, 3 piano. Уведомля<й> почаще и побольше о себе, о нынешнем состоянии своем душевном, о наших близких и о всем, что ни движется вокруг тебя, всё это мне нужно, и прощай до следующего письма.

Твой Г<оголь>.

Уведоми о Смирновой, если она уже проеха<ла> Москву. Надежде Ник<олаевне> отдай при сем прилагаемое письмецо. Иванов и Иордан здравствуют и тебе кланяются.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.
Николаю Михайловичу Языкову.
В Москве. На Кузнецком мосту, в доме Хомякова.

1030. Графу А. П. Толстому

Октябрь 31 <н. ст. 1845. Рим>.

Что с вами делается, бесценный Александр Петрович? и отчего до сих пор от вас ни строчки? Я справлялся и на почте, и в посольстве… а между тем я думал, что тот же час по приезде в Рим найду от вас письмо. О себе скажу, что дорога мне сделала пользу. Рим и общество, которое я здесь нашел, в числе которого

ваша сестрица (с которою я, разумеется, сей же час познакомился), — всё это подействовало хорошо на дух мой, и хотя я еще не осмотрелся, не уселся плотно и ничего еще не начинал доброго, но надеюсь на милость Божию, что она оживит меня вновь охотой и ревностью к труду, для которого, как известно, призван со времени своего грехопаденья человек и без которого ему тоска. Вы, без сомнения, уже знаете, что Государь в Палермо. Говорят даже, что он будет в Рим на два дни, вследствие этого много русских проезжает через Рим. Я видел пока еще весьма немногих. Бутенев отправился вчера в Палермо; я не видал его перед его выездом, известно только то, что он вызван туда Государем. Ваша сестрица вам уже писала письмо, вероятно, с самым убедительным приглашением ехать в Рим. Я же для вящего к тому соблазну вашему скажу только, что здесь не осень, а лето, все в летних панталонах, а народ без курток. Солнце просто голубит своею теплотою и дышит материнскою любовью ко <всем> здесь пребывающим людям. Таковых дней, каковы здесь постоянно весь месяц (ни одного еще дни не было дурного, или дождливого, или холодного), мы не видали ни разу в Грефенберге. Солнце и солнце, а воздух — сущая благотворность и благодеяние. В течение двух недель[1] все русские, приехавшие в Рим проездом, разъедутся, и Рим останется наполнен только теми, которых вам приятно видеть. Впрочем, и теперь нет никого из тех ваших знакомых, с которыми вы бы хотели не видаться. Прилагаю к вам письмо от вашей сестрицы, которая, узнав, что я пишу к вам, присовокупляет от себя несколько строк и некоторое письмо, по словам ее, для вас интересное. Ожидаю от вас отклика, временю известиями о прочем и спешу отдать на почту сие небольшое передовое послание. Ради Христа, не молчите, но пишите. Адресуйте в Via de la Croce, № 81, 3 piano. Можете прибавить еще для большей точности: palazzo Poniatoffsky. Графине передайте мой душевный поклон.

Весь ваш Гоголь.

<На обороте:>

Paris.
Son excellence monsieur le comte Alexandre de Tolstoy.
a Paris, rue de la Paix, № 9. Hotel Westminster.

[1] В течение месяца

1031. Графиня С. М. Соллогуб — Н. В. Гоголю

С. Петербург — 21-го окт<ября> 1845.

Спасибо вам за последнее письмецо ваше, любезный Николай Васильевич! Оно маленькое, но многозначащее для меня. Вы порадовались моею радостью, и это еще больше увеличило чувство счастья моего. Как достойно поблагодарить вас за то? Одно участие ваше для меня драгоценно. Александр Владимирович здоров; у него большие голубые глаза, приятная улыбка, соллогубовский нос; он очень бледен,— вероятно, от недостатка солнца и света. Беби так выросла и похорошела, что вряд ли вы ее узнаете. Она теперь говорит по-русски и становится умнее; чрезвычайно любит брата и беспрестанно ласкает его. Мы спокойно, мирно и счастливо живем все вместе. Главный центр семейства у маменьки. По воскресеньям мы все у нее обедаем. Владимир Александрович все лето сочинял и писал. Он издает теперь три новые повести, изображающие три эпохи светской женщины. На днях будут представлять новую комедию его, «Букеты»,— критика цветострастия нашей публики. Я перевожу теперь с сестрой английскую книгу о воспитании и сама намерена сочинять для Софьи Владимировны. Что вы об этом думаете? У нас большой недостаток в детских книгах, и те, которые существуют, переведены или с немецкого, или с английского. Александра Осиповна уехала 21-го. Она была очень расстроена и много плакала. Мы обещались друг другу писать. Я надеюсь, что она найдет и Калуге если не счастье, то по крайней мере спокойствие. А вы что делаете, любезный Николай Васильевич? Каково ваше здоровье и расположение духа? Что делается в Риме? Вы, верно, наслаждаетесь еще теплым воздухом и сверкающим солнцем, а у нас начинает порядочно морозить. Анна Михайловна здорова и весела. Elle a beaucoup gagne depuis un an et travaille enormement sur elle-meme. Мне случается иногда смущаться, но я тогда думаю о милом братце моем и стараюсь успокоиться.

Прощайте, любезный друг мой. Обнимаю вас от души и молю Бога о вас. Да сохранит и да укрепит он вас. Муж мой кланяется вам.

С<офья>.

1032. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Москва, 30-го октября 1845 г.

...Со временем вы узнаете от меня целый ряд тайных душевных происшествий, которые сильно подействовали на все мое

существование и заключили, конечно, на веки страстную жизнь сердца моего. Вам это надобно знать, потому что вы не чужды всему случившемуся; имя ваше произносилось часто, ежедневно с одинаковым душевным участием, с одинаковою благодарностью за ваше доброе влияние, вы были тут неотлучно и осеняли все, всякое слово, движение — освещали его. Рассталась я без страха, упреков и раскаяния, несмотря на тяжкую, очень тяжкую скорбь; встречу всегда с радостью и уверенностью, что время и разлука не устранят ничего.

Мне встретилась душа живая, чистая, полная любви ко всему прекрасному, которая сама сторожит за собою, как за сокровищем, и боится не только утраты, но даже ослабления своих святых чувств и убеждений. Мне встретился и ум светлый, все понимающий, все наблюдающий, разум высокий, строгий судья самого себя.

Мне встретилось все, что даже и в светском человеке необходимо. Природа щедро одарила, даже и общественным положением, даже и красотой, это прекрасное существо, под влиянием которого не только не потрясено вами побужденное во мне чувство, но даже его и подкрепило. Несмотря на это доброе влияние, в душе моей была сначала сильная буря, в ней пробудились старые страстные порывы, — колебалась — волновалась вся; но, наконец, восторжествовало все; и убеждение, что жертвою искупится жизнь прошлая и грешная, опять вошло в душу и рассталась я с грустью, но с благодарностию. Хороша, тепла еще эта душа — и верит и любит — и да сохранит ее Господь вечно в своей красоте. Где и когда мы свидимся, мне неизвестно; знаю только, что встретимся, как братья. Вас, любезный друг мой, должна я благодарить много, и часто ежедневно вас благодарили, благословляли и любили нежно, как родного брата. Чрез три дня отправляюсь в Калугу; дети уже вчера уехали со своим причтом. У меня кое-какие делишки, да и кое-кого надобно увидеть; поджидаю Сергея Тимофеевича из деревни; сына его в терлике и мурманке еще не видела. Вчера встретилась с Хомячком у Мещерских; тут Андрей Карамзин болен, и мать его, и Александр тут. Тут и Тургенев, все та же милая болтунья. Как мил Хомячок, как прелестно болтлив, как детски добр, какой у него голосок, это пташка, сладко поющая. К сожалению, он завтра едет. Спасибо вам, и мне теперь живее чувствуется душа в каждом человеке. Съезжу к Н. М. Языкову. Если бы мне можно было долее остаться, то непременно бы познакомилась с Свербеевой и Елагиной; теперь

возобновила с старыми знакомство. Сегодня еду к митрополиту с княжной Цицияновой; ведь вы знаете, что она со мною отправляется в Калугу; она девушка умная, живая и веселая, несмотря на все горести, через которые прошла. Она мне очень по сердцу, мы плачем и смеемся вместе; она все понимает и любит меня. Потом съезжу с ней в Троицу помолиться и повидаться с Голубинским.

А отчего вы, друг мой сердечный, замолкли; в Риме, в посольстве, лежит длинное письмо к вам.

Пишите ко мне прямо в Калугу, не забудьте уведомлять, что у вас толкуют о царях и каков наш ангел Императрица. Ведь я не имею никаких сношений с придворными и с двором, кроме моих личных сношений с царями. Их я люблю, как любят отца и мать. Напишите же о них, да скажите, с кем вы видаетесь, кто у вас по душе и сердцу в Риме. Итак прощайте до Калуги, неоцененный друг мой. С Софьей Михайловной Сологуб мы расстались нежно, со слезами. Это голубушка моего сердца; сейчас буду ей писать. Не хандрите, вот и я грущу, но не так уже хандрю. Хомяков кричит: «Иерусалиме, Иерусалиме для Гоголя». А что «Мертвые Души»? Я за вас тут вцепилась с симбирским губернатором Булгаковым, уж он сам так и лезет в мертвые души; видно, узнал себя злодей в какой-нибудь гадости. Говорит, что вы хохол: так что ж? и я хохлачка, мы с вами росли на галушках и варениках и не хуже Булгакова. Да что такое хохол? Хохол умен, песни поет прекрасно, ленив, обманывает не хуже русского и, притом, еще помнит... Его менее *дубасили* и это значит что-нибудь. Итак прощайте, милый мой хохол с пiд Пултавы, ваша от души с благодарностию.

Если к вам будет писать Самарин из Петербурга: отвечайте ему и не дичитесь с ним.

1033. С. П. Шевыреву

<20–25 ноября (н. ст.) 1845. Рим>
Рим. Ноябрь 20.

Письмо твое от четвертого октября я получил уже в Риме, где теперь нахожусь. Бог еще раз спас меня, когда я уже думал, что приближается конец мой. Теперь мне несравненно лучше, хотя слабость и изнуренье сил еще не прошли. Письмо твое было мне приятно и с тем вместе грустно. Киреевский болен также. Ты говоришь: «Неужели нет молитвы, которая бы могла вас спасти?» и отвечаешь: «Она есть, но вы плохо ее призываете». Один Бог

может знать,[1] кто как молится. Но если определено Его святой волей кому-нибудь из нас страдать, то да будет Его святая воля! И если Его святой воле угодно, чтобы моя жизнь или жизнь кого другого, которому бы следовало принести много добра на Руси, была снесена с лица земли, то,[2] верно, это лучше, чем если бы она длилась, и не нашим малым умом судить об уме великом. Меня смутило также известие твое о Константине Аксакове. Борода, зипун и проч... Он просто дурачится, а между тем дурачество это неминуемо должно было случиться. Этот человек болен избытком сил[3] физических и нравственных; те и другие в нем накоплялись, не имея проходов извергаться. И в физическом и в нравственном отношении он остался *девственник.* Как в физическом, если человек, достигнув 30 лет, не женился, то делается болен, так и в нравст<венном>. Для него даже лучше <бы> было, если бы он в молодости своей, по примеру молодежи, ходил раз, другой в месяц к девкам. Но воздержанье во всех рассеяниях жизни и плоти устремило все силы у него к духу. Он должен был неминуемо сделаться фанатиком, так я думал с самого начала. Благодарю тебя за теперешнее известие о нем. Я напишу к нему: он от меня иногда выслушивал те горькие истины, которые от других не хотел выслушивать. Может быть, Бог вразумит и меня дать совет ему, и его — извлечь из моего совета для себя полезное. Что же касается до диссертации его, то, еще не читая ее, советовал ему не подавать ее, даже уничтожить ее вовсе, напечатав из нее одни только отрывки, как отдельные статьи.[4] Известие твое о таланте Ив<ана> Аксакова меня порадовало, и я пожалел, что ты не прислал мне его стихов.

Наконец я тебе сделаю упрек: ты заговорил о том предмете, о котором я просил во всю жизнь мою никогда мне не говорить. Ты позабыл содержание моего письма, говоря, что я требовал решительного *да* на мое *предложение.* Не предложение я послал к вам на *решение.*[5] Я просил только во имя дружбы выполненья моего решенья, моего обета, данного Богу. Именем дружбы и всего святого просил я одного только *да.*[6] И не ожидал такого ответа. Нужно было хотя каплю веры или хотя тень доверия

[1] знать то
[2] то не нашим
[3] *Далее начато:* и телесными
[4] места
[5] *Далее начато:* Во глубине души моей был
[6] *В подлиннике курсива нет.*

иметь ко мне. Без них не может существовать никаких отношений. Зачем же спешить так скоро заключеньем и называть мою просьбу нелепой и несправедливой, когда я слишком ясно, как здесь, так и в других местах, сказал, что половины причин моих я не могу сказать. Зачем же думать, что я лгу? Зачем, потому только, что уму твоему показалось[1] глупым, называть глупым дело того человека, который всё же не признан тобою за глупого человека? Зачем такая гордость и такая уверенность в уме своем, будто бы он обнял уже все стороны? Мне было горько, слишком горько всё это. Знаю только то, что я бы не поступил так, и если бы у меня потребовал кто святым именем дружбы выполнить то, чего выполнить требует сама душа его, и молил бы <об> этой просьбе, как молит умирающий о последнем своем желании, я бы выполнил ее, молясь только Богу о том, как лучше и умней ее выполнить, и если бы еще при этом потребовал он от меня веры к себе,[2] и ради самого Христа потребовал бы веры к себе, никаким бы я не предавался тогда рассуждениям, и хотя бы ум мой и признавал кое-что неблагоразумным, я бы выполнил эту просьбу и выполнил бы ее честно, как святыню, моля Бога только о том, чтобы помог Он мне ее выполнить.

И к чему эти толки о том, что тому и тому нужно прежде уплачивать? Будто я уже ребенок и не взвесил ничего прежде! Во-первых, Аксаков (которому за уплаче<нными> тобою 5605 р. осталась безделица) не возьмет ни копейки из этих денег, если бы даже оставалась и не безделица, и если бы он сам находился в несравненно затруднительнейшем состоянии, чем теперь, во-вторых... Но зачем об этом толковать, когда тут можно сказать еще в-третьих, четвертых, в-пятых и даже в-шестых? Довольно, если совесть меня не упрекает в моем поступке и если внутренний голос требует, чтобы я так поступил. Если ж тебе тяжело выполнить мою просьбу,[3] сдай всё дело Аксакову. Бог ему поможет выполнить ее. Но ради самого Христа, с этих пор мне ни слова об этом деле. Ответит мне Аксаков. Я еще не совсем освободился от моей болезни, а ответ твой сокрушил меня; а чтобы тебе сколько-нибудь было это понятно, скажу тебе только, что причиной самой болезни моей было отчасти душевное[4] потрясенье

[1] не увид<елось>
[2] *Далее начато:* я бы не стал
[3] выполнить всё
[4] сильное душевное

и сокрушенье, в котором сыграл также роль и бедный Погодин,[1] которому судьба наносить неумышленно горчайшие оскорбления всем тем, которые имеют или слишком нежную и чувствительную душу, или которых Бог еще не укрепил достаточно для подобных битв. Но это да останется втайне между нами; об этом ни слова Аксакову и никогда — Погодину.

Теперь о тебе. Я прочел отрывок из нынешних твоих лекций, напечатанный в 1-м номере нынешнего «Москвитянина», отрывок, служивший как бы проспектом и указанием на то, чем[2] должны быть твои лекции. Прочитавши его, я благодарил Бога, благословившего тебя. В этом отрывке ты вовсе другой, чем был доселе; в нем всё полно и каждое слово полновесно. Слышен человек, созревший и разумом и душой, и сам дух Божественный, изгоняющий всё лишнее, неуместное и пристрастное, в нем слышится. Скажу тебе, что после него становишься[3] еще светлей насчет будущего, и верится тому, что всё, что ни должно сказаться миру, будет сказано, хотя бы смерть и унесла[4] кого-нибудь из тех, который бы мог сказать. В другой, может быть, форме, но возвестятся те же истины. Затем прощай!

Твой Г<оголь>.

<25 ноября (н. ст.)>

Я еще устаю и не могу писать[5] писем так обстоятельных и длинных, как бы хотел, а между тем ко многим писать даже необходимо. Передай здесь прилагаемые Аксакову и напиши мне обстоятельно его адрес. Мой же адрес: Via de la Croce, № 81, palazzo Poniatowsky, 3 piano.

1034. С. Т. Аксакову

Рим. 25 ноября <н. ст. 1845>.

Письмо Шевырева меня огорчило. Он заговорил вновь о том, о чем я просил, как о деле конченном, никогда не говорить мне. Вы меня все-таки больше знаете (вы утвердили обо мне свое мнение не из дел моих и поступков, а благородно поверили мне в душе своей, почувствовавши той же душой, что я не могу обмануть, не могу говорить одно, а действовать иначе); словом,

[1] сыграл важную роль бедный Погодин
[2] что
[3] я стал
[4] и унесла из нас того, который уже возгорелся
[5] много писать

вы меня все-таки больше знаете, а потому объясните Шевыреву, что всё то, что я уже положил и определил в душе своей и произношу твердо, то уже не переменяется мною. Это не упрямство, но то решение, которое делается у меня вследствие многих обдумываний. Если ж он найдет исполнение моей[1] просьбы несообразным своим правилам, то пусть передаст всё в одни ваши руки. А вас прошу тогда выполнить, как святыню, мою просьбу. Не смущайтесь затруднительност<ью>: Бог вам поможет. Помните только то, что деньги не для бедных студентов, но для бедных, слишком хорошо учащихся студентов, для талантов. Имя дающего должно быть навсегда скрыто, потому что у талантов чувствительней и нежней природа, чем у других людей. Многое может оскорбить <их>, хотя и не кажущееся другим оскорбительным. Когда же дающий скрыл свое имя — дар его[2] примется твердо и смело, благословится во глубине благодарной души его неизвестное имя, ибо тот, кто скрыл свое имя, верно, не попрекнет никогда своим благодеянием и не напомнит о нем.[3] Не заботьтесь о том, что книга идет туго, не хлопочите о ее распространении и берегите только экземпляры. Она пойдет потом вдруг; деньги тоже пока не нужны: таланты редки и не скоро один после другого появляются. Нужно только, чтобы ни одна копейка не издержалась[4] на что-нибудь другое, а собиралась бы и хранилась бы, как святая: обет этот дан Богу. Объявите также Шевыреву, сколько я вам остался должен. Не бойтесь, я вам не заплачу этих денег, потому что я взял у вас их таким образом, как бы взял из моего собственного кармана. Но Шевыреву нужно объявить: он, кажется, подозревает, что я вам должен гораздо больше. Хотел было попенять вас за то, что пишете весьма мало о Конст<антине> Серг<еевиче>, но вижу в то же время, что это более следует сделать ему, нежели вам; до меня доходят только временами *слухи*, которые, как известно, даже и тогда бывают нелепы, когда бывают основательны. Передайте ему это маленькое письмецо и пришлите мне что-нибудь из стихов Иван<а> Сергеев<ича>. Мне хвалили очень его «Зимнюю дорогу». Пришлите ее и всё то, что ни было им написано в последнее время. Прилагаю вновь письмо к маминьке и вновь прошу вас переслать к ней; я всё еще

[1] это<й>

[2] дар такой

[3] *Далее начато:* Если вам что-нибудь захочется иметь в пояснение сей инструкции, то при случае и пр<и>

[4] не издержалась бы

боюсь пропажи писем. Ольгу Семеновну благодарю много за ее милую приписку. Здоровье мое хотя и стало лучше, но всё еще как-то не хочет совершенно устанавливаться. Чувствую слабость и, что всего непонятнее, до такой степени зябкость,[1] что не имею времени сидеть в комнате: должен ежеминутно бегать согреваться; едва же согреюсь и приду, как вмиг остываю, хотя комната и тепла, и должен вновь бежать согреваться.[2] В такой беготне проходит почти весь день, так что не имеется времени даже написать письма, не только чего другого. Но о недугах не стоит, да и грех говорить: если они даются, то даются на добро. А потому помолитесь и всю вашу семью попросите помолиться, и все, кто ни молились обо мне, да помолятся вновь, да обратится всё в добро и да пошлет Господь Бог попутный ветр моему делу и труду. Затем прощайте, обнимаю вас!

Ваш Г<оголь>.

Адрес мой: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

<*На обороте:*>
Сергею Тимофеевичу Аксакову.

1035. К. С. Аксакову

<25 ноября (н. ст.) 1845. Рим>

Пишу к вам и с тем вместе посылаю мою убедительнейшую просьбу, мой добрый и мною любимый искренно Конст<антин> Сергеевич! Ко мне дошли слухи, что вы слишком привязались к некоторым внешностям,[3] как-то: носите бороду, русский кафтан и проч. Это, как водится, истолковывают в неблагонамеренном духе и в виде самом неблагоприятном для вас. Я слишком понимаю, в каком значении вы носите это, и дай Бог побольше Государю таких истинно русских душ и таких верных подданных,[4] каковы вы. Я сам питаю отвращение к нашему обезьянскому европейскому наряду и глупому фраку и чувствую, что скоро мы все начнем носить наш наряд; но знаю, что до времени от многого следует воздержаться и наложить на себя самого запрет. У нас, в русском царстве, или, лучше, в сердце тех людей, которые составляют *истинно-русское царство,* водится так, что царь — глава, и[5]

[1] зябкость, которой никогда не ощущал так
[2] *Далее начато было:* и
[3] к разным некоторым внешностям и к мелочам
[4] *В подлиннике:* потданных
[5] и что

только то, что передастся[1] через него и из его уст, то облекается в законность. Он первый подает знак[2] — и всё вмиг облечется и во внешнюю Русь, не только во внутреннюю. А что он медлит, на то он имеет законные причины, и мы должны терпеливо дожидаться. А потому я вас прошу убедительно и сильно, как только может просить вас больной человек, у которого уже немного сил, исполнить мою просьбу: не быть отличну от других своим нарядом и не отделять себя[3] от общества, с которым вы должны быть еще связаны, и подумать слишком о той добродетели, которой у всех нас слишком мало; добродетель эта называется смирение.

Искренно и много вас любящий

Н. Гог<оль>.

Еще вас прошу об одном: вы слишком увлекаетесь красотой тех мыслей, которые к вам приходят,[4] но еще не всё умеете живо чувствовать, умеете живо, ясно передавать (я говорю о ваших писаньях). Там у вас много-много лишнего и многословного. Изберите себе какого-нибудь строгого и неумолимого литературного судью, который бы крестил и марал у вас безжалостно целые страницы. Это жестоко, но спасительно; я говорю вам по опыту. Я бы много теперь дал за то, чтобы найти такого смелого и отважного человека. Многих бы глупостей я не сделал. Изберите Шевырева; он более всех вам будет полезен. Затем Бог вас да благословит! Послушайтесь хотя один раз моего совета. Иначе грех вам будет, и всю жизнь[5] будете раскаиваться.

<*На обороте:*>

Константину Сергеевичу Аксакову.

1036. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

<5/17 ноября 1845. Франкфурт>

Любезнейший Гоголек, наконец есть от вас известие, и довольно удовлетворительное. Слава Богу и благодарствуйте. Мы всею семьею радуемся тому, что вы наконец на месте. Авось Рим угомонит ваши нервы. Ему ли бы, кажется, с ними не сладить, ему, победителю стольких народов? Помоги ему Бог. У нас все идет довольно порядочно: в мыслях готовимся мы к переезду

[1] перейдет
[2] сигнал
[3] не отделять себя до времени
[4] [Это видно] Говорю о ваши<х>
[5] всю жизнь потом

в Россию на будущий год, а желание удерживает здесь. — Не скоро найдется в России для меня такой покойный уголок, какой я здесь себе устроил; нигде не допишется «Одиссея» на просторе так, как здесь; нигде и первые годы детей так беззаботно не разовьются, как в тишине и беспрепятственности здешнего уединения. Но живи, как велят, а не так, как хочешь,— это русская пословица. Впрочем, скажу вам, что я все еще не принимался снова за «Одиссею»; и ничего нового не сделал с тех пор, как мы с вами расстались; какой-то вредоносный самум на нас обоих повеял. Но теперь снова берусь за перо. Может быть, и вы начинаете острить свое. В час добрый. А хотелось бы, очень бы хотелось привезти на родину конченную «Одиссею». Она будет моим гробовым монументом.

Получили ли вы вексель, отправленный мною в Рим, на имя Бутенева. Его доставила мне Смирнова, которая теперь губернаторствует в Калуге, что, конечно, не рассеет ее хандры, которая, кажется, совсем ее лишила всякой бодрости. Ее положение тягостно. Свет ей надоел и не имеет более для нее прелести. Домашней жизни у нее нет; дети еще для нее слишком малолетны. Внутренняя жизнь ее еще не образовалась; это переходное состояние души мучительно; оно часто бывает и гибельным. Напишите к ней. — А меня уведомьте, получен ли вами вексель.— Поклонитесь Бутеневу. Слухи ходят, что будто наш Император будет в Риме. Если это совершится на деле, то опишите мне его там пребывание.

Прощайте. Жена вам дружески кланяется. Сашка не в порядке: занимается поносом. Павел Васильевич толстеет и уже подал просьбу о произведении его в Быка. Вчера соблаговолил он, смотря на портрет отца и матери, впервые произнести: papa, mama. Это *подает* надежду, что он со временем будет владеть русским языком лучше, нежели его родитель.— У Авдотьи Петровны Елагиной в доме свадьба; сын ее Василий Елагин женится на Кате Мойер. Это и вас порадует.

Ваш Жуковский.

5/17 ноября 1845.

1037. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

<7–9 ноября 1845. Санкт-Петербург>

Петербург, 7-го ноября.

Я вас очень, очень благодарю, любезный Николай Васильевич, за ваше письмо. Когда я только на обертке узнаю вашу руку,

я уже обрадываюсь[1]. Слава Богу, что вам лучше, и дай Бог, чтобы ваше здоровье в Риме совершенно поправилось. Но ежели Рим вам так полезен, мы вас, верно, нескоро увидим в России. Впрочем все, что будет, будет хорошо.

Александра Осиповна уехала в Калугу. Мы до сих пор от нее письма не получили, но я знаю, что она счастливо путешествовала, приехала в Москву и осталась там десять дней или около того. Она обещала писать Софье Михайловне.

Мы переехали сюда из Павлина 12-го октября, и я почти с унынием вошла в новый наш дом. Петербург показался мне ужасно противным, и мысль, что мне надобно будет провести в нем целую длинную и гадкую нашу зиму, — эта мысль едва не наводила на меня тоску. Но — не браните меня — это расположение духа недолго продолжалось. Я всегда вперед пугаюсь, а когда дойдет до дела, то у меня больше бодрости, чем я подозревала. Издали мне все кажется невозможным и страшным, а потом выходит, что все возможно и даже легко с Божией помощью. Я теперь вовсе не унываю, но все-таки не довольно весела. мне бы хотелось ободрить и занимать других веселостью своей, но это совсем не в моем характере и мне очень трудно.

9-го ноября.

Нынешний год очень много танцуют et moi je ne reste pas en arriure. Я была вчера на балу и очень веселилась. Вы[2] часто говорили — я помню, — что мне нужно непременно ехать на бал и развлекаться, и танцовать de bon coeur, как дитя. Это именно со мной нынче случается. Мне так весело и в то же время так легко на душе. Дашкову я вижу довольно часто, и чем больше ее вижу, тем больше люблю. Одно только часто меня опечаливает, — это собственные дела нашего дома (в обширном смысле, понимаете?). Все недовольны и обвиняют отца. Эх, были бы вы здесь! Мне так часто хотелось бы puiser du courage et de l'espoir dans votre inébranlable foi et dans votre manière consolante d'envisager l'avenir. Грустно и страшно. Надобно молиться, молиться, больше, чем когда-либо.

Прощайте, любезный Николай Васильевич. Буду я помнить ваши слова и стараться искренно исполнить их. Господь с вами и с нами, и да даст Он всем нам нужные телесные и душевные силы.

А. В<иельгорская>.

[1] *Так в публикации.*

[2] *В выписке П. А. Кулиша:* вы мне

1038. В. А. Жуковскому

Ноябрь 28 <н. ст. 1845>. Рим.

Ваше милое письмо (от 5–17 ноября) получил. Благодарю вас за него очень, а весь ваш дом за воспоминание обо мне и дружбу. Вексель через Бутенева я также получил в исправности. Мыслью о переезде своем в Россию не смущайте себя и не считайте это дело важным. Там или в ином месте, всё это не больше, как квартира и ночлег на дороге. Думает слишком много о месте, где[1] ему придется переночевать, только тот ездок, который мало думает о том, куда и зачем едет. У кого же неотлучно перед глазами цель его путешествия, тот не заботится о том, где и как ему придется переночевать, и не слишком глядит на комфорты. С неоконченным делом приехать на родину невесело — это я знаю, но знаю также, что Бог милостив, что по Его святой воле попутный ветер сходит на вдохновение наше, и то, для чего, казалось бы, нужны годы, совершается иногда вдруг. Будьте же покойны и светлы при мысли о будущем, ибо *будущее* в руке того, кто сам есть свет. О Государе покамест известия, что он весел, весьма доволен Палермой и приемом короля; погода там стоит удивитель<ная>, не бывает меньше 20 градусов тепла. Спят с открытыми окнами;[2] постоянно продолжающийся широкко начинает Государыне однако же надоедать, она чувствует тяжесть, но это его обыкновенное действие; с переменой ветра она почувствует себя вдруг лучше и освежится. Государя ожидают в Рим на днях; Бутенев для этого уже съехал с своей квартиры и переехал в гостиницу. Но я не думаю, чтобы приезд Государя был так скоро, как думает посланник и как думает *он* сам: в Палерме они хотят прежде дождаться Конст<антина> Никол<аевича>. Констант<ин> Николаевич едет морем, море — не земля, и рассчитывать и полагаться[3] на самое кратчайшее время, в которое может прибыть корабль, нельзя. Разница тут не в часах и днях, а в неделях, месяцах; к тому ж ему, как говорят, предписано избегать французских портов. В Риме всё католичество, как, я думаю, вам известно, вооружено против Государя. Недавно здесь произвела шум бежавшая из России полячка-униатка рассказами о мучительствах, ею претерпенных, и пытках за непризнание православия. Все чувствительные и нечувствительные сердца были этим вначале возмущены сильно, но, так как униатка сама довольно здоровая и бойкая

[1] о том, где

[2] *Далее начато было:* широкко од<нако же>

[3] и рассчитывать особенно

женщина и притом уже чересчур стала изображать картинно и прибавлять, то начинают уже сомневаться и в том, что вначале казалось похожим на правду. Папа был в недоумении, как принять Государя, и собирал для этого совет кардиналов. Кардиналы советовали избежать[1] этого свидания и сказаться больным, но папа отвечал достойно своего звания: «Я никогда не притворялся и теперь не буду. Я употреблю с своей стороны слезы, моленья, — это всё, что считаю для себя позволенным». Говорят, однако ж, что Государь, узнав еще в Генуе и потом в Палерме о всяких слухах,[2] по поводу гонений, послал Перовскому и Протасову запрос, отчего разнеслись такие слухи, чтобы они разведали хороше<нько>, что такое происходило внутри России, что у него и в мысли не было притеснять каким бы то ни было образом католическую веру. Словцо об «Одиссее». В «Северной Пчеле», уже не помню, в каком номере, попавшемся в мои руки, напечатана статья о Крылове, написанная каким-то его сослуживцем, Быстровым. В числе немногих анекдотов сказано там, между прочим, о занятиях Крылова греческим языком и о попытке переводить «Одиссею», причем приложена была и самая попытка, составляющая начало 1 песни, которую я, разумеется, сей же час списал для вас и при сем посылаю.[3] Сделав попытку, Крылов бросил самое[4] дело, назвавши гекзаметр (по словам Быстрова) Голиафом, с которым ему не сладить. От гр<афинь> Вьельгорских я получил известия, для меня самые приятные, то есть, что они здоровы, веселы и много вкушают наслаждений истинных и внутренних. Софья Мих<айловна> и Анна Миха<йловна> написали мне милые[5] письма. В письмах этих видно в каждой строчке, как хорошеют с каждым днем и часом прекрасные их души. Вы, я думаю, уже знаете, что у Софьи Миха<й>л<овны> родился сын Александр. Она вся теперь всей душой погружена в мысли[6] о воспитании своих детей. Здесь Анна Михайл<овна> ей большая помощница.[7] Кроме того, она сама хочет писать для них,[8] будучи недовольна тем, что написано, и ее простодушно чистые мысли похожи на мысли ангелов, заботящихся о воспитаньи людей. Нельзя, чтобы под такие

[1] *В подлиннике:* избежатья

[2] о нераспо<ложении>

[3] *Далее начато было:* Труд этот пр<едставляет>

[4] это самое

[5] так<ие> милые

[6] погружена в воспитанье

[7] *Далее начато:* Она это чувствует

[8] детей

мысли, как под колыбельные песни, не воспитались нечувствительно и сами собою дети.

От Смирновой я жду письма из Калуги. Вьельгорские пишут, что она с ними простилась 21 окт<ября>, весьма растроганная. Она уже, верно, получила мое письмо, содержащее напутствие ей в Калугу.[1] До полученья от ней известия из Калуги я не считаю нужным ей писать. Я за нее не боюсь; состояние души ее хотя и переходное и тяжкое, но для нее не опасно. Бог не оставляет тех, которые уже умеют прибегать к нему. О себе скажу покаместь только то, что здоровье мое хотя и лучше, но как-то медлит совершенно установиться. Но я решился меньше всего думать о своем здоровьи. Что посылается от Бога, то посылается в пользу. Уже и теперь мой слабый ум видит пользу великую от всех недугов: мысли от них в итоге зреют, и то, что по-видимому замедляет, то служит только к ускорению дела. Я острю перо, помолитесь же обо мне сильно и крепко Богу. Обнимаю вас, а вместе с вами вашу милую супругу и всю семью вашу.

Весь ваш Г<оголь>.

Помните, что адрес мой: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

<*На обороте:*>

Francfort sur Main.

Son excellence monsieur m-r Basile de Joukowsky.

Francfort s/M. Saxsenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

1039. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

2/14 ноября 1845. С<анкт->П<етер>бург.

Вероятно ты уже знаешь, любезный Николай Васильевич, почему я до сих пор не могу тебе выслать денег из числа пожалованных тебе Государем. Для получения их из Главного Казначейства каждый раз надобно туда представлять от нашей миссии (смотря по тому, где ты живешь) засвидетельствование, что ты еще в живых. Так как деньги выдаются по третям, то не забывай, что к началу генваря, мая и сентября ежегодно должна ко мне приходить этого содержания бумага, составленная по известной миссии форме и там засвидетельствованная. До сих пор из Главн<ого> Казнач<ейства> я для тебя получил только 98 руб<лей> серебр<ом>, т. е. за последние пять дней марта (указ подписан

[1] *Далее начато:* Поезд этот будет нужен ее душе

27-го числа) и за весь апрель 1845 года. Я знаю, что Смирнова тогда отправила тебе более этой суммы, но это сделано было ею для округления числа отправленных денег и по уверенности, что при начале следующей трети можно будет все это уравнять. Теперь следует мне получить для тебя за две последние трети нынешнего года, за майскую и сентябрьскую по 333 р<убля> 33 к<опейки> сер<ебром> за каждую — всего до 1846 г. 666 р<ублей> 66 к<опеек> с<еребром>.

Смирнова на днях уехала на житье в Калугу, где муж ее получил губернаторское место. Полагаю, что обо всем этом сама она писала к тебе подробно. В свое отсутствие пересылку тебе денег поручила она какому-то банкиру. Я не помню его имени, но ты конечно уведомишь меня о нем или скажешь тогда, чтобы я снесся с Смирновой.

Не надеюсь, чтобы ты наконец решился хоть раз в месяц писать мне о том, как ты себя чувствуешь, где живешь и что делаешь или сделал. Но это было бы с твоей стороны совсем не лишним. И я так же делал бы, если бы наверное знал, куда писать к тебе. Но ты все оставлял меня в совершенной неизвестности, так что я вот и теперь принужден о самом для тебя нужном деле писать к тебе через Жуковского, который ко мне гораздо благосклоннее тебя, потому что, при всем его отвращении к корреспонденции, пишет ко мне по нескольку раз в год.

Прощай, милый! Обнимаю тебя в надежде обнять не мысленно, а корпорально.

П. Плетнев.

1040. П. А. Плетневу

Рим. 28 ноября <н. ст. 1845>.

Посылаю тебе свидетельство о моем существовании на свете. Государственное наше казначейство право, что так заботится об этом свидетельстве.[1] Существованье мое, точно, было в продолжение некоторого времени в сомнительном состоянии. Я едва было не откланялся, но[2] Бог милостив, я вновь почти оправился, хотя осталась слабость и какая-то странная зябкость, какой я не чувствовал доселе. Я зябну, и зябну до такой степени, что должен ежеминутно выбегать из комнаты на воздух, чтобы согреться. Но как только согреюсь и сяду отдохнуть, остываю в несколько

[1] заботится о нем

[2] но теперь

минут, хотя бы комната была тепла, и вновь принужден бежать согреваться. Положенье тем более неприятное, что я через это не могу,[1] или, лучше, мне никогда <нельзя> ничем заняться, тогда как чувствую в себе и голову и мысли более свежими и, кажется, мог бы теперь засесть за труд, от которого сильно отвлекали меня прежде недуги и внутреннее душевное состояние. Скажу тебе только то, что много, много в это трудное время совершилось во глубине души моей, и да будет благословенна вовеки воля пославшего мне скорби и всё то, что мы обыкновенно приемлем за горькие неприятности и несчаст<ия>! Без них не воспиталась бы душа моя, как следует, для труда моего. Мертво и холодно было бы всё то, что должно быть живо, как сама жизнь, прекрасно и верно, как сама *правда*.

Прощай! Обнимаю тебя! Пиши ко мне и не забывай. Вексель можешь послать на имя посольства для большей верности, а меня уведомить письмецо<м> на мою квартиру. Адрес ее следующий: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

Твой Г<оголь>.

<*На обороте:*>

S. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству г. ректору С. Петербургского университета Петру Александровичу Плетневу.

В С. П. Бурге. На Васильев<ском> О<строве>. В университете.

1041. А. А. Иванову

<Октябрь — ноябрь (н. ст.) 1845. Рим?>

Что с вами, Александр Андреевич? Мне нужно с вами переговорить. Заходите в Скалинату, где я буду обедать в 4 $^1/_2$.

1042. М. И. Гоголь

Декабрь 8 <н. ст. 1845>. Рим.

Благодарю вас, моя добрая и почтенная маминька, за всё, за ваши молитвы и за молитвы тех святых и угодных Богу людей, которых вы просите обо мне молиться. Молитвы обо мне нужны, их не следует прекращать и теперь, хотя здоровье мое сделалось лучше. Дорога и переезд мне очень помогли, так что первые две недели по приезде в Рим я чувствовал себя как бы совершенно здоров<ым>, и потом, по прошествии месяца, начали вновь

[1] не могу ничем еще заняться

возвращаться многие припадки. Чувствую, что нужно молиться. Молитесь и вы о том, чтобы дал Бог мне силы переносить легко все мои недуги. Доныне они еще не так тяжки, но я боюсь за то, чтобы они не были, чем дале, тяжеле. Покамест несноснее всего то, что я не могу никакими средствами согреться. Я зябну до такой степени, что должен бегать без отдыха[1] и при всем том не согреваюсь. Даже здесь, где так тепло, мне кажется холодно. Не могу даже писать писем, потому что руки костенеют. Но да будет благословен Бог, посылающий нам всё, и да будет во всем Его святая воля! Что посылается нам, то, верно, нужно нам, верно, во благо и, верно, во спасенье души нашей, а потому мы должны молиться о том, чтобы уметь покоряться, уметь любить Его и благословить Его в минуты скорби.[2] Помолитесь же и попросите других помолиться о том, чтобы всё Им ниспосылаемое принимала с радостью душа моя. Одно письмо мое из Рима вы, я думаю, уже получили через Аксаковых. Письмо же прежнее, которое писано мною с дороги, потому дошло к вам скоро, что вы позабыли порядок числ. Я выставляю на письмах числа по здешнему[3] штилю (этого не забывайте), т. е. двенадцатью днями вперед. Государя я так же, как и все, видел мельком, но раза три. Он пробыл в Риме только четыре дни; ему дел и занятий была здесь куча и вовсе не до того, чтобы принимать всякую[4] мелузгу, подобную мне. Я был рад душевно, что он здоров и весел, и молился за него искренно. Следовало бы мне отвечать на многие пункты ваших прежних писем, а также[5] писем сестер моих, но еще не в силах. Вот, однако же, на следующем при сем листе прилагаю, что мог записать на первый раз. Тут предметы более[6] для сестер моих; но однако ж прочитайте и вы. Всё это писано мною гораздо прежде, но я в силу теперь только мог окончить.

Адрес мой: Roma. Via de la Croce, № 81, 3 piano.

1043. А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

<Октябрь — 8 декабря (н. ст.) 1845. Рим>

Относительно поручения кассы и счетной части Лизе скажу вот что: вы бы не изумлялись никто такому распоряжению, если

[1] что не нахожу себе места, должен бегать без отдыха, дабы согреться

[2] *Далее начато:* А потому помолитесь

[3] новому

[4] еще и всякую

[5] и особенно

[6] более касающиеся

бы, по несчастию, не пропали мои письма, в которых всё было пояснено и сверх того[1] находилось много того, что было бы полезно сестрам. Мне скучно повторять всё это сызнова, да и времени нет. Нужно иметь хотя каплю *веры* ко мне и верить мне на слово. И если сестрам моим кажется иное *не умным,* то это еще не знак, что оно точно не умно, но знак, что еще ум их не достигнул того, чтобы видеть, почему именно оно умно.[2] Странно, что мне более верили те, над которыми я не имел никакого права, чем родные, над которыми я имел небольшое право. Первые исполняли буквально слово в слово мой совет и не были потом в раскаянии, но благодарили Бога, внушившего мне такой совет, который вначале был непонятен. *Касса* не потому вручалась Лизе, что[3] она могла лучше сохраниться у нее, такие глупости мне не приходят в голову. Она у всех вас[4] может быть в безопасности, красть для себя, верно, никто из вас не станет, и не потому также, чтобы поучить маминьку, но чтобы поучить Лизу, чтобы понемногу привести ее к тому, для чего у нее есть наклонности и что будет потом слишком ей нужно, хотя она теперь и подозревать не может. Лизе поручено было ввести самый точный и подробнейший счет. Было сказано так: чтобы ни одна копейка в хозяйстве не тратилась и не издерживалась, не побывав прежде в руках Лизы, хотя бы полученные деньги сию минуту следовало взносить куды-нибудь. Лиза должна их взять, записать на одной странице приход: получено столько такого-то числа[5] и ту же минуту выдать, записав: выдано столько, день и число. Всё до последней мелочи должно быть также внесено в приход и расход, как и большие суммы. В приходе должно быть означено, за что и откуда получены деньги, в расходе на что и куда отпущены деньги. Когда же кончится месяц, Лиза должна из книги своей списать и расход и приход на тоненьком листике бумаги и переслать мне. Это делается вовсе не из того,[6] что у меня поселилась мысль, что вы много тратите или беспорядочно тратите или что я подозреваю кого-либо из вас, как показалось из вас кому-то, уже не помню. Стыдно вам иметь такое подлое мнение обо мне. Прежде, чем выводить какое-нибудь свое заключение из моей просьбы, следовало бы иметь хотя каплю доверия ко мне.

[1] между прочим

[2] то действие, которое им кажется глупым, умно

[3] чтобы

[4] Здесь она у всех из вас

[5] *Далее начато было:* а на д<ругой>

[6] не для того

И сестрам моим следовало бы сказать так: «Хотя мы и не понимаем, зачем это и к чему, но так как это просьба нашего брата, который любит нас и который во имя любви требует, чтобы просьба была выполнена, то просьба его будет выполнена». Одна из сестер моих имела неблагоразумие[1] написать: «Надо бы приехать и увидеть, над чем тут быть казначеем: приход самый маленький и тот же час разойдется на долги, прочее надо уплачивать каждый год в казну и в частные руки». На это я скажу ей, что не тогда важно видеть приход и расход подробнейший всему, когда всего довольства и в избытке, но тогда именно, когда во всем терпятся *недостатки.* И не тогда, когда деньги в большом количестве лежат в сундуке, но тогда, когда они быстро бегут и расплываются, приходят и вдруг уходят.[2] Сестра моя, кажется Лиза, начала тут же оправдываться в том, о чем[3] я и намека даже ей не сделал, и говорит, что все[4] вместе живут слишком умеренно, что отказывают себе во всем, что она не имеет вовсе никакого щегольства, что чувствует отвращение к тряпкам, точно как будто бы я во всем этом возводил на нее обвинение. Знайте же (это я вам говорю, как чистую правду), что, напротив,[5] с давнего времени у меня живет мысль, что вы уже черес<чур> отказываете себе в том, что вам именно *необходимо* и именно *нужно.* И вы увидите, что к концу года я, может быть, вам сделаю упрек за то, что вы слишком обрезывали себя в ином, разумеется, если только[6] с полным доверием ко мне представите мне полнейший и подробнейший отчет во всем. Каким образом и почему это будет полезно для Лизы, этого я теперь не скажу, это длинная история; каким образом и почему это будет полезно потом для всех, этого я тоже не скажу и[7] *требую веры ко мне.* Скажу только,[8] каким образом это нужно и полезно для меня, а это покамест первое. Если сестры мои хотят остаться невежами в хозяйстве, то из этого не следует, чтобы я остался невежей. Напротив, тогда-то именно, когда сестры мои[9] признают себя бессильными принести пользу,[10] тогда именно

[1] глупость
[2] *Далее начато:* Сказавши такое замечание
[3] в том, что
[4] все они
[5] уже
[6] если только всё будет
[7] и теперь
[8] только несколько
[9] Напротив, если сестры мои
[10] пользу в этом отношении

следует мне подумать о том, как быть полезным. Я хочу помочь; для того, чтобы помочь, мне нужно узнать. А мне отвечают, что мне не нужно знать, что всё, что ни есть, не стоит того, чтобы узнать, что это ни к чему не послужит. Это даже забавно! Что ж это? Комедию что ли они хотят играть со мною? Я тогда только и бываю умен, когда всё до последней, до малейшей вещицы рассмотрю и узнаю, тогда только Бог и вразумляет меня и дает мне силы развязать дело и выйти из трудных обстоятельств, а без того я глуп и в несколько раз глупее всякого другого человека.[1] Я не прошу моих сестер сделаться хозяйками, если это им не нравится или нет у них для того наклонностей, но я прошу их по крайней мере помочь мне сделаться самому хозяином[2]. Я их просил помочь мне хорошенько узнать, что такое Васильевка и в каком положении находятся дела[3] хозяйства, а не хозяйничать самим. Им и это тяжело! Я[4] даже указал им, каким образом они могут меня познакомить. Просил сделать перебор всем избам и посетить до единого мужиков, сделав мне короткое описание характера каждого, и так как сестрам было невозможно[5] трудно ходить в избы самим, я писал в следующем письме, чтобы по крайней мере каждая записа<ла> у себя имена их и, призвавши к себе приказчика в комнату хотя на 10 минут, расспросить его о том, каков такой-то мужик, какие за ним добрые свойства, какие недостатки, к какому делу более способен, в чем успевает, каков в общих экономических работах и каков в работах для себя, хозяин ли в дому своем, каков с жен<ою> и детьми, и таким же образом[6] расспросить о жене и детях. Это легко было сделать за чаем и за завтраком и тут же записать, хотя по одной семье в день, не больше. Но и это им было трудно, и я до сих <пор> (хотя уже скоро год пройдет со времени моей просьбы) не получил даже и одного листика от них об этом, и только одна меньшая сестра прислала перечень дворовых людей (довольно порядочный и удовлетворительный, хотя по странной какой-то рассеянности позабыла назвать всех по именам). Итак, я вновь прошу и молю обо всем этом еще один раз.[7] Авось-либо хотя теперь,[8] зная,

1 *Далее начато было:* Мне нужно
2 *В подлиннике:* хозяйном
3 дела в подробностях
4 Я просил их
5 Сестрам моим показалось
6 и тоже я просил
7 хотя еще один раз
8 теперь, когда

что я больной, что мне трудно даже писать, исполнят они мою просьбу.[1]

Вот вопросы, на которые в таком порядке должны быть ответы.

1) *Изба такая-то.* Имя мужика, его жены, детей, их число и лета каждого.

2) Какие за ним добрые свойства и какие недостатки.

3) Каков с женой, с детьми и каков хозяин в дому.

4) Каков в работах экономических и какое знает[2] особенное ремесло, сверх[3] обыкновенных работ.

5) Какого свойства жена, какие недостатки у ней. Какое знает ремесло, как с детьми и каковы дети качествами.

Каждая должна эти вопросы списать и иметь всегда перед глазами и в письмах ко мне выписать каждый из них и тут же под ним написать ответ. Если и не успела чего расспросить, вопрос все-таки должен быть выставлен, а под ним причина, почему нет ответа. Пропускать ничего не нужно.

Всякий день положить себе непреме<нно> составить описание одной семьи, для этого немного понадобится времени. Лиза может делать через день, потому что сверх того нужно записать *приход* и *расход.*

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову для отправления маминьке в д<еревню> Васил<ь>евку, близ *Полтавы.*

1044. Графу А. П. Толстому

<1845?>

Вас удивляет, почему я с таким старанием стараюсь определить всякую должность в России, почему я хочу узнать, в чем ее существо? Говорю вам: мне это нужно для моего сочиненья, для этих самых «Мертвых душ», которые начались мелочами и секретарями и должны кончить<ся> делами покрупнее и должностями повыше, и это познание точное и верное должностей в том... в каком они должны у нас в России быть. Мне бы не хотелось дать промаха и погрешить против правды, тем более, <что> характер<ы> и люди в остальных двух частях выходят покрупнее обыкновенных и в значительных должностях. Я вас очень

[1] *Далее начато:* Расспроси приказчика

[2] за ним

[3] сверх тех, которые

благодарю, что вы объяснили должность генерал-губернатора; я только с ваших слов узнал, в чем она истинно может быть важна и нужна в России. Прежде мне казалось, что и без нее организм управления губернии совершенно полон. Кстати рассмотрим этот организм, чтобы видеть, так ли точно я его понимаю, как есть. Мне кажется, что он очень умно соображен в частях, соответствует духу земли и обнаружива<ет> в Государыне Екатерине большое пониманье потребностей наших...

1045. А. О. Смирновой

Отрывок

<1845>

Вы можете сделать много добра, в моих советах не будет недостатка, замечайте сначала все, но будьте, по словам апостола Якова, косны глаголати. Утешайте себя возможностию делать плодотворное добро.

1046. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<21 ноября 1845. Москва>

Из твоего письма вижу я, что ты, мой любезнейший, не получил двух писем, пущенных мною к тебе в Рим. Слава, громкая слава Присницу, что он восстановил, освежил, приободрил и освежил бренное тело твое. Верь ты после этого нашим знаменитостям медицины! Не только нашим, но и всяким, сколько их ни есть. — Больвера также холодная вода выправила.

Смирнова была в Москве несколько дней, виделась с Аксаковыми, которые, конечно, уже писали тебе об этом достопамятном их свидании. Александра Осиповна, как слышно, хотела уговорить Константина Аксакова перестать носить русскую рубашку и зипун (костюм, в коем с некоторого времени этот доблий юноша является везде и всюду), но не тут-то было — не на такого попала.

В Калуге служит в губернском правлении Иван Аксаков — юноша с большим талантом: вытребуй от Сергея Тимофеевича стихов его. Теперь в Риме, как и во всей Италии, русских, я думаю, битком набито. Пребывание Императрицы в Палермо просто эпоха в новейшей истории всей Италии. Государя ждут сюда в январе; но это ведь слухи неофициальные.

Кн<язь> Волконский, сын Зинаиды, издал в Москве книгу «Рим и Италия»; я начал читать ее: что-то вроде смеси, всякой

всячины, того сего. Шевырев приготовляет к печати свои лекции о истории русской литературы. Погодин печатает свое похвальное слово Карамзину — то, которое сказал он в Симбирске при объявлении памятника, при громе рукоплесканий всего симбирского дворянства!

«Москвитянин» на будущий 1846[1] <год> пойдет по-прежнему: нового журнала не предвидится. Хомяковы еще в деревне. Свербеевы тебе кланяются. Будь здоров.

Твой Н. Языков.

Ноября 21 дня 1845.

1047. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<Ноябрь — декабрь 1845. Москва>

Жду от тебя письма из Рима, как ты доехал и уселся ли опять у своего Челли? У нас уже есть хорошие о тебе вести. Смирнова писала к С. Т. Аксакову, что тебе гораздо лучше, что ты стал свежее, бодрее, здоровее и крепче. Слава Богу, и честь Присницу! Знаешь ли ты, что твои «Мертвые души» переведены на немецкий и что твое имя переделано переводчиком из Гоголя в Гогеля; уж не думает ли немец, что ты тоже немец!

У нас все идет по-прежнему: Погодин продолжает «Москвитянина» сам собою, выставляя по два №№ на одной книжке; Панов собирает Альманах к новому году; К<аролина> Карл<овна> Павлова написала множество стихов прекраснейших. Хомяковы в деревне, Елагины тоже и просидят там долго: и наступающая осень, и будущая зима будут у нас тихие. Жду известий от Чижова, который уже сидит у Галаганов в Полтавской губернии: он намеревается водрузить новый журнал в Москве. Это было бы дело важное, славное, утешительное.

Говорят, что к весне 1846 года будет в Москву Жуковский!!

Прощай покуда. Я не в духе — как-то не пишется.

Твой Н. Языков.

1048. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

1845. 22 ноября. Радонежье. <Абрамцево>

Как вы обрадовали меня, милый друг Николай Васильевич, письмецом своим из Рима от 29 октября (вероятно, нового стиля)! Хотя и питал в душе моей теплую веру и надежду, что

[1] *В источнике ошибочно*: на будущий 1845

милосердный Бог подкрепит ваши силы и проявит на вас вновь свою великую милость: ибо еще не свершен ваш подвиг, не окончено дело; хотя я ободрял этими словами и свою семью, горевавшую о вашем болезненном состоянии, и даже написал их в письме к Александре Осиповне, которая, в тревоге о вашем тяжелом положении, вошла со мною в переписку; но не без страха и внутреннего волнения повторял я утешительные слова сии!.. Будем молиться Богу, чтоб Он вполне восстановил ваши телесные и душевные силы. Мы уже знали через Надежду Николаевну, что ваша маменька получила от вас письмо через посторонние руки, из которого узнала, что прежние ваши письма пропали. Сообразив прежние обстоятельства, кажется, что пропажа их исходит из того же источника, из которого выходили разные вести о вас, много причинившие вашей маменьке горя. По-моему, это гнуснейшее злодейство; я глубоко возмущен им и, признаюсь, желаю, чтоб эти добрые люди получили достойную награду. Третьего дня моя Вера писала к вашей сестрице обо всем том, о чем вы желали известить их.

Мы живем в деревне тихо, мирно и уединенно; даже не предвидим, чтобы могла зайти к нам скука; болезненное состояние нашей Оленьки продолжается, иногда несколько легче, иногда тяжелее; не смеем надеяться исцеления, но и за настоящее ее положение благодарим Бога. Я ничего не вижу левым своим глазом, да и правым вижу нехорошо; но счел бы за великое благополучие, если бы мог сохранить этот остаток зрения во всю остальную мою жизнь. По первому зимнему пути, уступая желанию моего семейства, хочу съездить в Петербург для свидания с глазным доктором Кабатом, хотя крепко не хочется ехать. Ольга Семеновна моя часто прихварывает: теперь и у ней болит глаз; прочие все здоровы. Константин живет еще с нами; на сих днях будет возвращена из факультета его диссертация, которую профессора читали восемь месяцев; на следующей неделе он переедет жить в Москву, чтобы печатать и потом защищать на диспуте свой пятилетний труд; если он не будет совершенно искажен цензурой факультета и попечителя, то Москва услышит на диспуте много нового, и... мы испытаем много волнения и заочного беспокойства: ибо не поедем в Москву на это время.

С одним из товарищей моих меньших сыновей, Погуляевым, мы послали вам две стихотворные пиесы («Чиновник» и «Зимняя дорога») моего Ивана; сверток оставлен у Жуковского; когда ваше здоровье восстановится совершенно, то вытребуйте его и напишите мне голую правду.

Несколько месяцев тому назад началась у меня переписка с Александрой Осиповной; разумеется, предметом содержания наших писем были вы; с первой строки она умела восстановить между собой и мной искреннюю короткость. В начале ноября она приехала в Москву, проезжая в Калугу; меня известили, и я ездил туда для свидания с нею. Мы провели целый вечер в самых дружеских и откровенных разговорах, большею частью о вас; она намеревалась ехать к Троице и хотела непременно заехать к нам в деревню; но совершенное бездорожие помешало ей исполнить свое намерение. Я получил от нее письмо, в котором она пишет, что непременно будет у нас зимой или весной; я нетерпеливо хочу увидеться с ней в другой раз; одного свидания слишком недостаточно. Первое мое впечатление не во всем согласно с теми понятиями, которые я составил себе об этой необыкновенной женщине; многие черты не похожи на те, которые я придал заочно ее образу. Все это мне надобно согласить. Она захотела видеть Константина, и он был у ней в русском платье и бороде (на днях одно скидается, а другая сбривается); она с первого слова напала и на платье и образ его мыслей. Константин твердо стоял и за то и за другое. По приезде в Калугу она также просто и коротко обошлась с моим Иваном (нападая на его мысли, общие с братом), который, будучи так же неуступчив, сильно ей противоречил. Одно можно положительно заметить, что человеческие убеждения, хотя бы совершенно ложные, но тем не менее задушевные и серьезные, никогда не уступают легкому, шутливому нападению, а даже оскорбляются им. Она так умна, что, без сомнения, не думала перевоспитать этих молодых людей в первые полчаса первого своего в жизни с ними свидания. Я уверен, что она в свое время бывает иною и что даже не без намерения показалась тою, которою является по необходимости в этом душегубном омуте, называемом высшим кругом. Тихое прикосновение стали даже и к острому кремню не извлекает искр; а ничтожные нападения и пустая светская речь, там, где ее не ожидали, извлекла несколько огненных искр, ярко осветивших всю внутреннюю сторону моих юношей...

Не могу долго писать: все зарябит в последнем глазу моем; а диктовать не умею. Я очень давно не видал ни Погодина, ни Шевырева, даже с Языковым не видался в последний приезд в Москву и потому ничего не могу вам сообщить о них, знаю только, что нет в Москве, между всеми нашими с вами общими знакомыми, и двух человек, согласных между собою, а потому

никакое литературное дело не может иметь успеха. Погодин печатает черт знает что в «Москвитянине»... ну, да лучше не говорить о нем. Лучше расскажу вам о нашем житье-бытье.

От утреннего чая до завтрака и потом до позднего обеда все мы заняты своими делами: играют, рисуют, читают; Константин что-нибудь пишет, а я диктую. Я затеял написать книжку об уженье не только в техническом отношении, но в отношении к природе вообще; страстный рыбак у меня так же страстно любит и красоты природы; одним словом, я полюбил свою работу и надеюсь, что эта книжка не только будет приятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлениям раннего утра, позднего вечера, роскошного полдня и пр. Тут займет свою часть чудесная природа Оренбургского края, какою я зазнал ее назад тому сорок пять лет. Это занятие оживило меня.

После обеда мы уже не расходимся по своим углам, а сидим вместе; весь вечер продолжается уж общее чтение. Каждый вечер мы читаем что-нибудь ваше по порядку выхода. Вчера кончили все; через несколько месяцев станем опять читать. Собирайте, укрепляйте ваши силы; да подействует на вас благодатно и плодотворно воздух вечного Рима. Пишите к нам, когда вам захочется: мы будем делать то же. Крепко обнимаю вас.

Ваш на всю жизнь С. Аксаков.

Оставил было местечко, чтоб жена приписала к вам, милый друг; но глаз у ней так разболелся, что она писать не может. Прощайте! усердно молим Бога, чтоб он восстановил совершенно ваше здоровье. Еще раз вас обнимаю. Все мои вас обнимают и вам кланяются.

1049. В. А. Панов — Н. В. Гоголю

<28 ноября 1845 г. Новгород>

Дражайший Николай Васильевич.

Всегда хотел вам писать, и не писал. И что же? Пришлось мне вам теперь сказывать, чтоб объяснить причину замедления отправки этого письма. Я его отдал... Валуеву, когда он, 3 ноября, больной отправился за границу, и теперь я это письмо взял обратно в Новегороде, где уже не застал моего бедного друга. Он здесь скончался 23 ноября. Я приехал на другой день и имел одно утешение в продолжение четырех суток смотреть на его бренные останки в гробу, сохранившие еще отпечаток всей прелести души, обитавшей в этом теле. Я здесь один его нынче отпел с его

спутником и человеком. Но древний Новгород, т. е. народ его, понял, видно, бессознательно все великое достоинство скончавшегося в нем юноши. Церковь была набита народом. Ему там лучше; но грустно нам, тяжко мне, осиротевшему. Это был мой единственный друг, с которым я никогда, никогда не расходился. Он завещал мне свой труд, предпринятые им издания. Буду исполнять, сколько сил моих станет. Вы его не знали, может быть; но узнаете; ибо <он> будет жить в России вечно. Нынче ночью я еду обратно в Москву, где живу постоянно. Боюсь я за Языкова: он нынешней осенью плох; часто хворал. Ужасное известие его потрясет. Это был его родной племянник. Я везу с собой портрет моего Димитрия, который успел здесь заказать. Как он хорош еще во гробе!..

Что вы, мой добрый и дорогой Николай Васильевич? Откликнитесь мне когда-нибудь, хотя в письме к кому-нибудь. Если захотите, я буду вам писать после. Теперь ни о чем говорить <не могу>, как об одном чувстве скорбном и торжественном, меня всего обнимающем и иногда невыносимо тяжело давящем. Прощайте. Будьте здоровы. Да хранит вас Бог! Обнимаю вас всею душою, любящею вас искренно

Ваш В. Панов.

Новгород
1845 г., ноября 28-е, вечер.

1050. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Ноября 28 <1845. Покровское>.

Не в многих строках, полученных[1] мною из Рима, вы много меня, мой милый друг, порадовали. Вам лучше, и слава Богу. Но еще сильнее порадовали и глубоко тронули мою душу желанием, коим душа ваша проникнута, чтобы вся жизнь была на служение единому Богу. О, как за сие от всего сердца благодарю Милосердного Бога, внушившего вам сие спасительное желание. Он видит, что теперь за вас я чувствую, и с какою любовию вручаю я вас Его Отцовскому Покрову, молю благость Его, да усовершенствует Он ваше к Нему стремление и поможет с смирением идти по предназначенному пути. Тогда относительно вас самих или других уже личность не существует[2], все близко и чуждого нет ничего для сердца, принадлежащего

[1] *В автографе:* полученным

[2] *Далее было:* ему

единому Богу; и в Нем и для Него радостно готовы будете оказать услугу каждому, да благословение Божие сопровождает вас в сем подвиге.

Порадовали и тем, что вам теперь доступно, что страдание и болезнь были во благо — и прошу вас: ради Христа и вперед сего не забывайте. Если суждено вам опять испытать болезнь тяжкую или горе — буде и не свое, то за близких нашему слабому сердцу — припомните тогда собственные слова, что все на благо, и с помощию Божию не подвергнетесь унынию, от коего уже так сильно пострадали. Одна молитва только может оградить от сего мучительного и вредного для спасения нашего состояния. О Всемилосердный, Ты нас не покинь! Спаси и помилуй!

В начале ноября была в Москве и, узнав, что Александра Осиповна в городе, помня, что вы ко мне писали повидаться с нею, я поехала. Умна она очень, и мне очень понравилось ея милое простое обращение; без малейшей скрытности много с ней беседовали. Она просила мой адрес, что хочет из Калуги ко мне писать, но не получала еще. В обстоятельствах, в коих она поставлена, нужно много религии, дай Бог ей постигнуть все благо, от сего проистекающее, и что только с религией можно быть счастливу среди несчастия и что одна религия может дать душе силу все нести с любовию, возвышающею душу, которая способна во всяком случае все ниспосылаемое принимать от Бога и никогда не относить к людям, и что они не могут ровно ничего, и если мне не нужно претерпеть что-либо, неужели Господь не отвратит, а когда терплю, стало мне нужно. О, как уверена в Его Отцовском милосердии, убеждена так и в том, что на сем свете[1] никто мне столько вреда не принесет, как я сама себе, и как бы мне не тяжко было, все легче терпеть самому, нежели, храни Господи, кого оскорбить. Как сладостна эта уверенность, что мое назначение на сем свете заботиться о Спасении души, а тем или другим путем Отец Небесный поведет, буди Его святая воля, лишь бы достичь блаженной вечности. А пока пошли, Господи, уменье довольствоваться или по крайней мере с покорностию находиться в том положении, в котором Провидению угодно было меня поставить. Свыше лучше и вернее нашего разочтено, что нам на пользу, на пользу вечную. Боже, милостив нам буди!

[1] *Далее было:* что

Подожду, если долго от нее не будет, сама напишу. Здоровьем она не богата. Звала меня побывать в Калугу, но мне нельзя, а помню и молюсь о ней. Спаси ея Господи! С нею поехала одна ея родственница, княжна Цицианова. Умная девушка, богомольная; тоже есть свои горести. Не знаю, как они там друг другу будут помогать. Бог всем помощник; лишь бы только мы просили Его помощи, наверное отзовется на сердце, как поступить и что сказать, и всегда будет очень кстати, если мы только себя не примешаем, а будем с любовию помышлять о ближнем и дорожить его спокойствием. Что еще сказать; есть письмо, которое уже полгода, как я к вам писала. Пофиснев ехал за границу, но отдумал. Аксаковы мне возвратили, посылать его почитаю ненужным, чтобы не затруднять вас чтением. Оно писано было 23 маия — день, когда вы оставили Москву. Мне живо припомнилось и прощанье и проводы до заставы. Дай Бог вам в оную въехать, исполнив свой обет. А чтобы оный свершить с полною для души радостию молю Господа, чтобы Он помог вам окончить свой труд. Помню с первых пор, когда вы довольно часто ко мне писали, говорили, что не прежде отправитесь в Иерусалим, пока кончите свою работу. Вот о ней-то и думаю, о ней и прошу Милосердого Господа, чтобы вы могли свершить оное на пользу ближнего, следовательно, и Ему, Отцу Небесному, угодное. Чтобы в минуту, когда по воле Божией вы приготовитесь в путь, чтобы ничто вас внутренно не теснило, чтобы спокойною душею, так давно стремящеюся к Святым Местам, вы с благословением Божиим отправились бы. Пред тем, мой милый друг, вы напишите о времени отъезда, дабы я здесь вместе с вами могла помолиться и заочно вас благословить, что и теперь ежедневно с любовию то исполняю. Видит то Бог, Коего молю о вас, истинно, как о своем сыне. Если и не доживу до возвращения вашего, то знайте, что...[1]

[1] *Окончание письма до нас не дошло.*

1846

1051. Графу А. П. Толстому

Рим. 2 генваря <н. ст.> 1846.

Меня также тронуло много ваше письмецо: в нем столько участия и доброты! Что сказать вам о моем здоровье? Велик Бог, посылающий нам всё! — это должны мы говорить ежеминутно. Вот вам мое нынешнее состояние: я зябну теперь до такой степени, что ни огонь, ни движение, ни ходьба меня не согревают. Мне нужно много бегать, чтобы сколько-нибудь согреть кровь, но этого теперь нельзя, потому что совсем ослабели и ноги, и силы, жилы болят и пухнут. При этом начались запоры и прекращ<ение> всяких отправлений. Но благодарю милосердного Бога, что, несмотря на невыносимо-болезненное чувство,[1] которое слышит всё мое тело, находящееся вечно в лихорадочном[2] состоянии, ни хандра, ни скорбь еще не находили на меня. Я худею, вяну и слабею и с тем вместе слышу, что есть что-то во мне, которое по одному мановению высшей воли выбросит из меня недуги все вдруг, хотя бы и смерть летала надо мной. Да будет же во всем святая воля над нами создавшего нас, да обратится в нас всё на вечную хвалу Ему: и болезни, и недуги, и всё существованье наше да обратится в неумолкаемую песнь Ему! Благодарю вас много и много, добрейший мой Александр Петрович, за ваши молитвы обо мне, поблагодарите также и графиню. Ваши молитвы, именно[3] ваши, мне нужны. Сердце мое говорит мне, что вы так обо мне помолитесь, как никогда еще ни о ком не молились, и низведут ваши молитвы благодать[4] и милость Бога обоюдно и на меня, и в вашу собственную душу. Бог весь милость и чуден в милостях Своих. О Государе вам мало скажу. Я его видел раза два-три мельком. Его наружность была прекрасна, и ею он произвел впечатление большое в римлянах. Его повсюду в народе называли просто *Imperatore*, без прибавления: di Russia, так что иностранец мог подумать, что это был законный государь здешней земли. О чем был разговор с папой, это, разумеется,[5] неизвестно, хотя, впрочем, следствия, вероятно, будут те, каких

[1] невыносимое чувство
[2] в этом лихорадочном
[3] особенно
[4] утешение
[5] без сомнения

и ждали, то есть умягчение мер относительно к католикам. Донесения гонимой униатки оказались ложью, и она созналась, что была уже подучена потом вне России польской партией. К художествам и к искусствам государь был благосклонен.[1] Показал вкус в выборах и в заказах и даже в том, что заказал немного. Помощь, оказанная бедным, тоже сделана с рассмотрением. Бог да спасет его и да внушит ему всё, что ему нужно, что нужно истинно для доставления счастия его подданным![2] Если он молится и если молится так сильно и искренно, как он действительно молится, то, верно, Бог внушит ему весь ход и надлежащий закон действий. «Сердце царя в руке Божией», — говорит нам Божий же глагол. И если медлит когда исходить[3] от царя всем очевидное благо, то, верно, так нужно; верно, мы стоим того за грехи наши, верно, далеко недостойны еще. Помолимся же вновь, добрый друг мой Александр Петрович, о том, да преклонится Бог на милость ко всем нам, да снимет законный и праведный гнев Свой на всё поколение наше и всё простит нам, показав, что нет на свете грехов, которые в силах бы были пересилить Его милосердие. Обнимаю вас, а также и графиню. Прощайте. Напишите о себе и о здоровье. Не смущайтесь никакими препираньями о церквях и тем, что совершается в мире. Время теперь молиться, а не препираться. Одной молитвы от всего сокрушенного сердца нашего требует Бог, слез и воздыханья от самой глубины души нашей.

Весь ваш Г<оголь>.

О гр<афах> Вьельгорских могу вам сообщить только то, что они, слава Богу, все и здоровы, и довольны, в хорошем состоянии душевном. Лорнетку для вашего брата мне обещал Мих<аил> Мих<айлович> отправить в Варшаву, но исполнил ли или позабыл — не знаю. Советую вам написать к нему, тем более, что вы должны спросить о цене и что ему должны за нее.

Поздравляю вас с наступившим здешним Новым годом и преддверием наступающего нашего Нового года. Да обратит его Бог нам всем в *великое благо.*

<На обороте:>

Paris. Son excellence monsieur
le comte Alexandre Tolstoy.
Paris. Rue de la Paix, № 9. (Hotel Westminster).

[1] милостив

[2] *В подлиннике*: потданным; *далее не отмечается.*

[3] И если все медлит исходить

1052. Ю. Ф. Самарину

Рим. 3 генваря (н. ст.) 1846.

Я всё ожидал от вас письма, которое вы, по словам Ал<ександры> Осиповны, собирались писать ко мне, но, видя, что этого письма от вас мне не дождаться, пишу сам. Пишу наугад (темы для письма вы мне не дали). Во-первых, я рад, что сошлись с Алек<сандрой> Осиповной. Вы — человек молодой, это первая женщина, которая заговорила с вами языком души, и потому весьма естественно, что вы почувствовали к ней, может быть, даже расположение сильней, чем дружественное.[1] Так и должно быть (говорю всё это наугад). Но чувство это обратится для вас в святое, сохранит и сбережет вас на всю жизнь. Вы были *ненадежны*, и странно, что это говорил всяк, в первый раз вас видевший. Почти всяк был уверен, что все прекрасные чувства, вас одушевлявшие[2], будут в вас недолговременны и что вы непременно изменитесь в свете; почти то же думал и я. Но теперь я за вас не боюсь, вы спасены; спасла вас сестра и *любовь во Христе*, которую вы отныне будете к ней питать и которую будете питать потом ко всем. Вы в свете. Вы можете много сделать для света. Свет, среди которого вы теперь, не развратен в своем корне и существе, но развратен от тоски и скуки, болезненно-вял и от нечего делать пуст и глуп. Будьте везде и повсюду. Будьте веселы, живы, умны, занимательны для всех и простодушно-добры ко всем. Больше всего обратите вниманье на женскую половину: там скорей, живей и лучше сеются и принимаются семена. Старайтесь, чтобы после всякого разговора с вами каждая становилась добрей[3] душой и, хотя на сколько-нибудь, лучше, чем была до вашего разговора. Им еще много можно сказать тех вещей, над которыми мужская половина уже смеется. Будьте или, по крайней мере, старайтесь быть постоянно интересны и занимательны для мужчин. Не говорите им о тех вещах, над которыми они уже смеются. Не старайтесь блеснуть перед ними чистотой каких-нибудь нравственных начал и прекрасных, глубоких истин души; напротив, скрывайте даже их в себе при них. Но старайтесь, вместо всего, более узнать природу каждого из них, старайтесь заметить и открыть во всяком именно ту способность, которая в нем создана быть главною и находится в дремлющем состоянии; укажите ему на нее. Возвысьте перед ним его же достоинство и попрекните его,

[1] сильней обыкновенных

[2] *В подлиннике:* отдушевлявшие; *далее не отмечается.*

[3] умней

зачем он пренебрег и оплевал его;[1] старайтесь его навести только на деятельность и труд, именно тот, для которого[2] у него таятся сокровенные силы, и он будет спасен и будет признателен вам, как брат, и будет доступен потом ко всему прекрасному, какое[3] вы захотели бы потом внушить ему и к какому он не доступен еще теперь. Вот всё, что я могу вам теперь сказать в моем[4] болезненном и бессильном состоянии и притом наугад, еще не зная ваших душевных обстоятельств. Дайте мне ответ на это письмо и напишите мне всё, что бы хотела сказать душа ваша родному брату в смысле душевном. Тогда, может быть, Бог поможет мне точно быть чем-нибудь вам полезным.

Любящий вас искренно и всею душою

Гоголь.

Напишите мне ваш адрес: ваше имя я знаю, но отчества не знаю, присовокупите также и его. Мой же адрес: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

<*На обороте:*>

Самарину от Гоголя.

1053. Графине С. М. Соллогуб

Генвар<я> 3 <н. ст.> 1846. Рим.

Благодарю вас за ваше письмецо, по обыкновен<ию> всегда для меня очень милое и очень приятное, и за все известия, которые также все до единого мне были тоже[5] очень приятны и порадовали меня в моем хвором состоянии. Мысль ваша писать самой книжки для Беби весьма умна: кто же, кроме самой Матери, может написать что-нибудь лучше для дочери? Я рад, что в Влад<имире> Александр<овиче> пробудилась деятельность писателя. Не позабудьте мне прислать все, что ни выйдет из-под[6] пера его. Теперь же это так легко: курьеры ездят всякую неделю из Петербурга. Поручите Матвею Юрьевичу, он это сумеет сделать. Можете также адресовать на имя здешнего секретаря Устинова. Тарантас в печати мне еще больше понравился, чем прежде в рукописи, хотя я успел прочесть его довольно бегло и,

[1] зачем он не достоин себя
[2] к которому
[3] что
[4] при моем
[5] тоже *вписано.*
[6] под *вписано.*

к сожалению[1], не имею у себя под рукой экземпляра. О себе[2], то есть о здоровье моем, скажу вам только то, что я зябну до такой степени, что не нахожу уже никаких средств согреваться. Сначала было мне немного лучше. Но да будет во всем воля Божия! Что ни делается с нами, то делается не без *Нее*, а *Она*[3] стремится все, и недуги и страданья, обратить нам во Благо. Да будет же во всем *Эта святая и чудная Воля!* Передайте эти письма или, лучше, записочки, при сем прилагаемые[4], по принадлежности. Молитесь обо мне и не забывайте меня, милый друг мой. Обнимите вместо меня всех *ваших*[5], которые также суть в то же время и *мои*, начиная с Граф<ини> Луиз<ы> Карл<овны>, Миха<и>ла Юрьев<ича>, Матве<я> Юр<ьевича> и до Веневитинова, включая туда же и всех прекрасных малюток.

Весь ваш.

Адрес мой не позабывайте: Via de 1a Croce, № 81, 3 piano.

Поздравьте от меня себя и[6] всех вас с наступающим Новым годом.

<*На обороте:*>

S-t Pétersbourg. Russie
Ее Сиятельству
Графине Софье Михайловне
Соллогуб (урожд<енной> Гр<афине> Вьельгорской)
В С.ПБург. На Михайловской площади
Михайлов<ского> Дворца, в Доме Графа *Вьельгорского.*

<*Штемпель:*>

Получено 1846 ЯН 10 Полдень

1054. Графу В. А. Соллогубу

<3 января (н. ст.) 1846. Рим>

Благодарю вас, Владимир Александрович, за вашу милую приписочку в письме к Александре Осиповне, за память обо мне и за[7] дружеское посвящение мне вашей Воспитанницы, которая, вероятно, и умна и хороша. Я прочел ваш Тарантас еще с большим

[1] к сожалению *вписано.*
[2] *Далее было:* ска<жу>
[3] *Она — вписано вместо:* воля Божия
[4] при сем прилагаемые *вписано.*
[5] *Далее было:* или
[6] себя и *вписано.*
[7] *Далее было:* ваше

удовольствием в печати, чем прежде в рукописи. У вас все зреет вместе: и ум, и слог, и наблюдательность, и мысли. Вам нужно только не останавливаться и писать. Все будет у вас обдумываться, соображаться и устраиваться во время самого писания. Христа ради не давайте заснуть вашей деятельности на этом поприще. Вы тут более и более будете находить утешения и *жизни настоящей*. Все вас обманет, и жизнь, и свет, и все привлекательности, привлекающие других людей; но на этом поприще вас ничто не обманет, потому что это ваше законное поприще, и тут выполнять вы будете именно то, что определено свыше выполнять вам. Не пренебрегите ни этими словами вашего хворого и хилого ныне собрата, который, несмотря на свою собственную хилость, от всей души желал бы[1], чтобы совет его дышал[2] здравием, силою на всех его собратий.

Искренно желающий вам всякого добра и любящий вас

Г<оголь>.

Я просил уже Соф<ью> Мих<айловну> и вновь прошу также вас о присылке мне всех выходящих ваших сочинений.

<*На обороте:*>

Гр<афу> Владимиру Александровичу.

1055. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Москва. Декабря 13 <1845>.

Вот, мой милый друг, чему не пропадать, прилагаю при сем письмо, два года назад мною писанное. Не знаю, где Бобарыкин его взял. Говорит, из Берлина ему прислали. Но как бы то ни было, я рада, что он возвратил образ. Я, ничего не распечатавши, так, мой милый друг, и посылаю с князем Васильем Петровичем Голицыным, которого я не знаю, но завтра сама поеду и попрошу о доставке сего, а вы, мой друг, примите благословение от человека, всегда с любовию о вас пред Господом вспоминающего, Ему, мой друг, часто-пречасто вас вручаю, молю Его, да Он вам поможет и окончить труд свой с пользою и свершить благополучно путешествие и тем исполнить обещание свое. Я недавно к вам много писала через Николая Михайловича от 28 ноября из деревни, куды опять отправляюсь. На несколько дней по надобности сюда приезжала. У Николая Михайловича нынче была, сказывала

[1] бы *вписано.*

[2] *Далее было:* и

оказию; он хотел завтра прислать к вам книги. Подожду и вместе с своим письмом отвезу к князю. Если его не увижу, то сестра его мне предлагала, что она на себя берет ему доставить, и уверяет, что в точности исполнит. Дай-то Бог, чтобы наконец до вас достигло мое благословение и с вами отправилось в путь. И я, мой друг, сопутствую вам и воспоминанием, и не разлучаюсь с вами молитвою. Прощайте, мой милый друг, обнимаю, благословляю вас со всею нежностию матери, и с сим чувством пребуду до гроба вам с дружеством предана. Прощайте, мой друг.

Христос с вами!

В ящике, где образ, помню, молитвы были. Дай Бог, чтобы пришлось вам по душе.

<Молитвы, посланные Н. В. Гоголю Н. Н. Шереметевой>

Непобедимая, Непостижимая Божественная сила Честнаго и Животворящего Креста Господня, не остави нас грешных!

Поклонение пяти язвам Христовым. Творение Святителя Димитрия

Возставши от сна, абие Богу
поклонися и весь ум обрати
к Нему. Глаголи от всего сердца:

Слава Тебе, Христу Богу моему премилосердому, не погубившему мя со беззаконми моими, но даже доселе грехом моим потерпевшему.

Сподоби, Господи, в день сей и во вся дни живота моего без греха сохранитися мне, даждь ми, Господи, да ни словом, ни делом, ни помышлением прогневаю Тя, Создателя моего, но вся дела моя и словеса и помышления да будут во славу пресвятаго имени Твоего.

Боже, милостив буди мне грешному во всей жизни моей, во исходе моем и по кончине моей не остави мене.

Возвед умная своя очеса
ко Христу, на Кресте распятому,
глаголи сице:

Слава Тебе, Христу Богу моему премилосердому, пострадавшему за мя и претерпевшему заплевание и раны, тернов венец и трость, крест, гвоздие, копие, смерть и погребение.

Поклоняюся вольному Твоему за ны страданию, Господи, облобызаю пречистыя язвы Твоея, благодарю толикую Твою любовь и милость, яко душу Твою за мя на кресте положил еси;

даждь ми, Господи мой, да возлюблю Тя всем сердцем моим, всею душею, всею крепостию и всем помышлением моим.

Иисусе мой Сладчайший, поклоняюся пречистой, пресвятой и животворящей язве Твоей, яже в шуей Ти руце, и молю Тя, Господа моего, ея ради от всяких грехопадений лютых и от части шуия избави мя.

Поклоняюся пречистой, пресвятой и животворящей язве Твоей, яже в десной Ти нозе, и молю Господа моего, ея ради наставь на путь правый покаяния.

Поклоняюся пречистой, пресвятой и животворящей язве Твоей, яже в шуей Ти нозе, и молю Тя, Господа моего, ея ради от всякаго пути лукаваго возбрани ногам моим.

Поклоняюся пречистой, пресвятой и животворящей язве Твоей, яже в пречистых ребрах, и в прободенном Ти сердце, отнюдуже изтече кровь и вода во искупление наше, и молю Тя, Господа моего, ея ради сокруши окаменение, порази жестокое сердце мое, сотри е страхом Твоим святым, уязви е любовию Твоею: да Тебя, Господа моего, возлюблю всем сердцем моим, всею душею, всею крепостию, и всем помышлением моим, и даждь ми, Господи мой, до кончины живота моего всегда поминать спасительныя страсти Твоя, и поклонятися им, и да текут от сокрушеннаго моего сердца источники слезныя, омывающие греховную мою скверну.

Слава вольному Твоему за ны страданию, слава погребению Твоему и воскресению, и на небеса вознесению. Слава премилосердому Твоему о нас смотрению и строению: не остави мене, Создателю мой, ныне и в век будущий, аминь.

Молитва Иисусу Сладчайшему и страстем Его

О Премилосерднейши<й> Иисусе! О желание мое! О радование мое! О Милостивый Боже мой, не до конца на мя грешнаго прогневающийся, молю Тя, в вертограде даже до поту крове каплющия капли молящагося, молю Тя, от Иуды за тридесять сребренник проданнаго, и от судии оплеваннаго, посмеяннаго и к столпу привязаннаго, люте по ланите удареннаго, неповинне на смерть осужденнаго, и терднием венчаннаго, в багряницу одеяннаго, и крест на Голгофу гору понесшаго, на нем распятаго, в руце и нозе железным гвоздием пробитаго, а в ребро копием прободеннаго, и с разбойники повешеннаго, оцтом и желчию напоеннаго, молю Тя, на смутную болезненную страсть, и утробою растерзающею Матерь Твою, под крестом стоящую, зрящаго Тя, молю Тя, в руце Своему Отцу духа предавшаго, рекуще: Отче Мой, в руце

Твои предаю дух Мой! молю Тя, от Иосифа и Никодима в гробе каменном положенного[1]: помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости, не хотящаго лености ради ни мало спострадати великому страданию Твоему. Помилуй мя чрез страсти Твоя, чрез горькое вкушение оцта и желчи, чрез смерть Твою крестную: молю Тя, даждь ми память смертную, и от смерти наглой сохрани мя, и в час исхода души моея приими ю в руце Твои пречистыя, и помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Си, идеже царствуеши со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков, аминь.

Аще и всегда распинаю Тя грехами, Ты же, умирая, не отвращаешися от мене, но, преклонь главу, прощаеши мя, к Себе призывая.

Поклоняюся страстям Твоим, Христе.

Поклоняюся страстям Твоим, Христе, и святому воскресению Твоему.

Поклонение Пресвятой Богородице

Приидите, поклонимся Царице нашей Богородице.

Приидите, поклонимся Деве Марии, Царице нашей Богородице.

Приидите, поклонимся и припадем к самой Госпоже Деве Марии, Царице нашей Богородице.

Поклоняюся Тебе, Пресвятая Богородице, Твоим Рождеством явл<ь>шая нам свет истинный, Царице Небу и земли, Надежда ненадежных, Помощнице немощных, Ходатаица всем грешным, Ты мя покрый и заступи от всех бед и нужд душевных и телесных, и буди ми, молюся, Заступница святыми Твоими молитвами.

Поклоняюся Твоему безгрешному зачатию и рождению от святых Ти родителей, от Иоакима и Анны. Молю же Тя, Госпоже моя, даждь ми житие безгрешно, зачати и родити плоды покаяния.

Поклоняюся Твоему введению в церковь Господню, трилетствовавшая Отроковице, и молю Тя, свете мой, Церковь мя соделай Святому Духу молитвами Твоими.

Поклоняюся благовещению Твоему, Пречистая Дево, егда действием Святаго Духа, со гласом Архангельским зачала еси Слово Отчее, и молю Тя, свете мой, мне отчаянному благовеств<уй> спасение.

[1] *В автографе:* положенном

Поклоняюся рождению Твоему, егда воплотила и родила еси Христа Спаса миру, и бысть Матерь Богу, от всея твари славима и превозносима, и молю Тя, свете мой, являй Себе мне Матерь милосерду ныне и во век будущий.

Поклоняюся очищению Твоему, нетленная Пресвятая Дево, и молю Тя, свете мой, очисти мя от всякия скверны плоти и духа молитвами Твоими.

Поклоняюся и почитаю болезни Твоя, яже претерпела еси во время вольныя страсти Сына Твоего, егда собыстся Симеоново проречение: Тебе же самой душу оружие пройдет, и молю Тя, свете мой, болезни душевныя и телесныя избави мя.

Поклоняюся Тебе, Госпоже, воспоминая радость Твою, юже имела еси во время Воскресения Сына Твоего, и молю Тя, свете мой, радости духовныя не лиши меня.

Поклоняюся честному и славному успению Твоему, и молю Тя, свете мой, успи страсти моя плотския помощию Твоею.

О Пресвятая Владычице Богородице! приими сие малое моление мое и принеси е Сыну Твоему и Богу нашему, да спасет и просветит Тебе ради душу мою.

На Твой Пресвятой образ взирая, яко истинную самую Тя зрю сущую Богородицу, верою сердечною и любовию от души, припадая, поклоняюся, с Превечным на руку Твоею державым Младенцем, нашим Иисус Христом.

О Пресвятая Госпоже моя, Царице Небесная, Преславная Владычице Дево Богородице, печальных всех праведное утешение и всем уповающим на Тя живот и Воскресение, приклони, о Госпоже, пречистыя Своя ушеса к молитве моей, приносимой Тебе от мене недостойнаго раба Твоего.

О Мати моя Милосердая! яви на мне грешном милость Свою, в печали сущему, и во гресех всегда пребывающему, и не презри мене многогрешнаго раба Твоего.

О Мати моя Прекрасная! всех благих Ты еси вина, смертных человек оживление, и погибших избавление. Приими недостойное мое сие моление, падшему и многогрешному рабу Твоему в час сей горькаго и плачевнаго и безболезненнаго моего прошения, яко дерзаю ныне глаголати к Тебе, Пресвятой[1] Госпоже Царице Богородице, сие моление и радостное со Ангелом приглашение сицево.

Богородице Дево, радуйся, Благодатная[2] Марие, яко зачала еси плотию Сына Божия.

[1] *Далее было:* Богородице

[2] *В автографе слово написано дважды.*

Радуйся, яко во чреве Твоем носила еси. Радуйся, яко Его родила еси. Радуйся, яко Его сосцы питала еси. Радуйся, яко Ему волсви поклонялися. Радуйся, яко Христа в церкве по трех днех обрела еси. Радуйся, яко Христос воскресе из мертвых, и взыде на небо. Радуйся, яко Ты сама на него взята еси. Радуйся, яко Ты девством Ангелов и славою святых превосходиши. Радуйся, яко Ты на земли мир твориши. Радуйся, яко Тебе жители Небеснии все послушнии суть. Радуйся, яко Ты еже хощеши у Сына Твоего Христа Бога нашего испросити можеши. Радуйся, яко сподобилася еси сести близ Пресвятыя Троицы. Радуйся, яко Ты Мати людей озлобленных, иже к Тебе прибегающих. Радуйся, яко Твоя радость во век не скончается. Радуйся, Благодатная.

О Пресвятая Госпоже, Владычице Дево Богородице, приими недостойную молитву мою, и сохрани мя от наглыя смерти, и даруй ми прежде конца покаяние.

Молитва Ангелу Хранителю

Ангеле Христов, хранителю мой святый, не отступи от меня злых ради дел моих, но моли Бога о мне грешнем, яко да простит ми[1] Создатель и Бог мой вся, елико пред Ним согреших, и да укрепит мя прочее время без порока прейти. Ты же мя, о Хранителю мой, в сию нощь силою твоею покрый, и невредимо соблюди от всякаго зла, яко да невврежден от диавольских искушений, возстав от смиреннаго ми ложа, достойно восхвалю имя Бога нашего, Отца и Сына и Святаго Духа, яко благословенно есть ныне и присно и во веки веков, аминь.

О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, Ангельский собор и человеческий род, Освященный Храме и раю словесный, девственная похвало[2], из Неяже Бог воплотися и Младенец бысть, прежде век сый Бог наш; ложесна бо Твоя престол сотвори и чрево Твое пространнее Небес содела. О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, слава Тебе.

Слава Тебе, Матерь Божия, верных прибежище и избавление в лютых содержимых, и души моей Божественное утешение. Всеокаянную душу мою, о Благодатная, уязвленную стрелянии ратника, Твоему всесильному предстательству поручаю, юже соблюдай и спасай от бесовских козней невредиму, да зову Ти: радуйся, Невеста неневестная.

[1] *В автографе:* мя

[2] *В автографе:* похвала

Преславная Приснодево, Мати Христа Бога, принеси <нашу молитву>[1] Сыну Твоему и Богу нашему, да спасет Тобою души наша.

Вся Ангелов воинства, Предтече Господень, Апостолов двоенадесятица, святии с Богородицею, сотворите молитву, во еже спастися нам.

Упование мое Отец, прибежище мое Сын, Покров мой Дух Святый: Троица Святая, слава Тебе.

Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения моя, вольная и невольная, яже в слове и в деле, яже в ведении и не <в> ведении, яже во дни и в нощи, яже во уме и <в> помышлении, и вся нам прости, яко Благ и Человеколюбец.

Исповедание грехов повседневное

Исповедаю[2] Тебе Господу Богу моему и Творцу, во Святей Троице Единому, славимому и покланяемому, Отцу и Сыну и Святому Духу, вся моя грехи, яже содеях во вся дни живота моего, и на всякий час, зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием и всеми моими чувствы, душевными вкупе и телесными, имиже Тебе Бога моего и Творца прогневах, и ближняго моего онеправдовах: о сих жалея, винна себе Тебе Богу моему представляю, и имею волю каятися: точию, Господи Боже мой, помози ми, со слезами смиренно молю Тя: прешедшая же согрешения моя милосердием Твоим прости ми, и разреши от всех сих, яко Благ и Человеколюбец.

1056. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Калуга, 16-го декабря 1845.

Хочу написать вам хотя самое коротенькое письмо, любезный друг мой; я здесь получила от вас две записочки: одну пересланную мне Софьей Михайловной, а другую попавшуюся ко мне не знаю сама каким образом. У меня на душе лежал как будто какого рода грех,— так меня беспокоило, что я вам не отвечала в течение целого месяца. Брат мой Клементий писал: «Губернатор есть самое занятое лицо в мире, разумеется, в своем муравейнике»;

[1] *В автографе слова пропущены.*

[2] *В автографе:* Исповедую

если это справедливо, справедливо и то, что губернаторша тоже служит и ни под каким видом не может проживать как партикулярное лицо, как ей угодно. Кроме обязанностей общественных, настигли на меня еще и домашние. Сообразно тому, что сказал великий мудрец Клементий Осипович насчет губернаторской деятельности, Николаю Михайловичу невозможно управлять своим имением (т. е. продолжать его расстроивать), и таким образом ко мне в руки перешло, кроме домашних людей, еще и 2900 душ, которыми отныне управляю вполне, с правом закладывать и выкладывать, продавать леса, уничтожать фабрики и заводы, словом, упрощивать хозяйство так, как только можно. По приезде моем в Калугу, я нашла такой ужасный беспорядок в доме, что с утра до вечера проводила в счетах и расправах, и если вам не писала, то решительно по неимению времени; к этим занятиям, в виде приятных прогулок и развлечений, были визиты ко всем без изъятия служащим и некоторым здесь живущим помещикам и почетным купеческим женам. Кроме того, я посетила больницы, богадельни и вообще благотворительные заведения. Обреталась же я в Калуге с 13-го числа ноября, итого месяц с небольшим. Но пеняйте на мое молчание, по прочтении этой программы. Ни скучать, ни горевать не было еще времени; хорошо уже то, что явилась опять энергия. Отрадными минутами были вечера, которые мы проводим; дома тетушка княжна Цициянова, вам известная по моим рассказ<ам>, брат Лев Арнольди, который тут служит по особым поручениям, и Иван Сергеевич Аксаков. Собираются в 8 часов, и мы сидим до 11 и даже 12-ти. В губернии если попадется порядочный человек, то, верно, или замешан был какого-нибудь числа и года, или разорился в пух, живя в Петербурге и за границей, и не радел о своих поместьях, или женился несчастливо; тетушка говорит, что все с изъянцем и что мы первые с изъянцем. В этом месяце узнала я более об России и человечестве вообще, чем во все мое пребывание во дворце. Там все раны прикрыты золотой парчой, здесь вся внутренняя сторона едва прикрыта лохмотьями. Где лучше люди, там или здесь,— это Богу одному известно. Между духовными лицами я отыскала одного старого священника, который обратил Юрия Александровича Нелединского к Богу и был его другом. Есть, говорят, умные люди, но что такое ум без души и любви там, где она должна преизбыточествовать, как в губернии, чтобы сделать сколько-нибудь пользы! Прекрасная женщина игуменья Ангелика, умная сердцем и очень смиренная, почти не живущая этой жизнию.

Мы с ней сошлись. В губернии сидят там и сям по монастырям люди удивительные; но влияние их не распространяется за монастырские ограды. В 180 верстах от нас, в Волхове, живет Макарий, тот, который был у бурят; в Петербурге он никому не полюбился и сидит теперь под гнетом, обучает детей и лечит больных; преобразовал свой монастырь, который славился развратом. Так как княжна с ним очень знакома, то и я намеревалась к нему съездить; мне нужно переговорить с ним насчет одного священника. Здесь есть заведение, так называемое Хлюстинское, где 600 человек и нет своего особенного священника, хотя есть церковь, и я хочу, чтобы он мне дал иеромонаха ему известного и имеющего склонность к занятиям больничного священника.

Вышла прекрасная брошюрка Стурдзы об обязанности духовных лиц в тюрьмах и больницах. Не раз вспоминали мы ваши «Мертвые души», любезный друг; надобно быть точно ослепленным, чтобы отвергать всю их истину. Пожалуйста, не верьте, если до вас дойдут на мой счет какие-нибудь слухи; вообразите, что я решительно не могу сделать шагу, о котором бы на другой день не говорил весь город. Губернаторша была ли у архиерея — на другой день все едут к нему узнавать, что говорила; была ли у всенощной — на другую субботу отправляются ко всенощной; была у купчихи — узнают зачем и не просила ли денег для бедных. До сих пор этой податью, ввиду блага общего, я никого еще не налагала и надеюсь, что без нее обойдусь. Мне теперь иногда смешно, когда я подумаю, как все в моей голове переиначилось. Вместо громких имен: Нарышкиных, Воронцова, Вьельгорских, Карамзиных — звучат только: Писарев, Яковлев, Брылевич, Салтанов; вместо приглашения на обед, бал или концерт — впереди у меня визит к архиерею, экзамен в институте, поездка в богадельню или, что всего тягостнее, мой приемный день и бал в дворянском собрании. Вместо рассуждений о камере французской и католическом движении в Германии — продажа или покупка ржи в голодающую Западную Русь, перемена смотрительницы умалишенных, которая изволила продавать булки, отпускаемые этим несчастным, потому что они жаловаться не могут. И все эти вещи заменили тот, может быть, условный интерес, и дни проходят незаметно, и всякий день новое дело, и порядку все-таки еще нет. Странная вещь человек! Какая гибкость в его уме и душе! Как скоро привыкает он к тому, что издали казалось ему грозным страшилищем. Вчера я получила письмо от Плетнева, он пишет, что распорядился насчет вашего пенсиона; вы жалуетесь

на зябкость — это чувство чисто нервическое,— я уверена, что она пройдет в Иерусалиме, а я между тем попрошу игуменью за вас помолиться. Вы, верно, знаете, что Тургенев умер скоропостижно в Москве; не успел и причаститься, хотя первый его крик был, когда сделалось ему дурно: «Попа! попа!». У игуменьи вынимают часть за его упокой. Дети мои здоровы; они учатся и никого не видают; это всего вернее, потому что охотников хвалить губерн<аторских> детей всегда много. Пусть лучше будут как дикие, по крайней мере неиспорченные. Надежда Николаевна нас очень забавляет, но ее надобно держать строго. Я жду братьев, Клементия из Киева и Александра из Петербурга. Прощайте, более некогда писать. Люблю вас по-старому.

Я писала А. П. Дурновой об Иванове; что она сделает, не знаю. Она мне писала, что вы были у нее однажды и полагает, что не нашли ее достойною ваших посещений. Она очень испуганная, и ее надобно расшевелить, душа у нее прекрасная и благородная, как у всех Волконских, но она впала в апатию вследствие домашних обстоятельств; прочтите ей то, что я пишу, старайтесь ее растормошить. Теперь у нее нет другой мысли, как сын, — вот вам ключ к ее уму и душе. От других радостей жизни она отказалась от 26 лет и жила всегда в волю другим, что и убило в ней всякую энергию. Она не делает зла, потому что ее добрая натура не вмещает зло, но добра она не делает положительно, потому что деятельности в ней нет никакой. Всегда пишите: где вы, куда адресовать и куда вы сбираетесь. Что наш царь в Риме?

А. О. Смирнова.

1057. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

24 декабря 1845 / 5 генваря 1846. <Франкфурт>

Виноват я перед вами, любезный Гоголь: давно лежит у меня к вам письмо от Плетнева, а я все его к вам не высылал. Как это случилось, право, не знаю: на эти дела я человек аккуратный. Правда, во все это время я хворал: Швальбах мне помог, и до декабря я был в добром порядке; но в декабре опять свихнулся: биение сердца, прерывчатый пульс, кровотечение, одышка, слабость и всякие другие приятности. И Копп, кажется мне, потревожился. Но он остановил опять ход болезни; и теперь опять все стало лучше. Весна возвратит, надеюсь, здоровье. Впрочем, трудно было не быть больным: зима странная; беспрестанный переход от тепла не к холоду, а к буре и ветру. Зимнего же

освежительного холода еще до сих пор не было. Вчера только в первый и единственный раз было 4 градуса мороза при ясном небе. Барометр падает до 26 градусов, чего никогда не слыхано. Словом, и в воздухе революция, которая все наши нервы тревожит. При всем этом немудрено, что я забыл послать вам письмо Плетнева.

К болезни телесной присоединилась и болезнь сердечная: мой пятидесятилетний товарищ жизни, мой добрый Тургенев переселился на родину и кончил свои земные странствия. Бог послал ему быструю, бесстрадальную смерть. 3 декабря (с<т>. с<т>.) он умер в Москве, в доме своей двоюродной сестры, у которой жил. Умер ударом. Но он, вероятно, накануне сильно простудился, проведя в холодную, дурную погоду целый день на Воробьевых горах, где раздавал деньги ссылочным в Сибирь, и не одни деньги, но и слезы, и утешения — можно ли лучше приготовиться к собственной дороге, но не в ссылку, а на родину? Думая о нем, каков он был *истинно,* верю упокою души его: ибо, конечно, на этой душе ни малейшего пятна не осталось от жизни. Он всегда был добр, всегда чист и намерением и делом. Жизнь могла покрыть его своею пылью, но смерть легко сдунула с души его эту пыль, которая вся всыпалась в могилу.

Вы давно ко мне не писали. Плетнев требует, чтобы вы к нему высылали аккуратно свидетельство о жизни. Это свидетельство должно быть высылаемо в каждую треть года и всегда 13 генваря, 13 мая, 13 сентября нового стиля. Прошу вас это наблюдать.

Пишете ли вы? А я как будто заколдован. Гомер мой остановился на половине XIII песни, и вот уже год, как я за него не мог приняться и от болезни, и от лечения, и от поездок. Но перевод Нового Завета почти кончен, надеюсь довершить его в самый Новый год (с<т>. с<т>.), то есть в день рождения моего Павла. Жаль, что мы не можем его прочитать вместе.

Напишите мне о пребывании царя в Риме. Обнимаю вас. Жена и все мои вам сердечно кланяются. Скажите мой дружеский поклон Бутеневу.

Жуковский.

1058. Графу А. П. Толстому

<8–10 января (н. ст.) 1846. Рим>

Рим. Генваря 8.

Податель сего письмеца есть архитектор наш Иванов, которого вы, может быть, уже знаете и ради которого я беспокою вас убедительною просьбою дать ему (если у вас случатся) денег на проезд в Рим. Проезд этот, разумея в художественном смысле, с осматриванием всех архитектурных памятников, стоит издержек. Из Академии им до сих пор еще не выслали следуемых денег, а он бы не хотел из<-за> этого потерять даром драгоценное время. Если вы можете его ссудить от 500 до 1000, то сим крайне обяжете как его, так и брата его, знаменитого нашего и решительно первого живописца, поборника и защитника иконной живописи, который крайне заботится и беспокоится с примерной братской любовью о своем брате[1] и просит меня обо всем этом убедительно. С ним вы можете переслать мне книги и всё, о чем просил вас. Здоровье мое, как и всех нас, в руках Божиих. Хотел бы обнять вас лично, крепко и сильно благодарить за всё и поговорить с вами, добрейший и близкий моему сердцу Александр Петрович. Много бы дал, чтобы увидеть вас здесь, в Риме, где всё уже совершенно успокоилось, стало привольно, уединенно и тихо, так что можно сказать, что здесь теперь одни болящие и недужные, в числе которых находится и ваш грешный богомолец, нуждающийся попрежнему в ваших молитвах.

Н. Г<оголь>.

Графине мой душевный и дружеский поклон. Благодарю обоих много и много за то, что вынимаете частицы обо мне, молите<сь> обо мне и просите других обо мне молиться. Попросите доброго священника нашего от меня (передавши ему мой искренний поклон) отслужить обо мне молебен о ниспослании сил мне душевных и телесных на совершенье того труда, который нужней и нужней, чем дале, становится в нынешнее время[2] и который хотел бы совершить быстрее и умней и во имя Божие.

Поздравляю вас обоих с наступающим *нашим* Новым годом.

<На обороте:>

Son excellence monsieur le c-te
Alexandre Tolstoy.
Rue de la Paix, 9. Paris.

[1] о нем

[2] сегодня

1059. Н. М. Языкову

Генвар<я> 8 <н. ст. 1846>. Рим.

Два письма твои в Рим (одно без числа, другое от ноября 21) я получил; благодарю за них, за участие и за некоторые известия, хотя их и немного. Я порадовался тому, что Шевырев приготовляет к печати свои лекции, которых я жду с нетерпением, и что у Аксакова Ивана есть талант. Я писал к отцу, чтобы прислал мне его стихов; напомни и ты или, лучше, пришли сам: я думаю, работа будет небольшая приказать уписать мелким шрифтом[1] на листе почтовой бумаги всё. Известие о переводе «М<ертвых> д<уш>» на немецк<ий> язык мне было неприятно. Кроме того, что мне вообще не хотелось бы, чтобы обо мне что-нибудь знали до времени европейцы, этому сочинению неприлично являться в переводе ни в каком случае до времени его окончания, и я бы не хотел, чтобы иностранцы впали в такую глупую ошибку, в какую впала большая часть моих соотечествен<ников>, принявшая «М<ертвые> д<уши>» за портрет России. Если тебе попадется в руки этот перевод, напиши, каков он и что такое выходит по-немецки. Я думаю, просто ни то, ни сё. Если случится также читать какую-нибудь рецензию в немецких журналах или просто отзыв обо мне, напиши мне также. Я уже читал кое-что на французском о повестях в «Revue de Deux Mondes» и в «Des Debats». Это еще ничего. Оно канет в Лету вместе с объявлениями газетными о пилюлях и о новоизобретенной помаде красить волоса, и больше не будет о том и речи. Но в Германии распространяемые литературные толки долговечней, и потому я бы хотел следовать за всем, что обо мне там ни говорится. О римских новостях не знаю, что тебе написать; меня, по крайней мере, они не интересуют. Самое важное из происшествий был приезд нашего царя. Я полюбовался им только издали и помолился в душе за него. Да поможет ему Бог устроить всё к лучшему на Руси нашей! Здоровье мое вначале было поправилось значительно, теперь расклеивается вновь; я зябну до такой степени, что не нахожу средств согреваться. Сначала было я прибегал к беготне, которая мне помогала; но теперь ноги начинают болеть и отказываться. Но да будет во всем Божья воля! Жду от Него одного только помощи, Его одного только средства действительны и могут излечить меня. Ему же поручаю и тебя. Да устроит Он всё в нас ими же весть судьбами и обратит все недуги наши в добро, для которого, верно, и вызваны они в нас! А ты напиши мне подробно и обстоятельно

[1] *В подлиннике:* штрифтом

все твои нынешние припадки, мне это нужно. Затем обнимаю, прощай.

Твой Г<оголь>.

Адрес мой: Via de la Croce, 81, 3 piano, а ты напиши мне свой.

Поздравляю тебя с наступающим *нашим* Новым годом. Да будет он нам благотворней и чудотворней всех годов и да восчувствуем в нем всю благодать и милость Бога!

Если что найдется прислать, пошли к Вяземскому или к гра<фине> Вьельгорской (на Михайловс<кой> площади, в собственном доме) с тем, чтобы они отправили с курьером, которые теперь ездят всякую неделю в Палермо и в Рим.

Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое от двадцатых чисел декабря.

<*На обороте:*>
Moscou. Russie.
Николаю Михайловичу Языкову.
В Москве. На Кузнецком мосту, в доме Хомякова.

1060. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<22–23 декабря 1845. Покровское>

Покровское. Декабря 22.

Сегодня, мой милый друг, по благости Божией сподобилась приобщиться Святых Таин. Вспоминала о вас, молила Отца Небесного, да устроит Он путь ваш. Я к вам, мой друг, писала через Николая Михайловича в исходе ноября, и недавно еще писала с княз<ем> Васильем Петровичем Голицыным и послала с ним посылку и письмо, что два года назад посылала с Бабарыкиным, которой так много говорил, где была эта посылка. Но как бы то ни было, на прошедшей неделе я была в Москве — он мне привез и посылку, и письмо мое. Я ни то, ни другое не распечатывала[1]; написав еще к вам несколько строк, отправила. Примите, мой друг, благословение от души, которая крепко с вами сроднилась и не расстается; сопутствуя с вами, молитвою соединяюсь. Николай Михайлович послал к вам с этою оказиею сочинение Норова, путешествие его в Иерусалим. Я князя хотя лично не знаю, но ездила к нему просить о доставлении моего письма и посылки к вам. Не нашла его дома, доставила все это его сестре, и, верно,

[1] *В автографе:* распечатавала

князю все доставлено. От вас буду ждать известия о получении сего.

С великим праздником вас, мой милый друг, поздравляю. Дай Бог, чтобы мы сумели сей радостный для каждого христианина день встретить и провести в чувствах, Ему угодных. И с Новым годом поздравляю. И его должно встретить в молитве, а не так, как большею частию встречаем оный в заботах. О Всемилосердный, Ты нас не покинь! Прощайте, мой милый друг, обнимаю, благословляю. После кончу, а сегодня только хотелось хоть несколько слов сказать в такую блаженную минуту, в такой радостный для души день, когда сподобилась приобщиться. Прощайте.

Христос с вами!

23 декабря.

Бывши на той неделе в Москве, надеялась от Николая Михайловича что о вас узнать, но он говорит, с тех пор от вас не получал. Я к вам писала, что Александра Осиповна взяла мой адрес. Если долго не получу, сама напишу. Так и думала, слыша, что она не здорова, но это ошибкой сказали, я и отдумала, и очень просто на сей раз, как и всегда с вами, говорю, отчего отдумала. Если я к ней напишу, тогда поставлю ея в необходимость отвечать, а ей, может, не хочется. Вот почему и отдумала. Услышав, что она нездорова, у меня сердце всегда вперед меня бежит, я и хотела тотчас ея письмом навестить, а узнав, что она не была больна, мне и отозвалось на сердце, что не нужно. Хотя из переписки с ней могла бы иметь утешение чаще о вас знать. Но в душе моей почувствовалось, что не должно озабочивать других, чтобы себя порадовать. Когда вам вздумается написать ко мне, сказав о себе, о своем спокойствии, коим очень дорожу, много меня сим успокоите, а нельзя вам, то от Николая Михайловича узнаю, что с вами. Дай Бог знать, что пребываете в положении, угодном Отцу Небесному; сего вам, мой милый друг, желаю и о том молю Господа. В последнем письме вашем вы сказали, что желаете Ему единому служить. Это мне помнится в душе моей, и радуюсь и благодарю за сие милосердие Его. Ох, как часто[1] вас, мой друг, Ему я отдаю. Прощайте, думала на той странице кончить и запечатать, а вот и без моего ведома перебралась сюда. Пишу или молчу, знайте, что с минуты, когда Провидению угодно было, что я вас встретила и в душе моей познала, то с того времени молюсь о вас, мой милой друг. А болезнь ваша, уныние ваше глубоко проникнуло мою душу.

[1] *Далее было:* я

С тех пор, истинно, один Бог видит, как я о вас молюсь. Тоже один Он видит, как вы мне дороги и как мне близко и трогательно предлежащее вам столь давно желанное путешествие, как оно наполняет душу, постоянно вам преданную и полно. Дай Бог вам свершить свой труд — чтобы могли отправиться спокойно, чтобы ни малейше ничто не могло зацепить вас за сердце, стремящееся в блаженный путь. Доживу ли до вашего возвращения, но знайте, мой друг, пока дышу, молиться буду, чтобы вы достигли, куды так давно и так пламенно душа ваша рвется. Спаси вас Господи! Как я заговорилась, но зато не так часто к вам пишу, как бывало прежде. И этот раз не думала, но вчера, сподобясь такого блаженства, побеседовала с отсутствующими детьми, а возлюбленной Николай Васильевич близок душе моей. Да, мой милый друг, Сердцевидец то знает, Его молю, да Сам Он меня наставит и поможет, как о вас молиться. Господи, не покинь Ты его! Однако, мой друг, хоть не хочется, а пора расстаться, а то опять запечатать нельзя. Прощайте, мой милый друг, обнимаю, благословляю вас со всею нежностию матери. С этим-то чувством всегда пред Господом о вас вспоминаю — и вручаю Ему и молю Его о вас, все с чувством матери. И прощайте, вечно вам принадлежу с дружеством.

Христос с вами!

<*На обороте:*>

Á *Rome.* En Italie.
A Monsieur Monsieur de Gogol.
Via de la Croce, № 81, 3 piano.
В Рим, в Италию.
Его высокоблагородию
Николаю Васильевичу Гоголь.

1061. А. О. Смирновой

<27 января (н. ст.) 1846. Рим>

Наконец от вас письмо из Калуги (от 12 декабря)! Как долго я ждал его! как соскучил без ваших писем! как мне теперь нужны ваши письма! как нужно теперь для вас самих писать ко мне чаще, чем когда-либо прежде, ради вас самих! Я вам говорю это не напрасно. После вы узнаете, как я прав. Христа ради, не забывайте этого и пишите. Я глотал жадно ваши известия калужские, хотя в них только[1] один легкий очерк вашей жизни. Но на первый раз быть так: вам было много хлопот и не до того. Друг мой

[1] только еще

Алек<сандра> Осиповна, будьте же отныне обстоятел<ьны> и дайте себе слово отвечать на всякий запрос моего письма. Вы уже сделали визиты, как сказываете сами, всем служащим, некоторым помещикам и почетным купеческим женам. Напишите же мне, что такое служащие ваши, что такое помещики и что такое купеческие жены. Сначала их дух вообще, как целого сословия, а потом, какие есть между ними исключения. Узнавайте их понемногу, не спешите еще выводить о них заключения, но сообщайте всё по мере того, как узнаете, мне. Не бросайте многих людей и характеров, как уже узнанных и вам известных, но продолжайте присматривать за ними и наблюдать: в душе и в сердце человеческом столько есть неуловимых оттенок и излучин, что всякий день могут случиться открытья и открытья. У вас есть порок, свойственный почти всем женщинам: вы поспешны и быстры и хотели бы иное вдруг сделать. Этот порок, однако же, лучше мужского порока, известного под именем *байбачничества*. От этого порока вы избавитесь уже тем, если дадите себе слово — всякое дело, какое[1] ни захотите сделать, изложить прежде мне в письме, а потом его сделать. Чувствуя, что излагаете его мне, вы уже невольно увидите его обстоятельнее и лучше и, не имея от меня ответа, уже узнаете сами мой ответ. Друг мой Александра Осиповна, не пренебрегайте всеми этими просьбами: просит об этом вас больной и подчас сильно страждущий друг. Вы никогда не любите смотреть в письма мои перед тем, как пишете, и почти никогда не отвечаете на нужные, иногда слишком нужные и слишком душевные запросы. Друг мой, не поступайте со мной так! Держите хотя одно это письмо перед собой в то время, когда пишете. Но возвращаюсь вновь к моим просьбам и продолжаю их: определите мне характеры всех находящихся в Калуге; не пропускайте мелочей и подробностей, вы знаете, что я до них охотник и что по ним мне удавалось узнать многое, многое в человеке, вовсе не *мелочное*, которое иногда он не только не открывает другим, но и сам не знает. Уведомляйте меня также о всех толках, какие ни занимают город, о всех распоряжениях, какие ни делаются в губерниях, и о всех злоупотреблениях, какие ни открываются. Не пропускайте также упоминать о всех мерах, какие предпринимаются противу голода, как раздаются хлеба, то есть какими порядками, образами и средства<ми>. Не пропускайте также извещать меня от времени до времени о крестьянах, находящихся в вашей губернии, как помещичьих, так и казенных, обо всех у них и с ними переменах и вообще обо всем, что ни касается их

[1] котор<ое>

участи. Не пропускайте также уведомлять меня обо всех важнейших делах,[1] какие предстоят в Калуге Николаю Михайловичу (которому при сем передайте мой радушный и дружеский поклон), обо всем, что удалось ему уже сделать, равно как и о множестве всякого рода затруднений, какие[2] предстоят повсюду. За всё это я отблагодарю вам потом не словом, но делом. Я буду вам потом в великой пригоде. Друг мой, дайте мне силы сделать что-нибудь[3] похожее на доброе дело. У меня так мало истинно добрых дел,[4] а жизнь наша так быстро летит, я же к тому и недомогаю, чем далее, тем более.[5] Вы знаете, что я люблю Россию, что всё, что ни есть в ней, мне дорого, что любовь моя растет, несмотря на бренные мои физические силы. Друг мой, исполните мою просьбу! Что вам сказать о самом себе? Я зябну и зябну, и зябкость увеличивается, чем далее, более, а что хуже, вместе с нею[6] необыкновенная леность всяких желудочных и вообще телесных отправлений. Существование мое как-то странно. Я должен бегать и не сидеть на месте, чтобы согреться. Едва успею согреться, как уже вновь остываю, а между тем бегать становится трудней и труднее, потому что начинают пухнуть ноги или, лучше, жилы в ногах. От этого едва выбирается из всего дни один час, который бы можно было отдать занятиям. Но при всем том Бог милостив: я не унываю. Думаю о многом том, о чем мне следует думать, и мысли мои, несмотря на телесный недуг, нечувствительно зреют. Да будет же во всем Его святая воля! Всё, что ни посылается нам, исполнено смысла, и не наберется потом душа наша благодарений за все трудные и тяжкие минуты жизни. Продолжайте обо мне молиться. Вы пишете известить о пребывании царя в Риме. Он пробыл четыре дни. Я его видел и любовался им издали, когда он прогуливался по Monte Pincio. Лицо его было прекрасно. Исполнен<ная> благоволен<ия> наружность его, несмотря на некрасивое и к нему вовсе не идущее наше штатское платье, не могла не поразить всех. Я не представлялся к нему потому, что стало[7] стыдно и совестно, не сделавши почти ничего еще доброго и достойного благоволения,[8] напоминать о своем существовании.[9]

[1] обо всех де<лах>
[2] котор<ые>
[3] сколько-нибудь
[4] у меня их так мало
[5] более и более
[6] что вместе с нею прекращаются
[7] потому, что, во-первых, было
[8] его благоволения
[9] о себе

К тому ж в четыре дни столько нужно было ему видѐть вещей замечательных, что это было бы с моей стороны одним пустым притязаньем. Государь должен увидеть меня тогда, когда я на своем скромном поприще сослужу ему такую службу, какую совершают другие на государственных поприщах. Впрочем, он был особенно благосклонен к художника<м>, приказывал им быть во время своей прогулки по Ватикану, а архитекторам — во время осмотра древностей и римск<их> памятников. Иванова очень похвалил за его картину. Тут бы можно было обделать прекрасно его дело. Но на беду здешний их директор Киль, севший на место Кривцова, еще хуже в этом деле покойника: все до единого из художников им недовольны. *Человек ни то, ни се* и, кроме то<го>, страшно предубежден противу русских, неблагоразумно,[1] неосмотрительно стал хлопотать и выставлять[2] худож<ников> иностранных... Словом, никто его понять не может. В Иванове, впрочем, принимает участие Григорий Волкон<ский> и обещался о нем особенно хлопотать. Римом вообще Государь остался бы больше доволен, если бы прожил подолее, если бы погода была получше и если бы квартира не попалась ему такая дурная, каков сырой и мрачный palazzo Giustiniani, занимаемый Бутеневым. О пребывании Государыни в Palermo вы, верно, знаете. Климат Палерма пришелся ей по душе и по здоровью, и нужно только желать, чтоб она осталась там подолее. Конст<антина> Никол<аевича> ждут сюда к карнавалу; Государыня же не раньше намеревается, как на Пасхе. Вот вам всё, что я знаю о царской фамил<ии>. Русских наехала сюда куча, но таких, с которыми я видаюсь, немного. Чаще бываю у гр<афов> Чернышевых-Кругликовых, потому что они мои старые знакомые, потому что больные и потому что, сверх того, очень добры и просты. Часто[3] бываю у Апраксиной, Соф<ьи> Пет<ровны>, потому что она также очень добра и притом сестра моего любезного Александра Петровича (гр<афа> Толст<ого>), который сидит теперь в Париже. Дурнову я видел несколько раз. Она неразговорчива, но в лице ее много доброты. Нельзя не заметить вдруг апатии и душевной недеятельности.[4] Графиня Нессельрод мне понравилась с первого раза именно лицом, в котором много душевного прекрасного выражения. Вы знаете, что я знаток, и если

1 и неблагоразумно

2 заботиться

3 Также часто

4 Это бросилось мне с первого раза, хотя я не мог не заметить в то же время даже в лице присутствия апатии и душевной недеятельности.

проступила уже хоть сколько-нибудь душа внаружу, она не скроется от меня, я вижу ее на лице[1] прежде, чем откроются уста говорить. С ней мы говорили, разумеется, о вас. Графиня Растопчина тоже здесь. Она, при доброте и уме,[2] пустовата. Это вовсе не *книга*, написанная о каком-нибудь одном и притом дельном предмете, а сшитые лоскутки всего: *tutti frutti*. Она, разумеется, всякий день по балам то у Торлони, то у Дория, то у посланников, словом — повсюду, где скука. С этими тремя дама<ми> я вижусь реже только единственно потому, что не вижу, каким образом и чем именно могу быть им в текущую минуту полезен. Мне трудно даже найти настоящий дельный и обоюдно-интересный разговор с теми людьми, которые еще не избрали поприще и находятся покаместь на дороге и на станции, а не дома. Для них, равно как и для многих других люд<ей>, готовятся «Мертвые души», если только милость Божья благословит меня окончить этот труд так, как бы я желал и как бы мне следовало. Тогда только уяснятся глаза у многих, которым другим путем нельзя сказать иных истин. И только по прочтении 2 тома «М<ертвых> д<уш>» могу я заговорить со многими людьми сурьезно. Стало быть, никак не думайте, прекрасный[3] друг, что я отталкиваю от себя каких бы то ни было людей. Я просто действую только расчетливо и не хочу тратить пороха даром. Вы писали мне в прежн<ем> письме вашем, чтобы я не дичился с Самариным, если он будет писать ко мне. На это скажу вам, что еще не дичился в таком смысле[4] ни одного человека и не оставлял без ответа ни одного письма, если только было подвигнуто *душевным побужденьем*,[5] если оно[6] было что-нибудь похожее на душевную исповедь или даже[7] на *потребность душевную*. А доказательство всему этому то, что я, не получивши от Самарина ни строки, написал ему на днях сам вызов. Скажите мне также кстати, что это за таинственное письмо, о котором вы мне уже раза три писали. Сначала во Франкфурт, что я получу через месяц какое-то длинное письмо; полгода спустя, вы сказали вновь, что мне будет переслано длинное письмо (не упомянув тоже от кого), но я его не получал вовсе. Наконец написали мне уже в Рим, что в посольстве лежит для меня

[1] и уже вижу ее на самом лице
[2] и при всем том
[3] добрый мой
[4] не отталкивал
[5] *Далее начато*: чем ни
[6] это
[7] просто

предлинное письмо. Я справлял<ся> и никакого, ниже короткого, не нашел. Скажите мне, наконец, хотя теперь, от кого это письмо и почему вы не захотели ни разу писавшего назвать[1] по имени? и зачем была эта таинственность? Адресуйте мне прямо на квартиру мою (Via de la Croce, № 81, 3 piano) — это вернее. И не забывайте, повторяю вновь еще раз, не забывайте писать ко мне[2] именно о том, о чем просил вас в начале письма этого. Держите письмо мое перед глазами, когда пишете ко мне, оно вам всё напомнит. Грех вам будет, если вы не исполните просьб вашего недугующего и вас во Христе любящего брата и друга. Никакого оправданья вы не можете привести. Никакие недосуги не могут помешать. Час всегда можно выбрать, если вы решитесь твердо отдать один час навсегда. Напротив, от этого еще сами дела ваши потекут размеренней, порядочней и лучше. Час, отданный мне, только разграничит день и время на законные половины и установит лучший порядок. Зачем вы не хотите также исполнить то, о чем я уже четыре раза просил, именно[3] уведомлять всякий раз, что такое-то именно письмо мое, писанное от *такого-то*[4] *месяца и числа,* вами получено. Мне это нужно. Друг мой, во многих вещах нужна аккуратность, да и где она не нужна? Увы, есть много таких вещей, которые в глазах всего света мелки, а для меня не мелки.

Прощайте, обнимаю вас сильно и сильно. Не забывайте же адреса: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

<*На обороте:*>

Russie. Kalouga.
Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.
В Калуге.

1062. М. Григоров — Н. В. Гоголю

<Конец декабря 1845 — январь 1846. Неаполь>

Почтеннейший Николай Васильевич! Суворов привез мне поклон от вас и крайне нас обрадовал известием о хорошем состоянии вашего здоровья. Мы уж пять недель в Неаполе, наслаждаемся благорастворением воздухов. Если я вам о сию пору не писал, то причиной сему непреодолимая лень, которая обуяла меня в первое время пребывания здесь, а после с приездом Государя не было свободной минуты. Зная страсть вашу к Риму,

[1] упомин<ать>
[2] ко мне, друг мой
[3] то есть
[4] от такого-то дня

я не надеюсь, чтобы вы решились сделать поиск в Неаполь, хотя короткая поездка сюда, по моему мнению, могла бы иметь полезное влияние на ваше здоровье. Мы будем в Риме в конце февраля и проживем у вас около четырех недель, но до этого временн обрадуйте[1] меня несколькими строками. Прошу не забывать, что греффенбергский друг лучше других двух. От души вам преданный Мих. Григоров. Жена кланяется вам.

1063. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

25 дек<абря> 1845 / 6 генв<аря> 1846.
Санкт-Петербург.

Какую грусть навело на меня письмо твое, любезный Николай Васильевич! Не умею представить, что с тобой будет по приезде твоем в Петербург, если ты нисколько не можешь поправиться здоровьем и в Риме.

Покамест еще не посылаю тебе денег. Вышло недоразумение между Главным Казначейством и Министром Финансов. Последний, предписавши выдавать тебе деньги, забыл определительно сказать, нужно ли вычитать из этой суммы обыкновенные проценты или нет. Вот об этом и пошла теперь бумага к Министру Финансов, без разрешения которого и отказали пока мне во вторичной выдаче твоих денег. Даже и по разрешении Министра, Главное Казначейство не все выдаст деньги за последнюю треть 1845-го, как я полагаю, а только по то число, которое означено в свидетельстве миссии, уведомляющей о том, что ты, слава Богу, жив и здоров. Теперь, когда ты будешь брать новое оттуда свидетельство для пересылки ко мне, то попроси, чтобы миссия выставляла на нем последнее число целой трети, а именно 31 декабря, 30 апреля и 31 августа.

Да благословит Бог все твои начинания и да подкрепит все силы твои на благие дела! Обнимаю тебя от души

преданный тебе неизменно

П. Плетнев.

1064. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Петербург, 7-го января 1846.

Давно я вам не писала, любезный Николай Васильевич, но что-то не писалось, и в самом деле не о чем и было вам писать.

[1] *В публикации:* обрадуете

Но я часто, очень часто о вас думала и сожалела, что вы так далеко от нас. Я б иногда дорого дала, чтоб видеть вас и переговорить с вами хотя на полчаса. Что можно в письмах сказать? почти ничего. А все-таки ваши письма, любезный Николай Васильевич, для меня полезны. Они всегда меня ободряют, и с некоторого времени мне этого нужно. Я не так спокойна и весела, как была летом в нашем любимом Павлине, но это всегда так бывает, когда я много выезжаю в большой свет и, верно, опять пройдет весной. Я стараюсь преодолеть это унывное расположение духа, но это трудная борьба. La vie me pise quelque fois et je sens un vide accablant autour de moi. Сверх того, я недовольна собой. Мне кажется, что я ничего хорошего не делаю, ничего полезного для себя или для других... Любезный Николай Васильевич, браните меня, пожалуйста, ваши упреки для меня приятны и я их люблю[1].

Мы начали новый год все вместе, т. е. вместе с братом, который приехал из Берлина настоящим *экспромтом*. Он прездоров, слава Богу, и превесел и останется с нами, я надеюсь, по крайней мере шесть недель. Вы, верно, от него самого узнали, что он доволен местом своим и совершенно привык к берлинской жизни и к берлинскому обществу. Уже так давно не случалось, что мы все были вместе соединены, que je jouis maiutenant de ce bonheuf et que je l'apprécie dans toute son étendue. Владимир Александрович так переменился к лучшему, что до сих пор он нас ничем не огорчил. Он нынче очень занимается учреждением общества для доставления помощи бедным на собственных их квартирах. Софья Михайловна иногда унывает, думая о трудностях, которые ожидают ее в воспитании Беби. В самом деле, последняя очень умна, и решительно трудно уже теперь с ней сладить.

Я видела издали Государя. Говорят, что он очень хорошо расположен.

Пожалуйста, пишите мне о вашем здоровье и скажите мне, видели ли вы Государя в Риме. Скажите мне еще, пишете ли вы теперь? Прощайте, любезнейший Николай Васильевич! да благословит вас и нас всех Господь Бог.

1065. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Калуга, 14 генваря 1846.

Имею честь поздравить вас с Новым годом. В губернских городах это строго соблюдается, а потому не могу и я отступить

[1] *В выписке П. А. Кулиша:* приятны, я их люблю

от общего правила. Имею тоже честь вам донести, что я на вас очень сердита за ваше молчание; вы эгоист — требуете от меня род журнала, донесение о малейших событиях моей жизни для усмотрения внутренних движений моей души, а сами даже не напишете о своем здоровье. Я живу подаяньем от Плетнева, Вьельгорских, Аксакова, т. е. какими-то крупицами от стола богатых. Известно мне, что вы призрелись у Софии Петровны Апраксиной, чему очень радуюсь, потому что вам всегда нужно какое-нибудь семейство, где бы вам было ловко и приятно. Я ее только знаю почти с вида и по самым отдаленным светским сношениям, она слывет очень гордою, как все Толстые грузинской породы; но издали она мне очень нравилась; теперь моя симпатия оправдывается, потому что вы друг друга полюбили. Я очень рада, что теперь Плетнев взялся вам пересылать пенсион, смотрите, будьте же аккуратны высылкою жизненных свидетельств и благодарны благородному казначейству за такую отеческую заботу о ваших драгоценных днях. Плетнев пишет, что вы чувствуете беспрестанную зябкость; это все от прилива крови к внутренности. Как счастливо, что вы теперь в Италии; я уверена, что чем южнее вы будете, тем лучше вы будете себя чувствовать, и что Иерусалим совершенно вас излечит.

Что сказать мне вам из Калуги, из сердцевины России, доселе мне известной по предчувствию, по догадкам. Это не Петербург: отсюда такая бездна может подняться наблюдений, размышлений, дум печальных и вместе утешительных, столько мною узнано, сознано, начувствовано, испытано в течение трех месяцев, что я не знаю, с чего и начинать. Скажу вам сперва от Калуги или России, что вас все знают, все читают. Многие, что меня даже удивило, любят, и все ждут, ждут с нетерпением и с любопытством и недоброжелательным, и исполненным какой-то тревожной надежды, все ждут второй том, если не окончание «Мертвых душ». Ждут их и некоторые *Русские* в Петербурге; но теперь, благодаря *Viardot,* вы сделались известны и не русским Русским петербургским. Я читала «Старосветских помещиков»; перевод был почти невозможен и вышел очень плох. Потом попалась мне статья St. Beuve на «Тараса Бульбу». Бульба, конечно, удачнее переведен местами, потому что и интерес его более общий, а сам роман уже им доступнее. Что меня удивило и восхитило — это разбор St. Beuve. Верность его чувства убедила меня в превосходстве его прежних критик и разборов французских мне неизвестных авторов или сочинений. Для француза его статья очень

замечательна, — так об ней писал мне Аркадий и Самарин, так же показалась она и мне. Странно довольно, что он повстречался мыслью с Константином Аксаковым в сближении описаний сражений с гомеровскими описаниями. Теперь замолчит вся булгаринщина, краевщина и проч., которая так сильно восстала против Аксакова и так смеялась над ним. Ведь для этих ослов мнения Запада авторитет, и в глазах Петербурга вы уже замечательное лицо, потому что vous avez recu le bapteme de l'Occident. Ах, Боже мой, Боже мой, до чего у нас еще... Но лучше мне не выписывать то, что я прошлый год слыхала на ваш счет. Статья St. Beuve в «Revue des deux mondes» 1-го декабря. Вот вам об вас же; но все не видать Калуги. Да вы ее и не увидите, потому что я не умею никогда сделать очерка; в моей голове не усиживается ничего как-то в целости, а только отрывками, а пишу я всегда под влиянием живого впечатления или в ответ на запросы. А вы как-то требуете ведомости или подробного отчета. По приезде моем сюда, первый месяц я была очень озабочена приведением в порядок моего жилья и домашних счетов. Хотя я не обращаю особенного внимания на внешний блеск и нахожу его глупым, когда нет гармонии во всех частях домашнего быта, однако здесь надобно было дать порядочный вид приемным комнатам, потому что принимать обязан всякий губернатор, и принимать всех без разбору звания и чина, исключая только из списка находящихся под надзором полиции. Я же для себя отделила конурочку вверху, где сижу в соседстве с детьми и княжной Цицияновой. Кроме этих занятий, управление имением поглощает у меня пропасть времени. В Калуге, как и во всех наших губ<ернских> городах, страсть к общественной благотворительности дошла до совершенной глупости. Была здесь в старину княгиня Оболенская, дочь Нелединского, которая здесь и скончалась. Все сословия, начиная от нищих и до самых богатых, купцов и дворян, все единодушно по ней плакали. Она умерла тому лет 15, но память ее так жива во всех сердцах, что беспрестанно я слышу что-нибудь новое на ее счет. Муж ее был губернатором и очень посредственного ума; она ни во что не входила, но меж тем имела на всех самое благодетельное влияние. Она не завела ни одной школы, ни одного приюта и не собирала податей для нищих, а все повторяют в больницах, богадельнях, тюремных замках и в духовенстве: «Нет, уж не будет более второй княгини Оболенской!» Явилась сюда Жуковская, губ<ернаторша>, и завела все эти филантропические дома, комитеты, переписки набело, сношения с человеколюбивыми

обществами, получила похвальные листы за добродетель и проч. Таким образом, я нашла уже подготовленную мне работу, но в таком виде, что душа моя не лежит ко всему этому. Боже, Боже, как это все фальшиво и ложно и с какими людьми я должна работать — и все это, чтобы получить название благодетельницы и покровительницы вдов и сирот. Пока я еще делаю это все машинально, потому что не успела обдумать, как дать этому оборот правильный, и, вероятно, долго буду еще в размолвке с моими помощницами. В первую минуту мне хотелось отказаться от председательства, но мне доказали, что это неприлично и покажется очень дурно в Петербурге. Все уже находится в зависимости от *центра,* и всякое наше распоряжение, т. е. выдача всякого фунта хлеба, утверждается из Петербурга... Не мало было здесь споров, сплетен и очень гнусных улик на казначея и секретарей общества, некоторые дамы от этого прекратили дружбу и знакомство, — словом, гадости невыразимые. Под этим предлогом являлись ко мне с самыми скверными замыслами. Я все выслушивала, разузнавала не с малым любопытством, потому что в такой наготе еще не высказывалось нигде сердце человеческое, как здесь, и убедилась, что я живу в пустыне, что, исключая трех или четырех лиц, и то еще ограниченных в своих понятиях, я ни с кем не сойдусь. Пришли мне на память ваши слова, друг мой, что вся Калуга лазарет. Может быть, способы лечения и у меня в руках, как целительные травы в руках всякого человека, но, увы, как трудно узнать, когда и как их употреблять! На это надобна опытность или уяснение взгляда, т. е. духовное просветление, от которого я еще так далека. Здесь есть один очень умный, ученый и опытный священник, который учит детей; он приятель Ивана Михайловича Наумова, вам известного; мы с ним всякую пятницу после урока беседуем часа по три о всевозможных предметах. Мы согласны во всех мнениях наших, но он отвергает всякую возможность к деятельности. На мои возражения он с грустью мне отвечал: «Мы здесь как рабы исключенные, еще в высшем слое общества нас прилично принимают, а мещане равняют нас с батраками, и потому я отделился от всякого общества». Вы знаете, что Орловская и Калужская губернии весьма обильны раскольниками. Тайна если не распространения, то по крайней мере неубавления их вам известна. Чего не выкупишь и не по<д>купишь золотом, а им этот способ был знаком: сребролюбивые до крайности, они знали, как действовать на подобных им сребролюбцев. Здесь, и особенно в Боровске, нет почти ни одного купеческого

или мещанского семейства не зараженного. Эта зараза распространяется посредством так называемых молельщиц, т. е. самых гнусных старух. В одной Калуге их числом 1500. Каждая из них владычествует в нескольких домах и играет совершенно роль иезуитов, т. е. мирит, а чаще всего ссорит семейства, играет свадьбы, входит во все денежные дела и обороты и делает, одним словом, все, что хочет, все это под предлогом чистоты ее учений. Нельзя себе вообразить, до какой степени неприязненны между собой купцы здесь и немногие православные, которые одни служат по выборам, ненавидят уже раскольников за то, что те не несут никаких служб, и жалуются на них как на самых ненужных членов общества. Со всем тем расколы слабеют, однако же, лет с 15 тому назад. То, что не могли сделать ни угрозы правительства (которое не всегда поддерживало исполнителей его повелений), ни убеждения, ни слова, ни проповеди, ни даже покровительство единоверию, как более схожему с православием, что не могли сделать никакие усилия, — сделала мода. Да, мода, — это смешно и как-то глупо; но это верно. Ни одна молодая купчиха ни за что на свете не решится надеть купеческого платья и платка, все непременно хотят танцевать и болтать по-французски, а купцы — курить цигарки и носить немецкий фрак и брить бороду, в раскольничью же церковь они не смеют войти иначе как в платке, а мужчины с бородою, и не подчиняясь этому строгому требованию, исключаются из списков. Проходят годы, что они ходят в православную церковь, но не говеют, наконец им делают запрос, и они вынуждены говеть наконец. Вообразите же, какое у них понятие о религии и до какой степени этот многочисленный класс еще необразован. Замечательно, однако, это явление: влияние моды на один из важнейших вопросов общественности и благосостояния народа. Один очень известный и умный раскольник в Боровске сказал архиерею: «Что ты горячишься, преосвященный Николай, табачок без тебя уничтожит нашу настоящую веру!» — и сказал это с унынием и в укоризну своим. Но уничтожение раскольников произведет ли плодотворных последователей православия или умножит только их числом, — вот что мы со временем узнаем. Есть много в нашем обществе *des tièdes,* а это зло горше гонителей. Кроме этого священника, других я не успела узнать, потому что случая не было с ними говорить. С архиереем мы живем в ладах; как видное гражданское лицо, я ему, как главному духовному лицу, оказываю много почтения, что было здесь весьма нужно, потому что по разным причинам себе

позволяли с ним даже неприличные шутки. В девичьем монастыре есть здесь игуменья удивительная, родом из гречанок нежинских и дворянка. История ее очень интересна. С семилетнего возраста она и брат ее пожелали воспитываться в монастырях; с тех пор и он и она расстались с родными и Малороссией. В течение сорока лет она виделась с ним раза три на самое короткое время. Она живет 40 лет в Калуге, не имея никакого состояния, жила почти служанкой у прежней игуменьи, исполняла самые тяжкие и низкие работы в течение 21 года. Никто не подозревал ее существования. Когда умерла игуменья, весь монастырь единогласно выбрал ее, архиерей подтвердил этот выбор, потому что заметил и кротость и смирение. Теперь она правит монастырем 19 лет, и он славится своим порядком и строгостию своих правил. К ней присылают со всех сторон женщин под начало, и надобно видеть вблизи, что это за подначалки, чтобы убедиться в трудах ее; что такое весь наш светский ловкий ум, вся наша образованность перед высокою смиренностью этой женщины. Притом, не выходя за пределы своего монастыря, она все знает, понимает, ко всему сочувствует и всегда может дать полезный совет; но ничего не делает без молитвы и размышления. Хотя очень грустно в ее келейке, но между тем душе хорошо и как-то примиряешься со всеми светскими горестями, потому что понимаешь, как человек может стать выше всей этой дрязги с помощью Божией.

Скажу вам теперь о себе, что всякий, кто меня поверхностно знает, думает, что я умираю здесь со скуки; но вы легко поверите, что именно здесь я не могу скучать. Каждый шаг мой есть исполнение долга: визит, вечер, обед, иногда наряд, прогулка — все это долг непреклонный, и что есть лучше покорности и повиновения, что есть легче этого! Минуты отдохновения именно те, которые в Петербурге считались минутами труда и работы. Там забыла о настоящей работе, и читать и писать не могло быть сладким отдохновеньем, как здесь. В последнее время душа моя была отравлена такими мелочными неприятностями, что отсутствие их успокоивает меня. Мне грустно, очень грустно, потому что всякая жертва нам стоит, а я пожертвовала одной драгоценной радостью; чувствую, однако же, что иначе не могла действовать, потому что внутренний голос одобряет меня и убеждает, что ничем ложным я не могу более увлечься. А здесь, в свете, все ложно, кроме строгого выполнения своих обязанностей, сколько бы суровы они ни были. Иногда мне даже нравится черствость моей жизни, и чем скучнее был день, тем отраднее проходит вечер

в безмолвном размышлении и в чтении. Мои домашние под праздники все разбрелись — брат к отцу, Аксаков в Москву, княжна в Троицу, Николай Михайлович в уезды для ревизии, так что я почти три недели совершенно одна. С Петербургом имею мало сношений; мне пишут только братья, иногда Самарин и Ханыков. Письма Самарина очень замечательны; он борется с твердостью и, кажется, вознагражден за свою твердость новыми силами. С. М. Соллогуб меня забыла, но она очень занята семейством. Михаил Михайлович приехал к ним из Берлина, я воображаю, что там радости теперь в доме. Дай Бог, чтобы Нози нашла себе хорошего жениха; в ней много прекрасного и бездна ума приятно женского. Сидя и размышляя, мне иногда сдается, что я никогда более не вернусь в Петербург; не нахожу и надобности там поселяться даже для детей; но если бы даже и пришлось, как говорится, доставлять им светские удовольствия, то надеюсь, что для меня это будет не надолго. Примиряться с своими данными я могу только ввиду перемены, совершенной лет через десять. Если Бог дозволит, доживу и я до того дня, что скажу вслух: исполнила свой долг в свете, и удалюсь наконец от всей скорбной скуки светской. Старуха в чепце, с цветами, за преферансом всегда была для меня отвратительное явление; зачем же я сама себя поставлю в это положение вовсе не нужное; точно так же смешна и несносна старуха, рассуждающая о политике, журналистике или рассказывающая про старину. А какая же в свете середина для пожилой женщины? Нет, ей в свете нечего делать, когда дети ее пристроены.

Здоровье мое плохо, нервы очень расстроены, и головные боли беспрестанны. Летом попробую гидропатию, а теперь сижу на валериане, на вишневых каплях, по крайней мере это мне помогает минутно. Отвечайте мне, я не знаю, получили ли вы мое письмо из Москвы и одно из Калуги? Нехорошо, что вы вдруг замолкли.

Что делает графиня Ростопчина в Риме, что Иванов? С кем вы еще из русских видаетесь? У меня висит мой Foro Trojano. С Римом надеюсь повидаться через два года. Прощайте, любезный друг мой, не забывайте меня нигде, особенно в Иерусалиме. Ваша от искренней души.

1066. В. А. Жуковскому

1846. Февраль 6 <н. ст.>. Рим.

Виноват и я также! Не отвечал вам вдруг на ваше милое письмо. Хворал, болел, как и вы, и доселе нахожусь не в лучшем состоянии. Но воля Божья! Да будет она во всем над нами! Покорность и вера Тому, от Которого истекло всё! У Него всё исполнено смысла, великого и глубокого смысла; всё, что ни дается Им нам в удел, нужно и необходимо. А потому, может быть, возблагодарим потом много и много за наши недуги, и благодарить за это будет высшим наслаждением нашей души. Вы не упомянули, однако ж, ни слова о том, получили <ли> мое довольно длинное и обстоятельное письмо с приложением перевода И. А. Крыловым[1] начала первой песни «Одиссеи». О Государе могу вам сказать немного. Он пробыл в Риме мало, всего четыре дни. Был несколько недоволен темною и мрачною своею квартирой, котор<ую> ему припас Бутенев в своем дворце Юстиниани, довольно грязном и почти худшем из всех, какие есть в Риме, и вследствие этого, может быть, поспешил скорее выехать. О переговорах его с папой, разумеется, ничего неизвестно. В четыре дни он, разумеет<ся>, объездил всё и побывал везде. Был очень ласков с художниками. Весьма похвалил Иванова, которого картина ему очень понравилась. Велел художникам сопровождать себя: скульпторам и живописцам по галлереям Ватикана, архитекторам по развалинам и древностям. Заказал сделать слепки с тех антиков, которых у нас недостает в Академии. Заказал несколько копий с картин. Для художников русских можно бы, пользуясь этим обстоятельством, сделать много[2] хорошего. Но здешнее директорство их тупо и ничтожно, Кил<ь> бестолковей еще Кривцова, к тому ж, говорят, оно будет вовсе уничтожено, потому что и секретарь, племянник покойного Кривцова, прокутив казенные деньги, убежал в Америку. Я Государя видел только на Monte Pincio, куда он ездил прогуливаться в коляске, и любовался его прекрасной наружностью. Она была величественно-благосклонна и не могла не поразить всех как римлян, так и иностранцев. В лице я нашел более душевного выражения, чем когда-либо прежде. Бывши в куполе Петра, он достигнул самого яблока и написал в нем: «Здесь был император Николай и молился о благоденствии матушки России». Взглянувши случайно на другие надписи,

[1] Крылова

[2] кое<-что>

он заметил тут же, что написал прямо над Наследником: Вот вам всё, что знаю о Государе. Государыню ждут сюда не раньше, как к Пасхе. Конст<антин> Ник<олаевич > хотел было быть к карнавалу, но получил вместо этого назначение от Государя осмотреть все порты и гавани италианские, а потому тоже будет к Пасхе.

Прощайте. Обнимаю вас. Уведомьте хотя двумя строчками, что вы получили мое письмо.

Душевный, искренний и нежный поклон всему вашему семейству.

Весь ваш Гоголь.

Адрес не позабывайте: Рим. Via de la Croce, № 81, 3 piano.

<*На обороте:*>

Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

1067. П. А. Плетневу

Рим. 20/8 февр<аля> 1846.

Я не отвечал тебе вдруг на твое милое письмо (от 2/14 ноября 1845 го<да>, С.-Петербург[1]), потому что, во-первых, тяжкое болезненное состоя<ние> овладело было мною с новою силою и привело меня в такое странное состояние, что тяжело было руку поднять и тяжело было какое-нибудь сказать о себе слово; во-вторых, я ожидал, не дождусь ли ответа на мое письмо, отправленное к тебе еще в прошлом году вместе с свидетельством о моем существовании, которое я взял из здешней миссии. Уведоми меня теперь об этом поскорее и пришли все деньги, какие мне следуют. Чем их больше, тем лучше. С Смирновой уравняемся после. Мне нужно теперь сделать езды и путешествия как можно больше. Изо всех средств, какие я ни предпринимал для моей странной болезни, доныне это одно мне помогало. Тяжки, тяжки[2] мне были последние времена, и весь минувший год так был тяжел, что я дивлюсь теперь, как вынес его. Болезненные состояния до такой степени (в конце прошлого года и даже в начале нынешнего) были невыносимы, что повеситься или утопиться казалось как бы похожим на какое-то лекарство и облегчение. А между тем

[1] *В подлиннике:* Спбрг

[2] Тяжки и тяжки

Бог так был милостив ко мне в это время, как никогда дотоле. Как ни страдало мое тело, как ни тяжка была моя болезнь телесная, душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила прежде в минуты более сносные, не посмела ко мне приближаться. И те душевные страдания, которых доселе я испытал[1] много и много,[2] замолкнули вовсе, и среди страданий телесных выработалось в уме моем <…> Так что во время дороги и предстоящего путешествия я примусь, с Божьим благословеньем, писать, потому что дух мой становится в такое время свежей и расположе<нней> к делу. О, как премудр в своих делах управляющий нами! Когда я расскажу тебе потом всю чудную судьбу мою и внутреннюю жизнь мою (когда мы встретимся у родного очага) и всю открою тебе душу, — всё поймешь ты тогда, до единого во мне движенья, и не будешь изумляться ничему тому, что теперь так тебя останавливает и изумляет во мне. Друг мой, повторяю вновь тебе, люби меня, люби на веру. Вот тебе мое честное слово, что ты был во многом заблуждении насчет многого во мне и многое принято тобою в превратном смысле и вовсе в другом значении, и горько мне, горько было оттого в одно время, так горько, как ты даже и представить себе не можешь. Скажу также тебе, что не дело литературы и не слава меня занимала в то время, как ты думал, что они[3] только и составляют жизнь мою.[4] Ты принял платье за то тело, которое должно было облекать платье. *Душа и дело душевное* меня занимали, и трудную задачу нужно было решить, пред пользою которой ничтожны были те пользы, которые ты мне поставлял на вид. Богу угодно было послать мне страдания душевные и телесные, всякие и горькие, и трудные минуты, всякие недоразумения тех людей, которых любила душа моя, и всё на то, чтобы разрешила<сь> скорей во мне[5] та трудная задача, которая без того не разрешилась бы вовеки. Вот всё, что могу тебе сказать вперед; остальное всё договорит тебе мое же творение, если угодно будет святой воле ускорить его. Весь путь и маршрут мой пришлю к тебе, как только получу ответ твой. Не замедли как им, так и присылкою денег. Прощай, целую тебя от всей души и вновь говорю тебе твердо: «Люби меня».

Твой Г<оголь>.

[1] которых было во мне мно<го>
[2] много и много в последние годы
[3] что то и другое
[4] *Далее начато:* Душ<а>
[5] в душ<е>

Напиши мне о себе и о том, что ближе твоей душе в настоящую минуту. Такие строки мне будут дороги. Не поленись и поспеши, я также буду уведомлять о себе чаще.

Адреса не позабывай: Via de la Croce, № 81, 3 piano.

<*На обороте:*>

St. Pétersbourg Russie.

Его превосходительству ректору С.-Петербур<гского> имп<ераторского> университета Петру Александровичу Плетневу.

В С. П. Бурге, на Васильев <ском> остр<ове>, в университете.

1068. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Фрагмент

<23 января 1846. Москва>

<И. С. Аксаков>

1.

«Среди удобных и ленивых,
Упорно-медленных работ,
Негодований говорливых,
Привычных зол и терпеливых
Тревог, волнений и забот, —

Живем, довольные судьбою,
Браня судьбу. Досуга нет
Ни сладить с внутренней борьбою,
Ни дать — взывающему к бою
Вопросу — жизненный ответ!

Но жизни нашей ложь и бремя
Сознали мы. Чего ж мы ждем?
Ужели не созрело время?
Ужели мы, бросая семя,
Его плодов не соберем?..»

И мне в ответ на это слово
Другое слово раздалось:
Оно, неслыханно и ново,
Всей силой пламенного зова
В моей груди отозвалось!

И вере уступая жгучей,
Стал также веровать и я
И современности могучей,
И близости – еще за тучей
От нас скрывавшегося дня!..

Но время мчится. Жизнь стареет.
Все так же света не видать!
Так незаметно дело зреет,
Так мало вас, которых греет
Любви и скорби благодать!

И дней былых, недаром, мнится,
Тяжелый опыт учит нас,
Что много лет еще промчится,
Пока лучем не озарится
Давно предчувствуемый час!

Пока роскошный и достойный,
Заветный не созреет плод,
Пока неумолимо-стройный,
Тяжелый, твердый и спокойный
Событий не свершится ход!

А сколько прежде поколений
Ждет вновь неправедность судьбы,
И бремя скорбное стремлений
И возмутительность явлений
И безутешныя борьбы?..

Москва. Февраля 7/1845.

2.
Ночь

В заботах жизни многосложной,
В ее шумливой пустоте, —
Далеко мысль о непреложной
Природы дивной красоте.
Так охлажденных и привычных
Нас не смущает вид небес,
Ни повторение обычных,
Всегда торжественных чудес!

Но в час внезапный пробужденья
В душе послышится опять
Восторга тихого смятенье,
Мгновений чистых благодать!..

Полны чудес неистощимых
Природы вечные дела;
Полны пространств неизмеримых
Все неба звездные тела!..
Идут числом несметным годы,
Один другим теснится век;
Сменились царства и народы,
Преобразился человек!..
А ты стоишь неизменимо,
Не увядаешь ты одна!
Твое убранство нерушимо,
Все те же солнце и луна!
Твое безмолвие ночное
Все то же таинство хранит,
Все так же небо голубое
Нас неизвестностью манит!..

А ты, которая воспета
Стихами столькими была,
Луна, Царица полусвета,
Как много грёз ты родила!
Как много дум и вздоров милых!
Повсюду, блеск твой полюбя,
Толпы мечтательниц унылых
Подъемлят взоры на тебя!..
О, помню я твое сиянье
И целый ряд таких ночей,
И тихий говор и молчанье
Невольно прерванных речей!
Река, блестя, струилась мимо,
Шумели листья в вышине...
Проснулось все, что недвижимо
В душевной спало глубине!..

И многих тех, кто в эти ночи
Пытали думой мир иной,

Давным-давно закрылись очи,
Давным-давно их нет со мной!
Так мне теперь предстали ясно
Когда-то милые черты...
И ныне так же ты прекрасно
И так же тихо светишь ты!

Калуга 3 Ноября / 1845.

1069. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<29–30 января 1846. Ащерино>

Ащерино. Генваря 29.

Третьего дни, мой милый и возлюбленный друг, от Николая Михайловича получила письмо ваше без числа. Рада была узнать о вас. С тех пор, как вы в Риме, несколько раз к вам писала. Наконец, думаю, уже вы получили образ, который Бабарыкин два года возил или терял, наконец в декабре мне возвратил, и я с княз<ем> Васильем Петровичем Голицыным к вам в декабре отправила, не распечатав ни посылку, ни письма, которое два года странствовало, а, прибавя вновь несколько строк, отвезла к Голицыну. Его не нашла дома, отдала сестре его. Может, теперь уже у вас благословение от человека, которой всей душею и помнит о вас и молится за вас. Спаси вас Господи! От Николая Михайловича книга к вам была отправлена. Я думала, что и пошла с Голицыным, но после меня известили, что назад прислал, негде положить. Узнав о сем, посылала в Москву, чтобы доставили эту книгу к Николаю Михайловичу. От него имею ответ, что он получил. Найдет случай, с кем к вам доставить. Очень, мой друг, порадуюсь, узнав, что благословение мое до вас достигло после столь долгого странствия. Я к вам это время довольно часто писала. Я говела и 22 декабря сподобилась приобщиться Святых Таин и писала к вам. Бог видел, как помнилось о вас, о вашем намерении в Иерусалим. Всегда о сем, мой друг, помню — и от чистого сердца молю вложившего вам сие благое желание, да по благости Своей поможет свершить в чувствах истинно христианских поклониться Гробу Господню. Если доживу до сего, то вы можете поверить, что, узнав о сем блаженном для души вашей состоянии, как всею душею за вас возрадуюсь и со всем умилением возблагодарю милосердие Божие, внушившее вам сие желание, и что с Его Отцовскою помощию и благословением вы достигли, куды так давно душа ваша стремится. Вы можете, мой друг, быть уверены, что сие состояние

ваше близко душе моей, и помню, и молю от всего сердца Господа, Его Покрову часто вас вручаю и Им вас умоляю, ничего не предпринимайте, не помолясь Тому, Которой один все видит и один все может — Его Покрову часто вас, мой друг, вручаю и молю Его, да Он вас не покинет и наставит, и поможет идти путем, Ему угодным, и все нести с любовию и благодарностию к Его святой воле, все на пользу нашу устрояющей. О Всемилосердный, Ты нас не покинь и наставь, и помоги идти путем, Тебе угодным. О себе что вам сказать, мой друг. Господь по милосердию Своему еще помиловал после того, как писала к вам, после говенья, приехав сюда, через несколько дней занемогла и отчаянно была больна, так что сын мой потерял надежду к выздоровлению и написал к сестре в Петербург, чтобы она приезжала, а между тем сам хлопотал, чтобы еще меня приобщить. Как я пришла несколько в себя, он отыскал духовника, и по неизреченному Милосердию Божию в день Иоанна Крестителя сподобилась приобщиться Святых Таин. После этого болезнь все продолжалась, и опять девять дней была без памяти, но Господь по милосердию Своему из такой опасности, в которой я так долго находилась, обратил к жизни. Молю Его, да Он по благости Своей и поможет остатки дней провести в должных чувствах христианину. Тогда повсюду будет хорошо, и со всеми и за всех будет на душе легко, если душа обращается туда, где только и можно обрести истинное успокоение, независимо ни от кого и ни от чего. О Всемилосердный, Ты нас не покинь!

Вот, мой милый друг, вы видите, как близко была опасность, но Отец Небесный возвратил к жизни, да Он и поможет поступать по Его святой воле. Пишете, мой друг, молиться. Поверьте Богу, что всегда, кроме этого времени, как лежала без памяти, тут ни детей, никого не помнила, а как пришла в себя, тотчас вспомнила о возлюбленном Николае Васильевиче, который мне близок о Господе всегда, и сию минуту вручаю вас, мой милый друг, Его от всей души молю, да Он вас не оставит Своею благодатию и наставит, как когда поступать. Ради Христа, призывайте чаще Господа на помощь и храните душу в спокойствии. Тогда водворится внутренняя тишина, и вам будет легко на душе. А в сем состоянии только и можно служить Богу, да Он нас не оставит и наставит идти путем, Ему угодным. Прощайте, мой милой друг и сын, Богом мне данный. Обнимаю, благословляю со всею нежностию матери, и с сим чувством пребуду до смерти, не переставая молиться о вас и желать вам всего, что может соделать ваше истинное блаженство. Прощайте, мой друг. Когда можете, хоть

несколько слов о себе пишите. Бог видит, какое прямое утешение сим доставляете душе, вам с любовию преданной. Прощайте, мой друг. Христос с вами!

30-е Ген<варя>.

Здравствуйте и прощайте, мой милый друг, сказать нечего. А помнить и любить всегда время, что и исполняю: помню, молюсь о вас, вручаю в Покров Божий, молю Его, да Он вас не покинет и поможет пребывать повсюду в чувствах, Ему угодных. Ради Христа, берегите себя. Прощайте, мой друг, еще вас благословляю. Христос с вами! Сегодня хотелось к обедни, но сын упросил, что еще слаба, а мороз 20 гра<ду>сов. Прощайте, еще вас благословляю, берегите себя. Христос с вами! Вручаю Богу и молю Его о вас, к Нему прибегайте, и во всяком положении будете покойны. Спаси вас Господи!

<*На обороте:*>

Николаю Васильевичу Гоголь.
Italie, Rome.
(Via de la Croce, № 81,
piano 3.)
A Monsieur Monsieur de Gogole.

1070. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

9 (21) февраля 1846. <Франкфурт>

Любезный Гоголек, вы не изменяете своему характеру и решительно отказались от всякой точности. Доказательством сему служит прилагаемое письмо от Плетнева, которому напрасные делаете вы хлопоты, высылая ему свидетельство о жизни по новому, а не по старому стилю, непременно надобно, чтобы эти свидетельства были выдаваемы 1/13 января, 1/13 мая и 1/13 сентября, иначе происходят из этого затруднительные расчеты, сумм вполне не выдают, и те, которые хлопочут о их получении, теряют время на ненужные хлопоты: если вы беспечны насчет себя, то не будьте беспечны насчет других; вот вам урок материальный в воздаяние за ваши моральные уроки. Письмо Плетнева было ко мне прислано не запечатанное. Я его и прочитал. — О себе скажу, что мое здоровье весьма поправилось: биение сердца, одышка и кровотечение миновались. Но вот что дурно: глаза слабеют и даже и с очками трудно становится читать. Я уже начинаю обдумывать средства, как облегчить бы себе занятия в таком случае, когда, если на то воля Божия, совсем ослепну.

Состояние слепоты имеет и свои хорошие стороны; но сколько лишений!

Надеюсь, что чаша пройдет мимо; но если надобно будет ее выпить, то я знаю, что в ней подано будет мне лекарство. Лекарь знает свое дело; надобно только выпить не морщась. При сем прилагаю вексель на тысячу рублей. Теперь две тысячи вам заплачены. Еще остается на мне две тысячи, которые в свое время вы получите. Прошу немедленно уведомить о получении векселя. — Я должен себя осудить теперь на две недели совершенного бездействия. Надлежит только еще написать несколько писем; потом дам отдохнуть глазам моим: надеюсь, что это поправит их обстоятельства.

Обнимаю вас.

Жуковский.

1071. Н. М. Языкову

Рим. Февраля 26 <н. ст. 1846>.

Письмо твое (от 16 янв<аря>) получил; прежнее, с приложеньем прекрасных стихов на открытие памятника Карамзину, тоже получил. Благодарю за то и за другое, и за твою заботу о моем здоровье, и за твою доброту, и словом — за всё. Что ж делать? Богу угодно посылать мне такие недуги, каких прежде никогда не было. Тяжело, тяжело, иногда так приходится тяжело, что хоть, просто, повеситься. Но верю и даже слышу, что всё это во благо, и благословляю Бога за всё. И в душе, и в голове много оттого выигрышу. Кроме того, и в эти тяжелые минуты не оставляло меня милосердие Его. Как ни сильны были телесные недуги, но душа не болела, и хандра не приходила. Из всех средств, на меня действовавших доселе, я вижу, что дорога и путешествие действовали благодетельнее всего. А потому с весной начну езду и постараюсь писать в дороге. Дело, может быть, пойдет, тем более, что голова уже готова. Бог милостив, и я твердо надеюсь. Странная судьба книги «Путешествие в Иерус<алим>» Норова, которая никак не может до меня доехать, показывает мне, что в этот <год> еще не судьба ехать и мне в Иерусалим. Впрочем, эта поездка в таком случае только предпринималась, если бы я сам был готов и кончил свою работу, без которой мне нельзя ехать, как следует, с покойной совестью. О сем объясни и Надежде Николаевне.

Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое, писанное 25 декабря 1845 года, а также у Аксаковых, отца и сына, получили

ли они письма мои, приложенные в письме к Шевыреву. В следующем за сим письме напишу тебе маршрут моего странствия[1]. А пока, если случится оказия что посылать, посылай на имя Жуковского во Франкфурт, с которым мне непременно следует и нужно видеться, если не в конце мая, то в начале июня. Насчет твоих собственных недугов говорю тебе: крепись и мужайся! Сердце мое велит тебе сказать это. Всё выноси покорно и послушно и благодари вперед за всё Того, Кто над нами! Благородную и полную доверенность к Нему — и ничего иного! Прощай! Спешу занести поскорей письмо на почту.

Весь твой Г<оголь>.

Ты мне до сих пор не дал адреса, и я адресую по-прежнему в дом Хомяков<а>.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.
Николаю Михайловичу Языкову.
В Москве. У Кузнецкого моста, в доме Хомякова.

1072. А. О. Смирновой

Рим. Марта 4/Февраля 20 1846.

Ваше письмо (от 14 генваря) получил трет<ьего> дни. Благодарю вас и за него, и за поздравленье с Новым годом, и за известия, и за попеченье обо мне, словом — за всё. О здоровье могу вам сказать только, что оно плохо. Приходится подчас так трудно, что только молишься о ниспослании терпенья, великодушия, послушания и кротости. Верю и знаю, знаю[2] твердо, что эта болезнь к добру; вижу и здесь очевидно и явно надо мною великую милость Божию. Голова и мысль вызрели, минуты выбираются такие, каких я далеко недостоин, и во всё время, как ни болело тело, ни хандра, ни глупая, необъяснимая скука не смела ко мне приблизиться. Да будет же благословен Бог, посылающий нам всё! И душе, и телу моему следовало выстрадаться.[3] Без этого не будут «Мертвые души» тем, чем им быть должно. Итак, молитесь обо мне, друг, молитесь крепко, просите молиться и всех тех, которые лучше нас и умеют лучше молиться, чтобы[4] молились о том, дабы вся душа моя обратилась в одни согласно-

[1] путе<шествия>

[2] и знаю

[3] *Далее начато:* Это т<ак>

[4] чтобы удал<ились>

настроенные струны и брядал бы в них сам дух Божий. Из всех средств доселе действовало лучше[1] других на мое здоровье путешествие, а потому весь этот год я осуждаю себя на странствие и постараюсь так устроиться, чтобы можно было в дороге писать. Лето всё буду ездить по Европе в местах, где не был, осенью по Италии, зиму по островам Средиземного моря, Греции и наконец в Иерусалим. Теперь же ехать в Обетованную Землю не могу по многим причинам, а главное, что не готов — не в том смысле, чтобы смел думать, будто могу быть когда-либо готовым к такой поездке, да и какой человек может так приготовиться? Но потому, что в самом деле не спокойно на душе, не сделал еще того, вследствие чего и по окончании чего полагал только совершить эту поездку. Итак, вот вам, мой добрый друг, и о моей болезни, и о моем внутреннем состоянии душевном. В Риме я видаюсь и провожу время с немногими. Таких, которых бы сильно желала душа, здесь теперь нет. Нет даже таких, которые бы потребовали от меня сильной деятельности душевной вследствие какой-нибудь своей немощи. Большею частию это или простые, добрые люди, живущие с собой в мире, но у которых души не многострунные и немногокачественные, или же пребывающие в светской легкой суете,[2] которые ходят не по земле, а по воде, а потому и трудно направлять стопы их на той стихии, где стопы[3] не оставляют следа и всё изглаживается. А без надобности не хочется сталкиваться с людьми, да и некогда. Меня теперь занимает Калуга и внутренность России, а потому не оставляйте меня извещеньем о всяком происшествии, как бы оно вам ничтожно ни показалось. Вы, верно, уже получили мое длинное письмо в ответ на ваше первое из Калуги; вы, вер<но>, уже дали на него ответ, и я, вероятно, недели через две его получу. Теперь же покамест известите меня о раскольниках, какие находятся в Калужской губернии, именно:

1-е. Каких из них больше. 2-е[4]. В чем состоит их раскол и в каком он теперь состоянии. 3<-е>. Каковы они в жизни, в работе, в трудах, как в крестьянском, так и в купеческом или мещанском состоянии сравнительно с православными. Об этом не позабудьте впереди письма, а потом обо всем прочем.

На это письмо напишите мне ответ еще в Рим, *второе* же ваше письмо уже не адресуйте в Рим (я первых чисел мая

[1] успешней

[2] *Далее начато:* неут<омимо>

[3] на той поч<ве>, где след<ы>

[4] Второе

полагаю выехать из Рима и уже быть в дороге), но адресуйте на имя Жуковского, во Франкфурт, с которым мне необходимо нужно повидат<ься> и о многом переговорить. До того же времени адрес остается по-прежнему: Via de la Croce, № 81. 3 piano. Roma.

Затем обнимаю вас всею душою и мыслию

Весь ваш Г<оголь>.

Поздравляю с Великим постом и от всего сердца желаю вам благодатного говения, а также и радостной встречи радостного дни Светлого Воскресения.

<*На обороте:*>

Russie. Kalouga.
Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.
В Калуге.

1073. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

16/28 фев<раля> 1846. СПб.

Два раза писал я к тебе через Жуковского, после того, как получил твое письмо из Рима от 28 ноября. Ты, кажется, небольшой охотник до исправной корреспонденции. Это и недурно. Только надобно отличать корреспонденцию слов, которая и подразумеваться может, от корреспонденции деловой, требующей точности буквальной. Вчера отправил я наконец несколько денег к тебе из суммы, жалуемой тебе Государем. Вексель адресован, для большей верности, на имя нашего посланника Бутенева, за университетской печатью. Ты *непременно* пришли отзыв по получении денег.

Вот и еще дело, на которое отвечай *скорее и определеннее.* Художник Бернардский желает издать первый том «Мертвых душ» со ста политипажными картинами и со ста такими же в тексте виньетками. Я видел часть первых: они очень хороши. Ежели ты согласен позволить ему издание этого тома, он предлагает тебе заплатить *вдруг* 1500 р. сер<ебром> или в *два срока* 2000 р. сер<ебром>, с тем, что до истечения трех лет ты не будешь вновь печатать этого тома и позволишь ему теперь вдруг тиснуть 3600 экз. Издание будет выходить еженедельными выпусками, числом 25 выпусков. Отвечай немедленно, согласен ли ты на все это. Или пришли свои условия. Будь здоров.

П. П<летнев>.

1074. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<18 февраля 1846. Москва>

Я послал тебе несколько книг: тут все, что вышло у нас нового, хотя сколько-нибудь любопытного; ждут появления нового романа Загоскина и нового же романа Кулиша — и их пришлю, когда выйдут они в свет. Наш «Московский Литературный Сборник» еще не готов — имеет явиться к Святой неделе.

Нынешняя зима у нас крайне тиха, чересчур тиха. Елагины в деревне, Вас. Елагин женился. И. В. Киреевский поздоровел, бодрится и собирается писать. Петр Васильевич продолжает сидеть над собранием русских песен (которому уже 16-й год!), и он тоже в деревне. Хомяковы в Москве. Алексей Степанович написал еще прекрасную статью — под стать своим прежним, которые ты знаешь; она будет в нашем сборнике. В Питере, по мнению «Отечественных записок», явился новый гений — какой-то Достоевский; повесть его найдешь ты в сборнике Некрасова. Прочти ее и скажи мне твое о ней мнение: я сам не успел прочесть ее, потому что мои здешние благоприятели, читавшие ее, не похваляют ее! На сцене явилась новая драма: «Смерть Ляпунова», соч. Гедеонова, сынка известного директора театров. Говорят, что она, несмотря на свою бесхарактерность и неестественность, все-таки сильно действует на публику, пробуждая чувство народности. Я пришлю тебе эту драму, когда она будет напечатана. Панов написал биографию покойного Валуева, которую он уже послал тебе. К. Аксаков сочинил водевиль, и петербургская цензура пропустила его на сцену, к нежданной радости автора. И. Аксаков всю зиму был болен: теперь выздоравливает. Получил ли ты его стихи от Жуковского?

Мне кажется, что не все мои письма доходят к тебе. И от А. Анд. Иванова я о сю пору не получаю ответа на мой вопрос, получил ли он от княгини Зинаиды Волконской книгу «Памятники московской древности»?

Будь здоров — и не тоскуй.

Твой Н. Языков.

Февраля 18 дня. 1846.

1075. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

21-го февраля <1846. Калуга>.

Нервы мои так расстроены, любезный Николай Васильевич, что мне невозможно писать к вам много; даже то, что написано,

без толку вышло и не передает ясно моих наблюдений и мыслей. Запас у меня, впрочем, богатый во всех отношениях. Вчера, впрочем, было для меня явление утешительное. Обедал у нас судья мещовский некто Клементьев, человек лет сорока, женатый и очень, очень небогатый. Прокурор наш его немного прижимал, и его выписал Николай Михайлович, чтобы сблизить их, примирить и вместе показать Клементьеву, что труды его, честность и благородство дают ему почетное место в обществе, несмотря на его положение. Лицо у него спокойное, взгляд ясный, хотя несколько меланхолический; одет он так, что в Петербурге его не впустили бы в переднюю к Воронцову. За столом коснулись мы литературы; он спросил, мне ли Лермонтов писал стихи, — и тогда посыпалась с его стороны тьма вопросов насчет Лермонтова, Жуковского и вас; перечитал он бездну: всего Байрона и Шекспира по-английски, Шиллера и Гете по-немецки, знает и французскую литературу; говорил удивительно просто, делал замечания самые верные и меткие; как бы желая меня испробовать, спросил меня, кто из новейших литераторов фр<анцузских> мне более нравится; я, конечно, отвечала, что Занд; он пожал плечами и сказал: «Как вы можете ею увлекаться, вы, которая любите Диккенса и Гоголя». Потом коснулись судебной части, сравнивали наше образование судебной части с английской и французской формой; он и тут показал, хотя очень скромно, как следует перед губернатором, свое знание; говорили о врачебной управе и вообще о медицине, он и тут говорил хорошо; особенно поразила меня его скромность, обстоятельность в разговоре и ясность.

Семь лет сидит в Мещовске судьей, по выбору дворянства, родился в губернии, воспитывался в Московском университете, служил, по желанию отца, в Ряжском пехотном полку; после его смерти вышел в отставку, женился на бедной девушке и жил в деревушке, откуда вызвало его дворянство на это скромное поприще. После обеда я его зазвала к себе наверх и выпрашивала о многом. Так как всяк мерит на свой аршин, мне казалось, что он должен страдать в этой удушливой сфере маленького городка, но он сказал мне, что очень доволен судьбой, что единственно тревожит его болезненное состояние его жены, что есть люди честные и в Мещовске, что дурных он не имеет надобности видеть вне службы, что образованных, как он, нет, но что это и не всегда нужно, что ему достаточно читать одному с женой, а что от самых простых людей можно учиться многому. С большим любопытством, почти детским, смотрел на меня как на явление почти

книжное и говорил мне, что я баловень Петербурга и должна скучать здесь. Я ему дала книг, журналов и обещала посылать каждый месяц новенькое и хочу ему писать. Так есть же зарытые жемчужины в России! Клементьев меня очень, очень порадовал. Особенно понравилась мне его смиренная борьба против беспорядков и спокойная покорность общепринятому порядку дел. Летом я съезжу на ярмарку в Мещовск, и он звал меня к себе; он, впрочем, устал от дел и хочет отказаться, если его выберут опять в судьи. Брат мой Клементий отправился в Петербург, он очень переменился в свою пользу, все так же жив, умен и забавен, но более сердечен и духовен. Сестру жду опять с мужем; она отправляется в Кременчуг. Подъехала и моя княжна Цициянова из Троицы, вся упитанная Антонием и Голубинским: постничает и читает по целым часам, стоя, каноны и проч. Ее приезд меня оживил, во-первых, потому, что она за меня ездит в больницу, куда я уже давно не заглядывала. Моя боязнь такого роду, что я страждущих и больных не могу видеть: сейчас со мною делаются страхи и обдает меня холодным потом. Одним словом, в самом гадчайшем состоянии, совершенно обессилена, физически и нравственно, терплю и вытерпливаю такие неприятности, что ужас. Делать ничего не могу, потому что мысли темнеются,— словом, гадко, нехорошо и страшно, но, видно, так Богу угодно. Затем прощайте, душа моя, Христос с вами. Аксаков Константин получил ваше письмо, писал мне — снял все, что не надобно, надел все, что надобно. Самарин очень рад вашему письму; он камер-юнкером сделан. Длинное письмо должен был он писать, но теперь вы сами предупредили его, написав Аксакову, чтобы он вздоров не делал. Прощайте, пишите, хотя коротко, но пишите.

Понимаю вполне, что вы говорите о графине Нессельрод, тем уже довольна, что она вам понравилась; только и нужно было. В рассеянности Додо не сомневаюсь; пусть ее до поры и времени. Состояние Дурновой, по мне, опаснее. Иванову дружеский поклон. Что Иордан? Подвигается ли? А мне Иванов обещал копию с Иоанна Кр<естителя> своего в маленьком размере. Я, пожалуй, куплю всю его маленькую эскиз. Скажите это ему. Прощайте, добрый и прекрасный друг, Господь да сохранит вас для нас и сподобит окончить труд.

1076. В. А. Жуковскому

Рим 16 марта <н. ст.> 1846.

Благодарю вас и за письмецо и за вексель. Жаль всё, однако же, что вы ни слова не написали мне о том, получили ли вы мои письма. Здоровья наши сильно расклеиваются. Мне подчас так бывает трудно, что всю силу души нужно вызывать, чтобы переносить, терпеть и молиться. Как подл и низок человек, особенно я! Столько примеров уже видевши на себе, как всё обращается во благо души, и при всем том нет сил терпеть благородно и великодушно! А он так милостиво и так богато воздает нам за малейшую каплю терпенья и покорности! И среди самых тяжких болезненных моих состояний он наградил меня такими небесными минутами, перед которыми ничто всякое горе. Мне даже удалось кое-что написать из «М<ертвых> душ», которое всё будет вам вскорости прочитано, потому что надеюсь с вами увидеть<ся>. Мне нужно непременно вас видеть до вашего отъезда в Россию и о многом кой-чем переговорить. Путешествие и дорога мне помогали доселе лучше всяких средств и лечений, а потому весь этот год я осуждаю себя на странствие. Летом объеду всю Германию, заеду в Англию, которой не знаю, и в Голландию, которой тоже не вид<ел>. Осенью объеду Италию, <в> зиму берега Средиземного моря, Сирию, Грецию, Иерусалим и чрез Константинополь, если благословит Бог, в Россию, что долженствует быть весной грядущего, 1847 года. В продолжение путешествия я устроюсь так, чтобы в дороге писать, потому что труд мой нужен: приходит такое время, когда появленье моей поэмы есть существенная необходимость для теперешнего положения дел и мыслей. А как и почему, вы это увидите сами, если я хотя сколько-нибудь сумею ответить на вопрос, себе заданный, или, справедливее, если милосердный Бог вразумит меня, как следует ответить. Доселе и болезнями, и страданьями внутренними и внешними он возводил мою душу до надлежащего умягчения и способности почувствовать многое за других; он же и докончит начатое, и как ни велика моя хилость, но есть внутренняя твердость и вера в то, что велико его милосердие и всё с его помощью совершится. Христа ради, уведомьте меня о себе, как и каким образом вы располагаете возвращаться, и хотя раз напишите, что вы мое письмо получили, потому что я вовсе не знаю, получаете ли вы мои письма, и готов укорять вас в той неточности, в какой любите меня укорять вы. Я полагаю ехать отсюда в мае. В конце мая или в начале июня я буду уже во Франкфурте, а потому уведомьте меня, будете ли

вы там. Впрочем, я приеду к вам всюду, куды ни назначите. Недельку проведем вместе. Прошу вас, если будете отправлять свои вещи в Россию, а с ними и мои книги, вынуть из них два экземпляра «Мертвых душ» и оставить их при вас для меня. В России они все выпроданы; я[1] нигде не мог достать, а первая часть мне потребна при писании второй, и притом нужно[2] ее самую значительно выправить. Не позабудьте же немедленный ответ на это письмо. Обнимаю вас заочно мои<ми> зябнущими руками, дрожа всем телом, но, слава Богу, не дрожа душою.

Всех вас целую до единого в семействе вашем.

Весь ваш Г<оголь>.

Адрес: Via de la Croce, 81. 3 piano.

Аксаков пишет, что послал давно на ваше имя во Франкфурт следуемые мне книги, письмо и рукопись стихов сына. Берегите всё до моего приезда.

<*На обороте:*>

Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur m. Basile de Joukoffeky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

1077. П. А. Плетневу

20 марта <н. ст. 1846>. Рим.

Вексель получил; письмо от 16/28 февраля и прежнее чрез Жуковского получил; свидетельство пришлю в апреле к сроку выдачи следуемой тогда трети. За неточность во всем другом не гневайся: от больного человека, одержимого в такой степени усталостью и изнеможеньем телесным, трудно и требовать. Художнику Бернардскому объяви отказ. Есть много причин, вследствие которых не могу покамест входить в условия ни с кем. Между прочим, во-первых, потому, что второе издание 1-й части будет только тогда, когда она[3] выправится и явится в таком виде, в каком ей следует явиться; во-вторых, потому, что по странной участи, постигавшей издание[4] моих сочинений, выходила всегда какая-нибудь путаница или бестолковщина, если я не сам и не при моих глазах печатал. А в-третьих, я — враг всяких

[1] и я

[2] притом там нужно

[3] 1-я часть

[4] печа<тание>

политипажей и модных выдумок. Товар должен продаваться лицом, и нечего его подслащивать этим кондитерством. Можно было бы допустить излишество[1] этих родов только в таком случае, когда оно[2] слишком художественно. Но художников-гениев для такого дела не найдешь, да притом нужно,[3] чтобы для того и самое сочинение было[4] классическим, приобревшим полную известность, вычищенным, конченным и не наполненным кучею таких грехов, как мое. Затем прощай. О прочем впредь.

Твой Г<оголь>.

Не позабудь хотя несколько слов написать о себе самом. Как тебе живется, что чувствуется, о чем думается и что делается.

<*На обороте:*>

St. Pétersbourg. Russie.
Его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.
В С.-Петербурге на Васильев<ском> острове, в университет.

1078. С. Т. Аксакову

<23–24 марта (н. ст.) 1846. Рим>

1846. Рим. 23 март<а>.

Письмо ваше от 23 генваря я получил. Благодарю вас много за присылку стихов Ив<ана> Серг<еевича>. В них много таланта, особенно в первом, то есть в стансах, начинающихся так:

«Среди удобных и ленивых,
Упорно-медленных работ...»

Я удивляюсь только, почему они лучше последних, тогда как бы следовало быть последним лучше первых: человек должен идти вперед. Прежних стихов, вами посланных к Жуковскому, я не получил. Жуковский не упоминает[5] даже ни слова в письмах своих, была ли какая-нибудь к нему посылка на мое имя. Я послал, однако ж, к нему запрос, на который доселе еще нет ответа. Благодарю также Ольгу Семеновну за сообщение прекрасной проповеди Филарета, которую я прочел с большим удовольствием. Насчет недугов наших скажу вам только то, что, видно, они нужны и нам всем необходимы. А потому, как ни тяжко

[1] это излишество
[2] сочиненье
[3] притом, чтобы быть так украшено, нужно
[4] [приобре<ло> стало
[5] мне не упоминает

переносить их, но, <с>крепя сердце, возблагодарим за них вперед Бога. Никогда так трудно не приходилось мне, как теперь; никогда так болезненно не было еще мое тело. Но Бог милостив и дает мне силу переносить, дает силу отгонять от души хандру, дает минуты, за которые и не знаю и не нахожу слов, как благодарить. Итак, всё нужно терпеть, всё переносить и всякую минуту повторять: «Да будет и да совершается Его святая воля над нами!» Покаместь прощайте до следующего письма. Зябкость и усталость мешают мне продолжать, хотя я и желал бы вам писать более. Доселе из всех средств, более мне помогавших, была езда и дорожная[1] тряска, а потому весь этот год обрекаю себя на скитание, считая это необходимым и, видно, законным определением свыше. Летом полагаю объездить места, в которых не был в Европе северной, на осень в южную, на зиму в Палестину, а весной, если будет на то воля Божья, в Москву, а потому следующие письма адресуйте к Жуковскому. А всех вообще просите молиться обо мне, да путешествие мое будет мне во спасенье душевное и телесное и да успею хотя во время его, хотя в дороге, совершить тот труд, который лежит на душе. Пусть Ольга Семеновна об этом помолится и все те, которые любят молиться и находят усладу в молитвах.

Прощайте, друг мой. Обнимаю всех вас.

Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

1079. Н. Н. Шереметевой

<24 марта (н. ст.) 1846. Рим>

Благодарю вас, добрый друг мой Надежда Николаевна, за вашу посылку[2]. Образ и молитвы я, наконец, получил. То и другое пришло весьма кстати: накануне Великого поста, накануне моего говения. Бог удостоил меня приобщиться Святых Таин. Хотя бы и лучше мне хотелось говеть, хотя бы и более хотелось выполнить высокий обряд, хотя бы, наконец, желалось сколько-нибудь более[3] быть достойным Его милостей, но благодаренье Ему и за то! Благодаренье и за то, что помог привести дух мой даже и в такое состояние! Без Его милости и того бы нельзя было мне

[1] *В подлиннике:* дорожняя

[2] *Далее было:* За

[3] *Было*: хотя бы, наконец, и сколько-нибудь более хотелось бы мне

сделать, и я в несколько раз был бы еще недостойнее. О! молитесь обо мне! Молитесь обо мне, друг мой, да поможет Он мне быть достойнее Его милостей, да поможет Он мне избавиться от всей мерзости моей душевной, да поможет мне избавиться от низкого малодушия моего, от недостатка твердой веры в Него, да простит мне за всё мое бессилие и не отвращает лица Своего от меня, чтоб не одолела моя худость и злоба Его небесного милосердия. Молитесь о том, чтобы Он, всё простя мне, сподобил бы меня послужить Ему так, как стремится и хочет душа моя. Но для такого подвига, увы! надобно быть слишком чисту и слишком прекрасну[1]. Друг мой, молитесь о том! Молитесь также о том, чтобы Он дал силы мне великодушно переносить мои недуги телесные и, всё побеждая — всю боль и страдания, возноситься еще выше оттого душой и приобретать еще бол<ьше> способностей для совершения труда моего, который да потечет отныне успешно, разумно и быстро. Друг мой, молитесь об этом. Бог да спасет вас! Возношу и о вас молитву моими грешными устами!

Ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

1080. Н. М. Языкову

Март 24 <н. ст. 1846>. Рим.

Письмо твое от 27 генваря получил. От Аксакова тоже получил (от 23 генв<аря>), с присовокуплением стихов Ив<ана> Серг<еевича>, из которых мне особенно понравились стансы:

«Среди удобных и ленивых,
Упорно-медленных работ...»

В юноше виден талант решительный, стремлен<ье> приспособить поэзию к делу и к законному влиянию на текущие современные события, хотя сам поэт для этого еще не воспитался и, вероятно, будет долго еще ходить и колесить около, пока не попадет на самое дело. Здоровье мое так же плохо, и с каждым днем прибавляется какой-нибудь новый недуг. Но, слава Богу, не ропщу[2] и не до конца унываю. Авось дорога поможет, и Бог будет так милосерд, что вновь освежительным проездом чрез множество климатов и воздухов освежит меня, сколько нужно для подъятия труда. О прочем нечего заботиться. Молиться мы должны только

[1] *Далее было:* Должно быть

[2] *В подлиннике:* ропчу

о том, чтобы хоть сколько-нибудь дал Бог возможность выполнить долг свой или хотя даже[1] часть долга.

Еду через месяц. Письма адресуй на имя Жуковского, с которым спешу увидеться до его отъезда в Россию. Летом, если Бог поможет, объезжу Голландию, Англию,[2] включая сюда купанье в море или греффенбергские проделки, к осени в Италию, зимою, если святая сила удостоит, в Иерусалим, ко времени Пасхи. Но об этом еще будет время переговорить. Передай письмо Серге<ю> Тим<офеевичу>, а другое — Надежде Николаевне. Бог да сохранит тебя во всем.

Твой Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве, на Пречистенке, у Троицы[3], в Зубове, в доме Наумовой.

1081. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

4/16 март<а> 1846. СПб.

Хотя подробный ответ на все твои вопросы, заключающиеся в письме твоем от 8/20 февр., ты уже, без сомнения, нашел в последнем моем к тебе письме и в бумаге к Бутеневу с твоими деньгами; однако я с удовольствием и еще раз пишу к тебе о том же. Деньги посланы все, сколько причиталось их по срок свидетельства миссии. Я и сам полагал, что со Смирновой ты разочтешься после. Жаль, что ты не объявил мне, куда намерен предпринять поездку: в Петербург или в Иерусалим. Пожалуйста, реши дело с Бернардским. Он нетерпеливо ждет ответа. Слышал ли ты, что умер Полевой? Это бы ничего — да осталось девятеро детей нищих. Благодарю Бога, что Он послал тебе силы перенести прошлогодние страдания. Конечно, ты воспользуешься теперешним добрым расположением духа — и примешься за исправление должности своей: так я называю то, что Богом предопределено в жизни каждому из нас сделать. Но за что примешься ты? вот что я желал бы знать. Слышал ли ты, что Жуковский уже раздумал нынешним летом приехать в Россию? В<еликий> к<нязь> наследник мне сказывал, что он жалуется на слабость глаз. Это печалит меня несказанно. Между тем в 1847 г. будет 50 лет

[1] лучше

[2] мест<ности> Герма<нии>

[3] *В подлиннике:* Тройцы; *далее не отмечается.*

литературной жизни Жуковского. Надобно, чтобы вы оба приехали сюда на юбилей.

Моя жизнь так однообразна и бесцветна, что и сказать о ней нечего. Но я ни минуты не бываю празден. Должность, журнал, текущая корреспонденция и несколько знакомств наполняют все минуты мои с 6 ч. утра (когда я обыкновенно встаю) до 11 ч. вечера (время, когда я ложусь). Грустно, однако, бывает часто. Конечно, у меня есть дочь. Но я не могу высказать ей, чего недостает мне для полноты счастия. Вспомни, что я пережил всех, кого любил и кем был любим. Сердце во мне сохранило между тем потребность этой любви. И вот отчего я бываю часто посреди общества мрачен и одинок. Не знаю, должно ли это кончиться очень просто — смертию, или провидение еще что-нибудь для меня затаило в будущем. Я приму все с благодарностию и покорностию. Обнимаю тебя. Не прислал ли тебе Аркадий Россет каких новых рус<ских> книг? Здесь Белинский с Краевским беснуются за какого-то Достоевского. Но по мне, это пока — ничто. Разве?

1082. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Москва. Марта 4 <1846>.

Давно о вас, мой друг, ничего не знаю. Приехав сюда, посылали к Николаю Михайловичу спросить о вас, пишет, давно не имел. Я пишу к вам, мой друг, несколько слов, они вам докажут всегдашнюю мою память, что и среди печали всегда помню о вас. Может, сие к 19 придет, поздравляю вас с рождением. Все, чего вам желаю, Бог видит, Его и молю от чистого сердца, да Он вас не покинет и наставит и поможет Ему единому служить. Тогда в Нем все относящее<ся> до ближнего нам будет дорого и близко — и следовательно, водворится взаимное спокойствие, а в сем состоянии повсюду безопасно и отрадно. И заключаю сие желанием души, вам постоянно преданной, чтобы берегли себя, не поддавались унынию. Ради Христа, берегите себя, молитесь и молитесь, Господь вас не оставит и наставит и поможет. Храните душу в спокойствии, это главное.

О себе что вам сказать. Я к вам писала после тяжкой моей болезни, от которой и до сих пор еще не могу оправиться. Наконец 21 февраля получила известие, что дочь моя Якушкина очень больна, и мы с сыном ту минуту поехали. Отцу Небесному угодно было, что уже я не застала в живых. Далее говорить нечего. С вашим сердцем понятно, что может ощущать сердце материно.

Все предаю в волю Божию, молю Его, да упокоит Он ея душу, лишь бы ей было там хорошо. О себе и о горести своей не думаю. Господи, упокой ея и не остави ея. Семейство у ней два сына остались, один в университете. Боже мой, Ты их не покинь, всех и все вручаю Богу и Отцу, и крепко уповаю на Его Отцовское милосердие, что Он никого не оставит, лишь бы мы только с любовию покорялись Его святой благой воле, все на пользу нашу устрояющей, на пользу вечную. О Всемилосердный, Ты нас не покинь и наставь и помоги благоговеть пред Твоими святыми велениями. Как ни грус<т>но и больно сердцу, но дай Бог никогда не выпускать из виду, что наше главное на сем свете дело — заботиться о спасении души. Не чувствовать печали невозможно, уверена, что Сам Бог не взыщет за слезы, лишь бы они проливались в тишине и покорности. О Всемилосердный, Ты нас не покинь. Прощайте, мой друг, обнимаю, благословляю вас с любовию матери, и с сим чувством всегда о вас вспоминаю. Я, похороня дочь 24 февр<аля>, на прошедшей неделе говела и третьего дня, 2 марта, по благости Божией сподобилась приобщиться Святых Таин — и о вас помнила. Как видите, и самая сильная печаль не отдаляет меня от вас. Сказывайте о себе и ради Христа молитесь и молитесь, это оградит вас от уныния. Дай Бог вам спокойствие и с Его Отцовскою помощию свершить сочинение свое и потом путешествие. Я на этой неделе еду в деревню. Пишите; еще вас благословляю. Пишите.

Вечно предана Н. Шерем<етева>.

<*На обороте:*>

В Италию, *в Рим.*
Его высокоблагородию
Николаю Васильевичу Гоголь.
En Italie, à *Rome.*
A Monsieur Monsieur de Gogol.
Via de la Croce, № 81, 3 piano.

1083. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

<19/31 марта 1846. Франкфурт>

Любезный Гоголек, пишу к вам только для того, чтобы отвечать на запрос ваш, заключающийся в последнем вашем письме: получены ли мною все ваши письма? Получены, сударь. От Аксакова получил я манускрипт для вас, и он у меня хранится. Это какие-то драматические сцены в стихах, под именем мистерий, в которых, точно, смысл есть мистерия. Наши поэты тянутся

в гениальную оригинальность немилосердно. У меня поэтический запор все еще продолжается. Гомер спит сном богатырским. Авось пробудится. Жду и надеюсь. А вы, мой милый, начинаете — в час добрый. И план ваш пуститься в путь весьма одобряю. Только не советую на Восток: с вашими нервами затруднительные путешествия по горам, по степям, посреди препятствий и опасностей всякого рода никуда не годятся. Для таких путешествий необходимы силы богатырские. Ограничьте себя Европою; теперь только вы переезжали с места на место и оставались на житье в Риме или в Париже. Начните путешествовать как должно, то есть все осматривайте, что того стоит; как можно более путешествуйте пешком; определите на это год или два; и выкиньте из головы всякую заботу. Думайте во все это время только об одном Боге и пользуйтесь вполне свободою — это будут счастливые минуты, целительные для души и тела. Вестей вам никаких не посылаю, ибо их у меня нет. От Вьельгорских нет никакого слуха. От Смирновой получил краткое письмо из Калуги: она чахнет душою. Это мне очень прискорбно. Прощайте.

Ваш Жуковский.

19/31 марта 1846.

Отрывок перевода Крылова из «Одиссеи» хорош; но думаю, что мой перевод, при такой же точности, опрятнее. Наш дедушка Крылов не подмел горницы: убрал ее прекрасно, да на полу валяются бумажки.

1084. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

19-го марта 1846 г. Москва.

Твои письма от 25-го декабря 1845 г. и к Шевыреву и к Аксаковым дошли в свое время, и ответы на них посланы к тебе тогда же. Пускайся в путешествие, если ты уверен, что действует благотворно на твое бренное тело, и пиши как можно больше: наша литература давно уже ждет твоего делания, а между тем на ее поприще правда никнет, а злочестие высится!

Посылаю тебе перевод предисловия к немецкому переводу «Мертвых Душ». Немец переводчик Löbenstein (ты, конечно, желал бы не stein, а hausen), называет их *народною русскою книгою,* сделавшей столько же шуму в России, как «Mystères de Paris» во Франции, — говорит, что ты получил за нее 3000 руб<лей> сер<ебром>, и что профессор Погодин, ее у тебя купивший, имел 4000 р<ублей> сер<ебром> барыша. Далее следует приложение.

У нас составляется литературный сборник: он бу́дет лучше того, который ты получил уже, и будет гораздо толще: в него войдет целая санскритская драма, переведенная с подлинника Коссовичем, войдет повесть Дв. . . ., много стихов И. Аксакова и проч., и проч.

Путешествие А. Норова, которое до сих пор не давалось тебе, как клад, ты, конечно, уже получил, следственно, можешь успокоиться по этой части. Вышел роман Загоскина: «Брынский лес», прекрасно! Он, мне кажется, гораздо лучше «Юрия Милославскаго». Я пришлю его тебе.

У Надежды Николаевны Шереметевой большое горе: умерла Якушкина и сама почтенная наша старушка то и дело прихварывает; теперь она в деревне, в Рузском уезде.

У нас носится слух, что Жуковскому отпуск отсрочен только до мая 1846 г., стало быть к июлю должно ждать его в Москву. Едва ли он здесь поселится: он привык к жизни тихой, так сказать, патриархальной, а здесь все-таки он будет в шуму градском и на бою.

Свербеевы и Хомяковы тебе кланяются. Елагины все в деревне.

Прощай покуда. Будь здоров.

Твой Н. Языков.

1085. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

<18–21 марта 1846. Санкт-Петербург>

Петербург. 18-го марта.

Здравствуйте, любезный Николай Васильевич, как вы поживаете и что делаете? Может быть, в эту минуту обо мне думаете и говорите себе: «Какая ленивая, давно мне не писала». В самом деле, Николай Васильевич, давно, но ни о чем приятного не было вам писать. До Великого поста я была в самом дурном расположении и не была в духе писать. В начале февраля вдруг захворал меньшой ребенок Аполлины Михайловны и скончался на седьмой день болезни. Прочие, слава Богу, здоровы; только Софья Михайловна что-то начинает опять худеть и немножко слабеть. Ей предписали морские ванны, и, может быть, придется нам поехать нынешнее лето куда-нибудь близко купаться, или в Ревель, или в Гельзингфорс. Я, слава Богу, совершенно здорова и удивительно как хорошо перенесла нашу жестокую зиму, так что я никогда более о моем здоровии не думаю. Погода мне совершенно

равна, и даже климатом я более не занимаюсь и никогда на него не сержусь. Вы теперь, может быть, думаете, что мне осталось меньше причин упадать духом, чем прежде, но очень ошибаетесь: я была в продолжительном унынии всю зиму. И как вам объяснить, отчего я унывала? сама я не знаю причину. Во-первых, надобно сказать, что маменька была в самом печальном расположении почти всю зиму, и вы можете вообразить, что это на меня имеет большое влияние. Потом насчет Софьи Михайловны я иногда беспокоивалась, но, слава Богу, это не случалось часто. Не говоря о личных обстоятельствах, только и слышишь в городе о несчастиях, о голоде и болезнях. В некоторых из наших губерний умирают с голода; здесь, в Петербурге и около города, свирепствовает заразительная болезнь, le typhus, от которой множество людей каждый день умирает. Доктора говорят, что во время холеры не было больше умирающих, чем теперь. Несмотря на то, всю зиму танцевали, веселились, и я с прочими, только с разницею, что мне почти всегда было скучно или близко к тому и что мне большой свет ужасным образом надоел. Множество лиц, и все-таки находишься как будто в уединении. Едешь в свет, теряешь драгоценное время, и все к ничему, даже не удается иногда ума себе развлечь. И о чем говорить с людьми глупыми, или неприятными, или для меня совершенно равнодушными? И все-таки надобно с ними говорить, и каждый день повторяется тот же самый пустой вздорный разговор. И женщины стали мне противны: самые добрые портятся в этом гадком свете. Где же умные люди? где же возвышенные души? Наша молодежь разделяется на две классы: первая, в которой находятся несколько умных людей, занимается картами; другая, составленная из самых молодых людей, живет только ногами, то есть умеет только танцевать. Я вам в пример скажу, любезный Николай Васильевич, что самые модные франты нынешней зимы, с которыми все щеголихи старались танцевать, такие пустые люди, что с ними нельзя иметь даже светского глупого разговора. В этом случае можно повторить слова школьного учителя во французской пьесе: «Et quand je pense, que c'est la l'espoir de la patrie!..» Но довольно об этом. Я уже вам, верно, надоела моими длинными размышлениями. Мне показалось, что я с вами где-нибудь сижу, как случалось в Остенде или в Ницце, и что вам говорю все, что в голову приходит, и что вам рассказываю всякую всячину. Вы меня тогда слушали, тихонько улыбаясь и закручивая усы... Как я вас вижу, Николай Васильевич, точно как будто бы вы предо мной стояли!

21 марта.

На первой неделе Великого поста мы все вместе говели, и с тех пор я совсем ожила. Теперь мне гораздо легче и веселее, ко всему охоту и силу чувствую. Боюсь только, что это расположение недолго продлится. Мне очень хочется говеть еще на последней неделе; но не знаю, согласится ли на это духовный отец мой, Павский. Он предобрый и просвещенный человек, и я б очень желала его чаще видеть, но он очень далеко живет, и, во-вторых, в Петербурге вообще никогда не видим тех, которых хотелось бы видеть, а беспрестанно встречаемся с посторонними лицами. От Александры Осиповны довольно хорошие известия. Все в Калуге в восхищении от нее; остальное она, верно, вам сама написала, то есть то, что не в ее похвалу. Вы, верно, знаете, что Государь был в Москве и что опять сюда воротился. С тех пор, как Государыня уехала, я его больше никогда не вижу и едва ли не переговорила с ним несколько слов. Он, слава Богу, здоров. У цесаревны мы были только на больших собраниях, так что я до сих пор ее только знаю издали, как и все другие. On ne dit que du bien d'elle et elle plait generalement. A propos, Николай Васильевич, с первым фельдъегером мы вам пошлем повесть Достоевского (молодого человека 22 лет) «Бедные люди», которая мне очень понравилась. Прочтите ее, пожалуйста, и скажите мне ваше мнение. Знаете ли, что господин Виардо, муж певицы, перевел и публиковал несколько из ваших повестей, как, например, «Тарас Бульба», «Старосветские помещики», «Записки сумасшедшего»; прочие я не помню. Рассердитесь вы на это, любезный Николай Васильевич, или нет? Я воображаю себе, что это вам неприятно будет, но напрасно; я, напротив, очень радуюсь, что вас будут знать и почитать не только в России, но и в других краях. «Vous etes une de nos gloires modernes»: как же русскому вами не гордиться? Видите, вот как я вам это объясню: как русская, вы для меня *Гоголь*, и я вами горжусь, а как Анна Михайловна, вы только для меня Николай Васильевич, то есть христианский, любящий, вернейший друг. Прощайте. Господь с вами.

Анна М. В.

Пожалуйста, пишите мне о вашем здоровье; я вас об этом прошу.

1086. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Москва, 14-го апреля 1846.

Письмо ваше последнее из Рима пришло в Калугу, но уже более меня не застало, любезный и добрый друг мой. С генваря месяца уже нервы мои расстроивались и в марте дошло до такой степени, что не знала, что со мною делать; была не хандра уже, а просто расстройство в голове, которое еще не обнаруживалось. Страхи, холодный пот, отсутствие аппетита, беспрестанное беспокойство и вместо сна летаргия... Все воля Божия, я смиренно преклоняю голову перед Его определением, но тяжки болезни души, тяжки до невозможности и я не смею и подумать еще о том состоянии, в котором была месяц целый безвыходно. Я не вынесла Калуги и этого столкновения с миром новым для меня, в котором все раны человеческие наружу показываются. Все эти же раны и везде, и в Петербурге, но там они прикрыты, и притом есть возможность приятного и полезного развлечения, а там, в Калуге, я была беспрестанно погружена в созерцание страданий и ничего не было для отдыха. Началось все чувством сильной болезни и какого-то удушья ума и души… Но оставим это, мне становится опять душно. Писать много не могу и не велено даже. Живу здесь в трактире Шевалье, купаюсь, хожу, пью воду, меня навещают Скалон с женою, Рябинин, Мещерский, дядя мужа моего, его двоюродная сестра Голицына, Хилковы, изредка Хомяков, Свербеева, Аксаков, княгиня Софья. С меня этого довольно, гуляю много, раскладываю patience, играю в пикет, завела себе Каролину Ивановну и с ней болтаю о всяком вздоре. Мне нужен покой и особенно бездействие ума и души. Не знаю, что будет вперед, как скоро лучше — еду в Калугу, где дети и Н. М. один в этом омуте. Трудна моя жизнь, трудна болезнь и трудна во многих отношениях. В душе рождается сильное желание увидеть еще Италию, наслаждаться еще, а сил для наслаждения, для забвения более нет.

Аксаков был у меня в *немецком платье*; он очень мне нравится; старик его болен. Он вам велел напомнить, что ваши 5 лет прошли. Как у вас с имением устроено, чтобы не продали с аукциона. Пока довольно, пишите о своем здоровье. Меня несказанно обрадовало ваше последнее письмо, из которого вижу, что вы пишете и что душа и ум ваши здоровы, сильны и зрелы. Дай вам Бог Свое благословение на окончание труда. Молюсь о вас, сколько сил есть, молюсь ежедневно, как о своих родных братьях, муже и детях. Меня петербургские друзья обрадовали

своим участием: все звали к себе; Софья Михайловна чуть сюда не собралась; Самарин тоже. Жуковского поцелуйте.

Христос Воскресе!.. В безмолвии у меня страхи и разыгрываются. Было и бывает еще ужасно. Прощайте, душа моя. Христос с вами!

1087. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

<19 марта — 17 апреля 1846. Покровское>

Марта 19.

Давно о вас, мой милый друг, ничего не знаю. Была в Москве, спрашивала у Николая Михайловича, тоже, говорит, давно не получал. К нынешнему дню я к вам писала и извещала вас о посещении Божием со мною. Теперь уже не повторяю о случившем<ся>. Буди Его святая воля во всем. Сегодня несколько слов хотела написать, как-то вы проводите нынешней день. Дай Бог всегда и помнить о вечности и поступать так, дабы сподобиться блаженной вечности. О Всемилосердный, Ты нас не покинь, и наставь и помоги творить Твою волю. Когда это отправится, не знаю, а только хотелось хоть немного с возлюбленным новорожденным побеседовать. Прощайте, обнимаю вас, благословляю, вручаю Богу и пред Ним о вас с любовию вспоминаю, да наставит Он вас и поможет идти путем, Ему угодным.

Христос с вами!

Апреля 16.

Христос Воскресе!

В самой Великой Праздник сподобилась приобщиться Святых Таин. Помнила о вас с любовию, с нею и приветствовала вас в столь радостной для каждой христианской души праздник, поздравляла вас, и все, чего желала и желаю, видит Тот, Покрову Коего я часто вас, мой милой друг, вручаю, да спасет Он вас и по благости Своей поможет пребывать постоянно в чувствах, Ему, Отцу Небесному, угодных, не взирая ни на какие превратности, с нами встречающиеся, а всегда с Его Отцовскою помощию хранить душу в спокойствии. Я писала к вам 2 марта, в день, в которой по благости Божией сподобилась приобщиться, и извещала вас, что Господь посетил меня в исходе февраля: я лишилась дочери моей, Якушкиной, да упокоит Господь душу ея и не оставит ея семейство. О Всемилосердный, не покинь Ты их! А нам помоги остатки дней так провести, чтобы сподобиться блаженной вечности, помня о спасении души, и посвятить себя для этого. Как

бы все здесь было хорошо сердцу, возлюбившему Бога, ему все близко, для него ничто не чуждо. О Всемилосердный, Ты нас не покинь, и наставь и помоги идти путем, Тебе угодным.

Письмо ваше, не знаю, от какого числа, третьего дни от Николая Михайловича получила. Наконец после столь долгих странствий благословение мое до вас достигло, да Великой угодник Николай Чудотворец не оставит вас своим предстательством у Престола Божия, Покрову Коего часто вас, мой милый друг, вручаю. Говорите, молиться о вас. Бог видит, с какою любовию пред Ним о вас я вспоминаю, не только каждый день, но не раз во дне вспоминаю о вас и с любовию вручаю Тому, Которой один все видит и один все может, да Он вас не покинет, и наставит, и поможет хранить душу в спокойствии. Пребывая в сем состоянии, тогда все, с нами встречающее<ся>, принимали бы с покорностию и убедились бы внутренно в том, что наше дело не о том заботиться, чтобы исполнилось по нашему желанию, но чтобы приобрести уменье довольствоваться всем, что Ему, Отцу Небесному, угодно ниспослать. Как бы ни тяжко и ни больно было для нашего слабого сердца, но покорность к Его Отцовской воле облегчает всякую боль. Вы, ради Христа. не смущайтесь ничем, а покоряйтесь; смущение отдаляет спокойствие, столь необходимое для нашего спасения. Дай Бог в настоящем уметь находиться, не заботясь о том, что впредь с нами случится; то не наше. Во всем дай, Господи, более простоты. Из письма вашего не вижу, чтобы вы получили мои письма. Несколько раз к вам писала. Прощайте, мой друг, обнимаю вас со всею нежностию матери, и с этим чувством вас благословляю, вручаю Богу, молю Его, да Он вам поможет пребывать во внутренней тишине и уменье довольствоваться всем, что Ему, Отцу Небесному, угодно ниспослать: буди Его святая воля во всем. Прощайте, мой друг. Постоянно вам с дружеством предана.

Н. Ш<ереметева>.

Прошу вас, мой друг, помолитесь когда за усопшую *Анастасию.* Дай Бог ей Царствие Небесное.

Еще прощайте, мой друг, еще вас благословляю и умоляю, ради Христа, будьте покойны. Христос с вами!

Не зная вашего адреса, прошу Николая Михайловича о доставлении. Еще вас благословляю и сим оканчиваю. Спаси вас Господи!

17 апреля.

Еще на почту не уехали, еще с возлюбленным Николаем Васильевичем хоть несколько слов хочу сказать и убедительно просить: ради Христа, берегите себя и помните, какой вам путь предстоит свершить, побывать в Иерусалиме, да благословение Божие сопутствует вам и возвратит благополучно. А до того еще надобно окончить сочинение свое, а для всего этого надобно силы, и берегите себя для Того, Кому вы всей душею служить желаете, да благословение Его над вами пребудет. Часто я вас, мой друг, вручаю Его Покрову. О Всемилосердный, не покинь его и наставь на путь, Тебе угодный. Прощайте, еще вас благословляю. Христос с вами!

1088. Н. Н. Шереметевой

<5 апреля (н. ст.) 1846. Рим>

Очень вас благодарю. Здоровье мое лучше. Сердечно скорбел о вашей потере, о которой узнал вчера. Я сам услыш<ал> много хорошего о покойнице. Бог да успокоит ее в месте злачном, откуда отбежала печаль и болезнь.

Весь ваш

Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

1089. Графу А. П. Толстому

<18 апреля (н. ст.) 1846. Рим>

Христос Воскрес! Прежде всего поздравляю вас с праздником всех праздников. Дай Бог сказать нам когда-нибудь на Руси и радостней и торжественней это святое приветствие друг другу, в пору *воскресенья Светлого Воскресенья*, в таком виде, в каком должно праздноваться оно на Руси. Наконец получил от вас письмецо от 4-го апреля; за месяц перед тем получил другое с Ивановым, потом Ершов привез мне от вас поклон. Три книги от Потоцкого, вместе с пилюлями, получил еще в начале минувшей зимы. Жаль, что не прислали мне Теологической энциклопедии с Литургиями; здесь нельзя достать, но, впрочем, всё равно, перегляжу ее у вас в Париже. Думаю, с Божией помощью, двинуться из Рима через две недели, располагая зацепить Франции и Парижа единственно затем, чтобы взглянуть на вас. К концу мая, если не европейского, то нашего стиля, надеюсь вас увидать,

и дай Бог, чтобы в лучшем состоянии душевном, сколько возможно лучшем. Пожелайте и вы этого же мне и помолитесь или, лучше, помолимся оба, чтобы нам обоим было свиданье наше и в душевную и в духовную радость, — чем больше братски встречается между собою человек, тем ближе таковой встречей становится к Богу.

Итак, до свиданья, мой бесценный Александр Петрович! Более не успеваю писать. Поговорим обо всем при встрече личной, а поговорить будет много о чем.

Передайте мой душевный поклон графине.

Ваш Г<оголь>.

О приезде моем не сказывайте другим.

<*На обороте:*>
Son excellence monsieur le comte
Alexandre Tolstoy.
Paris. Rue de la Paix, 9 (hotel Westminster).

1090. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским и графине С. М. Соллогуб

<7/19 апреля 1846. Рим>

Христос Воскресе!

Посылаю вам это святое приветствие в самый день Светлого Воскресенья, мои прекрасные графини: и маминька и дочери! И вы давно ко мне не писали, и я давно к вам не писал. Но я знаю, однако же, и слышу в сердце моем, что вы часто обо мне думаете; знаете также и вы, что я очень часто думаю о вас. В этом, впрочем, нет большой заслуги с моей стороны: приятными мыслями приятно заниматься, а мысли о вас приятны. В этот день я так сильно и нежно и братски перецеловал вас всех в моих мыслях, что на душе моей долго было потом светло и радостно.[1] И хотел бы я быть в силах перецеловать всех людей такими родственными поцелуями. Через две недели я выезжаю из Рима и уведомляю вас, чтобы вы, если придет кому-нибудь из вас желание наградить меня несколь<кими> прекрасными строчками письма вашего, адресовали Жуковскому во Франкфурт, где я буду в июне. Впрочем, где бы я ни был, адресуйте к нему; он мне перешлет. Для здоровья моего мне необходимо сделать как можно больше езды и дороги; это мне помогало доселе лучше всяких средств и лекарств. Бог

[1] светло и радостно от этих поцелуев

милостив; надеюсь, поможет и теперь. Что вам сказать о моем здоровье телесном? Оно очень незавидно. Но благодарю за него Бога. Оно так быть должно. Не без высшей воли повелено ему так быть. Стало быть, полную доверенность к Повелевшему! У Него всё, что Им повелевается, повелевается к добру. Мое душевное здоровье лучше прежнего, и виной этого отчасти[1] телесный недуг, стало быть, грех и сметь даже роптать на телесные недуги, когда они так видимо направляются к выздоравливанью душевному. Я полечусь, может быть, только в одном Греффенберге, и то в жаркие летние дни. Хочу побывать[2] в Англии, Голландии. На зиму проберусь в Италию, на теплейшие места в Средиземном море, оттуда (если будет такая милость Божия, что позволит мне выполнить кое-какие невыплаченные долги, без которых нельзя ехать туда, куда душа хотела бы) проберусь в Иерусалим. Молитесь Богу, мои прекрасные графини, чтобы было всё так и чтобы весной в следующем году или в начале лета мы встретились с вами в России, и была бы в радость наша встреча, и не было бы на моей совести ничего такого, что бы стало меня укорять, что я ни за что получил такую награду, как встреча с моими друзьями, и притом в таком раю, каким для меня кажется теперь наша требующая любви нашей Россия. Бог да хранит вас и всё то, что дорого душам вашим! Прощайте.

Весь ваш Г<оголь>.

Если вам встретится оказия для удобной пересылки во Франкфурт, на имя Жуковского, то сделайте мне подарок. Пришлите два журнала на нынешний 1846 год: «Отечест<венные> Записки» и «Маяк». Того и другого к июню выйдет[3] по шести книжек.[4] Вы, верно, найдете возможность переслать их с курьером, а не то с кем-нибудь из отправляющихся за границу, — впрочем, первое вернее.

<*На обороте:*>

St. Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Луизе Карловне Вьельгорской

(рожд. пр<инцессе> Бирон).

В С. П. Бурге, на Михайловской площади, в доме графа Вьельгорского.

[1] может, отчасти

[2] побываю

[3] я думаю, к июню выйдет

[4] *Далее начато:* отправляют

1091. Н. М. Языкову

<21 апреля (н. ст.) 1846. Рим>
Апрел<я> 22.

Христос Воскрес!

Письмо получил, но книг, заключающих наши литер <атурные> новости, не получал, хотя ожида<л> целые две недели после получения письма. Жаль, что не упомянул, с кем они посланы. Мне бы теперь сильно хотелось прочесть повестей наших нынешних писателей. Они производят на меня всегда действие возбуждающее, несмотря на самую тягость болезненного состояния моего. В них же теперь проглядывает[1] вещественная и духовная статистика Руси, а это мне очень[2] нужно. Поэтому для меня имеют много цены даже и те повествован<ия>, которые кажутся другим слабыми и ничтожными относительно достоинства художественного. Я бы все эти сборники прочитал с большим аппетитом, но их нет, и не знаю даже, куды и с кем они тобою посланы и когда их получу. От Жуковского я получил извещение, что он, точно, получил стихи Аксакова Ивана, но удержал их у себя, считая лучше вручить их мне лично, по приезде моем к нему. Он находит в них много мистического и укоряет молодых наших поэтов в желании блеснуть оригинальностью. Последнего мнения я не разделяю, хотя и не читаю стихов. Это направление невольное и не есть желание блеснуть. Теперешнего молодого человека мечет невольно, потому что есть внутри у него сила, требующая дела, алчущая действовать[3] и только не знаю<щая>,[4] где, каким образом, на каком месте. В теперешнее время не так-то легко попасть человеку на свое место, то есть на место, именно ему принадлежащее; долго ему придется кружить, прежде чем на него попасть. Попробуй, однако ж, дать прочесть Аксакову Ивану мои письма, писанн<ые> к тебе о предметах,[5] предстоящих у нас лирическому поэту, по поводу стихотв<орения> «Землетрясен<ие>». Они все-таки хоть сколько-нибудь наводят на действительность. Почему знать? Может быть, они подадут ему какую-нибудь мысль о том, как направить силы к предметам предстоящим. Штука не в наших мараньях, но в том, что благодать Божья озаряет наш ум и заставляет его увидеть истину даже и в мараньях.

[1] преимущественно проглядывает
[2] страх
[3] желающая деятельности
[4] *Далее начато:* какой
[5] по пов<оду>

Кстати об этих письмах, ты их береги. Я как рассмотрел всё то, что писал разным лицам в последнее время, особенно нуждавшимся и требовавшим от меня душевной помощи, вижу, что из этого может составиться книга, полезная людям, страждущим на разных поприщах. Страданья, которыми страдал я сам, пришлись мне в пользу, и с помощью их мне удалось помочь другим. Бог весть, может это будет полезно и тем, которые находились и не в таких обстоятельствах и даже мало заботятся о страданиях других. Я попробую издать, прибавив кое-что[1] вообще о литературе. Но покамест это между нами. Мне нужно обсмотреться и всё разглядеть и взвесить. Двигает мною теперь единственно польза, а не доставленье какого-либо наслажденья. Еще две недели, не более, остаюсь в Риме. Во Франкфурте полагаю быть в начале июня или в конце нашего мая. Всё посылай и адресуй во Франкфурт, на имя Жуковского. Прощай; более писать не в силах. Зябну и дрожу и бегу бросить письмо на почту и согреться.

<*На обороте:*>

Russie. Moscou.
Николаю Михайловичу Языкову. В Москве.
На Пречистенке, у Троицы, в Зубове, в доме Наумовой.

1092. Н. Н. Шереметевой

<21 или 22 апреля н. ст. 1846. Рим>

Христос Воскресе!

Знаю, что и вы произнесли мне это святое приветствие, добрый друг мой. Дай Бог воспраздновать нам вместе[2] этот святой праздник во всей красоте его еще здесь, еще на земле, еще прежде того времени, когда по неизреченной милости Своей допустит нас Бог воспраздновать его на небесах в невечереющем дне Его вечного Царствия. Мне скорбно было услышать об утрате вашей, но скоро я утешился мыслью[3], что для христианина нет утраты, что в вашей душе живут вечно образы тех, к которым вы были привязаны; стало быть, их отторгнуть от вас никто не может; стало быть, вы не лишились ничего; стало быть, вы не сделали утраты. Молитвы ваши за них воссылаются по-прежнему, доходят так же к Богу, может быть, еще лучше прежнего. Стало быть, смерть не разорвала вашей связи. Итак, Христос Воскрес,

[1] кое-какие
[2] *Было:* вместе когда-нибудь
[3] *Было:* утешился тем

а с Ним и все близкие душам нашим! Что сказать вам о себе? Здоровьем не похвалюсь, но велика милость Божия, поддерживающая дух и дающая силы терпеть и переносить. Вы уже знаете, что я весь этот год определяю на езду: средство, которое более всего мне помогало. В это время я постараюсь, во время езды и дороги, продолжать доселе плохо и лениво происходившую работу. На это подает мне надежду свежесть головы и боль<шая> зрелость, к которой привели меня именно недуги и болезни. Итак, вы видите, что они были не без пользы и что всё, нам ниспосылаемое, ниспосылается в пользу нашего же труда, предпринятого во имя Божие, хотя и кажется вначале, как будто бы перечит и препятствует нам. Молитесь же Богу, добрый друг, дабы отныне все потекло успешно и заплатил бы я тот долг, о котором немолчно говорит мне моя совесть, и мог бы я без упрека[1] предстать перед гробом Господа нашего и совершить Ему поклонение, без которого не успокоится душа и не в силах я буду принести ту пользу, которую бы искренно и нелицемерно хотела принести душа моя.

<На обороте:>

Надежде Николаевне Шереметьевой.

1093. М. И. Гоголь

Апреля 23/11 <1846. Рим>.

Христос Воскрес!

Поздравляю вас всех. Письма ваши получи<л>, как ваше, так и сестер, с описаниями изб и мужиков. Можно бы иное пополнее, но понимаю, что из слов других нельзя всё узнать. Весной, во время хорошей погоды, не мешает и заглянуть[2] самим и проверить на деле, верны ли донесения других. На вопрос Лизы: «Всё ли записывать в расход?» отвечаю: «Всё, даже и то, что берется в долг у разносчиков и купцов, означая только время, когда взято». Чем будет всё записано аккуратнее, тем лучше для нее: это ей очень, очень пригодится, хотя она еще и не ведает теперь, почему и для чего. О себе скажу вам, почтенна<я> маминька, что здоровье мое по-прежнему, всё стоит ни лучше, ни хуже. Впрочем, я решился не говорить и не думать больше о нем[3]. Излиш<не> заботиться

[1] *Далее было:* душевно<го>

[2] и иногда заглянуть

[3] о здоровье

о здоровье[1] грех. Нужно вввериться[2] одному Богу; он вылечит. Я говорил докторам о ваших предположениях насчет глистов. С этим ни один не согласен: нет ни тошноты, ни слюнотечений и никаких тех признаков, которые бывают у людей, страждущих глистами. Но доволь<но>. Я знаю только, что нужно благодарить Бога за всё, благодарить и за самые болезни, потому что болезни не без цели. Они даются нам в пользу, в излечение души. Я еду через две недели из Рима с тем, чтобы, сделав побольше дороги (которая мне всегда помогала), заехать на несколько месяцев в Грефренберг и, полечившись там холодно<ю> водой, с молитвой, отправиться потом на зиму вновь на юг, с тем, чтобы, поклонившись Святым Местам, возвратиться после такого поклонения в конце, если не в середине, будущего, 1847 года в Россию. Чувствую, что больше всего мне следует надеяться на Святые Места и поклонение Гробу Господню, чем на докторов и леченье. Пансион, мне вышедший, тысяча рублей серебром, дан мне вовсе не за заслуги, как вы полагаете, и не за какое-нибудь новое сочинение, но единственно из сострадания к моему болезненному и с тем вместе безденежному состоянию. Готового у меня ничего нет и не будет готово, пока не угодно будет воле Божией даровать мне надлежащие силы и двигнуть мою работу. Стало быть, во всем нужно нам обращаться к нему, вввериться ему, принимать всё, благодарить за всё, верить, что всё, им посылаемое, разумно и что он властен[3] спасти нас даже и тогда, когда бы нам самая безнадежность угрожала, и продлить наши дни на целые десятки лет и даже на Мафусаилов век. Итак, будем бестрепетны и бодры, не ослабевая в молитве. Прощайте! Письма адресуйте во Франкфурт, на имя Жуковского, по прежнему адресу; он мне перешлет их повсюду, где я ни буду находиться.

Ваш [Весь ваш] сын Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Poltava. (Russie Meridionale).
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.
В Полтаве, оттуда в д<еревню> Василевку.

[1] о нем

[2] нужно во всем вввериться

[3] мож<ет>

1094. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

<1 мая (н. ст.) 1846. Рим>

...Придет еще труднейшее и еще более бедовое время, чем теперь,[1] отказать себе в том, что менее необходимо, а не быть приведену в необходимость обрезать себя в *самом необходимейшем.* Смотрите же, не пренебрегите никак этим моим предписанием.[2] По окончаньи всякого месяца составьте из себя комитет и всякую издержку взвесьте сравнительно одну к другой, чтобы увидеть, во сколько раз одна необходимей другой. И каждый раз сообразите себе вперед, от каких именно издержек следовало бы прежде отказаться в случае такого-то и такого-то несчастия, какое может впереди случиться.[3] Да и вообще представляйте[4] почаще перед свои глаза все несчастные случаи и все бедствия, какие могут приключиться человеку, и смотрите в то же время на себя, как вы нашлись бы среди их и как бы поступили благороднее, великодушнее и возвышеннее. Итак, вот тебе, Лиза. Кроме счетов, если у тебя найдется время, ты должна помогать своей старшей сестре в обучении и в наставленьи крестьянских детей. Доныне ты всех ленивей в исполнении просьб моих, советов и молений и доказала мне, что меньше всех других сестер меня любишь; поправься же хотя теперь.

Наконец обращаюсь к тебе, Ольга. Тобою я на этот раз доволен вполне. Последние твои донесения гораздо лучше и обстоятельнее прежних. Ты хорошо сделала, что не показывала своего письма сестрам (сужу так потому, что твое письмо была запечатано): они бы, верно, сказали тебе, что о том и о другом тебе не следует ко мне писать, как о пустяках, не достойных моего внимания, и чрез то сбили бы тебя с толку; всё бы вышло у тебя принужденно и вяло, но теперь у тебя и слог лучше, и мысли яснее, и вообще письмо написано обстоятельно и подробно. Так делай и вперед: не пропускай подробностей никаких, как бы они ни казались мелки. Слушай советы сестер во всяком деле и от других также принимай советы и благодари их за советы; но когда пишешь ко мне, не слушай ничьих советов; пиши, что велит тебе душа писать. Да и всех вас прошу так же поступать со мною. Если кому захочется даже свое внутреннее[5] душевное дело выговорить,

[1] *Далее начато:* чтобы то, чтобы быть в возможности
[2] *Далее начато:* и всякой вся
[3] *Далее начато:* [И] смотрите, чтоб вы все до единой
[4] представляли бы
[5] *В подлиннике:* внутренное

высказывайте[1] его мне, как духовнику своему, лучше в запечатанном, особенном письме, потому что исповедь никому не должна быть известна, кроме духовника, и потому, что всегда как-то выражаешься и свободней, и ясней, и обстоятельней, и лучше, когда знаешь, что никто другой не будет читать нашего письма, кроме того, к которому оно писано. Из самых донесений твоих, сестра Ольга, уже видно, что в тебе более наклонностей собственно к практическому хозяйству, чем у всех твоих сестер. А потому тебе наиболее нужно помышлять о том, чтобы приготовлять себя исподволь к тому, дабы заступить место полной правительницы и распорядительницы всего име<ния>, когда маминька наша потребует, наконец, необходимого себе отдохновения в награду за беспрерывные труды и хлопоты всей жизни. Смотри же, чтобы не очутиться тебе, как в лесу. Узнавай, рассматривай и замечай всё в хозяйстве, не пропускай ничего. Помни, что на одну тебя обрушится всё. От сестер своих не жди большой помощи: у них будут другие обязанности; они, если и возьмут что на свою долю, то это будут только небольшие отрасли[2] хозяйства, а главное упадет на твои плеча; итак, всматривайся заранее. Не пренебрегай ни одним словом из моих советов и предписаний; после увидишь пользу всякого слова. И теперь, уже потому только, что ты выполнила исправно мое поручение переглядеть все избы и описать мужиков, ты узнала много того, чего прежде не знала. Ты узнала, например[3], 1-е — что до сих пор у вас у всех было весьма темное понятие о мужиках и что никому почти не было известно, каков каждый из них и чем, и как занимается; 2-е — что и приказчик, который бы лучше всех должен[4] это знать, не умел сказать сам удовлетворительно об этом ничего; 3-е — что ни на чьи рассказы не следует полагаться, а следует всё рассмотреть самому, когда хочешь точно узнать, в чем дело, и когда захочешь хозяйничать умно, а не бестолково. Вот сколько вещей ты уже узнала на первый раз! Теперь ты сама из этого можешь вывести, что если тебе придется когда выбирать приказчика, то следует выбирать такого, который бы больше всех других знал, каков каждый мужик,[5] чтобы мало, что знал бы качества и способности всех наперечет,

[1] выговор<ите>

[2] одни ветви

[3] наконец

[4] должен был

[5] *Далее начато:* потому что, зная его хорошо, он будет знать, как и говорить, и приказывать

но не был бы совой или клячей,[1] на которой бы мужики ездили верхом, а[2] умел бы повелевать и приказывать, изворачивался бы проворно и молодцом. Такой и другим придает духу, и всё у него идет хорошо. Да выбравши и этакого приказчика, и на него не нужно во всем полагаться, а присматривать самому за всем, присматривать даже и за самим приказчиком, потому что и хороший приказчик может избаловаться, если за ним не наблюдаешь, а наблюдая самому за всем, можно и плохого приказчика сделать если не совсем хорошим, по крайней мере гораздо лучшим. Итак, вот что можешь ты зарубить себе раз навсегда в своей памяти, чтобы помнить это вечно и быть истинно полезной помощницей маминьки и всех нас.

Теперь ты сделай вот что. В первый хороший день отправл<яйся> на поле и пробудь хотя день при работах сама, для того, чтобы видеть, сколько в день может наработать всякий без отягощенья себя; 2-е) чтобы видеть, кто работает ленивее, а кто прилежнее; 3-е) чтобы видеть, умеет ли приказчик повелевать и смотреть за ними, и 4-е) чтобы видеть, умеют ли мужики повиноваться и слушаться приказчика. Ленивому ты должна говорить, что он может наработать больше, а именно столько-то, потому что при твоих собственных глазах такой-то мужик наработал столько, стало быть, и он может столько же, стало быть, грех ему так не де<лать>, что ты ему потому приказываешь и велишь, что Бог приказал трудит<ься> усердно. Он сказал: «В поте лица трудитесь!» Стало быть, это грех, и с помещика за то взыщется. Прилежному ты должна говорить, похваливши его за труд, что он должен уговаривать и ленивого трудиться так же хорошо, как трудится он, что он должен усовещивать его и советовать, потому что Бог повелел не только думать об одном себе, но и о брате своем, не только вести себя хорошо, но и брата своего склонять хорошо вести себя. Приказчику ты должна говорить, что ему поручена власть, а власть такого роду дело, которое установлено[3] от Бога. «Несть власти, аще не от Бога» — сказано в Св. Писании, и потому он должен смотреть[4] во все глаза за мужиками и повелевать им, заставлять, приказывать делать хорошо дело. Мужикам также расскажи, чтобы они слушали приказчика и умели бы повиноваться, несмотря на то, кто ими повелевает, хотя бы он

[1] чтобы не был бы какая-нибудь сова или нюня

[2] но чтобы

[3] поруче<но>

[4] должен повелевать

был и худший их, потому что нет власти, которая не была бы от Бога. Словом, так говори с ними, чтобы они видели, что, исполняя дело помещичье, они с тем вместе исполняют и Божие дело.

Потом расспроси у приказчика порядок всех работ, которые будут[1] предстоять в теперешнее летнее время, начиная с посева хлебов всех сортов, — когда именно, какого месяца и числа начнется всякая работа, и всё это по порядку выпиши на небольшом лоскутке бумажки и пришли мне, чтобы я знал, где и в каких местах, и в какое время, и какие именно работы будут у вас производиться в имении в продолжение всего лета.

Потом узнай от маминьки и от приказчика также, сколько четвертей всякого хлеба высеяно в этом году и где, в каких именно местах посеян всякий хлеб, и расспроси также, сколько[2] четвертей хлеба было высеяно в прошлом году, каждого порознь,[3] и в каких местах — на тех ли самых или на других, и где именно. А также не позабудь прибавить, сколько его было потреблено на себя, сколько продано и сколько остается налицо. Не позабудь[4] также уведомить и об урожае: сколько уродило противу посева, *сам-сём* ли, сам-пят или еще и того меньше. Всё это выполни аккуратно, ничего не позабудь. Ни одного моего совета не бросай даром, всё послужит тебе в пользу, даже и то, от которого ты не видишь покамест никакой пользы. Да и всех вас прошу и умоляю, мои сестры, как только <может> умолять и просить больной и страждущий брат ваш, не пренебрегать моими словами и выполнить свято мои поручения с точностью, не пропуская ничего, несколько раз перечитывая мое письмо перед тем как писать, чтобы не пропустить чего-нибудь.[5] Я отправляюсь из Рима на днях с тем, чтобы, сделавши большую дорогу по Италии, Германии, Голландии, поспеть вовремя в Грефенберг на лечение холодною водою, которое мне все-таки немного помогло в прошлом году, несмотря на малый курс; теперь возьму побольше. Помолитесь Богу о моем благополучном путешествии и благополучном лечении. Средства простые мне всегда помогали, как-то: дорога, воздух и холодная вода; лекарства же только расстраивали, а потому я давно их бросил, уверившись, что один Бог наш доктор и что Его одного должно молить о излечении.

[1] начиная

[2] где в<ысеяно> сколько

[3] всех вместе и каждого порознь

[4] Не позабыть

[5] *Далее начато:* еще раз прошу всех вас

А между тем самую болезнь нужно переносить, терпеть и благодарить за нее ежеминутно. Доныне болезнь моя принесла мне много внутренней пользы, даже так много, что я бы жалел сильно, если бы ее у меня не было.[1] Верю, что и впредь все недуги, какие ни случатся со мною, будут мне также в пользу, а потому прошу вас молиться не о том, чтобы мне совершенно излечиться, а о том, чтобы мне поданы были свыше силы переносить легко недуги и чтобы не мешали они мне выполнить долг свой. Тогда только я и счастлив, тогда и весел духом среди самого нездоровья, когда чувствую, что хоть сколько-нибудь выполнил свой долг. Письма ко мне адресуйте теперь во Франкфурт, по-прежнему на имя Жуковского, таким образом:

Son excellence m. Basile de Joukoffsky, для передачи Н. В. Гоголю.

Francfort sur Mein. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

О получении этого письма уведомьте меня немедленно. Прошу вас вновь перечесть его внимательно несколько раз. Сестрам моим я бы советовал даже списать с него копию и иметь ее почаще у себя перед глазами. Прощайте! Христос с вами!

1095. Н. М. Языкову

Мая 5 <н. ст. 1846. Рим>.

Пишу к тебе на выезде из Рима. Письмо твое от 19 марта получил, но книг не получал; они канули Бог весть где. Жаль, что не пишешь, с кем их послал. Это досадно. Как нарочно в этом году так было легко получать книги: курьеры приезжали всякую неделю в Рим, всем что-нибудь привозили, одному мне ничего. Иванов свои книги получил. Благодарю за выписку предисловия к немецк<ому> переводу «М<ертвых> д<уш>». Немец судит довольно здраво. Это лучший взгляд, какой может иметь на эти вещи иностранец. При всем том крайне неприятно, что «М<ертвые> д<уши>» переведены. Впрочем, что случилось, то случилось не без воли Божией. Дай только Бог силы отработать и выпустить втор<ой> том. Узнают они тогда, что у нас есть много того, о чем они никогда не догадывались и чего мы сами не хотим знать, если только будет угодно Богу подать мне силы среди самых немощей и болезней честно и свято выполнить дело.

[1] *Далее начато:* Итак, мне нужно вечно благодарить Бога за мои недуги

На днях я прочел с любопытством и удовольстви<ем> похвальное слово Карамзину, произнесенное Погодиным. Это лучшая его статья. В ней нет его опрометчивости и разных топорных замашек. Всё довольно стройно. Места и выписки расставлены в порядке, так что характер выходит весь перед читателя. Карамзин представляет явление, точно, необыкновенное. Он показ<ал> первый, <что> звание писателя стоит того, чтоб для него пожертвовать всем, что в России писатель может быть вполне независим, и если он уже весь исполнился любви к благу, первенствующей во всем его организ<ме> и во всех его поступках, то ему можно всё сказать. Цензуры для него не существует, и нет вещи, о которой бы он не мог сказать. Какой урок и поученье нам всем! И как смешон после этого иной наш брат литератор, который кричит, что в России нельзя сказать правды или что правда глаза колет! Сам же не сумеет сказать правды, выразится как-нибудь аляповато, дерзко, так что уколет не столько правдой, сколько теми словами, которыми выразит свою правду, словами, знаменующими внутреннюю неопрятность невоспитавшейся своей души, и сам же потом дивится, что от него не принимают правды. Нет, имей такую стройную и прекрасную[1] душу, какую имел Карамзин, такое чистое стремление и такую любовь к людям — и тогда смело произноси правду. Всё в государстве, от царя до послед <него> подданного, выслушает от тебя правду. Но довольно. Спешу укладываться.

Адресуй письма и посылки во Франкф<урт>, по-прежнему на имя Жуковского.

Прощай.

Твой Г<оголь>.

Прилагаемое письмецо отправь немедленно к Сергею Тимофеевичу.

Письма мои к тебе, особенно последние,[2] те, где какие-нибудь места[3], относящиеся к литерат<урному> делу, <сбереги>. Я не оставляю намер<ения> издать выбранные места из писем, а потому, может быть, буду сообщать[4] к тебе отныне почаще те мысли, которые нужно будет пустить в общий обиход. Но это, говорю по-прежнему, между нами.

До следующего письма!

[1] опрятную

[2] *Далее начато:* на всякой

[3] вопросы

[4] писать

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.

Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве, на Пречистенке, у Троицы, в Зубове. В доме Наумовой.

1096. С. Т. Аксакову

Мая 5 <н. ст. 1846. Рим>.

На выезде из Рима пишу к вам несколько слов, почтеннейший друг мой Сергей Тимофеевич. Еду я для того,[1] чтобы ехать. Езда, как вы знаете, мое всегдашнее средство, а потому и теперь, как я ни хил и болезнен, но надеюсь на дорогу и на Бога и прошу у Него быть в дороге, как дома, то есть как у Него Самого, в покойные минуты души,[2] дабы быть в силах и возможности что-нибудь произвести.[3] О том прошу молиться вас и прошу вас также попро<сить> обо мне всех, которые обо мне молились прежде, потому что их молитвами я был доселе чудно сохраняем и среди тягости болезненных состояний зрел и укреплялся душой.

Напишите домой к маминьке моей запрос, получила ли она два моих письма, писанных после того, которое было приложено при вашем. Последнее, от 1-го мая здешнего штиля, весьма нужное. Об этом пусть немедленно вас уведомит она или сестра, а вы сообщите мне.

Обнимаю вас всех.

Ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

1097. П. А. Плетневу

<5 мая (н. ст.) 1846. Рим>

Пишу к тебе на выезде из Рима и посылаю свидетельство о моей жизни. Деньги присылай во Франкфурт на имя Жуковского. У него я пробуду с неделю, может быть, и потом вновь в дорогу по северной Европе. Перемежевыв<аю> сии разъезды холодным купаньем в Греффенберге и купаньем в море: два средства, которые и <по> докторскому отзыву и по моему собственному опыту мне можно только употреблять. Как я ни слаб и хил, но чувствую, что в дороге буду лучше, и верю, что Бог воздвигнет

[1] соб<ственно> для того

[2] души нашей

[3] произвести в такие минуты

мой дух до надлежащей свежести совершать мою рабо́ту всюду, на всяком месте и в каком бы ни было тяжком состоян<ии> тела:[1] лежа, сидя или даже не двигая рука<ми>. О комфортах не думаю, жизнь наша — трактир и временная станция: это уже давно сказано. О всем прочем скоро уведомлю. Мне настоит о многом с тобою поговорить, а потому извести меня подробно и немедленно, в случае отъезда твоего из Петербурга на лето, куда тебе адресовать, чтоб письма могли к тебе скорей доходить, ибо они будут. Прощай. Обнимаю и спешу.

Весь твой Г<оголь>.

Всё, что ни случится, письмо или посылка, адресуй всё к Жуковскому, во Франкфурт.

<*На обороте:*>
St. Pétersbourg. Russie.
Его превосходительству ректору С.<-Петербургского> императ<орского> университета Петру Александровичу Плетневу.
В С.-Петербурге, на В<асильевском> о<строве>, в университет.

1098. А. А. Теплову

<Зима 1845/46 г. — начало мая (н. ст.) 1846 г. Рим>

Нельзя ли по поводу регулярства моего желудочного поведения устроить обед не позже 4-х часов? Сим весьма обяжете вашего слугу Г<оголя>.

<*На обороте:*>
Алексею Агрономовичу Теплову.
Palaz<zo> Giorgi. Via Babuina. Primo porton.
1 piano.
Signor Russo: Teploff.

1099. В. А. Жуковскому

<10 мая (н. ст.) 1846. Флоренция — 13 мая (н. ст.) 1846. Генуя>

Мая 10. Флоренция.

Хотя вы не отвечали мне ни слова на запрос мой, в какое время лучше приехать к вам во Франкфурт, чтобы повидать вас, и на мое убедительное прошение известить о вашем пребывании в случае, если вас пошлют в мае месяце на какие-нибудь воды, дабы я мог туда к вам приехать. Хотя на всё это не было ответа,

[1] *Далее начато:* о комфорт<е>

и вы даже не сказали ни слова, желательно или же нежелательно вам видеть мою физиономию, однако же,[1] не смущаясь ничуть таким равнодушием с вашей стороны, я решаюсь все-таки показать вам свою физиономию, как она ни гадка, ни болезненна, ни измята, ни исковеркана и телесными и душевными страданиями. Бог ее доселе сохранил, несмотря на всю ее гнусность; стало быть, она нужна на что-нибудь, а потому и вы приготовьтесь принять ее. В конце мая я полагаю быть у вас во Франкфурте. В случае, если уедете куда-нибудь, оставьте адрес, дабы я мог вас отыскать. Я только заеду на три дни в Париж, единственно для того, чтобы взглянуть на моего доброго гр<афа> А<лександра> П<етровича> Толстого, и оттуда чрез Бельгию во Франкфурт.[2] Денька три-четыре проведем мы вместе. Мне с вами о многом[3] нужно переговорить. О болезни или о лечении моем вовсе не думаю. Болезнь моя так мне была доселе нужна, как рассмотрю поглубже всё время страдания моего, что не дает духа просить у Бога[4] о выздоровлении. Молю только его о том, да ниспошлет несколько свежих минут и надлежа<щих> душевных расположений, нужных для изложения на бумагу[5] всего того, что приуготовляла во мне болезнь страданьями и многими, многими искушеньями и сокрушеньями всех родов, за которые недостает слов и слез благодарить Его всеминутно и ежечасно. О сих свежих минутах молю и не сомневаюсь в Его святой милости, где ни будут они мне даны, в дороге ли, на почтовой станции, в тряском экипаже, или в покойной комнате, или даже в холодной ванне у Призница — всё равно, но слышит мое сердце, что они будут мне даны, и отверзутся мои уста возвестить хвалу Ему. Но обо всем этом переговорим. Прощайте, до свидания! Обнимаю вас, а с вами вместе и всё вам любезное.

Ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Francfort sur Mein.
Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.
Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor

<*Штемпель:*>

Genova. 13 Magg

[1] Однако же при всем том
[2] и прямо во Ф<ранкфурт>
[3] о многом еще
[4] *Далее начато:* совер<шенного>
[5] для произведения

1100. Графине А. М. Виельгорской

Генуя. Мая 14 <н. ст. 1846>.

Пишу к вам с дороги, добрейшая и благодатная Анна Миха<й>ловна. Благодарю вас за ваши подарки. Во-первых, за письмо. Оно было мне очень приятно. Известия о Петербурге и о духе нынешнего нашего общества хотя заняли в вашем письме только две строчки, но мне были нужны. Не пропускайте и впредь! Говорите даже о том, о чем почти нечего сказать, и описывайте мне даже пустоту, вас окружающую: мне всё нужно. Мне нужно знать всё, что у нас ни делается, как хорошего, так и дурного, а без того я буду всё еще глуп по-прежнему и никому не делаю пользы, а потому не позабывайте и поступайте со мною так, чтобы я много и много благодарил вас за всякое письмо. Во-вторых, благодарю вас за книги. «Воспитанница» весьма замечательна. Соллогуб идет вперед. Литературная личность[1] его становится степенней и значительней; нельзя, чтобы не сделалась от этого и его собственная внутренняя личность степенней и значительней. В писателе всё соединено с совершенствованием его таланта и обратно: совершенствованье таланта соединено с совершенствованием душевным. «Бедные люди» я только начал, прочел страницы три и заглянул в середину, чтобы видеть склад и замашку речи нового писателя (напрасно вы оторвали одних «Бедных людей», а не прислали весь сборник, я бы его прочел, мне нужно читать все новые повести; в них хотя и вскользь, а все-таки проглядывает современная наша жизнь). В авторе «Бедных людей» виден талант, выбор предметов говорит в пользу его качеств душевных, но видно также, что он еще молод. Много еще говорливости и мало сосредоточенности в себе: всё бы оказалось гораздо живей и сильней, если бы было более сжато. Впрочем, я это говорю еще не прочитавши, а только перелистнувши. У меня так мало теперь читать из современного русского, что я читаю понемногу, в виде лакомства или когда очень придет трудно и дух в таком болезненно-черством состоянии, как мое болезненно тяжелеющее на мне тело. Что сказать вам о моем теперешнем болезненном состоянии? Молитесь обо мне Богу — вот всё, что могу сказать Молитесь Богу, чтобы послал мне среди недугов, как бы тяжки они ни были, сколько можно более светлых минут, нужных для того, чтобы, наконец, сказать[2] всё то, для чего я воспитывался внутри, для чего ниспосылались мне и самые тяжелые минуты, и самые

[1] наружность
[2] сказать на

болезни, за которые я беспрерывно должен молить Бога. Вот всё, о чем мне нужно теперь молиться и о чем нужно, чтобы молились обо мне все близкие мне. Просить же совершенного выздоровления или каких-нибудь благ здешней жизни даже грех[1]. Я это чувствую во глубине моей души. Прощайте, не забывайте меня и пишите. Пишите обо всем. Адресуйте письма (и, если случатся, даже книжные посылки) во Франкфурт, к Жуковскому, по прежнему адресу. Он мне доставит всюду, где буду находиться.

Ваш Г<оголь>.

В адресе Жуковского нужно прибавлять: Saxenhausen, Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

Весь дом ваш обнимаю, всех от мала до велика, не пропуская никого.

<*На обороте:*>

St. Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Анне Миха<й>ловне Вьельгорской.

В С. Петербурге. Возле Миха<й>лов<ского> дворца, на Михайлов<ской> площади, в доме графа Вьельгорского.

1101. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<30 апреля 1846. Москва>

Больно жаль мне, что ты о сю пору не получил книг, посланных мною еще в январе к князю Вяземскому для передачи гр<афу> Вельгорскому, который и отправил бы их в Рим. На днях послал я еще и тем же путем для тебя книги: 3-ю часть «Новоселья» и «Брынский лес». Напишу Вяземскому, чтобы эти направить уже во Франкфурт. Недавно был в Москве Чижов: наш журнал, кажется, состоится и пойдет в ход. Но начало ему не прежде 1848 года. Чижову необходимо заготовить по крайней мере на год статей для журнала, своих собственных: на московских писателей и сотрудников он мало надеется — и справедливо! С ними того и жди, что на мель сядешь, а наобещают с три короба.

Вышли лекции Шевырева; я скажу ему, чтобы он послал их тебе: эти лекции — подвиг важный и бессмертный: теперь перестанут думать, что наша словесность началась с Кантемира. Также придет время, когда увидят, что и история наша началась не с Лефорта!!

[1] для меня грех

Ив. Аксаков уехал в Калугу, где он служит в палате. На прошлой неделе давали водевиль К. Аксакова «Почтовая карета». Я пришлю тебе куплет о Питере и об Москве; автор был вызван и осыпан рукоплесканиями. Прощай покуда. Будь здоров.

Твой Н. Языков.

Апреля 30 дня. 1846

1102. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Москва, 8-го мая 1846 г.

Письмо это вам подаст Михаил Андреевич Рябинин, добрый общий наш приятель... Приймите его очень хорошо, любезный друг мой, как бы вы приняли одного из моих братьев. Ему не из пустого любопытства хочется познакомиться с вами, он с собою возит все то, что вы написали; здесь у меня познакомился с Щепкиным, Хомяковым и Аксаковыми; он вам многое расскажет о всем, что здесь делается, кое-что и о Самарине, которого вы не должны упускать из виду и которым Москва недовольна, которым довольна я, однако же. Его положение самое трудное, самое тяжкое; он служит по желанию отца и служит с ужасным убеждением, что ничего нельзя сделать для России. И оно, по несчастию, так: для России служащий ничего не может сделать, я в этом убедилась в Калуге. Николай Михайлович, как честный человек, страдает и уже со всем чиновным людом в ссоре, а министры потакают мошенникам.

Итак, прощайте, душа моя, обнимаю вас. Христос с вами и с нами. Мое здоровье плохо, молюсь и терплю.

1103. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Маия 8 <1846. Покровское>.

С завтрашним днем Ангела вашего вас, мой милый друг, поздравляю. Дай Бог и сей и все дни нашей жизни посвятить Богу и Отцу. О Всемилосердный, Ты нас не покинь и помоги благоговеть перед Твоими святыми велениями. Согласна с вами, мой друг, что для христианина несчастие не существует, но лишение близких нашему слабому сердцу чувствительно, и не чувствовать горя невозможно, лишь бы печаль была тихая, с безусловною покорностию к Тому, от Кого все ниспосылается и Которой знает, кому что нужно, и свыше всему ведется верный расчет; наше дело покоряться только Его святой и благой воле. И я не о своем

горе думаю, а молю Бога всегда, да упокоит душу ея во Царствии Небесном и не оставит Своим Отеческим Покровом ея семейства. О Всемилосердный, не остави их! Спаси и помилуй! И помоги нам всем остатки дней так провести, дабы сподобиться блаженной вечности. А думая о сем и живя для Бога и в Нем и для Него, для ближнего, тогда все будет хорошо, и здесь постигнем и почувствуем блаженство, ожидающее нас по ту сторону гроба. Господи, и наставь, и помоги творить Твою волю. Тогда везде и во всяком положении можно свободно вздохнуть к Тому, Которой один все видит и один все может. Господи, не остави нас, и настави на путь, Тебе угодный. Ваша правда, что в душе живут вечно, к которым были привязаны. Любовь и молитва нас соединяет и с отсутствующими, и с отшедшими отсюда душами; лишь бы только мы поступали просто и прямо, то свыше никогда не отвергнут вздох сердца, нуждающегося в успокоении. Милосерд Отец Небесный, Ему всех и все вручаю. Часто, мой друг, я вас вручаю Господу и от всего сердца молю Его, да поможет Он вам окончить ваш труд с пользою для ближнего, следовательно, и для вас. Дай Бог, чтобы с Его Отцовскою помощию вы могли свершить это, как должно, чтобы угодно было Господу, и вы с исполненною спокойствия душею отправились бы на поклонение. Воображаю эту минуту, когда вы предстанете пред Гробом Господним. Помоги вам, Боже, достигнуть сего невыразимого блаженства. Говорите, мой друг, молиться о вас, чтобы сие свершилось. Всегда о сем помню и всегда молю Милосердого Господа, да благословит ваше благое намерение и поможет по Своему Отцовскому Милосердию достигнуть цели, столь давно наполняющей вашу душу. Дай Бог, чтобы вы были сим утешены, более, нежели утешены, сподобясь сего блаженства. Думаю, мой друг, часто о вас, прошу и молю Господа и часто, очень часто вручаю Его Отцовскому Покрову. А вы уже сей год старайтесь с помощию Божиею докончить свой труд. Если доживу и узнаю, что вы достигли, куды так давно душа ваша стремится, порадуюсь за вас и возблагодарю Милосердого Бога, вас не оставляющего. Когда вам можно, сказывайте, пожалу<й>ста о себе. Бог видит, как вы мне близки и какое от всей души принимаю участие во всем, до вас относящем<ся>. Вот четыре года минуло, как мы с вами так нечаянно встретились, по воле Божией сошлись, и с тех пор о вас и помню, и постоянно молюсь Господу, да Он вас не покинет и сохранит вас повсюду в чувствах, Ему угодных. Как мы с вами расстались, с тех пор

всегда вспоминаю[1] с любовию о вас и вашем путешествии, кое помоги вам, Господи, свершить. Когда узнаю, что вы отправляетесь, поверьте, мой друг, что сопутствовать вас буду молитвою, прося Бога, да с Его помощию возможете пребывать во все путешествие в том состоянии внутреннего спокойствия, которое доставляет душе столько отрад, что придает силу и возможность пребывать в чувствах, Ему, Отцу Небесному, угодных. О Всемилосердный, не остави его! Да Матерь Божия будет вам Помощница и Заступница! Сколько ни говорить, не выскажешь все, что на ваш счет думаю, и все, чего я вам желаю, Бог видит, Его Покрову часто и сию минуту вручаю. Прощайте, мой друг, обнимаю, благословляю вас с нежностию матери, и на всю жизнь с любовию и дружеством предана.

Христос с вами!

Письмо ваше дни три от Николая Михайловича получила и сие к нему в Москву посылаю. Прощайте, мой друг, еще вас благословляю, вручаю Господу, Его молю, да Он вас не покинет, и наставит и поможет творить Его волю.

Прощай<те>, хочу печатать, еще вас благословляю и препоручаю себя вашим молитвам. Не знаю, где вы теперь находитесь, но воспоминанием и любовию отыщу именинника. Христос с вами! Спаси вас Господи! Прощайте, мой друг.

Николаю Васильевичу Гоголь.

1104. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Москва. 14 мая 1846.

Давно я к вам не писала, любезный друг Николай Васильевич, давно и от вас не получала писем. Наша переписка шла очень вяло нынешний год; неужели это знак, что души наши устали, что нет того сильного желания знать, в каком они состоянии? Или разлука в самом деле так ужасна, что приучает нас жить без людей самых близких сердцу? Но дело не в рассуждениях, начинаю, по принятому порядку, с того, что я вам отвечала на ваше последнее письмо уже из Москвы, когда была еще очень больна. Усердно подчинила себя водяному лечению, которое с помощью хинина мне помогло. Нервы мои укрепились, хотя возвращаются еще пароксизмы, и довольно сильные. Заметное улучшение было после завертывания в холодную простыню и душей, я согреваюсь

[1] *Далее было:* о вас

очень скоро, а душа очень приятна после завертывания. Здешний доктор, конечно, не предается преувеличениям Присница, не морозит своих больных и не изнуряет ни гуляньем, ни усиленным потением. Одним словом, я довольна моим Крейсером, потому что мне лучше, и благодарю Бога ежеминутно за восстановление сил телесных и душевных. Тело мое было слабо, и ум расстроен, но душа моя хотя ужасалась, следуя за постепенным расстройством ума, однако не болела. Вместе с неотступною молитвой о возвращении сил была и покорность. Если бы угодно было Богу меня оставить в этом тяжком состоянии, я не роптала бы, и теперь, благодаря за выздоровление, благодарю и за болезнь как за испытание полезное. Много созрела я в это время, примирилась со многим и многими и слишком сильно почувствовала, как мы должны стать выше света, его ложных условий и понятий, потому что такая бездна горестей и радостей вне этого ложного света. Причиною моей болезни был весь этот тяжелый прошлый год, коклюш сильно подействовал на физический организм, и душа болела от борьбы с самой и с обществом, с которым я теперь совсем рассталась без сожалений и без негодования. Может быть, и это еще обман, и, может быть, одно отдаление меня так укрепило, но теперь чувство мое верно. Однако мне тяжело было оторваться от Петербурга; в нем заключалось тогда многое для меня; в этой пустыне было одно существо, еще сильно меня привязывающее, но, как нарочно, все лучшие минуты отравлялись неизъяснимой тоской, глупой неудовлетворительностью моего положения, так что, как ни была тяжела разлука, душа отдыхала при мысли, что я удалюсь от мнимых огорчений. Так чудесно помог мне тогда Господь, так чудесно уберег Он меня от вреда и скорби истинной. Первое время по приезде в Калугу я сгоряча как бы не чувствовала болезни, поддерживала себя тревогами домашними, знакомилась с новым миром и готовилась к деятельности более общественной. Но и тут ожидали меня впечатления самые тяжкие, и под весну на меня как будто обрушилась вся жизнь прошлая, пустая. Я вдруг почувствовала, как мало я способна жить, любить и действовать. С каждым днем все слабела и наконец была на краю погибели. Я и не помню, как меня усадили в повозку и привезли в Москву. И теперь не хочу вспоминать этого страдания. В Москве развлекло меня само лечение, вся внешность для меня новая и общество мне знакомых людей. В первое время я ограничивалась обществом людей самых глупых и простых, делала patience по целым часам или шила молча по канве. Хорошо было испытать это

унизительное положение, но было и тяжко; мало-помалу я начала уже видеть и других, хотя круг моих знакомых весьма ограничен в Москве. Константин Сергеевич навещал меня, когда приезжал в Москву, также Хомяков изредка; я была у Свербеевой, но с ней мы не сблизились, я не нахожу в ней простоты, а все притязания на простоту женщины, живущей вне света и его условий; впрочем, я, может быть, ошибаюсь, но таково мое первое впечатление. Здесь и в Петербурге, конечно, много сплетничали на мой счет, здесь удивлялись, что я живу одна без детей и ни с кем не знакома и не знакомлюсь. Петербургские звали в столицу, и даже ваша графиня Вьельгорская говорила m-lle Overbeck, что я развелась, вероятно, с Николаем Михайловичем, а в Калуге говорили, что я уехала к любовнику. Там по крайней мере не церемонятся в выборе слов и все объясняют просто. Конечно, мне было все равно, собственные страдания были так сильны, что не до них было дело и не от извне падающих стрел приходилось плакать. Вот вам предлинное описание моей болезни и моего положения; во всем воля Господня. Сегодня Вознесение, я отслужила молебен у Иверской и надеюсь вернуться в Калугу 21 числа. Меня ожидают дети с нетерпением, и есть дела кое-какие, которые требуют моего присутствия. В отношении к самой Калуге и к деятельности более общественной, мое присутствие вовсе бесполезно. Хотя, конечно, каждый из нас должен приносить свою лепту, есть, однако, случаи в жизни, когда у человека отнимается сила деятельная, а только требуется покорность безропотная. У меня в семейном кругу столько забот, по-видимому мелочных, что мне не до чужих, да вдобавок есть еще и свои крестьяне под рукой. Общество, о котором вы мне писали, которое как бы препоручали мне, до такой степени испорчено в своем корне, что нечего о нем и думать. Остается молить Бога о терпении, смирении и снисхождении к брату. Благотворительность так тесно связана с администрацией и со всем служебным бытом, устроена на таких фальшивых основаниях, что мне гадко входить во все это. Я машинально делаю то, что делали мои предшественницы. Одним словом, я не могу и не хочу ничего делать, я слаба и больна и долгом первым поставлю сбережение своих сил физических и душевных. Грустно, даже горестно видеть вблизи состояние внутренности России: но, впрочем, не следует об этом говорить. Мы должны с надеждою и светлым взором смотреть в будущее, которое в руках милосердого Бога. Я усердно молю Его о вашем сохранении, о возвращении вам крепости деятельной, испрашивая окончания вашего труда на пользу ближнему.

Мне хотелось вам кое-что сказать и дать, что называется, советы; но ежедневно убеждаюсь, что надобно оставить каждого идти своим путем, если уверен, что цель его святая. Только узнавши внутреннего человека, с его больными и здоровыми сторонами, можно дать ему совет добрый; а этот внутренний человек только Богу известен, и молитва — лучший совет даст. Всякий день убеждаюсь в великолепии разума евангелических слов: «Не осуждай ближнего твоего». Не осуждай — значит вместе не давай ему совета и не думай его переделать, потому что не знаешь, чего требует его внутренний человек. Потому и оставляю все за собою, продолжая молить Бога, да ниспошлет он вам Свое благословение.

По-моему, вы хорошо делаете, что остаетесь в чужих краях; здесь все на это ропщут и негодуют, забывая, что посреди всеобщего возмущения мысли смущается спокойствие души, потребное на окончание всякого искреннего дела и на совершение полезного труда. Повторяйте часто: «Да не смущается сердце ваше и не устрашается»; но по слабости человеческой хорошо, что вы отдалились от смущения.

Аксаковы все здесь, Сергей Тимофеевич очень страдает, и страдает со всем нетерпением новичка; нетерпелив, отрывист в ответах на семейные нежные вопросы; меня это более огорчило, чем удивило, потому что, кажется, ему предстоит долгая болезнь и, может быть, потеря зрения. Впрочем, с этой потерей он более примиряется, чем с болью нервической. Константин добр и прост, как дитя; его нельзя не полюбить, не задумавшись о его будущности. Шевырев не высказывается с первого раза, но Погодин сух и черств, даже издали. Хомяков так умен, что о душе его ничего нельзя сказать; можно, однако, уверительно сказать, что его сердце доброе. Здесь затеяли подписку для Иванова, по просьбе Чижова; не худо бы собрать 6000, это его обеспечит на два года; все это сделается между людьми, его любящими, как русского художника. Тут были запросы умные — обидится ли он или нет? Мне кажется, что общество никогда не может обидеть личность, а скорее лицо может обидеть другое лицо. Меня удивило, что Государь, восхищаясь его картиной, не имел мысли ему помочь; вероятно, он забыл его в хлопотах путешествия и никто об нем не напомнил. Зачем у меня нет денег? Я так люблю Иванова и так дорожу его картиной.

Пожалуйста, друг мой добрый и любезный, извещайте меня, где вы обретаетесь и куда адресовать письма, а пока я буду писать к Жуку, которого поцелуйте крепко в лоб, из которого вылезает

«Одиссея». Я ему писала еще до болезни из Калуги и не имею ответа. Если вам писать много нельзя, то напишите нам всем циркуляр о здоровье только, и этого будет достаточно. Хорошо так сделать петербургским один bulletin через Софью Михайловну, а другой москвичам через Аксакова.

Меж нами будь сказано, я, живши в Павлине, разлюбила вашу графиню Вьельгорскую и Нази. Они обе заражены бароновской спесью, и Нази очень и очень увлекается польками и всем светским блеском. Добродетель их какая-то католическая, гордая и сухая. Софья и Апполина и оба графы Вьельгорские — вот мои любезные.

Благодарю вас за письмо к Самарину; оно его обрадовало и подкрепило, он находится в самой затруднительной борьбе с отцом, который связывает каждое его свободное движение. А отсюда на него от друзей нападки за отторжение. Мне кажется, что, следуя движению сыновней благодарности и не возмущая семейного спокойствия, он уже прав и чист перед Богом и обществом. Он умен, чист и добр, любит все прекрасное не как отвлеченное, но как способ к украшению души, к улучшению общества посредством прекрасных личностей. Изредка напишите ему, потому что он страдает от своего фальшивого положения. Панов один его подкрепляет теперь, но едва ли и Панов доволен тем, что делает по необходимости.

Я беспрестанно езжу за город, была у рогожских и преображенских раскольников с Лужиным, обер-полицмейстером. Преображенские очень безнравственны, несмотря на стройность и чинность их быта. Рогожские лучше, хотя наружной свободы более. Впрочем, это понятно: первые без священников и таинств. Их церковь наводит грусть: иконостас без алтаря, они ждут церкви; вторые принимают наших расстриг — благословенные же получают священников от нас. Все это спутано, перемешано, и ежедневно являются новые гнуснейшие расколы. Лужин удивительный полицмейстер; Москва отдыхает после Цынского. Он так добр и благороден, вместе и строг и нравственен во всех отношениях; но что может отдельное лицо? Дай Бог ему силы надолго, но и он при всей силе телесной и при всем спокойствии душевном устает и страдает. А бедный Кавелин погиб — не перенес, ибо гневался. А как было и не гневаться в его положении? Он был не на своем месте! Говорят, что духовно он теперь высок и благодарит Бога в светлые минуты. Прощайте, друг мой, сегодня мне нехорошо, погода переменчивая, облака сгущаются,

и петух провозглашает дождь. Деревья чуть-чуть зеленеют, такой поздней весны не бывало. Я должна развлекать себя вздором, всякое напряжение мысли мне вредно. Я читаю очень мало, и то недели с три. По утрам одну главу Евангелия, а потом письма Плиния младшего; древность классическая проста, правильна и не переносит за границы невозможностей в добродетели. Все ограниченное теперь успокаивает мою больную мысль, а всего более прогулка и природа; в Калуге она прекрасна, и я погружусь в свой сад. Больных и страждущих я не могу видеть равнодушно, тотчас являются запросы и проч. Итак, я живу теперь жизнию материальной, по-видимому отдаляя все трудное, — это мне и доктором предписано. Прощайте, друг мой, да сохранит вас Бог и ведет вас путем избранным к цели избранной. Да хранит он вас в море далече и на всех путях. Один совет — не смущайтесь и, если труд не дастся, забудьте об нем, займитесь трудами рук, точите, ройтесь в земле, займитесь ботаникой, будьте как дитя; это можно сделать, и ежедневная молитва на это подкрепит. Я серьезно думаю, что движение рук очень полезно, что укрепляет нервы; я сама работаю руками, вощу столы и стулья.

А. О. Смирнова.

1105. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

17-го мая 1846 г. <Москва>.

Я недавно писал тебе с Мельгуновым, стремящимся за границу и во Франкфурт к Коппу. Я ничуть не виноват в неполучении тобою книг: виноват или кн<язь> Вяземский, или Виельгорский! Не посланы ли эти книги во Франкфурт: это бы хорошо, иначе они вовсе не дойдут по адресу. Аксаковы хотели писать к тебе тоже с Мельгуновым. С<ергею> Т<имофеевичу> говорят получше: он теперь в Москве — лечится, и скоро опять в деревню.

Вот тебе новость и до тебя касающаяся: Погодин едет в Швецию, в Данию, в Голландию, осенью в Рим — и оттуда в Иерусалим: конечно, он так и распределил свое путешествие, чтобы захватить тебя с собою. Я увижусь с ним на днях и напишу тебе подробнее об его новой поездке за границу и паломничестве. Тебе ведь было бы подручно и удобнее пуститься на Восток с добрым товарищем: одному в такую даль и в такое чужеземие и чуженародие, ей-ей, мне кажется, как-то боязно!

У нас весны еще не было, и на дачу переезжать было бы рано и неблагонадежно от опасности то и дело простужаться. Мельгунову сильно помогло водолечение, и я на него сильно надеюсь.

Будь здоров. Пиши ко мне в Москву, в дом Хомякова, на Кузнецком мосту.

Твой Н. Языков.

1106. Графиня С. М. Соллогуб — Н. В. Гоголю

Павлино. 19-го июня <1846>.

Последние известия, полученные от вас, любезный Николай Васильевич, хотя не определяют еще ваших планов для нынешнего лета, но доказывают, однако же, что вы приближаетесь к вашим друзьям. Приближение есть надежда к свиданию. Ваше суждение о «Воспитаннице» меня очень порадовало. Итак, муж мой подвигается и может с новою ревностью приняться за дело. Одобрение таких людей, как вы, милый и любезнейший друг, уже есть награда сама по себе; а Владимира весьма нужно ободрять. Здешняя цензура, здешние критики и общее недоброжелательство к писателям высшего круга совершенно разочаровывают поприще литературной деятельности и наполняют ее низкими расчетами, неуместным, хотя и естественным страхом и бесконечными препятствиями. Лавировать между всеми оградами, окружающими истину, очень трудно. Для этого потребно немалое количество твердости и настойчивости. Вообще трудно писать, когда еще не умеют достойно ценить высокое назначение писателя, т. е. голоса истины и правды. Впрочем, публика сама не столь виновата, как сами писатели. Вы очень хорошо поймете, что я хочу этим сказать. Владимир пишет теперь новую повесть, которую я вам постараюсь прислать, как скоро она выйдет. К несчастию, здоровье его в плохом состоянии. Расстройство нерв и развитие сложной болезни действуют на него до того, что он по целым неделям не в силах ни ходить и ни заниматься. Я надеюсь, что лето и спокойная дачная жизнь принесут ему большую пользу, но я вижу с печалью, что его здоровье принудит нас опять странствовать по Европе. Сестра сделала вам, вероятно, подробное описание нашей жизни. Я посвятила нынешнее лето на два предмета: во-первых, хочу как можно более укрепить здоровье детей; во-вторых, усердно занимаюсь ботаникою и химиею. Соня и Саша с утра до вечера в саду. Первая поливает цветы своего маленького садика, за которым я также смотрю, рвет цветы для моего herbier и собирает кости, над которыми я намерена сделать разные химические опыты. Второй еще принадлежит растительному царству, питается солнцем и воздухом и очень похож на липовый цвет.

Маменька прилежно хозяйничает и, слава Богу, совершенно здорова. Анна Михайловна иногда пригорюнивается. От брата мы получили недавно хорошие известия. 30-го июня отправляется на год в чужие края Михаил Федорович Самарин. С ним я вам пришлю сборник, из которого я вырезала «Бедные люди», и еще другие русские книги. Брат вам их доставит. Напишите ему словечко, куда вам их прислать. Прощайте, милый братец. Обнимаю вас от души и надеюсь, что здоровье ваше поправится и что вы скоро к нам приедете. Господь с вами.

С. С<оллогуб>.

Кланяйтесь сердечно Василию Андреевичу Жуковскому и милой жене его.

1107. Графу А. П. Толстому

Фрейвал<ь>дау. Июнь —
не помню числа <18-го (н. ст.) 1846>.

Наконец, пишу к вам из Грефференберга, куда прибыл благополучно, отдохнул два дни и вот уже другой день начал лечение. От дороги ли,[1] а может быть, отчасти, и от грубиевского прописания, которое я выполнял доселе по возможности, в дороге я почувствовал себя несколько лучше, имел <...>[2] натуральное, один или два раза, что для меня важно и что, однако ж, прекратилось с начатием водяного курса. И Грефференберг и Фрейвал<ь>дау грустны, почти ни души; кроме бедного Дегалета, который еле ходит с закрытыми глазами и ничего не видит, только двое русских. Один армейский полковник Быков, другой какой-то Лосев. Во Фрейвал<ь>дау никого. Был я в Линде... <*нрзб.*> затем, чтобы повидать князя Барятинского, который лечится у Шрота и от него в восторге. Его курс почти на исходе. Он говорит, что, несмотря на страшную слабость, чувствует себя как бы перерожденным. Но я уже давно привык не верить тем больным, которые еще вполне не вылечились,[3] что, впрочем, никак не мешает быть Шроту в своем роде[4] гениальным врачем, а кн<язю> Барятинскому умным и замечательным человеком, несмотря на обвинение[5] братца вашего Алексея Петровича в глупости. В Грефференберге в это лето несравненно меньше лечащихся, чем во все прежние

[1] или

[2] *Пропущены три слова, не принятые в печати.*

[3] вполне сами не вылечились

[4] уже в своем роде

[5] то обвинение

годы. Приезды значительно прекращаются, это я уже слышал всюду на дороге. Меня разбирает тоска. Абрейбунги и умшлаги противны и почти невыносимы, а главное то, что я не имею чрез то времени заняться тем, чем мне нужно спешить; в дороге я имел возможности больше заниматься. Я думаю, я Греффенберг просто брошу, тем более, что от него вся надежда только на небольшое освежение, а перееду на море, именно в Остенде: там больше бывает русских, туда, может быть, и вы заедете из Лондона. Мне же особенно нужно бежать от тоски, которая наиболее меня одолевает тогда, когда нет с кем провести вечер и сколько-нибудь позабыть в беседе тягость и трудность дня. Я получил письмо от Софьи Петровны, которая так убеждает и меня, и вас приехать в Неаполь, что вам особенно ни в каком случае невозможно не выполнить таких убедительных и жарких прошений. На это письмо вы отвечайте не в Греффенберг, но во Франкфурт, на имя Жуковского. Спросите у Груби, почему мне в Германии стали давать из аптек порошок не темно-серый, как в Париже, но совсем желтый, и притом сухой, а не влажный.

Затем мысленно обнимая вас и графиню и моля Бога, да ниспошлет всё, что наиболее нужно душам вашим, остаюсь

вечно ваш Г<оголь>.

Перед выездом, в рассеянности, я позабыл вам сказать, что в одной молитве из тех, которые вам дал, пропущена одна строчка; так как один экземпляр переписывался с другого, то в обеих повторился тот же пропуск, именно в молитве III, после слов: «вем яко и самое колебан<ие> сие не без воли Твоей», следует: «достоин его за грехи мои, но ведаю также, о Господи, что по милосердию ниспослешь мне крепость Твою, ею же облекал всех уповающих на Тя».

Уведомьте меня обстоятельней о вашем маршруте. Мне бы никак не хотелось пропустить возможности с вами встретиться в Остенде.

<*На обороте:*>
Paris. Son excellence monsieur le comte Alexandre Tolstoy.
Paris. Rue de la Paix, 9. (Hotel Westminster).

1108. Н. М. Языкову

Июнь 24 <н. ст. 1846. Греффенберг>.

Ничего еще не пишу тебе верного насчет моего местопребывания, нахожусь в недуге, увеличивающемся более и более,

чувствую, что нужно куда-нибудь двинуться, и недостает сил, а с тем вместе духа и решительности, ибо страшусь, что останусь один, что может случиться особенно в Гастейне, а это мне опасно. Но оставим отныне всякую речь обо мне и не будем больше говорить о моем здоровье. Все в руках Божиих! Маленькое письмо твое от 27 дня мая получил. Бог да хранит тебя. На дачу выезжай поскорее, не трудись и отдохни летом, но не сиди на месте и двигайся побольше на воздухе. Пей чай и все утро на воздухе прохаживайся побольше, не пропускай ни одного вечера. Днем, если можно, сиди также на воздухе, придумай такое занятие, хоть, например, уженье рыбы. Жаль мне, что «Москвитянин», судя по письму твоему, готов прекратиться, впрочем, я уже видел с самого начала. Прыть и натуга у нас на миг, за нею в ту же минуту следует лень и беспечность, без одного повелевающего и движушего всем у нас никакое дело ни на каком поприще не состоится. А повелевать и двигать всем никто не умеет, но потому, что не умеет повиноваться. Впрочем, наше поле литературное, слава Богу, не бедно, и мне кажется вообще утешительным. Много очень замечательного. Я прочел «Тарантас» Соллогуба, который гораздо лучше его самого. Произведение очень удачное, таланта, ума и остроты много. Оно ровно, выдержанно и даже в своем роде полно. Язык правилен, и слог очень хорош. Но еще больше меня остановили произведения Кулиша. Судя по отрывкам из двух романов, которые я прочел, в нем все признаки таланта большой руки, я бы очень хотел иметь сведения о нем самом, об авторе, тем более что о нем почти не говорят. Если Бог сохранит его, то ему предстоит важное место в нашей литературе. Повести Даля, особенно те, где купеческий, крестьянский и всякий хозяйственный домашний быт внутри нашего государства, по-моему, очень значительны, и мне кажется, что своей внутренней значительностью и полезностью они пополняют или выкупают отсутствие творчества в авторе. Жаль, что ты мне не прислал «Гаммы» Полонского, я бы очень хотел прочесть их. Но... устаю и прерываю письмо. Бог да хранит тебя! Помолись также и обо мне. Попроси всех, чьи молитвы считаешь действительными, помолиться обо мне, моих же молитв недостает на то.

Весь твой Г<оголь>.

Адресуй на имя Жуковского.

1109. В. А. Жуковскому

27 июня <н. ст. 1846>. Freiwaldau.

Три письма, вами пересланные, получены исправно. Больше не присылайте, но удержите до моего приезда. Холодная вода, к изумлению, не производит на меня того благотворного действия, как прошлый год. Дорога помогает больше прочего. Видно, такова воля Божия. А потому с Богом вновь в дорогу. Недели через две или через полторы надеюсь с вами повидаться на несколько часов во Франкфурте, на пути в Остенде — попробовать морского воздуха и моря. Итак, до свиданья!

Весь ваш Г<оголь>.

От Смирновой получил письмо. Ей лучше от холодного леченья, и самый слог письма показывает, что она в духе. Относительно вас она дает мне такое распоряжение: «Поклонитесь Жуку и поцелуйте его в лоб, из которого вылезет “Одиссея”».

<*На обороте:*>

Francfort s/M.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort sur Mein. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

1110. Ю. Ф. Самарин — Н. В. Гоголю

<Январь — июнь 1846>

Хорошо, что вы первые ко мне написали, ибо я, кажется, не решился бы начать переписки с вами. Я давно от души желал с вами сблизиться, еще прежде, чем познакомился с А<лександрой> Ос<иповной>. Я желал этого не из любопытства или из тщеславия, а потому что внутренний голос говорил мне, что вы можете сделать мне много добра. Вы не могли этого не заметить. По нескольку раз брался я за перо и бросал не оконченные письма; меня удерживало то самое, что выговорили вы в начале вашего письма. И вы, и многие другие считали меня ненадежным, что, разумеется, не могло от меня укрыться — я очень ясно видел, что на меня смотрели с чувством какого-то холодного соболезнования, как на больного, осужденного на смерть, и которого никто не берется лечить, зная, что труды пропадут даром. Хорошо ли это было с их стороны и с вашей, не мое дело разбирать. Может быть, для меня нужно было провести несколько лет под бременем всеобщей недоверчивости; может быть, борьба с общим

мнением, находившим отголосок во мне самом, укрепила меня и принесла мне пользу; но она оставила во мне неприязненное чувство к некоторым лицам, в том числе и к вам, и мне нужно было все это вам высказать, чтобы разделаться с ним раз навсегда. Как бы то ни было, это тяжелое для меня время прошло. Я никогда не забуду, какою радостью наполнилась душа моя при первых одобрительных приветствиях; каждое слово, сказанное в мою пользу и доходившее до меня, хранится в моей памяти вместе с дорогими именами тех немногих, которые первые решились их вымолвить, наперекор общему мнению. Наконец, и от вас я услышал, что я спасен, что вы не боитесь за меня. Вы сами вызвали меня сказать вам все то, что хотел бы я сказать родному брату в смысле душевном.

Многое хотел бы я сказать, и не знаю, с чего начать; начну с того, чем душа болит. Болезнь моя принадлежит к числу самых обыкновенных в наше время, хотя врачевание против них не найдено: это одностороннее развитие ума, погасившее чувство и подорвавшее волю; цельность нравственного бытия, согласие душевных сил и способностей нарушены во мне исключительным преобладанием быстро и уединенно развившейся мысли и усыплением других способностей. Я думаю, говорю, защищаю на словах одно, а на деле покоряюсь другому; у меня есть убеждения, но нет ни веры, ни любви. Я это сознаю и не страдаю от этого; я живу довольно спокойно, я могу позабывать, что половина души моей отсохла и онемела. Я знаю, как это случилось. В детстве и в первой молодости моей я жил, как и все, цельною, полною жизнью. Все, что уважали и чему поклонялись в семейном кругу моем, казалось мне естественным, неприкосновенным и святым; с каждым новым понятием, приобретаемым мною, изменялась настроенность души моей; одно религиозно-нравственное мерило служило мне для поверки всякого моего поступка и всякой мысли, так что малейшее отступление от него, даже невольный соблазн, даже дерзкое слово, не мною сказанное, но услышанное, наполняло меня раскаянием. Из этого первобытного состояния я вышел не сам собой, не вследствие внутреннего побуждения, а вследствие внешних влияний, и потому, кажется мне, вышел из него преждевременно. Случайно попались мне в руки некоторые произведения современной французской литературы; я помню, как сильно они потрясли меня. Горделивое восстание личного духа против мирового порядка предстало мне в идеальном образе современной поэзии; его неотразимый соблазн пленил меня.

Я понял вдруг возможность, не нарушая отношений, среди которых я был поставлен, оторваться мыслью от всего, чему я бессознательно покорялся, испытать одиночества и душевного безначалия, вкусить неведомых высоких страданий, и все, что скрыто от других. С этого времени обращение мое переменилось, прежняя моя откровенность исчезла, но причины никто не угадал. Искусственно возбужденная мысль работала день и ночь; я умышленно убивал в себе все непосредственные движения души, подвергая их строгому анализису и стараясь опорочить их в собственных моих глазах. Это удалось мне сверх чаяния. В жизни моей ничто не изменилось; я исполнял, по-прежнему, все предписанные мне обязанности, но я успел откинуть от себя все сочувствия, врожденные и привитые воспитанием, всю покорность к религиозным началам, к семейным обычаям; мало-помалу все сделалось для меня вопросом, предметом внутреннего спора; одно допущенное сомнение влекло за собой другие, и, раз ступивши на эту дорогу, я уже не мог остановиться. Говорят, что сомнение находит на человека без его ведома и произволения, как болезнь неизбежная при переходе в известный возраст. Я не верю этому, по крайней мере, по собственному опыту я знаю, что бывает минута свободного сомнения, в которую человек добровольно подпускает к себе соглашения и дает ему власть над собою. В моем развитии преступное желание сомнения и внутреннего разрыва было началом, а не следствием, или, лучше, оно было для меня желанною целью. Таким образом был я приготовлен, когда я встретился с нашими общими знакомыми; мысль моя, развившись односторонне на счет других способностей, приобрела ту непреклонную, холодную последовательность, ту беспощадную строгость развития, которая позволила мне стать с ними в уровень и принять самостоятельное участие в бесконечных спорах. Я не стану подробно рассказывать вам, какое влияние они на меня имели, скажу вам только вообще, что они помогли мне быстрее пробежать весь круг философского отрицания.

Вот в двух словах история моей мысли. Христианство заключает в себе не одно учение, но вместе начало жизни, творчество; мы привыкли отделять эти две стороны, тогда как они нераздельны; их единство в Том, Который ставит норму, дает закон и вместе с тем дает человеку способность понять его и силу исполнить. Поэтому христианство воспринимается не одним умом, а всем существом человека. Тот, кто хочет понять его логически, как понимаем мы всякое другое учение, никогда не поймет его, ибо

самое требование ложно, ибо понять живое может только тот, кто живет его жизнью. Отстранив живое сочувствие и приступив к христианству с требованиями логического постижения, я должен был дойти до того же, до чего дошла новейшая философия, т. е. до совершенного отрицания не только христианства, но вообще всякого бытия первоначального, независимого от знания. За этим крайним пределом отрицания возникает требование воссоздать разрушенное, и это требование остается неудовлетворенным; уничтожив бытие, мысль оказывается несостоятельною состроить от себя что-либо живое. Начало творчества вступает в свои права, как самобытное, от мышления независимое начало. Последствия ясны. Таким образом, пройдя весь этот путь, я дошел до признания живой истины и необходимости живого ее постижения, но самое это признание было результатом науки; это было только убеждение, тощее творение мысли. По-видимому, я пришел к тому же, от чего я отправился, но тут только я понял всю цену утраченного или, лучше, отвергнутого мною. Я сам обессилил в себе душевный орган живого постижения; я был равнодушен к найденной истине. Впрочем, и это я понял не скоро.

Сильно возбужденная деятельность мысли, раздражаемой беспрестанным противоречием, скрывала от меня мертвенное усыпление других способностей; я мог не чувствовать, что убеждение и вера, что понятие о любви и действительная любовь, что слово и дело — не одно и то же. Изредка пробуждалось во мне темное сознание односторонности моего развития при встрече с человеком, который в умственном отношении стоял ниже меня, не выговаривал и не отстаивал своих убеждений, но который не боялся моих возражений, которого мои вопросы не смущали — но все это были мимолетные впечатления. Только с переезда моего в Петербург приобрело это для меня всю достоверность и ясность пережитого опыта. Здесь все мне было чуждо, если не прямо враждебно; но спора, в котором бы я отстоял свое убеждение, не могло быть. Я имел дело с безмолвным, неосязаемым врагом; не опровержениями он подрывал мои убеждения; он грозил пересоздать меня с ног до головы, приманками он склонял меня на уступки. И к стыду своему, я понял, как много я мог уступить и как легко, понял, как слабо одно холодное убеждение против давления света. Это была самая опасная минута — спасла и поддержала меня встреча с А<лександрой> О<сиповной> (Смирновой). Она оценила во мне именно то, чего свет не ценил, над чем он смеялся; ее участие вознаградило меня за все мои страдания;

я сделался равнодушен к свету и ко всем его приманкам; я совершенно отстал от него и навсегда. Не осуждайте меня за это. Чувство нравственного самосохранения склонило меня на это; может быть, когда-нибудь я окрепну духом, но теперь я еще не могу безнаказанно жить в свете. Я не могу быть полезен, ибо не преподавание истины пробуждает в человеке усыпленные способности души; пробудить к жизни может только живое. Я это знаю по опыту; все меня слушали с любопытством, но никогда ни на кого я не имел влияния; и как иметь мне влияние на другого, когда во мне самом жизнь и сознание в таком разладе! Я сказал вам, в чем заключается болезнь моей души; она так известна, так распространена в наше время, что одного указания вам достаточно, чтобы понять ее. К несчастию, она такого рода, что трудно придумать для нее образ лечения. Мысль развивается сама собой, без всякого видимого побуждения, и пробегает свой путь по законам логической необходимости; одно убеждение сменяется другим, им же условленным, но никогда убеждение само собою не породит веры, понятие о любви не согреет души, знание не перейдет в творчество. Все живое, творческое не приобретается, а падет с неба — я верю, что оно падет на каждого, но я даже не смею сам ни просить, ни желать его.

Это недописанное письмо пролежало в моем столе более месяца. Различные хлопоты развлекли меня. Я переменил службу, перешел в Министерство внутренних дел и прикомандирован был к комитету по лифляндским делам: теперь я завален делом. Я снова перечитал то, что написал с месяц тому назад, многое хотел бы прибавить, но лучше отложить это до другого раза. Это письмо объяснит вам главное и будет основою всех последующих[1]. Теперь я буду писать к вам всякий раз, когда почувствую потребность исповеди, не дожидаясь ответов.

Вы сами знаете, когда будет нужно отвечать, но вы должны знать еще, что ничьему наставлению я не последую так охотно, как вашему; я готов слушаться вас и к вам имею полное доверие. Вот вам мой адрес: Юрию Федоровичу Самарину, по Моховой улице, в доме Мелиховой. Вероятно, через месяц или два, я поеду в Ригу, но во всяком случае пишите в Петербург; я распоряжусь так, чтоб все письма мне пересылались. От всей души вас благодарю.

Ваш Юрий Самарин.

[1] *В публикации:* последующего.

1111. П. А. Плетневу

Карлсбад. Июля 4 <н. ст.>. 1846.

Не знаю, получил ли ты мое последнее письмо из Рима со вложением свидетельства о моей жизни. По крайней мере, твоего ответа я еще не нашел, бывши во Франкфурте назад тому месяц. Теперь я заезжал в Греффенберг, чтобы вновь несколько освежиться холодной водой, но это лечение уже не принесло той пользы, как в прошлом году. Дорога действует лучше. Видно, на то воля Божья, и мне нужно более, чем кому-либо, считать свою жизнь беспрерывной дорогой и не останавливаться ни в каком месте иначе, как на временный ночлег и минутное отдохновение. Голове моей и мыслям лучше в дороге; даже я зябну меньше в дороге. И сердце мое слышит, что Бог мне поможет совершить в дороге всё то, для чего орудия и силы во мне доселе созревали. Покаместь тебе маленькая просьба (предвестие большой, которая последует в следующем письме). Жуковскому нужно, чтобы публика была несколько приготовлена к принятию «Одиссеи». В прошлом году я писал к Языкову о том, чем именно нужна и полезна в наше время «Одиссея» и что такое перевод Жуковского. Теперь я выправил это письмо и посылаю его для напечатания вначале в твоем журнале, а потом во всех тех журналах, которые больше расходятся в публике, в виде статьи, заимствованной из «Современ<ника>», с оговоркой вроде следующей: «Зная, как всем <в> России любопытно узнать что-либо о важном труде Жуковского, выписываем письмо о ней Н. Гоголя, помещенное в таком-то номере “Современника”». Нужно особенно, чтобы в провинциях всякое простое читающее сословие знало[1] хоть что-нибудь об этом и ждало бы с повсеместным нетерпением. А потому сообщи немедленно потом и в «Пчелу», и в «Инвалид», и в «О<течественные> З<аписки>», и даже в «Б<иблиотеку> для Ч<тения>», если примут. В Москву я сам пошлю экземпляр того же[2] письма. Недели через две жди от меня просьбы другой, которую я знаю, что ты выполнишь охотно. А до того не негодуй на меня ни за что прежнее, что приводило тебя в недоумение. Приходит уже то время, в которое всё объяснится. Обнимаю тебя вперед, слыша сердцем, что ты меня обнимешь так, как еще никогда не обнимал дотоле. Христос с тобой! Напиши слова два о получении этого письма и прибавь свое мнение о моей статье.

Твой Г<оголь>.

Адресуй по-прежнему на имя Жуковского, во Франкфурт.

[1] знало во всех углах

[2] этого же

1112. А. О. Смирновой

<4–6 июля (н. ст.) 1846. Карлсбад>

Карлсбад. Июля 4.

От Рябинина, которого я встретил на дороге в Карлсбад, откуда и пишу, узнал я об вас и о том, что вам сделалось опять несколько хуже. Я, впрочем, и не думал, чтобы холодное лечение вам помогло много; его доста<то>чно было взять столько, сколько нужно для освежения. Вам дорога и переезд поможет больше. Благодарите Бога вперед за всё. Ваши болезненные страдания я уже знаю[1] и все их почти испытал. Эти болезненные страхи, эти непонятные беспокойства, эти беспрестанные ожидания чего-то страшного, долженствующего сей же час разразиться, — всё это уже у меня было, хотя я и скрывал это в себе и не показывал наружно. Это было еще тогда, когда вы были в Риме. Но вслед за тем настает ясность и светлость в душе, и ум проясняется в несколь<ко> крат больше. Выполните только то, что я потребую от вас выполнить во имя Бога: вы должны на несколько времени отдать себя во власть мне. Помните, как я потребовал от вас того один раз в Нице? Так же, как прежде, гоня от себя всякую мысль, вы занялись послушно ученьем наизусть псалмов, таким же точно образом[2] теперь займитесь буквальным исполненьем того дела, о котором я вас прошу в прилагаемом при сем большом письме. Оно было написано прежде. Оно было писано в искреннем молении к Богу, чтоб хотя на этот раз вы послушались слов моих, потому что до сих пор вы еще ни один раз не отвечали на *те* из моих вопросов, на которые более всего мне нужны были от вас ответы. Я уже хотел было на полгода, по крайней мере, прекратить нашу переписку, потому что она стала вовсе бесполезна. А за всякое *слово праздно* с нас взыщется строго. Пишу к вам в Петербург, адресуя на имя Арк<адия> О<сиповича>, потому что[3] Рябинин мне сказал, что вы к этому времени[4] располагали быть в Петербург. Уведомьте хотя в нескольких словах, каким вы нашли Петербург, как вас приняли, и не позабывайте, что всё это не для пустого любопытства и что для письма, пишущего<ся> ко мне, не грех употребить[5] больше времени, чем для тех писем, которые вы пишете к другим. Будьте же дружески-внимательны к желаньям души моей — и Бог вас да благословит!

[1] все знаю

[2] так же

[3] ибо

[4] что вы тепе<рь>

[5] [можно пожертвовать] отдать

Прощайте до вашего скорейшего ответа! Христос с вами!

Ваш Г<оголь>.

Адресуйте на имя Жуковского.

1113. А. О. Смирновой

<6 июня (н. ст.). 1846. Прага —
6 июля (н. ст.) 1846. Карлсбад>

Прага. Июня 6.

Я рад, что ваше здоровье лучше и холодная вода помогла; мое же плачевное здоровье… Но сла<ва> Богу, от дороги и мне стало несколько свежей[1]… Но в сторону наши здоровья. Мы должны позабыть о них так же, как и о себе. Итак, вы возвратились вновь в ваш губернский город.[2] Вы должны с новыми силами возлюбить его: он ваш, он вверен вам, он должен быть вашим родным. Вы напрасно стали вновь думать, что присутствие ваше в нем бесполезно в рассуждении общественной деятельности, что общество испорчено в корне… Вы просто устали — вот и всё. Деятельность губернаторше предстоит всюду, на всяком шагу. Она производит влияние даже и тогда, когда ничего не делает. Дело не в хлопотах и не в опрометчивом бросании на всё. Пред вами два живые примера.[3] Предшественница ваша Жуковская завела кучу благотвор<ительных> заведений, а вместе с ними — кучу бумажной переписки, экономов, секретарей, кражу, бестолковщину и проч., прославилась в Петербурге и наделала кутерьму в Калуге. Княгиня же Оболенская, которая была перед ней, не завела никаких заведений, ни приютов, не прошумела нигде подальше своего города, ни имела даже влияния на своего мужа и не входила ни во что, а между тем доныне никто в городе не может о ней вспомнить без слез, и всяк, начиная от купцов до последнего в городе, до сих пор еще повторяет: «Нет, уже не будет другой кн<ягини> Оболенской!» А кто это повторяет? Тот же самый город, для которого вы теперь полагаете невозможным ничего сделать, то же самое общество, которое считаете вы испорченным навеки. Итак, будто бы уж ничего нельзя сделать? Вы устали — вот и всё. Устали оттого, что принялись слишком сгоряча, слишком понадеялись на собственные силы, женская прыть вас

1 впрочем, дорога несколько помогла, Бог милостив

2 *Далее начато, заключено в скобки и оставлено незачеркнутым:* Ибо я, полагая, что вы уже в Калуге

3 два живые примера, о которых вы упомянули

увлекла...[1] Вновь повторяю вам то же самое, что прежде: ваше влияние сильно. Вы — первое лицо в городе, с вас будут перенимать всё до последней безделушки, благодаря обезьянству моды и нашему всеобщему русскому обезьянству даже в платье. Если вы будете хорошо вести ваши собственные дела и ваш собственный дом, то уж и этим вы произведете влияние. Гоните паче всего роскошь, это не требует ни хлопот, ни издержек.[2] Не пропускайте ни одного бала, приезжайте именно с тем, чтобы показаться на нем в одном и том же платье; три, четыре, пять раз сряду надевайте то же платье; хвалите на всех только то, что просто и не стоит больших денег. Словом,[3] гоните, повторяю вам, эту скверную роскошь, эту страшную язву России, причину взяток, несправедливостей и всех мерзостей, какие у нас есть. Если вам только одно это удастся сделать, то вы уже более принесете существенной пользы, чем сама кн<ягиня> О<боленская>. А это даже у вас не отнимет и времени. Друг мой, вы устали. Из ваших же отчетов я вижу, что вы уже немало[4] сделали кое-чего хорошего для начала (если бы не слишком торопились, вышло бы еще больше). О вас уже распространились слухи вне Калуги; кое-что из них дошло и до меня. Но вы всё еще очень поспешны, вы[5] еще слишком поражаетесь всем, вас слишком шевелят и сражают все неприятности и гадости. Друг мой, вспомните вновь мои слова, в справедливости которых, вы говорите, что убедились: глядеть на Калугу, как на лазарет.[6] Глядите же так! Но прибавьте к этому еще кое-что, а именно: уверьте себя, что больные в этом лазарете ваши родные, близкие сердцу вашему, и тогда всё перед вами изменится: вы с ними примиритесь и будете враждовать только с их болезнями. Кто вам сказал, что болезни эти неизлечимы? Это вы сами себе сказали, потому что не нашли в руках у себя средства. Что ж, разве вы всезнающий доктор? А зачем вы не обратились с просьбой о помощи к другим? Разве я даром просил вас сообщать всё, что ни есть в вашем городе, ввести меня в познание вашего города, чтобы я имел полное понятие о вашем городе? Зачем же вы этого не сделали, тем более, что сами же уверены[7], что я во многом могу

[1] увлекла вновь
[2] *Далее начато:* Ради Бога
[3] Ради Бога
[4] мн<ого>
[5] вас
[6] *Далее начато:* Но
[7] уверены в том

иметь больше влияния, нежели вы; тем более, что[1] сами же приписываете мне[2] и ум, и знание души, и знание людей; тем более, наконец, что говорите сами, будто я и вам помог <в> душевном деле? Неужели, вы думаете, я не сумел бы так же помочь и вашим неизлечимым больным? Вы позабыли, что я могу и помолиться, молитва моя может достигнуть и до Бога, Бог может послать уму моему вразумление, а ум мой, вразумленный небесной милостью Его, может распутать и это дело так же, как распутывал и другие.

До сих пор в ваших письмах вы мне давали только общие понятия о Калуге, в чертах общих, которые могут принадлежать всякому губерн<скому> городу, но и общие ваши не полны. Вы понадеялись на то, что я знаю Россию, как пять пальцев, а я в ней ровно не знаю ничего.[3] Если бы даже я и знал кое-что, то со времени[4] моего отъезда многое изменилось. В самом составе управления губернией произошли значительные перемены. Многие места и чиновники отошли от зависимости губернатора и поступили в ведомство и управление других министерств, завелись новые[5] чиновники и места, словом — губерния и губер<н>ский город является относительно[6] многих сторон в другом виде, а я вас просил ввести меня совершенно в ваше положение, не идеальное, но *существенное*[7], чтобы я видел от мала до велика всё, что вас окружает[8].

Вы сами говорите, что в немногое время вашего пребывания в Калуге узнали Россию более, чем во всю свою жизнь. Зачем же вы не поделились со мною вашими знаниями? Говорите, что не знаете даже, с которого конца начать, что куча сведений ваших еще в беспорядке. Я вам помогу их привести в порядок, но только, ради Христа, прошу вас исполнить добросовестно мою просьбу. Не так, как привыкла выполнять ваш брат — страстная женщина, которая из десяти слов восемь пропустит и ответит только на два, затем, что они[9] пришлись ей по сердцу, но так, как мужчина, как толковый,[10] деловой чиновник, который, не принимая ничего особенно к сердцу, отвечает ровно на все пункты.

[1] когда
[2] приписываете мне почасту
[3] почти ничего
[4] то с тех пор ко <времени>
[5] другие
[6] со стороны
[7] самое существенное
[8] ни окружает
[9] которые
[10] добрый

Вы должны ради меня начать вновь рассмотрение вашего губер<н>ского города. Во-первых, вы мне должны назвать все главные лица в городе по именам, отчествам и фамилиям, всех чиновников до единого. Мне это нужно, я должен быть им так же другом, как вы сами должны быть другом им всем без исключения. Во-вторых, вы должны мне написать, в чем именно должность каждого. Всё это вы должны узнать лично от них самих, а не от кого-либо другого. Разговорившись со всяким, вы должны спросить его, в чем состоит его должность, чтобы он означил вам все ее предметы и ее пределы. Это будет первый вопрос. Потом попросите его, чтобы он изъяснил вам, чем именно и сколько в этой должности при нынешних обстоятельствах можно сделать добра. Это будет второй вопрос. Потом, чем именно и сколько на этой самой должности можно наделать зла. Это будет 3<-й> вопрос. Узнавши, отправляйтесь к себе в комнату и тот же час всё это на бумагу для меня. Вы уже сим два дела сделаете разом: кроме того, что дадите мне средство впоследствии вам пригодиться, вы узнаете сами из собственных ответов чиновника, как понимает он свою должность, чего ему недостает, словом — своим ответом он обрисует самого себя. Он вас может даже навести на кое-что благое... Но не в этом дело. До времени лучше не торопитесь. Не делайте ничего даже и тогда, если бы вам показалось, что можете сделать и что в силах чему-нибудь помочь. Лучше пока еще попристальней[1] всмотреться; довольствуйтесь покаместь тем, чтобы передать аккуратно мне. Три означенные вопроса имейте в виду в разговоре с каждым[2] и не оставляйте его, пока не удовлетворит на все три. Потом на той же самой страничке, насупротив того же места или на другом лоскутке бумаги, ваши собствен<ные> замечания — что вы заметили о каждом господине[3] в особенности, что говорят о нем другие, словом — всё, что можно прибавить о нем со стороны.

Потом такие же сведения доставьте мне обо всей женской половине вашего города. Вы же были так умны, что сделали им всем визиты и почти их всех узнали. Впрочем, узнали несовершенно, я в этом уверен. Относительно женщин вы руководствуетесь первыми впечатлениями: которая вам не понравилась, вы ту оставляете. Вы ищете всё избранных и лучших. Друг мой! за это я вам сделаю упрек; вы должны всех любить. Особенно тех,

[1] получше

[2] *Далее начато:* Потом такие же самые сведения доста<вьте>

[3] в таком-то господине

в которых побольше дрянца. По крайней мере, больше узнать их, потому что от этого зависит многое, и они могут иметь большое влияние на мужей. Не торопитесь, не спешите их наставлять, но просто расспрашивайте; вы же имеете дар выспрашивать. Узнайте не только подвиги[1] и занятия, но даже ее образ мыслей, ее вкусы, что она любит, что ей нравится. Мне это нужно. По-моему, чтобы помочь кому-либо, нужно узнать его всего насквозь, а без того я даже не понимаю, как можно отважиться давать кому-либо советы. Итак, женщин всех насквозь, чтобы я имел совершенное понятие о вашем городе!

Сверх характеров и лиц обоего пола, запишите всякое случившееся происшествие, сколько-нибудь характеризующее людей или вообще дух губернии, запишите бесхитростно, в таком виде, как было вам пересказано. Запишите также две, три сплетни на выдержку, какие первые вам попадутся, чтобы я знал, какого рода сплетни у вас плетутся. Сделайте, чтобы это записыванье сделалось постоянным вашим занятием, чтобы на это был определен[2] положенный час в день. Представляйте себе в мыслях, систематически и во всей полноте весь объем города, чтобы видеть вдруг, не пропустили ли вы мне чего-нибудь записать, чтобы я получил, наконец, полное понятие о вашем городе.

И если вы меня таким образом познакомите со всеми лицами, с их должностями и как они ими понимаются и, наконец, даже с характером самых событий, у вас случающихся, тогда я вам кое-что скажу, и вы увидите, что многое невозможное возможно и неисправимое исправимо. До тех же пор ничего не скажу именно потому, что могу ошибиться,[3] а этого мне бы не хотелось.[4] Мне бы хотелось сказать такие слова, которые бы попали прямо, куды следует, ни выше, ни ниже, такой дать совет,[5] чтобы вы в ту же минуту сказали: «Он легок, его можно привести в исполнение».

Вот, однако ж, кое-что вообще и то не для вас. Попросите Н<иколая> М<ихайловича> обратить особенное внимание на то, чтобы советники губернского правления были люди честные.[6] От этого много зависит. Как только будут честные советники, тотчас

[1] не только ее дела

[2] полож<ен>

[3] До тех же пор я вам ничего не скажу, хотя [мне] бы и хотелось мне самому [я] очень кое-что вам и теперь сказать, но не хочу единственно потому, что могу ошибиться.

[4] а мне бы не хотелось ошибиться

[5] Словом, хотелось бы вам такой дать совет

[6] *Далее было:* По-моему, это первое, что следует сделать губернатору.

будут честны капитан-исправники, заседатели, словом — всё станет честно. Надобно вам знать (если вы этого еще не знаете), что самая безопасная взятка, которая ускользает от всяких преследований, есть та, которую чиновник берет с чиновника по команде сверху вниз; это идет иногда бесконечной лестницей. Капитан-исправник и заседатели должны уже необходимо кривить душой и брать, потому чго им нужны деньги, дабы заплатить за свое место. Эта купля и продажа может производиться почти перед глазами и в то же время никем не быть замечена. Храни вас Бог даже и преследовать. Старайтесь только, чтобы сверху было честно, снизу будет честно само собою. До времени же, пока не вызрело зло, не преследуйте никого, а действуйте *нравственно*![1] Мысль ваша, что губернатор всегда может сделать много зла и мало добра, что на поприще добра он обрезан в действиях, не совсем справедлива. Губернатор может всегда иметь *нравственное* влияние, слишком большое, подобно как и вы можете иметь большое нравс<твенное> влияние, хотя и не имеете власти, установленной законом. Поверьте, что не сделай он визита какому-нибудь господину, об этом будет весь город говорить; станут расспрашивать, за что и почему, и этот самый господин из-за этой единственно боязни струсит сделать подлость, которую бы он никак не струсил сделать пред лицом власти или закона. Ваш поступок, т. е. ваш и Ник<олая> Мих<айловича>, с уездным судьею, которого вы нарочно вызвали в город с тем, чтобы примирить его с прокурором, почтить[2] его радушным угощением и дружеским приемом за прямоту, благородство и честность, поверьте, сделал уже значительное действие. Мне особенно нравится при этом то, что судья (который, как оказалось, был просвещеннейший человек) одет был таким образом, что его не приняли бы в переднюю петербургских салонов. Хотел бы я в эту минуту поцеловать полу его запачканного фрака. Это самый лучший образ действий в нынешнее время как для Ник<олая> М<ихайловича>, так и для вас: не вооружаться сильно противу взяточников и дурных людей и не преследовать их, но стараться, вместо того, выставлять на вид всякую честную черту, пожимать дружески, в виду всех, руку прямого, честного человека. Поверьте, как только будет узнано во всей губернии, что губернатор поступает так, всё дворянство уже

[1] До времени следует смотреть на многие грехи [как], пока еще они не вызрели, как бы сквозь пальцы, не воюя с ними, а между тем действовать *нравственно*!

[2] и почтить

будет на его стороне. В дворянстве нашем есть удивительная черта, которая меня всегда изумляла, это чувство благородства, — не того благородства, которым заражено дворянство других земель, т. е. не благородства рождения или происхождения, но настоящего, нравственного благородства. Даже в таких губерниях и в таких местах, где, если разобрать порознь всякого дворянина, выйдет просто дрянь, а вызови только на какой-нибудь благородный подвиг — всё[1] вдруг поднимется точно каким-то электричеством, и люди, которые делают пакости, сделают вдруг благороднейшее дело. И потому всякий благородный поступок губернатора прежде всего найдет отклик в дворянстве, а это важно. Губернатор непременно должен иметь влиянье нравственное на дворян, только сим одним он может подвинуть их на поднятие невидных должностей и неприманчивых мест. А это нужно. Потому что, если дворянин из той же губер<нии> возьмет какое-нибудь место, с тем, чтобы показать, как надобно служить, то,[2] каков бы он ни был сам, хотя и лентяй и многим нехорош,[3] но выполнит так свое дело, как никогда не выполнит чиновник[4] присланный, хотя бы он исшатался весь век в канцеляриях. Словом, ни в каком случае не должно упускать из виду того, что это те же самые дворяне, которые в 12 году несли всё на жертву, всё свое имущество, что ни было у каждого за душой.

Когда случится по причине совершенных гадостей предать иного чиновника[5] суду, то в таком случае нужно, чтобы он предан был *с отрешением от дел.* Это очень важно, ибо если он будет предан суду *без отрешения от дел,* он будет еще долго юлить и держаться и найдет средства так запутать дела, что никогда не доберутся до истины.[6] Но как только он будет предан суду *с отрешением от дел,* он повесит вдруг нос, сделается совсем другой человек, никому не страшен, на него пойдут со всех сторон улики, всё выйдет на чистую воду, и вдруг узнается всё дело. Но, друг, ради Христа, не оставляйте вовсе никакого спихнутого чиновника, как бы он дурен ни был: он несчастен. Он должен с рук вашего мужа перейти на ваши руки, он ваш. Не объясняйтесь с ним сами и не принимайте его, но следуйте за ним издали.

[1] вся масса
[2] то он
[3] и мерзавец душой, он
[4] человек другого зв<анья> класса
[5] господ <ина>
[6] *Далее начато:* Если ж

Вы хорошо сделали, что выгнали надзирательницу при доме умалишенных за то, что она вздумала продавать булки, назначенные этим несчастным. Преступление вдвойне гадко тем более, что сумасшедшие уж никак не могут жаловаться, а потому изгнанье это нужно было сделать гласно и публично. Но не бросайте никакого человека, не отрезывайте возврата никому, следуйте за отрешенным. Иногда с горя, с отчаяния, со стыда впадает он еще в большие преступления. Действуйте или через вашего духовника, или вообще через какого-нибудь умного священника, который бы навещал его и давал бы вам отчет о нем беспрестанно, а главное, старайтесь, чтобы он не оставался без какого-нибудь труда и дела. Не подобьтесь мертвому закону, но живому Богу, который всеми бичами несчастий поражает человека, но не оставляет его до самого конца его жизни. Какой бы ни был человек, но если земля его еще носит и гром Божий не поразил его — это значит, что он держится на свете[1] для того, чтобы кто-нибудь, тронувшись его участью, спас его и помог ему. Если вас, во время ли описаний,[2] которые вы будете делать для меня, или же просто во время самых исследований[3] всяких недугов, будут слишком поражать наши печальные стороны и возмутится ваше сердце, — в таком случае советую вам[4] беседовать об этом почаще с архиереем; он же, как видно из слов ваших, умный человек и добрый пастырь. Покажите ему весь лазарет и обнаружьте ему все болезни больных ваших. Хотя бы он был и небольшой знаток в науке лечить, вы, несмотря на это, введите его во все припадки, признаки и явления болезней. Всё до последнего старайтесь ему очертить так живо, чтобы всё это так и носилось у него пред глазами, чтобы город ваш, как живой, обитал в его[5] мыслях так же беспрестанно, как он должен обитать беспрестанно в ваших мыслях, чтобы чрез то самые мысли его стремились[6] сами собой на вечную молитву о нем. Поверьте, что от это<го> самого его проповедь с каждым воскресеньем будет направляться более и более к сердцам самих слушателей, и он сумеет потом выставить многое начистоту и, не устремляясь лично ни на кого, сумеет каждого поставить лицом к лицу к собственной[7] мерзости своей, так <что> сам хозяин

1 на земле
2 описаний всего, производимых для меня
3 исследований ваших
4 советую вам не отвратиться от мысли, но
5 ваших
6 стремились бесп<рестанно>
7 к его собственной

плюнет на свое же добро. Обратите также внимание на священников, узнайте их всех непременно; от них зависит всё, и дело улучшения нашего в их руках, а не в руках кого-либо другого. Не пренебрегайте никем из них, несмотря на простоту и невежество многих. Их скорей можно возвратить к своему долгу, чем кого-либо из нас. У нас, светских, есть гордость, честолюбие, самолюбие, — словом, много того, что заставит нас не послушаться увещания другого, наконец, самые развлечения... Духовный же, каков бы он ни был,[1] он все-таки более или менее чувствует, что ему должно быть всех смиреннее и всех ниже, притом уже в самом отправляемом им ежедневном служении он слышит себе напоминания... Словом, он ближе нас всех к возврату на путь свой, а возвратясь, может возвратить вослед за собою многих. И потому, хотя бы встретили из них вовсе неспособного, не пренебрегайте, но поговорите с ним хорошенько. Расспросите у каждого, что такое его приход, чтобы он дал вам полное понятие, каковы у него люди и как он сам понимает и знает людей. Между прочим не мешает вам также знать, что я не имею до сих пор никакого понятия о том, каково у вас в городе мещанство и купечество. Что они начинают также модничать и курить сигарки, это дело повсюдное, к тому же более внешнее. Узнайте о них в подробности. Одну сторону этого дела вы узнаете от священников, другую от полицмейстера, если потрудитесь разговориться с ним об этом предмете, третью сторону узнаете от них самих, если не пренебрежете разговориться с которым-нибудь из них хоть по выходе из церкви в воскресный день. Все забранные сведения[2] послужат вам к тому, что очертят перед вами, что такое в существе должен быть мещанин и всякий горожанин[3] в нынешнем положении. В уроде вы сколько-нибудь почувствуете идеал того же, чего карикатурой стал урод. Как только почувствуете, что такое должно быть такое-то звание, тогда призывайте священников и толкуйте с ними. Не говорите с ними ни о средствах, ни об орудиях, как что сделать. Старайтесь только очертить перед ними определительно, чем должно быть у нас такое-то[4] звание в нашем гражданском быту[5] сообразно нашим законам и духу нашей Церкви, которая нигде с ним не ссорится. И потом в таких же ярких и живых

[1] Каков бы он ни был, это не имеет

[2] Все эти сведения

[3] Мещанин, цеховой или и всякий простой горожанин

[4] всякое гражданское

[5] *Далее начато:* И потом также

чертах представьте ему нынешнюю статистику этого звания, то есть чем оно сделалось вследствие нашего собственного злоупотребления. Больше ничего не прибавляйте. На ум будет наведен сам; нужно только, чтобы он заставлен был истинно помолиться[1] и заставлен был управить лучше свою собственную жизнь. Священникам особенно нужна беседа с такими уже опытными людьми, которые в немногих ярких и сжатых чертах умели[2] пред ним очертить пределы и обязанности всякого звания и должности. Часто единственно от этого неведения и умный из них не знает,[3] как ему быть с прихожанами, и говорит общими местами, не приклеивающимися[4] к делу. Входите также в его собственное положение, помогите его попадье и детям, если у него приход беден. Не исполняющему и задористому погрозите архиереем, но вообще старайтесь действовать более нравственно. Говорите им, что обязанность их слишком страшна и что слишком великий ответ дадут они, что и синод, и сам Государь теперь особенно обращают внимание на частную жизнь священника, что им всем готовится переборка, что наконец уже все просыпаются и видят, что половина зол произошла оттого, что священники стали нерадиво исполнять свои должности… С помощью священников губернаторша может произвести много нравственного влияния на купечество, мещанство и вообще на всё простое сословие. Я даже вам скажу, как именно. Во-первых… Но я и позабыл, что я не имею никакого понятия о том, что такое в вашем городе мещанство, купечество и вообще весь простой народ. И всё, что я ни скажу, может быть некстати. Итак, это в сторону. Скажу вам только вообще, что здесь именно предстоит столько прекрасных подвигов, польза от которых несравненно ощутительней, чем от всяких приютов и благотворительных заведений, и которые будут вовсе не в труд и тягость, а даже в отдохновенье и развлеченье духа.

Старайтесь всех избранных и лучших в городе подвигнуть также на деятельность общественную. Всякий из них может много сделать. Их можно подвигнуть. Если вы мне дадите полное понятие об их характерах,[5] образе жизни и занятия<х>, я вам даже скажу, чем и как можно их подвигнуть и подстрекнуть. Есть в русском человеке сокровенные струны, которых он сам не знает.

[1] чтобы он истинно помолился

[2] могли бы

[3] он не знает

[4] не приходящими<ся>

[5] понятия<х>

Вы мне уже назвали некоторых, как людей умных и благородных вообще. Я уверен, что их у вас даже гораздо больше. Не смотрите на отталкивающую наружность, на многие неприятные замашки, на грубость и черствость обращения или даже на фанфаронство и щелкоперство многих поступков. Это есть теперь более или менее у всех нас. Мы все в последнее время обзавелись чем-то особенно неприятно-заносчивым в нашем обращении, но внутри того же человека шевелятся добрые чувства. Особенно не пренебрегайте женщинами. Клянусь, женщины гораздо лучше нас, мужчин. В них больше великодушия, больше отважности на всё благородное. Не глядите на то, что они закружились в вихре моды и пустоты. Если только сумеете заговорить им языком самой души, если только сколько-нибудь сумеете очертить перед женщиной ее высокую обязанность, выполнения которой ждет от нее теперь весь мир, то есть быть воздвижницей ко всему прямому, честному и благородному, кликнуть клич миру на благородное стремление, то та же самая женщина, которую вы считали пустой, благородно вспыхнет, взглянет на самоё[1] себя, на брошенные свои обязанности, подвигнет самоё себя[2] на всё чистое, подвигнет своего мужа на честное и благородное выполнение своего долга и, швырнувши в сторону все свои тряпки, всех обратит к делу. О, я знаю, что женщины у нас очнутся прежде мужчин, благородно попрекнут нас, благородно хлес<т>нут и погонят нас бичом стыда и совести, как глупое стадо баранов, прежде чем каждый из нас успеет очнуться[3] и почувствовать, что ему следовало бы побежать и самому, не дожидаясь бича. Вас полюбят, и полюбят сильно, да и нельзя им не полюбить вас, если узнают вашу душу, но до того времени вы всех их любите до единого, никак невзирая на то, если бы он вас[4] и не любил. Но письмо мое становится длинно. Чувствую, что начинаю уже говорить о том, что не придется кстати ни вам, ни вашему городу, ни вообще вашим обстоятельствам, но вы сами этому виной, не сообщивши мне подробных сведений ни о чем. До сих пор я точно как в лесу. Слышу только о каких-то неизлечимых болезнях и не знаю, чем кто болит. А у меня обычай не верить по слухам никаким неизлечимостям, и никогда не назову я никакую болезнь неизлечимой по тех пор, пока не ощупаю ее моею собственной рукою. Итак, вновь рассмотрите ради меня весь город, опишите всё и всех, не избавляя никого от трех

[1] *В подлиннике:* самую себя

[2] *В подлиннике:* самую себя

[3] очувствоваться

[4] что он вас

неизбежных вопросов: в чем состоит его должность, сколько на ней можно сделать добра и сколько зла.[1] Как прилежная ученица, сделайте для этого тетрадку и не забывайте в объясненьях со мной быть как можно более обстоятельну. Повторяю вам вновь, что я глуп и глупее всех людей по тех пор, пока не введут меня в самое подробное познание. Воображайте лучше, что перед вами стоит ребенок или такой невежа, которому всё объяснять до последней булавки. Я не знаю, отчего вы вздумали, что я какой-то всезнающий. Что мне случилось вам кое-что предсказать и предсказанное сбылось, это произошло единственно из того, что вы меня ввели в тогдашнее положение души вашей. Велика важность угадать! Стоит только попристальнее вглядеться в настоящее, будущее вдруг выступит само собою. Дурак тот, кто думает о будущем мимо настоящего: он или соврет, или скажет загадку. Я вас между прочим еще побраню за следующие ваши строки, которые здесь выставлю вам перед глаза: *«Грустно и даже горестно видеть вблизи состояние России, но, впрочем, не следует об этом говорить. Мы должны с надеждою и светлым взором смотреть в будущее, которое в руках милосердного Бога»*. Оттого и беда вся, что мы не глядим в настоящее, а помышляем о будущем. Оттого и беда вся, что как только, всмотревшись в настоящее, заметим, что горестно, грустно и не так, как нам хочется, мы махнем на всё рукой и давай пялить глаза в будущее. Оттого Бог и ума нам не дает.[2] Оттого и будущее висит у нас теперь точно на воздухе.[3] Слышат некоторые, что оно хорошо, благодаря некоторым передовым людям, которые тоже услышали его чутьем, а не арифметическим выводом. Но как достигнуть до этого будущего, никто не знает. Оно точно кислый виноград.[4] Все позабыли, что пути и дороги к этому светлому *будущему* сокрыты именно в этом темном и запутанном *настоящем*, которого никто не хочет узнавать,[5] всяк считает его низким и недостойным своего внимания![6] Введите же хотя меня в познание настоящего. Не смущайтесь мерзостями

[1] *Далее было:* Недурно даже и то, если вы кого заставите задуматься над этими вопросами.

[2] Все мы, сложа руки, глядим в будущее, позабыв, что в настоящем, что мы сами творцы будущего и что в настоящем должны творить свое будущее.

[3] *Далее начато:* Всем

[4] *Далее начато:* Хороши

[5] *Далее было:* и не только что не хочет, но даже сердится, если и раскрывают его пред ним

[6] *Далее было:* и, махнувши рукой, отделывается от него одним словом «грустно» или «гадко».

и подавайте мне всякую мерзость. Для меня они не в диковинку: я сам довольно мерзок. Пока я еще мало входил в мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходил тогда в уныние от многого в России, и мне за многое становилось страшно. С тех же пор, когда я стал побольше всматриваться в мерзости, я просветлел духом. Передо мной стали обнаруживать<ся> исходы, средства и пути. И благодарю я более всего за то Бога, что он сподобил меня хотя сколько-нибудь узнать мерзости как мои собственные, так и бедных собратий моих. И если есть у меня какая-нибудь капля ума, свойственного не всем людям, так это оттого, что всматривался я побольше других в эти мерзости. И если мне удалось помочь некоторым близким друзьям моим, так это оттого, <что я> всматривался побол<ьше> в эти мерзости.[1] И если я приобрел наконец любовь к людям не идеальную, но существенную любовь, так это всё же оттого, что всматривался я побольше в мерзости. Не пугайтесь же и вы мерзостей и особенно не отвращайтесь от тех людей, которые вам кажутся почему-либо мерзки. Уверяю вас, что придет время, когда многие у нас на Руси из *чистеньких* горько заплачут, закрыв руками лицо свое, именно оттого, что считали себя слишком чистыми, что хвалились чистотой своей[2] и всякими возвышенными стремлениями куда-то. Помните же всё это и, помолясь, примитесь снова бодрей и свежей за дела свои, чем когда-либо прежде.[3] Перечтите раз пять, шесть мое письмо, единственно потому, что в нем всё разбросано и нет строгого, логического порядка, чему, впрочем, вы сами причиною. Нужно, чтобы[4] существо письма осталось всё в вас, вопросы мои стали бы вашими вопросами, желанье мое вашим желаньем, чтобы всякое слово и буква из него засели в вашей голове,[5] преследовали бы вас и мучили по тех пор, пока не исполните моей просьбы таким образом, как я прошу.

Бог вас да благословит во всем! Прощайте!

Ваш Г<оголь>.

[1] от этих ме<рзостей>

[2] осмеливаясь и даже публично хвалиться чистотой своей

[3] Но за дело! свежей и бодрей, прекрасный друг мой!

[4] чтобы таким образом

[5] засели в вашей голове, как гвоздь

1114. А. О. Россету

Карлсб<ад>. 6 июля <н. ст. 1846>.

Посылаю вам, мой добрейший Аркадий Осипович, письмецо для вашей сестрицы, которая, как мне сказал Рябинин, привезший от вас поклон, должна теперь уже находиться[1] в Петербурге. Ей вы его вручите, наградив себя за то моим заочным поцелуем. И напишите мне несколько слов о себе: мне хочется знать, как вы теперь на всё глядите и как перед вами всё теперь ворочается, и что такое[2] нынешняя грешная жизнь под вашим нынешним углом зрения. Я же спою вам[3] всё ту же мою старую песню,[4] но только с той разницей, что голосом несравненно более твердым и сильным, чем когда-либо прежде, несмотря на бессилие своего тела и на множество прибавившихся немощей: всё будет хорошо, не хандрите же и не держите носа вниз, но руководствуйтесь хотя единственно тем, что мой нос еще держится кверху, и пусть это будет вам барометром, если до сих пор не нашли лучшего.

Прощайте же и пишите во Франкфу<рт>, на имя Жуковского.

Вас искренно любящий

Гоголь.

Передайте при сем маленькое письмецо Самарину. Я не знаю, где он находится.

1115. Ю. Ф. Самарину

<6 июля (н. ст.) 1846. Карлсбад>

Благодарю вас весьма много за ваше письмо. Я его читал с большим любопытством. Ответ на него будет потом <...> вами неожиданным[5] образом. А до того времени мой совет (хотя я не знаю,[6] любите ли вы советы и притом еще такие, которые нужно принять на веру, при которых не представляют[7] причин, вследствие которых они сделаны, ниже[8] разумных логических выводов, на которых они основаны), мой совет заняться вам в продолжение

[1] быть
[2] и собственно что такое
[3] спою вам за это
[4] *Далее было:* которую
[5] несколько удивит<ельным> и довольно вами неожиданным
[6] хотя я знаю
[7] не представляются
[8] ни

двух-трех месяцев[1] каким-нибудь делом черствым, положительным и совершенно существенным, которое ближе всего к вам в буквальном смысле, хотя и не близко к душе или сердцу. Займитесь вот чем: очертите мне круг и занятия вашей нынешней должности, которою вы теперь заняты, потом круг занятий всего того отделения или департамента, которого часть составляет ваша должность, потом круг занятий и весь объем [обязанност<ей>] того округа или министерства или иного главного управлен<ия>, которого часть составляет означенное отделение или департамент по числу восходящих инстанций. Всё это в самом сжатом существе самого дела и притом в том именно виде, как вы сами разумеете,[2] а не так, как кто-либо другой. Потом объясните мне, в чем именно состоит неповоротливость и неуклюжесть всего механизма и отчего она происходит, и какие от этого[3] бывают плоды в нынешнее время как вокруг и вблизи, так и подальше от центра. Само собой разумеется, что по поводу этого[4] вам предстоит премножество знакомств с чиновниками вашего ведомства, от которых в этом случае[5] никак нельзя вам ускользнуть, потому что, не знавши лично самих двигателей и даже их собственного существа, вам будет открыта только одна половина. Словом, вот какого рода дело! Весьма неприятное, но вам его нужно сделать. Чтобы вам лучше подвигнуть себя на это, вы поступите вот как. Прежде всего вообразите себе, что вы меня любите и что подвиг этот делаете совершенно для меня, а не для себя, и что я будто бы при этом плохо уверен в вашей способности на самопожертвование и что это-то именно мне нужно доказать, а я вас вперед уже за это обнимаю и говорю: не будете в том раскаиваться.

Вас действительно любящий Гоголь.

<*На обороте:*>

Юрию Федоровичу Самарину.

1116. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

<Первая половина июля 1846. Швальбах>

Любезный Гоголек, по вашему приказанию я только две недели посылал к вам письма. Теперь у меня их несколько скопилось для нас. Между ими одно с векселем. Вы должны

[1] *Далее было:* делом

[2] это разумеете

[3] *Далее было:* и в чем именно

[4] что от этого

[5] от которых вы в этом случае

непременно побывать у меня в Швальбахе для получения этих писем. От Фридриха получите некоторые русские книги, для вас мною полученные. До свидания.

Ж<уковский>.

1117. П. А. Плетневу

Июля 20 <н. ст. 1846>. Швальбах.

От Жуковского я получил вексель. Ожидал от тебя письма с уведомлением о том,[1] остаешься ли ты на лето в Петербурге или едешь куда, что мне было весьма нужно знать для моих соображений, но письма не было; на место его записка к Жуковскому, где, как мне показалось, есть даже маленькое неудовольствие на меня. По крайней мере, ты выразился так: «Гоголь не выставил даже, по обыкновенью своему, числа». Друг мой! У некоторых людей составилось обо мне мнение, как о каком-то ветренике или человеке, пребывающем где-то в пустых мечтах, не стыдно ли и тебе туда же? Один, может быть, человек нашелся на всей Руси, который именно подумал более всех о самом *существенном*, заставил себя сурьезно подумать о том, чем прежде всего следовало бы каждому заняться из нас, и этому человеку не хотят простить мелкой оплошности и пропуска в пустяке, человеку притом еще больному и страждущему, у которого бывают такие минуты, что и не в силах и руки поднять, не только мысли, — не хотят извинять. Ну, что тебе в числе наверху письма, когда в свидетельстве о жизни моей, при нем приложенном, было выставлено число, и я сказал, что, сейчас его получивши, сейчас спешу отправить на почту, а сам отправиться с дилижансом из Рима? Но от твоего уведомления о месте твоего пребывания теперь у меня многое зависит. Почему же, в самом деле, мои запросы[2] считаются за пустяки, считается ненужным даже и отвечать на них, а запросы, мне деланные, считаются важными? Скажешь: я не отвечал на многие мне деланные запросы. А что, если я докажу, что отвечал, но ответа моего не сумели услышать? Друг мой, тяжело! Знаешь ли, как трудно мне писать к тебе? Или, ты думаешь, я не слышу духа недоверчивости ко мне, думаешь, не чувствую того, что тебе всякое слово мое кажется неискренним, и чудится тебе, будто я играю какую-то комедию? Друг мой, смотри, чтобы потом, как всё объяснится, не разорвалось бы от жалости твое сердце.

[1] о том, где

[2] вопросы

Я с своей стороны употреблял, по крайней мере, всё, что мог: просил поверить мне на честное слово, но моему честному слову не поверили. Что мне было больше сказать? Что другое мог сказать тот, кто не мог себя высказать? Я говорил давно: «У меня другое дело, у меня *душевное* дело; не требуйте покуда от меня ничего, не создавайте из меня своего идеала, не заставляйте меня работать по каким-нибудь планам, от вас начертанным. Жизнь моя другая, жизнь моя внутренняя, жизнь моя покуда вам неведомая. Потерпите — и всё объяснится. Каплю терпенья!» Но терпенья никто не хотел взять, и всяк слова мои считал за фантазии. Друг мой, не думай, чтобы здесь какой-нибудь был упрек тебе. Крепко, крепко тебя целую. Вот всё, что могу сказать, потому что ты обвинишь себя потом гораздо больше, чем ты виноват в самом деле. Вины твоей нет никакой. Велик Бог, всё совершающий в нас для нас же. Ты выполнишь, как верный друг, ту просьбу, которую я тебе изложу[1] в следующем письме, которую, я знаю, тебе будет приятно выполнить, и после ней всё объяснится. Прощай же.[2] Две недели тому назад послал я тебе статью мою об «Одиссее», просил напечатать как следует и сказать мнение о ней. Не позабудь того и другого. Здоровье то тяжело, то вдруг легко, душа слышит свет. Светло будет и во всех душах, омрачаемых сомненьями и недоразуменьями! Недавно я встретил одного петербургского моего знакомого, по фамилии Ан<н>енкова, который вместе с тем знаком и с Прокоповичем. Он мне объявил, что Прокопович послал мне в начале прошлого 1845 года четыре тысячи руб<лей> ассигн<ациями> во Франкфурт, на имя Жуковского. Этих денег я не видал и в глаза,[3] но если бы получил их, то отправил бы немедленно к тебе. Упоминаю об этом вовсе не для того, чтобы тебя вновь чем-нибудь затруднить по этому делу, но единственно затем, чтобы довести это к твоему сведен<ию>. В деле этом судья и господин — Бог, а ты исполнил с своей стороны всё, что только можно было требовать от благородного человека.

Адресуй по-прежнему на имя Жуковского. Еще раз тебя обнимаю.

<*На обороте:*>

St. Pétersbourg. Russie.

Его превосходительству ректору импер<аторского> С. П. Бургского университета Петру Александровичу Плетневу.

В С. П. Бурге. На Васильев<ском> о<строве>. В университете.

[1] просьбу, о которой я буду п<исать>

[2] *Далее начато:* [какое п<исьмо>] Уведоми

[3] *Далее начато:* равно как

1118. Н. М. Языкову

<21 июля (н. ст.) 1846. Швальбах>
Швальбах. Июль 22.

Наконец книги получены: оба сборника — «Новоселье», «Невск<ий> Альм<анах>», книга Шевырева и «Путешеств<ие> к Св<ятым> Местам». Благодарю очень, очень. Ты один только балуешь и лакомишь меня. Письмо мое, со вложением статьи об «Одиссее», ты, вероятно, уже получил; жду твоих слов об этом. Письмо было адресовано в дом Хомякова, как и это. В том же письме я писал к тебе, чтобы прислал мне копию с моих писем к тебе по поводу «Землетрясения». Мне их нужно пересмотреть. Они, верно, очень вялы и неумны, как все мои письма, писанные прежде. Я даже любопытен знать, как я выразил ту мысль, которая бы могла иметь на тебя некоторое впечатление[1] и не имела никакого. Она выразилась, верно, бессильно, а может быть, даже не выступила вовсе из-за неопрятных и неточных слов моих. Пишу к тебе из Швальбаха, куда заехал на время к Жуковскому. Думаю отселе направиться в Остенде к морю. Полагаю, что, с милостью Божьей, морской воздух будет мне впрок. Доселе только в дороге перевожу несколько дух и становлюсь свежее. Адресуй во Франкфурт, на имя Жуковского, потому что через месяц располагаю быть там. Уведоми, каково идет твое холодное лечение и твое состояние духа. Твой «Сампсон» прекрасен; от него дышит библейским величием. Но смысл его я понимаю так: Сампсон, рассерженный своими врагами, глумящимися над его бессилием, происшедшим от забвения высшего служения Богу[2] ради всяких светских мелочей, потрясает наконец храмину, дабы погубить в своих врагах врагов себе и вместе с ними погубить прежнего самого себя, дабы на место его явился вновь еще сильнейший силач, служащий Богу. Затем обнимаю и целую тебя. Прощай!

Твой Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.

Его высокоблагородию Николаю Михайловичу Языкову.

В Москве, у Кузнецкого моста, в доме Хомякова.

<*Штемпель:*>

Schwalbach. 21 Juli 1846

[1] *Далее начато:* вероятно, слабо, потому что того именно не

[2] забвения Бога, которому он должен был служить

1119. С. П. Шевыреву

Июля 26 <н. ст. 1846>. Швальбах.

Пишу к тебе несколько строк из Швальбаха, куда заехал[1] с тем, чтобы повидаться с Жуковским, берущим здесь ванны, а с тем вместе отдохнуть и даже взять несколько ванн самому, которые, как сказывают, могут хоть несколько укрепить мои нервы. От Языкова я наконец получил твои лекции; прочел еще весьма немного, ибо, сам знаешь, такого рода книги неприлично глотать вдруг. Но уже по началу вижу важность дела и труда и веселю себя им впереди, как предстоящим лакомством. Теперь приступаю к тебе с просьбой моей, весьма убедительной: напечатать второе издание «М<ертвых> д<уш>», в том же самом виде, на такой же бумаге, в той же типографии, в том же числе экземпляров (2400, т. е. два завода), с присовокупленьем только предисловия, которое я пришлю потом, когда печатанье будет к концу. Нужно будет его отпечатать в месяц, дабы оно могло явиться[2] в свет никак не позже 15-го сентября. Экземпляры разойдутся, я это знаю. После того голоса, который я подам от себя[3] перед моим отправлением на поклонение к Святым Местам, их станут раскупать.[4] Посылать же на цензурованье к цензору в Петербург я не думаю, чтобы оказалась надобность, тем более, что это фантастическое запрещение второго издания никогда не существовало. Оно образовалось в Москве по старой охоте ее к плетенью всякого рода сплетней. Это можешь изъяснить цензору, если бы он оказался малоумен, а не то предстань к Строганову и объясни ему. Если же по причине какой-либо новой бестолковщины[5] оказалось бы так, что нужно посылать в Петербург, то пошли к Никитенке и в то же время письмо к Плетневу, чтобы он его поторопил, потому что Никитенко, при всей благосклонности и расположеньи ко мне, несколько ленив и может замедлить присылкой. О получении этого письма уведоми, равно как и о распоряжениях, адресуя во Франкфурт, на имя Жуковского.

Прощай. Твой весь Г<оголь>.

<На обороте:>

Moscou Russie.

Профессору император<ского> Московского университета Степану Петровичу Шевыреву.

[1] заехал к Жук<овскому>

[2] вышло никак

[3] подам от себя [читателям] всем читающим

[4] *Далее начато:* Экземпляра я ду<маю>

[5] Если же по какой-либо бест<олковщине>

В Москве, близ Тверской, в Дегтярном переулке, в собственном доме.

1120. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Покров<ское>. Июня 29 <1846>.

Где и как находится мой возлюбленной Николай Васильевич; я вас так преследую, что, кажется, повсюду с вами. Сегодня по неизреченному милосердию Божию сподобилась приобщиться Святых Таин и в самую блаженную минуту вспоминала о вас, о ваших страданиях. И к первым к вам, мой милый друг, пишу. Как-то теперешнее состояние вашей души мне так близко, кажется, смело могу сказать, ближе и больнее всего. Так понятно претерпеваемое вами, что скорбь как будто кругом вас облегла, что вы не можете выбраться на дорогу, куды душа ваша так пламенно стремилась, где вы умели находить и пользоваться спокойствием. Господь и теперь от вас не удалился, лишь только вы обратитесь к Нему, Он готов на помощь – и водворится в душе вашей спокойствие, столь необходимое для нашего Спасения, а далее все будет хорошо. Ох, как хочется знать, как вы теперь находитесь. Всегда дорожила вами, но при теперешнем тяжком вашем испытании вижу, что это чувство сильнее, нежели как я думала. Пособить нечем, как молиться. Молюсь, мой друг, Бог видит, как близко и больно мне ваше положение. Может, в эту минуту, когда к вам пишу сии строки, уже вам на душе легко. О, дай Бог, чтобы так случилось. Прощайте, мой милый друг, обнимаю, благословляю вас, и до гроба принадлежу вам с дружеством.

Христос с вами!

Июля 5. Покровское.

После того, как сие начала, две почты прошло, все ожидала от Николая Михайловича, который мне обещал, что получит от вас или что узнает о вас, меня известить. Не имея от него ни слова, признаюсь, беспокоит меня на ваш счет. Но в таком случае иного нечего делать, как прибегать к молитве; через нее только можно соединяться с отсутствующими, в молитве исчезает расстояние и то, что нам дорого, так кажется близко, как будто налицо. Да, мой друг, в душе моей уверена, зная тяжкое состояние человека, коим мы дорожим, нет иного средства к облегчению за себя и за него, как предаться вполне Господу, Он исцелит — Он и не оставит, Он и укажет нам дорогу, по которой к Нему добраться. А с Ним, мой милый друг, повсюду хорошо. Ради Христа

ободритесь и подвигайтесь вперед. Самое претерпенное вами неизъяснимо болезненное состояние души, оно вам не повредит. Если вы только не предадитесь унынию, то самые страдания придадут вам силу, и с помощию Отца Небесного возможете стать выше, нежели откуда упали. Только ради Христа не смущайтесь, не в том важность, чтобы пребывать неизменяемо в одном положении — но главное и спасительное для нас, чтобы во всяком случае смириться, и покорность наша при всех испытаниях призовет благословение Божие, которое нам поможет все во славу Его снести. Нынче день Преподобного Сергия — у Троицы какой праздник. Молила угодника Божия, да не оставит он вас своим предстательством у Престола Всевышнего.

Хотела сегодня эти строки отправить, но 8-е число опять почта, не получу ли от Николая Михайловича что о вас, а буде к прискорбию моему ничего не узнаю, тогда отправлю сие. Слышу, что вас вызывают сюда. Я не смею на сей счет говорить своего мнения, а предоставляю себе одно — молиться о вас, и молюсь, мой друг, от чистого сердца, прошу Бога, да смилуется над вами и Сам по благости Своей наставит, что предпринять. И ради Христа, мой милой друг, не спешите ни с каким решением, предайтесь с любовию вполне Тому, Которой один все видит и один все может. Он по преданности вашей к Его Отцовской воле так и устроит, что для души вашей спасительнее. Прежде много раз писала и теперь то же повторяю, ради Христа ничего не предпринимайте, не помолясь. Во всяком недоумении, кои так часто с нами встречаются и ставят[1] нас в какое-то затруднительное положение, одно средство, дабы после решения избежать раскаяния, это молитва — отброся и всех и вся, молить Милосердие Божие, чтобы наставил, как поступить по Его святой воле, и наверное решимость отзовется в сердце, которое желает не по собственной, а по воле Божией учредиться. Вот, мой друг, написала, что мне думается и чувствуется на ваш счет. Пока до почты прощайте, мой милый друг, обнимаю, благословляю вас, вручаю Богу, да будет Он меж нами посредником. Он один видит, как мне дорого и близко ваше спасение. Господи, не покинь его на чужбине. Прощайте, мой друг возлюбленный.

Христос с вами!

Июля 8. Вечер.

Вот, мой друг, почта пришла, и опять никакого известия о вас не имею. Что думается и чувствуется, видит Бог, Ему, мой друг,

[1] *В автографе:* ставют

от всего сердца вас вручаю, да Он вас не покинет. С сею почтою отправля<ю> к Николаю Михайловичу, прошу его об отправлении сих строк, а вас, мой милый друг, прошу, ради Христа берегите себя, с помощию Божиею укрепляйтесь в здоровье, оно тоже много помогает к перенесению скорбных встреч, а потеряв здоровье, трудно существовать. Сколько ни говорить, настало время расстаться. Прощайте, мой милый друг. Обнимаю, благословляю вас со всею нежностию матери. С большим чувством, право, не могла бы и сына благословить, так мне теперь за вас и больно и грус<т>но, знав, что вы претерпеваете. О, дай Бог узнать, что вы попокойнее. Прощайте, пора расстаться. Еще вас благословляю и сим оканчиваю, и Христос с вами, мой друг. Боже мой, Ты его не покинь. Пора расстаться, а жаль вас оставить.

<На обороте:>
Николаю Васильевичу Гоголь.

1121. П. А. Плетневу

Июля 30 <н. ст. 1846>. Швальбах.

Наконец моя просьба! Ее ты должен выполн<ить>, как наивернейший друг выполняет просьбу своего друга. Все свои дела в сторону, и займись печатаньем этой книги под названием: «Выбранные места из переписки с друзьями». Она нужна, слишком нужна всем — вот что покаместь могу сказать; всё прочее объяснит тебе сама книга; к концу ее печатания всё станет ясно,[1] и недоразуменья, тебя доселе тревожившие, исчезнут сами собою. Здесь посылается начало. Продолженье будет посылаться немедленно. Жду возврата некоторых писем еще, но за этим остановки не будет, потому что достаточно даже и тех, которые мне возвращены. Печатанье должно происходить в тишине: нужно, чтобы, кроме цензора и тебя, никто не знал. Цензора избери Никитенку: он ко мне благосклоннее других. К нему я напишу слова два.[2] Возьми с него также слово никому не сказывать о том, что выйдет моя книга. Ее нужно отпечатать в месяц, чтобы к половине сентября она могла уже выйти. Печатать на хорошей бумаге, в 8 долю листа средн<его> формата, буквами четкими и легкими для чтения, размещение[3] строк такое, как нужно для того, чтобы книга наиудобнейшим образом читалась; ни виньеток,

[1] тебе всё объяснится
[2] напишу даже слова два сам
[3] употребляя размещение

ни бордюров никаких, сохранить во всем благородную простоту. Фальшивых титулов пред каждой статьей не нужно; достаточно, чтобы каждая начиналась на новой странице и был бы просторный пробел от заглавия до текста. Печатай два завода и готовь бумагу для второго издания, которое, по моему соображенью, воспоследует немедленно: книга эта разойдется более, чем все мои прежние сочинения, потому что это до сих пор моя единственная дельная книга. Вслед за прилагаемою при сем тетрадью будешь получать безостановочно другие. Надеюсь на Бога, что он подкрепит меня в сей работе. Прилагаемая тетрадь заномерована № 1. В ней предисловье и шесть[1] статей, итого седьмь, да включая сюда еще статью об «Одиссее», посланную мною к тебе за месяц пред сим, которая в печатании должна следовать непосредственно за ними, — всего восемь. Страниц в прилагаемой тетради двадцать. О получении всего этого уведоми немедленно. Адресуй по-прежнему на имя Жуковского.

Весь твой Г<оголь>.

1122. А. В. Никитенко

Эмс. Август 1 / Июль 21<20> <1846>.

Я к вам с просьбою, почтеннейший Александр Васильевич! От Плетнева вы получите, если уже не получили, на процензирование некоторые из моих писем, которые имеют[2] быть напечатаны отдельной книгой в весьма непродолжительном времени. От Плетнева вы будете всё получать по частям. По разным причинам я не хочу, чтобы до времени выхода о книге[3] знали. А потому прошу вас, чтобы осталось только между вами и Плетневым и никто бы, кроме вас двух, не был введен третий. Что касается до самого существа книги в отношен<ии> цензуры, то я совершенно спокоен, уверен, будучи с одной стороны — в вашей благосклонности, а с другой стороны — в безвинности самой книги, при составлении которой я сам был строгим своим цензором, что вы, я думаю, увидите сами. Если же какое и встретится выражение, которое бы даже с первого раза остановило вас, то я уверен, что к концу книги смысл его объяснится пред вами полней, и вы его признаете только нужным и ничего более. Если ж сделаете какую поправку или указание относительно слога, неточности

[1] 6
[2] след<ует>
[3] о ней

выражений и т. п., то сим меня крайне обяжете. О письме, равно как и о получении от Плетнева начала рукописи, уведомите меня, адресуя во Франкфурт-на-Майне, на имя Жуковского, прибавляя к Франкфурту s/M. Saxenhausen, Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Засим обнимаю вас от всей души. Весь ваш

Гоголь.

<*На обороте:*>

St. Pétersbourg. Russie.

Профессору импер<аторского> С.-Петерб<ургского> университета Александру Васильевичу Никитенке.

С. П. Бург. В университете на Васильев<ском> острове.

1123. Ю. Ф. Самарин — Н. В. Гоголю

<6–12 июля 1846. Санкт-Петербург>

6-го июля 1846 г. Петербург.

Я отправляю брата за границу и, пользуясь случаем, хочу вам кое-что написать. Мои внешние отношения, семейные и дружеские связи запутываются и со дня на день становятся труднее. Отчего это так? Кажется, как будто самым естественным, самым необходимым отношениям и связям есть пора возрастания, укрепления и неизбежная пора падения. Нет вины ни с моей стороны, ни со стороны других, нет даже законного повода, а между тем чувствует душа какое-то отчуждение. Вы не знаете моего отца, но так как я должен и хочу быть вполне откровенным с вами, я не могу не сказать вам о нем хоть несколько слов. Он пожертвовал для меня своим положением в свете и при Дворе, видами честолюбия, оставил навсегда Петербург и, поселившись в Москве, занялся исключительно моим воспитанием. Это была великая жертва и притом жертва выдержанная, ибо до последнего дня его попечительность, доходившая до мелочей, его ежечасные заботы, не оскудевая, проводили меня чрез все ступени учения и воспитания. Многим обязан я воспитанию, если не всем; я обязан ему тем, что многие вредные и суетные наклонности, которых семя во мне было, не развились во мне; наконец, оно сделало меня способным принять и сродниться с таким образом мыслей, который при других обстоятельствах, другом образе жизни и воспитания, вероятно, остался бы мне чуждым. Сосредоточив на мне свои надежды, свои попечения и виды честолюбия, от которых он отказался для себя, отец мой привык смотреть на меня, как на свое создание; это было почти неизбежно, но тем не менее вредно. Чрезмерною взыскательностию и строгостью он подавил

во мне свободу непосредственных движений сердца, откровенность, прямоту и силу воли. К несчастию, он никогда не понимал меня и теперь понимает менее, нежели когда-нибудь. Он предполагал во мне строптивый нрав, неукротимые страсти и необыкновенные способности для практической жизни, которых я вовсе не имею. Но таким он сам был в своей молодости, и повторение самого себя он видел во мне. Я ужасно много перетерпел в детстве. Ничто мне не спускалось даром; малейшее сопротивление, самое робкое оправдание вменялось мне в вину; меня наказывали беспрестанно и заставляли каяться, вынуждали слезы и раскаяние, когда я вовсе не был виноват. Заступаться за меня было некому; мало-помалу безусловная покорность перешла в привычку. С тех пор, как я вышел из университета, жизнь моя была рядом пожертвований. (Вы понимаете, что я это говорю отнюдь не в похвалу себе.) Сильное желание влекло меня на ученое поприще; занимать кафедру казалось мне тогда и кажется теперь самою лучшею долею — я отказался от нее и вступил в службу; для этого всякое другое место казалось мне лучше Петербурга — я должен был ехать в Петербург; наконец, после двух лет, почти потерянных, проведенных за самыми бесплодными занятиями, я просился за границу — и в этом получил отказ! Но это было бы еще ничего; моим образом жизни я всегда пожертвую охотно, теперь отец мой ставит мне в вину самый мой образ мыслей. Подозрительным взором смотрит он на друзей моих и ваших, на Хомякова, Аксакова, Погодина и других. При каждом удобном случае осыпает их самыми несправедливыми и обидными упреками и ясно требует от меня разрыва с ними. Разумеется, я этого никогда не сделаю, и неудовольствие его с каждым днем возрастает, отравляет жизнь его, нарушает семейный мир. Трудно мне ладить. Приучив отца к безусловной покорности с моей стороны, я не могу теперь переменить наших отношений; не могу изменить его образа мыслей, уничтожить предубеждений и предрассудков, неразлучных с его летами. Мне остается по возможности избегать случаев к спорам о щекотливых предметах и уступать, когда только можно. Но чувствую я при этом, что уступчивость мне не вменяется, он принимает ее холодно, без любви, ибо сам я уступаю холодно, без любви, по чувству долга и по привычке давнишней. Он сам приучил меня в детстве затаивать негодование, чувство оскорбленной справедливости, плакать и просить прощения, когда не было вины с моей стороны. Я не оправдываю себя, виноват и я, но виновато в особенности установившееся отношение, которого изменить нельзя.

В то же самое время тот круг людей, с которыми я связан образом мыслей, ученою деятельностию и всеми убеждениями и сочувствиями, видимо осуждают меня и уклоняются от меня. Аксаков пишет мне письма, в которых грозит разрывом, если я не приму его образа мыслей, запечатленного исключительностью и потому только извинительного, что происходит от незнания людей и жизни. Он не умеет вглядываться в физиономию человека; он видит в нем не живое целое, сложенное из противоположных свойств и начал самых разнообразных, а строгий силлогизм на двух ногах, так что, узнав одно свойство, он выводит из него целый ряд выводов и без оглядки навязывает их лицу. Весь род человеческий для него распадается на безусловно белых и безусловно черных. Так, в последнее время, в письме ко мне, он разругал Александру Осиповну (Смирнову) за то, что она знакома с людьми, которых он называет подлецами и подлячками. Предвижу я, что и с ним я должен буду разойтись, и тем более досадно и грустно мне это, что нет законной причины к разрыву. Как жаль, что вас нет; вы один могли бы иметь смягчающее влияние на нас всех.

1124. Ю. Ф. Самарин — Н. В. Гоголю

12-го июля <1846>.

Неожиданно получил я ваше письмо накануне отъезда моего брата. Не понимаю, к чему клонится ваш совет. Не менее того я его выполню, ибо чувствую совершенную готовность слушаться вас. Впрочем, сухого, черствого, положительного дела эти два года я имел вдоволь.

Составление реэстров, записок в сенате, свод постановлений о лифляндских крестьянах в Министерстве внутренних дел и проч. Довольно трудно мне выполнить то, чего вы от меня требуете; в 1-м департаменте сената я пробыл не долго, в общем собрании еще менее, а теперь в Министерстве внутренних дел я не занимаю штатного места. Я напишу обо всем, что знаю, что делаю сам и что видел. Это будет черство и сухо, поверьте. Через недели две я еду в Ригу с Ханыковым заниматься ревизиею городского управления и статистикою городских доходов — тоже сухо. Для себя я занимаюсь теперь историею сельского сословия в России. Дошел ли до вас «Московский Сборник»? Последняя статья о «Тарантасе» — моя.

От Александры Осиповны я получил письмо вчера. Она живет на даче под Калугою; она была очень нездорова, жалуется

на слабость головы, — но теперь ей легче; деревенский воздух помог ей.

Рекомендую вам брата; он едет лечиться; а больше для развлечения. Он нездоров и телом и душою. Расстройство нервов, происходящее от болезненной напряженности религиозного чувства, от какого-то ежеминутного наблюдения за самим собой — вот его недуг. Ему нужно развлечение, движение, участие к предметам внешним, которое бы позволило ему забыть о себе и отвлекло бы его от мрачных дум.

От всей души благодарю вас за участие и обнимаю.

Ю. Самарин.

1125. Графу А. П. Толстому

Остенде, август 6 <н ст. 1846>.

Что с вами? Где вы? И отчего от вас до сих пор ни одной строчки? Я писал к вам из Греффенберга, где пробыл около месяца и всуе поджидал вашего брата Алек<сея> Петр<овича>. В Эмсе я встретил Ивана Петровича с его молодой супругой, которой после эмсских вод сделалось значительно лучше. Таковы ее и его слова. Они, кажется, обоюдно счастливы, хотя оба не весьма знакомы с опытной жизнью грешного мира сего. Теперь я поселился на время в Остенде, где пробуду, может быть, месяц. До сих же пор пребывал с Жуковским в Швальбахе. Христа ради, хотя одну строчку о себе! Не совестно ли вам позабыть обо мне? Попросите графиню написать также словечка два о состояньи здоровья своего, как душевного, так и телесного. Жду с нетерпеньем ответа. Все об вас также беспокоятся; на днях получил известие от вашей сестрицы Софьи Петровны, которая также жалуется на ваше молчанье.

Адресуйте в poste restante и пришлите ваш маршрут, чтобы я знал, где вас настигнуть и повидать, если вы не заедете в Остенде.

Весь ваш Г<оголь>.

Если граф уехал из Парижа, прошу отвечать графиню.

<На обороте:>

Paris.
Son excellence monsieur le c-te Alexandre Tolstoy.
Paris. Rue de la Paix, 9. (Hôtel Westminster).

1126. М. И. Гоголь

Ostend<e>. Августа 10 <н. ст. 1846>.

Я несколько замедлил ответом на письма ваши. Во время моих переездов нынешних не бывает[1] так легко отвечать в ту же минуту. При этом я ожидал, не напишут ли мне чего сестры в ответ на мое длинное письмо,[2] чтобы отвечать за одним разом, но от них, кажется, не ждать мне никаких ответов. Благодарю вас за то, что хотя вы пишете мне, по возможности, подробно и не отговариваетесь ни гостями, ни увеселениями. Скажу вам, однако же, то, что вы бываете весьма часто под влиянием несколько разгоряченных впечатлений. Письмо мое вы читали не в хладнокровную и совершенно спокойную минуту, а потому истолковали всё по-своему и приняли всё в таком смысле, в каком я вовсе и не думал. Этот за вами грех водится, моя почтенная маминька, и я вам должен это напомнить. Вы все вещи принимаете в большем виде, чем они есть, и ничего не в силах, принимать равнодушно, а потому и жизнь ваша есть еще до сих пор какое-то беспрерывное[3] душевное беспокойство. Молитесь Богу в такую минуту, когда почувствуете в себе беспокойство: это лучшее средство. После молитвы в такое время уясняется вдруг наш взгляд. Распаленное состояние проходит, и всякая вещь является в своем надлежащем виде. Вы беспокоите<сь> и за меня, думая, что я также, подобно вам всем, беспокоюсь, и пишете, чтобы я не принимал к сердцу писем сестер моих, думая, что это меня волнует. На это вам скажу только то, что я более беспокоюсь тем, когда мне ничего не пишут,[4] а когда мне пишут, и пишут подробно, тогда я ничуть не беспокоюсь, и огорчительного[5] для меня в письме не может быть ничего. Что само по себе нехорошо, то замечу, скажу, что оно нехорошо, и побраню за то, если поделом. Но чтобы сердиться или горячиться, или сокрушаться, или же принимать к сердцу всякий пустяк, как вы это делаете, — этого за мной, слава Богу, уже давно не водится. И все вещи, даже несравненно больше огорчающие человека, с меня — что с гуся вода. Стыдно вам до сих пор так знать меня мало и представлять себе какой-то бабой. Но об этом довольно. Смотрите же вперед за собой и берегитесь. А мне пишите подробно обо всем, не пропуская ничего, что у вас

[1] это не бывает
[2] *Далее начато:* но ответа
[3] вечное
[4] *Далее начато:* нежели
[5] и неприятного

ни делается, как собственно в вашем доме, так равно и вокруг вас, у всех наших знакомых и соседей. Адресуйте по-прежнему во Франкфурт, на имя Жуковского.

Затем мысленно вас обнимаю

ваш сын Н. Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Russie. Poltava.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.

В Полтаве. Оттуда в д<еревню> Василевку.

1127. В. А. Жуковскому

Остенде. Августа 10 <н. ст. 1846>.

Пишу и уведомляю <о> моем приезде сюда, который, благодаря Бога, совершился благополучно. Две-три морские бани уже взял без отвращенья и без особенного удовольствия, как что-то пресное. Что от них будет — знает Бог, но чувствую, что всё, что ни будет от Него, будет в милость и в добро душевное.

Скажите вашей доброй и ангелоподобной хозяюшке, чтобы она на меня не гневалась за то, что я не простился с нею. Это у меня случается весьма часто и вовсе не есть знак хладнокровья или равнодушия, но, напротив,[1] доверенности. Если бы я знал, что разлучаюсь надолго, или же чувствовал потребность что-нибудь сказать нужное при расставаньи, я бы никак этого не пропустил и сделал бы даже что-то торжественное из расставанья, как оно и должно быть. Скажите ей, что я мысленно так же с ней простился, как бы и лично, и, давши лобзанье вам и Саше, поцеловал в то же время в вас обоих ее[2] самое. А в подкрепленье этого, поцелуйте по три раза обе ее ручки и прочитайте сии мои строки, претворив их во французский или немецкий диалект. Все письма, а с ними и посылки, какие ни случатся, храните (как сказано и прежде) у себя. Если какое письмо вследствие ошибки и распечатаете, то этим не конфузьтесь; смотрите только за тем, чтобы не пропало[3] распечатанное письмо. Это главное. Здесь есть несколько русских, с которыми я покамест не успел столкнуться. Видел пока только безногого Мещерского, женат<ого> на кн<яжне> Трубецкой, которого вы, я думаю, знаете. Здесь еще приятельница Смирновой, графиня Борх, урожден<ная> Лаваль.

[1] но даже, напротив

[2] и ее

[3] никак не пропало

Прочие, кажется, незамечательны. На дороге я встретил одного, с которым произо<шла> замечательная внутренняя история в последнее время. Чудны действия Божии, и никогда еще не были они так явны, как в последнее время. Уведомьте меня о себе и дайте ответ на это письмо, дабы я знал, что оно вами получено. В начале сентября полагаю быть у вас во Франкфурте... но об этом напишу еще. Затем Христос с вами!

Прощайте. Ваш Г<оголь>.

В здоровья моем то не весьма хорошо, что начинаю вновь крепко зябнуть и не могу оставаться в сидячем[1] состоя<нии> так долго, как было бы потребно мне для переписывания или вообще для занятий. Малейший холодок на меня ощетинивается бурею.

<*На обороте:*>

Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

1128. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<24 июля 1846. Москва>

Требуемое тобою письмо получишь ты скоро. Я уже хлопочу о нем. Твои письма берегу я в достодолжной сохранности. Дело в том, что мне надобно съездить самому в Москву для вынутия оного письма, а езда в теперешние палящие жары для меня не шутка. Но будь спокоен, все сделается, как тебе надобно.

Сердечно радуюсь, что книги, мною к тебе посланные, таки дошли, и, таким образом, мое к тебе преусердие по сей части оправдалось очевидно! Скажи мне твое мнение о повести Достоевского: питерские критики щелкоперы прокричали ему большую похвалу; повесть эта довольно длинная — и мне не хотелось читать наудалую, ты же теперь <*нрзб.*> жаждою русского чтения: прочтешь и ее, какая бы ни была. Плетнев говорит, что Достоевский из числа твоих подражателей и что разница между тобою и им та же, что Карамзиным и кн. Шаликовым!! Чертовская разница!

Твою прекрасную статью «Об Одиссее, переводимой Жуковским», я уже послал Коршу, издателю «Московских Ведомостей», и посылаю в «Москвитянин», хотя, признаюсь тебе, мой

[1] *В подлиннике:* в сидящем

любезнейший, меня сильно соблазняло желание оставить ее для «Московского Сборника». И. Аксаков написал еще много прекрасных стихотворений, я бы прислал их тебе, если бы мог добиться списков: с Аксаковым вечно так!

Мое водолечение идет хорошо: бодрит и укрепляет мои ноги, но ведь это еще только начало, я пользуюсь только что обливаниями и полуваннами! Важнейшее еще впредь будет, а покуда благодарю Бога и за то, что уже со мною делается. Попробуй ты заняться точением: купи себе токарный станок, можешь найти в Ганау тот самый, которым я потешался, спроси Копа! Я думаю, что телодвижение заменит тебе езду и проч.

Прощай покуда, будь здоров.

Твой Н. Языков.

Июля 24 дня. 1846.

Пиши ко мне: на Кузнецкий мост, в дом Хомякова.

1129. А. О. Россет — Н. В. Гоголю

С.-Петербург. 1846. Июля 29.

Письмо ваше к сестре я отправил вчера в Калугу; письмо к Самарину сам отдал. Сестру ожидал на днях сюда; но теперь пишет, что в Калуге время стоит прекрасное, жить ей там летом легче, а потому не знаю, не отложить ли поездку до зимы, чего и для нее очень желаю. Здоровье ее, судя по тону писем, поправилось. Вы поете ту же песню, но голосом более твердым и бодрым. Твердость и бодрость гонят прочь уныние, а отсутствие уныния предполагает спокойное настроение души. Это главное благо, и я, любя вас, добрейший Николай Васильевич, сердечно за вас радуюсь. Зимою доходили до меня слухи, что физические немощи вас уже слишком одолели.

Если бы вы мне сделали частные вопросы, я бы ответил вам обстоятельнее, но на вопрос, вами заданный en gros: «как ворочается все в ваших глазах?» я могу вам сказать только то, что все, благодаря Бога, ворочается по-прежнему, т. е. таким образом, что если держать себя в стороне ото всего и ему не подвертываться, то это все само никого не задевает и никому не мешает, а между тем представляет такие курьезные и разнообразные штуки, что человек, который живет почти сложа руки, смотрит на «ворочание» без скуки. Вы спрашиваете также: что такое нынешняя моя грешная жизнь под моим нынешним углом зрения? — Жизнь моя, разумеется, грешная, но я стараюсь не унывать, быв уверен,

что только временем и терпением мы достигаем цели всем нам общей: быть человеком благоволения. Подробности моей жизни и взгляда не могут быть для вас занимательны, да вы об них и не спрашиваете; а я бы хотел расспросить о вашей странствующей жизни: куда на зиму направите стопы: в Рим, в Париж ли, в Иерусалим, — как некоторые здесь говорят, коснуться как будто мимоходом, на самом деле по любви, до мертвых душ или чего другого; но знаю, что вы всегда склонны на подобные любопытные вопросы отвечать: «всяк Еремей про себя разумей»; позволяю вам в ваше удовольствие не отвечать на них. Скажу только, что вы уж чересчур мало оказываете уважения к деньгам. Ваши «Мертвые Души» продаются по 35 р<ублей>, да и то случайно, ибо их вовсе нет в лавках, а сочинения доходят до 80 р<рублей>. Вы бы поручили кому-нибудь сделать им какой-нибудь комплимент, и они лично вас бы поблагодарили за эту аттенцию, ибо, привыкнув обращаться в более образованном сословии, они прежде всего дорожат вежливым с ними обращением.

Самарин напечатал в «Московском Сборнике» статью: критика «на Тарантас» графа Соллогуба. Разумеется, он забыл пословицу: «не трогай...», а впрочем статья в полном смысле прекрасная замечательно-ясным, последовательным изложением мыслей и верностью взгляда, противоположного пошлому и мелкотравчатому взгляду наших петербургских мудрецов-литераторов.

Не могу кончить письма, не выразив, что я бы чрезвычайно желал вас видеть и с вами побеседовать, но Бог знает, когда и где свидимся! Покуда обнимаю вас, Николай Васильевич, заочно и желаю здравия и душевной бодрости. Вас искренно любящий Арк. Россет.

Если столкнетесь где-нибудь с Мухановыми, передайте им поклон; скажите, что боюсь, что они не приедут на зиму. Я их вам рекомендую; оба очень добрые люди; особенно со вторым, мне кажется, вы бы сошлись.

1130. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Москва. Сокольники. 1846. Июля 29 с<т>. с<т>.

Немедленно отвечаю тебе на письмо твое, полученное вчера, любезный друг. Сначала о деле, которое мне поручаешь. Я сейчас из типографии. Она берется напечатать «Мертвые души» менее чем в два месяца, но никак не продлить печатания далее двух, след<овательно>, во всяком случае, к 15-му сентября

кончить печатать не будет никакой возможности. Другой же типографии с такими средствами, как университетская, здесь мы не имеем. Другая задержка в цензуре. В здешнюю нечего и думать отдавать. Она не пропустила первого издания и, желая заслужить имя настойчивой в своих мнениях и последовательной в действиях, никак не согласится на второе. Я говорил с человеком, знающим коротко все ее свойства, и вследствие этого разговора сей час пишу письмо к Плетневу и отправляю последний экземпляр «Мертвых душ», оставленный для тебя. Не знаю, как получится из Питера, но со времени получения считай два месяца типографской работы, может быть менее, но едва ли. Если через две недели получу обратно, то, стало быть, прежде 15-го октября не может быть отпечатано, или около того времени. Вот тебе отчет по твоему поручению. Уведомь: какую ты хочешь обвертку? с такою же ли виньеткой, какая была на первом издании? Напиши, чтобы я мог заказать ее Сиверсу поскорее.

Я только что собирался писать к тебе, как получил письмо твое. Мне досадно, что ты читаешь мои лекции по экземпляру, не от меня полученному. Не я в том виноват. Посылая экземпляр к Вяземскому, я приложил два: один для тебя, другой для Жуковского. Но, видно, они не были доставлены. Мне это очень досадно. Недели через две выйдет вторая часть. Я хотел и ее послать к тебе и к Жуковскому тем же путем, но теперь не знаю. Мне казалось, что Вяземский всех лучше найдет средства для того, чтобы доставить книгу к Жуковскому и к тебе. Напиши, не знаешь ли другого пути, более верного и скорого?

Твои сочинения продаются теперь весьма споро с тех пор, как истощился петерб<ургский> запас. Поручение твое, данное мне в предпоследних твоих письмах, я начал немедленно исполнять. Аксаков, по болезни глазной и потому, что должен жить в деревне, от того отказался. До сих пор я роздал 415 р. асс. Неторопливо я делаю это дело, потому что при этом нужна большая осмотрительность: можно вместо добра сделать зло. Еще более боишься злоупотреблений, когда исполняешь волю другого в таком деле. Я желал бы отдавать тебе более подробный отчет во всем, но ты как-то посердился на меня в передпоследнем письме, и я боюсь чем-нибудь тебя обеспокоить. Но я надеюсь, что ты будешь спокойнее, узнав, что желание твое исполняется.

Спасибо тебе за письмо твое к Языкову об «Одиссее». Оно на днях явилось в «Московских Ведомостях». Я прочел его с величайшею радостью. Оно освежило меня. С нетерпением жду

«Одиссеи». Дай Бог сил Жуковскому скорее ее окончить. Письмо твое произвело сильное впечатление на тех людей, с которыми случилось мне об нем говорить. Ныли такие, которые плакали от него. Тебе бы следовало написать предисловие к «Одиссее», когда она выйдет.

Говорить ли тебе, с какою жаждою мы все ждем второй части «Мертвых душ», не только ее, но даже вести об ней. Когда же ты едешь в Иерусалим? Да, да, вся Россия устремила на тебя *полные ожидания очи*. Не пришла ли пора удовлетворить ей?

Погодин должен быть в Мариенбаде. Языков живет в Сокольниках. Вода его освежила, и он становится молодцом. Аксаковы половина в деревне; Ольга Семеновна здесь с больною дочерью. Я занят беспрерывно трудом своим. Но скоро начнутся лекции. В половине августа мы переедем в город. Я ближе буду к типографии. Но расстояние не мешает. Корректором второго издания будет тот же Виноградов, которого ты знаешь. Я же рад бы всякий труд променять на корректуру 2-й части «Мертвых душ», а первая у нас пойдет, как по маслу, с печатного текста. Тут труда никакого нет. Обнимаю тебя.

Твой С. Шевырев.

1131. Ю. Ф. Самарину

<20-е числа августа (н. ст.) 1846. Остенде>

В проезд мой через Париж я познакомился с вашим братцем и от него получил ваше письмо, за которое вас благодарю очень, потому что оно доставило мне короткое знакомство с вами,[1] введя меня в ваши отношенья. Во всяком случае, вы не сделали ошибки, исповедавши мне положенье ваше. Нужно, чтобы хотя один человек понимал вас. А мне это возможно более, чем кому-либо другому, потому что я испытал сам многое, и вряд ли кто более моего может почувствовать, как затруднительно подобное положение. Вы, по крайней мере, нашли человека, которому можно изъяснить это, мне и это было невозможно. Итак, не смущайтесь, но[2] храни вас Бог (поверьте в этом человеку опытному) входить в изъяснение с теми, которые вас обвиняют. Вы запутаете их и навлечете[3] облака новых недоразумений. Всего лучше, по моему

[1] *Далее начато:* Вы сделали

[2] но стойте твердо

[3] навлечете новы<е>

мнению, отвечать в ответ на все обвинения[1] старою истиною, что нелегко[2] осудить человека и что не нужно торопиться выводить заключения, что теперь, особенно в нынешнее время, всё в недоразумениях: недоразумения происходят даже между живущими в одном доме, не только между обитающими в разных городах. И эту старую истину следует выразить[3] в словах, сколько возможно менее укорительных, и потом, оставивши речь о себе, обратиться к тому самому лицу, которое вас попрекнуло, заняться[4] собственно им, расспрашивать его побольше о нем самом. Это будет иметь двойную выгоду: во-первых, потому, что о себе и о своих обстоятельствах всякий охотне<й> говорит и, тронутый вашей заботой о нем, позабудет свое неудовольствие против вас. Во-вторых, потому, что вы больше узнаете[5] чрез то душевное состояние и расположение духа его, стало быть, прийдете в состояние[6] знать, как быть с ним и в чем помочь. Иногда эти, которые смущаются о нас, гораздо большего достойны сострадания, чем мы сами, потому что весьма часто[7] сами себя мучат. Везде и во всем, как я испытал, следует позабыть себя. Одним этим средством только можно поладить с людьми. Я теперь дивлюсь сам своему неразумию, что, не умевши перенести упреков в скрытности и эгоизме, я вздумал бывало входить в объясненья о себе, тогда как мне следовало просто отвечать: «Я не говорю о себе ничего потому, что мне еще нечего говорить. Я учусь, мне хочется прежде что-нибудь узнать от других, я хочу[8] прежде слушать. Для меня покаместь всякий человек гораздо более интересен, чем я сам». Засим обнимаю вас. Не позабывайте меня и впредь уведомлять как о себе, так равно и о всем том, что способно занять ваше или мое любопытство. Адресуйте во Франкфурт, poste restante, до самого сентября, а от сентября в Неаполь, на имя посольства.

Искренно вас любящий Г<оголь>.

<На обороте:>

Юрию Федоровичу Самарину.

[1] отвечать на все вопросы
[2] трудно
[3] выразите
[4] и заняться
[5] расспрашивая, вы больше узнаете
[6] в большее состояние
[7] иногда действительно
[8] и потому я хочу

1132. В. А. Жуковскому

Ост<енде>. Августа 25 <н. ст. 1846>.

Одно письмо мое из Остенде (назад тому недели две) вы уже, без сомненья, получили. Пишу теперь второе. Остаюсь я здесь немного долее, то есть от сего числа недели три, по крайней мере, — тем более, что море начинает, кажется, меня освежать, а это особенно необходимо для моей работы, и тем еще более, что на днях я был обрадован почти неожиданным приездом любезного моего гр<афа> А. П. Толстого, вам весьма известного, который прибыл сюда вместе с двумя братьями Мухановыми, из которых один также вам известен и есть приятель[1] наших общих знакомых. Они все пробудут здесь около месяца ради морского купанья. А потому прошу вас все письма, какие ни пришли ко мне доселе, запечатавши в один пакет, прислать мне сюды в Остенде, адресуя в poste restante. Что же придет к вам после этого, то всё удержать у себя до моего приезда и не пересылать.

В одно время с сим письмом к вам послано к Плетневу письмо со вложеньем второй тетради, о чем[2] вы известите его и от себя, дабы в случае какой-нибудь неисправности на почте не произошло бестолковщины и можно было всё дело поправить заблаговременно. После 15-го сентября готовьте для меня мою комнату, где проживу с вами недельки две перед отправлением в большую дорогу, и побеседуем о том, о чем еще доселе не беседовали. Затем целую и обнимаю вас крепко, а вслед за вами хозяйку, деток и весь дом ваш. Напишите непременно несколько строк.

Весь ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Francfort sur Mein.

Son excellence m-r Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

1133. П. А. Плетневу

Остенде. 25 августа <н. ст. 1846>.

Посылаю тебе вторую тетрадь. В ней отдельно от первой 27 страниц, а в совокупности с нею 47, что значится по выставленным цифрам на всякой странице. Статей же в обеих тетрадях, вместе с прежде посланной отдельно об «Одиссее», четырнадцать,

[1] общий приятель

[2] о получении кото<рого>

а с предисловием пятнадцать. Это составит почти половину книги. Уведоми покаместь, на скольких печатных страницах всё это размещается. Остальные тетради будут высылаться немедленно; по крайней мере, со стороны моей лености не будет никакого помешательства. Работаю от всех сил над перечисткой, переделкой и перепиской. Море, в котором я теперь купаюсь, благодаря Бога, освежает и дает силы меньше уставать и изнуряться. Молю и тебя не уставать и не пренебрегать наидобросовестнейшим исполнением этого дела. Вновь повторяю просьбу, чтобы до времени выпуска в свет книги никто о ней, кроме тебя и цензора Никитенка, сведений не имел. Типографию избери менее шумную, в которую вхож был бы ты один[1] и которую почти вовсе не посещали бы литераторы-щелкоперы. В прежнем письме я уже просил о том, чтоб печатать ни слишком разгонисто, ни слишком тесно, но именно так, чтобы книга легко и удобно читалась. Бумагу поставить лучшего сорта, но не до такой степени тонкую, чтобы строки сквозили насквозь. Это и скверно для глаз и неудобно для чтения. О получении этой тетради уведоми немедленно, адресуя по-прежнему на имя Жуковского. Я забыл в статье «О помощи бедным» сделать поправку. Именно <в> середине этой статьи, после слов «Туда несите помощь», следует[2] поставить так: «Но нужно, чтобы помощь эта произведена была истинно-христианским образом; если же она будет состоять в одной только выдаче денег, она ровно ничего не будет значить и не обратится в добро». И потом в той же статье, немного повыше, поставлено, кажется, неправильно слово «расхлестывается». Лучше[3] поставить: «расхлещется». Впрочем, ты сам не пренебреги исправить ошибки[4] в слоге, какие тебе ни попадутся. У меня и всегда[5] слог бывал не щегольской даже и в более отработанных вещах, а тем пуще в таких письмах, которые вначале вовсе не готовились к печати. Но прощай! Бог тебе в помощь! Целую тебя пока письменно и знаю, что мы так обнимемся крепко, когда увидим<ся> лично, как никогда дотоле.

Весь твой Г<оголь>.

[1] один или весьма немногие
[2] нужно
[3] Нужно лучше
[4] кое-какие ошибки
[5] и без того

1134. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

10 августа 1846 г. <Москва, Сокольники>.

Вот тебе списки с твоих писем, тобою желаемые. Пакет вышел-таки толстый, несмотря на мелкописную рукопись.

Твоя статья об «Одиссее», переведенной Жуковским, уже напечатана в «Московских Ведомостях» и в «Современнике»; в «Москвитянине» тоже будет, но когда — не знаю. — «Как мне быть с Москвитянином? — говорит Студитский, которому Погодин поручил издавать его. — Михаил Петрович не оставил мне денег на издание, а типография в долг не верит». — Твоя статья нравится всем *нашим* и радует их, — статья сильно и прекрасно написанная! Восстают против нее только *духи тьмы* — наплевать на них! Черт с ними!

Получил ли ты «Брынский Лес»? и как тебе он нравится? — Получаешь ли ты «Современник»? Прочти в нем статью Чижова *Овербек.*

Я собираюсь перебираться в Москву; пора уже и на зимнее сидение. Июль и половина августа были у нас жарки невыносимо. Лето было горше и мухами богато паче, но «тем не любовно, что не грибовно». Я доволен водолечением, хотя я еще не поступил под полное его действие: меня ведь нельзя пользовать прямо, крепко и решительно; меня можно поправлять не иначе, как исподволь, потихоньку, полегоньку. Но и в эти полтора месяца оно сделало во мне такую перемену, какой и во все десять или одиннадцать лет моего нездоровья никакие мази, микстуры, ванны и проч. мне не приносили. Теперь я могу стоять прямо и хожу прямо, а до сих пор мне непрестанно что-то давило сгибаться вперед!! Не правда ли, что это не безделица и стоит уже большого спасибо?

Панов собирает второй том «Сборника Московского». Что если бы прислать в него хоть малую толику? Как бы освежил и оживил его и всю нашу братию?

Ты продолжай ко мне писать отовсюду на *Кузнецкий мост в дом Хомякова.* Прощай покуда.

Твой Н. Языков.

1135. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Покровское. Августа 5 <1846>.

Давно, мой друг, от вас не имею, и сама вас не тревожу письмами, а с вами бываю часто. Сегодня по благодати Божией

сподобилась приобщиться Святых Таин. Вспоминала о вас с любовию, с нею и молила Милосердного Господа, да Он вас не покинет, и наставит и поможет творить Его святую волю. Каждой день и не раз во дне таким образом о вас, мой друг, помнится в душе, ощущения коей относительно вас Бог видит; прошу благость Его, да возможете вы свершить свой труд для пользы ближнего, следовательно, во славу Божию. Дай Бог нам при всяком действии иметь в виду Его единого, тогда все устроится как нельзя лучше при таком самоотвержении. А не разлучаюсь с мыслию, когда Бог приведет вас исполнить столь давнишнее и сильное души желание — поклониться Гробу Господню, прошу кого только можно, как о сем от вас получат, меня известить, и вместе с вами поблагодарю Бога, помогшего вам в сем благом желании. Спаси вас Господи! Прощайте, мой друг, после кончу, нынче только начала. Обнимаю, благословляю вас, и постоянно вам с дружеством предана. Христос с вами!

Августа 12.

Хочу попросить Николая Михайловича о доставлении к вам сих строк. О себе сказать нечего. Часто хвораю, и теперь нездорова. Третьего дни ставили пиявки. С жестокой болезни, что имела прошедшую зиму, до сих пор не могу оправиться, и то сказать 70 лет. Если доживу до сентября, то 71 будет, и то слава Богу, что и так-то существую, да Отец Небесный по милосердию Своему поможет остатки дней так провести, дабы сподобиться блаженной вечности. Боже, милостив нам буди, и наставь и помоги идти путем, Тебе угодным. Поступая так, легко бы жить на сем свете, и радости и печали, болезнь и здоровье, все бы с любовию и благодарностию принимали от Того, Которого любовь к нам бесконечна. Он печется о Спасении души нашей — да Он Сам по благости Своей поможет благоговеть пред Его святыми велениями, кои все клонятся к нашему благу. Лишь бы мы только с любовию принимали и радость и печаль, и здоровье и болезнь — и за все благодарили Его Отцовское к нам Милосердие. Мы не понимаем, а Он знает; что для блага нашего вечного нужно, то и посылает. О Всемилосердный, не покинь Ты нас. Когда вам случится минута свободная и когда вас не затруднит, скажите о себе и тем доставите утешение человеку, постоянно о вас вспоминающему[1] с любовью пред Тем, Которой один видит сердца наша. Он видит, с каким дружеством вам предана. Прощайте, мой друг. Нынче проснулась в пять часов и, кажется, покрепче себя чувствую,

[1] *В автографе:* вспоминающего

а вчера так слаба была, почти весь день пролежала, и третьего дни тоже. Буди Его святая воля во веки и в нас. Прощайте, мой друг, обнимаю, благословляю вас, и до смерти пребуду с одинаковым чувством дружества. Прощайте.

Христос с вами!

Хочу печатать. Еще вас благословляю и сим оканчиваю. И вот с маия пятой год, как таки вас вспоминаю с любовию пред Тем, Которой все видит и все может.

<*На обороте:*>

Николаю Васильевичу Гоголь.

1136. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

16 (28) августа 1846. <Франкфурт>.

Сию минуту получил ваше письмо и отвечаю. Письма к вам высылаются все, какие у меня находятся, по сие число полученные. Следующие за ними будут вас ожидать на моем столе. К Плетневу я о вас писал; вот от него к вам несколько строк; наши письма им получены исправно, и все пошло в ход. Не задерживайте продолжения. Что касается до нашего свидания, то надобно вам знать, что я намерен съездить в Веймар для встречи там великой княгини Ольги Николаевны. Она приезжает в Веймар 4/16 сентября и пробудет там 5/17. Чтобы мне ее захватить в Веймаре, надобно выехать из Франкфурта 2/14 числа. Из Веймара же не прежде возвращусь 6/18 или 7/19 сентября. Располагайте поэтому ваш заезд к нам во Франкфурт. Кланяйтесь любезному графу Толстому и Муханову. Жена вам дружески кланяется. Мы возвратились из Швальбаха здоровы; но Лотти привезли больную; у ней открылась нервическая горячка, но, слава Богу, теперь опасность миновалась, и она начинает выздоравливать, хотя еще не покидает постели. До свидания.

Жуковский.

1137. М. П. Погодину

Сентября 10 <н. ст. 1846>. Остенде.

На письмо твое не отвечал, потому что не знал, куды отвечать: ты этого не объяснил.

Упрек, будто я позабыл тебя, даже неприличен. Я не позабываю *никого* и *ничего*: ни добра, ни зла, и нахожу, что позабыть то и другое есть бабья мелочь характера. Нужно всё помнить для того, чтобы изворотиться с тем и другим так, как повелел

Христос. Когда я чувствую, что письмо мое нужно и от него какая-нибудь может быть польза душе, я пишу. Когда же не вижу надобности, не пишу. И мне нет до того дела, что и как обо мне думает человек, глядящий под условием сочиненных им самим отношений, а не тех, которые даны Христом. Скажу тебе только то, что если ты выехал с тем, чтобы ехать в Святую Землю, и в этом нашла потребность твоя душа, то не следует оставлять такого намерения, особенно когда[1] твое здоровье телесное сделалось лучше. Нечего и принимать в расчет мнение доктора, будто поездка по морю[2] может быть тебе вредна: до сих пор я не слышал, чтобы в болезнях, подобных твоей, морской переезд делал вред. К тому ж, как я вижу даже из твоего письма, болезнь душевная у тебя сильнее телесной.[3] Стало быть, здесь потребен иной, высший медик[4]. Что же до меня, маршрут мой следующий: в Остенде, где живу для морского купанья, пробуду до последних числ сего месяца, оттуда через Франкфурт (где пробуду недели две) в Италию, в Риме[5] до декабря, в Неаполе до середины февраля будущего года, к Великому посту и Пасхе — в Иерусалим, путем Средиземного моря. Буду рад, если встречу тебя там. Но да внушит тебе Бог то, что тебе лучше и приличней.[6] Он знает это больше нас. Стоит только хорошенько войти в самого себя и услышать голос его самого. До меня достигнули слухи, будто Погодин вновь стал тот же Погодин, каким был до смерти жены своей. Сильное несчастие есть страшный будильник и дается затем человеку, чтобы он стал весь другой с ног до головы, как бы до тех пор он ни считал себя готовым и созревшим человеком. А потому разбери себя мысленно перед лицом Христа во всех своих поступках прежде смерти жены своей и после смерти ее, и если найдешь в себе всё в том же виде, как было прежде, и убедишься сам, что ты остался тот же Погодин, то мой совет ехать тогда в Иерусалим. Затем да сохранит тебя и наставит Бог во всем, я же, как говеющий и отправляющийся на богомолье, прошу тебя простить за всё, чем ни случилось мне огорчить тебя во всю жизнь мою.

[1] когда тебе со<ветуют>

[2] будто Средизе<мное море>

[3] *Далее начато:* а здесь

[4] доктор

[5] пробуду в Риме

[6] *Далее начато:* Это

Если будешь писать, то до половины октября можѐшь адресовать во Франкфурт, на имя Жуковского, после же того в Рим, в poste restante,[1] или в посольство.

Твой Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Wienne (en Autriche).

Monsieur

monsieur Pogodine.

Wienne. Recommandée aux soins obligeants qe la Mission impériale de Russie.

1138. М. П. Погодину

<10 сентября (н. ст.) 1846. Остенде>

Так как ты не означил мне, куда писать к тебе, то я, чтобы верней дошло мое письмо, написал в Вену, в наше посольство. А эту записку отправляю в poste restante, затем, чтобы, если не случится тебе побывать в посольстве, а заглянуть на почту, ты узнал, что есть в посольстве для тебя письмо.

Г<оголь>.

1139. В. А. Жуковскому

Остенде. Сентября 12 <н. ст. 1846>.

Уведомляю вас, что буду к вам или первого октября, или первых чисел октября, и что к Плетневу послана третья тетрадь. Работа идет, благодаря Бога, трезво и здравомысленно; море придает сил и свежит. Еще немного свежего времени — и всё будет кончено. Обнимаю вас и говорю: «до свиданья».

Ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

1140. П. А. Плетневу

Сентября 12 нов. ст. <1846>. Остенде.

Посылаю тебе третью тетрадь. (В ней семь статей, а с прежними 21; страниц тридцать две, а с прежними 80.) Не сердись, если не так скоро высылаю. Вины моей нет: тружусь от всех сил.

[1] или в poste restante

Некоторые письма нужно было совсем переделать: так они оказались неопрятны. Еще две небольших тетрадки — и всё будет кончено. Не ленюсь ни капли; даже через это не выполняю как следует леченья на морских водах, где до сих пор[1] еще пребываю. Прощай. Уведоми о получение этой тетради, адресуя к Жуковскому. В месяц, надеюсь на Бога, всё будет кончено. Книжка выйдет в свет немного поздней, но зато дело будет прочней. Не скучай за работой и будь бодр! Обнимаю тебя.

Твой Г<оголь>.

1141. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

23-го августа 1846 г. Москва <Сокольники>.

Шевырев печатает вторым изданием первую часть «Мертвых Душ», но к сентябрю или даже в сентябре она едва ли явится в публику. Назад тому месяца четыре было напечатано в Москве письмо из Питера, и в том письме сказано, что 1-я часть «Мертвых Душ» издается с политипажами! Стало быть, это дудки!

Вот тебе наши новости: вышел второй выпуск лекций Шевырева, прекрасное продолжение великого его труда и патриотического подвига на радость всей Руси православной; читал их всласть. В Москве будет издаваться *полицейская газета* вроде той, какая в Питере; издателем ее Драшусов, писатель, как кажется, ничем не проявившийся на поле словесности, чиновник при здешнем генерал-губернаторе. Очень вероятно, что этой газетой овладеет дух И. К. и прочих таких же. Видел ли ты, как ополчились на тебя в С<анкт>-П<етербурге> за твою статью об «Одиссее»?

Я на днях переберусь в Москву, на Тверскую, в дом Обольянинова, где буду ревностно продолжать мое водолечение, об успехах которого писал уже тебе подробно. Надеюсь от него мильон благ! Прощай покуда, будь здоров!

Твой Н. Языков.

1142. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

27 авг<уста> / 8 сент<ября> 1846. СПб.

Письмо твое из Остенде от 13/25 авг<уста> пришло ко мне 24 авг<уста>/5 сент<ября>. С ним получил я вторую тетрадь рукописи, которую печатаю. Хорошо, что ты не замедлил присылкою,

[1] ныне

а то типография осталась бы без работы. Пожалу<й>ста, старайся и конец доставить вовремя. Никитенко цензирует теперь вторую тетрадь. По своему обыкновению, он непроворен и любит помучить терпение. В первой тетради он вычеркнул несколько фраз о Погодине. Не знаю, как он сладит с письмом о духовенстве. Гражданская цензура обыкновенно передает такие статьи в духовную, где их совсем не пропускают. Я советовал Никитенке придумать другое заглавие, если только с таким пожертвованием можно спасти пьесу. Не знаю, чем это кончится.

Я во всем держусь твоих наставлений при печатании. Но не полагаюсь на Никитенку, чтобы он сохранил в секрете твое дело. По крайней мере уже подозреваю, что Никитенко разболтал об этом сколько-нибудь Одоевскому, который протежирует Никитенко для Краевского как издателя журнала, где работает и Одоевский с Белинским.

Типографию я выбрал в департаменте внешней торговли. Там фактор в ведении кн. Вяземского, и никто из литераторов туда не ходит. Ты можешь приблизительно и сам сделать расчет, сколько выйдет печатных листов из твоей рукописи. Страница твоего письма в печати ложится без малого на двух страницах.

Будь здоров. Обнимаю тебя.

П<летнев>.

1143. П. А. Плетневу

Остенде. Сентябр<я> 26 <н. ст. 1846>.

Посылаю тебе четвертую тетрадь, еще маленькая тетрадка — и конец делу; она будет выслана уже из Франкфурта, куда теперь еду, и будет заключать две заключительные статейки о поэзии, поэтах[1] и еще кое-что, относящееся до собственной души из нас каждого, без чего книга была бы без хвоста. О получении же четвертой, ныне посылаемой, тетради уведоми меня сейчас же, адресуя по-прежнему на имя Жуковского; это[2] необходимо для моего успокоенья. В ней 32 страницы, а считая с прежними — 112. Статей 9, а считая с прежними — тридцать. Слог изравняй; где встретишь грамматические ошибки, поправь. Не скучай за работой. Мужествуй и гляди твердо вперед. Всё будет светло. Говорю тебе это во имя Бога и обнимаю тебя крепко.

Твой Г<оголь>.

[1] о поэзии и поэтах

[2] мне это

1144. С. П. Шевыреву

Остенде. 26 сентября <н. ст. 1846>.

Письмо твое получено несколько поздно. Жуковский, боясь, чтобы письма ко мне не разъехались со мною, хранил их до моего приезда во Франкфурт, а я пробыл в Остенде, где беру, или брал, морские ванны, немного долее; теперь еду к Жуковскому, а с ним пробуду недели две до отъезда моего в Италию и там отделаю окончательно мои дела относительно всяких ответов и писем. Предисловие ко второму изданию «М<ертвых> д<уш>» посылаю на днях к Плетневу. От него ты получишь его процензированное. Виньетку на обертку для книги закажи ту же самую Сиверсу.

Читаю я твои лекции по экземпляру, полученному от тебя, и жду с нетерпением второй тетради. Это первое степенное дело в нашей литературе. Но вот тебе покамест замечание: ты поторопился подать читателю или слушателям вперед тобою выведенные результаты, для полного уразумения которых еще не так подготовлены читатель или слушатель, а потому твоя книга покуда не вся целиком поймется всеми. Но это ничего. Может быть, посчастливится мне подставить ступеньку к твоей книге тем, которые без того не подымутся к ней. Но прощай! Буду писать к тебе скоро и подробней...

1145. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<12/24 сентября1846. Вена>

Сажусь на пароход, по Дунаю, до Одессы, и отвечаю тебе два слова, любезный Николай Васильевич.

Всякое указание я считаю и считал благодеянием. Величайшее доказательство дружбы — откровенность в этом отношении, тем более что мы всегда, по слову Евангелия, яснее видим чужие сучья. Медики в физических болезнях себя лечить не могут. Первое письмо твое я облил несколько раз горячими слезами. Второе, общее, неудовлетворительно. «Все тот же Погодин». Скажи — какой именно и в чем именно он исправиться должен. «Смотри сам». Смотрю, но многого могу не увидать с бревном или бельмом на глазу. Укажи, кто друг и кто любит искренно. Мое дело будет проверить по указанию и как сделать к исправлению. Говорить вообще — легко, но бесполезно. Легко сказать на исповеди: «Я грешен». Но в чем именно? Укажи мне на черты характера (как, например, о гневе в первом письме), привычки, склонности и самые дела, самые факты. Вот об чем просил и прошу.

Не морское путешествие опасно для ноги, а сухопутное. До сих пор она слаба очень и при малейшем камешке, который попадается под подошву, совершенно робеет. Медики говорят, что не должно подвергаться случайностям горных дорог, а подождать укрепления. Я не нашел в себе силы их не послушаться.

Заеду в Венгрию и потом Сербию. Из Одессы, может быть, в Крым, потом в Харьков к Иннокентию. Иерусалим — оставлю, если Бог даст, до следующего года.

В Москве буду, если Бог даст, около половины октября по нашему стилю. Пиши туда.

Я любил тебя много до 1842 года и принимал живое участие во всем, что до тебя касалось, до последнего нашего расставания.

В это время совершенно расстроился и потерял всякую привязанность, огорченный донельзя. Быв в твоей деревне, у матушки, я нашел в глубине искру прежней привязанности. В сентябре 1843 года, кажется, в один вечер, возгорелось прежнее чувство, и я тотчас тебя уведомил. Письмо твое после смерти моей Лизы наполнило сердце мое благодарностию. Теперь я спокоен и увидел бы тебя с удовольствием. Но не смею сказать, все ли прежнее чувство возвратилось. Это говорит тебе прежний Погодин, который не мог терпеть скрывать никаких своих чувствований. Но дурно ли это? <*нрзб.*> жду твоего ответа. Еду. Прощай. Будь здоров!

Твой М. Погодин.

1846. Сентября 12/24. Вена.

1146. П. А. Плетневу

Франкфурт. 3 октябр<я> нового стиля <1846>.

Письмо твое (от 27 август<а> стар<ого> стил<я>) получил. Ничего[1] не успеваю тебе на этот раз сказать. Посылаю только предисловие к второму изданию «Мертв<ых> душ», которое дай Никитенке подписать и отправь немедленно Шевыреву. О прочем в следующем. Спешу не опоздать с почтой. Четвертую тетрадь, высланную на прошлой неделе из Остенде, ты, вероятно, получил. Занят пятою, которая будет готова с небольшим через неделю. Прощай!

Твой Г<оголь>.

Переворoти страницу: там есть поправка одного места в четвертой тетради.

[1] *В подлиннике описка:* ничем

Поправки в статье: «Занимающему важное место».

В том месте, где говорится о дворянстве, сказано так: «Сословие[1] это в своем ядре прекрасно, несмотря на шелуху, его облекающую».

Нужно так:

«Сословие это, в своем истинно русском ядре, прекрасно, несмотря на временно наросшую чужеземную шелуху».

В середине то<го> же места о дворянстве сказано так:

«Государь любит это сословие больше всех других, но любит в его истинном виде».

Нужно так:

«Государь любит это сословие больше всех других, но любит в его истинно русском значении, в том прекрасном виде, в каком оно должно быть по духу самой земли нашей».

<*На обороте:*>

St. Pétersbourg. Russie.

Г. ректору С. П. Б. императ<орского> университета его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В С. П. Бурге. На Васил<ьевском> о<строве>. В университете.

1147. С. П. Шевыреву

Франкфурт, 5 октября <н. ст. 1846>.

Спешу прибавить тебе несколько строк. На днях отправил к Плетневу предисловие к «М<ертвым> д<ушам>». Вероятно, ты его уже имеешь. Исправь, пожалуйста, слог. Я не мастер на предисловия. Для меня труден этот приличный язык, которым должен разговаривать автор с нынешней публикою, а потому углядь всякое неловкое выражение и устрой всякий неуклюжий период. Мне нужно было сказать дело весьма для меня нужное. После это почувствуешь и сам, хотя теперь и не смекнешь, почему оно мне нужно. Что книга выйдет несколько позже, это ничего; ей даже и не следует выходить раньше некоторого другого предисловия, не сделавши которого, мне нельзя и в дорогу. Дело это возложено на Плетнева. Это выбор из некоторых моих писем к друзьям, который должен выйти особой книгой. Но это пока между нами. Там, между прочим, часть моей исповеди и объяснение того, что так смущало некоторых относительно моей скрытности и прочее. Печатать я должен был в Петербурге по причинам, которые можешь смекнуть и сам, по причине близости цензурных

[1] Звание

непосредственных и высших разрешений. В это дело, кроме Плетнева и цензора, не введен никто, а поэтому и ты не сообщай о нем никому, кроме разве Языкова, который имеет один об этом сведение, и то потому, что нечто из писем, мною к нему писанных, поступило в выбор. Из этой книги ты увидишь, что жизнь моя была деятельна даже и в болезненном моем состоянии, хотя на другом поприще, которое есть, впрочем, мое законное поприще, и что велик Бог в Своих небесных милостях. Но обо всем этом после. Может быть, через месяц, то есть, если не в конце октября, то в начале ноября, должна выйти книга, а потому до того времени не выпускай «М<ертвые> д<уши>». Плетнев пришлет тебе несколько экземпляров, а в том числе и подписанный цензором на второе издание, потому что, по моему соображению, книга должна разойтиться в месяц. Это первая моя дельная книга, нужная у нас многим, а может быть, если Бог будет так милостив, принесущая им действительную пользу: что изошло от души, то нельзя, чтобы не принесло пользы душе. Чрез неделю или полторы буду писать к тебе. Теперь захлопотался именно этим делом. Прощай.

Адресуй письма в Рим, на имя посольства. Во Франкфурте остаюсь только две недели и едва управлюсь с делами, которые должен кончить здесь, отправляюсь в дорогу.

1148. Н. М. Языкову

Франкфурт. Октябр<я> 5 <н. ст. 1846>.

И ты против меня! Не грех ли и тебе склонять меня на писание журнальных статей, — дело, за которое уже со мной поссорились некоторые приятели? Ну, что во мне толку и какое оживление «Московскому Сборнику» от статьи моей? Статья всё же будет моя, а не их; стало быть, им никакой чести. Признаюсь, я не вижу никакой цели в этом сборнике. Дела мало, а педантства много. А из чего люди в нем хлопочут, никак не могу себе определить. Вышел тот же мертвый номер «Москвитянина», только немного потолще. У нас воображают, что всё дело зависит от[1] соединения сил и от какой-то складчины. Сложись-ка прежде сам да сделайся капитальным человеком, а без того принесешь сор в общую кучу. Нет, дело[2] нужно начинать с другого конца. Прямо с себя, а не с общего дела. Воспитай прежде себя для общего дела, чтобы

[1] от того, чтобы

[2] теперь дело

уметь точно о нем говорить, как следу<ет>. А они: надел кафтан да запустил бороду, да и воображают, что распространяют этим русский дух по русской земле! Они просто охаивают этим всякую вещь, о которой действительно следует поговорить и о которой становится теперь стыдно говорить, потому <что> они обратили ее в смешную сторону. Хотел я им кое-что сказать, но знаю, что они меня не послушают, а следовало бы каждому из <них> войти получше в собственные силы и рассмотреть,[1] к какому делу каждый создан вследствие ему данных способностей. Им, слава Богу, уже по тридцати и по сорока лет; пора оглядеться. А Панову скажи так, что я весьма понял всякие ко мне заезды по части статьи отдаленными и деликатными дорогами, но не хочет ли он понюхать некоторого словца под именем: *нет*? Это словцо имеет запах не совсем дурной, его нужно только получше разнюхать. Эти три строки можешь даже ему показать, а прочего не показывай; их не следует обескураживать. Я их выбраню, но потом и притом таким образом, что они после брани подымут нос, а не опустят. Нельзя говорить человеку: «Делаешь не так», не показавши в то же время, как должно делать. А потому и ты также сиди до времени смирно и не шуми, и хорошенько ощупай себя и свой талант, который, видит Бог, не затем тебе дан, чтобы писать посланья к Каролинам, но на дело больше крепкое и прочное. Ты прочти внимательно книгу мою, которая будет содержать выбор из разных писем. Там есть кое-что направленное к тебе, посильнее прежнего, и если Бог будет так милостив, что вооружит силою мое слово и направит его как раз на то место, на которое следует ударить, то услышат от тебя другие послания,[2] а в них твою собственную силу со всем своеобразьем твоего таланта. Так я верю и хочу верить. Но до времени это между нами. Книгу печатает в Петербурге Плетнев, и выйдет <она> не раньше, как через месяц после полученья тобою этого письма[3]. В Москве знает только Шевырев. Но прощай. Бог да сопутствует тебе во всем! Адресуй в Рим или в poste restante, или на имя Иванова, что еще лучше. Во Франкфурте пробуду две недели. Жуковский тебе кланяется. Обнимаю тебя.

Твой Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Николаю Михайловичу Языкову.

[1] рассмотреть, на что именно они им

[2] услышат от тебя все другие стихотворения

[3] *В подлиннике описка:* места.

1149. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Сентябрь (н. ст.) 1846. Неаполь>

Ждал я вас здесь, наконец решился возвратиться в Рим, оставя вам это письмо. Вот что случилось замечательного со мной после вашего отъезда из Рима. Видя Зубкова, одной грубой острасткой покорившего художников, и заметив, что все письма мои по почте ими читаются, я просил Сверчкова, чтобы послал мое письмо к Чижову с границы России, где я предлагаю Чижову Зубкова место. По моему убеждению, это бы было и наше и его счастие. Сверчков, как видно, в дороге прочитал мое письмо и из преданности к Федору Моллеру сообщил мою мысль, отослал мое письмо к Чижову. Вскоре по отъезде Сверчкова поехал Моллер и, в тот же день, несчастный Рамазанов. Я в те дни чувствовал себя расслабленным, а в день отъезда этого изгнанного товарища просил брата съездить со мной в Альбано на неделю. Только что мы уехали, приходит человек к нашей хозяйке справляться, точно ли мы оба уехали и надолго ли. Чрез три дня приехали мы назад, я прямо в студию: дверь отворена. Я — в стол, где деньги: сверток с 50 скудами взят, а другой, початый, оставлен вместе с векселем и письмом Чижова, а в комоде почти все бумаги взяты, где я предполагал законы художникам русским. Чрез два дня мне понадобилось денег; опрокинув начатый сверток на правую руку, я засыпал ее каким-то белым порошком, и на другой день кисть руки очень опухла, так что я согнуть ее не мог. В эти дни от пищи в Фиано мы оба чувствовали себя очень дурно, поднялась рвота, в испуге отравы мы прибегнули к совету итальянского доктора и с помощью слабительных поправились, ослабев еще более от такого потрясения. Я совершенно ничего не в состоянии был делать.

Сижу в студии. Стучатся. Слышу голос Зубкова, уговаривающего меня отпереть. Я молчал. В злости перед уходом он в негодовании сказал: «Запирайте крепче, придут воры вас обкрадывать!»

Чтоб истребить или умалить вражду, я решился написать Зубкову учтивое письмо, предмет коего была просьба о Бориспольце и Чмутове. В ответ получил такую грубость, которую брат не позволил мне прочесть, видя расслабленное мое положение. Я решился оставить Рим и ехать в Неаполь. Василий Моллер, узнав от брата своего о призвании Чижова и поняв это по-своему, здесь решительно мне сказал, что он будет искать место Киля, что он меня очень хорошо понимает. Вскоре после этого, в именины

королевы, один из матросов наших, производя пушечную пальбу с корабля русского, потерял обе руки. Я узнал это от Колонны, против окон которого высаживали увечного. Ему отрезали правую руку. Сострадая положению соотечественника на чужбине, оставленного всеми, потому что корабль отправился в Грецию, я не знал, что мне делать с сердцем. Коварный Моллер предлагает мне написать бумагу и что он едет в Кастель Амаре и будет там просить от моего имени знатных и посланника о вспомоществовании. Я сказал, что, будучи художником, при том не сильным, я напишу бумагу так, что Моллер будет выставлен, а я закрыт. Время было всего полчаса. Изложив мою мысль, как во-первых пришлось, я отдал Моллеру, причем он сказал, что он ее перепишет, и уехал в Кастель Амаре. Чрез несколько дней приезжаю я сам туда, иду к Чернышевым и замечаю перемену их в обращении со мной. До сих пор никогда я ни о чем не разговарив<ал>, а тут начал дотрагиваться до сердец, рассказывая, как я у князя Волхонского работал за Рамазанова, как этот лучший талант отечественный употреблял все свои силы, чтобы выдержать приличную твердую наружность посреди высылки своей из Рима и из средины своего пеньсионерства, как потом постепенно замечали в дилижансе, что он лишается ума, и как, наконец, в Анконе обнаруживается совершенное его сумасшествие. Однако ж, кое-как собравшись с силами, он оттуда уехал, — где и как он — неизвестно...

Графиня была тронута, однако ж не пригласила меня назавтра, где были все созваны на день рождения ее дочери. Розенберг был в полном довольстве от моего положения, и даже Класовский. Я уединился в Неаполе и, читая «Imitation de Jesu Criste», хотел вам написать записочку, чтобы вы, приехав в Кастель Амаре, поправили мои дела. Более всего меня занимал дом С. П. Апраксиной, глубокие уважения к которому мне хотелось сберечь, и потому я хотел уехать, не простившись с ними, чтобы остаться при целости тех прекрасных идей, какие мне до сих пор о себе подавали. И в эти минуты получаю собственноручное ее письмо с приглашен<ием> к обеду. Я поцеловал вашу книжечку, вспомнил об вас и поклонился Богу. Одевшись, я решил ехать двумя часами прежде, чтобы извиниться, что не имею приличного платья, чтобы быть к обеду,— на что получил особенное ее разрешение. В промежутке времени виделся с Розенбергом, у которого физиогномия переменилась от злости, а Класовский проклинал свою должность учителя как презренную в глазах вельможного

общества. Оба завидовали положению художника. Я провел время у Софьи Петровны как нельзя лучше. Ее подвиг вынудил меня говорить об искусстве, об откровении Божием и о связи его с художником, о несчастном положении художника русского и о верных данных — видеть впереди чудесную их будущность. Я здесь занимался в библиотеке древностями Египта, и наконец решился иметь собственностью лучше издание, т. е. Розеллини. Дорого оно стоит — около 100 скуд; без денег — это деньги, но что ж делать? Жизнь, может быть, мне пресекут прежде, чем истощатся все последние способы существования? Если вы заблагорассудите взять меня с собой на поклонение Гробу Господню, то я готов совершенно.

1150. А. О. Смирновой

Франкфурт. Октября 8 <н. ст. 1846>.

Что ж вы, друг мой, моя наидобрейшая Александра Осиповна, что вы замолкнули? Или вы находитесь не в том духе, чтобы писать ко мне, или вас озадачило длинное письмо мое? Но длинные письма своим чередом, а коротенькие своим. Хоть два словечка о состояньи своем душевном, чтобы я знал, о чем для вас помолиться! Обо мне же молитесь, да попутствует мне неотлучно Бог в предстоящем мне путешествии и да держит меня неотлучно при себе, не попустив никакой мысли не от него поселиться мне в ум и душу, и да будет ко мне так же безмерно милостив, как был доселе. А я буду о вас молиться уже в Святой Земле, в надежде, что там будет лучше моя молитва. А вы крепитесь. Если ж вам, точно, будет невыносимо в Калуге или где-либо, то это знак, что у вас болит душа, и тогда нужно другое лекарство. Благословясь, поезжайте с Богом со мной в Иерусалим, а деньги молельщикам и богомольцам всегда будут на дорогу. Отсюда отправляюсь в Италию, в этом же месяце. До декабря адресуйте письма в Рим, до февраля будущего года — в Неаполь. А первых чисел февраля я, с Богом, в дорогу. Прощайте.

Весь ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Kalouga. Russie.
Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.
В Калуге.

1151. А. О. Смирновой

<15 октября (н. ст.) 1846. Франкфурт>

Друг мой Александра Осиповна, мне скучно без ваших писем! Зачем вы замолчали? Но не из-за этого упрека я взял теперь перо писать к вам. Есть другая причина. Взываю к вам о помощи. Вы должны ехать в Петербург, если только позволит вам ваше здоровье. От Плетнева узнаете всё и с ним обдумаете, как и чем можно быть лучше мне полезным. Приходит время, когда должна объясниться хотя отчасти свету причина долгого моего молчания и моей внутренней жизни. Друг мой, если Бог милостив, то можно собрать прекрасную жатву во славу святого имени Его. Верю, что Бог даст наконец мне радость принести добро многим душам. Друг мой прекрасный, требую от вас содействия; один человек, как бы он ни обдумал хорошо, всё ничего не значит. Встретились разные затруднения по поводу появленья той книги, которая, по убежденью души моей, будет теперь очень нужна и которую перед моим удаленьем во Святую Землю нужно выдать непременно. Но с Плетневым переговорите обо всем. Кроме его и цензора, никто не знает; по крайней мере, я так желал, чтобы было.

Ваш Г<оголь>.

Адресуйте письмо ваше в Неаполь. В Рим я вряд ли заеду, да и незачем. Еду отсюда дней через пять. Жуковск<ий> здоров и вам кланяется. Я было укрепился на морск<ом> купанье. Теперь опять как-то расклеился. Но Бог всё творит, верно, к какому-нибудь новому душевному добру.

<*На обороте:*>

Kalouga. Russie.
Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.
В Калуге.

1152. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

24 сент<ября> / 6 окт<ября> 1846 г. СПб.

Сию минуту получил я из Остенде и четвертую твою тетрадку. Третья пришла еще прежде. Таким образом, все идет исправно. Неисправен только Никитенко. Он более месяца держит у себя еще вторую тетрадь. Я не рад, что ты с ним связался. Его затрудняет глава о церкви. Собственно говоря, это надобно бы отправить в духовную цензуру. Но я знаю наперед, что там

поступят еще хуже. Я просил Никитенка, сколько он может пропустить без содействия духовенства. Он и обещал — да все только мямлит. Первая тетрадь давно отпечатана. Если бы не такой цензор, давно бы все три были уже тиснуты. Нечего делать. Надобно все терпеть.

Скажи В. А. Жуковскому, что я, пересылая ему один из № «Современника», послал тут же и мой отчет по предполагаемому им изданию его сочинений. Меня удивляет, что нет от него никакого отзыва. Или он передумал печатать? О Смирдине я более и более убеждаюсь, что он неблагонадежен.

Обнимаю тебя. Когда же сам ты сюда прибудешь?

П. П<летнев>.

1153. П. А. Плетневу

Окт<ября> 16 <н. ст. 1846>. Франк<фурт>.

Тороплюсь отправить тебе пятую и заключительную тетрадь. Так устал, что нет мочи; в силу сладил, особенно со статьей о поэзии, которую в три эпохи мои писал[1] и вновь сожигал и наконец теперь написал, потому именно, что она необходима моей книге,[2] в объясненье элементов русского человека. Без этого она бы никогда не написалась: так мне трудно писать что-нибудь о литературе. Сам я не вижу, какой стороной она может быть близка к тому делу, которое есть мое кровное дело. Скорбно мне слышать происшедшие неустройства от медленности Никитенки. Но чем же виноват я, добрый друг мой? Я выбрал его потому, что знал его все-таки за лучшего из других, и притом, видя его имя, выставляемое у тебя на «Современнике», я думал, что ты с ним в сношеньях теснейших, чем с другими цензорами. Никитенко ленив, даже до невероятности, это я знал, но у него добрая душа, и на него особенно следует наседать лично. Говоря ему беспрерывно то, о чем и я хочу с своей стороны ему хорошенько растолковать: что с книгой не нужно мешкать, потому что мне нужно прежде нового года собрать деньги[3] за ее распродажу с тем, чтобы пуститься в дальнюю дорогу. Путешествие на Восток не то, что по Европе. Удобств никаких, издержек множество, а мне нужно, сверх этого, еще и помочь тем людям, которым, кроме меня, никто не поможет. Если же Никитенко будет

[1] писал вновь
[2] *Далее начато:* и без н<ее>
[3] собрать даже деньги

затрудняться или одолеется робостью, то мое мненье — печатать книгу и в корректурных листах поднести всю на прочтенье Государю. Дело мое — правда и польза, и я верю, что моя книга будет вся им пропущена. В последнем случае поговори об этом хорошенько с Александрой Осиповной, если она только уже в Петербурге; она сумеет, как это устроить. Если же дойдет до духовной цензуры, то этого не бойся. Не делай только этого официальным образом, а призови к себе духовного цензора и потолкуй с ним лично; он пропуст<ит> и скорей, может быть, чем думаешь. В словах моих о церкви говорится то самое, что церковь наша сама о себе говорит и в чем всякий из наших духовных согласен до единого. Извини, что так дурно[1] пишу. Устал в полном смысле и разболелся вновь всем телом; через два дни получишь другое письмо, с подробнейшим распоряжением относительно книги, ее выпуска, продажи и прочего. А между тем тут, в этой тетради, найдешь вставку и перемену к письму[2] «О лиризме наших поэтов». Нужно выбросить всё то место, где говорится о значении власти монарха, в каком оно должно явиться в мире. Это не будет понято и примется в другом смысле. К тому же сказано несколько нелепо, о нем после когда-нибудь можно составить умную статью. Теперь выбросить нужно ее непременно, хотя бы статья была и напечатана, и на место ее вставить то, что написано на последней странице тетради.

Кусок, который следует выбросить, начинается словами: «Значение[3] полномочной власти монарха возвысится еще» и прочее и оканчивается словами: «Такое определение не приходило *еще европейским* правоведцам».

О получении этого письма уведоми меня непремен<но> письмом в Неаполь, на имя посольства или в poste restante, и всё, что ни случится о том, адресуй в Неаполь. Прощай, до следую<щего> письма. Тороплюсь отдать на почту.

Весь твой Г<оголь>.

Страниц в 5<-й> тетради включительно с прежними 147, а статьи две и третья вставка.

[1] скв<ерно>

[2] статье

[3] Полное значение

1154. В. А. Жуковскому

<8/20 октября 1846. Франкфурт>

Нельзя было лучше и кстати сделать подарка. Моя книжка вся исписалась. Подарку дан был поцелуй, а в лице его — самому хозяину.

<*На обороте:*>

В. А. Жуковскому.

1155. П. А. Плетневу

Франкфурт. 20 октя<бря н. ст. 1846>.

Назад тому два дни отправил к тебе пятую и последнюю тетрадь. От усталости и от возвращения вновь многих болезненных недугов не в силах был написать об окончательных распоряжениях. Пишу теперь. Ради Бога, употреби все силы и меры к скорейшему отпечатанью книги. Это нужно, нужно и для меня, и для других; словом, нужно для общего добра. Мне говорит <это> мое сердце и необыкновенная милость Божия, давшая мне силы потрудиться тогда, когда я не смел уже и думать о том, не смел и ожидать потребной для того свежести душевной, и всё мне далось вдруг на то время: вдруг остановились самые тяжкие недуги, вдруг отклонились все помешательства в работе, и продолжалось всё это по тех пор, покуда не кончилась последняя строка труда. Это просто чудо и милость[1] Божия, и мне будет грех тяжкий, если стану жаловаться на возвращенье трудных, болезненных моих <припадков>. Друг мой, я действовал твердо во имя Бога, когда составлял мою книгу, во славу Его святого имени взял перо, а потому и расступились перед мною все преграды и всё, останавливающее бессильного человека.[2] Действуй же и ты во имя Бога, печатая книгу мою, как бы делал сим дело на прославленье имени Его, позабывши все свои личные отношения к кому бы то ни было, имея в виду одно только общее добро, — и перед тобой расступятся также все препятствия. С Никитенком можно ладить, но с ним необходимо нужно иметь дело лично. Письмом и запиской ничего с ним не сделаешь. В нем не то главное, что он ленив, но то, что он не видит и не чувствует сам, что он ленив. Я это испытал: в бытность мою в Петербурге я его заставил в три дни прочесть то, что он не прочел бы сам по себе <в> два месяца. А после

[1] и чудо и милость

[2] всё, останавливающее бессильного человека, уступило

моего отъезда всякая небольшая статья залеживалась у него по месяцу. На него нужно серьезно насесть и на все приводимые им причины отвечать одними и теми же словами: «Послушайте, всё это, что вы говорите, так и могло бы иметь место в другом деле, но вспомните,[1] что всякая минута замедления расстраивает совершенно все обстоятельства автора книги. Вы — человек умный и можете видеть сами, что в книге содержится дело, и предпринята она именно затем, чтобы возбудить благоговенье ко всему тому, что поставляется нам всем в закон нашей же церковью и нашим правительством. Вы можете сами смекнуть, что сам[2] Государь же и Двор станет в защиту ее.[3] Переглядите и цензурный устав ваш, и все предписания прибавочные и покажите мне, против какого параграфа есть в книге противуречие. Стыдно вам и колебаться этим, подписуйте твердо и теперь же листки, потому что типография ждет, а времени и без того уже упущено довольно». И если ж им одолеют какие-нибудь нерешительности от всякого рода нелепых слухов, которые сопровождают всякий раз печатанье моей книги, какого бы ни была она рода, то обо всем переговори, как я уже писал в первом письме, с Алекс<андрой> Осиповной и, наперекор всем помешательствам, ускори выход книги. Как кремень, крепись, верь в Бога и двигайся вперед — и всё тебе уступит! По выходе книги приготовь экземпля<ры> и поднеси всему царскому дому до единого, не выключая и малолетних, всем великим князьям, детям наследника, детям Марь<и> Никола<е>вны, всему семейству Михаила Павловича. Ни от кого не бери подарков и постарайся от этого вывернуться; скажи, что поднесенье этой книги есть выраженье того чувства, которого я сам не умею себе объяснить, которое стало в последнее <время> еще сильнее, чем было прежде, вследствие которого всё, относящееся к их дому, стало близко моей душе, даже со всем тем, что ни окружает их, и что поднесеньем этой книги им я уже доставляю удовольствие себе, совершенно полное и достаточное, что вследствие и болезненного своего состояния,[4] и внутреннего состояния душевного, меня не занимает всё то,[5] что может еще шевелить и занимать человека, живущего в свете. Но если кто из них предложит от себя деньги на вспомоществование многим тем, которых я встречу идущих на

[1] вспомните прежде
[2] что и сам
[3] в защиту каждого слова
[4] состояния душевного
[5] это

поклонение к Святым Местам, то эти деньги бери смело.[1] Друг, много есть[2] людей, требующих помощи, о которых мы и не знаем, и не подозреваем, но которых страдальческую повесть если бы услышало какое сердце, хотя бы самое бесчувственное, заныло бы оно от скорби. Многим художникам, многим, многим талантам следует хотя нищенское вспомоществова<ние>, чтобы не погибнули с голода в буквальном смысле. Есть многие, которые постигнули уже высшую тайну искусства и его высшее призвание, и для них так нужны Святые Места и Евангелическая Земля, как народу еврейскому была нужна манна в пустыне. Много есть также людей и на других поприщах, которые принесут пользу истинную отечеству и всё выплатят с избытком, на них употребленное, и которые влекутся непостижимой душевной потребностью на поклоненье Святым Местам именно в наступающем году. А потому если бы кто предложил из посторонних для этого деньги, бери и посылай ко мне. Дам отчет во всякой копейке и не брошу никому незаслуженно, если только Бог не оставит вразумленьем ум мой, как не оставлял доселе.[3] Нужно слишком соображать и взвешивать положенье[4] тех, которым стремишься подать помощь, а особливо если располагаешь не своими, но чужими деньгами. Шесть экземпляров отдай (тот же час по выходе книги) Софье Михайл<овне> Соллог<уб>, с присоединеньем прилагаемого письма. *Шесть экземпляров и* седьмой, с подписаньем цензора на второе издание, отправь немедленно в Москву к Шевыреву. (Второе издание должно быть напечатано в Москве, ради несравненно большей дешевизны и ради отдыха тебе.) *Шесть экземпляров* отправь моей матери, с надписаньем: «Ее высокоб<лагородию> Марье Ивановне Гоголь, в Полтаву».[5] Один экземпл<яр> в Харьков Иннокентию, с присоединен<ием> при сем следуемого письмеца. Два экземпляра — в Ржев Тверской губернии священнику Матвею Александровичу. Экземпляра же три, а если можно и более, отправь немедленно мне с курьером. Попроси от меня лично графиню Нессельрод, давши ей от имени моего экземпляр. Скажи ей, что она очень, очень большое сделает мне одолженье, если устроит так, что я получу эту книгу в Неаполе наискорейшим порядком,

1 *Далее начато:* чем их
2 много есть и то
3 иногда
4 состоянье
5 в Полтавскую губернию

и попроси[1] ее тоже от меня отправить немедленно в Париж два экземпляра графу Александру Петровичу Толстому.[2] Не позабудь и Жуковского. Отдай еще Арк<адию> Россети три экземпляра с письмом. Вот тебе всё. Кажется, больше никому. Прочие купят. Ты спрашива<л>, когда же я в Россию. Знает это Тот, Кто правит всеми нашими обстоятельствами. Что касается до меня, то скажу тебе, что еще никогда не было во мне желания такого сильного ехать в Россию, и я думаю из Иерусалима после светлого праздника первым весенним путем на Константинополь и Одессу направить парус к берегам ее. Хочется очень обнять всё близкое душе моей, а в том числе и тебя. Прощай.

Весь твой Г<оголь>.

Все, что ни будет, деньги, письма, всё адресуй в Неаполь, на имя посольства.

<*На обороте:*>

S. Pétersbourg. Russie.

Ректору С. П. Б. император<ского> университета его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В С. П. Бурге. На Васильевск<ом> острове, в университете.

1156. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским и С. М. Соллогуб

Франкфурт.[3] 1846. Октябр<я> 22 <н. ст.>.

Что вы, мои прекрасные, мои близкие душе моей, все замолкнули? Что вы, моя старшая графиня, матушка моих милых сестер, после вашего длинного письма, исполненного гнева на современный порядок вещей (за которое потом вас побраню), вдруг затихнули и отдыхаете на лаврах?[4] Пишите ко мне в Неаполь. Я еще не пущусь в дорогу раньше генваря последних чисел будущего 1847 года. Адресуйте письма или в посольство, или в poste restante. Чем обстоятельней и длинней письмо, тем будет лучше. Мне теперь нужны обстоятельные письма от моих друзей, чтобы открылось мне настоящее состояние душ их и знал бы я, о чем и как для них помолиться.

Обнимаю вас всех. Прощайте.

Весь ваш ваш родной брат Г<оголь>.

[1] представ<ь> кроме

[2] *Далее начато:* адре<суй>

[3] Баден

[4] на лаврах, удовольствовавшись тем, что удалось хоть кого-нибудь выбранить

1157. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

У Троицы, 2-го октября 1846 г.

Господь Бог милосердный привел меня сюда после возобновления сильных припадков моей болезни. Страдала и страдаю, любезный друг Николай Васильевич. Я здесь была тому назад 8 лет, совсем с другими чувствами, теперь чувствую большое услаждение у гроба Преподобного. Наместник меня принял очень милостиво, он духовен и любовен, исполнен жалости помочь каждому. Душа радуется при встрече с такими людьми, как будто не так одиночно в этом мире. Он читал вашу книгу и многим очень доволен; радуется духу вашему и что вы не боялись говорить громко о том, чем наполнена душа ваша: «аще кто постыдится Мене, того Я...» и проч. Светские люди не так вас судили и говорили: «зачем ему нам говорить о Боге?» Им, видно, за вас совестно было. Лечилась гомеопатиею в Москве, мне не хуже; на аллопатию не ставало уже сил. Где вы и куда собираетесь? Когда в Иерусалим? Пишите все в Калугу. Прощайте, молитесь обо мне, а я о вас не забыла у гроба преподобного Чудотворца. Ваша от души.

Сбираюсь в Питер, если Богу угодно; без Бога ни до порога.

1158. С. П. Шевыреву

Стразбург, окт<ября> 24 <н. ст.1846>.

Прошу тебя доставить это письмо Щепкину, которое должен он прочесть при тебе, а потом дать его прочесть тебе и больше никому. Если на случай Щепкин в Петербурге, то письмо распечатай, прочти и потом отправь к нему в Петербург, хоть на имя Плетнева. Из него ты увидишь, в чем дело. «Ревизор» должен быть напечатан в своем полном виде, с тем заключением, которое сам зритель не догадался вывесть. Заглавие должно быть такое: *«Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях, с заключением.* Соч. Н. Гоголя. *Издание четвертое, пополненное, в пользу бедных»*. Играться и выйти в свет «Ревизор» должен не прежде появленья книги «Выбранные места»: иначе всё не будет понятно вполне. Об остальных распоряжениях извещу тебя потом, вместе с присылкой необходимого предисловия. Теперь же, за множеством всякого рода хлопот и ответов на письма, которые вряд ли кому-либо приходится получать со всех сторон в таком множестве, не могу писать более. Скажу только, что я на дороге, в Стразбурге; завтра еду, пробираясь на Ниццу, в Италию.

Уведоми меня обо всем, что ни делается в Москве и что ни говорится обо мне, особенно всякие невыгодные и дурные слухи: их мне нужно знать гораздо более, чем все хорошие. Враки, враки, а во враках бывает часто немало правды. За собой так трудно уберечься, что следует по-настоящему платить чистым золотом за всякую доставку нам скверных вестей о нас. Теперь же вестей обо мне должно быть немало, потому что я еще не помню, чтобы печатанье какой бы то ни было книги моей не было сопровождено всякого рода вестями, слухами, историями и вымыслами всех родов, как ни стараешься дело это производить сколько возможно потише. Но обнимаю тебя. Прощай. Жду с нетерпеньем твоего уведомленья в Неаполь...

1159. М. С. Щепкину

<24 октября (н. ст.) 1846. Страсбург>

Миха<и>л Семенович! Вот в чем дело: вы должны взять в свой бенефис «Ревизора» в его полном виде, то есть следуя тому изданию, которое напечатано в полном собрании моих сочинений, с прибавлением хвоста, посылаемого мною теперь. Для этого вы сами непременно должны съездить в Петербург, чтобы ускорить личным присутствием ускорение цензурного разрешения. Не знаю, кто театральный цензор. Если тот самый Гедеонов, который был в Риме с графом Васильевым и с которым я там познакомился, то попросите его от моего имени крепко. Во всяком случае, обратитесь по этому делу к Плетневу и гр<афу> М. Ю. Вьельгорскому, которым всё объясните и которых участие может оказаться нужным. Скажите[1] как им, так и себе самому, чтобы это дело до самого времени представления не разглашалось и оставалось бы в тайне между вами. Хлестакова должен играть Живокини. Дайте непременно от себя мотив другим актерам, особенно Бобчинскому и Добчинскому. Постарайтесь сами сыграть перед ними некоторые роли. Обратите особенное внимание на последнюю сцену. Нужно непременно, чтобы она вышла картинной и даже потрясающей. Городничий должен быть совершенно потерявшимся и вовсе не смешным. Жена и дочь в полном испуге[2] должны обратить глаза на его одного. У смотрителя училищ должны трястись колени сильно,[3] у Земляники также. Судья, как уже известно,

[1] Во всяком случае скажите

[2] страхе

[3] как в лихорадке

с присядкой. Почтмейстер, как уже известно,[1] с вопросительным знаком к зрителям. Бобчинский и Добчинский должны спрашивать глазами друг у друга объясненья этому всему. На лицах дам-гостей ядовитая усмешка, кроме одной жены[2] Луканчика, которая должна быть вся — испуг, бледна, как смерть, и рот открыт. Минуту или минуты две непременно должна продолжаться эта немая сцена, так чтобы Коробкин, соскучившись, успел попотчевать Растаковского табаком, а кто-нибудь из гостей даже довольно громко сморкнуть в платок.[3] Что же касается до прилагаемой при сем «Развязки Ревизора», которая должна следовать тот же час после «Ревизора», то вы, прежде чем давать ее разучать актерам, вчитайтесь хорошенько в нее сами, войдите в значенье и в крепость всякого слова, всякой роли, так, как бы вам пришлось все эти роли сыграть самому, и, когда войдут они вам в голову все, соберите актеров и прочитайте им, и прочитайте не один раз, — прочитайте раза три-четыре или даже пять. Не пренебрегайте, что роли маленькие и по нескольку строчек. Строчки эти должны быть сказаны твердо, с полным убежденьем в их истине, потому что это — спор, и спор живой, а не нравоученье. Горячиться не должен никто, кроме разве Семена Семен<ови>ча, но слова произносить должен всяк несколько погромче, как в обыкновенном разговоре, потому что это спор. Николай Никола<ев>ич должен быть даже отчасти криклив; Петр Петрович — с некоторым заливом. Вообще было бы хорошо, если бы каждый из актеров держался сверх того еще какого-нибудь ему известного типа. Играющему Петра Петровича нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчетливо, зернисто. Он должен скопировать того, которого он знал[4] говорящего лучше всех по-русски. Хорошо бы, если бы он мог несколько придерживаться американца Толстого. Николаю Николаевичу должно, за неимением другого, придерживать<ся> Ник<олая> Филипповича Пав<лова>, потому что у него самый ровный и пристойный голос из всех наших литераторов, притом в него не трудно попасть. Самому Семену Семеновичу нужно дать более благородную замашку, чтобы не сказали, что он взят с Николая Миха<й>лов<ича> Заг<оскина>. Вам же вот замечание. Старайтесь произносить все ваши слова как можно тверже и покойней, как бы вы говорили о самом

[1] как уже известно, тоже

[2] кроме охотницы

[3] *Далее начато:* Примеча<ние>

[4] знал, как

простом, но весьма нужном деле. Храни вас Бог слишком расчувствоваться. Вы расхныкаетесь, и выйдет у вас просто черт знает что. Лучше старайтесь[1] так произнести слова, самые близкие[2] к вашему собственному состоянию душевному, чтобы зритель видел, что вы стараетесь удержать себя от того, чтобы не заплакать, а не в самом деле заплакать. Впечатление будет оттого несколько раз сильней. Старайтесь заблаговременно, во время чтения своей роли, выговаривать твердо всякое слово, простым, но проникающим языком, — почти так, как начальник артели говорит своим работникам, когда выговаривает им или попрекает в том, в чем действительно они провиноватились[3]. Ваш большой порок в том, что вы не умеете выговаривать твердо всякого слова: от этого вы неполный владелец собою в своей роле. В городничем вы лучше всех ваших других ролей именно потому, <что> почувствовали потребность[4] говорить выразительней. Будьте же и здесь, и в «Развязке Ревизора», тем же городничим. Берегите себя от сентиментальности и караульте сами за собою. Чувство явится у вас само собою, за ним не бегайте; бегите за тем, как бы стать властелином себя. Обо всем этом не сказывайте никому в Москве, кроме Шевырева, по тех пор, покуда не возвратитесь из Петербурга. У вас язык немножко длинноват; вы его на этот раз поукоротите; если ж он начнет слишком почесываться, то вы придите в другой раз к Шевыреву и расскажите ему вновь, как бы вы рассказывали свежему и совсем другому человеку. «Развязку» нужно будет переписать, потому что, кроме экземпляра, нужного для театральной цензуры, другой будет нужен для подписанья цензору Никитенке, которому отдаст Плетнев, ибо «Ревизор» должен напечататься отдельно с «Развязкой» ко дню представления и продаваться в пользу бедных, о чем вы при вашем вызове по окончании всего должны возвестить публике, что не благоугодно ли ей, ради такой Богоугодной цели, сей же час по выходе из театра купить «Ревизора» в театральной же лавке, а кто разохотится дать больше означенной цены, тот бы покупал ее прямо из ваших рук для большей верности. А вы эти деньги потом препроводите к Шевыреву. Но об этом речь еще впереди. Довольно с вас покаместь этого. Итак, благословясь. поезжайте с Богом в Петербург. Бенефис ваш будет блистателен. Не глядите на то, что пиеса заиграна и стара.

[1] Вы лучше старайтесь

[2] хотя самые близкие

[3] виноваты

[4] заставлены

Будет к этому времени такое обстоятельство, что все пожелают вновь увидать «Ревизора», даже и в том виде, в каком он давался прежде. Сбор ваш будет с верхом полон.[1] Поговорите с Сосницким, чтобы увидать, можно ли то же самое сделать и в Петербурге сколько возможно таким образом, как[2] в Москве. Прежде его испытайте: он немножко упрям в своих убеждениях. Скажите ему, что это стыдно и не в христианском духе иметь такое гордое мнение в своей безошибочности, и что он первый, если бы только захотел истинно постараться о том, чтобы последняя сцена вышла так, как ей следует быть, она бы сделалась чистая натура. Не приметил бы зритель никакой искусственности и принял бы ее за вылившуюся непринужденно. Скажите ему, что для русского человека нет невозможного дела, что нет даже на языке его и *слова* нет, если он только прежде выучился говорить всяким собственным страстишкам: *нет*.[3]

Письмо это дайте прочесть Шевыреву, так же, как и самую «Развязку Ревизора», и о получении всего этого уведомьте меня тот же час, адресуя в Неаполь, poste restante.

Весь ваш Г<оголь>.

1160. Графине А. М. Виельгорской

Ноябрь 2 <н. ст. 1846. Ницца>.

Пишу к вам, моя добрая и близкая душе моей Анна Миха<й>ловна, с дороги, из места, нам обоим весьма памятного, именно из Ницы. Она мне очень напомнила нашу прежнюю жизнь и путешествия от дома Paradis до дома Мазари, где жили Соллогубы, и до дома (уж позабыл имя хозяина, хотя наружность дома осталась в памяти), где жила Смирнова. Но не об этом теперь речь. Вы всегда жаловались, что вам нет поприща, мало[4] дела и не знаете, чем быть полезну другим. Это настоящая тайна хандры вашей, хотя этого покаместь вы еще не раскусили. Вам нужно дело. И вот вам дело: всё выслушайте внимательно и всё исполните усердно, что я ни скажу, помолившись прежде покрепче[5] Богу, во имя Которого вы должны предпринять[6] это дело. В Петербурге и в Москве будет играться «Ревизор» в новом виде,

[1] *Далее начато:* об этом не заботьтесь
[2] как и
[3] *Далее начато:* [О полу<чении>] Но
[4] и мало
[5] усе<рдней>
[6] сделать

с присовокупленьем его окончания или заключенья, в бенефис двух первых наших комических[1] актеров. Ко дню представления будет отпечатана пиеса отдельною книгою с присоединением доселе никому неизвестного ее окончания. Продаваться она будет в пользу бедных и может распродаться в большом количестве,[2] стало быть, принести значительную сумму. Выручка денег поручена Плетневу, который передаст их, по мере прихода, тем, которые должны взять на себя обязанность быть раздавателями этих денег бедным, в числе которых одно из главных лиц — вы, а потому и пишу я обо всем этом вам. Прилагаю[3] при этом и предисловие, которое должно быть приложено в начале книги. Из него вы увидите, в чем дело и как нужно производить денежную раздачу. Соберите к себе всех тех, которых имена здесь означены[4], и переговорите с ними,[5] взявши с них слово до времени не говорить об этом ни с кем из посторонних, кроме разве тех, которые, по замечанью кого-нибудь из них или вашему, могут быть включены в число раздавателей, которых чем больше, тем лучше. Старайтесь особенно склонить из женского пола таких, которых вы знаете как сострадательных,[6] рассудительных и умных женщин. Я поставил здесь вашу приятельницу Дашкову единственно потому, что у ней есть особенная светлость душевная, постоянно разлитая в чертах ее лица,[7] в которой может она оказывать ту помощь страждущим, о какой еще и сама она не знает. Трудностью не смущайтесь! Благословясь во имя Бога, принимайтесь за дело и помните только, что в этом деле поможет вам Бог более, чем во всяком другом, и вразумит так, как вы покаместь и помыслить еще не можете. Для большего облегчения[8] себе всяк может вначале первые дела и первые подвиги возложить совершенно на священников и требовать только от них подробных рассказов, каким образом и как они произвели это дело. От этого нечувствительно[9] потом научитесь помогать сами. Потому что помогать есть тоже наука и вдруг выучиться ей нельзя, особенно если станешь избегать[10]

[1] классич<еских> наших
[2] количестве экземпляров
[3] Прилагаю даже
[4] стоят
[5] переговорите с ними наедине
[6] как степенных и
[7] на ее <лице>
[8] *В подлиннике:* облегчания
[9] нечувствительно он
[10] станешь, оправдываясь неумением, избегать

всяких случаев оказывать помощь. Всё это сделайте как можно скорее, потому что имена и адресы следует выставить сейчас же в конце предисловия.[1] Предисловие вы перепишите в числе двух экземпляров и отдайте немедленно Плетневу для припечатанья в книг<у>. Он должен успеть их отдать цензору и один из них отправить в Москву для напечатания тоже там при тамошнем издании, которое имеет выйти в одно и то же время с петербургским. Я не думаю, чтобы кто-нибудь из любящих меня отказался от обязанности быть раздавателем вспомоществования. Он будет не перед мною виноват, но перед Христом, и если станет оправдываться какими-нибудь светскими приличиями, то[2] да вспомнит, чтобы не было когда-нибудь ему сказано от Бога то, что будет сказано многим Его устыдившимся: «Устыжусь и Я того, Кто Меня устыдился». Кому же невозможно решительно по неимению времени,[3] тот пусть скажет напрямик, не увертываясь, чтобы можно было тотчас же имя его вычеркнуть, а на место его поставить другого. Переговорите с Аркадием Россети и Самариным, не знают ли кого-нибудь еще из мужчин дельных, умеющих говорить и обращаться с людьми, которого можно употребить в это дело. Хорошо, если б еще хотя двух мужчин и хотя двух женщин. Муханова нет, он за границей. Но имя его пусть будет выставлено, хотя и без адреса; он будет потом, по приезде, очень полезен. Что вы думаете о князе Барятинском? У него душа очень добрая, и он во многом значительно переменился. Я с ним сошелся ближе в Грефенберге. Мне кажется, что ему недостает для полного себя укомплектованья близкого знакомства с половиной страждущею людей и практического познания затруднительных их положений под условием прижимающих и гнетущих их обстоятельств. Постарайтесь поговорить с ним сурьезно об этом предмете. Он если не может покуда сам непосредственно действовать, то может вспомоществовать посредством вас или кого-нибудь из других, а тем временем может приглядеться сам к делу. Итак, Бог вас благословит! С Богом за дело! Позабудьте о себе вовсе. Никто из нас не должен принадлежать себе. На это письмо напишите немедленный ответ в Неаполь на имя нашего посольства. Прощайте.

Весь ваш Г<оголь>.

[1] предисловия, которое

[2] то, что

[3] но каким

Изберите себе, кроме вашего духовника (если он уже стар или обременен многими делами), в помощь другого, помоложе, которого может вам рекомендовать ваш же духовник из людей, хотя и недавно поступивших в священники, но уже показавшего истинно добрые наклонности души своей, и посоветуйте сделать то же и другим вашим подругам.

<*На обороте:*>

St. Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Анне Михайловне Вьельгорской.

В С. П. Бурге. На Михайловской площади, у Михайл<овского> дворца. В доме графа Вьельгорского.

1161. П. А. Плетневу

Ница. Ноябрь 2 <н. ст.> 1846.

Уже должен до сих пор ты получить три письма моих из Франкфурта: одно с присовокупление<м> предисловия ко втор<ому> изданию «М<ертвых> д<уш>», другое со вложением пятой и окончательной тетради, третье с приложением писем к тем, которым должны быть посланы экземпляры. Присовокупляю остальные мои распоряжения. Во-первых, не позабудь внести в книгу те поправки, которые мною сделаны, как в письме первом, относящиеся к статье «Занимающему важное место», так и во втором письме большую вставку, написанную на последней странице пятой тетради, долженствующую заместить выброшенный мною кусок из статьи «О лиризме наших поэтов». Сверх того, нужно будет выбросить в статье «Русский помещик» выраженье:[1] «Выбрани немцем, если нехватит другого слова». Это примут еще в смысле моего личного нерасположения к немцам, а этого мне бы не хотелось, потому что я, в самом деле, его не имею. По мне, между нами есть гораздо более русских такого рода, которых бы следовало назвать немцами и которые повели себя гораздо хуже немцев. В письме[2] «К близорукому приятелю», не помню, вычеркнул ли я фразу в начале письма, которая в рукописном письме могла остаться, но в печати никак не должна пребыть[3], а именно: «Сел верхом на коротконосьи». Нужно начать[4] это письмо просто словами: «Вооружился взглядом современной близорукости

[1] слова

[2] статье

[3] пребывать

[4] поставить

и думаешь, что верно судишь о событиях», и т. д. Не сердись и не гневайся на меня за все эти поправки: они последние. Что ж делать? Сам видишь, каким образом составлялась эта книга: среди лечений, среди разъездов, среди хлопот и дел, которых затруднительности ты и не предполагаешь, среди ответов на множество самых разнородных писем, требующих не пустых, но обдуманных ответов. Я дивлюсь, как еще у меня при таких обстоятельствах не переворотилось всё в голове и не происходит гораздо больших оплошностей, промахов и пропусков. И как еще в голове моей держится довольно точная память всего. Это Бог так милостив ко мне; ничему[1] другому не могу больше приписать. Теперь поговорим о *цене* книге. Если в ней окажется не более 500 страниц, то пустить ее по два рубли серебром, если же более, то есть приблизится до 600 и даже перевысит, то пустить по три рубли серебром. Это не будет дорого, соображая то, что ее будут более покупать люди богатые и достаточные, а бедные получат даром от их великодушных раздач. Все вырученные деньги присылай немедленно на имя посольства в Неаполь. Жуковский, вероятно, послал тебе из Франкфурта свидетельство о жизни, вследствие которого, взявши из казначейства все следуемые мне по означенный день деньги, перешли[2] в Неаполь. Не позабудь переслать экземпляров книги к всем тем, которые поименованы в последнем моем письме.

Напоминаю еще раз, кому именно:

Царскому дому всему до единого. Вели переплетчику переплести для то<го> заблаговременно в приличные переплеты.

Софье Миха<й>ловне (прежде всех) — 6 экземпляров.

Шевыреву, в Москву (со включеньем процензурованного) 8 экзем<пляров>.

Марье Иван<овне> Гоголь, в Полтаву — 6 экземпляр<ов>.

Арк<адию> Россети — 3.

В Харьков, Иннокентию — 1.

В Ржев, священнику Матвею Алекс<андровичу> — 2 экземпл<яра>.

Жуковскому, во Франкфурт — 1.

Гр<афу> Александру Петровичу Толстому, в Париж — 2.

Мне, в Неаполь, сколько может взять курьер — от трех до пяти экземпляров.

Об отправке безостановочной и поспешной за границу попроси от меня покрепче графиню Нессельрод. Скажи, что

[1] и ничему

[2] перешли мне <?> также

этим она меня крепко обяжет. Ей дай от имени моего экземпляр. Все прочие купят. Вот, кажется, всё, что относится до окончательных распоряжений по делу[1] книги: «Выбранные места из переписки с друзьями»! Теперь другая просьба. В Петербург приедет Щепкин хлопотать о постановке «Ревизора» в настоящем виде ко дню его бенефиса, с присоединеньем доселе не игранного и не известного публике окончания пиесы, под именем[2] «Развязка Ревизора». Прими Щепкина как можно получше, потому что он стоит того во всех отношениях,[3] и окажи ему покровительство и посредничество свое во всех делах, где сможешь, как относительно театральной цензуры, так и прочего. А «Ревизора», вырвавши из собрания моих сочинений, где он напечатан в полнейшем виде противу двух прежних отдельных изданий, поднеси его на процензурованье Никитенке или другому цензору, какому найдешь приличнее, присоединивши к тому и «Развязку Ревизора», которая находится в рукописи у Щепкина и которую, разумеется, нужно переписать.[4] Всё это нужно произвести в двух экземплярах, потому что «Ревизор» должен выйти вдруг разом и в Петербурге, и в Москве, в двух изданиях (на московском выставится четвертое, на петербургс<ком> — пятое). Выйти он должен ко дню бенефисов обоих актеров: в Петербурге Сосницкого, а в Москве Щепкина, так чтобы в день самого представленья мог бы тут же в большом количестве распродаться. Заглавие ему: «Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях с заключением. Соч. Н. Гоголя. Издание пятое. Продается в пользу бедных. Цена 1 рубль серебром». Корректуру его, мне кажется, можно поручить Арк<адию> Россети.[5] Он — человек степенный, надежный и дело это поймет, если ты не откажешься растолковать его и поучить. На него можешь, я думаю, возложить многое, что будет тебе тяжело и неудобно. Мне становится уже и скорбно, что я на тебя вдруг навьючил столько дел, но что ж делать? Мы все труженики. Ты видишь, что я работаю тоже не для себя.[6] От графини Анны Миха<й>ловны Вьельгорской ты получишь «Предуведомленье к Ревизору», из которого узнаешь, каким бедным собственно принадлежат деньги за «Ревизора» и каким образом должна быть

[1] по этому делу

[2] известного под именем

[3] *Далее было:* узнавши его покороче, ты скажешь это сам

[4] переписать и

[5] *Далее начато:* Тебе

[6] *Далее было:* Главное попечение при издании «Ревизора» возьми на себя

им произведена раздача. Предуведомленье это, в двух экземплярах, поднеси на процензурование цензора и отправь[1] одно в Москву для напечатанья к Шевыреву, который издаст «Ревизора» в Москве. В Петербурге же должен взять это попеченье на себя ты — Христа ради, а не ради меня. Прими хотя главный надсмотр и дела с книгопродавцами.[2] Собравши от них деньги, ты раздели эти деньги поровну между теми, на которых возложил я обузу быть раздавателями вспомоществований, как всё это увидишь изложенным в предуведомлении. Затем обнимаю тебя. Крепись и мужайся во всем и не негодуй на меня. Едва успеваю писать. Руки мои коченеют и леденеют, хотя в комнате теплота юга. Прощай до Неаполя. Бог тебе в помощь.

Весь твой Г<оголь>.

Можешь взять в помощь Сосницкого по изданью «Ревизора», переговоривши об этом с Щепкиным заблаговременно. Он будет особенно нужен по делу распродажи «Ревизора» в театральных лавках. Печатать один завод.

При сем письмо к Щепкину.

<*На обороте:*>

St. Pétersbourg. Russie.

Г. ректору С.-Петер<бургского> император<ского> университета его превосходительству Петру Александровичу Плетневу.

В С.-Петербурге. В университете. На Васильев<ском> острове.

1162. М. С. Щепкину

<2 ноября (н. ст.) 1846. Ницца>

Пишу к вам еще несколько строк, Миха<и>л Семенович. Если вы совершенно сошлись и условились с Сосницким относительно постановки «Ревизора» в новом виде, то вот вам маленькое письмецо к Сосницкому, которое влагаю незапечатанным, чтобы могли прочесть его также и вы, и встретить там, может быть, что-нибудь нужное и для собственного соображенья. По делу хлопочите живо и никак не пропускайте бывать у всех, у кого следует. У графа Вьельгорского, Миха<и>л<а> Юрьев<ича>, побывайте, как я вам уже говорил. Повидайтесь также с меньшой дочерью его, графиней Анной Миха<й>ловной. Скажите ей, что я непременно приказал вам к ней явиться,

[1] отправь к

[2] книгопродавцами, придущими покупать экземпляры

и расскажите ей обо всем относительно постановки «Ревизора». Скажите ваши мысли о «Ревизоре» и вообще обо всем по этой части, равно как и о ходе дел. Она будет хлопотать о многом лучше мужчин. На ней, между прочим, лежит одна из главных обязанностей по поводу раздачи сумм<ы> для бедных, а потому всё это дело ей близко, и вы можете с ней разговориться откровенно обо всем. Она умна, многое поймет и на многое подвигнет других. А ко мне не позабудьте написать в Неаполь из Петербурга хоть несколько строк, чтобы я знал, как расправлялись вы, молодцом или, к вечному стыду, бабой, от чего Бог да сохранит вас. Сосницкому также скажите, чтобы написал ко мне. Затем обнимаю вас.

Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Михаилу Семеновичу Щепкину.[1]

1163. И. И. Сосницкому

2 ноябрь <н. ст.> 1846. <Ницца>.

Если вы уже всё узнали от Щепкина и решились сделать дело, вас достойное, добрейший мой Иван Иванович, то присоединяю еще две-три строчки моей убедительнейшей просьбы. Обратите ваше внимание на последнюю сцену «Ревизора». Обдумайте, обмыслите вновь. Из заключительной пиесы «Развязка Ревизора» вы постигнете, почему я так хлопочу об этой последней сцене и почему мне так важно, чтобы она имела полный эффект. Я уверен, что вы взглянете сами другими глазами на «Ревизора» после этого заключения, которого мне, по многим причинам, нельзя было тогда выдать и только теперь возможно. Употребите все ваши силы, чтобы «Ревизор» был обстановлен со всех сторон и вполне хорошо, чтобы все актеры сделали свое дело хорошо. Вы сделаете этим дело не только доброе, но истинно христианское. (Продажа «Ревизора» в новом виде с «Развязкой» назначена в пользу бедных, а вы игрой своей и обстановкой можете возвысить его продажу.) Не поленитесь сыграть сами предуготовительно перед актерами роль Хлестакова, которую, кроме вас, решительно никто не может выполнить. Вы можете этим дать им раз навсегда мотив. Теоретически из них никто не может понять, что эту роль непременно нужно сыграть в виде светского человека comme il faut, вовсе не с желанием сыграть лгуна и щелкопера, но, напротив, с чистосердечным желаньем сыграть роль чином выше

[1] *Далее начато:* Если Сосницкий

своей собственной, но так, чтобы вышло само собою, в итоге всего, и лгунишка, и подляшка, и трусишка, и щелкопер во всех отношеньях. Всё это вы можете внушить им только одной игрой своей, а словами и наставленьями не сделаете ничего, как бы ни убедительно им рассказывали. Сами знаете, что второклассные актеры передразнить характер еще могут, но создать характера не могут; насилуя себя произвести последнее, они станут даже ниже самих себя. Потому-то пример, вами данный, более наведет их на законную дорогу, чем их собственное рассуждение. Что же касается до игры в последней пиесе, то есть в пиесе «Развязка Ревизора», то насчет этого прочтите мои строки в письме к Щепкину. В них я делаю ему прямо и откровенно мои замечания и даже советы, зная, что он, по страсти и любви к искусству, готов себя считать вечным учеником и выслушивать даже и не весьма умные по виду советы, даже и от простых людей. Замечания эти вы все-таки примите к сведению, хотя знаю, что они вам не совсем идут, потому что ваш талант имеет свою своеобразность и качества другие, нежели у Щепкина (сильно желало<сь> бы мне когда-нибудь увидеть вас обоих в одной пиесе, в двух[1] различных ролях, ничуть не похожих одна на другую, но равно великих и трудных, чтобы увидела ясно публика, что такое собственно Щепкин и что такое собственно Сосницкий). Одно то, что вам, равно обоим, замечу и что должен заметить всем, кто бы ни стал играть в пиесе «Развязка Ревизора» первую роль, то есть роль комического актера, — это то, чтобы произносить как можно тверже, крепче и проще слова, как бы самую простую, но близкую к делу и нужную речь. Храни Бог от всякой сентиментальности и напряженного жару, — вдруг не станет голоса к концу монолога, пересохнет горло и останешься в каком-то вяло-плаксивом и пьяном положеньи, тогда как следует пребывать во все время монолога в трезвом и светлом состоянии духа. Следует извоплотиться молодцом. Следует показаться полководцем, бодрящим и подстрекающим других на битву, а не рядовым солдатом, кидающимся самому в пыл сраженья[2]. Словом, голос актера здесь должен быть победоносно-торжествующий, истинно генеральский голос. Этих слов не пропустите, Иван Иванович, и Щепкину также это скажите. И Бог вам в помощь обоим! По окончании пиесы, когда вас вызовут, вы, раскланявшись с публикой, скажите ей, что не угодно ли ей купить «Ревизора», который продается при выходе из театра

[1] в других
[2] в битву

в пользу бедных по рублю серебром с «Развязкой» вместе. Кто же пожелает дать больше, тот вручал бы деньги вам самим и покупал бы лично из ваших рук, а вы все эти <деньги> доставляйте Плетневу, которому[1] поручен сбор денег и от которого поступят они к тем, на которых возложена раздача бедным. Побывайте у Плетнева теперь же и спросите его, не нужно ли какого вспомоществованья собственно от вас в деле издания «Ревизора» , относительно ли корректуры или чего другого. На нем слишком навьючено теперь всяких обуз, и ему довольно тяжело и трудно управляться одному. За всё это поблагодарю вас лично, когда приведет Бог встретиться. Смотрите, чтобы продажа в театральных лавках поручена была надежным продавцам, и не употребляйте для этого в посредство какого-либо актера. Говорю это потому, что один из этих господ, на которых я вздумал было положиться, денежки прибирал к себе и на них кутил, складывая вину на продавцов, которые ему не приносят, а когда я вздумал, наконец, расспросить продавцов, дело открылось. Это примите к сведенью. На этот раз грех будет большой[2] на душе того, кто украдет копейку — деньги эти в пользу бедных; это им объявите.

Но прощайте. Если захотите мне написать хотя две строчки, что мне будет очень приятно, адресуйте в Неаполь (poste restante).

Затем обнимаю вас.

Искренно вас любящий Г<оголь>.

1164. С. П. Шевыреву

Ница. 2 ноябр<я> <н. ст. 1846>.

Спешу написать тебе несколько строк с дороги. Одно письмо мое из Франкфурта, с извещением об отправке предисловия к «М<ертвым> д<ушам>» Плетневу, ты, вероятно, получил. Другое, со вложением письма к Щепкину, ты, без сомнения, также <получил>, вместе с приложеньем «Развязки Ревизора». Теперь посылаю к тебе предуведомленье к «Ревизору». Прочитавши его и узнавши, в чем дело, ты собери всех тех, которых имена увидишь в конце предуведомленья, к себе и с ними потолкуй и объяви им мою просьбу,[3] которую обращаю я к людям, любящим меня. Кто из них отшатнется и не

[1] *В подлиннике:* которым

[2] вдвое большой

[3] мое т<ребование>

захочет взять на себя обязанность раздачи бедным,[1] грех будет на душе того. Потому что дело это ради Христа, а не ради меня. Кому же, точно, невозможно за множеством дел и хлопот этим заняться, тот пусть объявит это сейчас же, чтобы имя его вычеркнуть. Всех же остальных напиши исправно имена и отчества, с означеньем адресов и мест их жительства, и отправь немедленно в Петербург, чтобы это было припечатано в таком же виде и в петербургском экземпляре. Взамен ты получишь от Плетнева обстоятельное поименование лиц в Петербурге[2] с их адресами. Одно издание «Ревизора» должен печатать ты в Москве (это будет числом четвертое). Другое (*пятое*) Плетнев в Петербурге. Заглавие, как я уже писал, должно быть такое: «Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях, с заключеньем. Соч. Н. Гоголя. Издание четвертое, в пользу бедных. Цена 1 рубль серебром». Печатать[3] два завода, в Петербурге же печатается один завод. Ибо у меня какое-то предчувствие, что в Москве разойдется больше экземпляров «Ревизора», особливо когда узнают, с какой целью он издается. Оба издания должны выйти в день представления, в Москве в бенефис Щепкина, в Петер<бурге> в бенефис Сосницкого, так что продаваться они должны тот же вечер, по представлении пиесы. Объявить об этом должен публике сам бенефициант по вызове его, присовокупивши, что всяк из желающих дать более положенной цены за книгу дал бы в его собственные руки и принял бы от него самого экземпляр, взошедши по закрытии занавеса к нему самому на сцену. Деньги эти Щепкин должен принести к тебе, равно как и все деньги от театральных и всяких книгопродавцев,[4] а ты должен разделить эти деньги всем поровну раздавателям вспомоществован<ия>. Не сердись на меня за эти новые, мною на тебя навязанные хлопоты; выполни их, как дело, угодное Богу, во имя его делаемое. Так же [исполн<и>] благородно и в такой же точности, как то, о котором ты знаешь, за которое не знаю, как возблагодарить тебя. Знаю только то, что Бог тебя за него возблагодарит. На то письмо прошу ответа прямо в Неаполь. Прощай, тороплюсь отправить на почту.

Весь твой Г<оголь>.

[1] не захочет участвовать

[2] *Далее начато:* где может также случиться

[3] Печатать в числе

[4] от продавцов

P. S. Когда получишь из Петербурга 8 экземпл<яров> книги «Выбранные места из переписки с друзьями», вручи следующим лицам, по приложенным при сем надписаниям, которые, разрезавши порознь, приклей на первый листок в книге. Не смущайся тем, что Погодину придется на долю надпись несколько крепкая. Это ему нужно. Он немножко чихнет, но этот чих будет здравие.[1] Есть вещи, которые один я могу ему сказать и должен сказать, потому что получил на то право. Время свое я выждал. И теперь буду его потчевать многим его собственным добром, которого он в себе никак не подозревает. Я свое дело исполню лучше, нежели он. Назад тому три года, если я не ошибаюсь, я просил открыто у вас всех себе упреков, но упреков я не получил. Теперь стану я попрекать, но упреки мои будут не от гнева, — что-то другое подвигнет ими. О! как нам нужно глядеть и глядеть ежеминутно на себя! Не отвращай и ты от себя взора. Многого и многого мы в себе не видим, и почти всего, что ни есть в нас дурного. Но Бог да хранит тебя! Благо, что ты сидишь над трудом, который уже невольно способен освятить[2] человека и, оторвавши его от всего кружащегося, обратить на самого себя.

Не позабудь прислать мне в Неаполь сейчас же все письма, какие ни получишь на мое имя по поводу «Мер<твых> д<уш>». Они мне очень и очень нужны, так как никто не может предполагать и думать, опричь разве меня самого.

<На обороте:>

Moscou. Russie.

Профессору импер<аторского> Московс<кого> университета Степану Петровичу Шевыреву. В Москве. Близ Тверской. В Дегтярном переулке, в собствен<ном> доме.

1165. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Калуга, октября 15-го 1846 г.

Ваше длинное письмо и ваши два коротенькие письма я получила одно за другим, любезный друг мой. На длинное долго еще не буду в состоянии отвечать; с половины июля я беспрестанно хворала или, лучше сказать, была тяжко больна. Бог один знает, что я выстрадала душевно и мысленно; физических страданий не было, кроме почти трехмесячной бессонницы. Меня не оставляли добрые люди; при мне были три старые девушки Бахметевы;

[1] во здравие душевное

[2] освятить собою

они мне говорили: «выходить тебе, матушка, только слушай нас да молись». И в самом деле, выучили меня молиться, возили в церковь, читали мне вслух Евангелие, молитвы, сочинения Тихона Задонского, Иннокентия, и, как сестры, ходили за мной. Меня Господь не оставил в самые трудные минуты, всегда молитва успокоивала меня и располагала к новой молитве. Теперь я уже хожу в среду и в пятницу к обедне и не чувствую скуки, которая прежде мною овладевала. Но довольно о себе.

В последнем вашем письме вы просите меня ехать в Петербург. По первому же пути я сперва съезжу в Воронеж, по обещанию, а там прямо в Петербург. Впрочем, я уверена, любезный друг мой, что все устроится без меня; так было и с «Мертвыми Душами». Кажется, что письма ваши будут печататься: так сообщил мне Аркадий, по приказанию Плетнева. Я очень любопытна их прочитать. В первом коротеньком письме вы мне говорите: «Если вам скучно в Калуге, это знак, что душа ваша больна. Господь милостив: посылая одну болезнь, вылечивает от другой». Мне не скучно. Я люблю Калугу и губернский быт. Тут при многом дурном ярче выказываются хорошие стороны. Есть люди благочестивые и нет нестерпимого петербургского чуфорства, которое там лучших людей не оставляет... Я утром занимаюсь хозяйством, читаю, т. е. мне читают, сама не в состоянии, вышиваю по канве, гуляю, делаю визиты, а вечером играю по 5 коп. медью в преферанс или пикет. У нас собираются до 20 человек запросто, с работами дамы, барышни бегают по зале, играют на клавикордах и поют, а народ слушает. Если Бог даст здоровье, то мне останется только благодарить Его за превеликие Его милости.

Итак, вы в Иерусалиме. Наконец, да благословит вас Господь в путь, не забудьте о мне грешной у гроба Господа нашего Иисуса Христа. Помолитесь прежде пресвятой Его Матери, а я за вас отслужу молебен с акафистом у чудотворного образа Калужской Божией Матери. Молюсь за вас ежедневно, утром и вечером, поминаю и за обедней. Скоро еще помяну... У меня был Исидор Курский, проездом в Петербург, где он чередный. Мне он очень понравился; говорил про Филарета Киевского много интересного и кончил так: «это созревший грозд, красотой ни с чем несравненный». Прощайте, Христос с вами. Обнимаю вас; иду к обедне. Среда и пост! Н. М. все хлопочет; его любят, да нельзя и не любить, потому что всем делает добро, хотя взяточников и выживает.

1166. А. А. Иванову

Флоренция. 7 ноября <н. ст. 1846>.

Я получил ваше письмо из Неаполя, любезный Александр Андреевич, вместе с письмом от Софьи Петровны. Не отвечал на него по сих пор потому, что думал раньше вас увидеть, и потому, что на него ровно было нечего отвечать. За него следовало бы вас крепко выбранить, если бы я не знал, что подобное малодушие — не от вас, но от нерв ваших. В каждой строке письма вашего слышно, что нервы ваши шалят и бунтуют, не давая вам ни минуту покою. Охота вам заниматься всеми внешностями! Знали бы свою картину и ничего больше, — и всё бы само собой пошло хорошо. Нет, вижу я слишком хорошо, что у вас нет полной любви к труду своему. Молите Бога о полученьи любви этой, — вот всё, что я могу вам сказать. Больше не сумею сказать и лично. И мне бы, по-настоящему, даже вовсе не следовало бы теперь ехать в Рим: он у меня совсем в стороне и не по дороге. Но нечего делать, я сделал уже глупость, взявши дорогу землей, и в наказание за это, сверх огромного круга и потери времени, должен даром, ни за что, ни про что, прожить четыре дни во Флоренции, в ожидании отхода дилижанса. Отсюда отправляюсь 10-го. Стало быть, если Бог поможет счастливо добраться, 12 ноября буду в Риме, т. е. в будущий четверг, утром, в 9 часов, как сказывают в конторе[1] дилижансов. А потому, если вам будет свободно, то приходите прямо в dogana или таможню ждать меня. В Риме я должен пробыть никак не больше двух дней и еду в Неаполь, а потому прошу вас заранее узнать у Ангризана или другого дилижанщика, какой есть, могу ли ехать с ним в субботу. В Риме хотел бы иметь комнату на солнце. Спросите у Моллера. Если у него есть такая, я бы лучше желал остановиться у него, чем в трактире. Но до свиданья. Молитесь, работайте и не думайте ни о чем, как только о вашей картине.

Весь ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Al signore signore Alessandro Ivanoff.
Roma. Caffe Greco. Via Condotti, vicina alia piazza di Spagna.

1167. Н. М. Языкову

Ноябр<я> 8 <н. ст. 1846>. Флоренция.

Пишу несколько строк с дороги. Я теперь во Флоренции. Здоровье милостью Божией стало лучше. Я слышу, что и твое

[1] в горо<дской> конторе

лучше, стало быть, всё возможно. Возможно и мертвого призвать к жизни. Спешу в Неаполь через Рим, где, может быть, найду твои письма. Спроси у Шевырева, получены ли им три мои письма: одно с уведомлением о послании к Плетневу предисловия ко 2 изданию «М<ертвых> д<уш>»; другое с приложением весьма нужного письма к Щепкину; третье[1] с приложением предуведомления к новому изданию «Ревизора». Обо всем этом меня уведоми.[2] Прилагаю при сем небольшую записочку Надежде Николаевне и небольшую записочку Авдотье Петровне, которые им препроводи. Затем до следующего письма; обнимаю тебя! Прощай! Всё адресуй в Неаполь, poste restante.

Твой Г<оголь>.

<*На обороте:*>
Moscou. Russie.
Николаю Михайловичу Языкову.
В Москве. На Кузнецком мосту. В доме Хомякова.

1168. Н. Н. Шереметевой

Ноября 8 <н. ст. 1846. Флоренция>.

Пишу к вам, мой добрый друг Надежда Николаевна, из Флоренции, с дороги.[3] Здоровье, благодаря молитвам молившихся обо мне, а в том числе и вашим, гораздо лучше. Слышу, что всё в воле Божией, и если только угодно будет Его святой милости, если это будет признано Им нужным для меня, то буду и совсем здоров. Теперь всё подвигаюсь к югу, чтобы быть ближе к теплу[4], которое мне необходимо, и к Святым Местам, которые мне еще необходимей. Желанья в груди больше, нежели в прошедшем году. Даже дал мне Всевышний силы больше приготовиться к этому путешествию, нежели как я был к нему готов в прошедшем году. Но при всем том покорно буду ждать Его святой воли и не пущусь в дорогу без явного указанья от Него. Есть еще много обстоятельств, от попутного устроения которых зависит мой отъезд, над которыми властен Бог и которые все в руках Его. Благоволит Он всё устроить к тому времени как следует — это будет знак, что мне смело можно пускаться в дорогу. Но знаком будет уже и то[5], когда всё, что ни есть во мне — и сердце, и душа,

[1] *В подлиннике:* третие
[2] *Далее начато:* равно как и
[3] *Далее было:* Подви<гаюсь>
[4] *Было:* к свет<у>
[5] *Было:* это

и мысли, и весь состав мой — загорится в такой силе желаньем лететь в Обетованную Святую эту Землю, что уже ничто не в силах будет удержать, и, покорный попутному ветру небесной воли Его, понесусь, как корабль, не от себя несущийся. Путешествие мое не есть простое поклонение. Много, много мне нужно будет там обдумать у гроба Самого Господа, от Него испросить благословения на все, в самой то<й> земле, где ходили Его небесные стопы. Мне нельзя отправляться туда неготовому, как иному можно[1], и весьма может быть, что и в этот год мне будет определено еще не поехать. Со многими из людей, близких мне, которые намеревались тоже к наступающему Великому Посту ехать в Иерусалим, случились тоже непредвиденные препятствия, заставившие иных возвратиться даже с дороги, в которую было уже пустились. А я иначе и не думал пускаться, как с людьми близкими сколько-нибудь моей душе. Я еще не так сам по себе крепок и душевно, и телесно, чтобы мог пуститься один. Нужно для того уже быть слишком высокому христианину, нужно жить[2] в Боге всеми помышленьями, чтобы обойтись без помощи других и без опоры братьев своих, а я еще немощен духом. Друг мой, молите<сь> же, да совершается во всем святая воля Бога и да будет все так, как Ему угодно. Молитесь, чтобы Он всё во мне приуготовил так, чтобы не было во мне ничего, останавливающего меня от этого путешествия. С своей стороны, я готовлюсь и от всех сил стремлюсь к тому, и стремленье это Им же внушено. Да усилится же оно еще более! Вы получите от меня в подарок на днях книгу, которая покажет вам, что я готовлюсь и хочу быть готовым. Не скройте от меня ваших мыслей о моей книге; скажите мне всё, что скажет вам ваше сердце по прочтеньи ее, и молитесь обо мне. Теперь больше, чем когда-либо, нужны обо мне молитвы.

Весь ваш Г<оголь>.

<На обороте:>
Надежде Николаевне Шереметьевой.

1169. А. О. Россету

1846, ноября 9 <н. ст.>. Флоренция.

Ваше милое письмецо, Аркадий Осипович, я получил. От Анны Михайловны Вьельгорской вы, я думаю, уже узнали о той обузе, которую мне угодно было возложить на вас. Как ни тяжело

[1] *Было:* даже можно

[2] *Было:* Нужно для того уже быть очень святу и уметь истинно жить

это бремя, но вы должны принять его, оно обратится вам в бремя легкое и приятное; то же должен сделать и Самарин. Его душе и его внутреннему спокойствию это будет нужно.[1] Скажите ему, что это говорит человек, уже имевший дело с душой.[2] Но сверх того бремени вот вам еще другое бремя. Отправляйтесь к Плетневу и предложите ему услуги свои в печатаньи «Ревизора» (в том виде, в каком он будет игран в бенефис Щепкина и Сосницкого, с присоединением новой, никому не известной пиески, служащей ему окончанием, о чем, вероятно, вы уже <знаете> из предисловия, посланного к Анне Мих<айловне> Вьель<горской>). Плетневу, я уверен, некогда заняться: он должен быть теперь весь забросан делами, в том числе и моими. Возьмитесь держать корректуру и возиться с типографией вы. Это[3] не так трудно. Плетнев вам расскажет, и вы вдруг всё смекнете. Нужно только, чтоб отпечатанье было окончено ко дню бенефиса, и книга тотчас же по представлении могла <бы> продаваться. От Александры Осиповны вот уже три месяца не имею ни строчки; не могу понять, что это значит, а я отправил уже три письма. Полагая, что она должна быть[4] в Петербурге, я прошу вас это сказать и передать ей это маленькое письмо. Если ж она еще не в Петербурге, а в Калуге, то я прошу переслать его к ней немедлен<но>, и скажите ей также от себя, что ей не следует эту зиму оставаться в Калуге, но провесть хотя часть зимы в Петербурге, остановясь просто у Вьельгорских, ограничась одной комнаткой. На письмо это дайте мне немедленный ответ в Неаполь, адресуя в poste restante.

Весь ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

St. Pétersbourg. Russie.
Его высокоблагородию Аркадию Осиповичу Россети.
В С.-П. Бурге, против церкви Пантелеймона, в доме Быкова.

1170. А. О. Смирновой

Ноября 9 <н. ст.>. Флоренция <1846>.

Письмо мое без означения месяца, числа и места, откуда писано, вы, вероятно, получили. Не прогневайтесь за это забвение выставить[5] в надлежащем порядке, как следует, всё это

[1] *Далее начато:* Это
[2] человек опытный
[3] это так
[4] должна быть [в] те<перь>
[5] всё это выставить

на верхушке письма. Утешу вас тем, что я сей же час же вспомнил о том по запечатаньи письма. Впрочем, имея в это время столько дел и хлопот среди разъездов и в то же время среди других степеннейших занятий, мне извинительно было сделать эту оплошность. Всё же это, по крайней мере, более извинительно, чем не писать вовсе, как поступаете со мной вы. Но об этом довольно. Повторяю вам опять то же, что писал в последнем письме: если уже вы исполнили всё как следует и находитесь теперь в Петербурге, то мне не остается ничего более, как поцеловать мысленно прекрасные ваши ручки. Если вы до сих пор[1] еще в Калуге, то оставляйте всё и поезжайте в Петербу<рг>. Вы теперь будете там так же нужны мне, как и самой себе. Поезжайте одни, без детей, если это хлопотливо; остановитесь прямо у Вьельгорских, они вам дадут комнатку. Нужно именно, чтобы вы были у них. Так я хочу, — скажите им; впрочем, они и сами почувствуют, что так нужно и так следует. Бог вас да напутствует во всем! Больше ничего не хочу прибавлять. Вы поступите умно и без моих указаний, поговоривши с Плетневым, которому тоже нужно придать более жару и рвения. Он несколько как будто вял или разучился действовать живо и расторопно.

Ответ на эту записочку дайте немедленно в Неаполь.

Весь ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Александре Осиповне Смирновой.

1171. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

1846. 20 окт<ября> / 1 ноября. Москва.

Подписав последнюю корректуру второго издания «Мертвых душ» и твоего предисловия, беру перо, чтобы поблагодарить тебя еще раз за это сочинение, которое вырастает более при каждом чтении. Вгляделся ты глубоко в неразумную сторону России, с полною любовью к другой, еще невидимой, несознанной стороне, открытия которой в художественном мире мы все от тебя ожидаем. Твое предисловие мне пришлось по сердцу: мне кажется из него, что ты растешь духовно. Я желаю, чтоб оно ввело тебя в сношения во всеми возможными русскими людьми из всех сословий. Но можно ли узнавать Россию, живучи все так далеко от нее? Неужели не чувствуешь потребности побывать опять в ней, чтобы освежить впечатления и собрать новые? С нетерпением

[1] теперь

ждем того, что печатает Плетнев. «Мертвые души» пущу я вслед за этою книгой, как ты желаешь. На днях все будет отпечатано. Виньетку я заказал Тромонину, который сделает точно такую же, но лучше, чем Сивере. Благодарю тебя за твое замечание на мою книгу. Я послал к тебе второй выпуск через Вяземского. Не знаю, когда ты его получишь. Ты прав. Первая лекция может быть ясна и оправдана в глазах тех только, которые меня слушали. Все будет понятно, когда окончится весь труд. Если бы я мог найти полгода свободного времени, все бы окончил. Но это невозможно. Я несу разные обязанности. Кроме двух курсов по университету для студентов, читаемых мною ежегодно, я намерен еще в нынешнем году прочесть публичный курс истории всеобщей поэзии. От меня ждут слова. Я думал было сначала не читать, чтобы не отвлекаться от письменного труда. Ожидание публики меня не привлекало, хотя было мне и приятно. Но внутренний голос несколько раз повторил опять: читай. Я решился. Это отвлечет меня на время от издания, но в будущем году я надеюсь подвинуть его быстро. Теперь я не могу ожидать, чтобы книга моя возбудила большое сочувствие в публике, которая обворожена «Отечественными Записками» и «Вечным жидом». Но довольно того, что она в немногое время вся мне окупилась, а издание ее стоило 2700 с лишком рублей. Это уже важно для такой книги. Это мне служит большим подкреплением. Я надеюсь, что, когда выйдут все части, сочувствие будет явственнее и общее. Трудно мне бывает сосредоточивать волю свою в одном действии. Я желал бы иметь твои силы.

Мы все поражены были ужасною смертью Линовского, профессора сельского хозяйства, который был зарезан своим крепостным человеком, им же облагодетельствованным. Линовский был прекрасною надеждою для науки и так начинал понимать Россию! В течение недели мы все были как без ума и от этой потери, и от самого события. Жду с нетерпением твоего письма из Рима. Посылаю тебе записку наборщика ко мне. Я знаю, что ты любишь эти куриозы. Прощай.

Твой С. Шевырев.

Слог в предисловии твоем я весьма немного исправил только в том, что не совсем было гладко или согласно с нашими правилами. А, впрочем, вся твоя особенность, которою я весьма дорожу, осталась тут — и твой период.

1172. А. С. Данилевскому

<8–14 ноября (н. ст.) 1846. Флоренция>

8 ноябр<я>. Флоренция.

Стыдно тебе позабывать меня и ни строчки не написать в продолжение какого-нибудь целого года! Стыдно так не уважать моими просьбами и считать ни за что мои душевные запросы! Но, вместо тебя, я прилагаю здесь письмо к милой жене твоей; она, верно, лучше твоего исполнит мою просьбу. Тебе же прощаю твое пренебрежение и неисправность и в доказательство этого прощения посылаю тебе экземпляр моей книги, о которой скажи мне подробно и чистосердечно свое мнение, не скрывая ни которого из ощущений своих, — всё внаружу! Ты уже и сам, я думаю, теперь можешь почувствовать, что мне наиболее будут приятны те замечания, которые для всякого другого были бы неприятны. Не скрой от меня также и мнений всех других людей, какие ни услышишь. А потому я прошу тебя — старайся, при всякой встрече с людьми всех сословий и всех образований, заводить разговор о моей книге и всё это тот же час записывать в письме,[1] чтобы не позабыть, и не откладывая посылать мне. Сим только загладишь все прежние свои проступки и неответы на мои письма. Но прощай! Обнимаю тебя. Пиши в Неаполь, poste restante, и выставь мне самый удовлетворительный твой адрес. Мне очень жалко, когда письмо мое не доходит.

Твой Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Александру Семеновичу Данилевскому.

1173. М. И. Гоголь

Рим. Ноября 14 <н. ст. 1846>.

Не могу постигнуть причины вашего молчания. Я думал было, что застану, по крайней мере, по приезде моем в Рим от вас письмо, но и здесь обманулся. Вот уже более трех месяцев с лишком, как я не имею о вас ровно никакого известия. Я начинаю беспокоиться, не пропадают ли вновь как-нибудь письма, потому что, если бы случилось что-нибудь у вас в доме, — какое-нибудь несчастие, от которого да сохранит вас Бог, — кто-нибудь меня бы уведомил. Жду, что скажет мне Неаполь, куда отправляюсь на днях; авось-либо там[2] лежит ваше письмо. О себе

[1] записывать в письме и посылать ко мне

[2] и где авось-либо

скажу, что здоровье, слава Богу, становится несколько крепче, и если все обстоятельства хорошо устроятся, то надеюсь в начале будущего года отправиться в желанную дорогу на поклоненье Гробу Господню.

Скоро после этого письма или, может быть, вместе с этим письмом получите вы небольшую книгу мою, которая содержит отчасти мою собственную исповедь. Ее мне следовало принесть перед моим отъездом. Посылаю вам выпущенный в печати отрывок из завещания, относящийся собственно к вам и к сестрам. Хотя, благодаря неизреченную милость Божью, я еще раз спасен и живу, и вижу свет Божий, но вы все-таки прочитайте это завещание и постарайтесь исполнить (как вы, так и сестры) хотя часть моей воли при жизни моей.[1] Вы получите шесть экземпляров, из которых один для вас, другой для сестер. Третий экземпляр отправьте теперь же немедленно, вместе с приложенным при сем письмом, к Данилевскому, прося его, чтобы он уведомил как вас, так и меня о его получении немедленно. Четвертый экземпляр передайте Андрею Андреевичу, если он где-нибудь близко около вас; если ж он в Петербурге, тогда, разумеется, нечего отправлять. Вы можете только сказать ему, что один экземпляр был для него, но вы не послали его потому, что, находясь в Петербурге, он, вероятно, уже имеет его и успел прочесть.[2] Но, вместо того, вы отдайте этот четвертый экземпляр, вместе с двумя последними, тем святым людям, которые молились обо мне по монастырям; просите, чтобы они прочли мою книгу и помолились бы обо мне еще крепче, чем когда-либо прежде. Мне теперь еще более нужны молитвы. Это сделайте непременно. У вас будут выпрашивать, под разными предлогами, сестры лишний[3] экземпляр или для себя, или для приятельниц своих. Вы им не давайте: эта книга отнюдь не для забавы и не для ветреных светских девушек; здесь дело души, а потому нужно, чтобы ее прочли прежде всего духовники и люди, имеющие дело с душой и совестью человека. Прочие могут купить и повременить ее чтением. Вас прошу также, моя добрая и почтенная маминька, молиться обо мне и о путешествии моем и о благополучном устроении всех обстоятельств моих. Во всё время, когда я буду в дороге, вы не выезжайте никуда и оставайтесь в Васильевке. Мне нужно именно,

[1] еще при жизни моей

[2] *Далее начато:* А остальные два или

[3] который

чтобы вы молились обо мне[1] в Васильевке, а не в другом месте. Кто захочет вас видеть, может к вам и приехать. Отвечайте всем, что находите неприличным в то время, когда сын ваш отправился на такое святое поклонение, разъезжать по гостям и предаваться каким-нибудь развлеченьям. Сестры мои, если им не посидится, могут одни ехать в Полтаву.

Сестрам моим советую особенно прочитать покрепче приложенный при этом листок из завещания. И присоединяю[2] им, сверх того, еще несколько слов, которые прошу их так свято исполнить, как бы последнюю волю уже умершего их брата:

«Чтобы с этих пор увеличили[3] они ко всем ласковость и приветливость, гораздо в большей степени, чем прежде. У Лизы было что-то похожее на кокетничество, когда ей случалось говорить с молодыми мужчинами или просто быть при них. Чтобы это было выброшено из головы. Чтобы на всех молодых людей глядели они так, как сестра глядит на брата; чтобы были с ними искренни, простодушны, говорливы и говорили[4] так просто, как бы со мною, как бы век были знакомы со всеми ими. Чтобы на всякого пожилого и старого человека глядели бы, как на родного и как на весьма любимого дядю, если не как на отца; чтобы прислуживали ему и показывали такое внимание[5] и так упреждали бы малейшее желан<ие> его, чтобы ему показалось действительно, как бы перед ним его племянницы или внуки. Словом, чтобы повсюду вокруг распространилась даже молва о радушном угощении всякого гостя хозяйками деревни Васильевки и чтобы все знали, что есть действительно такое место, где всякий гость есть брат и наиближайший сердцу человек, несмотря на то, какого бы он состояния и звания ни был».

Вот мои прибавочные слова. В них мое душевное,[6] искреннее желание, и кто исполнит его, тот, значит, любит меня, и не бесчувственно его сердце, и еще есть частица истинного благородства в его душе. Когда всё у меня устроится, как следует, и я буду готов к путешествию, уведомлю вас о том письмом из Неаполя. До того же времени, т. е. до половины генваря, адресуйте все ваши письма в Неаполь, poste restante.[7] Теперь, покуда, вы можете

[1] молились во всем именно

[2] прилагаю

[3] увеличили бы

[4] говорили бы

[5] внимание к

[6] Это мое душевное

[7] *Далее начато:* А покуда прощайте. В половине же генваря нашего стиля или в конце его по новому стилю я полагаю, если будет так угодно

посетить все монастыри, прося молитв обо мне, и бывать везде по делам вашим. Но с половины генваря я попрошу вас помолиться обо мне уже в самой Васильевке. Прощайте до следующего письма.

<*На обороте:*>

Poltava. Russie.
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.
В Полтаву. Оттуда в д<еревню> Василевку. In Russia.

1174. С. Т. Аксакову

<10–14 ноября (н. ст.) 1846. Рим>

Что вы, добрый мой, замолчали, и никто из вас не напишет о себе ни словечка? Я, однако ж, знаю почти всё, что с вами ни делается; чего не дослышал слухом, дослышала душа. Принимайте покорно всё, что ни посылается нам, помышляя только о том, что это посылается тем, который нас создал и знает лучше, что нам нужно. Именем Бога говорю вам: всё обратится в добро. Не вследствие какой-либо системы говорю вам, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добыл я, добыл из скорбных и трудных моих минут. И ни за какие сокровища не захотел бы я, чтобы не было в моей жизни скорбных и трудных состояний, от которых ныла вся душа, недоумевал ум помочь. Ради самого Христа, не пропустите без вниманья этих слов моих. Адресуйте мне в Неаполь. Раньше генваря последних[1] чисел не думаю подняться в Иерусалим.

Ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

1175. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

<27 октября 1846. Москва>

Ты, конечно, уже в Риме: поздравляю тебя с возвращением на любимое твое сидение! — Мельгунов недавно возвратился из чужих краев, привез мне мало о тебе известий и нового только то, что ты, мой любезнейший, все-таки поедешь в Иерусалим. Да укрепит Бог твои телесные силы на это многотрудное странствование и да возвратишься ты с Востока свеж духом и бодр телом

Богу, пуститься в дорогу. Тогда вам и дана будет молитва обо мне в Васильевке.

[1] первых

на совершение многого и многого — всего, чего от тебя достойно и праведно ожидаем мы, люди русские, народ православный!

Вот тебе животрепещущие новости нашего литературного мира: «Современник» купили Никитенко, Белинский, И. Тургенев и прочие такие же, следственно, с будущего 1847 г. сей журнал, основанный Пушкиным, будет орудием щелкоперов. «Сын Отечества» оживляется под начальством Масальского. «Петербургские Ведомости» преобразуются и будут издаваться частными лицами. В Москве Драшюсов издавать будет «Московский Городской Листок» — ежедневную полицейскую газету! Погодина ждем на днях в Москву. «Москвитянин» остается по-прежнему.

Аксаковы переехали на зиму в Москву; бедный Сергей Тимофеевич опять сильно страдает глазами: говорят, что он лишится зрения; жаль почтенного и доблестного старца. Этаких людей мало и очень мало в наше время пошлости и подлости!

Будь здоров.

Твой Н. Языков.

Октября 27 дня 1846.

1176. М. И. Гоголь

Неаполь. Ноября 19 <н. ст.> 1846.

Наконец в Неаполе нашел я письмо от вас (от октябр<я> 4), писанное вами по возвращении вашем из Киева. Оно меня очень утешило, так же как и письма всех троих сестер. Велика милость Божья, внушающая нам благие помышления. Так и ваша поездка в Киев, она была внушена вам Богом, а потому и плоды ее благодатны. Благодарю вас всех за ваши письма. Одного только мне хотелось во время чтенья их: чтобы они были подлиннее. Всякое слово мне было приятно и всякая строчка приносила мне душевное удовольствие. Нет, мои добрые сестры, пишите мне всё, совершенно всё; вы теперь не можете написать пустяков. Благодаренье вечное Богу: вы теперь на прекрасной дороге. Всякое малейшее происшествие, малейший, ничтожный случившийся с вами анекдот теперь будет не ничтожен, потому что он выразит или чувство, в то время вас наполнявшее, или состояние душевное ваше, или что-нибудь такое, что покажет мне ближе и лучше вас и поможет мне лучше понять вас и ваше назначение и братски помочь вам в стремленьи к тому совершенству, к которому мы все должны стремиться. Не скрывайте от меня никаких недостатков своих, пишите всё и не стыдитесь перед мною. Теперь не упрекну я вас ни

в чем, да и мне ли, обремененному своими собственными несовершенствами, негодовать на вас? Нет, мы посоветываемся обоюдно о том, как быть нам лучшими и как исполнить на земле то, для чего мы призваны на землю. А потому постарайте<сь> так, чтобы письма ваши походили как бы на журнал всех действий ваших и всех даже помышлений и чувств ваших. Нужно, чтобы каждая из вас писала ко мне так, как бы к наилучшему другу своему, не только брату по земному родству здешнему, но брату по небесному, высшему родству. Адресуйте письма в Неаполь, прибавляя на место poste restante: Palazzo Ferandini. Я еще не скоро отправляюсь в Палестину. Есть еще много дел, которые мне нужно кончить, без чего[1] будет неспокойна моя совесть и мне будет невозможно поклониться Гробу Господню так, как бы я хотел. Итак, да будет во всем Божья воля! Молитесь о том, чтобы дал мне силы Всевышний Промыслитель[2] наш исполнить тот труд, который должен я совершить прежде отправления моего, чтобы свежесть и здоровье не оставляли меня на всё то время, какое нужно для написания его. Вы уже, вероятно, имеете в руках своих мою книгу, содержащую в себе исповедь некоторых дел моих. Скажите мне о ней[3] всё, что ни почувствуют сердца и души ваши, равно как и всё, что ни услышите о ней от других людей, все отзывы, — какие ни услышите даже и от таких людей, которые почти неграмотны и почти вовсе ничего до того не читали. Особенно передавайте те, которые не в похвалу моей книги: такие именно мне нужны.[4] Не оставляйте уведомлять меня о хозяйстве по-прежнему. Расходы и приходы, записанные Лизою, получены мною в исправности. Я бы желал, однако ж, что<бы> в приходе было прибавляемо,[5] кому именно продана всякая вещь и на какое употребление. В двух местах сказано «с проезжающих» и не сказано, за что. Если это за проезд через греблю или мосты, то этот сбор нужно прекратить, он же и невелик. Или, пожалуй, можно сбирать, но в пользу бедных и неимущих. А потому и мужик, приставленный при таком сборе, должен об этом говорить всякий раз тем, с которых берет деньги, и попросить их[6] сказать свое имя, чтобы знали бедные, о ком следует им помолиться и за кого просить Бога. Прочее всё

[1] и без которых
[2] Бог
[3] и напи<шите> о ней
[4] *Фраза вписана.*
[5] именно прибавляемо
[6] *Далее начато:* что

хорошо и, верно, будет еще лучше, когда станете перечитывать почаще расходы и взвешивать сравнительно всякую вещь одну с другою, чтобы видеть, которая из них необходимей другой и без которой можно обойтись. Затем обнимаю вас всех. Ответ на это письмо дайте мне немедленно. Да и вообще будет лучше, если заведете так, чтобы не откладывать ответами на мои письма: не сможете отвечать на всё, отвечайте на некоторое; всё будет лучше, нежели совсем не отвечать. Итак, до следующей почты.

Весь ваш Николай.

Из Петербурга вы получите еще четыре экземпляра, чтобы таким образом всякой сестре досталось по экземпляру. Ибо теперь я вижу, что книга моя будет вам доступна и понятна, и вы сделаете из нее прекрасное употребление, если будете почаще перечитывать ее. Об этом я молюсь Богу и твердо уверен, что будет так.

<На обороте:>

Poltava. Russie.
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь.
В Полтаве. Оттуда в д<еревню> Василевку.

1177. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

<29 октября 1846. Москва>

Недавно писал я к тебе в Рим. Если ты не получил письма моего, то выпиши его оттуда. Вслед за тем получил твой большой пакет с «Развязкой Ревизора» и с письмом к Щепкину, Он болен по возвращении из Крыма, но теперь ему получше. Я прочел ему и письмо твое, и «Развязку». Все это его тронуло до слез. Спешу передать тебе то впечатление, которое на меня произвела эта «Развязка». В ней я вижу прекрасную дань твоего уважения к таланту Щепкина. Если бы даже она и не была сыграна, то, напечатанная, она будет памятником, тобою воздвигнутым в честь нашего истинно первого комического актера. Но, предлагая ему эту пиесу в бенефис, не подвергаешь ли ты его скромность искушению? Сам хозяин бенефиса предложит актерам и публике пиесу, в которой будут венчать его? Что касается до внутреннего содержания, то горячий спор веден мастерски и как будто списан с наших прений; но нужно необыкновенное искусство актеров, чтобы передать высокую простоту этого спора, а если этого искусства не будет, то все охладит зрителя, который сочтет все это одним рассужденьем, а не драмою живою — следствием драмы

сценической. Замечу еще одно: зрителю не покажется ли, что ты сам слишком заботишься о толковании своей пиесы? В заключении сравнение города с душевным городом, Хлестакова с внешней светской совестью, а настоящего ревизора с внутреннею — не покажется ли аллегориею? Это будут слушать как проповедь. Комик и без того род проповедника в своей комедии, но зачем же прибавлять комедии проповедь? Это опасно. Много глубокого и сильного сказал ты в последнем слове актера, но со сцены так оно подействует, как в чтении? Может быть, я во всем ошибаюсь, но счел за нужное сказать, что думаю.

Поручения твои все будут исполнены. Пошлются немедленно два экз<емпляра> в театр<альную> цензуру и в печатную. Печатать «Ревизора» ты будешь в Петербурге али в Москве? уведомь. «Мертвые души» отпечатаны. Сегодня отправляю экз<емпляр> в Петербург для цензуры. Выпущу, когда выйдет твоя «Переписка». Дай мне свои распоряжения насчет твоих денег. Ты хочешь от меня вестей о том, что здесь говорят о тебе. Когда я слушаю эти вести, всегда вспоминаю город NN в «Мертвых душах» и толки его о Чичикове. Глубоко ты вынул все это из нашей жизни, которая чужда публичности. Если желаешь, пожалуй — я тебе все это передам. Ты, кажется, так духовно вырос, что стоишь выше всего этого. Начну с самых невыгодных слухов. Говорят иные, что ты с ума сошел. Меня встречали даже добрые знакомые твои такими вопросами: «Скажите, пожаласта, правда ли это, что Гоголь с ума сошел?» — «Скажите, сделайте милость, точно ли это правда, что Гоголь с ума сошел?» Прошлым летом тебя уж было и уморили, и даже сиделец у банкира, через которого я к тебе отправлял иногда деньги, спрашивал у меня с печальным видом: правда ли то, что тебя уже нет на свете? — Письмо твое к Жуковскому было напечатано кстати и уверило всех, что ты здравствуешь. Письмо твое вызвало многие толки. Розен восстал на него в «Северной Пчеле» такими словами: если «Илиаду» и «Одиссею» язычник мог сочинить, что гораздо труднее, то, спрашивается, зачем же нужно быть христианином, чтобы их перевести, что гораздо легче. Многие находили это замечание чрезвычайно верным, глубокомысленным и остроумным. Более снисходительные судьи о тебе сожалеют о том, что ты впал в мистицизм. Сенковский в «Библиотеке для Чтения» даже напечатал, что наш Гомер, как он тебя называет, впал в мистицизм. Говорит, что ты в своей «Переписке», которая должна выйти, отрекаешься от всех своих прежних сочинений, как от грехов. Этот слух огорчил даже всех друзей твоих

в Москве. Источник его — петербургские сплетни. Содержание книги твоей, которую цензуровал Никитенко, оглашено было как-то странно и достигло сюда. Боится, что ты хочешь изменить искусству, что ты забываешь его, что ты приносишь его в жертву какому-то мистическому направлению. Книга твоя должна возбудить всеобщее внимание, но к ней приготовлены уже с предубеждением против нее. Толков я ожидаю множество бесконечное, когда она выйдет.

Сочинения твои все продолжают расходиться. Скопляется порядочная сумма. Я не тороплюсь исполнять твое поручение. Еще будет время. Аксакову письмо я доставил. Он страдает глазами. Погодин только что возвратился из славянских земель. Прощай. Обнимаю тебя.

Твой С. Шевырев.

Прибавлю еще к сказанному, что если бы вышла теперь вторая половина «Мертвых душ», то вся Россия бросилась бы на нее с такою жадностию, какой еще никогда не было. Публика устала от жалкого состояния современной литературы. Журналы все запрудили пошлыми переводами пошлых романов и своим неистовым болтаньем. «Странствующий жид» был самым любоп<ытным> явленьем. Три книгопродавца соревновали о нем. Ходебщики Логинова таскали за ноги «Вечного жида» по всем углам России. Ты думал о том, как бы Россия стала читать «Одиссею». Нет, если хочешь взглянуть на существенность, подумай о том, как Россия читает «Вечного жида», «Мартына Найденыша», «Графа Монте-Кристо», «Сына тайны» и проч., и проч., и проч. Не худо заглядывать иногда во все это. Не пора ли дать ей получше пищи? Может быть, она и приготовлена в Петербурге. Твоей новой книги еще не знаю. Но мы ждем от тебя художеств<енных> созданий. Я думаю, что в тебе совершился великий переворот, и, может быть, надо было ему совершиться, чтобы поднять вторую часть «Мертвых душ». О, да когда же ты нам твоим творческим духом раскроешь глубокую тайну того, что так велико и свято и всемирно на Руси нашей! Ты приготовил это исповедью наших недостатков, ты и доверши.

1178. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Окт<ября> 31 с<т>. с<т>. 1846. Москва.

Вслед за письмом, которое я к тебе отправил тому назад два дня, отправляю к тебе другое. Извини меня: я в письме

своем сказал, может быть, не то, что следовало. Чем более вчитываюсь в «Развязку Ревизора», тем глубже и глубже мне она кажется. Я посудил об ней, как будет, может быть, судить публика, особенно в тех местах, которые примет она за нравоучение и от которых еще кислее сделает рожу, чем от «Ревизора». Но чем более и более я сам, уже не от лица публики, вникаю в это произведение, тем глубже оно мне является, тем более вижу, как ты духовно вырос и дорос до второй части «Мертвых душ», в которой, как надеемся, представишь такое добро, где уж будет точно добро. Не понимают, что надобно до этого дорасти и что ты растешь к этому. Отсюда и все нелепые толки, даже и близких тебе, которые тебя в новом периоде твоей жизни не понимают.

Сегодня я еще два раза перечитывал «Развязку» и послал два экз<empляра> к Плетневу для двух цензур и написал письмо к Веневитинову для передачи просьбы твоей графу Вьельгорскому.

Щепкин все еще нездоров. Нельзя было лучшего воздвигнуть ему памятника, как эта «Развязка». Спасибо тебе. Ты придашь, может быть, тем ему новых сил для довершения его поприща. Обнимаю тебя.

Твой С. Шевырев.

Литературная новость — у нас в Москве с нового года издается «Городской Листок» ежедневно; издатель — очень благородный и деятельный человек, Драшусов. Я принимаю участие. Если захочешь что скорее сообщить публике, то милости просим. Твоя книга, конечно, подаст повод ко многим разборам и прениям. Вероятно, и «Листок» будет их отголоском в твою сторону.

В Петербурге идет большая возня и пересадка. «Современник» в руках Никитенко, предводителя школы натуральной. Огромные академич<еские> «Ведомости». Смирдин издает всех русских писателей самым дешевым изданием. Бернардский издает 100 рисунков к «Мертвым душам». Ты, конечно, об этом слышал. Должны выйти на днях.

1179. В. А. Жуковскому

Неаполь. Ноября 24 <н. ст. 1846>.

Спешу уведомить, друг мой бесценный, несколькими строчками[1] о себе. Я прибыл благополучно в Неаполь, который во всю дорогу был у меня в предмете, как прекрасное перепутье. На душе

[1] Спешу уведомить несколькими строчками, что

у меня так тихо и светло, что я не знаю, кого благодарить за это; кто вымолил своими чистыми молитвами мне это состоянье у Бога? О, да будет за то вся жизнь его так же светла, как светлы мне эти минуты! Неаполь прекрасен, но чувствую, что он никогда не показался бы мне так прекрасен, если бы не приготовил Бог душу мою к принятью впечатлений красоты его. Я был назад тому десять лет в нем и любовался им холодно. Во всё время прежнего пребыванья моего в Риме никогда не тянуло меня в Неаполь; в Рим же я приезжал всякий раз как бы на родину свою. Но теперь во время проезда моего через Рим уже ничто в нем меня не заняло, ни даже замечательное явление всеобщего народного восторга от нынешнего истинно достойного папы. Я проехал его так, как проезжал дорожную[1] станцию; обонянье мое не почувствовало даже того сладкого воздуха, которым я так приятно был встречаем всякий раз по моем въезде в него;[2] напротив, нервы мои услышали прикосновенье холода и сырости. Но как только приехал я в Неаполь, всё тело мое почувствовало желанную теплоту, утихнули нервы, которые, как известно, у других еще раздражаются от Неаполя. Я приютился у Софьи Петровны Апраксиной, которой тоже, может быть, внушил Бог звать меня в Неаполь и приуготовить у себя квартиру. Без того, зная, что мне придется жить в трактире и не иметь слишком близко подле себя желанных душе моей людей, я бы, может быть, не приехал. Душе моей, еще немощной, еще не так, как следует, укрепившейся для жизненного дела, нужна близость прекрасных людей затем, чтобы самой от них похорошеть. В Риме встретил я в нашей церкви у обедни Блудова, к которому, разумеется, я тот же час подошел. Он немного постарел, но нынешнее выраженье лица его мне очень понравилось: в нем что-то приятное и благостное. Он меня принял очень приветливо. К сожаленью, я не застал его дома, бывши на другой день у него, и не могу больше рассказать о нем ничего. Покамест, как мне показалось, он доволен своими делами и папой, о котором отзывается с большим уваженьем. На почте нашел я здесь себе письмо, пересланное мне из Франкфурта, на конверте которого знакомая мне ручка, вычеркнувши все прежние строки, начертала весьма четко мое имя, вместе с словами poste restante, так что в мыслях моих вдруг предстал и сам прекрасный хозяин ее. Из Петербурга я не получил еще ни одного письма и не имею никаких известий. Но это меня не беспокоит. Душа моя глядит светло вперед. Всё

[1] *В подлиннике:* дорожнюю

[2] в Рим

будет так, как Богу угодно; стало быть, всё будет прекрасно. Одно может случиться, по-видимому, поперечное моим делам: то есть, что это замедленное появление моей книги может на несколько далее отодвинуть отъезд мой к святым местам. Но если[1] так действительно случится, то значит, что в этом воля Божья и что так действительно долженствует быть. Я и прежде никак не думал упрямо и по своей собственной воле предпринимать[2] это путешествие, но ожидать указаний Божьих, которые признаю в попутном ходе всех к тому споспешествующих обстоятельств и в отстранении всех препятствий. Я и прежде думал не иначе отправляться в такую дорогу, как в сообществе хотя нескольких близких сердцу моему людей. Не потому, чтобы я боялся каких-либо опасностей в незнакомых землях, но потому, что еще немощен духом, еще не могу обходиться без помощи людей, еще не имею сил один сам собой возноситься к Богу и жить, по примеру праведников, в непосредственной беседе с ним. Наконец указаньем Божьим считаю я и возрастанье самого желанья ехать. Верю, что когда приспеет законное время и час садиться на корабль, желанье это возрастет в такой силе, что я не буду чувствовать сам, как взойду на палубу,[3] не почувствую сам, как понесусь, подобно неодушевленному кораблю, послушному попутному веянью одушевленного небесного дыхания. А покаместь я должен сидеть у моря и ждать погоды терпеливо, приглядываясь и прислушиваясь ко всему, что ни делается, и вопрошая ежеминутно как собственный свой разум, так и все силы и способности, данные мне Богом. Но... брат мой прекрасный, до следующего письма. Всех вас обнимаю, как близких и родных моему сердцу.

Г<оголь>.

Адрес мой: Palazzo Ferandini; впрочем, можно и просто: poste restante.

<На обороте:>

Francfort sur Mein.

Son excellence monsieur Basile de Joukoffsky.

Francfort s/M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor.

[1] если это

[2] замышлять

[3] на корабль

1180. А. О. Смирновой

Неаполь. Ноября 24 <н. ст. 1846>.

Наконец от вас письмо, друг мой Александра Осиповна! Велик Бог! Что было вам в страданье, то обратится вам в радость. Глядите светло вперед: всё будет прекрасно. Всё устроит Бог как лучше и как должно. Если бы вы были вполне здоровы, вы были бы мне теперь нужны в Петербурге, но еще не вполне укрепившееся ваше здоровье заставило вас остаться в Калуге, — стало быть, это верный знак, что внутри России будете мне еще нужнее, чем в Петербурге. О себе скажу, что здоровье мое вашими ли молитвами или, может быть, общим дружным соединением молитв многих угодных Богу людей, которые всё время молились обо мне безустанно, поправилось неожиданно, совершенно противу чаяния[1] даже опытных докторов. Я был слишком дурен, и этого от меня не скрыли. Мне было сказано, что можно на время продлить мою жизнь, но значительного улучшения в здоровье нельзя надеяться. И, вместо того, я ожил, дух мой и всё во мне освежилось. Передо мной прекрасный Неаполь и воздух успокоивающий и тихий. Я здесь остановился как бы на каком-то прекрасном перепутьи, ожидая попутного ветра воли Божией к отъезду моему в Святую Землю. В отъезде этом руководствую<сь> я Божьим указаньем и ничего не хочу делать по своей собственной воле. А потому гляжу на устроение всех споспешествующих к тому обстоятельств. Путешествие это и прежде предполагалось предприняться таким образом, когда мне удастся всё сделать, что следует для того, чтобы с спокойной совестью отправиться в дорогу. Оно предполагалось не иначе произвестись, как в сообществе близких душе и сердцу моему людей; я еще не так окреп духом, чтобы в силах одному пуститься в такую дорогу. Еще немощна душа моя и не может без помощи других помолиться так, как бы хотела помолиться. Теперь замедления разных родов по поводу печатанья книги и вообще моих дел в Петербурге останавливают устроение всех споспешествующих обстоятельств к путешествию. Стало быть, воля Божия, чтобы на несколько времени я отодвинул назад отъезд мой. Со всеми теми людьми, которые хотели также ехать в этом году, случились тоже разные непредвиденные задержки. Стало быть, нет еще воли Божией, чтобы я подымался в дорогу. Как погляжу внутрь самого себя, вижу, что далеко еще не готов к этому путешествию. Еще многого, многого того не сделал, без чего не в силах буду, как следует мне,

[1] ожиданья

помолиться. Путешествие мое не простое поклоненье. Путешествие мое для испрошенья благословен<ия> Божьего на подвиги мои в жизни, на те дела и подвиги, для которых даны мне им же способности, которых мне не следовало до времени выказывать, но воспитать прежде в самом себе. Школьник, который даже и лучше других учился, всё однако же робеет, помышляя об экзамене и о предстоящем ему выпуске; как же не робеть тому школьнику, который чувствует, что еще нерадиво учился? Но да будет во всем воля Божья! Еще ничего не знаю, еду я или не еду этой зимой. Но не колеблюсь духом, готовясь встретить светло всё, что ни определит мне Божья воля. В Неаполе я у моря и жду погоды; остановился под крышей у Софьи Петровны Апраксиной. На письмах выставляйте Palazzo Ferandini или же по-прежнему poste restante.

Весь ваш Г<оголь>.

Ради Бога, не оставляйте меня уведомлен<ием> обо всем том, что делается с вами, хотя небольшие отрывки из дневника вашей жизни!

<*На обороте:*>

Kalouga. Russie.
Ее превосходительству Александре Осиповне Смирновой.
В Калуге.

1181. Графу А. П. Толстому

Неаполь. Ноября 24 <н. ст. 1846>.

Спешу к вам написать несколько строчек из Неаполя, куда я прибыл благополучно, хотя после долгого странствования. В Неаполе так прекрасно и тепло. В душе моей стало так приютно и светло здесь, что я не сомневаюсь, что и с вами будет то же, если вы сюда заглянете. Как вы обрадуете вашу сестрицу своим приездом! Русских здесь почти ни души; покойно и тепло, как нигде в другом месте. Солнце просто греет душу, не только что тело. Какая разница даже с Римом, не только с Парижем! Из Петербурга я еще не имею никаких известий и писем, но это меня ничуть не смущает; душа моя глядит светло вперед; всё будет прекрасно, потому что всё будет так, как угодно Богу, а Богу угодно только, что прекрасно и что в добро душе нашей. Вашей племяннице, Нат<алье> Влад<имировне>, гораздо лучше против того состояния, в котором я видел ее в Риме. Воздух ее целит видимо. Напишите мне слова два об Иване Петровиче. Я полагал, что уже найду его здесь; о нем беспокоятся. Усердный поклон графине. Ради

Бога, не позабудьте написать ответ на это письмо немедля и объявите о себе всё, что ни случается с вами теперь. Из Франкфурта я писал к вам письмо; не знаю, получили ли. Ваше письмо с приложеньем письма Иконникова пришло ко мне весьма странно, в ту минуту, когда я садился в дорогу. Вы говорите, может быть, оно будет мне кстати. Я не понял, в каком смысле. Иконников вам отсоветовывает в нем пускаться в дальнюю дорогу. Не есть ли это также и ваша мысль? Не хотели ли также и вы сказать мне этим, что мне теперь еще не следует пускаться в Иерусалим? Как бы то ни было, но обстоятельства так устраиваются, что, может быть,[1] поезд мой, точно, на несколько времени отдалится. Еще страннее, что почти со всеми теми людьми, которые, подобно мне, хотели ехать в этом году, случились непредвиденные задержки, иные даже возвратились с дороги. Во всяком случае, я никак не руководствуюсь в этом деле собственной волей и не иду упрямо наперекор всему, но жду указаний Божиих, которые мне проявятся в попутном ходе всех споспешествующих к моему путешествию обстоятельств. Знаю только то, что будет в несколько <раз> лучше то, что придумает воля Божия, а поглядевши на себя пристально, видишь в то же время, что еще далеко не готов к этому путешествию и что несравненно нужно сделать больше того, что сделал я, для того, чтобы ехать с совестью покойной в этот путь. Божья милость дала мне силу уже сделать одно, чего я и не думал сделать при моем бессилии и телесном и душевном; верю, что даст она же мне силу сделать и другое, которое более подвинет вперед, то есть к готовности в дорогу. Но до следующего письма! Прощайте, не позабудьте отвечать.

Весь ваш Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Paris.
Son excellence monsieur le c-te Alexandre Tolstoy.
Rue de la Paix, 9. Hôtel Westminster.

1182. М. П. Погодину

<Осень 1846>

Ты не поехал в Иерусалим и был прав, принявши за указание встретившиеся препятствия. Когда готово сердце и зовет душу Бог на такое дело, тогда не останавливают нас никакие препятствия: несешься весь, как корабль, покорный попутному

[1] может быть, мне

дыханию небесного ветра. Письмо мое могло иметь значение только в таком случае, если бы <ты>, точно, отправился. Ты говоришь, оно вообще[1] неудовлетворительное, в нем не сказано, в чем проступки Погодина и в чем ему следует исправиться. Друг мой, я не имею права тебе указывать. Ты мне можешь, потому что об этом я тебя просил. Я просил письмом, назад три года, от вас трех, не только от тебя одного, которого я просил прежде, указать мне всё, что[2] есть во мне низкого, недостойного, — по крайней мере, в том, как оно кажется каждому,[3] если не есть;[4] душа моя желала упреков и указаний; на это письмо не было ответа. Ты — мастер видеть только недостатки в том, кто тебя лично разгневал; в том же, кто на твоей стороне или твоих образов мыслей, ты не видишь никаких недостатков, не в силах и не можешь их видеть, так же, как не можешь видеть и в себе самом.

1183. С. П. Шевыреву

Неаполь. Декабря 1 <н. ст. 1846>.

Сейчас взял на почте твое письмо от 20 октября / 1 ноября. Оно шло несколько долго. Благодарю тебя за все труды и старания. Жду известия по делу «Ревизора», равно как и мнения твоего о посланной тебе «Развязке» его, в письме к Щепкину. Теперь же прошу тебя еще вот о чем: устрой, чтобы в «Московских Ведомостях» было напечатано объявление о втором издании «М<ертвых> д<уш>» и выписано целиком предисловие. Я опасаюсь, что те, которые имеют уже первое издание и, стало быть, не имеют надобности во втором, не будут иметь случая прочесть предисловия, а мне слишком важны все замечания. Все же те замечания, которые будут присланы к тебе, не замедли никак доставлять мне. Я надеюсь, что ты будешь иметь деньги на все эти издержки от распродажи «М<ертвых> д<уш>», которые, вследствие книги: «Выбранные места», должны разойтись скоро.

Жду с нетерпением получения второго выпуска твоих лекций. Ты поступил умно и не без высшего вразумления, приостановив их печатанье. Через год или полгода времени они будут встречены с большей жаждой, чем теперь. Самое предуготовительное чтение истории всеобщей, по моему мнению, решительно

[1] *В подлиннике:* общи

[2] что на ваши глаза и особенно

[3] кажется вам

[4] *Далее начато:* на это пись<мо>

необходимое теперь и даже более необходимое, чем когда-либо прежде, приуготовит и введет читателей и слушателей в существо твоего русского курса, которое для многих иначе даже и не может сделаться доступным. Бог да сопутствует тебе во всем! Дай мне сей же час твое искреннее и чистосердечное мнение о книге моей, не скрывая ничего. Из нее ты более почувствуешь, что мне следует всё говорить, что ни есть на душе: всё, с помощию Бога, обратится в добро моей душе. Передай мне также замечания и других, от кого их ни услышишь, не выключая даже простых и крепостных людей и не скрывая имен их…

1184. Государю Императору Николаю Павловичу

<Начало декабря (н. ст.) 1846. Неаполь>

Всемилостивейший Государь![1]

Не вознегодуйте что дерзаю возмущать маловременный отдых Ваш от многотрудных дел, моей, может быть неуместной, просьбой. Еще более года суждено мне не видать моего отечества: для укрепленья моего в едва начинающем поправляться здоровьи моем потребен мне климат юга; для укрепленья же моего здравия душевного, еще более мне нужного, чем телесное, потребно мне путешествие ко Святым Местам, составлявшее издавна живейшее желание мое. Я осмеливаюсь просить *Ваше Императорское Величество* о *Высочайшем* повелении *Вашем* выдать мне пашпорт на полтора года, особенный и чрезвычайный, в котором бы *Великим Именем Вашим* склонялись все власти и начальства Востока к оказанью мне покровительства во всех тех местах где буду проходить я. *Государь*! Знаю, что осмеливаться *Вас* беспокоить подобной просьбой может только один именитый, заслуженный гражданин *Вашего Государства*, а я ничто: дворянин незаметнейший из ряду незаметных, чиновник, начавший было служить *Вам* и оставшийся поныне в 8 классе, писатель, едва означивший свое имя кое-какими незрелыми произведеньями. Но не я причиной ничтожности моей: десять лет тяжких недугов оторвали меня от тех трудов к которым я порывался; десять лет тяжких внутренних страданий душевных лишили меня возможности подвизаться на полезных поприщах пред *Вами*. Но не пропали эти годы: Великой Милостью Бога устроенно было так чтобы совершалось в это время мое внутреннее воспитание, без которого не принесла бы

[1] *Далее в письме оставлен большой пробел, куда позднее, 29 декабря 1846 г., была вписана резолюция графа В. Ф. Адлерберга (см. коммент. к письму).*

пользы отечеству моя найревностнейшая служба; Великой Милостью Бога вложены в меня некоторые необщие другим способности, которых не следовало мне выказывать, покуда не вызреют они во мне и не воспитаются, и которыми по возвращеньи моем из Святой Земли я сослужу *Вам* службу так же верно и честно, как умели служить истинно *Русские* духом и сердцем. Тайный, твердый голос говорит мне что не останусь я в долгу перед *Вами*, *Мой Царственный Благодетель*, Великодушный спаситель уже было погибавших дней моих!

Двойными узами законного благоговения и вечной признательности сердца связанный с *Вами* вечно

Верноподданный ваш

Николай Гоголь.

1185. П. А. Плетневу

Неаполь. Декабря 4 <н. ст. 1846>.

Долго, долго нет от тебя ответа. Дело, как видно, затянулось. Всё бы, однако ж, тебе следовало меня уведомить хотя двумя строчками об исправном получении моих писем с приложеньями как пятой тетради, так и поправок, посланных вослед за нею, писем к Щепкину, Вьельгорским и проч. Но не смею, впрочем, винить тебя, зная, как много зависит не от нас. Даже не смущаюсь и не беспокоюсь долгим молчанием твоим. Сердце мое верит, что всё будет хорошо и будет так, как быть должно; стало быть, еще лучше, чем нам хочется. Посылаю тебе при сем прилагаемую статью, которую ты прочти внимательно и дай на нее чистосердечный и немедленный ответ: я буду беспокоиться, если не получу его. Сверх означенного мною числа экземпляров книги для посылок кому следует, пришли мне еще три или четыре экземпляра. К тебе явится Любимов за ними. Ему можешь также поручить и другие присылки ко мне посредством курьеров, если тебе будет хлопотливо и скучно трактовать[1] об этом с графиней Нессельрод. Впрочем, она — добрая женщина, и я уверен, что она постарается о том, чтобы всё дошло поскорее в мои руки. Не поскучай также немедленной отправкой ко мне (также посредством курьеров) всех тех писем, которые получишь от разных лиц[2] с замечаньями на «М<ертвые> души». Эти письма мне очень, очень нужны, одним словом — так нужны, как никто не может знать, кроме

[1] переговаривать

[2] *Далее начато:* в которых

разве одного меня. Отправь также моей матери, кроме прежних шести экземпляров, еще шесть других и Шевыреву также сверх посланных еще шесть. Затем в ожиданьи нетерпеливом известий от тебя остаюсь

Твой Г<оголь>.

1186. Графине А. М. Виельгорской

Неаполь. Декабрь 8 <н. ст. 1846>.

Пишу к вам несколько строчек, моя добрейшая Анна Миха<й>ловна. «Ревизора» надобно приостановить как представление на сцене, так и печатанье. Ему еще не время являться в таком виде перед публику. Сообразя все толки, мнения и мысли, ныне обращающиеся в свете, равно как и состояние нынешнего общества, я признаю благоразумным отложить это дело до следующего года. А между тем в это время я оглянусь получше и на себя, и на свое дело. Стало быть, с вас также снимается обуза быть распорядительницей денежных раздач бедным, которой[1] я обременил как вас, так и другие[2] христолюбивые души, что объявите им, а также и Плетневу, которому при сем передайте письмецо. Проволочка по делам моим, равно как и разные препятствия, которые пришлись не без пользы душе моей, суть, между прочим, причиной, что приезд мой к вам в Россию еще должен быть отложен на год. Самого путешествия в Иерусалим, так желанного сердцу моему, я не в силах предпринять теперь так скоро, как бы хотел, именно через все эти проволочки и задержки. Во всем этом узнаю волю Небесную; слышу, что всё это совершает и творит Божья милость не без прекрасного смысла. Мне нужно сделаться более достойным такого путешествия, нужно более созреть духом к этому времени. На прошлой неделе отправил я к вашему папиньке письмо с приложеньем письма к Государю, в котором я прошу о выдаче мне пашпорта еще на год в таком виде, в каком может приказать выдать один Государь. Постарайтесь, чтобы это было сделано поскорее.[3] За Миха<и>лом Юрьевичем водится, как сами знаете, забывчивость, а потому вы ему об этом напомните. Письмо, если пожелаете, можете также прочесть и вы... Но до следующей почты. Жду с нетерпением от вас ваших писем и ваших откровенных мнений и мыслей о моей книге «Выбранные места»,

[1] *В подлиннике:* которым
[2] других
[3] *Далее начато:* потому что

которая, вероятно, уже вышла. Присовокупите к вашим собственным сужденьям отзывы всех, кого ни услышите, хорошие и дурные, не скрывая ничего, ни даже имен тех, которые их произнесут. Всё это мне нужно; всё меня учит и вразумляет. Прощайте.

Весь ваш Г<оголь>.

Адресуйте в Неаполь.

<*На обороте:*>

St. Pétersbourg. Russie.

Ее сиятельству графине Анне Михайловне Вьельгорской.

В С. П. Бурге. На Миха<й>ловской площади, близ Михайлов<ского> дворца. В доме графа Вьельгорского.

1187. П. А. Плетневу

Неаполь. Декабрь 8 <н. ст. 1846>.

«Ревизора» надобно приостановить как печатанье, так и представленье. Судя по тем вестям, которые имею, и по некоторым препятствиям и, наконец, принимая к сведению некоторые замечания Шевырева, изложенные им в письме, которое я сейчас получил, я вижу, что[1] «Ревизор с Развязкой» будет иметь гораздо больше успеха, если будет дан через год от нынешнего времени. К тому времени я и сам буду иметь время получше оглянуть это дело, выправить пиесу и приспособить более к понятиям зрителей. Теперь же «Развязка Ревизора» в таком виде, как есть,[2] может[3] произвести[4] действие противоположное и, при плохой игре наших актеров, может выйти просто смешной сценой. А потому, если, к счастию, еще не отдана в цензуру рукопись, то удержи ее под спудом у себя. Если ж отдана, то, взявши ее немедленно как бы для некоторой поспешной перемены, положи под спуд, употребив елико возможные меры к тому, чтобы она не пошла во всеобщую огласку. От Шевырева я, между прочим, узнал новость, о которой ты меня совсем не известил, а именно, что «Современник» уже не в твоих руках, а перешел в руки к Никитенку, Белинскому и Тургеневу. А я послал (ничего об этом не ведая) на прошлой неделе тебе статью о «Современнике», которую ты, вероятно, имеешь уже в руках и прочел. Не смею теперь никаких сделать тебе замечаний: они могут быть и ошибочны, и некстати. Скажу тебе

[1] что он гораздо бол<ьше>

[2] которая так, как есть

[3] может быть

[4] произвести теперь

только то, что мне кажется,[1] что теперь, именно в нынешнее время, именно с наступающего 1847 года, твое участие в литературе гораздо нужнее, чем до этого времени. Во всё же минувшее время оно мне казалось совершенно бесплодным. Так что мне кажется, если бы ты даже вместо «Современника» стал бы издавать «Северные Цветы», то и это было бы полезно. А впрочем, да вразумит тебя во всем Бог и наведет сделать то, что тебе следует, что, вероятно, тебе известней лучше, чем кому другому, а в том числе[2] и мне. Что же касается до статьи моей, то поступи с ней так, как найдешь приличней. Давно уже я не имею от тебя ни строчки. Из Петербурга вестей ни от кого. Но авось пошлет их Бог скоро. Прощай, до следующего письма. Обнимаю тебя.

Твой Г<оголь>.

Адресуй в Неаполь.

<*На обороте:*>

Петру Александровичу Плетневу.

1188. С. П. Шевыреву

Декабря 8 <н. ст. 1846>. Неаполь.

Оба письма твои, писанные одно за другим, получил. Благодарю за советы и мысли относительно «Развязки Ревизора». Я соглашаюсь, однако же, больше с теми, которые в твоем первом письме. В предстоящем обстоятельстве я особенно руководствуюсь первыми впечатлениями: они для меня уже и тем важны, что мненье публики, даже и добродетельной и просвещенной, будет ближе к ним, нежели к тем, которые изложены в твоем втором письме и которые принадлежат, может быть, одному тебе или двум-трем, глядящим на вещи с точки повыше. «Ревизора» нужно отложить как игру, так и печатание. То и другое возымеет место ко времени бенефиса Щепкина в следующем году. Публика к тому времени будет больше приготовлена, а теперь, в самом деле, впечатление может случиться совершенно противное тому, какое ожидается. Притом актеры наши так могут сгадить всю эту сцену, что она, просто, выйдет смешна. Да и сам Щепкин как нарочно заболел. Это я считаю новым указаньем отложить «Ревизора». И я даже несколько удивился, как ты решился послать пиесу в Петербург, тогда как я именно писал Щепкину привезти ее в Петербург не иначе, как лично.

[1] кажется вообще мне

[2] а также

Я рад, что в Москве издается «Листок». Это гораздо нужней в теперешнее время всех толстых журналов. Присылай мне всякий номер его, начиная с первого; заворачивай в пакет просто как письмо. Денег на пересылку не жалей (я надеюсь, что за «Мертвые души» выручится для того достаточно), равно как и на пересылку всех тех писем, которые ты будешь получать на мое имя с замечаниями на «М<ертвые> д<уши>». Эти письма мне очень, очень нужны. Ты спрашиваешь уже, как распоряжаться с деньгами. Их еще покамест нет, но если будут, то всё, остающееся от издержек за пересылку писем мне, совокупляй в капитал, который будет мне очень нужен для моего путешествия на Востоке. Впрочем, всё это впереди и о нем будем иметь время поговорить. Все письма адресуй в Неаполь. Неаполь я избрал своим пребыванием потому, что мне здесь покойней, чем в Риме, и потому, что воздух, по определенью доктора, для меня лучше римского, что, впрочем, я испытал: здесь я меньше зябну. Не оставляй меня, пожалуйста, известием обо всех речах, мнениях и толках как обо мне, так и об моих сочинениях. Проси и других также сообщать мне их и почаще браться за перо писать. Пришли мне назад «Развязку Ревизора», именно те самые листки, которые я послал к тебе. Они убористы, их можно вложить в небольшое письмо. Мне надобно в них многое пересмотреть, исправить и обделать лучше. Плетневу я писал — отправить к тебе еще несколько экземпляров книги: «Выбранные места из переписки» для раздачи, кому найдется нужным.

Отыщи, пожалуйста, того самого священника, у которого я говел и исповедывался в Москве. Имени его не помню. Погодин или, еще лучше — мать его должна знать его. Священник этот несколько толст, с лица ряб, на манер С****, но мне очень понравился. Простое слово у него проникнуто душевным чувством. Всё, что я услышал о нем потом, было в его пользу. Отдай ему один экземпляр книги, скажи, что я его помню и книгу мою нахожу приличным вручить ему, как продолжение моей исповеди. Узнай также при этом случае его имя и уведоми, где он теперь: там ли или перешел в другое место. Если найдешь приличным и выгодным иметь у себя для продажи экземпляры, то напиши об этом Плетневу, дабы он выслал. Как только получишь цензурный экземпляр, начинай печатать второе издание. В нем, как я полагаю, должна быть необходимо скорая потребность, особенно принимая к сведению то, что многие, кроме одного экземпляра для себя, купят еще и для раздачи людям простым и неимущим...

1189. А. О. Россету

Неаполь. Декабрь 10 <н. ст. 1846>.

В прежнем моем письме к вам, Арк<адий> Осипович, я возлагал на вас хлопоты по изданью «Ревизора», в нынешнем слагаю их с плеч ваших. «Ревизора с Развязкой» следует отложить еще на год по многим причинам, часть которых вы проникаете, вероятно, и сами. Сверх всего прочего нужно, чтобы публика имела время вчитаться получше в мои письма и привыкнула к тем словам, которые покуда еще дико раздаются в ушах ее. Прошу вас сказать открыто ваше мнение по прочтении моей книги и уведомить также, что говорят про нее другие. А еще лучше попросите всех, кого ни встретите, написать мне от себя самого письмецо и в нем непритворно поведать как ощущение[1] свое, так и мысли других о книге[2] и о степени ее надобности для общества, не скрывая нимало ее недостатков. Попросите у В<асилия> А<лексеевича> Перовского (которому передайте самый душевный мой поклон) написать пять-шесть его собственных строчек. Скажите ему, что его замечания мне будут очень полезны, и я ими весьма дорожу. Сделайте мне еще вот какую услугу. Устройте[3] так, чтобы я получил с нового года все толстые и тонкие русские литературные журналы, какие ни издаются в Петербурге: «Биб<лиотеку> д<ля> Чт<ения>», «От<ечественные> Записки», «Русск<ий> Инвал<ид>», «Литер<атурную> Газету», «Соврем<енник>» и даже «Финск<ий> Вестник». Деньги для этого следует взять у Плетнева за первые вырученные экземпляры моей книги. Насядьте вместе с кн<язем> Вяземским на графиню Нессельрод, чтобы она обременила всем этим добром курьеров, едущих в Неаполь. Мне всё это очень нужно, гораздо больше, чем вы думаете. Если встретится какой едущий прямо в Италию господин, то вы можете часть этого передать едущему господину. Я слышал, что из Петербурга отправляется Чижов прямо в Рим;[4] вы с ним повидайтесь, и если это правда, то часть может свезти он. Не пренебрегайте такими моими просьбами: право, они не так бездельны и капризны, как вам покажутся с первого раза. Скажите также Плетневу, чтобы он не пропускал ни одной сколько-нибудь замечательной выходящей в свет новой книги, чтобы не купить экземпляр ее для меня и не послать мне. Теперь курьеров из Петербурга будет много, как

[1] собственное ощущение

[2] мысли вообще о книге

[3] Перешлите

[4] *Далее начато:* если это

по поводу великой княгини, так равно и по поводу разных духовно-дипломатических дел с папою. Затем обнимаю вас от всей души и, ожидая с нетерпением от вас вестей, остаюсь весь ваш

Г<оголь>.

Всё, что ни есть, адресуйте в Неаполь.

<На обороте:>

St. Pétersbourg. Russie.
Его высокоблагородию Аркадию Осиповичу Россети.
В С. П. Бурге. Против Пантелеймона, в доме Быкова.

1190. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Петербург. 20-го ноября <1846>.

Любезный Николай Васильевич, я постараюсь всеми силами оправдать ваше ко мне доверие. Вы хорошо отгадали, писавши мне, что деятельность мне непременно нужна и что одна деятельная жизнь может спасти меня от обычной моей хандры. Я вам также очень благодарна, что вы вспомнили обо мне в этом случае и что, поручивши мне исполнить часть вашего проекта, вы оказали мне доверие, которое возвышает меня в собственных моих глазах. Но теперь не обо мне дело. Плетнева до сих пор я не могла видеть. Он живет на Васильевском острову, с которым очень долго не было сообщения; но я уж давно ему послала ваше «Предуведомление» через княгиню Одоевскую, растолковавши ей прежде хорошенько ваши намерения. Она также готова исполнить их, но до сих пор «Ревизор» еще не вышел, так что нам покамест нельзя ничего предпринять, Я слышала, как будто цензура театра не пропустила вашу новую «Развязку Ревизора», но вы уж, верно, получили об этом решительные известия. Розети, Самарин и Муханов, о которых вы мне пишете, все три в отсутствии, и я не знаю, на сколько времени. Между тем вы, верно, услышите с удовольствием, что учредилось здесь общество под начальством Соллогуба (он был первый основатель сего общества), Вяземского, папеньки и несколько других, которое скоро развилось и уже сделало много добра. Считают теперь в нем более ста членов, многие из которых люди со способностями и с искренним желанием помогать бедным и оказать им не только телесную, но душевную помощь. Князь Одоевский хотел, кажется, сам вам подробнее писать об этом обществе и хотел вам даже послать его статуты.

Давно, Николай Васильевич, очень давно, что я вам не писала; я даже не отвечала вам на последнее ваше письмо, полученное мною еще весной. Что вы обо мне думаете? браните ли

меня мысленно? Вы бы имели всё право бранить меня, но я вас прошу лучше простить мне. Все лето я собиралась вам писать, но я б вам написала такое грустное письмо, что, мне казалось, еще лучше вам совсем не писать. Я не могу говорить с вами о погоде и о подобных вещах, а о душевном состоянии иногда желаешь молчать. Между тем в продолжение этих шести месяцев не прошел один день, в котором я бы не молилась за вас. Теперь, слава Богу, я гораздо веселее, хотя смерть в<еликой> к<нягини> Марии Михайловны меня очень огорчила, но внутреннее мое расположение переменилось к лучшему, и, когда душа сильнее, она лучше переносит грусть. Первый месяц траура только кончился, так что я еще нигде не была и никого не видела. Мы остаемся всегда en famille, и только вечером навещают нас иногда некоторые из наших коротко знакомых. Все у нас в доме здоровы. Мои племянники премилы, а Александр Владимирович покамест мой фаворит. К моему сожалению, я должна кончить письмо, потому что бумага так толста, что я не смею продолжать на новом листе, а я только что расписалась.

Прощайте, любезный Николай Васильевич! Христос с вами.

А. В<иельгорская>.

Папенька получил ваше письмо и ждет решительного ответа, чтобы писать вам.

1191. А. А. Иванову

Неаполь. Дек<абря> 12 <н. ст. 1846>.

Я получил пересланное вами письмо и при нем несколько ваших строк, которые меня удивили. Чего вы ждете от приезда Викт<ора> Владим<ировича> и о каком решении ожидаете известий — этого я никак не мог понять. В жизнь мою я еще не встречал такой беспокойной головы, какова ваша. Кажется, перед отъездом моим из Рима вы совершенно убедились в том, что Апраксиной ничего не следует предпринимать по вашему делу, ни о чем не следует писать к Бутеневу, иначе[1] изо всего этого выйдет новая глупая путаница. А теперь вдруг пишете, что сгораете нетерпением узнать, что о вас порешено, точно как будто бы между нами вовсе не происходило никаких разговоров.[2] Вам чудится и представляется, что о вас должны все хлопотать и метаться, как

[1] и что

[2] *Далее начато:* Что

угорелые кошки, точно таким же самым[1] образом, как вы мечетесь во все стороны и углы по поводу даже всякого ничтожного, не только важного дела. Приехавши сюда, я даже ни разу не заводил о вас разговора. Один раз только сказала мне Софья Петровна, что получила от вас письмо, по которому она совершенно не знает, что ей делать, потому что не видит, чем в этом деле она может успешно помочь, и потом вслед затем спросила у меня, чтобы я сказал ей откровенно и чистосердечно, точно ли Иванов умен. На это я сказал, что Иванов точно умен, но что он теперь болен, находится в нервическом расстройстве и потому[2] делает дела, близкие к неразумию. С тех пор у нас и речи не было о вас. Вы сами знаете, что подталкивать людей[3] на бесплодные дела я не охотник. Если вы, не слушаясь никого и ничего, стараетесь изо всех сил делать глупости и подбивать также всех других делать глупости, то это не есть причина, чтобы и я делал то же. Вы всем надоели, и я не удивляюсь, почему даже Чижов перестал к вам вовсе писать. Я вам сказал ясно: «Сидите смирно, не думайте ни о чем, не смущайтесь ничем, работайте — и больше ничего, всё будет обделано хорошо. В этом отвечаю вам я». Но вы меня считаете за ничто, доверия у вас к словам моим никакого. Вы больше поверите каким-нибудь россказням какой-нибудь Жеребцовой или каким-нибудь краснобайным обещаньям первого говоруна, нежели словам человека, который еще не был уличен во лжи, льстивыми посулами не заманивал человека и слово свое держал. Позвольте мне, наконец, вам сказать, что я имею некоторое право требовать уваженья к словам моим и что это уж слишком с вашей стороны не умно и грубо[4] показывать мне так явно, что вы плюете на мои слова. Решаюсь, собравши всё свое терпение, из которого вы способны вывести всякого человека, повторить вам в последний раз: «Сидите смирно, не каверзничайте по вашему делу (потому что вы не умеете поступать в своем деле благородно и здраво, а всё действуете какими-то переулками, которые решительно похожи на интриги), не беспокойте никого, молчите и не говорите ни с кем о вашем деле». За него взялся я и говорю вам, что оно будет сделано, как следует. Ответа ожидайте не из Неаполя и не от меня; ответ вам[5] придет из Петербурга.

[1] *В подлиннике:* самим; *далее не отмечается.*

[2] потому только

[3] друг<их>

[4] неуважительно

[5] к вам

Он может прийти через месяц, но признаюсь — я бы очень желал, чтобы он не скоро пришел к вам, чтобы вы месяца четыре-пять помучились неизвестностью о себе: вы стоите того.

Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Александру Андреевичу Иванову.

1192. П. А. Плетневу

Неаполь. 1846. Декабр<я> 12 <н. ст.>.

Мне пришло в мысль: не пропадают ли твои письма. Иначе ничем другим я не могу себе объяснить твоего молчания. Во всяком случае, вексель с деньгами, следуемыми мне из казначейства, должен бы быть уже здесь, по моему расчету, месяц назад тому. Или Жуковский позабыл тебе послать свидетельство о моей жизни? Я взял здесь вновь свидетельство и посылаю его на всякий случай. Хорошо, что я здесь встретил знакомых и мог занять у них. Не то была бы беда. В чужой земле, знаешь сам, не весьма весело сидеть без денег. Я беспокоюсь не шутя насчет пропажи. Зная тебя за человека аккуратного, не могу никак допустить, чтобы ты мог позабыть. Странно, что эти[1] денежные замедления случились именно в это время, когда деньги,[2] так сказать, лежат в моем собственном сундуке и нужно только протянуть руку, чтобы оттуда достать их. Нужно теперь особенно так распорядиться нам, чтобы этого не случилось в наступающем году,[3] который доведется мне изъездить по незнакомым землям, где нелегко будет изворачиваться, не имея в руках наличных денег. А потому ты присылай вперед, не дожидаясь моих извещений, в неаполитанское посольство с курьерами всякую тысячу рублей по мере того, как она накопится от продажи книги. Лучше мне в руках иметь лишнее, чем рисковать встретить подобный случай, который, как ты сам видишь, может случиться всегда. Уведоми, что стало печатанье книги. Я полагал приблизительно около 3000 р<ублей>. Не позабудь также прилагать записку, кому именно из книгопродавцев и сколько отпущено экземпляров, чтобы я мог держать весь счет всегда в голове и не мог наделать от неведения его глупостей и неосмотрительност<ей>. Думаю[4], что тебе

[1] все эти

[2] когда мне больше всего нужны деньги и когда они

[3] в этом год<у>

[4] Пола<гаю>

не следует[1] говорить о том, чтобы не давать без денег никому из книгопродавцев.[2] Это ты сам знаешь, потому что и меня тому выучил. По твоей милости, я в Петербурге так расторопно[3] распоряжался с печатаньем книг своих, как не знаю, распоряжается ли теперь кто из литераторов. Книгу мою я, бывало, отпечатаю в месяц тихомолком, так что появленье ее бывало сюрпризом даже и для самых близких знакомых. Никогда у меня не бывало никаких неприятных возней ни с типографиями, ни с книгопродавцами, как случилось у Прокоповича. Денежки мне, бывало, принесут сполна все наперед; всё это бывало у меня тот же час записано и занесено в книгу. И сверх того весь мой книжный счет я носил всегда в голове так обстоятельно, что мог наизусть его рассказать весь. Несмотря на то, что я считаюсь в глазах многих человеком беспутным и то, что называется, поэтом, живущим в каком-то тридевятом государстве, я родился быть хозяином и даже всегда чувствовал любовь к хозяйству, и даже, невидимо от всех, приобретал весьма многие качества хозяйственные, и даже много кой-чего украл у тебя самого, хотя этого и не показал в себе. Мне следовало до времени, бросивши всю житейскую заботу, поработать внутренне над тем хозяйством, которое прежде всего должен устроить[4] человек и без которого не пойдут никакие житейские заботы. Но теперь, слава Богу, самое трудное устроятся; теперь могу[5] приняться и за житейские заботы и, может быть, с таким успехом займусь ими, что даже изумишься,[6] откуда взялся во мне такой положительный и обстоятельный человек. Когда приведет нас Бог увидеться и усядемся мы в уютной твоей комнатке, друг против друга, и поведем простые речи, понятные ребенку, от которых будет тепло душам нашим, ты подивишься и возблагоговеешь перед путями, которыми ведет Бог человека затем, чтобы привести его к нему же самому и сделать его тем, чем должен он быть,[7] вследствие способностей и даров, выпавших на его долю. Но это еще не близко; обратимся к делу. Шевыреву ты можешь послать экземпляров, сколько он ни востребует, для продажи в Москве. На это<го> человека можно положиться.[8]

[1] и не следует

[2] из них

[3] славно

[4] над которым прежде всего должен пор<аботать>

[5] я могу

[6] ты изумишься

[7] к тому, чем должен он быть

[8] *Далее начато:* Это человек золото относительно аккуратности

У него точность, как у банкира. Он так выгодно выпродал все мои находившиеся у него книги, так изворотливо выплатил все мои долги, не оставив меня в неведении даже в последней копейке моих денег, что наиаккуратнейший банкир ему бы подивился. Тысячу рублей отложи на плату за письма ко мне, на журналы и на книги, какие выйдут позамечательней в этом году. Я просил Аркадия Россети заняться пересылкой их,[1] если это окажется тебе обременительным и хлопотливым. В этом году мне будет особенно нужно читать почти всё, что ни будет выходить у нас, особенно[2] журналы и всякие журнальные толки и мнения. То, что почти не имеет никакой цены для литератора, как свидетельство бездарности, безвкусия или пристрастия и неблагородства человеческого, для меня имеет цену, как свидетельство о состоянии[3] умственном и душевном человека. Мне нужно знать, с кем я имею дело; мне всякая строка, как притворная, так <и> непритворная, открывает часть души человека; мне нужно чувствовать и слышать тех, кому говорю; мне нужно видеть *личность* публики, а без того у меня всё выходит глупо и непонятно. А потому всё, на чем ни отпечаталось выраженье современного духа русского в прямых и косых его направленьях, для меня равно нужно; то самое, что я прежде бросил бы с отвращением, я теперь должен читать. А потому не изумляйся, если[4] я потребую присылать ко мне все газеты и журналы литературные, в которые тебя не влечет даже и заглянуть. Но нет места писать далее. Жду с нетерпеньем от тебя вестей. Обнимаю и целую. Прощай.

Ты, я думаю, уже получил письмецо мое чрез руки Анны Миха<й>ловны Вьельгорской, в котором уведомляю о решении моем отложить «Ревизора с Развязкой» как представление, так и печатание до будущего, 1848 года. Аркадий Россети, я думаю, уже тоже объявил тебе о присылке мне[5] литературных журн<алов> с наступающего года, которыми, верно, займется он охотно, если тебе недосуг. Графиню Нессельрод я просил также[6] устроить, чтобы курьеры могли брать эти посылки.

<*На обороте:*>

St. Pétersbourg. Russie.

[1] пересылкой их ко мне

[2] в особенно<сти>

[3] о его состоянии

[4] что

[5] [о том, каких мне] что мне нужны

[6] я еще просил о том

Г. ректору С. П. Б. императорск<ого> университета Петру Александровичу Плетневу.

В С. П. Бурге, на Василь<евском> остр<ове>, в университете.

1193. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

21 нояб<ря> / 3 дек<абря> 1846 г. СПб.

Я не успел отвечать тебе на три письма твои; а именно: от 16 окт<ября> из Франкф<урта>, от 20 окт<ября> оттуда же и от 2 нояб<ря> из Ниццы. Теперь пользуюсь первою свободною минутою, чтобы сообщить тебе то, что необходимо знать тебе. Все пять тетрадей твоих писем получены. Четыре процензированы и печатаются. Пятая еще у Никитенка, который на днях сделался болен; оттого и цензирование остановилось до его выздоровления. В прежних тетрадях он много писем не пропустил совсем, именно тех, где говорится о предметах касательно правления и официальных лиц (наприм.: губернаторов и т. п.). Я имел смелость посылать непропущенные письма на прочтение Наследника Цесаревича. Его высочество призывал меня к себе и лично объявил, что и по его мнению *лучше* не печатать этого. Теперь ты должен убедиться, что я ничего не упустил в твою пользу. Проволочка с цензором и отсылка писем в Царское Село взяли много времени, так что доселе напечатано совсем только десять листов, — вероятно, около половины книги. Касательно писем о церкви, я их посылал к гр. Протасову, по предложению которого их рассматривали в Синоде — и разрешили к напечатанию. Но времени это дело взяло 1½ месяца. Вот как я принужден действовать. У меня, собственно, ни минуты не потеряно. Смирновой в Петербурге нет. О представлении книги в корректурных листах самому Государю и подумать нельзя. Ты совсем позабыл, сколько у него дел поважнее наших. С графиней Нессельрод я не знаком, да она так высоко от меня стоит, что и не долезешь до нее. Ты все думаешь, что в отечестве эти особы таковы же, как и за границею. О, совсем нет! Переслать же тебе я все найду случай и без нее. Второе издание «Мертвых душ» с присланным тобою ко мне предисловием уже вышло в Москве. Присланные письма к разным особам доставлены будут непременно с экземплярами. Все поправки твои я успел внести в книгу. Свидетельство о жизни я получил от Жуковского: оно подписано 1-го октября. И вот еще 14/26 ноября через посольство наше в Неаполе я отправил на твое имя вексель Штиглицав 1660 франков 56 су, что значит 408 р. 30 к. сереб<ром>. Это с 1-го мая 1846 г. по 1 окт<ября> тоже 1846 г. Пожалуйста, записывай у себя, да и меня уведомляй,

верно ли все приходится. Помни, что банкиры вычитают при этом издержки пересылки и известные их проценты. Твою пьесу «Развязка ревизора» пропустили, но только *к печатанию,* а не *к представлению,* затем что увенчивать на сцене артисты товарища своего, по правилам нашей дирекции, не имеют права, как отозвался мне *действ<ительный> тайн<ый> советн<ик>* Гедеонов. Я это уже сообщил Щепкину, который теперь болен. По выздоровлении он сам приедет сюда и будет хлопотать о дозволении *играть.* До тех пор я приостановился и новым изданием «Ревизора» с прибавкою. Впрочем, не дожидаясь отзыва твоего по этому делу, я приступлю к нему и Шевыреву тоже скажу, лишь управлюсь с печатанием писем и с собственными делами, которых по разным должностям моим у меня гораздо более, нежели ты представить можешь. Графиня Анна Мих<айловна> Вьельгорская ничего еще не присылала мне. Я у них не бываю. Итак, напиши ей, чтобы она прислала мне твою бумагу, без которой нельзя мне и пустить в свет «Ревизора». Вообще будет все удобнее к исполнению, ежели ты издательские сношения свои ограничишь Шевыревым и мною. Другие особы только замедляют нас. Повторяю тебе и советую *записать,* что русские знатные люди за границею чрезвычайно дружно обходятся с своими соотечественниками, а на родине не допускают их и видеть себя.

Обнимаю тебя. Будь здоров.

П. Плетнев.

1194. М. С. Щепкину

Декабря 16 <н. ст. 1846>. Неаполь.

Вы уже, без сомнения, знаете, Миха<и>л Семенович, что «Ревизора с Развязкой» следует отложить до вашего бенефиса в будущем 1848 году. На это есть множество причин, часть которых, вероятно, вы и сами проникаете. Во всяком случае я этому рад. Кроме того, что дело будет не понято публикою нашей в надлежащем смысле, оно выйдет просто дрянь от дурной постановки пиесы и плохой игры наших актеров. «Ревизора» нужно будет дать так, как следует (сколько-нибудь сообразно тому, чего требует, по крайней мере, автор его), а для этого нужно[1] время. Нужно, чтобы вы переиграли хотя мысленно все роли, услышали целое всей пиесы и несколько раз прочитали бы самую пиесу актерам, чтобы они таким образом[2] невольно заучили настоящий смысл всякой

[1] нужно будет

[2] как бы

фразы, который, как вы сами знаете, вдруг может измениться от одного ударения, перемещенного на другое место или на другое слово. Для этого нужно, чтобы прежде всего я прочел вам самому «Ревизора», а вы бы прочли потом актерам. Бывши в Москве, я не мог читать вам «Ревизора». Я не был в надлежащем расположении духа, а потому не мог даже суметь дать почувствовать другим, как он должен быть сыгран. Теперь, слава Богу, могу. Погодите, может быть, мне удастся так устроить, что вам можно будет приехать летом ко мне.[1] Мне ни в каком случае нельзя заглянуть в Россию раньше окончания работы, которую нужно кончить. Может быть, вам также будет тогда сподручно взять с собою[2] и какого-нибудь товарища, больше других толкового в деле. А до того времени вы все-таки не пропускайте свободного времени и вводите, хотя понемногу, второстепенных актеров в надлежащее существо ролей, в благородный, верный такт разговора — понимаете ли? — чтобы не слышался фальшивый звук. Пусть из них никто не оттеняет своей роли и не кладет на нее красок и колорита, но пусть услышит общечеловеческое ее выражение и удержит общечеловеческое благородство речи. Словом, изгнать вовсе карикатуру и ввести их в понятие, что нужно не *представлять*, а *передавать*. Передавать прежде мысли, позабывши странность[3] и особенность человека. Краски положить нетрудно; дать цвет роли можно и потом; для этого довольно встретиться с первым чудаком и уметь передразнить его; но почувствовать существо дела, для которого призвано действующее лицо, трудно, и без вас никто сам по себе из них[4] этого не почувствует. Итак, сделайте им близким ваше собственное ощущение, и вы сделаете этим истинно доблестный подвиг в честь искусства. А между тем напишите мне (если книга моя «Выбран<ные> места из переписки» уже вышла и в ваших руках) ваше мнение о статье моей: «О театре и одностороннем взгляде на театр», не скрывая ничего и не церемонясь ни в чем, равным образом как и[5] обо всей книге вообще. Что ни есть в душе, всё несите и выгружайте внаружу. Адресуйте в Неаполь, в poste restante.

<*На обороте:*>

Михаилу Семеновичу Щепкину.

[1] *Далее начато:* потому что

[2] взять с собою также

[3] самую странность

[4] актеров

[5] всё равно как и

1195. Н. М. Языкову

Декабрь 16 <н. ст. 1846>. Неаполь.

Твое письмо от 27 октября, адресованное в Рим на имя Иванова, получил я здесь только теперь, что довольно поздно. Вот уже скоро два месяца, как все меня оставили письмами. Что делается в Петербурге с моей книгой, я решительно ничего не знаю, а между тем от этих задержек и промедлений изменились мои собственные обстоятель<ства> и отдаляется мой собственный отъезд, который предполагался в таком случае, если всё[1] потребное к путешествию, как самые деньги от продажи книги, так равно и другие, сопряженные с этим необходимости,[2] устроится в конце[3] исходящего или в начале наступающего года. Но теперь, как вижу, Богу не угодно,[4] чтобы я отправился этой зимой в дорогу. Вижу и сам, что далеко еще не так готова душа моя, как следует ей быть, чтобы это путешествие принесло мне именно то, чего хочу. Стало быть, и самый приезд мой в Россию отлагается еще почти на год, то есть от сего числа считай ровно полтора года до того времени,[5] когда придется нам (если Бог будет так милостив) заменить словами нашу переписку. Назад тому уже более месяца я писал к тебе письмо из Неаполя, а еще назад тому один месяц писал письмо с дороги, в котором просил тебя отвечать в Неаполь. А потому я несколько даже удивился, увидя на пакете надпись в Рим. При сем прилагаю письмо, которое прошу немедля доставить Щепкину. Жду с нетерпеньем твоих замечаний и толков о моей книге и еще раз прибавляю: пожалуста, без церемоний! Ты — человек несколько деликатный и всё как-то боишься говорить правду, как есть; ты всегда стараешься ее немножко присахарить. В глазах моих такое дело есть почти то же, что замашка[6] скверных докторов, которые, желая больному доставить удовольствие своею микстурою, подбавят к ней или лакреции, или сладкого корня и тем сделают ее в несколько раз противней. Всё пиши, не скрывай ни заметок ума, ни ощущений внутренних души. Мне кажется, то и другое у тебя должно родиться неминуемо по прочтении книги. А книгу прочти несколько раз от доски до доски, и после всякого прочтения — ко мне письмо, чтобы я знал твои и первые, и вторые, и третьи впечатленья; это будет нужно и для тебя, и для

[1] предполагалось так, что всё
[2] необходимости должны были
[3] если не в конце
[4] не угодно еще
[5] после которого срока
[6] негодная замашка

меня. А на письмо это дай немедленный ответ, а ответ адресуй в Неаполь, poste restante.

Твой Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Moscou. Russie.
Николаю Михайловичу Языкову.
В Москве. У Кузнецкого моста. В доме Хомякова.

1196. А. А. Иванову

<19 декабря (н. ст.) 1846. Неаполь>

Верно, вы не молитесь или дурно молитесь. Если бы вы молились так, как следует, письмо мое принесло бы вам радость, а не огорчение. Кто Богу молится, тот всё к нему приходящее приемлет, как бы приходящее от самого Бога, и во всех словах, к нему обращенных, ищет указанья Божия[1] и находит его. Кто Богу молится, тот не только не опечалится от жестких слов и упреков, которыми бы стали осыпать его, но еще ищет[2] их (хотя бы они были не только от любящих его, но даже от ненавидящих). Я тоже дурно молюсь и далеко еще не умею молиться так, как следует, но много я дал бы за то, если бы кто-нибудь написал мне такое же именно письмо, того же самого содержания и в таких же самых жестких выражениях. Истинно говорю вам, что я несколько раз на день его бы перечитывал и теми именно жесткими словами колол бы себя всякую минуту, не говоря уже о том, что поблагодарил бы человека, который твердо говорит мне оставить заботу о своем деле и положиться на него: кто говорит так твердо, тот, верно, говорит это, основывая на твердых основаниях. А вы не проникнули даже в смысл письма, в простое содержание, доступное всякому простому человеку, потому что видите все вещи так, как представляют их вам распаленные глаза ваши, а не так, как они есть действительно. Письмо,[3] к вам писанное, было писано вовсе не с тем, чтобы бить лежащего, но чтобы поднять того, который изо всех <сил> старается лежать и валяться.

Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Roma. Italia.
Al signore signore Alessandro Ivanoff (Russo).
Roma. Nel Caffe Greco. Sulla via Condotti, vicina alla piazza di Spagna.

[1] указанья Божия себе

[2] желает

[3] Письмо это бы<ло>

1197. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

<9 декабря 1846. Москва>

Давно, очень давно надобно было мне писать к вам. Давно душа моя рвалась излиться в вашу душу; но с февраля прошедшего года я жестоко страдаю и только летом имел отдых, как будто для того, чтоб собраться с силами: с 1-го же октября по настоящее число декабря[1] я страдаю постоянно. Но главное препятствие состояло не в этом: при всяком ослаблении болезни я думал и думаю об вас, и часто говорю мысленно с вами; итак, стоило только эти мысли положить на бумагу, и это-то меня до сих пор останавливало. Я хочу говорить с вами так глубоко откровенно, что только мой[2] голос или моя рука[3] имеет право произнести или написать такие речи; а я с трудом[4] подписать мое[5] имя! Необходимость заставляет меня употребить руку Константина[6], такого человека, который любит вас и предан вам беспредельно. Кажется, вы не должны оскорбиться этим.

Уже давно начало не нравиться мне ваше религиозное направление. Не потому, что я, будучи плохим христианином, плохо понимал его, и оттого боялся, но потому, что проявление христианского смирения казалось мне проявлением духовной гордости вашей. Многие места в ваших письмах ко мне меня смущали; но они были окружены таким блеском поэзии, такою искренностью чувства, что я не смел предаться, не смел поверить моему внутреннему голосу, их охуждавшему, и старался перетолковать свое неприятное впечатление в благоприятную для вас сторону. Я бывал даже увлечен, ослеплен вами и помню, что один раз написал к вам горячее письмо, истинно скорбя о том, что я сам, как христианин, неизмеримо далек от того, чем бы я мог быть. Между тем ваше новое направление развивалось и росло. Опасения мои возобновились с большей силою[7]: каждое ваше письмо подтверждало их. Вместо прежних, дружеских, теплых излияний, начали появляться наставления проповедника, таинственные, иногда пророческие, всегда холодные и, что всего хуже, полные гордыни в рубище смирения. Я мог бы доказать слова

[1] *В черновой редакции было:* ноября

[2] *Далее в черновой редакции было:* собственный

[3] или моя рука *в черновой редакции вписано.*

[4] *Далее в черновой редакции:* могу

[5] *В черновой редакции:* свое

[6] Константина *в черновой редакции вписано.*

[7] *В черновой редакции:* силой

мои многими выписками из ваших писем, но считаю это излишним и слишком тягостным для себя трудом. Вскоре прислали вы нам, при самом загадочном письме, душеспасительное чтение Фомы Кемпийского с подробным рецептом: как[1], когда и по скольку употреблять его, обещая нам несомненный переворот в духовной жизни нашей... Опасения мои превратились в страх, и я написал вам довольно резкое и откровенное письмо. В это время меня начинала постигать ужасная беда: я терял безвозвратно зрение в одном глазу и начинал чувствовать ослабление его в другом. Отчаяние овладевало мною. Я излил скорбь мою в вашу душу и получил в ответ несколько сухих и холодных строк, способных не умилить, не усладить страждущее сердце друга, а возмутить его[2]. После этого вы были долго больны сами, и вскоре после вашего медленного выздоровления начались мои мучительные страдания, и теперь продолжающиеся. Не много было предметов, возбуждавших мое душевное участие, но вы были из первых. Телесное здоровье ваше, как видно, поправилось, и деятельность возобновилась, но какая деятельность? Каждое ваше действие было для меня новым ударом, и один другого сильнейшим. Статья ваша, напечатанная в «Моск<овских> Вед<омостях>», о переводе «Одиссеи», заключая в себе много прекрасного, в то же время показывала ваш непростительно[3] ошибочный взгляд на то действие, какое вы ему предсказываете[4] с самоуверенностью, догматически[5]. Похвалы ваши переводу превзошли не только меру, но и самую возможность достоинства такого труда. Одни видели в этом поэтическое увлечение, другие — пристрастие дружбы; но я знал вас хорошо: ясность и глубина взгляда и верность суда, даже в предметах, мало вам известных, были отличительными вашими качествами, и я, посреди похвал и восклицаний ваших друзей и почитателей, горестно молчал и, тоскуя, думал о будущем. Предисловие ваше ко 2-му изданию «Мерт<вых> Д<уш>» поразило меня глубже, и когда Шевырев читал мне его — то мои стенания от физических мучений заменились стенаниями душевными, и я тогда же предлагал[6] не печатать вашего

[1] *Далее в черновой редакции было:* и

[2] *Вместо:* не умилить, не усладить страждущее сердце друга, а возмутить его — *в черновой редакции было:* не утешить, а взбесить человека

[3] непростительно *в черновой редакции вписано.*

[4] *В черновой редакции было:* пророчите

[5] с самоуверенностью, догматически *в черновой редакции вписано вместо:* с догматическою самоуверенностию

[6] предлагал *в черновой редакции вписано вместо:* умолял

объяснения с читателями. В коротких словах скажу вам заключение, которое выведет из него здравый толк простого русского человека: *«Кой черт, скажет он, сочинитель сам признается, что плохо знает Русь, и для того, чтоб избежать промахов во 2-м томе своего сочинения, почти 5 лет живет за границей, да, видно, и еще хочет там оставаться, потому что просит нас замечать*[1] *его промахи, описывать нравы наши, обычаи и вообще весь русской быт и все это пересылать к нему через*[2] *петерб<ургского> и московского*[3] *корреспондентов? Он, видно, хочет, живя на чужбине и с каждым днем забывая то, что знал о Святой Руси, чужими руками жар загребать?»* Нужно ли говорить, что скажут те люди, которые понимают, как ложна мысль, будто из мертвых описаний житейских фактов и анекдотов может постигаться жизнь и дух обширнейшей, разнообразнейшей[4] страны и великого народа, в ней живущего. Вслед за этим разнеслись темные[5] слухи, что в Петерб<урге> печатается целая книга ваших сочинений, в которой помещена ваша переписка[6] с друзьями, состоящая из проповедей и пророчеств, ваше признанье, что все написанное вами до сих пор ничтожно и не достойно внимания, ваше извещение, что вы сожгли продолжение «Мерт<вых> Д<уш>» и что вы отправляетесь в Иерусалим, и наконец ваше завещание, чтоб не ставили никакого памятника на вашей могиле. Не зная, до какой степени справедливы эти слухи, тем не менее, уже не я один, но многие из тех[7], для коих драгоценны вы и ваш великий талант, пришли в неописанный ужас. Враги ваши торжествовали, и уже Брамбеус торжественно и печатно объявил, что новый Гомер впал в мистицизм. Вскоре получили мы доказательства, после которых, по моему мнению, должно было всему поверить: мы получили для напечатания[8] *Предуведомление* к 4-му изданию «Ревизора» в пользу бедных[9] и новую его «Развязку». Друг мой, где же то христианское смирение, которое велит делать добро так, чтоб шуйца не ведала, что творит десница? Вы всенародно, в услышание всей России[10],

[1] замечать *в черновой редакции вписано вместо:* записывать

[2] *В черновой редакции далее:* его

[3] петерб<ургского> и московского *в черновой редакции вписано.*

[4] разнообразнейшей *в черновой редакции вписано.*

[5] темные *в черновой редакции вписано.*

[6] *В черновой редакции:* переписка ваша

[7] многие из тех *в черновой редакции вписано вместо:* все

[8] для напечатания *в черновой редакции вписано вместо:* для печатания

[9] в пользу бедных *в черновой редакции вписано.*

[10] всенародно, в услышание всей России *в черновой редакции вписано.*

устраиваете свое благотворительное общество, назначаете поимянно членов оного и с подробностью предписываете им образ их действию, невозможный в исполнении, несообразный ни с чем до последней крайности. Как вы могли подумать, что лица, назначаемые вами, особенно женщины, могли быть так неразборчивы, так нескромны, что согласились бы принять публичные обязанности благотворения[1], вами на них возлагаемые?.. Разумеется, никто не согласится, и ваше «Предуведомление» уничтожается само собою[2]. Но где же ваш прежний, ясный и здравый взгляд на публичность, гласность в деле благотворения? Давно ли вы сами поручали такие дела Шевыреву и мне под условием глубокой тайны? Этой тайны не знают даже наши семейства. Наконец обращаюсь к последнему вашему действию — к новой «Развязке Ревизора». Не говорю о том, что тут нет никакой развязки, да и нет в ней никакой надобности, но подумали ли вы о том, каким образом Щепкин, давая себе в бенефис «Ревизора», увенчает сам себя каким-то венцом, поднесенным ему актерами? Вы позабыли всякую человеческую скромность. Вы позабыли, вы уже не знаете, как приняла бы[3] все это русская образованная публика. Вы позабыли, что мы не французы, которые готовы бессмысленно восторгаться от всякой эффектной церемонии. Но мало этого[4]. Скажите мне, ради Бога[5], положа руку на сердце: неужели ваши объяснения «Ревизора» искренны? Неужели вы, испугавшись нелепых толкований невежд и дураков, сами[6] святотатственно посягаете на искажение своих живых творческих созданий, называя их аллегорическими лицами? Неужели вы не видите, что аллегория внутреннего города[7] не льнет к ним, как горох к стене? Что название Хлестакова светскою совестью не имеет смысла: ибо принятие Хлеста<кова> за Ревизора есть случайность?[8]

[1] благотворения *в черновой редакции вписано вместо:* благотворительности

[2] *В черновой редакции:* само собой

[3] приняла бы *в черновой редакции вписано вместо:* примет

[4] Но мало этого *в черновой редакции вписано вместо: а.* Но это все еще ничего *б.* Но вот что для меня <*1 нрзб.*>

[5] ради Бога *в черновой редакции вписано.*

[6] сами *в черновой редакции вписано.*

[7] внутреннего города *в черновой редакции вписано.*

[8] *Далее в черновой редакции было:* Молю Бога, чтоб это письмо пришло не поздно, [и] что ваш светлый ум, заглядывающийся [в одну темную сторону] в одну ослепительно яркую и оттого темную сторону, взглянул на него с прежнею ясностью и чтоб вы почувствовали правду, в нем высказанную.

Вы некогда обвиняли меня в неполной искренности, вы требовали беспощадной правды — вот она. Если выражения мои резки, то вы, зная меня, не должны ими оскорбиться, но берегитесь подумать, что это вспышка моей горячей, страстной, как вы называете[1], натуры, — вы жестоко ошибетесь. Пятый год душа[2] моя наполняется этими чувствами и убеждениями, и наконец переполнилась мера. Посердитесь на меня, лишите меня вашей дружбы, но внемлите правде, высказанной мною.

1198. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Калуга, 10-го декабря 1846 г.

Вашу записочку из Флоренции я нашла в Калуге по возвращении из Воронежа. Я не в Петербурге потому, что по обещанию должна была, при возвращении первых сил и установлении пути, ехать к Святителю. Вчера вечером обдумывала, как совершить поездку в Питер, потому что по всем признакам я беременна, и ухабы вредны в этом положении; вчера же узнала, что Плетнев писал Сергею Тимоф<еевичу> и отвечал на все их сомнения и толки, что он будет все платить и выполнит вашу волю свято, и таким образом мне совершенно не нужно ехать в Петербург. За болезнию же были большие упущения по нашим делам и по делам вверенного мне дома Трудолюбия. Остановилась раздача хлеба бедным и постройка домов бескровным. Питер у нас открыл базар и духовный концерт в пользу этих несчастных, которыми мне давно пора заняться. В Воронеже я говела и за вас отслужила молебен, любезный друг, — молебен напутственный в Иерусалим. В Москве все смущены вашим заключением к «Ревизору», упрекают вас в самолюбии, в уверенности и самонадеянности, в незнании публики и проч.; в особенности восстают на портрет. Не знаю, что вам сказать на этот счет: не знаю хорошо расположения вашего. Есть такие эпохи в жизни — едва ли это не решительные — в которые о светских толках не думаешь. Молю Бога от души, чтобы Он вас не оставил и напутствовал к добру и спасению. Прощайте, Христос с вами.

Вы сами видите, что, думая так, я не мог не написать этого письма. Я не мог бы умереть спокойно, не явившись пред вами, хотя один раз в жизни, истинным вашим другом. Мне ли б, с своей горячей к вам любовью, оставаться равнодушным: «и сонного придать врагам со смехом». Сон не будет продолжителен... Я молю об этом Бога, я этого надеюсь. Я это предчувствую. Прощайте, Обнимаю вас со всею горячностью дружбы.

[1] как вы называете *в черновой редакции вписано.*

[2] душа *в черновой редакции вписано вместо:* сердце

Комментарии

Переписка
1845–1846

890. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 628–629. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 401–402.

к стр. 7

...«металлов крепче он и лучше пирамид»! — Из стихотворения Державина «Памятник» (1795).

«Царские выходы» — «Выходы Государей Царей и Великих Князей, Михаила Феодоровича, Алексия Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Руси Самодержцев. (С 1632 по 1682 год)» (М., 1844) (см. коммент. к записной книжке Гоголя 1841–1845 гг. в т. 9 наст. изд. и к письму № 869 в т. 12).

...«Стихотворения» Хомякова и «Гаммы» Полонского. — Сборники А. С. Хомякова «24 стихотворения» (М., 1844) и Я. П. Полонского «Гаммы» (М., 1844).

к стр. 8

Собрание моих стихотворений, то есть всего, что я до сих пор написал после первого... — Речь идет о сборниках «Новые стихотворения Н. Языкова» (М., 1845) и «Стихотворения Н. Языкова» (СПб., 1833).

Прилагаю тебе одно из новейших моих альбомных, мирских стихотворений. — Вероятно, одно из стихотворений, посвященных А. В. Киреевой («Сильно чувствую и знаю...», от 26 ноября 1844 г.); впервые опубликовано в «Москвитянине». 1845. № 2 (цензурное разрешение 1 марта): «I. Александре Васильевне Киреевой» («Сильно чувствую и знаю...»), с подписью: «26 ноября 1844 года» (С. 55–56); «II. К ней же» («Тогда как сердцем мы лелеем...») (С. 56–57). В письме к Языкову от 10–14 января (н. ст.) 1845 г. (№ 896) Гоголь ошибочно пишет о послании к Киреевой как о приложенном к письму от 2 декабря. См. также коммент. к письму № 947.

891. Н. М. Языкову

...Жуковский переедет на жительство в Москву... — Об этом пишет Гоголь и в статье *XVII. Просвещение* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. коммент. к строкам этой статьи — *В Москву ты приедешь, как в родную свою семью* — в т. 6 наст. изд.). Этот план не осуществился.

...весьма замечательное письмо... — См. коммент. к строкам письма № 879 — *...об «Одиссее»* — в т. 12 наст. изд.

Движение по части «Москвитянина», о котором ты пишешь... — 2 декабря 1844 г. Н. М. Языков сообщал Гоголю, что у И. В. Киреевского, ставшего соредактором М. П. Погодина, «идет работа, и все

наши московские собратья ему содействуют» (см. письмо № 880 в т. 12 наст. изд.).

к стр. 9 *«Блажен, кто мудрости высокой»* — стихотворение Н. М. Языкова «Подражание псалму» (1-му); напечатано в № 1 «Москвитянина» за 1845 г. (см. коммент. к письму № 880 в т. 12 наст. изд.).

...нелицемерного гнева... противу всего презренного и нечистого, в каком бы ни заключалось оно сосуде. — Ср. коммент. к письму В. И. Белому от 16 мая 1849 г. в т. 15 наст. изд.

к стр. 12 *Тюрюк* (тюрик) — бумажный кулек.

...любовью, которой еще и не знали во времена Давида... может произвести поэт, крещенный огнем и духом Христовым... — Подразумеваются слова св. Иоанна Предтечи: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня... Он будет крестить вас Духом Святым и огнем...» (Мф. 3, 11).

892. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропусками: *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 2. С. 23–25. Печатается по изданию: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 10. С. 141–145.

к стр. 13 *...Плетнев с вашим письмом...* — Письмо к П. А. Плетневу, написанное между 1 и 14 декабря (н. ст.) 1844 г. (№ 874 в т. 12 наст. изд.).

к стр. 14 *Вы же мне говорили, что мы здесь тесно связаны друг с другом.* — Гоголь писал: «...тесно мы связаны друг с другом в этом мире!» (письмо № 769 в т. 12 наст. изд.).

...отчета Прокоповича... — Имеется в виду отчет о деньгах, вырученных от продажи «Сочинений Николая Гоголя».

...до московских нам никакого дела нет; там пусть делают, как хотят. — В Москве помощь нуждающимся студентам Гоголь поручал организовать С. П. Шевыреву и С. Т. Аксакову.

к стр. 15 *...St. François de Sales... «Nous nous amusons souvent à être tous ages, et nous oublions qu'il faut abant tout être bons hommes».* — Св. Франциск Сальский... «Мы наслаждаемся мыслью о том, как нам быть добрыми ангелами, и забываем, что прежде всего наш долг — быть добрыми людьми» *(фр.).*

...«дабы левая твоя не ведала, что делает правая»... — Евангелие от Матфея, гл. 6, ст. 2–3.

...«да светят дела ваши добрые перед людьми в славу Божию»... — Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 16.

к стр. 16 *Perrètte sur sa tête ayant un pot à lait.* — Перетта с кувшином на голове *(фр.).* Подразумевается басня Ж. Лафонтена о молочнице, несшей на продажу кувшин молока и нечаянно его разбившей.

Раны его... — А. Н. Карамзин был ранен на Кавказе.

Императрица — Александра Феодоровна.

Михаил Михайлович — граф М. М. Виельгорский.

...два последние тома Тихона Задонского... — «Сочинения преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого» были изданы в Петербурге в 1825–1826 гг. в 15-ти частях. В 1836 г. в Москве полное издание его сочинений было предпринято Святейшим Синодом. Возможно, Смирнова имеет в виду синодальное издание, которое неоднократно переиздавалось.

...книгу Самарина. — «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники» (М., 1844).

...славные вещи Стурдзы. — В 1844 г. в Москве вышли сочинения А. С. Стурдзы: «Нечто о философии христианской», «Нечто об этимологии и эстетике по отношению к истории и к науке древностей» и 4-е издание «Писем о должностях священного сана».

893. А. А. Иванову

Дата определяется почтовым штемпелем.

894. В. А. Жуковскому

Написано с целью успокоить В. А. Жуковского, с тревогой ожидавшего родов жены. Датировка письма уточнена. Датируется приблизительно — днем отъезда Гоголя из Франкфурта. 4/16 января 1845 г. В. А. Жуковский, извещая А. О. Смирнову о рождении «в самый новый год» (1/13 января) сына, сообщал также, что Гоголь «за два дня до рождения Павла Васильевича» отправился в Париж (*Жуковский В. А.* Соч. Изд. 7-е. СПб., 1878. Т. 6. С. 524). Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, последний выехал из Франкфурта 10 января (н. ст.) 1845 г.: «Франкф<урт>-на-М<айне> 1844 29 дек<абря>/1845 10 янв<аря>» (*РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179). Вероятно, новогоднее пожелание Гоголь написал В. А. Жуковскому перед отъездом.

895. Н. М. Языкову

Датируется периодом между днем отъезда Гоголя из Франкфурта в Париж, 10 января (н. ст.) 1845 г., и днем отправления настоящего письма из Парижа 14 января (н. ст.) 1845 г. (согласно почтовому штемпелю). По-видимому, письмо было отправлено в первый день пребывания Гоголя в Париже. Помета о прибытии в Париж была сделана в паспорте Гоголя 15 января (н. ст.) 1845 г.: «1845 — [12] 15 янв<аря>. Париж» (*РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179). А. И. Тургенев в день приезда Гоголя в Париж записал

в своем дневнике: «*14 генв<аря>*... Гр<афиня> Велг<урская> уведомила, что Гоголь здесь... у гр<афа> Толстого и Гог<оля>, не застал, у гр<афини> Велг<урской> — не застал. После обеда ко мне Гоголь — о Жук<овском>, болен, перевод лучше всех прежних стихов — стих полный, как пушк<инский>. С брат<ом> о *Мертвых душах.* Ввечеру... к гр<афу> Толстому, там Велгур<ская>, Гоголь — весь вечер с ними...» (*ИРЛИ.* Ф. 309. Ед. хр. 300. Л. 26; опубл.: *Гиллельсон М.* Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 142).

к стр. 20 *Я получил твое письмо от 2 декабря и при нем стихотворение Киреевой.* — Имеется в виду письмо Н. М. Языкова от 17 декабря 1845 г. (см. коммент. к письму № 890).

Намерение твое попробовать Призница и воды... — Ответ на письмо Н. М. Языкова к Гоголю от средины ноября 1844 г. (№ 877 в т. 12 наст. изд.). 16 ноября 1844 г. Н. М. Языков писал также Ел. П. Языковой: «Я продолжаю аллопатствовать и собираю сведения о водолечении: один из моих приятелей, которого имя, конечно, вы знаете, Мельгунов, лечился холодною водою где-то возле Кобленца, и она помогла решительно, он стал молодец молодцом!» (*Языков Н. М.* Соч. Л., 1982. С. 373).

...гр<афом> Толстым, братом того, которого ты знаешь... — Имеется в виду граф Александр Петрович, брат графа Ивана Петровича Толстого, с которым был знаком Языков.

Rue de la Paix, hotel Westminster — название улицы и гостиницы в Париже *(фр.).*

896. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 10. С. 145–147. Печатается по первой публикации.

к стр. 22 *Et les malheureux appellent cela une patrie!* — И несчастные люди называют это родиной! *(фр.).*

897. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 242–244. Печатается по первой публикации.

Датировка письма уточнена. Послание, возможно, было отправлено либо вместе с предшествующим письмом от 30 декабря 1844 г. (№ 897), либо отдельно от него. В любом случае оно не могло быть написано 30 января 1845 г., так как этот день приходился на вторник, а не на воскресенье; кроме того, именно 30 января 1845 г. Смирновой было отправлено другое письмо к Гоголю, в начальных строках которого она замечает: «Целый предлинный месяц протянулся, и вы молчали, и я молчала» (письмо № 908). Это замечание точно соответствует времени, прошедшему с момента отправления

писем от 30 и 31 декабря 1844 г. и 1 января 1845 г. (письма № 896, 897, 899).

...с Фаддеем и с Сенькою... — Имеются в виду Ф. В. Булгарин к стр. 24 и О. И. Сенковский.

Софья Михайловна — графиня Сологуб (рожденная Виельгор- к стр. 25 ская).

...Владимир все также по старому валяется в навозе. — Имеется в виду граф Владимир Александрович Сологуб. П. А. Плетнев 27 сентября 1844 г. писал, в частности, Я. К. Гроту: «*Воскресенье (24 сентября)...* После отправился я к жене Соллогуба, возвратившейся из-за границы. Там видел ее свекровь, сестру (Аполину) и мужа, которого Гоголь сравнивает с о<слом>, идущим иногда и своею дорогою, но запускающим р<ылом> во всякий мимопроезжающий воз» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. Ч. 2. С. 321).

898. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // Русская Старина. 1896. № 12. С. 624. Печатается по первой публикации.

899. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 241–242. Печатается по первой публикации.

Саша — дочь Жуковского. к стр. 26

900. В. А. Жуковскому

Датировка определяется почтовым штемпелем и содержанием.

Известие о даровании вам сына... — Павла Васильевича Жуковского (1845–1912).

Барон — тесть Жуковского, художник Гергардт (Евграф Романович) Рейтерн.

...хотя и не изъясняюсь с ними словами и речами. — Гоголь не владел немецкой разговорной речью.

901. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 530.

902. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропуском): Русская Старина. 1896. № 12. С. 629–630. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 408–409.

к стр. 28 *...одно из моих стихотворений...* — «Константину Аксакову».

...одно... на прошлой неделе. — Стихотворение «К ненашим».

...несчастие, поразившее Елагиных... — Смерть сводного брата И. В. Киреевского Андрея Алексеевича Елагина.

903. Н. М. Языкову

Написано в ответ на присланное Н. М. Языковым стихотворение «К ненашим», которое было включено Гоголем в список примеров «Учебной книги словесности для русского юношества» с названием «К нерусским». Стихотворение было адресовано западникам (Т. Н. Грановскому, А. И. Герцену и предположительно П. Я. Чаадаеву).

А. И. Тургенев 5 февраля (н. ст.) 1845 г. записал в своем дневнике: «*5 февр<аля>*... К гр<афине> Велг<урской>, там Gerard и Гоголь: прочел стихи Язык<ова> *К ненашим*, и едва удержал бешенство. Гоголь не заступался, но находил, что обе партии неправы: напр<имер>, Белинский и три журнала в П<етер>бурге! Да там простор, хотя не евр<опейский>, уму, а в Москве — душно сердцу и уму русскому. Не дал стихов, взял слово — не писать к Яз<ыкову>» (*ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 300. Л. 26; опубл.: *Гиллельсон М.* Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 142).

29 января 1845 г. князь П. А. Вяземский писал также А. И. Тургеневу из Петербурга: «Передай Гоголю под его знамением написанные мною стихи. Вы знаете, что у Булгарина страсть выдавать себя посмертным другом всех умерших знаменитостей. Так сделал он и с Крыловым в "Северной Пчеле"» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 309–310). Речь идет об эпиграмме на Ф. В. Булгарина «К усопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный», которое заканчивается строками: «...И чтоб нажить друзей, как Чичиков другой, / Он души мертвые скупает» (*Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 280).

904. В. А. Жуковскому

Датируется на основании почтового штемпеля и по связи с письмом Н. М. Языкову от 12 февраля (н. ст.) 1845 г. (письмо № 906).

к стр. 29 *Письмо ваше вместе... получил...* — Письмо № 901.

Тургенев — Александр Иванович.

905. Н. М. Языкову

к стр. 30 *Священник наш...* — протоиерей отец Димитрий Вертинский.

906. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // Русская Старина. 1896. № 12. С. 630–631. Печатается по первой публикации.

907. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 244–246. Печатается по первой публикации.

Франкфурт на Сене — т. е. Париж. к стр. 31

...по моим расчетам и сведениям, собранным у Иванова. — «Здесь к стр. 32 идет речь, разумеется, не о художнике А. А. Иванове, о котором Гоголь упоминает в одном из писем к Смирновой, принадлежащих к этому времени... но о петербургском книгопродавце, как и в предыдущем письме Смирновой» (примечание О. Н. Смирновой).

Вышла вторая книжка Библиотеки для детей. Есть хоро- к стр. 33 *шая статья...* — «Нам давали это читать в 49 году» (примечание О. Н. Смирновой).

...la Plutarque de la jeunesse. — Плутарх для юношества *(фр.)*.

Смерть эта... — «Смерть В<еликой> К<нягини> Елисаветы Михайловны: умерла в родах, в Висбадене, где есть церковь в ее память; В<еликая> К<нягиня> Александра Павловна умерла в родах в лето 44 г.» (примечание О. Н. Смирновой).

908. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Современник. 1858. № 11. С. 148–149. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 456–457.

...моей картины малого размера... — «Аполлон, Гиацинт и Ки- к стр. 34 парис».

...картины «Преображение»... — Рафаэля.

...картинами Шаповалова на публичной выставке... — Выставка устраивалась в Риме. Возможно, одной из этих картин была «Римская зима» (см. коммент. к письму № 926).

<Письмо А. А. Иванова к А. О. Смирновой от 12 февраля (н. ст.) 1845 г., приложенное к письму Н. В. Гоголю для пересылки А. О. Смирновой>.

Черновой набросок письма впервые напечатан: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 177–179. Печатается по изд.: Русский Архив. 1896. № 4. С. 601–603.

...один из известных отцов нашей Церкви... — «Moi, je crois que к стр. 36 c'était Иннокентий» (я думаю, что это был Иннокентий) (примечание А. О. Смирновой).

Римлянка — К. Нибби.

909. А. О. Смирновой

Датируется новым стилем на основании почтового штемпеля. В те же дни А. И. Тургенев записал в своем дневнике (упоминаемая далее Тургеневым кукла, которую он пересылал с Гоголем, предназначалась, по всей вероятности, для сына Жуковского): «*24 февр<аля>*... У меня вчера Гоголь, в четвер<г> сбирается в путь. Писал к Морнет <?> о кукле... *26 февр<аля>*. Получил куклу (13 fr. 50 s.) и послал к Гоголю... У меня были Гоголь, гр<аф> Толстой (о Фредро) и Циркур. Он объяснил нам мессианизм тем, что Гог<оль> и Тол<стой> не поехали к Мицкев<ичу> расспрашивать его о нем... *1 марта*... Гоголь уехал» (*ИРЛИ*. Ф. 309. Ед. хр. 300. Л. 28; опубл.: *Гиллельсон М.* Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 143).

к стр. 37 *...прерванное недугами длинное и большое письмо к вам...* — Письмо Гоголя к А. О. Смирновой от 28 декабря (н. ст.) 1844 г. было отправлено им позднее — 15 марта (н. ст.) 1845 г. (письмо № 923).

...в утешенье душевное брату, а не в увеселение его. — См. коммент. к письму № 775 в т. 12 наст. изд.

910. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 180. Печатается по первой публикации.

к стр. 39 *...ответ свой А. О. Смирновой.* — См. письмо № 908.

911. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 180–181. Печатается по первой публикации.

...другое вчера... — Письмо № 910.

...последний том этой Библии... — Имеется в виду издание Библии на древнееврейском и французском языках с комментариями.

912. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с неточностями: Русская Старина. 1889. № 8. С. 384. См. также: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 403; *Грюнберг П. Н.* «Ты должен бы радоваться, ибо видишь, что достиг цели». Письма М. П. Погодина Н. В. Гоголю. 1835–1845 гг. // Исторический Архив. 2009. № 2. С. 12. Печатается по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 2980. Дурылин С. Н. Оп. 1. Ед. хр. 1327. Л. 3.

к стр. 40 *Василий Андреевич* — Жуковский, живший в то время во Франкфурте-на-Майне.

...письмо его к Государю. — Письмо Жуковского к Императору Николаю I, вызванное известием о смерти великой княгини

Александры Николаевны (Современник. 1844. № 12. С. 257–262). Погодин перепечатал это письмо в «Москвитянине» (1844. № 12. С. I—IV).

913. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 930. Печатается по первой публикации.

914. Ф. Н. Беляеву

На подлиннике письма имеется помета Ф. Н. Беляева: «Получено в Париже — марта 1845 года». Послание было вложено в письмо № 917.

...священника нашего... — протоиерея Димитрия Вершин- к стр. 41
ского.

...стихи Филарета в ответ Пушкину... — См. коммент. к строкам статьи *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *...к пастырю Церкви...* — в т. 6 наст. изд.

915. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским

Послание было вложено в письмо № 916.

916. Графу А. П. Толстому

Впервые напечатано: *Гиляровский Вл.* Неизданное письмо Гоголя и его кресло // Русское Слово. 1902. 21 февраля. № 51. С. 2. Печатается по первой публикации.

...на четвертый день и притом поздно вечером, а потому и пишу к к стр. 42
вам уже на другой день. — Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, Гоголь приехал во Франкфурт 3 марта (н. ст.) 1845 г.: «3-го марта во Франкф<урте>-на-М<айне>» (*РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179).

Жуировать — наслаждаться *(фр.).*

...застал я для меня книги весьма нужные... — Книги были посланы Н. М. Языковым, которому Гоголь сообщал 15 марта (н. ст.) 1845 г.: «Книги, отданные тобою графу Толстому, получил в исправности и благодарю за них много. В пакете, присланном от графа Толстого, находятся Св. Отцы за 1843 и 1844 г., толкование на Св. Писание Амвросия. Он же прислал мне сочинения Дмитрия Ростовского, о которых я его просил и за которые поблагодари его очень, когда увидишь». Об этих книгах Н. М. Языков извещал Гоголя в письме от 2 декабря 1844 г.: «Переводов Святых Отцов вышла и третья часть за 1844 год, все три части посылаю сегодня же к графу Толстому». Высылке книг предшествовала просьба Гоголя в письме

к Н. М. Языкову от 26 октября н. ст. 1844 г.: «Назад тому две недели я получил из Берлина четыре книжки Святых Отцов. Полагаю, что они от тебя, хотя и не знаю, кому ты их вручил, потому что мне переслал берлинский наш священник с проезжавшим через Берлин соотечественником. Перевод очень хорош, жаль, что мало. Нельзя ли будет переслать продолжения...». Н. М. Языков отвечал: «Радуюсь, что ты получил-таки книги, посланные мною с г-жою Анненковой. Продолжение переводов св. отцов пришлю тебе скоро... это продолжение идет, т. е. выходит очень медленно: в 1844 году явилось только 2 книжки вместо обещанных 4-х, а 1844 г. уже на исходе!»

Иван Петрович — граф Толстой.

к стр. 43 *Графиня* — А. Г. Толстая, жена А. П. Толстого.

917. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 631–632. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя. В 2 т. Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 410–411.

к стр. 44 *...в «Отечественные Записки», где меня ругают как можно чаще...* — Речь идет о статьях В. Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1844 года» (Отечественные Записки. 1845. № 1. Отд. 5) и «Иван Андреевич Крылов» (Отечественные Записки. 1845. № 2. Отд. 2), в которых негативно освещалось творчество Языкова и пародировался его поэтический стиль.

...стихи мои пародируют и печатают эти пародии. — Имеется в виду пародия Н. А. Некрасова «Послание к другу из-за границы» (Литературная газета. 1845. 1 февраля. № 5).

...еще одно мое стихотворение... — «К Чаадаеву».

918. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 103–104. Печатается по первой публикации.

к стр. 45 *Николай Михайлович* — Языков.

...внук Якушкин... — Вероятно, Е. И. Якушкин.

...мать его... — Дочь Н. Н. Шереметевой А. В. Якушкина (рожд. Шереметева).

...благое намерение. — О намерении М. П. Погодина отправиться в Святую Землю извещал также Н. В. Гоголя Н. М. Языков в письме от 17 февраля 1845 г.: «Погодин собирается в Иерусалим; на второй неделе Великого Поста он пустится отсюда, а на последней будет говеть у Гроба Господня». В письме к Н. М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) Гоголь спрашивал: «...Уехал ли Погодин в Иерусалим или отложил свою поездку на другое время. В последнем случае

объяви ему о моем намерении, и если ему случится ехать на Рим, то, вероятно, мы отправимся тогда вместе». В ответном письме от 29 марта 1845 г. Н. М. Языков писал Гоголю: «Погодин едет в Мариенбад, а его путешествие в Святую Землю, кажется, отложено в долгий ящик». 12 июня Н. М. Языков снова сообщал Гоголю: «Слышно, что Погодин не переменял своего намерения побывать в Святой Земле, но я еще не говорил с ним об этом; уведомлю тебя, когда и как он решился». В тот же день, 12 июня 1845 г., Н. М. Языков сообщал брату Александру: «Погодин... как слышно, собирается осенью нынешнего года исполнить свой давнишний план путешествия к Святым Местам. Он едет к зиме в Рим и оттуда водой в Иерусалим, а из Иерусалима водою же в Одессу и таким образом восвояси. Само собой разумеется, что при сей верной оказии Погодин напишет путешествие к Святым Местам и его раскупят и что паломнику-сочинителю выгода будет большая» (Русская Старина. 1903. № 3. С. 534). Летом — осенью 1846 г. М. П. Погодин совершил путешествие за границу, однако в Иерусалиме не побывал. 10 сентября н. ст. 1846 г. Гоголь писал ему: «...Если ты выехал с тем, чтобы ехать в Святую Землю... то не следует оставлять такого намерения...». М. П. Погодин отвечал: «Иерусалим — оставлю, если Бог даст, до следующего лета». Имея в виду в первую очередь М. П. Погодина (совершить паломничество в Святую Землю намеревались также в то же время с Гоголем граф А. П. Толстой и художник А. А. Иванов), Гоголь 8 ноября (н. ст.) 1846 г. писал Н. Н. Шереметевой: «Со многими из людей, близких мне, которые намеревались тоже к наступающему Великому Посту ехать в Иерусалим, случились... непредвиденные препятствия, заставившие иных возвратиться даже с дороги, в которую было уже пустились. А я иначе и не думал пускаться, как с людьми близкими сколько-нибудь моей душе» (см. также письмо Гоголя к Н. Н. Шереметевой от 20 марта 1847 г.). Осенью 1846 г. Гоголь писал самому М. П. Погодину: «Ты не поехал в Иерусалим и был прав, принявши за указание встретившиеся препятствия. Когда готово сердце и зовет Бог душу на такое дело, тогда не останавливают нас никакие препятствия...». Около 11 февраля 1847 г. Гоголь еще раз обращался к М. П. Погодину: «По всему вижу, что, кажется, дело хочет устроиться так, дабы мы встретились в Иерусалиме у Гроба Господня». «Если ты еще не переменил своего намерения, — замечал Гоголь в письме к М. П. Погодину от 30 апреля (н. ст.) 1847 г., — как бы нам хорошо было теперь отправиться вместе». В тот же день он писал А. М. Погодиной: «Уведомляю вас, что если любезный сын ваш Михаил Петрович отправится к Святым Местам, то он найдет во мне верного попутчика». В конечном счете Гоголь отправился в Иерусалим один.

Василий Андреевич — Жуковский. к стр. 46

919. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Из переписки Гоголя // Помощь Голодающим. М., 1892. С. 472–474. См. также: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 246–250. Печатается по последней публикации.

к стр. 47 *Мандж* — «доктор Государя и матери моей» (примечание О. Н. Смирновой).

к стр. 49 *...и многих других...* — «Виельгорских и Одоевских» (примечание О. Н. Смирновой).

Убри — «наш министр во Франкфурте» (примечание О. Н. Смирновой).

к стр. 50 *Софья Михайловна в благодатном состоянии...* — «Вскоре у нее родился сын Александр» (примечание О. Н. Смирновой).

Аркадий — «Аркадий Осипович Россет, брат Александры Осиповны» (примечание О. Н. Смирновой).

920. Н. Н. Шереметевой

Дата, поставленная Гоголем: 14 февраля, — очевидная описка. Данное письмо написано во Франкфурте, по возвращении из Парижа, и было приложено к письму Н. М. Языкову от 15 марта (н. ст.) 1845 г., где Гоголь замечал: «При сем письмо Надежде Николаевне» (письмо № 921). 17 марта 1845 г. Языков писал Шереметевой: «Вчера вечером получил я письмо от Николая Васильевича: он говорит, что ему сильно нездоровится... Он вложил в свое письмо ко мне письмо к Вам — посылаю Вам его. Если будете писать к нему, то благоволите прислать Вашу грамотку ко мне. Я третьего дни писал к нему... Желаю Вам скорейшего выздоровления» (*РГБ.* Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 4–5).

...виделся только с одними близкими, немногими, но прекрасными душами. — В Париже Гоголь жил в доме графа А. П. Толстого, встречался с настоятелем русской посольской церкви протоиереем Д. С. Вершинским, писал книгу о Литургии, в работе над которой ему помогал филолог-эллинист Ф. Н. Беляев; встречался также с графиней Л. К. Виельгорской, А. И. Тургеневым, А. де Сиркуром. Об этом времени Гоголь 12 февраля (н. ст.) 1845 г. писал Н. М. Языкову: «Жил внутренно, как в монастыре, и в прибавку к тому не пропустил почти ни одной обедни в нашей церкви». 24 февраля (н. ст.) 1845 г. он сообщал А. О. Смирновой: «Я... провел эти три недели совершенным монастырем, в редкий день не бывал в нашей церкви и был сподоблен Богом и среди глупейших минут душевного состояния вкусить небесные и сладкие минуты...».

921. Н. М. Языкову

Датировка уточнена на основании почтового штемпеля.

к стр. 51 *Аксаков* — Сергей Тимофеевич.

Граф Толстой — Иван Петрович. к стр. 52

Амвросий Медиоланский (около 333–397) — святой, один из отцов и учителей Церкви (память совершается 7 декабря и 4 апреля ст. ст.).

922. А. О. Смирновой

Дата, поставленная Гоголем: 14 февраля, — очевидная описка. Письмо написано по возвращении из Парижа, во Франкфурте.

Уведомьте меня о состоянии здоровья Аркадия Осиповича, и помог ли ему хотя в чем-нибудь Призниц. — См. письмо № 938. к стр. 53

Посылаю вам письмо, давно уже написанное... — Письмо № 923.

923. А. О. Смирновой

Датировка письма уточнена. Послание представляет собой ответ на письмо А. О. Смирновой от 18 декабря 1844 г., поэтому дата, поставленная Гоголем на письме: 28 декабря, — несомненно, относится к русскому, а не к европейскому стилю. 28 декабря 1844 г. / 9 января 1845 г. письмо, по-видимому, было только начато — за день до отъезда Гоголя в Париж 10 января (н. ст.) 1845 г. (см. коммент. к письму № 895). В послании к А. О. Смирновой из Парижа от 24 февраля (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщал: «На днях, то есть через два дни с небольшим еду во Франкфурт, где оставил начатое, но прерванное недугами длинное и большое письмо к вам по поводу разных объяснений и дел, как прозаических, так и душевных. Приехавши во Франкфурт, допишу его...» (письмо № 909). Письмо было приложено к посланию А. О. Смирновой от 15 марта (н. ст.) 1845 г. (№ 922).

Письмо использовано при написании главы *VI. О помощи бедным* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

...рассказал то, в чем требовалось тайны... — Подразумевается определение Гоголем денег, выручаемых от продажи его «Сочинений», на оказание помощи «бедным, но достойным студентам» Петербургского и Московского университетов. Распоряжаться этим фондом Гоголь поручил в Петербурге П. А. Плетневу и Н. Я. Прокоповичу, в Москве — С. П. Шевыреву и С. Т. Аксакову. «Отчет в этом принадлежит одному Богу» (письмо к П. А. Плетневу между 1 и 14 декабря (н. ст.) 1844 г. — № 874 в т. 12 наст. изд.). к стр. 54

...невпопад было приведено вами... из François de Sales. — А. О. Смирнова цитировала по-французски слова католического писателя и проповедника Франциска Сальского (канонизирован Римской Церковью): «Мы наслаждаемся мыслью о том, как нам быть добрыми ангелами, и забываем, что прежде всего наш долг — быть добрыми людьми» (письмо № 892). к стр. 56

Кийждо своею мыслью да извествуется.— Послание св. апостола Павла к Римлянам, гл. 14, ст. 5.

к стр. 58 *...молодые люди с дарованиями появляются редко...* — Эту же мысль Гоголь повторял в письме к С. Т. Аксакову от 25 ноября (н. ст.) 1845 г.: «...Таланты редки и не скоро один после другого появляются». 2 января (н. ст.) 1845 г. он писал Н. М. Языкову: «Профессора у нас заняты только своим собственным краснобайством... в последние пять или шесть университетских выпусков... не образовалось почти ни одного деятельно-работящего таланта!». См. также коммент. к строкам пятого раздела статьи «О преподавании всеобщей истории» — *...если слог профессора вял...* — в т. 6 наст. изд.; к письму № 628 в т. 12, а также к строкам наст. письма ниже — *...они... писаны на языке того человека, к которому писаны.*

Николай Михайлович — Смирнов, муж А. О. Смирновой.

к стр. 62 *...как какого-то мессию, которого ждут евреи...* — Подразумевается, что евреи, желавшие иметь в Мессии земного царя и не принявшие Спасителя, продолжают ожидать исполнения своих чаяний. Оттого, согласно Евангелию, перед концом мира за Мессию, обещанного пророками, они примут антихриста (Ин. 5, 43; 2 Фес. 2, 9–12). Ср. также выписку *<45> Пророчества о Христе* гоголевского сборника «Выбранные места из творений св. отцов и учителей Церкви» в т. 8 наст. изд.

к стр. 65 *К этому примешалась мысль о единстве Церкви в каком-то безотчетном, не объяснившемся для него самого соединении с литературой...* — Гоголь имеет в виду следующие строки письма к нему П. А. Плетнева: «Когда умер Пушкин, для прочих друзей все умерло лучшее его: стремление к совершенствованию идей в нашей литературе, управа с эгоизмом и невежеством, вера в единство истинной Церкви, которую должны из своего круга образовать благородные люди, понимающие дело и ни для чего не кривящие душой» (письмо № 862 в т. 12 наст. изд.).

к стр. 66 *...как отзывается он о людях, которых считает моими друзьями...* — Имеются в виду С. П. Шевырев, М. П. Погодин и Аксаковы.

Против некоторых из этих людей... — Намек на М. П. Погодина.

к стр. 67 *...но повелел быть братьями.* — Вероятно, имеются в виду слова Спасителя, переданные св. апостолом и евангелистом Матфеем: «...Вси же вы братия есте» (гл. 23, ст. 8).

к стр. 68 *...они... писаны на языке того человека, к которому писаны. А таких языкознателей или лучше душезнателей, которые могли бы читать все языки, сами знаете, немного.*— Реминисценция 14-й главы Первого послания св. апостола Павла к Коринфянам. См. коммент. к письму святителя Игнатия (Брянчанинова) по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя в т. 9 наст. изд. Ср. также слова Гоголя об университетских профессорах в письме к Н. М. Языкову от 2 января (н. ст.) 1845 г. (письмо № 891): «Они не знают, кому они говорят, а потому не мудрено, что не нашли до сих пор языка, которым следует говорить и беседовать с русским

человеком». См. также коммент. к строкам письма № 884 — *...не удивляйтесь тому, что мне понадобилась вдруг такая дрянь* — в т. 12 наст. изд.

...он *горд своею чистотою...* — Ср. отзыв Гоголя о П. А. Плетневе в письме к графине А. М. Виельгорской от 16 января (н. ст.) 1847 г.: «Один порок за ним был только — тот, что он, не сделавши такого дела, которое бы упрекало в чем-либо, имел некоторую гордость чистотой своей». См. также коммент. к строкам статьи *XXXII. Светлое Воскресенье* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *...гордость чистотой своей...* — в т. 6 наст. изд.

...Богу лучше кающийся грешник, чем гордый праведник. — Имеется в виду притча Спасителя о мытаре и фарисее (Лк. 18, 9–14). См. также коммент. к строкам письма Гоголя О. В. Гоголь от 29 января (н. ст.) 1847 г. — *...на небесах больше радуются обратившемуся грешнику, чем самому праведнику...* — в т. 14 наст. изд.

«Подражание Христу» — см. коммент. к письму № 746 в т. 12 к стр. 69 наст. изд.

924. Графиня Л. К. Виельгорская (с припиской графини А. М. Виельгорской) — Н. В. Гоголю

Отрывок из письма (большая часть приписки графини А. М. Виельгорской) впервые напечатан П. А. Кулишом: *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 21. В бумагах П. А. Кулиша сохранилась выписка, использованная в «Записках...»: «*1845, марта 14. Париж.* "Любезный Николай Васильевич! пожалуйста, напишите Софье Михайловне. Она немножко унывает. Вот ее слова: Il me faudrait deux ou trois bonnes conversations avec notre cher ami, pour me calmer el me remettre sur la bonne voie"» (*Кулиш П. А.* Из писем Анны Вьельгорской к Гоголю // *РГБ.* Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 48. Л. 1). Полностью впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 89–90. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 212–214.

...за письмо ваше... — Имеется в виду письмо Гоголя графи- к стр. 70 ням Л. К. и А. М. Виельгорским от 5 марта (н. ст.) 1845 г. (№ 915).

Беби — Софья Владимировна Соллогуб, дочь графини С. М. Соллогуб (рожденной Виельгорской).

...o grand'mama Solochub... — о бабушке Соллогуб *(фр.).*

Anolite — графиня А. М. Виельгорская.

Master — господин *(англ.).*

Нозинька — графиня А. М. Виельгорская.

...с графом и граф<иней>. — А. П. и А. Г. Толстыми.

Граф Иван — И. П. Толстой.

Гр<аф> Александр — А. П. Толстой.

...еще думает о прошедшем? — О чем идет речь, неизвестно.

Аполлина — А. М. Веневитинова, дочь графини Л. К. Виель- к стр. 71 горской.

Тургенев — Александр Иванович (см. коммент. к письму № 955).

Миша — граф М. М. Виельгорский.

Il me faudrait deux ou trois bonnes conversations avec notre cher ami, pour me calmer et me remettre sur la bonne voie. — Две-три беседы с нашим дорогим другом успокоили бы меня и наставили бы на добрый путь *(фр.)*.

925. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропусками: Современник. 1858. № 11. С. 149–150. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 458–459.

к стр. 72 *Образ «Воскресения» остался за Карлом Брюлло.* — В 1840-х гг. в Москве шло строительство храма Христа Спасителя по проекту архитектора К. А. Тона. Заказ на предназначенный для этого храма запрестольный образ «Воскресения Христова» был сделан в 1842 г. К. П. Брюллову. К. А. Тон, недовольный К. П. Брюлловым, хотел было передать эту работу А. А. Иванову.

...письмо мое к А. О. Смирновой... — Письмо от 12 февраля (н. ст.) 1845 г. (см. письмо № 908).

...мое и Моллера... — См. письма № 910 и 911.

926. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 810. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 459–460; с дополнением по первой публикации.

Датируется по положению в черновой тетради и по связи с письмом Гоголя к А. О. Смирновой от 21 марта (2 апреля) 1845 г. Возможно, является продолжением письма Иванова к Гоголю от 15 марта (н. ст.) 1845 г. (письмо № 925).

Скальдина (ит. scaldino*)* — грелка; сосуд, употребляемый в Италии для обогревания комнаты. Имеется в виду оригинальная картина Шаповалова «Римская зима». Художник «представил ее в виде молодой римлянки, греющейся над скальдиною (так называется горшочек, наполняемый горящими углями и служащий в Риме ручною печкою)» (*Чижов Ф.* Письмо о работах русских художников в Риме. С. 58).

Бутенев — Аполлинарий Петрович (1787–1866) — русский посланник в Риме.

Василий Андреевич — Жуковский.

927. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Машковцев Н.* Творческий путь Александра Иванова // Аполлон. 1916. № 6–7. С. 17. Печатается по первой публикации.

928. Графу А. П. Толстому

...в несколько раз выше подвиг того, кто, не получая благодати, к стр. 74 *не отстает от Бога...* — Ср. в выписке <54> *Мысли* сборника Гоголя «Выбранные места из творений св. отцов и учителей Церкви»: «Высшая степень духовной жизни есть та, когда человек, не имея утешения ни от Бога, ни от мира, однако ж терпелив и спокоен, будучи всем сердцем предан Богу» (т. 9 наст. изд.).

...может сказаться то же, что сказано было человеку, вкусившему удовольствие на земли, т. е. ты имел уже на земли многое. — Вспоминается евангельское повествование о богаче и нищем Лазаре: «...Авраам сказал: чадо, вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь...» (Лк. 16, 25). См. также коммент. к строкам статьи *XXXII. Светлое Воскресенье* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *...как богач отталкивает покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего* — в т. 6 наст. изд.

...относительно чтения Тихона... — т. е. сочинений святителя Тихона, епископа Задонского.

«Где вас двое, там и Церковь Моя». — Парафраз слов Спасите- к стр. 75 ля, переданных св. апостолом и евангелистом Матфеем: «...Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (гл. 18, ст. 20). См. также коммент. к письму № 638 в т. 12 наст. изд.

Графиня — А. Г. Толстая.

929. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Публикуется впервые по копии, сделанной П. А. Кулишом: Извлечения из писем графа А. ... Толстого к Гоголю <После «А.» оставлен пробел для инициала отчества> // *РГБ.* Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 57. Л. 1.

...содержание их про вас одного? — «А их найдено в чемодане за границею 25» (примечание П. А. Кулиша).

930. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Публикуется впервые по копии, сделанной П. А. Кулишом: Извлечения из писем графа А. ... Толстого к Гоголю <После «А.» оставлен пробел для инициала отчества> // *РГБ.* Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 57. Л. 1.

931. Ф. Н. Беляев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (за исключением дарственной надписи; см. ниже): Из переписки Гоголя // Помощь Голодающим. М., 1892. С. 465–466; перепечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 347–349. Печатается по первой публикации.

к стр. 76 *...не премину ее доставить...* — Вероятно, Беляев не выполнил этого обещания. Ср. помету в записной книжке Гоголя 1846–1851 гг.: «В Смирне купить... книгу Евхолог<ион>...» (т. 9 наст. изд.).

к стр. 77 *...Лютерова катехизиса на французском.* — Ср. заметку в записной книжке Гоголя 1845–1846 гг.: «У священн<ика>: Катех<изис> Лютера» (т. 9 наст. изд.).

<Дарственная надпись Ф. Н. Беляева Н. В. Гоголю от 16 марта 1845 г. ...>

Впервые напечатано: Соч. *Н. В. Гоголя.* 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 4. С. 591–592. Печатается по автографу: *РГБ.* Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 35. Л. 40. Тетрадь с греческим текстом Литургии святителя Василия Великого, с параллельным латинским текстом, написана Ф. Н. Беляевым четким почерком, черными и красными чернилами, в два столбца (слева греческий текст, справа латинский). Беляев украсил текст буквицей, заставкой и на последнем листе сделал дарственную надпись славянской вязью.

ѕ҃і — 16.

҂а҃ѡме — 1845.

932. Графу А. П. Толстому

Дата уточнена на основании почтового штемпеля.

к стр. 78 *К графиням* — А. Г. Толстой, Л. К. и А. М. Виельгорским.

Письмо от графини... — Письмо № 924.

Посылаю... расписку из здешней почты на Тихона... — т. е. на посланные Гоголем графу А. П. Толстому сочинения святителя Тихона Задонского.

к стр. 79 *...графине... поклон...* — А. Г. Толстой.

933. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. С. 143–144. Печатается по первой публикации.

Альфонский — Аркадий Алексеевич (1796–1869), хирург, ректор Московского университета.

Броссе — Петр Федорович (1793–1857), профессор Московского университета, главный врач Московской глазной больницы.

934. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 632–633. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 411–412.

...еще стихотворение... — Послание «С. П. Шевыреву». к стр. 80

...опровержение на статью Погодина, напечатанную в 1-м №. — В работе «О древней русской истории. (Письмо к М. П. Погодину)» (Москвитянин. 1845. № 3) П. В. Киреевский выступил против истолкования русского национального характера, предложенного Погодиным в статье «Параллель русской истории с историей западных европейских государств».

Иноземцев — Федор Иванович (1802–1869), врач, профессор Московского университета.

...все статьи, под коими напечатано «К.»... — Статьи к стр. 81 И. В. Киреевского.

...«Спорт» — это хомяковская штучка. — Статья А. С. Хомякова «Спорт» была опубликована анонимно.

935. А. О. Смирновой

Дата уточнена на основании почтового штемпеля.

Отвечаю вам на письмо ваше... — Письмо № 919.

Это будет небольшое произведение... — Подразумеваются «Выбранные места из переписки с друзьями».

...два тома последних Тихона... — т. е. сочинений святителя к стр. 82 Тихона Задонского.

Миха<и>л Мих<айлович> — Виельгорский. к стр. 83

Я думаю, что вы уже получили весьма длинное письмо мое... — к стр. 84 Письмо к А. О. Смирновой от 9 января — 15 марта (н. ст.) 1845 г. (№ 923).

Письмо же, писанное мною из Парижа... — Письмо к А. О. Смирновой от 24 февраля (н. ст.) 1845 г. (№ 909).

936. Н. М. Языкову

...стихотворение к Шевыреву. — «С. П. Шевыреву».

«К молодому человеку» — «Константину Аксакову».

«Старому плешаку» — «К Чаадаеву».

«Путешествие к Св. Местам» Норова — *Норов А. С.* Путеше- к стр. 88 ствие по Святой Земле в 1835 году. 2-е изд. СПб., 1844. Ч. 1–2. См. коммент. к письму № 1060.

...уехал ли Погодин в Иерусалим... — См. коммент. к письму № 918.

937. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 106–108. Печатается по первой публикации.

к стр. 89 *Николай Михайлович* — Языков.

...путешествия, которое было побудительною причиною отъезда вашего из Москвы. — Ср. упоминание Н. Н. Шереметевой в письме к Гоголю от 21 октября 1842 г. о намерении Гоголя отправиться в Иерусалим как «давно желаемом» им пути. Сам Гоголь, объясняя в письме к С. Т. Аксакову от 18 августа н. ст. 1842 г. — спустя два месяца после своего отъезда из России — стремление отправиться в Святую Землю, писал: «Признайтесь, вам странно показалось, когда я в первый раз объявил вам о таком намерении?.. Но... как мы можем сказать, чтобы то, которое кажется нам минутным вдохновением... чтобы оно не было вложено всемогущей волею Бога уже в самую природу нашу и не зрело бы в нас невидимо для других?» В начале февраля 1842 г. Гоголь получил благословение на поездку к Святым Местам от преосвященного Иннокентия (Борисова), в ту пору епископа Харьковского. «Теперь я могу объявить, куда я еду, — сказал он тогда Аксаковым, неодобрительно относившимся к его отъезду из России, — ко Гробу Господню» (*Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 62). Характерно, что и ранее, в 1836–1838 гг., Гоголь объяснял свой отъезд за границу религиозными мотивами и сам видел в нем своеобразный уход в «затвор», в «монастырь» — предуготованный ему Провидением. Очевидно, стремление Гоголя в Иерусалим зародилось задолго до отправления его туда. Вероятно, сказались тут и уроки 1820-х гг. законоучителя Нежинской гимназии отца Павла Волынского по Священной истории и географии Обетованной Земли, и собственные размышления Гоголя 1830-х гг. над важнейшими событиями мировой истории (см., в частности, его статью «Жизнь»). (Судьбы еще двух воспитанников гимназии оказались связанными с Иерусалимом. Так, В. К. Каминский, окончивший курс три года спустя после Гоголя, дважды совершал паломничество ко Святым Местам и умер в самом Иерусалиме, а однокашник К. М. Базили — русский генеральный консул в Сирии и Палестине — сопровождал Гоголя в 1848 г. в его путешествии в Святую Землю.)

к стр. 90 *...23 маия будет три года...* — Гоголь выехал из Москвы 23 мая 1842 г.

к стр. 91 *Василий Адреевич* — Жуковский.

...он путешествие свое отложил до весны... — См. коммент. к письму № 918.

938. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 251–253. Печатается по первой публикации.

Надежда Николаевна — «моя меньшая сестра» (примечание О. Н. Смирновой).

Н<иколай> М<ихайлович> — Смирнов, муж А. О. Смирновой.

...флигель, где вы одни будете царствовать. — «Это сбылось в 1851 году наконец» (примечание О. Н. Смирновой). к стр. 92

...кофе со сливками, подобными громоклеевским... — «Громоклея-Вадеско, имение моей прабабушки Лорер (рожденная Екатерина Евсеевна Цицианова)» (примечание О. Н. Смирновой).

...но теперь позволили сказать... — «Государь Николай Павлович» (примечание О. Н. Смирновой).

...у Веневитиновых. — «Веневитинов, брат поэта, муж Аполлонии Михайловны Виельгорской» (примечание О. Н. Смирновой). к стр. 93

...приезд графини Вьельгорской... — «Луизы Карловны, урожденной Бирон» (примечание О. Н. Смирновой).

939. Протоиерею Иоанну Базарову

Датировка уточнена. Записка была отправлена Гоголем отцу Иоанну Базарову, настоятелю вновь учрежденной русской домовой церкви в Висбадене. «Приехав на этот зов в Саксенгаузен (заречная сторона Франкфурта, где жил Жуковский), — вспоминает отец Иоанн, — я нахожу мнимо умирающего на ногах, и на мой вопрос, почему он считает себя таким опасным, он протянул мне руки со словами: “Посмотрите! совсем холодные!”. Однако мне удалось убедить его, что он совсем не в таком болезненном состоянии, чтобы причащаться на дому, и уговорил его приехать в Висбаден поговеть, что он и исполнил» (Воспоминания протоиерея Базарова // Русская Старина. 1901. № 2. С. 294).

940. Я. В. Ханыков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 344–346. Печатается по первой публикации.

Die Gruffenberger Wasserheilanstalt — Греффенберская водолечебница *(нем.)*. к стр. 94

...поборников... — Здесь: противников. к стр. 95

941. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые опубликовано: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 253–255. Печатается по первой публикации.

Пока этот лентяй соберется вам писать... — См. письмо № 943. к стр. 96

Грефенберг — «Греф<ф>енберг, благодаря громкой репутации Присница, был модным местом лечения; кроме Гоголя, в нем были в короткое время А. О. Россет, Ханыков и А. П. Толстой...» (примечание О. Н. Смирновой).

к стр. 98 *...в селе Спасском.* — «Имение Смирновых Московской губернии Коломенского уезда» (примечание О. Н. Смирновой).

Н<иколай> М<ихайлович> — Смирнов, муж А. О. Смирновой.

Мои мопсики... — «Мопсики — дети, т. е. мы, моськи!» (примечание О. Н. Смирновой).

942. Министр народного просвещения С. С. Уваров — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 324. Печатается по первой публикации.

Письмо С. С. Уварова было отправлено Гоголю А. О. Смирновой через В. А. Жуковского. Последнему она писала: «Заставьте, пожалуйста, Гоголя написать Уварову или сделать то, что следует, по вашему мнению» (Русский Архив. 1902. № 5. С. 114).

Ранее, в письме к А. О. Смирновой от 4–16 января 1845 г., В. А. Жуковский писал: «Гоголя нет с нами; за два дни до рождения Павла Васильевича отправился он в Париж, приглашенный туда Толстым и Виельгорским. Я сам его послал туда; ибо у него начали колобродить нервы и сам Копп прописал ему Париж как слабительное. Весною он к нам возвратится. — Вам бы надобно было опять позаботиться у Царя и Царицы. Ему необходимо надобно иметь что-нибудь верное в год. Сочиненья ему мало приносят, и он в беспрестанной зависимости от завтрашнего дня. — Подумайте об этом; вы лучше других можете характеризовать Гоголя с его настоящей, лучшей стороны. По его комическим творениям могут в нем видеть совсем не то, что он есть. У нас смех принимают за грех, следственно всякий насмешник должен быть великий грешник» (цит. по изд.: *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Paris, 1926. С. 178–179; впервые опубл.: Русский Архив. 1871. № 11. Стб. 1859–1860; см. также: *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 644).

24 февраля 1845 г. П. А. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «*Четверг (22 февраля)...* Вечером... проехал я к Смирновой. Мы сочиняли с нею записку для Великой Княгини Марии Николаевны о Гоголе, чтобы она исходатайствовала для него вспоможение у Государя» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. С. 407).

11 марта 1845 г. вечером А. О. Смирнова была у Императрицы и напомнила Государю о Гоголе. В своем дневнике она записала: «*11 марта...* Я ему напомнила о Гоголе, он был благосклонен. “У него есть много таланту драматического, но я не прощаю ему выражения и обороты слишком грубые и низкие”. — “Читали вы «Мертвые души?»” — спросила я. — “Да разве они его? Я думал,

что это Соллогуба" (NB). Я советовала их прочесть и заметить те страницы, где выражается глубокое чувство народности и патриотизма... *15 <марта>...* Орлов говорил мне, что Импер<атор> желал поместить брата к нему, говорил и нелюбезно и даже сурово. Мое дело просить, и не стыдно просить для других, для себя, слава Богу, ничего не прошу. Государь приказал ему заняться Гоголем, он также говорил: "Ведь он еще молод и ничего такого не сделал". Прошу покорно господ министров сказать, что такое надобно сделать в литературе, чтобы получить патент на достоинство литератора в их смысле... Право, они смешны; еще если бы читали по-русски. После такого великолепия я вернулась домой и долго размышляла о дворце и царедворцах, хотя их давно знаю. *16 <марта>...* Я писала по оказии Жуковскому насчет Гоголя и просила его написать несколько строк к Орлову... *21 <марта>...* Мое дело пошло на лад: Государь приказал Уварову узнать, что нужно Гоголю. Уваров тут поступил благородно, сказал, что Гоголь заслуживает всякую помощь» (*РГБ.* Ф. 474. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 3–3 об., 8, 9; впервые (с купюрами и непрочитанными словами) напечатано: Русский Архив. 1882. № 1; более полный текст (также с непрочитанными словами): Сб. «Николаевская эпоха». М., 1910; перепечатка: *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма / Со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1929. С. 272–295; также с неточностями: *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 7, 10–11, 13–14, 16).

Уже 14 марта 1845 г. министр Императорского Двора князь П. М. Волконский препроводил представленную А. О. Смирновой «Ея Императорскому Высочеству, Великой Княгине Марии Николаевне» записку «о литераторе Гоголе» министру народного просвещения С. С. Уварову «для рассмотрения и доклада Государю Императору» (*РГИА.* Ф. 472. Оп. 17 (4/936). Ед. хр. 343).

В своей записке Смирнова писала:

«Ваше Императорское Высочество милостиво изволили принять мою просьбу о <Гоголе> и приказали составить о нем записку, которую имею честь представить. Сочинения его известны Вашему Императорскому Высочеству. Публика особенно заметила в них оригинальные комические стороны; но от Вашего взгляда, без сомнения, не ускользнули красоты высшие, чувства всего прекрасного, чисто русского, народного, которые его поставили наряду с первыми нашими литераторами. Чем более входит он в изображение серьезной стороны русского быта (о чем упоминает сам в последних своих сочинениях), тем медленнее подвигается его работа, и следовательно, он лишается выгод, соединенных с продажею книг. Самая первая выручка его сочинений употреблена была им на поправление расстроенного состояния матери и сестер, которые и до сих пор не совершенно обеспечены. Между тем его здоровье было всегда так слабо, что вследствие сильной болезни он вынужден

был оставить самую выгодную службу, находившись в здешнем университете адъюнкт-профессором, и отправиться за границу. Лишенный всякого способа достигнуть своих предприятий литературных и касающихся до здоровья, он только благодеяниями царскими может быть обеспечен. — Конечно, он еще не успел сделать для пользы русской словесности столько, как Пушкин и Карамзин; но милости Государя не исключают никого, кто из любви к пользе Отечества принесет хотя слабую дань своего усердия.

Участие Вашего Императорского Высочества само определит, каким образом может быть поддержано существование человека, который, по общему признанию, подает много надежд.

Вашего Императорского Высочества много преданная и всепокорная слуга А. Смирнова».

(Дело касательно оказания помощи литератору Гоголю // *РГИА*. Ф. 472. Оп. 17 (4/936). Ед. хр. 343; Копия с письма супруги Церемониймейстера Смирнова к Великой Княгине Марии Николаевне (в марте 1845 года) // *ИРЛИ*. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 1 об.—2; опубл.: Литературный музеум. Л., 1920. Кн. 1. С. 69–70).

18 марта 1845 г. Император Николай I на представлении С. С. Уварова от 17 марта написал: «Пусть сам М<инистр> определит меру пособия, которого заслуживает» (Литературный музеум. Кн. 1. С. 71).

В марте 1845 г. Н. М. Языков писал брату А. М. Языкову: «Гоголю выпросил Уваров по 1000 р<ублей> ежегодно: честь и слава! Этак Гоголь освободится наверное от множества забот самых прозаических» (Русская Старина. 1903. № 3. С. 533).

В апреле 1845 г. В. А. Жуковский вновь писал А. О. Смирновой (по-видимому, в ответ на ее письмо от 16 марта; см. выше): «Здоровье Гоголя требует решительных мер; ему надобно им заняться исключительно, бросив на время перо... Я его посылал в Париж, полагая, что рассеяние сделает ему добро... Я думаю, что он должен будет ехать в Гастейн, оттуда на всю зиму в Италию. Прошу вас выхлопотать или заставить похлопотать П. А. Плетнева, чтобы деньги были тоже выданы на мое имя во Франкфурте на Майне. Я буду знать, куда пересылать Гоголю. Он теперь на три года обеспечен; от царя милостивого 1000 р<ублей>, да от великого князя 1000 фр<анков> также; в продолжение трех лет это и будет достаточно, и он может серьезно предаться лечению. А я уже и от Орлова получил письмо очень любезное, в котором он уведомляет меня о сделанном для Гоголя и охотно вызывается сделать для него впредь что может полезного» (Русский Архив. 1871. Стб. 1859–1860).

1 июля 1845 г. В. А. Жуковский сообщал также П. А. Плетневу: «К Уварову я писал... о Гоголе. Но Гоголь уже со мною с месяц расстался; он отправился купаться в Гастейн; я однако еще ни строки не имею от него со времени его отъезда» (Соч. и переписка *П. А. Плетнева*. СПб., 1885. Т. 3. С. 556).

1/13 ноября 1845 г. П. А. Плетнев писал В. А. Жуковскому из Петербурга: «Гоголю прилагаю здесь письмо. Самому мне писать к Бутеневу <русскому посланнику в Риме> показалось как-то совестно. Он и не слыхивал имени моего. Вы, конечно, не затруднитесь переслать. Прошу Гоголя о высылке мне бумаги из миссии, что он жив: иначе и денег не выдадут в Государственном Казначействе» (Соч. и переписка *П. А. Плетнева.* СПб., 1885. Т. 3. С. 565).

5 февраля 1846 г. П. А. Плетнев сообщал В. А. Жуковскому из Петербурга: «Деньги для Гоголя, со дня подписания указа и до числа, выставленного по посольском сертификате, я получил. Из денег этих вычли, однако ж, 10 проц<ентов> на инвалидов. Чтобы вернее доставить ему посылку, я отправляю ее прямо на имя Бутенева» (Соч. и переписка *П. А. Плетнева.* СПб., 1885. Т. 3. С. 569).

943. А. О. Россет — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 339–343. Печатается по первой публикации.

П. А. Кулиш в период работы над «Записками о жизни Н. В. Гоголя...» выписал одну строку из этого послания, приписав его ошибочно графу А. П. Толстому: «С<анкт>-Петерб<ург>. 1844, марта 28. ...так как на вид вы крепки, он велит, может, вам сначала становиться под душу. (Толстой советует Гоголю ехать к Присницу, изведав на себе его лечение)» (*РГБ.* Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 57. Л. 1). Содержание этой выписки и примечание к ней были использованы П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя» (СПб., 1856. Т. 2. С. 49): «По совету своих друзей, изведавших на себе пользу Присницева лечения холодною водою, Гоголь отправился в Грефенберг...».

...с юмором... — «Это слово следует здесь понимать в смысле **к стр. 101** французского слова: humeur» (настроение, расположение духа) (примечание В. И. Шенрока).

944. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые опубликовано: *Шенрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // Русская Старина. 1896. № 12. С. 633–634. Печатается по первой публикации.

Ответ на письмо от 15 марта 1845 г. (№ 921).

945. Министру народного просвещения С. С. Уварову

Печатается по копии, с пометой А. Н. Пыпина: «Доставил мне В. В. Бутузов, — вероятно, из бумаг министерства нар. просвещения». Варианты приводятся по черновому автографу.

Датируется на основании воспроизведенной в копии пометы С. С. Уварова: «Получ<ено> 2 мая 1845 г.».

Историю взаимоотношений Гоголя с С. С. Уваровым см. в сопровод. статье к т. 8 наст. изд., а также в статье: *Виноградов И. А.*

Н. В. Гоголь и С. С. Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Духовный путь Н. В. Гоголя: В 2 ч. М., 2009. Ч. 2. С. 184–227.

к стр. 104 *Письмо ваше мною получено.* — Письмо № 942.

...в тишине только я готовил труд... — Подразумеваются «Выбранные места из переписки с друзьями».

946. А. О. Россету

Является ответом на письмо А. О. Россета от 28 марта 1845 г. (письмо № 943)

947. Н. М. Языкову

Дата уточнена на основании почтового штемпеля.

Является ответом на письмо Языкова от 29 марта 1845 г. (письмо № 944).

к стр. 108 *Статьи за буквою К. ...* — статьи И. В. Киреевского.

Отрывок из вступительной лекции Шевырева... — «Отрывок из вступительной лекции профессора Шевырева в истории русской словесности, преимущественно древней».

...к Полонскому... — Стихотворение Языкова «Я. П. Полонскому» («Благодарю тебя за твой подарок милой...») было опубликовано дважды: в № 1 «Москвитянина» за 1845 г. и в сборнике «Вчера и сегодня» (СПб., 1845).

...второе к Киреевой... — См. коммент. к письму № 890.

...к какому-то живописцу... — Имеется в виду стихотворение Языкова «А. Д. Хрипкову», напечатанное в № 1 «Москвитянина» за 1845 г.

Мокрицкий — Аполлон Николаевич.

Хомякова тоже прочел не без удовольствия и письмо, и «Спорт». — «Письмо в Петербург» А. С. Хомякова и его же статьи, без подписи, «Спорт» были помещены в № 2 «Москвитянина» за 1845 г. См. также коммент. к письму № 944.

948. С. Т. Аксакову

к стр. 109 *Ольга Семеновна* — Аксакова.

949. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Из переписки Гоголя // Помощь Голодающим. М., 1892. С. 476–477. См. также: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 255–258. Печатается по последней публикации.

к стр. 111 *...никто бы из старых знакомых и не глядел бы на меня.* — «Петербургское общество очень скоро забывает: 2 года отсутствия — это век в Петербурге» (примечание О. Н. Смирновой).

...о неаккуратности Михаила Михайловича. — «Относительно присылки книг...» (примечание О. Н. Смирновой). к стр. 112

...вы не можете себе этого и во сне представить. — «Вскоре после этого моя мать заболела, и мы все лето 45 г. провели в Павлине, на Петергофской дороге, на даче у Вьельгорских: они занимали с Сологубами и Веневитиновыми большую, а мы маленькую дачу. Отца моего назначили в Калужскую губернию: он пил воды в Павлине, а к *августу* уехал в Калугу, мы же с матерью уехали в Москву в октябре, а потом в Калугу. Моя мать очень страдала хандрой много лет, *боялась ее и боялась смерти*» (примечание О. Н. Смирновой).

950. Графиня С. М. Соллогуб — Н. В. Гоголю

Одна фраза из письма, без указания имени отправителя, впервые напечатана: *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 21. Использованная в этом издании выписка из этого письма сохранилась в бумагах П. А. Кулиша в заметке, озаглавленной «Из писем Софьи, графини Салогуб, урожденной Вьельгорской к Гоголю»: «*1845, апреля 15. Спб.* “Я недостойна быть вашей *сестрой*, любезный Николай Васильевич, но я стремлюсь к этой цели и надеюсь на помощь Всевышняго. (Она называет его иногда “любезным братом”.) [и подписывается “С. С.” (сестра София)]» (Из писем Софьи, графини Салогуб, урожденной Вьельгорской к Гоголю // *РГБ.* Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 48. Л. 2). Полностью впервые опубликовано В. И. Шенроком: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 90–92. Печатается по публикации В. И. Шенрока.

951. А. О. Смирновой

Датируется на основании почтового штемпеля.

952. Графиня Л. К. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 93. Печатается по первой публикации.

Нозинька — графиня А. М. Виельгорская. к стр. 116

953. Графине Л. К. Виельгорской

Дата уточнена на основании почтового штемпеля.

Является ответом на письмо Л. К. Виельгорской от 11 мая (н. ст.) 1845 г. (письмо № 952).

...поручил ему исполнить вашу просьбу относительно письма. — В письме Гоголя имеется карандашная приписка А. И. Тургенева, адресованная графине Л. К. Виельгорской: «Сейчас я видел письмо на почте на имя Лазарева, которое по вашему повеленью просил отправлять ему в Париж». Следовательно, речь идет о пересылке в Париж письма на имя родственника Вьельгорских, Л. И. Лазарева, полученного франкфуртской почтой. См. в дневнике А. И. Тургенева:

«15 мая <1845. Франкфурт-на-Майне>... В 8 $^{1}/_{2}$ — у Жуковского. Все утро сидел, читал, писал. — Гоголь уехал в Гомбург... *17 мая...* Приписал к гр<афине> Велгур<ской> в письме Гоголя, кот<орый> приезжал к нам из Гомб<урга> — ему на 3 года 1900 р<ублей> сер<ебром>» (*ИРЛИ.* Ф. 309. Ед. хр. 300. Л. 36 об.; опубл.: *Гиллельсон М.* Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 193).

954. В. А. Жуковскому

Датируется на основании почтового штемпеля.

к стр. 117 *Не постигая, что делать с присланным вами письмом...* — Речь идет о письме, полученном франкфуртской почтой на имя некоей Лазаревой, которое Жуковский, считая, очевидно, эту Лазареву племянницей Л. К. Виельгорской, переслал Гоголю для отправки его в Париж. См. также коммент. к письму № 953.

Bei G. Gogol — перевод: «У г. Гоголя» (буква «G», очевидно, поставлена Гоголем ошибочно, вместо буквы «H» — сокращенное «Herr»).

955. П. А. Плетневу

Дата уточнена на основании почтового штемпеля.

Через день после отправления настоящего письма, 26 мая (н. ст.) 1845 г., А. И. Тургенев записал в дневнике: «Простился с Гоголем...» (*ИРЛИ.* Ф. 309. Ед. хр. 300. Л. 38; опубл.: *Гиллельсон М.* Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 193). «14 августа 1845 года приехал в Москву из Парижа А. И. Тургенев... В Москву Тургенев приехал больным. “Я все страдаю, — писал он Сербиновичу 13 октября 1845 года, — и едва передвигаю ноги от задышки и ревматизма...”» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 237). 3 декабря 1845 г. А. И. Тургенев умер (Там же. Кн. 8. С. 239). 16 декабря 1845 г. А. О. Смирнова писала Гоголю из Калуги: «Вы, верно, знаете, что Тургенев умер скоропостижно в Москве; не успел и причаститься, хотя первый его крик был, когда сделалось ему дурно: “Попа! попа!” У игуменьи вынимают часть за его упокой» (письмо № 1056).

к стр. 118 *Письмо... к Уварову...* — Письмо № 945.

Если можно, возьми за первый год деньги... — Речь идет о получении назначенной Гоголю пенсии.

956. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // Русская Старина. 1896. № 12. С. 634–635. Печатается по первой публикации.

...моих каракуль? — Почерк Языкова был неразборчивым.

957. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Публикуется впервые по копии, сделанной П. А. Кулишом: Извлечения из писем графа А. … Толстого к Гоголю <После «А.» оставлен пробел для инициала отчества> // *РГБ*. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 57. Л. 1.

…близкого вопроса. — К этому месту П. А. Кулиш сделал в копии примечание: «Т. е. о том, что слова Мицк<евича> и друг<их> ему под<обных> “не есть плод мудрствований, а напротив, плод страданий и подвигов”?» См. также коммент. к письму № 909. к стр. 119

958. Графу А. П. Толстому

...священника в Париже... — протоиерея отца Димитрия Вершинского.

959. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 635–636. Печатается по: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 417–418.

Благодарю за похвалы моим стихотворениям! — В письме от 1 мая (н. ст.) 1845 г. Гоголь положительно отзывался о стихотворениях Языкова, опубликованных в первом и втором номерах журнала М. П. Погодина «Москвитянин», — «Я. П. Полонскому», «А. В. Киреевой» («Тогда, как сердцем мы лелеем...») и «А. Д. Хрипкову». к стр. 120

Этому предшествовал целый ряд публикаций стихотворений поэта, появившихся в журнале Погодина благодаря Гоголю. Одной из первых таких публикаций стало появление во втором номере «Москвитянина» за 1841 г. послания Языкова «К К. К. Павловой». В бумагах Гоголя сохранился его собственноручный список этого послания. Стихотворение Языкова стало известно Гоголю прежде его первой публикации. Весной 1840 г. сестра Языкова Е. М. Хомякова сообщала брату: «Гоголь в восторге от ваших стихов “Послание к Павловой”; выучил их наизусть» (*Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 101–102). Возможно, высокая оценка Гоголем стихотворения Языкова и стала одной из причин публикации этого послания в журнале Погодина.

Позднее Гоголь стал инициатором публикации в первом номере «Москвитянина» за 1842 г. стихотворения Языкова «Элегия» («Толпа ли девочек игривая, живая…»), написанного в конце июня — сентябре 1839 г. Известен список «Элегии» Языкова рукою Гоголя с пометой Погодина (*Модзалевский Б. Л.* Альбом Анны Евграфовны Шиповой, рожд. графини Комаровской // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 11. С. 89). 21 февраля 1842 г. Н. М. Языков писал брату А. М. Языкову из Ганау: «…Не знаю… какие стихи мои привез Гоголь в М<осквитянин>» (*РГБ*. Ф. 332. К. 66. Ед. хр. 4.

Л. 41 об.) Вместе с «Элегией» Языкова в журнале помещено было его же стихотворение «К стихам моим».

10 февраля 1842 г. Гоголь извещал Языкова в письме из Москвы, что в начале февраля получил от него «пару» «чудных» стихотворений, «которые дунули на всех свежестью и силою». — Речь шла о стихотворениях Языкова «Альпийская песня» («Гастуна») и «Песня балтийским водам», напечатанных в 1842 г. в третьем номере «Москвитянина».

В средине марта 1842 г. Гоголь извещал Погодина, что получил от старшего брата Языковых Петра Михайловича драматические сцены Н. М. Языкова «Странный случай». Сцены были опубликованы в пятом номере «Москвитянина» за 1842 г.

Во второй половине апреля Гоголь передал М. П. Погодину стихотворное послание «Н. В. Гоголю» (1841), напечатанное в шестом номере «Москвитянина» за 1842 г. (см. коммент. к приложению в т. 11 наст. изд.)

17 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь писал Шевыреву из Гастейна: «Языков ничего не написал в Риме, но состоянием его здоровья я доволен, а главное, что лучше всего, в душе его, кажется, готовится перелом и, вероятно, скоро другие звуки издаст его лира. Посылаю из старых его стихов, которые, кажется, нигде не были напечатаны, по крайней мере он уверяет, что никому не давал их». Посланными произведениями и были стихотворения Языкова «То ли дело как бывало...» и «Люблю смотреть на сине море...», списки которых рукою Гоголя сохранились в рукописном фонде Шевырева. Впервые оба этих стихотворения были опубликованы в 1843 г., в той же последовательности и с теми же номерами и подписями, в «Москвитянине» (№ 7; ценз. разр. 8 авг.).

...о моей элегии, напечатанной во 2-м № «Москвитянина»... — «Элегия» («Есть много всяких мук — и много я их знаю...»).

960. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Из переписки Гоголя // Помощь Голодающим. М., 1892. С. 477–478. См. также: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 258–260. Печатается по последней публикации.

к стр. 121 *...что я брошена одна, совсем одна на свете.* — «Тут болезненное состояние высказывается вполне» (примечание О. Н. Смирновой).

Н<иколай> М<ихайлович> — Смирнов, муж А. О. Смирновой.

к стр. 122 *...гр<афини> Нессельрод...* — «Графиня Нессельроде, жена канцлера; о ней см. в “Записках знатной дамы”, 1842 г.; А. О. Смирнова была особенно дружна с нею» (примечание О. Н. Смирновой).

В<еликий> К<нязь> Константин уехал в Константинополь. — «Об этом см. также “Русск<ий> Арх<ив>”, 1882, I, 219» (примечание О. Н. Смирновой).

к стр. 123 *...в Петербург к Синему мосту.* — «Наш дом, его продали только в 1854 году» (примечание О. Н. Смирновой).

...с стариком Аксаковым. — «Мать уже знала тогда Хомякова, с 1829–1830 гг.» (примечание О. Н. Смирновой).

961. А О. Смирновой

Ответ на письмо Смирновой от 12 мая 1845 г. (№ 960).

М<исс> Овербек — Мария Яковлевна. к стр. 124

...«О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита, в одном томе... к стр. 125 *«О церковном священноначалии», его же, Дионисия Ареопагита, также в одном томе.* — Ср. заметку Гоголя: «О церковном священноначалии, Дионисия Ареопагита. М. 1787; Св. Дионисия Ареопагита. О небесной иерархии. 1787», — в записной книжке 1841–1846 гг. (т. 9 наст. изд.).

«Изъяснен<ие> Литургии»... священн<ика> Нортова... — Книга протоиерея Василия Ивановича Нордова «Беседы на Божественную Литургию», напечатанная в Москве, в Университетской типографии (М., 1842; цензурное разрешение 28 октября 1841; 2-е изд. М., 1844; цензурное разрешение 3 апреля). Объявление о книге протоиерея В. И. Нордова сделал еще в 1842 г. М. П. Погодин, сообщая тогда же о выходе «Мертвых душ» и новом издании «Ревизора». На обороте обложки «Москвитянина» (1842. № 7; цензурное разрешение 10 августа) было напечатано его сообщение: «В книжкой лавке, учрежденной при Конторе журнала “Москвитянин”, поступили в продажу следующие книги: Похождения Чичикова... Москва, 1842 г. ... Ревизор... Москва, 1841 г. ...Беседы на Божественную Литургию. Москва, 1842 г.».

...книга совершенно мирская, на днях вышедшая, что-то вроде «Петербургских сцен» Некрасова... — Вероятно, имеется в виду «Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов, под редакциею Н. Некрасова». СПб., 1845. Ч. 1–2.

962. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Из переписки Гоголя // Помощь Голодающим. М., 1892. С. 478–479. См. также: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 260–262. Печатается по первой публикации.

Н<иколай> М<ихайлович> — Смирнов, муж А. О. Смирновой.

...уж не приходит ли час? — «Еще один был у матери *страх* — к стр. 126 лишиться ума; она боялась этого, потому что, страдая бессонницей, обратилась к какому-то доктору, который ей сказал, что сумасшедшие страдают бессонницей, и *напугал ее ужасно.* Она вообще была довольно мнительна» (примечание О. Н. Смирновой).

963. Граф А. П. Толстой — Н. В. Гоголю

Отрывок впервые напечатан П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя» (без указания имени автора письма): *«Мая*

27-го, 1845. “...Между тем напал случайно на старинную фр<анцузскую> книгу Eloquence des Auteurs Sacres, в которой многое как будто нарочно для моего положения написано. Но, увы! Никакие слова, самые сильные, не проникают в глубину прескверной моей души”» (*Николай М.* <*Кулиш П. А.*> Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 2. С. 23). Печатается по копии, сделанной П. А. Кулишом: Извлечения из писем графа А. ... Толстого к Гоголю <После «А.» оставлен пробел для инициала отчества> // *РГБ*. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 57. Л. 1.

к стр. 127 *Eloquence des Auteurs Sacrés.* — Красноречие Священных писателей *(фр.)*.

964. Н. Н. Шереметевой

Письмо, вероятно, было приложено к письму Н. М. Языкову от 5 июня (н. ст.) 1845 г. (№ 965).

965. Н. М. Языкову

Твое письмо от 10 мая... — Письмо № 959.

к стр. 129 *...писать в ответ на письмо...* — Речь идет о письме Гоголя к С. П. Шевыреву от 14 декабря (н. ст.) 1844 г. (№ 875 в т. 12 наст. изд.). См. также коммент. к письму № 1033.

...в отдельном издании. — См. коммент. к письму № 890.

...посвящение Авдот<ье> Пет<ровне> Елагиной. — Стихотворение «А. П. Елагиной» («Я знаю в дни мои былые...»), которое было напечатано в сборнике «Новые стихотворения Н. Языкова» (М., 1845) как «посвящение» книги, впереди текста.

Элегию о надоедателе... — Имеется в виду шуточная «Элегия» («Есть много всяких мук...»), напечатанная в № 2 «Москвитянина» за 1845 г.

...даже сказал о ней Коппу... — Франкфуртский врач Копп, лечивший и Гоголя, и Языкова, упоминается в «Элегии» как «седовласый врач, герой своей науки».

967. А. О. Смирновой

Датируется на основании почтового штемпеля.

к стр. 130 *Ваше письмецо... получил...* — Письмо № 962.

...основываясь на письме Уварова... — Письмо № 942.

к стр. 131 *При сем письмо к графине Вьельгорской* — Луизе Карловне. Это письмо до нас не дошло.

968. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова / <Под ред. Н. М. Павлова> // Русский Архив. 1890.

Кн. 4. № 8. С. 143–144. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 63–64.

...последнее письмецо ваше... — От 2 мая (н. ст.) 1845 г. (письмо № 948).

...две свои стихотворные пиесы. — «Чиновник» и «Зимняя к стр. 132 дорога». См. коммент. к письму № 1068.

...9 мая... — День именин Н. В. Гоголя.

969. Графиня Л. К. Виельгорская (с припиской графини А. М. Виельгорской) — Н. В. Гоголю

Впервые опубликовано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 94–95. Печатается по первой публикации.

Волконский — князь Петр Михайлович, министр двора. к стр. 133

...шек хандс. — Рукопожатие (hand shake; *англ.*).

970. И. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь в неизданных его письмах, а также в письмах его друзей // Русская Старина. 1890. № 2. С. 426–427. Печатается по первой публикации.

971. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Из переписки Гоголя // Помощь Голодающим. М., 1892. С. 479. См. также: Пушкин и Гоголь. (Неизданные исторические документы) // Северный Вестник. 1893. № 1. С. 262–263. Печатается по последней публикации.

...никто и не вздумает упрекнуть вас. — «Говоря это, А<лексан- к стр. 134 дра> О<сиповна> имела в виду следующие слова письма Гоголя от 2 апреля: “Приезд мой был бы мне не в радость: один упрек только себе видел бы я во всем, как человек, посланный за делом и возвратившийся с пустыми руками, которому стыдно даже заговорить, стыдно и лицо показать”» (примечание О. Н. Смирновой).

Н<иколай> М<ихайлович> — Смирнов, муж А. О. Смирновой. к стр. 135

...или не чувствовать бремя жизни. — «Это попеременно со страхом смерти» (примечание О. Н. Смирновой).

...от болезни умственной... — «Этот страх устранил страх смерти. В 1848 году у матери была холера и после нее она менее страдала печенью и *страхами,* — а здоровье гораздо более расстроилось, и она до конца жизни страдала желудком» (примечание О. Н. Смирновой).

972. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. С. 148–149. Печатается по первой публикации.

973. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропуском: Русская Старина. 1896. № 12. С. 637. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 419.

к стр. 137 *...«Не всякому слуху веруйте, но испытуйте духи: есть бо дух Божий и дух льстечь!»* — «...Не всякому духу веруйте, но искушайте духи... познавайте духа Божия и духа лестча...» — Первое Соборное послание Иоанна Богослова, гл. 4, ст. 1–2.

974. А. О. Смирновой

Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, в Берлине Гоголь пробыл до 11 июля (н. ст.) 1845 г.: «1845 29 июня / 11 июля. Берлин. С 11-го июля в Карлсбад» (*РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179).

к стр. 139 *Миха<и>л Миха<й>ло<ви>ч* — граф Виельгорский.

975. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 110–112. Печатается по первой публикации.

...от Николая Михайловича получила... ваше письмо. — 9 июня 1845 г. Н. М. Языков писал Шереметевой из Москвы: «Вчера получил я письмо от Николая Васильевича: это письмо крайне огорчает меня; он продолжает жаловаться на расстройство своего здоровья, сильно тоскует, говорит, что его телесные силы вовсе истощились, что ему нет никакой надежды выздороветь и что он только и ждет, что смерти! Не знаю, до какой степени можно верить больному, и притом больному мнительному, когда он сам говорит о своей болезни; но вижу ясно, что это уже не хандра: хандра не может продолжаться целые полгода непрестанно! Я уже давно старался уверить его, что он сам себе болезнь выдумывает, что эти припадки ее ничто иное, как следствия жизни его одинокой и между немцами, что они пройдут, как только он освободится от всего этого злого наваждения. Мои уверения плохо действуют: он стоит на своем, да и только. Потрудитесь написать мне, не веселее письмо его к вам?

Выписываю вам окончание письма его ко мне: “В Москве будет на днях S*** (в автографе Гоголя: “Смирнова”; сокращение сделано публикатором письма Е. И. Якушкиным. — *И. В., В. В.*); ты должен с нею познакомиться непременно. Это же советую сде-

лать Сергею Тим<офеевичу> Аксакову, и даже Надежде Николаевне Шереметевой. Это перл всех русских женщин, каких мне случалось из них знать прекрасных по душе. Но вряд ли кто имеет в себе достаточные силы оценить ее. И сам я, как ни уважал ее всегда и как ни был дружен с нею, но только в одни истинно-страждущие минуты и ее и мои узнал ее. Она являлась истинным моим утешителем тогда, как вряд ли чье-либо слово могло меня утешить, — и подобно двум близнецам-братьям бывали сходны наши души между собою!” Мне очень странны эти похвалы Николая Васильевича: я давно уже об ней справляюсь; но о сю пору ни от кого не слышал об ней ничего похожего на то, что он пишет; напротив, я слышал, что она. . . . и проч. (Так в подлиннике. — *Примеч. публикатора письма Е. И. Якушкина. — И. В., В. В.*) Прощайте покуда. Будьте здоровы. Ваш Н. Языков. Июня 9 дня 1845. Москва. Мой адрес: Н. М. Я. в Москву на Кузнецкий мост, в дом Хомякова» (<*Якушкин Е. И.*> Письма Н. М. Языкова к Надежде Николаевне Шереметевой // Библиографические Записки. 1858. № 20. Стб. 611–612). Н. М. Языков исполнил просьбу Гоголя и передал Шереметевой его совет (см. ее письмо к Гоголю от 28 ноября 1845 г.). Самому Гоголю Языков 12 июня 1845 г. отвечал: «Жду приезда Смирновой в Москву, познакомлюсь с нею непременно и обещаюсь тебе воспеть ее: я давно уже жажду узнать ее лично, я о ней много слышал разных воспетий...» (письмо № 973). При этом Языков писал брату: «Ты, верно, заметил в письме Гоголя похвалы, восписуемые им г-же Смирновой. Эти похвалы всех здешних удивляют. Хомяков, некогда воспевавший ее под именем “Иностранки” и “Девы розы”, считает ее вовсе не способной к тому, что видит в ней Гоголь, и по всем слухам, до меня доходящим, она просто сирена, плавающая в прозрачных водах соблазна. Она и Самарина к себе влечет; соблазнительница она славная — и только!» (письмо от 25 июня 1845 г.; *Шенрок В. И.* Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу // Русская Старина. 1903. № 3. С. 534). Ф. И. Тютчев 26 декабря 1845 г. писал Шереметевой из Петербурга: «Мне очень приятно было слышать, что вы познакомились с Смирновой: умная и очень, очень любезная женщина. Но что же касается до ее несчастной участи, в этом я с вами не могу согласиться, так как я и с нею самою не соглашался... Об ее, как и о многих из нас, несчастии можно со всею справедливостию сказать, что оно *с грехом* пополам...» (Лит. наследство. Т. 97. Кн. 1. М., 1988. С. 496).

...он просил к нему прислать... — См. письмо № 976. к стр. 141

...вчерашний день послал к вам письмо... — Имеется в виду письмо Н. М. Языкова к Гоголю от 12 июня 1845 г. (№ 973), в котором он отвечал Гоголю на письмо от 5 июня.

Недавно к вам писала... — Письмо от 23 мая 1845 г. до нас не дошло. См. коммент. к строкам письма Н. Н. Шереметевой к Н. В. Гоголю от 28 ноября 1845 г. (№ 1050) — *...писано было 23 маия — день, когда вы оставили Москву...*

...их знакомый едет и вас увидит. — Вероятно, имеется в виду знакомый Аксаковых Похвиснев. См. коммент. к письму Н. Н. Шереметевой к Н. В. Гоголю от 3 октября 1845 г. (№ 1019). Однако, возможно, Аксаковы намеревались передать письмо Шереметевой через Н. Т. Погуляева (см. коммент. к письму № 1068).

976. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // Русская Старина. 1896. № 12. С. 638. Печатается по первой публикации.

к стр. 142 *...пересылаю к тебе письмо Надежды Николаевны...* — Письмо № 975.

...молитву Ефрема Сирина — книжку, сочиненную пр<еосвященным> Иннокентием... — Речь идет об издании: Молитва св. Ефрема Сирина. Беседы на Святую Четыредесятницу (Харьков, 1844).

977. В. А. Жуковскому

к стр. 143 *Гр<аф> Толстой* — Александр Петрович.

978. А. О. Смирновой

к стр. 146 *Мих<аил> Михалини* — Михаил Михайлович Виельгорский. В семье Виельгорских все дети имели шуточные имена.

979. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1887 г. Приложения. С. 35–38. Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 531–532.

к стр. 147 *Есть у меня для вас две рукописи поэтические Аксакова...* — См. коммент. к письму № 1068.

980. Неустановленное лицо — Н. В. Гоголю

Надпись на конверте несохранившегося письма в Карлсбад Гоголю, отправленное, согласно почтовым штемпелям, 20 июля и полученное 22 июля (н. ст.) в Карлсбаде, печатается впервые по автографу: *РГБ.* Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 86. Возможно, в конверте находилось письмо В. А. Жуковского, на которое Гоголь отвечал из Карлсбада 24 июля (н. ст.) 1845 г. (письмо № 981).

981. В. А. Жуковскому

к стр. 148 *Ваше милое письмо...* — Письмо № 988.

982. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1890. № 6. С. 639–642. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст.

А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 152–155.

...я поручила Аркадию искать для вас книги... — Список книг, которые Гоголь просил Смирнову купить для него, см. в его письме от 23 мая (4 июня) 1845 г. к стр. 150

...получать свою пенсию. — Речь идет о пенсионе, назначенном Гоголю из сумм государственного казначейства.

Графиня Вьельгорская... — Луиза Карловна.

Владимир Александрович — граф В. А. Соллогуб. к стр. 151

...какого роду будут их отношения. — Граф В. А. Соллогуб вспоминал: «С женитьбой мой образ жизни мало изменился; я, каюсь, не родился домоседом и часто злоупотреблял слабостью, свойственной всем пишущим людям, гнаться всюду и везде. Теща моя, графиня Луиза Карловна, как это было известно всему Петербургу, сильно ко мне не благоволила, но... я не обращал внимания на ее замечания» (*Соллогуб В. А.* Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 402–403).

Нази — графиня А. М. Виельгорская. 6 (18) июня 1845 г. Гоголь писал Смирновой: «Постарайтесь сойтись поболее и потеснее с Анной Михаловной... она будет вам более всех теперь нужна, и вы будете нужны ей, укрепляя, бодря, освежая ее и заставляя ее действовать».

...постараюсь отыскать и старушку Шереметьеву... — 23 мая (4 июня) 1845 г. Гоголь писал Смирновой: «Вы спрашиваете, как познакомиться со стариком Аксаковым. Приехавши в Москву, пошлите прямо за ним, чтобы он приехал к вам. Скажите, что это мое желание. Отыщите также старушку Шереметьеву; скажите также, что я велел вам с нею познакомиться. В минуты трудные она вам будет очень полезна. Навестите также Языкова... Прочих всех можете увидеть у Хомякова, который даст для вас вечер и на нем покажет вам всех». 24 мая (5 июня) 1845 г. Гоголь писал Н. М. Языкову: «В Москве будет, вероятно, на днях Смирнова. Ты должен с ней познакомиться непременно. Это же посоветуй Серг. Т. Аксакову и даже Н. Н. Шереметьевой. Это перл всех русских женщин, каких мне случалось знать, а мне многих случалось из них знать прекрасных по душе».

«Тарантас» — повесть В. А. Соллогуба, вышедшая полностью в 1845 г.

Критика Плетнева... — Статья П. А. Плетнева «О “Тарантасе”, новом сочинении графа В. А. Соллогуба» (Современник. 1845. Т. 38).

...скоро выйдет в «Москвитянине» разбор Самарина. — Разбор «Тарантаса», принадлежащий Ю. Ф. Самарину, был напечатан в «Московском Литературном и Ученом Сборнике на 1846 год», с подписью «М... З... К...», в разделе «Критика».

Императрицы — Александры Федоровны.

983. А. О. Смирновой

к стр. 152 *Жуковский переслал мне ваши два письмеца...* — Письма № 971 и 982.

Н<иколай> М<ихайлович> — Н. М. Смирнов.

к стр. 154 *Свербеевы* — Дмитрий Николаевич и Екатерина Александровна.

...в приходе Егупла — т. е. Евпла («Егупл» — народное произношение имени Евпл).

986. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 6. С. 642–644. Печатается по первой публикации.

987. А. О. Смирновой

Содержание письма было использовано при написании глав *XXI. Что такое губернаторша* и *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями». Очевидно, что письмо к А. О. Смирновой от 6 июня (н. ст.) 1846 г., почти без изменений включенное Гоголем в «Переписку с друзьями» в качестве главы «Что такое губернаторша», создавалось на основе настоящего письма уже непосредственно для «Выбранных мест...». «...Не удивляйтесь, — писал о нем Гоголь А. О. Смирновой 22 февраля (н. ст.) 1847 г., — что оно пришлось вам не совсем кстати: я, писавши его к вам, имел уже в виду многих других...».

к стр. 159 *...о предстоящей вам жизни внутри России...* — В 1845 г. муж А. О. Смирновой был назначен губернатором в Калугу.

к стр. 162 *...назначение женщины — быть истинною помощницей мужа в трудах его...* — См. коммент. к статье *XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России* «Выбранных мест из переписки с друзьями» в т. 6 наст. изд.

988. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропуском: Русская Старина. 1896. № 12. С. 646–647. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 420–421.

Датируется на основании письма Н. М. Языкова к Н. Н. Шереметевой от 14 июля 1845 г., где он сообщает об отправлении в тот же день к Гоголю ее письма вместе с своим (см. коммент. к письму Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 4–5 августа 1845 г. — № 991).

к стр. 164 *Я давно уже не получал от тебя ни строчки...* — Последнее на тот момент письмо Гоголя, полученное Языковым, — от 5 июня (н. ст.) 1845 г. На это письмо Языков отвечал дважды — 12 и 15 июня

(см. выше). Ожидать ответа от Гоголя он мог не ранее начала июля 1845 г.

...время переезда твоего из Франкфурта в Гаштейн. — 18 июня (н. ст.) Гоголь прибыл во Франкфурт, с 29 июня (н. ст.) по 3 июля (н. ст.) Гоголь был уже в Веймаре, 20 июля (н. ст.) 1845 г. прибыл в Карлсбад, откуда 25 июля (н. ст.) написал письмо Языкову, которое тот получил 3 августа 1845 г. (см. в наст. изд. письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 4–5 августа 1845 г. и коммент. к этому письму).

А. И. Тургенев видел тебя мельком. — А. И. Тургенев простился с Гоголем во Франкфурте 26 мая (н. ст.) (см. коммент. к письму № 955).

...еще в Париже... — В Париже Гоголь был с 14 января (н. ст.) по 1 марта (н. ст.) 1845 г.

...Мельгунова я еще <не> видал. — 3 июля 1846 г. Н. М. Языков писал брату А. М. Языкову: «О Гоголе вот что я знаю от Мельгунова, писавшего мне из Крейцнаха. Итальянская, т. е. римская зима ему крайне вредна. Из Грефенберга он поедет в Остенде на морское купанье, лето проведет в Бельгии, осень в Сицилии, зимой пустится в Палестину» (Русская Старина. 1903. № 3. С. 539).

Моя свояченица Ел. П. Языкова... едет в Гаштейн еще в августе; итак, она едва ли найдет тебя там... — Встреча не состоялась, так как Гоголь вместо Гастейна отправился на лечение сначала в Карлсбад, затем в Грефенберг.

Я прочел роман Кулиша «Михайло Чарнышенко»... о каких отрывках его говоришь ты; где ты читал их? — Отрывки из романа П. А. Кулиша «Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» были напечатаны в 1843 г. М. П. Погодиным в девятом номере «Москвитянина». В том же году роман был издан в трех частях в Киеве. Об откликах на это сочинение Кулиша см.: *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 3–81.

Панов... собирает альманах... — «Московский Литературный и Ученый Сборник на 1846 год».

...письмо Н. Н. Шереметевой. — Не сохранилось.

...в деревню близ Троицкой лавры... — В Абрамцево. к стр. 165

989. А. П. Ермоловой

Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, Гоголь выехал из Карлсбада 8 августа (н. ст.) 1845 г.: «8-го авг<уста> из Карлсб<ада> в Грейфенберг» (*РНБ*. Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179).

Датируется на основании почтового штемпеля.

Александра Петровна Ермолова (рожд. Ивашева) — сестра декабриста В. П. Ивашева, жена помещика Симбирской губернии, родственника Языковых (мать Н. М. Языкова, Екатерина Александровна — рожденная Ермолова).

Елисав<ета> Петровна — Языкова (рожд. Ивашева), жена П. М. Языкова и сестра А. П. Ермоловой. Встреча Гоголя с Е. П. Языковой не состоялась (см. коммент. к письму № 988).

990. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 6. С. 644–645. Печатается по первой публикации.

Михаил Юрьевич — граф Виельгорский.

991. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые опубликовано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 114–115. Печатается по первой публикации.

к стр. 167 *...он два месяца как от вас ни слова не имеет.* — Временной разрыв между двумя письмами Гоголя той поры к Языкову — от 5 июня (н. ст.) до 25 июля (н. ст.) 1845 г. 14 июля 1845 г. Н. М. Языков писал Шереметевой: «С того дня, как имел... беседовать с вами о Николае Васильевиче и его болезни, я не получал от него письма... получено мною письмо от А. И. Тургенева, который виделся с ним во Франкфурте, а об его болезненном состоянии не говорит ни слова: не правда ли, в самом деле, что теперешнее расстроенное состояние души нашего Николая Васильевича есть, собственно, не болезнь телесная, а только следствие хандры — очень естественной русскому, живущему и движущемуся между немцами да немцами! Вчера был у меня один мой знакомый, возвратившийся из чужих краев: он тоже был во Франкфурте неделю, виделся с Жуковским, <*1 нрзб.*> лично Н<иколая> Вас<ильевича> (которого в то время там не было) и про болезнь его ничего не слыхал!! Из Гаштейна же будут у меня самые верные о нем сведения, туда едет Елизавета Петровна Языкова. Я поручил ей расспросить его самого и узнать от тамошнего врача, с коим коротко знаком, и какая болезнь — и болен ли в самом деле наш почтеннейший ипохондрик?.. Июля 14 дня. 1845. Письмо к Гоголю отправляю сегодня» (*РГБ*. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 6–7). В конце июня — начале июля (н. ст.) 1845 г. Гоголь сжег первоначальную редакцию второго тома «Мертвых душ», предполагая оставить литературное поприще и уйти в монастырь. Об этом рассказывает в своих «Записках» Марфа Степановна Сабинина — дочь православного священника Стефана Сабинина, к которому Гоголь приехал в Веймар 29 июня (н. ст.) 1845 г.: «Гоголь... приехал

в Веймар, чтобы поговорить с моим отцом о своем желании поступить в монастырь. Видя его болезненное состояние, следствием которого было ипохондрическое настроение духа, отец отговаривал его и убедил не принимать окончательного решения... Он исповедовался вечером накануне своего отъезда, и исповедь его длилась очень долго» (Записки Марфы Степановны Сабининой // Русский Архив. 1900. № 4. С. 534–535).

...вы пользуетесь водами в Карлсбаде. — Имеется в виду письмо Гоголя к Н. М. Языкову от 25 июля (н. ст.) 1845 г. из Карлсбада. 30 июля 1845 г. Н. М. Языков писал брату Александру: «Надежда Николаевна сильно беспокоится о Гоголе, которого здоровье, по ее словам, крайне плохо: вчера получил я от него письмо» (Русская Старина. 1903. № 3. С. 535). 3 августа 1845 г. он извещал Шереметеву: «Я получил письмо от Николая Васильевича: он теперь в Карлсбаде! Из Франкфурта поехал было в Гаштейн, — не знаю, зачем на Дрезден: в Дрездене советовался с Карусом, который сказал ему, что вся его болезнь в печени и что, следовательно, ему помогут карлсбадские воды — и вот он в Карлсбаде. Пишет, что уже две недели пьет тамошние воды, ослаб еще более, а пользы ни малейшей не почувствовал» (*РГБ.* Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 8).

992. Графиня С. М. Соллогуб — Н. В. Гоголю

П. А. Кулиш в период работы над «Записками о жизни Н. В. Гоголя...» сделал выписку из настоящего письма: «Из писем Софьи, графини Салогуб, урожденной Вьельгорской к Гоголю... *1845, авг<уста> 6. Павлино.* "Что же, если бы вы возвратились в матушку Россию? Вы здесь найдете три семейства, которые соединятся в одну мысль — рассеять печальные мысли ваши, в одно чувство любви к вам, которые будут счастливы каждым веселым вашим взглядом, каждою веселою улыбкою вашею"» (*РГБ.* Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 48. Л. 2). Выписку Кулиш привел в «Записках...» (Т. 2. С. 22). Полностью впервые опубликовано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 92–93. Печатается по этой публикации.

993. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1887 г. Приложения. С. 38. Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 532.

994. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 6. С. 646–647. Печатается по первой публикации.

...что я Settattore, как Prospéri. — «Monsignore Prospéri слыл в Риме Settattore — это шутка» (примечание О. Н. Смирновой). к стр. 169

к стр. 171 *...на виллу княгини Бутера.* — «Рожд. Шаховская, 1-м браком Шувалова... 3-м за князем Бутера Радапи. 1-й муж княгини, гр<аф> Шувалов, довез Наполеона I до Тулона, когда его повезли на остров Эльбу в 1814 году» (примечание О. Н. Смирновой). На вилле княгини Бутера, близ Палермо, располагалось русское посольство в Неаполе.

Толстой — граф А. П. Толстой.

995. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1887 г. Приложения. С. 39. Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 532–533.

996. В. А. Жуковскому

Первый ответ на письма В. А. Жуковского от 21 августа (н. ст.) и 4 сентября (н. ст.) 1845 г. (№ 993 и 995). См. также письмо № 999.

к стр. 172 *Во Франкфурте найдете подробное письмо.* — См. письмо к В. А. Жуковскому от 12 сентября (н. ст.) 1845 г. (№ 999).

997. А. О. Смирновой

к стр. 173 *Наумов* — протоиерей Иван Михайлович (1793–1879). См. коммент. к письму № 832 в т. 12 наст. изд.

998. Графине С. М. Соллогуб

Впервые напечатано (без вариантов) по автографу в: Письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки, к княгине В. Н. Репниной, графине Л. К. Виельгорской, к графу В. А. Соллогубу и к его супруге. (Сообщено М. А. Веневитиновым) // Русский Архив. 1902. № 4. С. 734. Печатается по автографу: Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. К. 271^{а}. № 35. 2 л. (236 × 145).

999. В. А. Жуковскому

Второй ответ на письма Жуковского от 21 августа (н. ст.) и 4 сентября (н. ст.) 1845 г. (№ 993 и 995). См. также письмо № 996.

к стр. 177 *Вчера я отправил к вам коротенькое письмо в Нирнберг.* — Письмо к В. А. Жуковскому от 11 сентября (н. ст.) 1845 г. (№ 996).

1001. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые опубликовано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 95–96. Печатается по первой публикации.

к стр. 178 *Александр* — Александр Владимирович Соллогуб (ум. в 1888).

Графиня Соллогуб — Софья Ивановна Соллогуб (рожд. Архарова), мать графа В. А. Соллогуба.

...dans un moment de crise pénible. — В минуту тягостного кризиса *(фр.).*

1002. К. С. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропуском: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 802–804. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 66–67.

...в Москве читаются публичные лекции... — В 1843–1844 гг. к стр. 179 в Московском университете с публичным курсом лекций по истории Средних веков в Западной Европе выступил Т. Н. Грановский; в 1844–1845 гг. курс лекций по истории русской словесности прочел С. П. Шевырев.

...диспуты Самарина, Грановского... — Речь идет о защи- к стр. 180 те магистерских диссертаций Ю. Ф. Самариным 3 июня 1844 г. («Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники») и Т. Н. Грановским 21 февраля 1845 г. («Волин, Иомсбург и Винета»).

Блеснул было прекрасно «Москвитянин»... — Подразумевается редакторство в журнале И. В. Киреевского.

Я написал о правописании и разбор альманаха Соллогуба. — В «Московском Литературном и Ученом Сборнике на 1846 год» (М., 1846) была опубликована статья К. С. Аксакова «Несколько слов о нашем правописании». Рецензия на сборник В. А. Соллогуба «Вчера и сегодня» (Кн. I. СПб., 1845) появилась в «Московском Литературном и Ученом Сборнике на 1847 год» («Три критические статьи г-на Имрек»).

...статьи Хомякова и Киреевских. — Подразумеваются статьи Хомякова «Мнения иностранцев о России» (Москвитянин. 1845. № 4), И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния литературы» (Москвитянин. 1845. № 1), П. В. Киреевского «О древней русской истории (Письмо к М. П. Погодину)» (Москвитянин. 1845. № 3).

1003. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 6. С. 648. Печатается по первой публикации.

...один из Аксаковых... — Иван Сергеевич.

...им изложенный. — Графом В. А. Соллогубом. к стр. 181

1004. Граф В. А. Соллогуб — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 6. С. 648. Печатается по первой публикации.

к стр. 182 *Александр* — «Новорожденный сын В. А. Сологуба» (примечание О. Н. Смирновой).

1005. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропусками: Русская Старина. 1890. № 6. С. 648–651. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 163–165.

Вашу записку... — Письмо от 11 сентября (н. ст.) 1845 г.

...в казначейство за вашими деньгами... — Речь идет о пенсионе, назначенном Гоголю из сумм государственного казначейства. См. коммент. к письму № 942.

...в Нюрнберге, где ждет Императрицу... — План путешествия Императрицы Александры Федоровны изменился, и Жуковский встретился с нею не в Нюрнберге, а в Берлине.

к стр. 183 *Цесаревна* — великая княгиня Мария Александровна (1824–1880), жена наследника, будущего Императора Александра II.

...слушать панихиду в день св. Елизаветы. — 5 сентября (ст. ст.). В 1845 г. умерла дочь великого князя Михаила Павловича Елизавета Михайловна (1826–1845).

к стр. 184 *В Павлине живут благополучно и мирно.* — Лето 1845 г. Смирнова провела в Павлино у Виельгорских.

Памятник Карамзину... — На родине писателя в Симбирске. В 1833 г. Гоголь принял участие в сборе пожертвований на сооружение этого памятника. Гоголь, а также А. С. Пушкин и П. А. Плетнев пожертвовали по 25 рублей (см.: Лит. наследство. Т. 58. С. 247).

Там отличался Погодин. — При открытии памятника Погодин произнес «Историческое похвальное слово Карамзину», опубликованное затем отдельной брошюрой в Москве в 1845 г. и получившее высокую оценку Гоголя (статья *XIII. Карамзин* в «Выбранных местах из переписки с друзьями»).

Вот как изъяснился Андрей Николаевич... — Смирнова не совсем точно цитирует тост А. Н. Карамзина, произнесенный на торжественном обеде в честь открытия памятника и опубликованный М. Погодиным в «Письме из Симбирска об открытии памятника Карамзину» (Москвитянин. 1845. № 9. С. 13)

Погодин, между прочим, сказал... — См.: Москвитянин. 1845. № 9. С. 14.

1006. Н. Н. Шереметевой

к стр. 185 *...лечение холодной водою...* — Гоголь лечился в Грефенберге у одного из основателей гидротерапии австрийского врача В. Присница (см. коммент. к письму № 628 в т. 12 наст. изд.). 30 мая (н. ст.) 1839 г. Гоголь, в частности, писал М. П. Балабиной о Приснице: «Слышали ли вы о чудесах, производимых... медиком, воспитанным одною натурою, без помощи медицинских академий, и проч.

и проч.? Я один из числа самых неверующих... Но... я... своими глазами видел такие чудеса...». А. О. Смирнова, в свою очередь, рассказывала, со слов Гоголя о его семье: «Их домашним доктором был Трохимовский. Он по-своему лечил давно, до Греффенберга, холодной водой, вся процедура происходила у реки на солнце, не было ни завертывания в мокрые простыни, ни душа, раздражающих спинной мозг. “Бог, — говорил доктор, — так щедр и милосерден, что дает человеку на его потребу и в свое время, что ему нужно на пищу и на его здоровье”» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 71). Убеждение в том, что истинным Врачом и Целителем и в самых «обыкновенных», человеческих искусствах является не человек, а Бог (ибо «Господь созда от земли врачевания...»; Сир. 38, 4), Гоголь высказывал неоднократно. П. В. Анненков следующим образом комментировал письмо Гоголя к Языкову о В. Приснице: «Он обращает внимание друга на поучительную историю воды как всеобщего медицинского средства, от начала веков предложенного человеку самим Промыслом. Отвергнутое заумничавшимся человеком, оно вновь открыто, но не академиями, не профессорами и современной наукой, а простым и бедным крестьянином австрийской деревушки!» (*Анненков П. В.* Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года // *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 89). Пред ним — «обязанным самому себе своим образованием» — «мало знают лучшие из книжников докторов», — замечал также Гоголь о Приснице в письмах к Д. Е. Бенардаки от июля 1842 г. и к А. С. Данилевскому от 20 июня н. ст. 1843-го. Это представление об истинном врачебном искусстве отзывается и в других гоголевских письмах: «Я не хлопочу из-за совершенного здоровья, и чуть только мне немного делается лучше — я подальше от докторов и леченья» (письмо к А. О. Россету от 1 мая (н. ст.) 1845 г.); «Излишне заботиться о здоровье грех. Нужно ввериться одному Богу: Он вылечит» (матери от 23 апреля 1846 г.); «...Один Бог наш доктор... Его одного должно молить о излечении» (сестрам от 1 мая 1846 г.).

1007. Графине А. Г. Толстой

Написано, вероятно, накануне отъезда Гоголя из Греффенберга в Берлин. По свидетельству Г. М. Фридлендера, письмо «является припиской к письму гр<афа> А. П. Толстого к жене от 23 сентября н. ст. 1845 г.» (*Фридлендер Г. М.* Примечания // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 12. С. 682). Однако, согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, 22 сентября (н. ст.) 1845 г. Гоголь был уже в Берлине: «Берлин 22 сентя<бря>» (*РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2) (Указание: «Берлин 22 окт.» — в публикации: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179 — ошибочно.) По всей видимости,

Гоголь, написав письмо к А. Г. Толстой, 21 сентября оставил его графу А. П. Толстому для отправки, после чего тот 23 сентября, сделав приписку на гоголевском письме, отправил его по назначению. Называть, вопреки этой последовательности, письмо Гоголя «припиской к письму гр<афа> А. П. Толстого к жене от 23 сентября н. ст. 1845 г.» неверно потому, что ранний текст (от 21 сентября) не может быть припиской к позднему (от 23 сентября).

Граф — А. П. Толстой.

1008. С. Т. Аксакову

На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «1845». Датировка письма уточнена. Написано, очевидно, при отъезде Гоголя из Грефенберга. См. коммент. к письму № 1007.

1009. Графу А. П. Толстому

Датируется 1845 г. на основании почтового штемпеля. Исправляется ошибочная датировка (описка) Гоголя «1 сентября» на «1 октября»: 21 сентября Гоголь еще находился в Грефенберге (см. письмо к А. Г. Толстой от 21 сентября (н. ст.) 1845 г. — № 1007).

к стр. 187 *...после великого нервического расстройства в Вене...* — Подразумевается болезнь, перенесенная Гоголем в августе (н. ст.) 1840 г. в Вене. См. коммент. к письму № 482 в т. 11 наст. изд.

к стр. 188 *Графиня Апраксина* — Софья Петровна (1800–1886), вдова генерал-майора графа Владимира Степановича Апраксина, сестра А. П. Толстого.

1010. Графине А. Г. Толстой

Датировка письма уточнена. Письмо, вероятно, было приложено Гоголем к посланию графу А. П. Толстому от 1 октября (н. ст.) 1845 г. (письмо № 1009).

Граф мне отдал также письмо ваше, которое вы писали ко мне из Парижа... — По-видимому, имеется в виду письмо графини А. Г. Толстой, которое было передано Гоголю графом А. П. Толстым во время их совместного пребывания в Грефенберге в сентябре 1845 г. — и на которое Гоголь уже отвечал накануне отъезда из Грефенберга, 21 сентября (н. ст.) (письмо № 1007).

1012. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1887 г. Приложения. С. 39–41. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 183–184.

к стр. 190 *...ваше письмо...* — Письмо от 12 сентября (н. ст.) 1845 г. (№ 999).

...вашу записочку. — Письмо от 11 сентября (н. ст.) 1845 г. (№ 996).

Павел Васильевич — сын Жуковского.

...эрмитажем... — уединением (от фр. ermitage).

Императрица — Александра Федоровна, ездившая за границу для лечения. к стр. 191

1013. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Три фразы из письма впервые опубликовал П. А. Кулиш: *Николай М.* <*Кулиш П. А.*> Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 21–22. В его бумагах сохранилась выписка из письма, которой он воспользовался при составлении «Записок...»: «Из писем Анны Вьельгорской к Гоголю <...> *1845, сент. 24. Павлино.* "Смирнова также очень беспокоится на ваш счет. Она мне раз сказала: «Quelquefois quand je pense a lui j'ai *des angoisses* ve'ritables: je me fais des reproches d'etre ici, tandis qu'il est tout seul. J'aurais du aller le rejoindre, aller le soigner». Тогда я ее уверяла, что невозможно ей это сделать: как ей оставить детей и мужа, хоть и на короткое время. Но это вам показывает, какое у нее прекрасное сердце. Она перехала в город, где приготовляется к отъезду в Калугу. Хотя она веселее прежнего, она все еще как будто под влиянием душевного расстройства. Мне кажется, что она еще с собою несогласна. Нет в ней ничего твердого, спокойного. Все это лето она вела жизнь вялую и недеятельную. Не было у нее постоянных часов для занятия. Детьми она очень мало занималась; настоящая их мать M-lle Overbeck. Я вам все это пишу потому, что, зная ваше влияние на Александру Осиповну, я уверена, что вы можете ей дать хороший совет. Здоровье ее в самом (плохом) положении, нервы ее расстроены и она часто страдает головной болью"» (*Кулиш П. А.* Из писем Анны Вьельгорской к Гоголю // *РГБ*. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 48. Л. 1).

Полностью впервые опубликовано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 96–98. Печатается по первой публикации.

...m-lle Overbeck. — Мария Яковлевна Овербек, гувернантка Смирновых. к стр. 192

Здоровье ее в (том же) самом положении. — Галлицизм (примечание В. И. Шенрока).

1014. А. А. Иванову

Печатается по изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 9.

Cesari — гостиница в Риме.

1015. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским

Датируется 1845 г. на основании почтового штемпеля.

...письмо от Анны Михайловны... — от 21 сентября 1845 г. (письмо № 1012). Письмо от 23–25 августа 1845 г. (№ 1001) было получено Гоголем позже (см. письмо № 1024). к стр. 193

1016. Графине С. М. Соллогуб

Впервые напечатано (без вариантов) по автографу в: Письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки, к княгине В. Н. Репниной, графине Л. К. Вьельгорской, к графу В. А. Соллогубу и к его супруге. (Сообщено М. А. Веневитиновым) // Русский Архив. 1902. № 4. С. 735. Печатается по автографу: Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. К. $271^{\text{а}}$. № 35. 2 л. (138 × 120).

Александр Владимирович — граф Соллогуб, сын С. М. Соллогуб, родился 17 августа 1845 г. (ум. 1888).

1017. А. О. Смирновой

По-видимому, было приложено к письму графиням Л. К. и А. М. Виельгорским от 24 октября (н. ст.) 1845 г. (письмо № 1015).

к стр. 194 *Via de la Croce, № 80* — Описка: на самом деле номер дома, где жил Гоголь в Риме, — 81.

1018. М. И. Гоголь

На подлиннике — помета М. И. Гоголь: «Получинна ноября 18-го».

Датировка письма уточнена. В письме к С. Т. Аксакову от 29 октября (н. ст.) 1845 г. Гоголь замечал о настоящем послании: «Оно отдано мною здесь на почту 25 октября здешнего стиля» (письмо № 1023).

1019. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 118–119. Печатается по первой публикации.

К собственноручной копии Н. Н. Шереметевой этого письма, хранящейся в *РГБ* (Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 12. Л. 95), подклеена ее выписка из письма Гоголя к А. О. Смирновой от 15 марта (н. ст.) 1845 г.

к стр. 196 *...где забыл ее... Бабарыкин.* — Незадолго до этого, 10 августа 1845 г., Н. М. Языков писал Шереметевой: «О посылке, которую вы поручили мне передать Боборыкину для доставления Гоголю, я знаю только то, что я отдал ее, своими собственными руками, Боборыкину — и что это было еще осенью 1843 года. С тех пор об ней и о взявшем ее — ни слуху, ни духу. Справедливо Николай Васильевич называет Боборыкина бабой-бабарихой <см. письмо Гоголя к Н. М. Языкову от 15 июня (н. ст.) 1844 г.>: вероятно, она или потеряла вашу посылку, или возит ее, о сю пору, по Европе. Я продолжаю ждать письма от Гоголя — еще из Карлсбада, —

а между тем пишу к нему во Франкфурт, — оттуда письма, конечно, к нему пересылаются, куда следует. Знаете ли вы, что и мы уже имеем надежду насладиться <*1 нрзб.*> А. О. Смирновой? В ноябре нынешнего года будет она в Москве, проездом в Калугу, где муж ее губернатором. В Калугу переведен на службу и И. С. Аксаков: вот и соловей к розе!» (*РГБ*. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 10). В письме от 8 сентября 1845 г. Языков добавлял: «Я продолжаю ожидать письма от Гоголя и не знаю, где он теперь. Из Карлсбада, конечно, он уже давно уехал; говорят, он собирается оттуда в Италию... На днях были в Москве <Аксаковы> провожали И<вана> С<ергеевича> на службу в К<алуг>у; любопытно будет знать, как подействуют на молодое его сердце взгляды тамошней губернаторши, известные своею проницательностию?» (<*Якушкин Е. И.*> Письма Н. М. Языкова к Надежде Николаевне Шереметевой // Библиографические Записки. 1858. № 20. Стб. 613).

...письмо мое к вам, говорит, пропало... — Письмо Н. Н. Шереметевой к Н. В. Гоголю от декабря 1843 г., до нас не дошло. См. также письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 13 декабря 1845 г.

...их знакомый Пофиснев... — Вероятно, Похвиснев, родственник У. Г. Данилевской. Позднее, в 1847 г. С. П. Шевырев передавал через Похвиснева книги для Гоголя. к стр. 197

В другой раз перешлю к вам... — Письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 23 мая 1845 г. до нас не дошло. См. коммент. к строкам письма Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 10–14 июня 1845 г. (№ 975) — *Недавно к вам писала...*

1020. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 г. СПб., 1895. Приложения. С. 20–23. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 315–317.

...публичный курс свой... — Речь идет о курсе лекций по древнерусской литературе, прочитанном Шевыревым в 1844–1845 гг. в Московском университете. На основе своих лекций Шевырев создал «Историю русской словесности, преимущественно древней». к стр. 198

Он сказал похвальное слово Карамзину при открытии памятника. — См. коммент. к письму № 1005.

Я занят большим своим делом... — Имеется в виду работа над «Историей русской словесности...».

Елизавета Григорьевна — Черткова.

...диссертация Константина... — Диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» была защищена 6 марта 1847 г.

...«Тарантас» Соллогуба... — Повесть В. А. Соллогуба «Тарантас» вышла отдельным изданием в 1845 г. к стр. 199

1021. В. А. Жуковскому

Датируется 1845 г. на основании почтового штемпеля.

Ответ на письмо В. А. Жуковского от 6 октября 1845 г. (№ 1012).

к стр. 200 *Из Петербурга я имею утешительные вести о цесаревне* — См. письмо Смирновой к Гоголю от 19 сентября 1845 г. (№ 1005).

1022. А. О. Смирновой

Датировка письма уточнена. Послание было приложено к письму графине А. М. Виельгорской от 29 октября (н. ст.) 1845 г. (см. коммент. к письму № 1024).

Я получил ваше письмо... — Письмо № 1005.

Цесаревна — великая княгиня Мария Александровна (1824–1880), жена наследника, будущего Императора Александра II.

1023. Графине А. М. Виельгорской

Датируется 1845 г. на основании почтового штемпеля.

к стр. 201 *...ваше письмо... (от 21 сентября)...* — Письмо № 1012.

...вслед за ним пришло другое... от 28-го августа... — Письмо от 23–25 августа 1845 г. (№ 1001).

к стр. 202 *Софья Миха<й>ловна* — графиня Соллогуб, сестра А. М. Виельгорской.

Мария Александровна — жена наследника, Александра Николаевича.

Александре Осиповне передайте это письмецо... — Письмо к А. О. Смирновой от 27 октября (н. ст.) 1845 г. (№ 1024).

...выписываю вам строки... из письма ее... — Гоголь цитирует отрывок из письма Смирновой от 19 сентября 1845 г. (№ 1005).

1024. Графине С. М. Соллогуб

Впервые напечатано (без вариантов) по автографу в: Письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки, к княгине В. Н. Репниной, графине Л. К. Виельгорской, к графу В. А. Соллогубу и к его супруге. (Сообщено М. А. Веневитиновым) // Русский Архив. 1902. № 4. С. 734–735. Печатается по автографу: Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. К. 271^{а}. № 35. 2 л. (135 × 108).

Письмо, вероятно, было приложено к письму графине А. М. Виельгорской от 29 октября (н. ст.) 1845 г.

к стр. 203 *Беби* — старшая дочь С. М. Соллогуб, Софья Владимировна (1841–1850).

Владимир Александрович — граф Соллогуб, муж С. М. Соллогуб.

1025. О. Сем. и С. Т. Аксаковы — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем // Русский Архив. 1890. № 8. С. 150–151. Печатается по

первой публикации, с уточнением по автографу: *РГАЛИ.* Ф. 139. Оп. 1. Ед.хр. 46. Л. 1–2.

Филарет — святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. к стр. 204

1026. А. П. Бутенев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 941. Печатается по первой публикации.

1027. С. Т. Аксакову

Датируется 1845 г. на основании почтового штемпеля. Послание было приложено к письму Н. М. Языкову от 30 октября (н. ст.) 1845 г. (№ 1029).

Я хотя и написал к ней... — см. письмо к М. И. Гоголь от 24–25 октября (н. ст.) 1845 г. (№ 1018). к стр. 205

С<офья> В<асильевна> Капнист — в замужестве Скалон. Гоголь по привычке именует ее девичьей фамилией. См. также коммент. к письму № 462 в т. 11 наст. изд.

1028. Н. Н. Шереметевой

Письмо было приложено к посланию Н. М. Языкову от 30 октября (н. ст.) 1845 г. (письмо № 1029).

1029. Н. М. Языкову

Из письма... к Сергею Тимоф<еевичу>... — Письмо С. Т. Аксакову от 29 октября (н. ст.) 1845 г. (№ 1027) к стр. 207

Надежде Ник<олаевне> отдай... письмецо. — Письмо к Н. Н. Шереметевой от 30 октября (н. ст.) 1845 г. (№ 1028).

1030. Графу А. П. Толстому

Датируется 1845 г. на основании почтового штемпеля.

...ваша сестрица... — графиня С. П. Апраксина. к стр. 208

1031. Графиня С. М. Соллогуб — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 98–99. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 214–215.

Выписка из письма сохранилась в бумагах П. А. Кулиша в заметке, озаглавленной «Из писем Софьи, графини Салогуб, урожденной Вьельгорской к Гоголю»: «*1845, окт. 21. Спб.* “А<лександра> О<сиповна> (Смирнова) уехала 21-го. — Она была очень расстроена и много плакала”» (*РГБ.* Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 48. Л. 2).

к стр. 209 *...последнее письмецо ваше...* — Около 24 октября (н. ст.) 1845 г. (№ 1016).

...три эпохи светской женщины. — Во втором томе изданного в 1855–1856 гг. в Петербурге пятнадцатитомного собрания своих сочинений Соллогуб поместил цикл повестей, озаглавленный «Жизнь светской женщины». В него вошли повести: «Бал» (впервые: *Соллогуб В. А.* На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни. Т. 2. СПб., 1843), «Две минуты» (впервые — Отечественные Записки. 1846. № 1), «Княгиня» (впервые — Отечественные Записки. 1846. № 3), «Старушка» (впервые — Отечественные Записки. 1850. № 4–5). Вероятно, в настоящем письме речь идет о трех последних повестях этого цикла.

...комедию его, «Букеты»... — Букеты, или Петербургское цветобесие, шутка в одном действии. СПб., 1845.

Elle a beaucoup gagne depuis un an et travaille enormement sur elle-meme. — Она многого достигла за год и чрезвычайно много работает над собой *(фр.)*.

1032. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой // Русская Старина. 1890. № 6. С. 651–653. Печатается по первой публикации.

к стр. 210 *...сына его...* — К. С. Аксакова.

Тургенев... — Александр Иванович. См. коммент. к письму № 955.

1033. С. П. Шевыреву

к стр. 211 *Письмо твое от четвертого октября...* — Письмо № 1020.

Киреевский — Иван Васильевич.

к стр. 212 *Я напишу к нему...* — Письмо № 1034.

Что же касается до диссертации... — См. коммент. к письму № 1020.

Известие твое о таланте Ив<ана> Аксакова... — См. коммент. к письму № 1068.

...ты заговорил о том предмете, о котором я просил во всю жизнь мою никогда мне не говорить. — Речь идет о поручении, данном Гоголем С. П. Шевыреву в письме от 14 декабря 1844 г. (№ 875 в т. 12 наст. изд.) о пожертвовании Гоголем денег, выручаемых от продажи его сочинений, в пользу «бедных, но достойных» студентов Московского университета. С. П. Шевырев, получив в Москве письмо Гоголя, писал 6 января 1846 г. С. Т. Аксакову: «Посылаю Вам два письма от Гоголя: одно к Вам, другое к его матери, которой адрес вы знаете. Когда вы будете в Москве, очень бы желал видеться с Вами, чтобы переговорить о его поручении. Твердость его характера не терпит никаких противоречий и из письма его я вижу, что он оскорбился моей неготовностью исполнить его волю, которой я по совести

признать не мог за справедливую. Но с ним невозможно вести разговор, а тем менее спор, как с другими. У него своя логика и свои убеждения. Я рад тому, что здоровье его поправляется» (*ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 76. Л. 1). Ср. также мнение о Гоголе П. А. Плетнева в письме к Я. К. Гроту 1840 г.: «Гоголь не печатает совсем не потому, что не уверен в сбыте или не догадается на это пуститься, а потому, что он упрям, как малороссийский бык, и самолюбив, как сатана. Ему померещилось, что для довершения славы его не нужно при жизни его печатать ни строчки: вот он и умирает с голоду, *а через закон свой* не переступает, подобно Матрене Семеновне в “Ярмарке”» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 74, 563; перепечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 325).

...сдай всё дело Аксакову. — Сергею Тимофеевичу. Шевырев к стр. 213
согласился исполнить желание Гоголя, и передача дела не состоялась.

...душевное потрясенье и сокрушенье, в котором сыграл также роль и бедный Погодин... — Подразумевается публикация М. П. Погодиным в № 11 «Москвитянина» за 1843 г. портрета Гоголя без разрешения последнего. См. коммент. к письму № 853 в т. 12 наст. изд.

Передай здесь прилагаемые Аксакову... — Эта приписка к пись- к стр. 214
му сделана Гоголем, очевидно, несколькими днями позднее, так как в ней идет речь о передаче писем к С. Т. и К. С. Аксаковым от 25 ноября (н. ст.) 1845 г. (№ 1034 и 1035).

1034. С. Т. Аксакову

Письмо было приложено к посланию С. П. Шевыреву от 20–25 ноября (н. ст.) 1845 г. (письмо № 1033).

Письмо Шевырева меня огорчило. — Подразумевается письмо № 1020. См. коммент. к письму № 1033.

...пусть передаст всё в одни ваши руки. — Эта передача не к стр. 215
состоялась, так как позднее Шевырев согласился исполнить желание Гоголя и принял на себя раздачу пособий нуждающимся студентам.

Не заботьтесь о том, что книга идет туго... — Речь идет о собрании сочинений Гоголя, изданных под редакцией Н. Я. Прокоповича (СПб., 1842).

Передайте ему это маленькое письмецо... — Письмо № 1035.

Мне хвалили очень его «Зимнюю дорогу». — См. коммент. к письму № 1068.

Прилагаю вновь письмо к маминьке... — Об этом не дошедшем до нас письме Гоголь упоминает также в письме к матери от 8 декабря (н. ст.) 1845 г. (письмо № 1042).

Ольга Семеновна — жена С. Т. Аксакова. к стр. 216

1035. К. С. Аксакову

Письмо было приложено к посланию С. П. Шевыреву от 20–25 ноября (н. ст.) 1845 г. (письмо № 1033).

Я сам питаю отвращение к нашему обезьянскому европейскому наряду и глупому фраку... — Вопрос о значении русской национальной одежды широко обсуждался в газетах и журналах того времени. См.: *Л-ий Н.* Замечание на замечания об отсутствии русских костюмов в маскараде 30-го декабря // Москвитянин. 1846. № 1 (цензурное разрешение 30 января). С. 277–280; *Полушубок.* Фраку, домино, пальто и зипуну // Там же. С. 280–286. В последней статье, представляющей собой ответ на публикации в № 2 и 3 «Московских Ведомостей» за 1846 г. псевдонимов «Домино» и «Зипун», в частности, говорилось: «Русская одежда, мужская и женская, прекрасна, и непременно мы ее наденем, когда сделаемся настоящими европейцами... Пока мы только обрекаемся на жалкую роль подражателей, обезьян, до тех пор будем мы одеваться, как наши подлинники и руководители... Поскоблишь иного — татарин. Поскоблишь другого — француз. Поскоблишь третьего — италианец, и проч. и проч. — Скоблите, скоблите смелей. Там, там, далеко, внутри, вглуби, таится чистый великий человек русский, славянин. И бывают минуты, когда мы вдруг скидаем все свои кожи, и являемся во всем своем естественном величии, напр<имер>, в 1612 и 1812 году» (С. 285–286). В ночь с 9 на 10 февраля 1849 г. в Москве в доме генерал-губернатора графа А. А. Закревского состоялся маскарад, организованный супругой Закревского Аграфеной Федоровной, на котором в большом разнообразии были представлены русские национальные костюмы. По поводу этого маскарада М. П. Погодин написал статью (*Погодин М.* Несколько слов о значении русской одежды в сравнении с европейской. *12-го февраля* // Москвитянин. 1849. Ч. I. № 1–4. Отд. V. С. 114–120). (Об этом маскараде см. также коммент. к строкам ранней редакции заключительной главы второго тома «Мертвых душ» — *...давай балы, производи благодетельную роскошь, которая дает хлеб мастерам, ремесленникам...* — в т. 5 наст. изд.). Сходное суждение по поводу русской одежды высказывал ранее А. С. Грибоедов. На вопросы следственной комиссии о том, «в каком смысле и с какою целью вы между прочим в беседах с Бестужевым неравнодушно желали русского платья», Грибоедов отвечал: «Русского платья желал я, потому что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с этим полагал, что оно бы снова сблизило нас с простотою отечественных нравов, сердцу моему чрезвычайно любезных». «Выражение “с простотою отечественных нравов” совпадает со словами Чацкого в ранней редакции комедии <“Горе от ума”> (“Когда воспитан кто в отечественных нравах...”). И теперь несомненно, что Грибоедов заявил свои собственные, заветные мысли, когда вложил в уста своего героя филиппику против подражательности в обычаях и против европейской одежды по шутовскому образцу»

(*Пиксанов Н. К.* А. С. Грибоедов (Биографический очерк) // *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1911. Т. 1. С. XXII—XXIII).

...я вас прошу... не быть отличну от других своим нарядом... — В письме от 21 февраля 1846 г. А. О. Смирнова сообщала Гоголю: «Аксаков Константин получил ваше письмо, писал мне — снял все, что не надобно, надел все, что надобно» (письмо № 1075). к стр. 217

...вы слишком увлекаетесь красотой... мыслей... — Написано на основании отзыва Шевырева о К. С. Аксакове в письме от 4 октября 1845 г.: «...фантазия преобладает в нем иногда и увлекает его туда, куда не следует. Тем он вредит и прекрасным своим мыслям» (письмо № 1020).

1036. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с пропусками: *Жуковский В. А.* Соч. СПб., 1878. Т. 6. С. 611. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 184–185.

...от вас известие... — Письмо Гоголя от 28 октября (н. ст.) 1845 г.

...желание удерживает здесь... — Разрешение о пребывании В. А. Жуковского за границей истекало 1 мая 1846 г., однако болезнь не позволила ему вернуться в Россию. к стр. 218

Сашка (Александра) — дочь В. А. Жуковского.

Бык — прозвище, которое дала В. А. Жуковскому А. О. Смирнова.

1037. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Фразу из письма графини А. М. Виельгорской к Гоголю от 7–9 ноября 1845 г. привел впервые по копии П. А. Кулиш в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...»: «*Ноября 7-го, 1845.* "...Мне так часто хотелось бы puiser courage et de l'espoir dans votre inébranlable foi et dans votre manière consolante d'envisager l'avenir"» (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 22). В бумагах Кулиша сохранилась следующая выписка из письма: «*1845, ноября 7.* "Вы мне часто говорили, я помню, что мне нужно непременно ехать на бал и развлекаться, и танцовать de bon coeur, как дитя..." — Мне так часто хотелось бы "puiser du courage et de l'espoir dans votre inébranlable foi et dans votre manière consolante d'envisager l'avenir"» (*РГБ.* Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 48. Л. 1 об.). Полностью письмо впервые опубликовано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 100–101. Печатается по последнему изданию.

Дашкова — подруга графини А. М. Виельгорской. к стр. 219

...puiser courage et de l'espoir dans votre inébranlable foi et dans votre manière consolante d'envisager l'avenir. — Черпать мужество и надежду в вашей неколебимой вере и в вашем утешительном способе представлять будущее *(фр.)*.

1038. В. А. Жуковскому

Датируется 1845 г. на основании почтового штемпеля.

к стр. 220 *Ваше милое письмо...* — Письмо № 1036.

О Государе покамест известия, что он весел... — Николай I в это время находился с больной женой в Италии, в Палермо.

Король — Фердинанд II (1810–1859), король обеих Сицилий.

Конст<антин> Никол<аевич> (1827–1892) — великий князь, второй сын Николая I, генерал-адмирал.

...полячка-униатка... — См. коммент. к письму № 1051.

к стр. 221 *Папа* — Григорий XVI (1765–1846).

Кардиналы советовали избежать этого свидания... — Это свидание состоялось в Риме 13 декабря 1845 г. В 1839 г. при участии Императора Николая I состоялось возвращение в лоно Православной Церкви полуторамиллионной униатской паствы западных областей России. Визит Государя в Рим преследовал цель, с одной стороны, ослабить возникшее вследствие этого воссоединения напряжение между Ватиканом и Россией, с другой — подойти к решению «польского вопроса», а именно отклонить — через гласное свидетельство о взаимном доверии между Римом и Россией — латинское духовенство в Польше от участия в заговорах и даже привлечь его на свою сторону. Папа договорился с Николаем I о заключении конкордата (соглашения) с Римской Церковью. См. также коммент. к письму № 1051.

Перовский — Лев Алексеевич (1792–1856), министр внутренних дел.

Протасов — граф Николай Александрович (1799–1855), обер-прокурор Святейшего Синода.

Быстров — Иван Павлович (1797–1850), библиограф, библиотекарь Публичной библиотеки.

...и при сем посылаю. — Список, рукою Гоголя, перевода И. А. Крылова начала первой песни «Одиссеи» Гомера («Мужа поведай мне муза, мудрого, странствия многи...»), приложенный к настоящему письму, см. в т. 17 наст. изд. Под текстом перевода заметка Гоголя: «Я смеялся, что Крылов сам, по словам Быстрова, говорил, что экзаметр ему не дался, и прибавлял: я не могу сладить с этим Голиафом». Список представляет собой выписку из статьи И. П. Быстрова «Отрывки из записок моих об Иване Андреевиче Крылове», опубликованной в 1845 г. в газете «Северная Пчела» (11 сент. № 203).

От гр<афинь> Вьельгорских я получил известия... — Подразумеваются письма графини А. М. Виельгорской от 21 сентября и 7–9 ноября 1845 г. (письма № 1013 и 1043) и графини С. М. Соллогуб (рожд. Виельгорской) от 21 октября 1845 г. (письмо № 1031).

к стр. 222 *...мое письмо, содержащее напутствие ей в Калугу.* — Письмо А. О. Смирновой от 27–29 октября (н. ст.) 1845 г. (№ 1022).

1039. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Грот К. Я.* К переписке Н. В. Гоголя с П. А. Плетневым. (Неизданные письма) // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1900. Т. 5. Кн. 1. С. 274–275. Печатается по первой публикации.

1040. П. А. Плетневу

Датируется 1845 г. на основании почтовых штемпелей и помет Плетнева. Ответ на письмо П. А. Плетнева от 2/14 ноября 1845 г. (№ 1039).

Свидетельство для казначейства, которое посылал Гоголь, до нас не дошло.

1041. А. А. Иванову

Печатается по изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 9.

Скалината (Scalinata, лестница; *um.*) — известный в Риме трак- к стр. 224 тир, названный так потому, что «находился возле чудной лестницы, ведущей с Испанской площади на гору Пинчио» (*Иордан Ф. И.* Записки. М., 1918. С. 214).

1042. М. И. Гоголь

Одно письмо мое из Рима вы, я думаю, уже получили через Акса- к стр. 225 *ковых.* — Письмо Гоголя к матери от 25 ноября (н. ст.) 1845 г. до нас не дошло. См. коммент. к письму С. Т. Аксакову от 25 ноября (н. ст.) 1845 г. (№ 1034).

Письмо же прежнее... — Речь идет о письме к М. И. Гоголь от 24–25 октября (н. ст.) 1845 г. (№ 1018).

...прилагаю, что мог записать на первый раз. — См. письмо № 1043.

1043. А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

Надпись на обороте показывает, что данное письмо (вместе с письмом к М. И. Гоголь от 8 декабря (н. ст.) 1845 г.) было переслано через С. Т. Аксакова.

...уже скоро год пройдет со времени моей просьбы... — См. пись- к стр. 228 ма № 795 и 796 в т. 12 наст. изд.

Меньшая сестра — О. В. Гоголь.

1044. Графу А. П. Толстому

Печатается по изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 9.

Отрывок является, вероятно, наброском статьи *XXVIII. Занимающему важное место* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

1045. А. О. Смирновой

Впервые напечатано (по автографу А. О. Смирновой) в изд.: *Смирнова-Россет А. О.* Н. В. Гоголь // *Смирнова-Россет А. О.* Автобиография (неизданные материалы) / Подготовила к печати Л. В. Крестова. С предисловием Д. Д. Благого. М., 1931. Заново по тому же автографу напечатано: *Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания о Н. В. Гоголе // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 63. Печатается по указанному автографу: *РГБ.* Ф. 474. К. 2. Ед. хр. 7.

А. О. Смирнова писала: «Зимой мужа моего назначили губернатором в Калугу; он вывез всю нашу мебель, закупил много посуды, люстры и аплике на сто человек и отправился в Калугу. Я переехала на квартиру Карамзиных на зимние месяцы, получила от Гоголя письмо, в котором он просит меня не смущаться предстоящей новой жизнью. "Вы можете сделать много добра, в моих советах не будет недостатка, замечайте сначала все, но будьте, по словам апостола Якова, косны глаголати. Утешайте себя возможностию делать плодотворное добро". Приезд мой в Калугу был новой эрой в моей жизни...»

1046. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 638–639. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 422.

к стр. 230 *Из твоего письма...* — От 30 октября (н. ст.) 1845 г. (№ 1029).

...об этом достопамятном их свидании. — См. письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 22 ноября 1845 г. (№ 1048).

к стр. 231 *Погодин печатает свое похвальное слово Карамзину...* — См. коммент. к письму № 1005.

1047. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // Русская Старина. 1896. № 12. С. 639–640. Печатается по первой публикации.

Ответ на письмо № 1029.

...твои «Мертвые души» переведены на немецкий... — «Мертвые души» были переведены на немецкий язык Филиппом Лёбенштейном и изданы в Лейпциге в 1846 г.

...Панов собирает Альманах к новому году... — См. коммент. к письму № 988.

1048. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение

С. Т. Аксакова / <Под ред. Н. М. Павлова> // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. С. 148–151. Печатается по изданию: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 67–70.

Радонежьем С. Т. Аксаков называл свое подмосковное имение Абрамцево (куплено в 1843 г.), находившееся в окрестностях древнерусского города Радонеж.

Александра Осиповна — Смирнова. к стр. 232

Надежда Николаевна — Шереметева.

...разные вести о вас, много причинившие вашей маменьке горя. — Речь идет, видимо, о земляках Гоголя, клеветавших на писателя (см. об этом в письме М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой от 23 мая 1843 г. и ответном письме В. С. Аксаковой от 31 мая 1843 г. (Лит. Наследство. Т. 58. С. 662–663).

...ехать к Троице... — Троице-Сергиева лавра в Сергиевом к стр. 233 Посаде. Абрамцево расположено неподалеку от него.

...книжку об уженье... — «Записки об уженье рыбы» были к стр. 234 завершены в конце 1846 г., опубликованы в 1847 г.

1049. В. А. Панов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 374. Печатается по первой публикации.

1050. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 121–123. Печатается по первой публикации.

23 ноября (н. ст.) 1845 г. В. А. Жуковский извещал Н. Н. Шереметеву в письме из Франкфурта: «...Уведомляю вас о нашем Гоголе. Он, как вам известно, прожил всю прошлую зиму у меня, все хворал; для развлечения съездил в Париж; путешествие ему помогло, а пребывание на месте опять повредило. Возвратясь ко мне, прожил у меня до лета; потом по совету Коппа отправился в Гастейн; но дорогою рассудил посоветоваться с другими докторами — они его отправили в Карлсбад; Карлсбад ему повредил. Вдруг по собственному вдохновению он кинулся в Грефенберг; лечился холодною водою, ему стало лучше, и он отправился в Рим. Но доехал ли до Рима и что с ним делается, я не ведаю; он не пишет и на письма не отвечает» (<*Якушкин Е. И.*> Письма В. А. Жуковского к Надежде Николаевне Шереметевой // Библиографические Записки. 1858. № 22. Стб. 681–682; Соч. *В. А. Жуковского.* 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 507).

Александра Осиповна — Смирнова. к стр. 236

...писали повидаться с нею... — См. коммент. к письму Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 10–14 июня 1845 г. (№ 975). В бумагах Шереметевой сохранились ее собственноручная копия письма

Гоголя к А. О. Смирновой от 28 декабря (н. ст.) 1844 г. (*ГАРФ.* Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 151) и выписка из письма Гоголя к Смирновой от 15 марта (н. ст.) 1845 г. (*РГБ.* Ф. 340. К. 35. Ед. хр. 12. Л. 95).

к стр. 237 *Княжна Цицианова* — Елизавета Дмитриевна (ум. в 1859), двоюродная тетка А. О. Смирновой. Жила в Троице-Сергиевой лавре, где заведовала богадельней и гостиницей. Впоследствии приняла монашество. 19 июня 1845 г. Смирнова сообщала Гоголю: «Я писала княжне Цициановой и просила ее к себе на житье в Калугу или, лучше сказать, навеки; она умная, добрая и меня любит; в жизни также страдала много и потому отдала себя совершенно Богу. Может быть, и вы к нам подъедете, и тогда мы переговорим обо всем и передумаем вместе многое, о чем прежде не говорили» (письмо № 982). 21 февраля 1846 г. А. О. Смирнова писала Гоголю: «Подъехала... моя княжна Цициянова из Тройцы, вся упитанная Антонием и Голубинским: постничает и читает по целым часам, стоя, каноны и проч. Ее приезд меня оживил...» (письмо № 1075). Позднее, в 1849 г. Гоголь встречался с Цициановой в Троице-Сергиевой лавре.

...как они там друг другу будут помогать. — Более откровенно свое мнение о А. О. Смирновой Н. Н. Шереметева высказала Аксаковым. 15 декабря 1845 г. Иван Аксаков, получив об этом известие из Москвы, писал родным из Калуги: «Как ни уважаю я Над<ежду> Никол<аевну>, но это выражение, “что Смирнова не совсем на пути христианском”, очень смешно. Точно будто бы путь христианский легкая вещь; да кто же на нем?» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 237).

Пофиснев (Похвиснев) — см. коммент. к письму Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 3 октября 1845 г. (№ 1019).

...писано было 23 маия — день, когда вы оставили Москву... — Имеется в виду отъезд Гоголя из Москвы 23 мая 1842 г. Письмо Н. Н. Шереметевой от 23 мая 1845 г. до нас не дошло.

1051. Графу А. П. Толстому

к стр. 238 *Государь* — Император Николай I Павлович был в Риме с 13 по 17 декабря (н. ст.) 1845 г.

О чем был разговор с папой... — Во время свидания с Николаем I 13 декабря (н. ст.) 1845 г. папа Григорий XVI договорился о заключении Римской Церковью конкордата (соглашения) с Россией. См. также коммент. к письму № 1038.

к стр. 239 *Донесения гонимой униатки оказались ложью...* — В Рим была подослана польская самозванка Макрена Мечиславская, выдававшая себя за подвергнувшуюся гонениям российских властей игуменью Минского базилианского монастыря (впоследствии самозванка была разоблачена; см.: *Сушков Н. В.* Мнимая мученица // Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Московском ун-те. 1860. Кн. 3. Отд. 5. С. 238–242; Униатское дело, сооб<щил> Митрополит Литовский *Иосиф <Семашко>* // Чтения

в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Московском ун-те. 1862. Кн. 2. Отд. 5. С. 211–216). См. также об этом в письме Гоголя к В. А. Жуковскому от 28 ноября (н. ст.) 1845 г. (№ 1038).

«Сердце царя в руке Божией», — говорит нам Божий же глагол. — Книга Притчей Соломоновых, гл. 21, ст. 1.

...для вашего брата... — графа Алексея П. Толстого или графа И. П. Толстого.

Михаил Михайлович — граф Виельгорский.

1052. Ю. Ф. Самарину

Впервые напечатано: Неизданное письмо Н. В. Гоголя к Ю. Ф. Самарину. (Из архива Самариных) // Московские Ведомости. 1909. 20 марта. № 65. С. 4.

Ответное письмо Ю. Ф. Самарина — № 1110.

Я всё ожидал от вас письма, которое вы, по словам Ал<ександ- к стр. 240 *ры> Осиповны, собирались писать ко мне...* — Смирнова сообщала Гоголю об этом дважды — 19 сентября и 30 октября 1845 г. (письма № 1005 и 1032). В письме от 14 мая 1846 г. А. О. Смирнова благодарила Гоголя за письмо Ю. Ф. Самарину: «Благодарю вас за письмо к Самарину, оно его обрадовало и подкрепило...» (письмо № 1104).

1053. Графине С. М. Соллогуб

Впервые напечатано (без вариантов) по автографу в: Письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки, к княгине В. Н. Репниной, графине Л. К. Вьельгорской, к графу В. А. Соллогубу и к его супруге. (Сообщено М. А. Веневитиновым) // Русский Архив. 1902. № 4. С. 735–736. Печатается по автографу: Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. К. $271^{а}$. № 35. 2 л. (226 × 143).

Ответ на письмо С. М. Соллогуб от 21 октября 1845 г. (№ 1031).

Беби — семейное прозвище дочери графини С. М. Соллогуб к стр. 241 Софьи.

Влад<имир> Александр<ович> — граф Соллогуб.

Матвей Юрьевич — граф Виельгорский, дядя С. М. Соллогуб.

Тарантас — повесть графа В. А. Соллогуба (СПб., 1845).

Передайте эти письма... по принадлежности. — Одно из пи- к стр. 242 сем — № 1054.

Граф<иня> Луиз<а> Карл<овна> — Виельгорская, мать С. М. Соллогуб.

Миха<и>л Юрьев<ич> — граф Виельгорский, отец С. М. Соллогуб.

Веневитинов — Алексей Владимирович, зять С. М. Соллогуб.

1054. Графу В. А. Соллогубу

Впервые напечатано (без вариантов) по автографу в: Письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки, к княгине В. Н. Репниной, графине Л. К. Виельгорской, к графу В. А. Соллогубу и к его супруге. (Сообщено М. А. Веневитиновым) // Русский Архив. 1902. № 4. С. 727. Печатается по автографу: Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. К. 271[а], № 34. 2 л. (сложенный вдвое лист 141 × 111).

Ответ на приписку графа В. А. Соллогуба к письму А. О. Смирновой Гоголю от 12 сентября 1845 г. (письмо № 1004).

Воспитанница — повесть графа В. А. Соллогуба (напечатана в сборнике «Вчера и сегодня». СПб., 1845).

к стр. 243 *Я просил уже Соф<ью> Мих<айловну>...* — См. письмо С. М. Соллогуб от 3 января (н. ст.) 1846 г. (№ 1053).

1055. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 124. Печатается по первой публикации.

...прилагаю при сем письмо, два года назад мною писанное. — Письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от декабря 1843 г. до нас не дошло.

...посылаю с князем Васильем Петровичем Голицыным... — Князь Голицын Василий Петрович (1800–1863), чиновник министерства финансов.

Николай Михайлович — Языков.

<Молитвы, посланные Н. В. Гоголю Н. Н. Шереметевой>

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 125–130. Печатается по первой публикации.

Посылка со сборником молитв и двусторонним дорожным образом Божией Матери Иверской и Святителя Николая отправлялась Н. Н. Шереметевой Гоголю дважды: в декабре 1843 г. (см. письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 19–20 января 1844 г.) и в декабре 1845 г. (см. письмо Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 13 декабря 1845 г.). Посылка получена Гоголем в конце февраля — начале марта 1846 г. (см. письмо Гоголя к Н. Н. Шереметевой от 24 марта (н. ст.) 1846 г. — № 1079).

1056. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1890. № 6. С. 653–656. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ.

ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 166–169.

...от вас две записочки... — Вероятно, речь идет о письмах Гоголя к Смирновой от 24 октября (н. ст.) и от 27–29 октября (н. ст.) 1845 г. (№ 1017 и 1022). к стр. 249

Нелединский — Последние два года жизни (1826–1828) Ю. А. Нелединский-Мелецкий провел в Калуге у дочери, А. Ю. Оболенской, муж которой занимал место калужского губернатора. к стр. 250

...о камере французской... — т. е. о французской палате депутатов. к стр. 251

...католическом движении в Германии... — Имеется в виду «немецко-католическое» движение, возглавляемое И. Ронге, в 1845 г. на съезде в Лейпциге составившее собственный символ веры, по сути протестантский.

Надежда Николаевна — дочь Смирновой. к стр. 252

Что наш царь в Риме? — Император Николай I находился в Риме с 13 по 17 декабря (н. ст.) 1845 г. См. коммент. к письму № 1038.

1057. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1887 г. Приложения. С. 41–43. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 188–189.

...письмо от Плетнева... — Письмо до нас не дошло.

...в воздухе революция... — 1845–1846 г. в Германии — время обострения экономического кризиса и политических брожений. к стр. 253

Тургенев — Александр Иванович. См. коммент. к письму № 955.

...в доме своей двоюродной сестры... — А. И. Нефедьевой.

...свидетельство о жизни. — Свидетельство требовалось для выдачи Гоголю денежного пособия, назначенного ему в марте 1845 г. из сумм государственного казначейства (по три тысячи рублей серебром в год в течение трех лет). См. коммент. к письму № 942.

1058. Графу А. П. Толстому

Датировка письма уточнена. Послание было приложено к письму А. А. Иванова брату С. А. Иванову из Рима в Париж от 10 января (н. ст.) 1846 г. (см.: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 208).

Иванов — Сергей Андреевич (1822–1877), архитектор, пенсионер Российской Академии художеств, брат А. А. Иванова. к стр. 254

...все уже совершенно успокоилось, стало привольно, уединенно и тихо... — Намек на отъезд из Рима путешественников, привлеченных приездом в Рим Императора Николая I.

...вынимаете частицы обо мне... — Имеется в виду поминовение христиан о здравии на Божественной Литургии: «И принимая

в руки священник четвертую просфору в поминовенье всех живых, изъемлет из нее частицы во имя императора, во имя синода и патриархов, во имя всех живущих повсюду православных христиан и, наконец, во имя каждого из них поименно, кого захочет помянуть, о ком просили его помянуть» (Размышления о Божественной Литургии; т. 6 наст. изд.).

...доброго священника нашего... — протоиерея Д. С. Вершинского, настоятеля русской посольской церкви в Париже.

1059. Н. М. Языкову

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

к стр. 255 *Два письма твои в Рим...* — Письма № 1046 и 1047.

Я порадовался тому, что... у Аксакова Ивана есть талант... — См. коммент. к письму № 1068.

Известие о переводе «М<ертвых> д<уш>» на немецк<ий> язык мне было неприятно. — См. коммент. к письмам № 1047, 1084 и 1095.

Я уже читал кое-что на французском о повестях... — См. коммент. к письму № 1065.

к стр. 256 *Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое от двадцатых чисел декабря.* — Речь, по-видимому, идет о письме к С. П. Шевыреву от 20–25 ноября (н. ст.) 1845 г. (№ 1033).

1060. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 130–132. Печатается по первой публикации.

Николай Михайлович — Языков.

...сочинение Норова, путешествие его в Иерусалим. — Имеется в виду книга: *Норов А. С.* Путешествие по Святой Земле в 1835 году. 2-е изд. СПб., 1844. Ч. 1–2. Гоголь был знаком с А. С. Норовым и, в частности, встречался с ним в Гастейне в 1842 г. В письме к Н. М. Языкову от 5 апреля н. ст. 1845 г. Гоголь обращался с просьбой о присылке книги А. С. Норова: «Пришли мне “Путешествие к Св. Местам” Норова, хочу посмотреть, что за вещь». Н. М. Языков отвечал Гоголю в письме от 12 июня 1845 г.: «Путешествие А. Норова в Иерусалим я уже отдал Аксаковым, которые имеют с кем переслать его к тебе: оно мне очень понравилось: это не муравьевское! Книга дельная, ученая и необходимая всякому паломнику» (письмо № 973). 29 декабря 1845 г. Н. М. Языков писал Шереметевой: «Поздравляю вас с наступающим новым годом — и желаю всех благ и во всем благого поспешения. Книгу, которую не взял с собою в Рим князь Голицын, я получил: она уже в другой раз ко мне возвращается тем же образом! Видно, не судьба ей доехать [на встречу] к Николаю Васильевичу!.. От Гоголя я давно не имею писем,

но госпожа Смирнова получает их от него часто. — Он, слава Богу, здоров — и бодр, и *<1 нрзб.>* — и принимается писать» (*РГБ*. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 12). 26 февраля (н. ст.) 1846 г. Гоголь извещал Н. М. Языкова: «Странная судьба книги “Путешествие в Иерусалим” Норова, которая никак не может до меня доехать, показывает мне, что в этот <год> еще не судьба ехать и мне в Иерусалим. Впрочем, эта поездка в таком случае только предпринималась, если бы я сам был готов и кончил свою работу, без которой нельзя мне ехать, как следует, с покойной совестью. О сем объясни и Надежде Николаевне». О получении книги Норова Гоголь сообщал Н. М. Языкову в письме от 21 июля н. ст. 1846 г. См. также коммент. к письму Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 29 января 1846 г.

Александра Осиповна — Смирнова. **к стр. 257**

1061. А. О. Смирновой

Датируется на основании почтового штемпеля.

Наконец от вас письмо из Калуги (от 12 декабря)! — Письмо от **к стр. 258** 16 декабря 1845 г. (№ 1056).

Николай Михайлович — муж А. О. Смирновой. **к стр. 260**

Он пробыл четыре дни. — Николай I находился в Риме с 13 по 17 декабря (н. ст.) 1845 г. См. коммент. к письмам № 1038 и 1051.

Григорий Волкон<ский> — князь Григорий Петрович (1808– **к стр. 261** 1882).

Конст<антин> Никол<аевич> — великий князь.

Tutti frutti (*букв.* всякие фрукты) — смесь. **к стр. 262**

Дория — князь, один из представителей римской аристократии.

...таинственное письмо, о котором вы мне уже раза три писали. — Подразумевается ожидавшееся письмо к Гоголю от Ю. Ф. Самарина.

1062. М. Григоров — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 372. Печатается по первой публикации.

1063. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Грот К. Я.* К переписке Н. В. Гоголя с П. А. Плетневым. (Неизданные письма) // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1900. Т. 5. Кн. 1. С. 276. Печатается по первой публикации.

...письмо твое... — От 28 ноября (н. ст.) 1845 г. из Рима **к стр. 264** (№ 1040).

1064. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Отрывок из письма впервые напечатан П. А. Кулишом: *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2.

С. 22. В бумагах П. А. Кулиша сохранилась выписка, использованная в «Записках...»: «*1846, янв. 7 Спб.* “Любезный Николай Васильевич, браните меня, пожалуйста. Ваши упреки для меня приятны, я их люблю”» (*Кулиш П. А.* Из писем Анны Вьельгорской к Гоголю // *РГБ.* Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 48. Л. 1). Полностью напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 102. Печатается по этой публикации.

1065. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1890. № 7. С. 195–201. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 170–176.

к стр. 266 *...благодаря Viardot, вы сделались известны и не русским русским петербургским.* — Речь идет о переводе пяти произведений Гоголя («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий») на французский язык, сделанном в 1844 г. И. С. Тургеневым и С. А. Гедеоновым и опубликованном в 1845 г. Л. Виардо. См.: *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 564–567; а также коммент. к письму № 663 в т. 12 наст. изд.

...статья St. Beuve на «Тараса Бульбу». — Статья Ш. О. Сент-Бёва «Русские повести Николая Гоголя» была напечатана в «Revue des deux mondes» (Обозрение двух миров. 1845. 1 декабря. № 12) и перепечатана в переводе на русский язык в «Отечественных Записках» (1846. № 1) в статье В. Г. Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи). Сент-Бёв (познакомившийся с Гоголем лично в 1839 г.) назвал «Тараса Бульбу» «запорожской Илиадой» и отметил в повести глубокие «черты истинной природы... которым мы привыкли удивляться только в сценах Шекспира». Критик писал: «Из повестей, переведенных г. Виардо, замечательнее и интереснее всех первая: Тарас Бульба. Это имя одного запорожского казацкого вождя. В его диком, зверском, величественном и, по мгновениям, высоком характере автор хотел представить изображение того, что были еще некоторые из независимых вождей приднепровских берегов в первой половине XVII века... Запорожцы, верные чистой греческой религии, являются поколением и республикой грубых и неукротимых рыцарей...» (<*Белинский В. Г.*> Отзывы французских журналов о Гоголе // Отечественные Записки. 1846. № 1. Отд. 8. С. 47).

к стр. 267 *...он повстречался мыслью с Константином Аксаковым в сближении описаний сражений с гомеровскими описаниями.* — Имеется в виду брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Н. В. Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”» (М., 1842). См. коммент. к письму № 663 в т. 12 наст. изд.

...vous avez reçu le bapteme de l'Occident. — Вы получили крещение на Западе *(фр.)*.

Есть много в нашем обществе des tièdes... — Имеются в виду слова Откровения св. Иоанна Богослова: «О, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (гл. 3, стих 15–16). *Tièdes* — умеренные, тепловатые *(фр.)*. к стр. 269

Нози — графиня А. М. Виельгорская.

Foro Trojano — Форум Траяна *(ит.)*. к стр. 271

1066. В. А. Жуковскому

Ответ на письмо Жуковского от 24 декабря 1845 г. / 5 января 1846 г. (№ 1057).

...мое довольно длинное и обстоятельное письмо... — Имеется в виду письмо от 28 ноября н. ст. 1845 г. (№ 1038). к стр. 272

О переговорах его с папой... — См. коммент. к письмам № 1038 и 1051.

...секретарь, племянник покойного Кривцова, прокутив казенные деньги, убежал в Америку. — Имеется в виду Сомов Алексей Владимирович, с октября 1840 г. по 1846 г. секретарь директора русских художников-пенсионеров в Риме П. И. Кривцова (с октября 1844 г. — Л. И. Киля), бежавший с казенными деньгами под чужим именем сначала во Францию, затем в Америку. В течение 1843–1845 гг. А. В. Сомов брал, заимообразно, с выдачей векселей на имя Министерства Императорского Двора, деньги у римских банкиров Торлони и К⁰ для выплаты русским художникам в Риме «как в долг, так и в счет уплаты за сделанные ими заказы и за купленные у них художественные произведения». Выдав художникам занятые у банкиров деньги, Сомов впоследствии, при поступлении денег из России, не возвращал их в банкирскую контору, а «удерживал часть оных у себя». После бегства Сомов 16 мая 1846 г. был предан, по Высочайшему повелению, уголовному суду (извещение об этом было получено в Риме 3/15 июня 1846 г.; *АВПРИ.* Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 629. Л. 559). 20 июля / 1 августа 1847 г. Л. И. Киль был извещен о лишении «губернского секретаря Сомова... всех прав состояния» — с тем, чтобы «по возвращении из побега в Россию сослать в Сибирь, на поселение» — и о «продаже причитавшейся Сомову части из принадлежавших ему, вообще с братьями и сестрами его, в Тульской губернии 137 душ, для пополнения похищенных им денег, простирающихся до двадцати одной тысячи рублей серебром» (*АВПРИ.* Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 696. Л. 111–112). Оставшиеся векселя были «заплачены сполна из Кабинета Его Величества» (*АВПРИ.* Ф. 190. Оп. 525. Ед. хр. 109. Л. 524–527; Ед. хр. 565. Л. 3).

1067. П. А. Плетневу

...твое милое письмо (от 2/14 ноября 1845 го<да>, С.-Петербург)... — Письмо № 1039. к стр. 273

...я ожидал... ответа на мое письмо... — Подразумевается письмо от 28 ноября (н. ст.) 1845 г. (№ 1040). Ответ П. А. Плетнева на это письмо — № 1063.

1068. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Списки стихотворений И. С. Аксакова, посланные Гоголю С. Т. Аксаковым в письме от 23 января 1846 г. и сохранившиеся в бумагах Гоголя, впервые опубликованы: Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2001. С. 560–563. Печатаются по этому изданию.

Стихотворения были присланы Гоголю в ответ на его просьбу в письме к С. Т. Аксакову от 25 ноября (н. ст.) 1845 г.: «...пришлите мне что-нибудь из стихов Иван<а> Сергеев<ича>» (письмо № 1035).

Ранее, 24 мая 1845 г., С. Т. Аксаков писал Гоголю из Москвы: «Не знаю, где найдет вас это письмо, посылаемое с одним из товарищей моего сына, Погуляевым. Мой Иван посылает вам две свои стихотворные пьесы» (см. письмо № 968). Первая «пьеса» — «мистерия» «Чиновник» (или «Жизнь чиновника») — была написана И. С. Аксаковым в 1843 г.; не пропущена цензурой в 1846 г.; впервые опубл. в изд.: Русская потаенная литература XIX столетия (Лондон, 1861). Вторая «пьеса» — стихотворный рассказ «Зимняя дорога. Поэтическая вольность» (1845; опубл.: Московский Литературный и Ученый Сборник на 1847 г.; с ценз. купюрами).

Погуляев Николай Тимофеевич (1821–1859), чиновник, приятель И. С. Аксакова по Училищу правоведения; летом и осенью 1845 г. находился за границей. Он передал стихи Ивана Аксакова В. А. Жуковскому, который 18 июля 1845 г. извещал Гоголя: «Есть у меня для вас две рукописи поэтические Аксакова — посылать их по почте нельзя; они сохранятся у меня до удобного случая» (письмо № 988). 4 октября 1845 г. С. П. Шевырев сообщал Гоголю из Москвы: «Иван Аксаков развивает талант поэтический необыкновенный. Его “Зимняя дорога” прекрасна и стихом и мыслью» (письмо № 1020). 20 ноября (н. ст.) 1845 г. Гоголь отвечал Шевыреву: «Известие твое о таланте Ив<ана> Аксакова меня порадовало, и я пожалел, что ты не прислал мне его стихов» (письмо № 1032). Вслед за этим последовала просьба Гоголя к С. Т. Аксакову (в письме № 1035) прислать «что-нибудь из стихов Иван<а> Сергеев<ича>».

В письме от 22 ноября 1845 г. С. Т. Аксаков еще раз напоминал Гоголю: «С одним из товарищей моих меньших сыновей, Погуляевым, мы послали вам две стихотворные пиесы («Чиновник» и «Зимняя дорога») моего Ивана; сверток оставлен у Жуковского; когда ваше здоровье восстановится совершенно, то вытребуйте его и напишите мне голую правду» (письмо № 1048). 15 января 1846 г. С. Т. Аксаков писал также С. П. Шевыреву: «Не обидно ли, что четыре моих письма Гоголю и посылка (с стихами Ивана,

которых Гоголь требует) лежат у Жуковского. Право, стыдно ему!» (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 1. С. 161). О сочинениях Ивана Аксакова «Чиновник» и «Зимняя дорога» Гоголь, забыв, по-видимому, извещение о них В. А. Жуковского (в письме № 988), 23 марта (н. ст.) 1846 г. писал С. Т. Аксакову: «Прежних стихов, вами посланных к Жуковскому, я не получил. Жуковский не упоминает даже ни слова в письмах своих, была ли какая-нибудь к нему посылка на мое имя. Я послал, однако ж, к нему запрос, на который доселе еще нет ответа» (письмо № 1078). 16 марта (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал В. А. Жуковскому: «Аксаков пишет, что послал давно на ваше имя во Франкфурт следуемые мне книги, письмо и рукопись стихов сына. Берегите все до моего приезда» (письмо № 1076). Жуковский 31 марта (н. ст.) 1846 г. откликнулся: «От Аксакова получил я манускрипт для вас, и он у меня хранится. Это какие-то драматические сцены в стихах, под именем мистерий, в которых, точно, смысл есть мистерия. Наши поэты тянутся в гениальную оригинальность немилосердно» (письмо № 1083).

Получив стихотворения И. С. Аксакова «Среди удобных и ленивых...» и «Ночь», Гоголь в письме к С. Т. Аксакову от 23 марта (н. ст.) 1846 г. оценил первое из двух выше второго: «Письмо ваше от 23 генваря я получил. Благодарю вас много за присылку стихов Ив<ана> Серг<еевича>. В них много таланта, особенно в первом...» (письмо № 1078). И. С. Аксаков, узнав из письма отца об отзыве Гоголя, 14 мая 1846 г. писал родным из Калуги: «Мне кажется, что я уже больше владею формой, чем прежде, что я продвинулся вперед, там что ни говори Гоголь...» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 249).

О своих впечатлениях от стихотворений И. С. Аксакова «Среди удобных и ленивых...» и «Ночь» Гоголь сообщал также Н. М. Языкову в письме от 24 марта (н. ст.) 1846 г.: «От Аксакова <письмо> тоже получил (от 23 генв<аря>), с присовокуплением стихов Ив<ана> Серг<еевича>, из которых мне особенно понравились стансы:

Среди удобных и ленивых,
Упорно-медленных работ...

В юноше виден талант решительный, стремлен<ье> приспособить поэзию к делу и к законному влиянию на текущие современные события, хотя сам поэт для этого еще не воспитался и, вероятно, будет долго еще ходить и колесить около, пока не попадет на самое дело» (письмо № 1080). О том, что подразумевал Гоголь под «самым делом», можно судить из другого письма Гоголя к Языкову, от 21 апреля (н. ст.) 1846 г., отправленном в ответ на письмо Языкова от 18 февраля.

18 февраля 1846 г. Языков писал Гоголю: «И. Аксаков всю зиму был болен: получил ли ты его стихи от Жуковского?» (письмо № 1074). Гоголь 21 апреля (н. ст.) 1846 г. отвечал: «От Жуковского я получил извещение, что он, точно, получил стихи Аксакова Ивана, но удержал их у себя, считая лучше вручить их мне лично,

по приезде моем к нему. Он находит в них много мистического и укоряет молодых наших поэтов в желании блеснуть оригинальностью. Последнего мнения я не разделяю, хотя и не читаю стихов. Это направление невольное и не есть желание блеснуть. Теперешнего молодого человека мечет невольно, потому что есть внутри у него сила, требующая дела, алчущая действовать и только не знаю<щая>, где, каким образом, на каком месте» (письмо № 1091). (Позднее, в письме к Жуковскому, озаглавленном «О лиризме наших поэтов» (1846), в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь повторил эти размышления: «Тебе напрасно кажется, что нынешняя молодежь, бредя славянскими началами и пророча о будущем России, следует какому-то модному поветрию. Они не умеют вынашивать в голове мыслей, торопятся их объявлять миру... И в еврейском народе четыреста пророков пророчествовали вдруг: из них один только бывал избранник Божий... тем не менее они слышали неясно и темно то же самое, что избранники умели сказать здраво и ясно...».) «В теперешнее время, — продолжал Гоголь в письме к Языкову от 21 апреля (н. ст.) 1846 г., — не так-то легко попасть человеку на свое место, то есть на место, именно ему принадлежащее; долго ему придется кружить, прежде чем на него попасть. Попробуй, однако ж, дать прочесть Аксакову Ивану мои письма, писанн<ые> к тебе о предметах, предстоящих у нас лирическому поэту, по поводу стихотв<орения> "Землетрясен<ие>". Они все-таки хоть сколько-нибудь наводят на действительность. Почему знать? Может быть, они подадут ему какую-нибудь мысль о том, как направить силы к предметам предстоящим. Штука не в наших мараньях, но в том, что благодать Божья озаряет наш ум и заставляет его увидеть истину даже и в мараньях. Кстати об этих письмах, ты их береги. Я как рассмотрел все то, что писал разным лицам в последнее время, особенно нуждавшимся и требовавшим от меня душевной помощи, вижу, что из этого может составиться книга, полезная людям, страждущим на разных поприщах» (речь идет о замысле «Выбранных мест из переписки с друзьями»). Поэмы И. С. Аксакова «Чиновник» и «Зимняя дорога» были, по-видимому, получены Гоголем по приезде во Франкфурт к Жуковскому в начале июня (н. ст.) 1846 г.

1069. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 133–135. Печатается по первой публикации.

к стр. 278 *Ащерино* — Село Ащерино Рузского уезда Московской губернии было приобретено сыном Шереметевой А. В. Шереметевым у Н. А. Галицкой-Чечелевой в 1845 г. (см.: *РГБ*. Ф. 340. К. 14-а (27). Ед. хр. 6, 7). 27 октября 1845 г. Шереметева писала Н. Д. Фонвизиной

из Ащерино: «Я думаю, тебе дико показалось название *Ащерино*; мы третьего дни оставили Покровское, дом холоден, и перебрались сюда на зиму в другую деревню...» (*РГБ*. Ф. 319. К. 4. Ед. хр. 48. Л. 45).

Николай Михайлович — Языков.

...письмо ваше без числа. — Письмо Гоголя до нас не дошло.

...с кем к вам доставить. — См. примеч. 3 к письму Н. Н. Шереметевой к Гоголю от 22 декабря 1845 г. Н. М. Языков в январе 1846 г. отправил книгу через князя П. А. Вяземского и графа Мих. Ю. Виельгорского.

...сын мой... — Шереметев Алексей Васильевич (1800–1857), отставной штабс-капитан (в отставке с 1827 г.). Ему посвящено стихотворное послание Ф. И. Тютчева «Насилу добрый гений твой...» (1829; датировка уточнена; см.: *Чагин Г. В.* Родовое гнездо Тютчевых в русской культуре и литературе XIX века (М., 1998. С. 66). Был женат на своей троюродной сестре Е. С. Шереметевой (1813–1890); в их семье было десять детей: Варвара (в замужестве графиня Мусина-Пушкина), Василий (1834–1884), Сергей (1836–1896), Анна (род. 1849) и др. **к стр. 279**

...к сестре... — Имеется в виду Пелагея Васильевна Муравьева (рожд. Шереметева; 1802–1871), жена М. Н. Муравьева.

...отыскал духовника... — Духовником Шереметевой был протоиерей Сергий Алексеевич Владимирский (ум. в 1849). 2 июня 1849 г. святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский, писал Шереметевой: «Соглашаюсь с Вами о мысли, что хорошо переноситься молитвенно в страну, к которой мы с Вами ближе многих по летам жизни, и в добром памятовании о протоиерее Сергии, в котором и я много лишился по службе и по сердцу» (*РГБ*. Ф. 340. К. 37. Ед. хр. 9. Л. 1).

...в день Иоанна Крестителя... — 7 января (ст. ст.) празднуется Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

1070. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками): Соч. *В. А. Жуковского*. 7-е изд. СПб., 1878. Т. 6. С. 611–612. Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 537–538.

1071. Н. М. Языкову

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

Письмо твое (от 16 янв<аря>) получил... — Это письмо до нас не дошло. **к стр. 281**

...прежнее, с приложеньем прекрасных стихов на открытие памятника Карамзину, тоже получил. — «Стихи на объявление памятника историографу Н. М. Карамзину (посвящаются А. И. Тургеневу)» впервые напечатаны отдельным изданием (СПб., 1845; перепечатано: Москвитянин. 1846. № 1); датированы Н. М. Языковым 25 октября 1845 г. Возможно, стихотворение было приложено

к письму Гоголю от 21 ноября 1845 г. (письмо № 1046), однако ни в этом письме, ни в следующем (от ноября — декабря 1845 г.; № 1047) Языков ни словом об этом не упоминает. Можно предположить, что стихотворение было приложено к еще одному не дошедшему до нас посланию Языкова.

...«Путешествие в Иерус<алим>» Норова... — См. коммент. к письму № 1060.

...еще не судьба ехать и мне в Иерусалим. Впрочем, эта поездка в таком случае только предпринималась, если бы я сам был готов и кончил свою работу, без которой мне нельзя ехать, как следует, с покойной совестью. — Речь идет о втором томе «Мертвых душ». 25 января (н. ст.) 1847 года Гоголь писал также матери: «Если Бог мне поможет устроить мои дела, кончить мое сочинение, без которого мне нельзя ехать в Иерусалим, то я отправлюсь в начале будущего 1848 года в Святую Землю с тем, чтобы оттуда летом того же года возвратиться в Россию. Итак, помните, что это может случиться только в таком случае, если Бог мне поможет все устроить так, как я думаю...» Такое решение сложилось у Гоголя еще в 1842 г. 18 августа 1842 г. он сообщал С. Т. Аксакову о задуманном паломничестве к Святым Местам: «...Помните, что путешествие мое еще далеко. Раньше окончания моего труда оно не может быть предпринято ни в каком случае...» 24 декабря 1842 г. он сообщал Н. Н. Шереметевой: «Окончание труда моего пред путешествием моим так необходимо мне, как необходима душевная исповедь пред святым причащением». В. С. Аксакова 2 марта 1843 г. писала М. Г. Карташевской: «На днях получили мы очень приятное известие, что Гоголь работает много; это пишет Языков, который живет вместе с ним в Риме. Какое-то необыкновенное значение привязывает Гоголь к окончанию своего труда, который мы и понять не можем теперь, не в отношении к искусству только, но что-то особенное; в Иерусалим он попадет не прежде как по окончании его, и не заезжая в Россию» (*РГБ.* Ф. 3 (ГАИС III). К. 15. Ед. хр. 9–10. Л. 8об.). 16 декабря (н. ст.) 1846 г. Гоголь сообщал также М. С. Щепкину: «Мне ни в каком случае нельзя заглянуть в Россию раньше окончания работы, которую нужно кончить». Как показывает текстологический анализ сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ», в январе 1848 г. в Иерусалим к Святым Местам, а затем на родину Гоголь отправился, как и предполагал, с завершенным (может быть, начерно) вторым томом поэмы (см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1). См. также коммент. к строкам письма № 1090 — *...выполнить кое-какие невыплаченные долги, без которых нельзя ехать туда, куда душа хотела бы... в Иерусалим.*

Надежда Николаевна — Шереметева.

Спроси у Шевырева, получил ли он письмо мое... а также у Аксаковых... — Речь идет о письме к С. П. Шевыреву от 20–25 ноября (н. ст.) 1845 г. (№ 1033) и приложенных к нему письмах к С. Т.

и К. С. Аксаковым от 25 ноября (н. ст.) того же года (№ 1034 и 1035). О своем послании к Шевыреву от 20–25 ноября (н. ст.) 1845 г. Гоголь уже спрашивал Н. М. Языкова в письме от 8 января (н. ст.) 1846 г. (см. коммент. к письму № 1059).

1072. А. О. Смирновой

Ваше письмо (от 14 генваря) получил... — Письмо № 1065. к стр. 282

Вы, верно, уже получили мое длинное письмо... — Письмо к стр. 283 № 1061.

1073. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1900. Т. 5. Кн. I. С. 277. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 259–260.

...денег к тебе из суммы, жалуемой тебе Государем. — См. коммент. к письму № 942. к стр. 284

Художник Бернардский желает издать первый том «Мертвых душ» со ста политипажными картинами и со ста такими же в тексте виньетками. — Речь идет о намерении Е. Е. Бернардского издать «Мертвые души» с гравированными им иллюстрациями А. А. Агина. См. коммент. к письму № 1077.

1074. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 640–641; см. также: *Языков Н. М.* Соч. / Сост., вступ. статья, примеч. А. А. Карпова. Л., 1982. С. 389. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 425.

...романа М. Н. Загоскина... — «Брынский лес» (1845). к стр. 285

...романа П. А. Кулиша... — *Кулиш П. А.* Черная рада. Хроника 1663 года. М., 1857.

...она будет в нашем сборнике. — Статья А. С. Хомякова «Мнение русских об иностранцах. Письмо к приятелю» (Московский Литературный и Ученый Сборник на 1846 год).

...какой-то Достоевский; повесть его найдешь ты в сборнике Некрасова. — В «Петербургском сборнике, изданном Н. Некрасовым» (СПб., 1846) была опубликована повесть Ф. М. Достоевского «Бедные люди».

К. Аксаков сочинил водевиль... — Водевиль К. С. Аксакова «Почтовая карета» (1845) был поставлен в Москве 24 апреля 1846 г.

Получил ли ты его стихи от Жуковского? — См. коммент. к письму № 1068.

...получил ли он от княгини Зинаиды Волконской книгу «Памятники московской древности»? — Речь идет о книге «Памятники

Московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. Сочинение Ивана Снегирева, с 3 планами и 23 картинами, по рисункам академика Солнцева, отпечатанными красками и 18 гравированными и литографированными рисунками». М., 1842–1845.

1075. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками): Русская Старина. 1890. № 7. С. 204–205. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 181–183.

к стр. 286 *...судья мещовский некто Клементьев...* — См. коммент. к строкам статьи *XXI. Что такое губернаторша* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *Ваш поступок... с уездным судьей М*** уезда...* — в т. 6 наст. изд.

...мне ли Лермонтов писал стихи... — Стихотворение Лермонтова «А. О. Смирновой», напечатанное в № 10 «Отечественных Записок» за 1840 г. (С. 229).

к стр. 287 *Аксаков Константин получил ваше письмо...* — Письмо № 1033.

Додо — графиня Е. П. Ростопчина.

1076. В. А. Жуковскому

Ответ на письмо В. А. Жуковского от 9/21 февраля 1846 г. (№ 1070).

к стр. 288 *Мне нужно непременно вас видеть до вашего отъезда в Россию...* — В. А. Жуковский собирался ехать в Россию, так как данное ему разрешение о пребывании за границей истекало 1 мая 1846 г.

к стр. 289 *...рукопись стихов сына.* — См. коммент. к письму № 1068.

1077. П. А. Плетневу

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

...письмо от 16/28 февраля и прежнее чрез Жуковского получил... — Письма № 1073 и 1063.

Художнику Бернардскому объяви отказ. — Речь идет о намерении Е. Е. Бернардского издать «Мертвые души» с гравированными им иллюстрациями художника А. А. Агина. Рисунки были изданы, но не все и без текста (Сто рисунков к сочинению «Мертвые души», рис. на дереве А. Агин, грав. Е. Бернардский. СПб., 1846). Полностью они были изданы только в 1892 г.

...я — враг всяких политипажей и модных выдумок. — См. коммент. к строкам <Рецензии для «Москвитянина»> — *Начнем блестящим изделием типографической роскоши... с каждым годом издается роскошней* — в т. 7 наст. изд.

1078. С. Т. Аксакову

Письмо было приложено к посланию Н. М. Языкову от 24 марта (н. ст.) 1846 г. (№ 1080).

Письмо ваше от 23 генваря я получил. — См. письмо (фрагмент) к стр. 290 № 1068.

Ольга Семеновна — жена С. Т. Аксакова.

...прекрасной проповеди Филарета... — Имеется в виду «Слово в день восшествия на Всероссийский Престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, говоренное в Кафедральной церкви Чудова монастыря, Синодальным Членом, Высокопреосвященнейшим Филаретом, Митрополитом Московским, Ноября 20-го дня, 1845 года». Газетная вырезка с этой проповедью святителя Филарета (из «Московских Ведомостей» от 15 января 1846 г.) сохранилась в бумагах Гоголя (см. т. 9 наст. изд.). *Филарет* (Дроздов, 1782–1867) — святитель, митрополит Московский и Коломенский.

...труд, который лежит на душе. — Намек на замысел «Выбран- к стр. 291 ных мест из переписки с друзьями».

1079. Н. Н. Шереметевой

Письмо было приложено к посланию Н. М. Языкову от 24 марта (н. ст.) 1846 г. (№ 1080).

Образ и молитвы я, наконец, получил. — Еще в марте 1844 г. Н. Н. Шереметева отправила Гоголю через Н. Н. Боборыкина образ св. Николая Чудотворца и тетрадь с молитвами. Однако Боборыкин не исполнил поручения, и в декабре 1845 г. образ и молитвы вернулись в Москву. Шереметева вновь отправила их Гоголю, и на этот раз посылка дошла по назначению (см. коммент. к письму № 1055).

...чтоб не одолела моя худость и злоба Его небесного милосердия. — к стр. 292 Ср. молитву на сон грядущим св. Иоанна Дамаскина: «...да не одолеет моя злоба Твоей неизглаголанней благости и милосердию...».

1080. Н. М. Языкову

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

Письмо твое от 27 генваря получил. — Письмо до нас не дошло.

От Аксакова тоже получил (от 23 генв<аря>)... — См. письмо (фрагмент) № 1068.

Передай письмо Серге<ю> Тим<офеевичу>, а другое — Надеж- к стр. 293 де Николаевне. — Письма С. Т. Аксакову от 23–24 марта (н. ст.) 1846 г. (№ 1078) и Н. Н. Шереметевой около 24 марта н. ст. 1846 г. (№ 1079).

1081. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1900. Т. 5. Кн. 1. С. 278–279. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова.

Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 260–261.

1082. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 136–137. Печатается по первой публикации.

Письмо имеет московский почтовый штемпель от 4 марта 1846 г. и римский — от 4 апреля (н. ст.).

к стр. 294 *...пишет, давно не имел.* — 25 февраля Н. М. Языков отвечал Шереметевой: «От Николая Васильевича я больше уже не получал писем — знаю только, по другим известям из Рима, что он снова грустен и хандрит. Ему непременно должно жить в Москве или в Питере...» (*РГБ*. Ф. 340. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 15).

Якушкина — Анастасия Васильевна (рожд. Шереметева; род. 1807), жена декабриста И. Д. Якушкина, дочь Н. Н. Шереметевой, умерла 20 февраля 1846 г.

Сын — А. В. Шереметев, сын Н. Н. Шереметевой.

к стр. 295 *...два сына остались, один в университете.* — См. коммент. к письму Н. Н. Шереметевой Гоголю от 10 декабря 1847 г. в т. 14 наст. изд.

1083. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1887 г. Приложения. С. 43–44. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 191–192.

...в последнем вашем письме... — Письмо № 1076.

...драматические сцены в стихах... — См. коммент. к письму № 1068.

к стр. 296 *Отрывок перевода Крылова из «Одиссеи» хорош... да на полу валяются бумажки.* — См. коммент. к письму № 1038. В статье-письме к Н. М. Языкову «Об Одиссее, переводимой Жуковским», опубликованной в июле 1847 г. в журналах «Современник», «Москвитянин», в газете «Московские Ведомости» (от 25 июля № 89) — и включенной затем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь воспользовался этим сравнением Жуковского, говоря о языке «Одиссеи»: «...Тут малейшая соринка заметна и всем бросается в глаза. Жуковский сравнивает весьма справедливо эти соринки с бумажками, которые стали бы валяться в великолепно убранной комнате, где все сияет ясностью зеркала, начиная от потолка до паркета: всякий вошедший прежде всего увидит эти бумажки, именно потому же самому, почему бы он их вовсе не приметил в неприбранной, нечистой комнате».

1084. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // Русская Старина. 1896. № 12. С. 641–642. Печатается по первой публикации.

...Погодин, ее у тебя купивший, имел 4000 р<ублей> сер<ебром> барыша... — «В 1846 году вышел немецкий перевод *Мертвых Душ*, сделанный Лёбенштейном. Переводчик в своем предисловии задел Погодина. Шевырев, извещая об этом последнего писал: “Тут клевета на тебя: переводчик говорит, что Гоголь взял на *Мертвые Души* с тебя три тысячи рублей серебром, а ты на эту сумму выиграл четыре тысячи рублей серебром распродажею издания. Надо бы где-нибудь эту клевету опровергнуть и разругать этого дурака. Я советовал бы послать в *Allgemeine Zeitung*, так как она всех более читается, и к Иордану через Куника”. Но Гоголь не протестовал против этой клеветы, а напротив того, писал Языкову: “Известие о переводе... <следует фрагмент письма Гоголя к Н. М. Языкову от 8 января (н. ст.) 1846 г. — № 1059> ...за портрет России”, а познакомившись с предисловием, Гоголь писал тому же Языкову: “Благодарю за выписку предисловия к Немецкому переводу *Мертвых Душ.* Немец судит довольно здраво” <письмо № 1095>. Долг справедливости побуждает нас заметить, что Погодин был издателем *Ревизора*, а не *Мертвых Душ*, и когда в том же 1846 году Гоголь вздумал сделать новое издание *Ревизора*, то Погодин писал Шевыреву: “Что наш бедный Гоголь?.. *Ревизора* он хочет печатать, но он позабыл, что получил от меня, кажется, две тысячи пятьсот рублей или две тысячи за издание, и что это издание осталось у меня все в кладовой, потому что он тогда же выдал полное собрание! Я молчу и не претендую, Бог с ним, хоть и нахожусь теперь в самых тесных обстоятельствах. Не знаю, как и держусь. Между нами!”» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 327).

...санскритская драма, переведенная с подлинника Коссовичем... — Драма «Торжество светлой мысли», перевод с санскритского языка К. А. Коссовича, была послана Гоголю весной 1847 г. П. А. Плетневым (см. письмо П. А. Плетнева от 25 апреля 1847 г.; Соч. и переписка *П. А. Плетнева.* СПб., 1885. Т. 3. С. 581). к стр. 297

Путешествие А. Норова... — См. коммент. к письму № 1060.

Якушкина — Анастасия Васильевна.

1085. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Отрывок из письма (с ошибочной датировкой) впервые напечатан П. А. Кулишом: *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 2. С. 21. В бумагах П. А. Кулиша сохранилась выписка, использованная в «Записках...»: «*1844, марта 18. Спб.* “Мне показалось, что я с вами где-нибудь сижу, как случалось в Остенде или в Ницце, и что вам говорю все, что в голову приходит, и что вам рассказываю всякую всячину. Вы меня тогда слушали,

тихонько улыбаясь и закручивая усы... Как я вас вижу, Николай Васильевич! точно как будто бы вы предо мной стояли! — Vous etes une de nos gloires modernes: как же русскому вами не гордиться? Видите, вот как я вам это объясню: как русская, вы для меня *Гоголь*, и я вами горжусь, а как Анна Михайловна, вы только для меня Николай Васильевич, то есть христианский, любящий, вернейший друг"» (*Кулиш П. А.* Из писем Анны Вьельгорской к Гоголю // *РГБ*. Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 48. Л. 1).

Полностью напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 103–105. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 217–219.

к стр. 298 *...le typhus...* — тиф *(фр.)*.

...во французской пьесе... — О какой пьесе идет речь, неизвестно.

Et quand je pense, que c'est la l'espoir de la patrie! — Подумать только, что это-то и есть надежда родины! *(фр.)*

к стр. 299 *...Государыня уехала...* — Императрица Александра Федоровна уехала за границу осенью 1845 г.

Цесаревна — Мария Александровна, жена наследника, будущего Александра II.

On ne dit que du bien d'elle et elle plait generalement. A propos... — О ней говорят только хорошее, и она вообще всем нравится. Кстати... *(фр.)*.

...Виардо, муж певицы, перевел и публиковал несколько из ваших повестей... — См. коммент. к письму № 1065.

Vous etes une de nos gloires modernes... — Вы — слава нашего времени *(фр.)*.

1086. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой, рожд. Россет // Русская Старина. 1890. № 7. С. 206–207. Печатается по первой публикации.

к стр. 300 *Княгиня Софья* — «Щербатова, мать кн<язей> Григория и Александра» (примечание О. Н. Смирновой).

Каролина Ивановна — «была в доме бабушки княгини Цицияновой с детства своего» (примечание О. Н. Смирновой).

1087. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 138–140. Печатается по первой публикации.

к стр. 301 *...тоже, говорит, давно не получал...* — В тот же день, 19 марта 1846 г., Н. М. Языков писал Шереметевой из Москвы: «Я получил

письмо от Николая Васильевича; вот вам выписка из этого письма...» (<*Якушкин Е. И.*> Письма Н. М. Языкова к Надежде Николаевне Шереметевой. Стб. 613). Далее Языков цитировал следующие строки из письма к нему Гоголя от 26 февраля (н. ст.) 1846 г.: «Богу угодно посылать мне такие недуги, каких прежде никогда не было. Тяжело, тяжело, иногда так приходится тяжело, что хоть просто повеситься. Но верю и даже слышу, что все это во благо, и благословляю Бога за все. И в душе, и в голове много оттого выигрышу. Кроме того, и в эти тяжелые минуты не оставляло меня милосердие Его. Как ни сильны были телесные недуги, но душа не болела, и хандра не приходила. Из всех средств, на меня действовавших доселе, я вижу, что дорога и путешествие действовали благодетельнее всего. А потому с весной начну езду и постараюсь писать в дороге. Дело, может быть, пойдет, тем более, что голова уже готова» (*ГАРФ*. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 146).

Я писала к вам 2 марта... — Письмо было написано 4 марта (№ 1082).

Письмо ваше, не знаю, от какого числа... — Письмо Гоголя к стр. 302 к Н. Н. Шереметевой (без даты; № 1079) было приложено к его письму к Н. М. Языкову от 24 марта (н. ст.) 1846 г.

1088. Н. Н. Шереметевой

...о вашей потере, о которой узнал вчера... — О кончине доче- к стр. 303 ри Н. Н. Шереметевой А. В. Якушкиной Гоголь, вероятно, узнал из письма к нему Н. Н. Шереметевой от 4 марта 1846 г. (№ 1082). Согласно римскому почтовому штемпелю, имеющемуся на письме Шереметевой, оно было получено в Риме 4 апреля (н. ст.) 1846 г. На этом основании ответ Гоголя датируется 5 апреля (н. ст.) 1846 г.

1089. Графу А. П. Толстому

Датируется на основании почтового штемпеля.

Дай Бог сказать нам... это святое приветствие друг другу, в пору воскресенья Светлого Воскресенья, в таком виде, в каком должно праздноваться оно на Руси. — Ср. в заключительной статье «Выбранных мест из переписки с друзьями» *XXXII Светлое Воскресенье:* «В русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресенья... он готов почти воскликнуть: “Только в одной России празднуется этот день так, как ему следует праздноваться!”»

Иванов — Сергей Андреевич. См. коммент. к письму № 1058.

Ершов — лицо неустановленное.

Потоцкий — граф Лев Северинович (1789–1860), русский посланник в Неаполе.

Теологическая энциклопедия — «Encyclopedie theologique, ou serie des dictionnaires sur toutes les parties de la science». Издавалась в Париже в 1844–1855 гг. (50 т.). Издатель — Жак-Поль Минь.

1090. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским и графине С. М. Соллогуб

Датируется на основании почтового штемпеля и упоминания Гоголя о том, что он пишет в первый день Пасхи — «в самый день Светлого Воскресенья». В 1846 г. Пасха была 7 апреля (ст. ст.).

к стр. 305 *...выполнить кое-какие невыплаченные долги, без которых нельзя ехать туда, куда душа хотела бы... в Иерусалим.* — Подразумевается второй том «Мертвых душ» (см. коммент. к письму № 1071).

«Маяк» — ежемесячный журнал, издававшийся в 1840–1845 гг. С. А. Бурачком. В 1846 г. не выходил.

1091. Н. М. Языкову

Датируется на основании почтового штемпеля 21 апреля (н. ст.) 1846 г. (У Гоголя описка: «22».)

к стр. 306 *...стихи Аксакова Ивана...* — См. коммент. к письму № 1068.

...мои письма, писанн<ые> к тебе... по поводу стихотв<орения> «Землетрясен<ие>»... — Имеются в виду письма от 2 и 26 декабря (н. ст.) 1844 г. и от 2 января (н. ст.) 1845 г. (№ 869 и 885 в т. 12 наст. изд. и № 891 в наст. томе).

к стр. 307 *...из этого может составиться книга, полезная людям, страждущим на разных поприщах.* — Подразумеваются «Выбранные места из переписки с друзьями».

1092. Н. Н. Шереметевой

...об утрате вашей... — о смерти 20 февраля 1846 г. дочери Н. Н. Шереметевой Анастасии Васильевны Якушкиной, жены декабриста И. Д. Якушкина.

1094. М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 54–55.

Содержание настоящего письма перекликается со статьями *III. Значение болезней* и *XXII. Русский помещик* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

к стр. 312 *Он сказал: «В поте лица трудитесь!»* — См. коммент. к строкам статьи *XXII. Русский помещик* «Выбранных мест из переписки с друзьями» — *...Богом повелено человеку трудом и потом снискивать себе хлеб...* — в т. 6 наст. изд.

«Несть власти, аще не от Бога», — сказано в Св. Писании... — Имеются в виду слова св. апостола Павла из Послания к Римлянам: «...ибо нет власти не от Бога» (гл. 13, ст. 1); упоминаются также Гоголем в статье *XXII. Русский помещик* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (т. 6 наст. изд.).

...умели бы повиноваться, несмотря на то, кто ими повелевает, хотя бы он был и худший их... — Ср. заметку в записной книжке Гоголя 1841–1846 гг.: «Начальника над артельщиками выбрал

мастер, и на вопрос: зачем выбрал, хорош поведеньем, что ли? — Нет, нехорош. — Не пьет, что ли? — Нет, пьяница. — Умен? — Нет, и неумен. — Так что ж он? — Повелевать умеет». См. также коммент. к строкам письма № 742 — *Где-то я начитал, что советы всегда нужно давать...* — в т. 12 наст. изд. и выписку <5> *О почитании священника, хотя бы и погрешающего (Св. Иоанна Златоуста)* сборника Гоголя «Выбранные места из творений св. отцов и учителей Церкви» (т. 9 наст. изд.).

Сам-сём — всемеро; *сам-пят* — впятеро. к стр. 313

1095. Н. М. Языкову

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

Почти без изменений письмо было помещено Гоголем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» — статья *XIII. Карамзин.* См. коммент. к этой статье в т. 6 наст. изд.

Пишу к тебе на выезде из Рима. — Отметка в паспорте Гоголя об отъезде из Рима была сделана еще 2 мая (н. ст.) 1846 г.: «1846 20 апр<еля> / 2 мая во Флор<енцию> и Геную» (*РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 179. к стр. 314

Письмо твое от 19 марта получил... — Письмо № 1084.

Жаль, что не пишешь, с кем их послал. — Книги для Гоголя были посланы через П. А. Вяземского графу Мих. Ю. Виельгорскому, ехавшему тогда с царским семейством в Италию.

Иванов свои книги получил. — См. коммент. к письму № 1074.

Благодарю за выписку предисловия к немецк<ому> переводу «М<ертвых> д<уш>». — Речь идет о предисловии переводчика Ф. Лёбенштейна к лейпцигскому изданию «Мертвых душ» 1846 г. В этом предисловии, список русского перевода которого сохранился в архиве С. П. Шевырева, дается следующая характеристика поэмы Гоголя: «Гоголь не надевает белых перчаток и не мягкими пальчиками прикасается он к ранам, — нет, он хватает их просто и, так сказать, медвежью лапой — и резко выставляет истины, часто горькие, на вид своему правительству и народу. Он — пламенный патриот... но эта любовь не ослепляет его, она не мешает ему видеть ошибочное направление воспитания, жалкий упадок правосудия и судопроизводства и вообще все смешные стороны своих сограждан. Насмешливо улыбаясь, спокойно стегает он бичом сатиры и старого и малого, и общественное и государственное зло, не стараясь, как стараются многие другие писатели, приобресть себе благоволение публики, глядя сквозь пальцы на ее склонности» (*Михайлова А. Н.* Примечания // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 13. С. 458).

...похвальное слово Карамзину, произнесенное Погодиным. — См. коммент. к письму № 1005. к стр. 315

...письмецо... к Сергею Тимофеевичу — письмо С. Т. Аксакову от 5 мая (н. ст.) 1846 г. (№ 1096).

1096. С. Т. Аксакову

Письмо было приложено к посланию Н. М. Языкову от 5 мая (н. ст.) 1846 г. (письмо № 1095).

к стр. 316 *...два моих письма...* — Речь идет о письмах к М. И. Гоголь от 23 апреля (н. ст.) 1846 г. (№ 1093), к М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь от 1 мая (н. ст.) 1846 г. (№ 1094).

...которое было приложено при вашем. — Письмо Гоголя к матери от 25 ноября (н. ст.) 1845 г., приложенное к письму С. Т. Аксакову от того же числа, до нас не дошло (см. коммент. к письмам № 1034 и 1042).

1097. П. А. Плетневу

Датируется на основании почтового штемпеля.

Ответ на письмо П. А. Плетнева от 4/16 марта 1846 г. (№ 1081).

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «От<вечал> Ж<уковско>му 2 июня 1846». В этом письме к В. А. Жуковскому Плетнев замечал: «Я не пишу особого письма Гоголю, потому что не люблю письмами своими ловить человека, переменяющего место» (Соч. и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 3. С. 572).

1098. А. А. Теплову

По всей видимости, Гоголь встречался с Алексеем Агрономовичем Тепловым во время своего пребывания в Риме зимой 1845/46 г. и весной 1846 г. Ф. А. фон Моллер в письме к Гоголю из Рима от 20 января (н. ст.) 1847 г. передает ему поклон и поздравление с Новым годом от Тепловых и далее сообщает: «Кроме Чернышевых и Тепловых, ни с кем из русских не видаюсь» (см. т. 14 наст. изд.).

1099. В. А. Жуковскому

Дата и место отправления письма устанавливается по почтовому штемпелю. Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, во Флоренцию Гоголь прибыл 9 мая (н. ст.) 1846 г., отметка в паспорте по прибытии в Геную (13 мая, как следует из почтового штемпеля) была сделана 14 мая: «9 мая во Флоренции. 14 мая Генуя» (*РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 180.

к стр. 317 *...ни слова на запрос мой, в какое время лучше приехать к вам во Франкфурт...* — 16 марта (н. ст.) 1846 г. Гоголь сообщал В. А. Жуков-

скому: «В конце мая или в начале июня я буду уже во Франкфурте, а потому уведомьте меня, будете ли вы там» (письмо № 1076).

1100. Графине А. М. Виельгорской

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля. Написано 14 мая (н. ст.) 1846 г. — на следующий день по приезде Гоголя в Геную (см. коммент. к письму № 1099). 16 мая (н. ст.) 1846 г. Гоголь был уже в Ницце, откуда отправился во Франкфурт: «16 мая Ницца. Через Францию во Франкф<урт>-на-М<айне>. [5-го июня во Фр<анкфурте>] Дрезден — Франкф<урт> — Карлсбад» (*РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя. С. 180.

...благодатная Анна Миха<й>ловна. — Намек на значение име- к стр. 319
ни Виельгорской («Анна» на древнееврейском языке означает «благодать»).

Во-первых, за письмо. — То есть за письмо А. М. Виельгорской от 18–21 марта 1846 г. (№ 1085).

«Бедные люди» — см. коммент. к письму № 1074.

1101. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 642–643; см. также: *Языков Н. М.* Соч. / Сост., вступ. статья, примеч. А. А. Карпова. Л., 1982. С. 390–391. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 429–430.

«Новоселье» — альманах А. Ф. Смирдина. к стр. 320

...наш журнал, кажется, состоится и пойдет в ход. — На издание этого журнала Н. М. Языковым было завещано 30 тысяч рублей, однако издание Ф. В. Чижова не состоялось. 17 августа 1845 г. последний писал А. А. Иванову: «Петербургские журналы деятельны; но лучше и во сто раз было бы лучше, если бы не было такой мерзкой, подлой деятельности: ничего своего, все целиком перепечатывание с французского, немецкого и английского. Это ли литература? С другой стороны все свое ругают нещадно. Один ругает Гоголя, другой Языкова и Хомякова. Я не защищаю Языкова, вы слышали мои понятия о Гоголе; но первый дал нам стальной русский стих, последний единственный наш русский талант, Хомяков — полный самого благородного русского чувства. Не умею передать вам, как это сжимает сердце. Задумываю свой журнал в Москве, потому что "Москвитянин", хотя и хорош, но направление, но исполнение большею частию сильно плохо; да и направление не резко проведено. Мне бы только бы завести журнал, а там я уже найду редактора; сам же буду всеми силами стараться к вам; хоть чрез годик или полтора...» (*Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М., 2001. С. 355–356). 1 сентября 1845 г. Чижов вновь сообщал Иванову: «Кажется, министр намерен хлопотать

о позволении издавать мне журнал в Москве. Условия его, что там не будет переводного с Запада: все свое и еще славянское. Славяне от этого в восторге» (Там же. С. 357). В апреле 1847 г. Иванов извещал Гоголя: «Чижов уехал. Трудно, чтобы состоялся его журнал. Он очень, очень не готов ни к принятию должности, ни к журналу. Только святостию своей собственной жизни можно возвысить и возвеличить глубокие сведения» (см. в т. 14 наст. изд.). В мае 1847 г., при возвращении в Россию, Чижов, вследствие доноса австрийского правительства, был арестован на русской границе по подозрению в сочувствии освободительному движению австрийских славян, отвезен в Петропавловскую крепость, через две недели отпущен, но издательская деятельность ему была запрещена. 10 октября 1847 г. он сообщал Иванову: «...журнал мой не состоялся; может быть, впоследствии его и позволят...» (*Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. С. 474).

...лекции Шевырева... — История русской словесности, преимущественно древней. Т. I. Ч. I. М., 1846.

к стр. 321 *...куплет о Питере и об Москве...* — Имеется в виду заключительная строфа стихотворения «Москва»: «Тебя постиг удел суровый, / И мановением одним / Вознесся гордо город новый, / Столица — с именем чужим» (Поэты кружка Н. В. Станкевича. М.; Л., 1964. С. 386).

1102. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой, рожд. Россет. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1890. № 7. С. 207–208. Печатается по первой публикации.

Письмо это вам подаст Михаил Андреевич Рябинин... — М. А. Рябинин (1814–1867), коллежский асессор, московский знакомый Смирновой. О встрече Гоголя с Рябининым «на дороге в Карлсбад» см. письмо № 1112.

1103. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 142–144. Печатается по первой публикации.

С завтрашним днем Ангела вашего вас, мой милый друг, поздравляю. — 9 мая (ст. ст.) (день именин Гоголя) совершается память Святителя и Чудотворца Николая, архиепископа Мир Ликийских (ок. 345 г.).

к стр. 322 *Ваша правда, что в душе живут вечно, к которым были привязаны. Любовь и молитва нас соединяет и с отсутствующими, и с отшедшими отсюда душами...* — Ср. в гоголевских «Размышлениях о Божественной Литургии»: «Церковь повелевает о всех

возносить всеобщую молитву... разлуки нет между живущими в Боге... и брат, отшедший от нас, становится еще ближе к нам от силы любви».

Николай Михайлович — Языков. к стр. 323

1104. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками): Русская Старина. 1890. № 7. С. 208–212. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 184–189.

...отвечала... — Письмо № 1086.

...на ваше последнее письмо... — Письмо № 1072.

Patience — пасьянс *(фр.)*. к стр. 324

Константин Сергеевич — Аксаков. к стр. 325

...ваша графиня Вьельгорская... — Вероятно, Луиза Карловна.

...«Да не смущается сердце ваше и не устрашается»... — Евангелие от Иоанна, гл. 14, стих 27. к стр. 326

Жук — В. А. Жуковский.

Bulletin — бюллетень, сводка *(фр.)* к стр. 327

Софья Михайловна — графиня Соллогуб.

Графиня Виельгорская — Луиза Карловна.

Нази (Нози) — графиня А. М. Виельгорская.

Добродетель их какая-то католическая, гордая и сухая. — Графиня Л. К. Виельгорская была католичкой. Подробнее см. в коммент. к сочинению Гоголя «Ночи на вилле» в т. 7 наст. изд.

Софья и Аполлина — С. М. Соллогуб и А. М. Веневитинова.

...оба графы Вьельгорские... — Виельгорский Михаил Юрьевич и его брат, Матвей Юрьевич.

...бедный Кавелин... — В 1846 г. А. А. Кавелин в связи с расстроенным состоянием здоровья вынужден был оставить должность санкт-петербургского военного генерал-губернатора, которую он занимал с 1842 г.

1105. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // Русская Старина. 1896. № 12. С. 643. Печатается по первой публикации.

1106. Графиня С. М. Соллогуб — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889, № 11. С. 108–109. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 221–223.

...пишет теперь новую повесть... — Вероятно, речь идет о повести «Старушка», вошедшей в цикл «Жизнь светской женщины», к стр. 329

над которым Соллогуб работал уже летом 1845 г. Повесть вышла лишь в 1850 г. (см. коммент. к письму № 1031).

Соня и Саша... — Дети В. А. и С. М. Соллогубов.

Herbier — гербарий *(фр.)*.

1107. Графу А. П. Толстому

Датируется на основании почтового штемпеля.

к стр. 320 *...от грубиевского прописания...* — Груби (Грубби), врач в Париже, к которому Гоголь обращался за советами через графа А. П. Толстого.

Дегалет — адъютант князя А. С. Меншикова.

Лосев — лицо неустановленное.

Князь Барятинский — Александр Иванович (1814–1879), впоследствии фельдмаршал. Летом 1846 г. лечился за границей от ран, полученных на Кавказе.

к стр. 321 *Абрейбунги* (Abreibungen; *нем.*) — обтирания.

Умшлаги (Umschlagen; *нем.*) — обертывания.

Софья Петровна — графиня Апраксина, сестра графа А. П. Толстого.

1108. Н. М. Языкову

Печатается по изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1996. Т. 9. С. 331–332.

к стр. 332 *...«Тарантас» Соллогуба...* — См. коммент. к письму № 1082 и к статье «О Современнике» в т. 6 наст. изд.

...произведения Кулиша. — См. коммент. к письму № 988, а также к строкам статьи «О Современнике» — *Роман... его...* — в т. 6 наст. изд.

...«Гаммы» Полонского... — первый сборник стихотворений Я. П. Полонского (М., 1844). 1 мая (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщал Н. М. Языкову, что «с удовольствием» прочел опубликованное в № 2 «Москвитянина» за 1845 г. его послание «Я. П. Полонскому» («Благодарю тебя за твой подарок милый...»). Н. М. Языков написал это стихотворение в ответ на присланные ему в подарок «Гаммы». Возможно, этим объясняется просьба Гоголя прислать ему сборник стихов Я. П. Полонского.

1109. В. А. Жуковскому

к стр. 333 *От Смирновой получил письмо.* — Письмо № 1104.

1110. Ю. Ф. Самарин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя в их к нему письмах // Русская Старина. 1889. № 7. С. 167–171. Печатается по первой публикации.

...вы первые ко мне написали... — Письмо из Рима от 3 января (н. ст.) 1846 г. (№ 1052).

1111. П. А Плетневу

...мое последнее письмо из Рима... — Письмо к П. А. Плетневу к стр. 338 от 5 мая (н. ст.) 1846 г. (№ 1097).

В прошлом году я писал к Языкову... — Это письмо Гоголя (в первой его редакции) не сохранилось.

Теперь я выправил это письмо и посылаю его для напечатания... — См. коммент. к письму № 1130.

Недели через две жди от меня просьбы другой... — Намек на предстоящую присылку первой тетради рукописи «Выбранных мест из переписки с друзьями».

1112. А. О. Смирновой

Ответ на письмо Смирновой от 8 мая 1846 г. (№ 1102).

Письмо, вместе с письмом к А. О. Смирновой от 6 июня — 6 июля (н. ст.) 1846 г. (№ 1113), было приложено к посланию А. О. Россету от 6 июля (н. ст.) 1846 г. (№ 1114).

Рябинин — Михаил Андреевич. к стр. 339

...в прилагаемом при сем большом письме. — Письмо А. О. Смирновой от 6 июня — 6 июля (н. ст.) 1846 г. (№ 1113).

Арк<адий> О<сипович> — брат А. О. Смирновой.

1113. А. О. Смирновой

Письмо, вместе с письмом к А. О. Смирновой от 4–6 июля (н. ст.) 1846 г. (№ 1112), было приложено к посланию А. О. Россету от 6 июля (н. ст.) 1846 г. (№ 1114).

Почти без изменений письмо было помещено Гоголем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» — статья *XXI. Что такое губернаторша.* См. коммент. к этой статье в т. 6 наст. изд.

Об этом письме И. С. Аксаков сообщал отцу из Калуги 3 августа 1846 г.: «Я слышал еще прежде стороною, и теперь подтвердил мне и Арнольди, что Александра Осиповна получила огромнейшее, листах на четырех, письмо от Гоголя, наполненное советами и разными христианскими наставлениями ей. Говорит, что письмо превосходное и что в нем Гоголь, к вящему их удивлению, пишет им про Калугу, как будто он в ней бывал несколько раз, говорит про многих чиновников и жителей, называя их по именам, про то, как Ал<ександра> Осип<овна> сначала повела себя в Калуге, учит ее быть губернаторшей, брать пример с бывшей здесь лет 20 тому назад княгини Оболенской (матери Мити, отец его был здесь губернатором) — делать добро так-то и так-то, а мужа ее — не гнать взяточников» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 284–285).

к стр. 340 *Итак, вы возвратились вновь в ваш губернский город.* — В письме от 14 мая 1846 г. Смирнова сообщала Гоголю: «...надеюсь вернуться в Калугу 21 числа» (письмо № 1104).

Предшественница ваша Жуковская... — Елизавета Николаевна Жуковская (1803–1856), жена калужского губернатора Н. В. Жуковского.

Княгиня... Оболенская... — Княгиня Аграфена Юрьевна Оболенская (рожд. Нелединская-Мелецкая; 1789–1828), жена князя А. П. Оболенского, бывшего в 1825–1831 гг. калужским губернатором.

к стр. 341 *...вспомните вновь мои слова... глядеть на Калугу как на лазарет.* — См. письмо № 1022.

к стр. 345 *Ваш поступок... с уездным судьею...* — Речь идет о мещевском судье Клементьеве (см. письмо № 1075).

к стр. 347 *...беседовать об этом почаще с архиереем...* — Имеется в виду преосвященный Николай (Соколов), в 1834–1851 гг. епископ Калужский.

1114. А. О. Россету

к стр. 353 *...письмецо для вашей сестрицы...* — Точнее, два письма к А. О. Смирновой — от 4–6 июля (н. ст.) 1846 г. (№ 1112) и от 6 июня — 6 июля (н. ст.) 1846 г. (№ 1113)

...маленькое письмецо Самарину. — Письмо к Ю. Ф. Самарину — № 1115.

1115. Ю. Ф. Самарину

Письмо было приложено к посланию А. О. Россету от 6 июля (н. ст.) 1846 г. (№ 1114).

Ответ Ю. Ф. Самарина от 12 июля 1846 г. — письмо № 1123.

...за ваше письмо. — Письмо № 1110.

Ответ на него будет потом <...> вами неожиданным образом. — Намек на предстоящее появление «Выбранных мест из переписки с друзьями».

к стр. 354 *Займитесь вот чем...* — Сведения, о присылке которых просил Гоголь, были нужны ему для второго тома «Мертвых душ».

1116. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 539.

...по вашему приказанию я только две недели посылал к вам письма. — Имеются в виду слова Гоголя в письме к В. А. Жуковскому от 27 июня (н. ст.) 1846 г. из Фрейвальдау: «Три письма, вами пересланные, получены исправно. Больше не присылайте, но удержите до моего приезда» (письмо № 1109).

1117. П. А. Плетневу

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

От Жуковского я получил вексель. — Ср. сообщение В. А. Жуковского в послании из Швальбаха от первой половины июля 1846 г. о находящихся у него письмах гоголевских корреспондентов: «...одно с векселем» (письмо № 1116). к стр. 355

Ну, что тебе в числе наверху письма... — Речь идет о дате письма П. А. Плетневу от 5 мая (н. ст.) 1846 г. (№ 1097).

Две недели тому назад послал я тебе статью мою об «Одиссее», просил напечатать... — 15 июля 1846 г. П. А. Плетнев сообщал В А. Жуковскому: «Гоголю скажите, что я получил его письмо со статьею его о переводе вашем Одиссеи и уже тиснул это в № 8 Совр<еменника>. Статья прелестна. За других газетчиков и журналистов не отвечаю, согласятся ли они у себя перепечатать эту статью: все они на меня злобствуют» (Соч. и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 3. С. 576–577). к стр. 356

1118. Н. М. Языкову

Дата уточнена на основании почтового штемпеля.

Ответ на письмо Языкова от 17 мая 1846 г. (№ 1105).

«Новоселье» — альманах, издававшийся в Петербурге в 1833–1848 гг. А. Ф. Смирдиным. к стр. 357

«Невск<ий> Альм<анах>» — издавался Е. В. Аладьиным в 1825–1833 и 1846–1848 гг.

Книга Шевырева — «История русской словесности, преимущественно древней», первый том которой вышел в 1845 г., второй — в 1846 г.

«Путешеств<ие> к Св<ятым> Местам» — см. коммент. к письму № 1060.

В том же письме... — Письмо Н. М. Языкову от 21 апреля (н. ст.) 1846 г. (№ 1091).

«Сампсон» («На праздник стеклися в божницу Дагона...») — стихотворение Н. М. Языкова; впервые опубликовано в «Московском Сборнике» (М., 1846); это издание князь П. А. Вяземский в мае 1846 г. переслал Гоголю через В. А. Жуковского (см.: *Гиллельсон М. И.* Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1979. Л., 1980. С. 54, 55).

1119. С. П. Шевыреву

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

После того голоса, который я подам от себя перед моим отправлением на поклонение к Святым Местам... — Намек на предполагавшийся выход в свет книги «Выбранные места из переписки с друзьями». к стр. 358

Строганов — граф Сергей Григорьевич (1794–1882), попечитель Московского учебного округа.

1120. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 144–146. Печатается по первой публикации.

к стр. 529 *Сегодня...* — 29 июня (ст. ст.), в день св. первоверховных апостолов Петра и Павла.

Николай Михайлович — Языков.

к стр. 360 *Нынче день Преподобного Сергия...* — 5 июля (ст. ст.) празднуется обретение честных мощей св. преподобного Сергия, игумена Радонежского (1422).

1121. П. А. Плетневу

«Из Франкфурта (10 августа 1846 года) Жуковский сообщает Погодину: "У меня в Швальбахе гостил Гоголь; ему вообще лучше; но сидеть на месте ему нельзя; его главное лекарство путешествие; он отправился в Остенде; оттуда поедет во Франкфурт и, поживя у меня несколько дней, отправится далее и будет несколько времени везде и нигде; потом воротится на родину, вероятно, в том же году, как и я"» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 325–326).

к стр. 362 *...статью об «Одиссее», посланную мною... за месяц пред сим...* — См. коммент. к статье *VII. Об Одиссее, переводимой Жуковским* «Выбранных мест из переписки с друзьями» в т. 6 наст. изд.

1122. А. В. Никитенко

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

1123. Ю. Ф. Самарин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя в их к нему письмах // Русская Старина. 1889. № 7. С. 171–173. Печатается по первой публикации.

Письмо было отправлено с братом Ю. Ф. Самарина М. Ф. Самариным — очевидно, вместе с посланием от 12 июля 1846 г. (№ 1124).

1124. Ю. Ф. Самарин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя в их к нему письмах // Русская Старина. 1889. № 7. С. 173–174. Печатается по первой публикации.

...ваше письмо... — Письмо от 6 июля (н. ст.) 1846 г. (№ 1115). к стр. 365
Брат — Михаил Федорович Самарин (1824–1848).
Дошел ли до вас «Московский Сборник»? — О получении Гоголем «Московского Сборника» (М., 1846), посланного ему князем П. А. Вяземским, свидетельствует упоминание Гоголя о стихотворении Н. М. Языкова «Сампсон» в письме к поэту от 21 июля (н. ст.) 1846 г. (см. коммент. к этому письму — № 1118).
Александра Осиповна — Смирнова.

1125. Графу А. П. Толстому

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.
Я писал к вам из Грефенберга... — Письмо А. П. Толстому от 18 июня (н. ст.) 1846 г. (№ 1107). к стр. 366
...встретил Ивана Петровича с его молодой супругой... — Графа Толстого (брата А. П. Толстого) с женой Софьей Сергеевной Толстой (рожд. графиней Строгановой; 1824–1853).
Графиня — А. Г. Толстая.
Poste restante — до востребования *(фр.)*

1126. М. И. Гоголь

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.
...в ответ на мое длинное письмо... — См. письмо М. И., А. В., Е. В. и О. В. Гоголь от 1 мая (н. ст.) 1846 г. (№ 1094). к стр. 367

1127. В. А. Жуковскому

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.
Саша — дочь В. А. Жуковского. к стр. 368
Видел пока только безногого Мещерского, женат<ого> на кн<яжне> Трубецкой... — Князь Николай Иванович Мещерский (1798–1862), гвардии подполковник, разбитый параличом; был женат на княжне Александре Ивановне Трубецкой (ум. 1873).
Графиня Борх, урожден<ная> Лаваль — Софья Ивановна (1809–1871), жена камергера.

1128. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 644. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 432.
Требуемое тобою письмо получишь ты скоро. — Имеется в виду просьба о присылке копии с писем, вызванных стихотворением «Землетрясенье». См. письмо № 1118. Копии были отправлены Языковым 10 августа 1846 г. (письмо № 1134). к стр. 369
...книги, мною к тебе посланные, таки дошли... — См. письмо № 1118.

...питерские критики щелкоперы прокричали ему большую похвалу... — Прежде всего имеется в виду статья В. Г. Белинского, посвященная «Петербургскому сборнику». Она содержала обширный отзыв о «Бедных людях» Ф. М. Достоевского (Отечественные Записки. 1846. № 3. Отд. 5). См. также коммент. к письму № 1074.

1129. А. О. Россет — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 388–390. Печатается по первой публикации.

Ответ на письмо № 1114.

1130. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 г. СПб., 1895. Приложения. С. 24–26. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 322–323.

к стр. 372 *Недели через две выйдет вторая часть.* — Вторая часть «Истории русской словесности...» Шевырева вышла в августе 1846 г.

...письмо твое к Языкову об «Одиссее». — Статья-письмо Гоголя к Н. М. Языкову «Об Одиссее, переводимой Жуковским» была опубликована в июле 1847 г. в журналах «Современник», «Москвитянин», в газете «Московские Ведомости» (от 25 июля, № 89) и включена затем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями».

...полные ожидания очи. — Цитата из одиннадцатой главы первого тома «Мертвых душ».

к стр. 373 *Корректором второго издания будет тот же Виноградов, которого ты знаешь.* — См. о нем в письме оптинского монаха о. Порфирия (Григорова) к С. П. Шевыреву от 23 октября 1850 г.: «Милостивый Государь Степан Петрович! Извините, что должник забывает своих кредиторов; хотя это ныне вещь обыкновенная; нужно только взять, а там Бог заплотит! — Мне Киреевский сказал, что г-н Виноградов явился к вам, просил за кор<р>ектуру от их имени 7 руб<лей> серебром, и вы ему деньги отдали. — Я должен объяснить причину: г-н Виноградов очень хорошо знал, что книги письма Затворника печатаются мною и кор<р>ектура ему поручена от меня, и он уже более десяти лет занимался по поручению моему и довольно исправно; но я и рекомендовал его Киреевским, чтоб платить ему безделицу; а между тем избавить вас от труда за нашей кор<р>ектурой; ибо она у вас много отнимает драгоценного времени, которое вы с такою пользою употребляете, что, право, совестно было видеть, как вы одолжили нашу обитель, которая обязанностию поставляет молить о здравии вашем. И так деньги следовало получить Виноградову от меня; но он не занимался кор<р>ектурой, что доказывают

опечатки, коих, кроме неважных, 100; хотя кор<р>ектовать было легко с печатного экземпляра. Он, видя, что за такое небрежение по уговору не получит ничего, решился на поступок постыдной — воспользоваться добрым расположением вашим и пуститься на обман! По крайней мере, хотя бы уведомил меня или Киреевского, а то никто ничего не знает о его проделках и легко могло прийти в забвение. — Мне за него стыдно; прилагаю при сем 7 рублей серебром, — кои возвращаю с чувствительною моею благодарностию, при желании вам всякого блага — имею честь пребыть Милостивого Государя Ваш *Богомолец и слуга Монах Порфирий Григоров.* 23 октября 1850. Оптина Пустынь» (*РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 213. Л. 1–2).

1131. Ю. Ф. Самарину

Ответ на письма Ю. Ф. Самарина от 6–12 и 12 июля 1846 г., отправленные с братом последнего М. Ф. Самариным (№ 1123 и 1124).

В проезд мой через Париж... — В письме от 6 августа (н. ст.) 1846 г. из Остенде Гоголь запрашивал графа А. П. Толстого: «...пришлите ваш маршрут, чтобы я знал, где вас настигнуть и повидать, если вы не заедете в Остенде» (письмо № 1125). Очевидно, последовало приглашение в Париж, куда Гоголь отправился после 10 августа (н. ст.) 1846 г. (отправленное в этот день Гоголем письмо к В. А. Жуковскому свидетельствует, что в это время он еще находился в Остенде). 25 августа (н. ст.) 1846 г. Гоголь вновь в Остенде, откуда пишет новое письмо В. А. Жуковскому, где сообщает, что «на днях... был обрадован почти неожиданным приездом любезного моего гр<афа> А. П. Толстого» (письмо № 1132). Свидание Гоголя с братом Самарина могло состояться после 10 августа — около 20 августа (н. ст.) 1846 г., ответ же Гоголя Ю. Ф. Самарину был написан по возвращении в Остенде, в двадцатых числах августа (н. ст.)

...я познакомился с вашим братцем... — Михаилом Федоровичем Самариным.

1132. В. А. Жуковскому

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

Одно письмо мое из Остенде... — Письмо к В. А. Жуковскому к стр. 375
от 10 августа (н. ст.) 1846 г. (№ 1127).

Братья Мухановы — Николай и Владимир Алексеевичи. Николай Алексеевич (ум. 1871) был почетным опекуном Петербургского Николаевского института, потом товарищем министров народного просвещения и иностранных дел и членом Государственного совета. Был близок ко двору, и, вероятно, о нем сказал Гоголь, что он «известен» Жуковскому. Владимир Алексеевич (1805–1876), камер-юнкер, нигде не служил по своему болезненному состоянию.

...со вложением второй тетради... — Фрагмент рукописи «Выбранных мест из переписки с друзьями», пересылавшейся Гоголем частями.

...перед отправлением в большую дорогу... — Гоголь намеревался, дождавшись выхода книги, ехать в Палестину.

1133. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 24 авг<уста> с<т>. с<т>. 1846».

Ответное письмо Плетнева от 27 августа / 8 сентября 1846 г. — № 1142.

к стр. 376 *Я забыл в статье «О помощи бедным» сделать поправку.* — Эта поправка была внесена П. А. Плетневым.

...поставлено, кажется, неправильно слово «расхлестывается». Лучше поставить: «расхлещется». — Исправлено П. А. Плетневым на «расплещется».

1134. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь в его неизданных письмах // Русская Старина. 1889. № 1. С. 151–152. Печатается по первой публикации.

к стр. 377 *...нашим...* — «Слово это, по-видимому, имеет отношение к известному стихотворению Языкова “К ненашим”...» (примечание В. И. Шенрока).

1135. Н. Н. Шереметева — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. Издание подготовили И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. Вступит. и сопроводит. статьи И. А. Виноградова; подготовка текста, коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 146–147. Печатается по первой публикации.

к стр. 378 *Николай Михайлович* — Языков.

1136. В. А. Жуковский — Н. В. Гоголю

Впервые опубликовано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1887 г. Приложения. С. 45–46. Печатается по изд.: *Жуковский В. А.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 539–540.

Ответ на письмо Гоголя от 25 августа (н. ст.) 1846 г. (№ 1132).

1137. М. П. Погодину

Почтовый штемпель: 184... (последняя цифра стерлась). Датируется 1846 г., так как именно в этом году Погодин ехал за границу с намерением отправиться в Палестину (см. коммент. к письму № 918).

1138. М. П. Погодину

Написано одновременно с письмом М. П. Погодину от 10 сентября (н. ст.) 1846 г. (№ 1137). На копии письма имеется помета М. П. Погодина: «1846. В [сентябре] августе».

...чтобы верней дошло мое письмо, написал в Вену, в наше посольство. — Речь идет о письме № 1137. к стр. 381

1139. В. А. Жуковскому

...к Плетневу послана третья тетрадь. — Имеется в виду часть рукописи «Выбранных мест из переписки с друзьями».

1140. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 14/26 сен<тября> 1846».

Ответное письмо П. А. Плетнева от 24 сентября / 6 октября 1846 г. — № 1152.

1141. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю // Русская Старина. 1896. № 12. С. 644–645. Печатается по первой публикации.

1142. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русский Архив. 1890. № 11. С. 38–39. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 263.

Письмо твое из Остенде от 13/25 авг<уста>... — Письмо № 1133. к стр. 382

...вторую тетрадь рукописи... — «Выбранных мест из переписки с друзьями».

...несколько фраз о Погодине. — В статье «О том, что такое слово». к стр. 383

...как он сладит с письмом о духовенстве. — Статья «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве».

1143. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучил> и о<тветил> на два посл<едних> письма 24 сент<ября> 1846». Ответ П. А. Плетнева — письмо № 1152.

1144. С. П. Шевыреву

Письмо твое получено несколько поздно. — Письмо С. П. Шевырева от 29 июля 1846 г. (№ 1130). к стр. 384

Сиверс — вероятно, художник Людвиг Сивере. О нем говорит Шевырев в письме от 29 июля 1846 г. Однако виньетка была заказана не Сиверсу, а литографу Корнелию Яковлевичу Тромонину (ум. 1847). См. письмо С. П. Шевырева от 20 октября / 1 ноября 1846 г. (№ 1171).

Может быть, посчастливится мне подставить ступеньку к твоей книге... — Намек на ожидаемое воздействие «Выбранных мест из переписки с друзьями».

1145. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками): Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 815. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 404–405.

Ответ на письмо Гоголя от 10 сентября (н. ст.) 1846 г. (№ 1137).

Сажусь на пароход... до Одессы... — Летом — осенью 1846 г. Погодин совершил заграничное путешествие. Первоначально он намеревался посетить Иерусалим, однако вскоре отказался от этого плана и ограничился европейским маршрутом. См. также коммент. к письму № 918.

Первое письмо твое... — Письмо от 20 декабря (н. ст.) 1844 г. (№ 878 в т. 12 наст. изд.).

Второе, общее, неудовлетворительно. — Письмо от 30 августа (10 сентября) 1846 г. (№ 1137).

к стр. 385 *...опасно для ноги...* — М. П. Погодин в мае 1844 г., упав из экипажа, сломал себе ногу (см. письма № 797, 804, 815, 870 в т. 12 наст. изд.).

Иннокентий — святитель Иннокентий (Борисов).

Быв в твоей деревне, у матушки... — 16–17 июля 1842 г. (см. сопроводит. статью к т. 2 наст. изд.).

...я тотчас тебя уведомил. — См. письмо Погодина от 12 сентября 1843 г. (№ 727 в т. 12 наст. изд.).

Письмо твое после смерти моей Лизы... — Письмо от 20 декабря (н. ст.) 1844 г. (№ 878 в т. 12 наст. изд.).

...жду твоего ответа. — Ответ Гоголя — письмо № 1182.

1146. П. А. Плетневу

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

На подлиннике имеется помета Плетнева: «От<ветил> Шевыр<еву> 3 окт<ября> 1846 и послал предисловие».

Письмо твое... получил... — Письмо от 28 августа / 7 сентября 1846 г. (№ 1142).

к стр. 386 *Поправки к статье: «Занимающему важное место».* — Статья не была пропущена цензором А. В. Никитенко.

1147. С. П. Шевыреву

...раньше некоторого другого предисловия... — Гоголь имеет в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

1148. Н. М. Языкову

«Московский Сборник» — «Московский Литературный и Ученый Сборник», непериодический орган славянофилов, выходивший в 1846, 1847 и 1852 гг. к стр. 387

Панов — Василий Алексеевич, редактор «Московского Сборника». к стр. 388

...посланья к Каролинам... — Н. М. Языкову принадлежит несколько стихотворных посланий к поэтессе Каролине Карловне Павловой (Яниш). В бумагах Гоголя сохранился список стихотворения Н. М. Языкова «К. К. Павловой» («Забыли вы меня! Я сам же виноват...», 1840; см. в т. 17 наст. изд.). По словам Е. М. Хомяковой в письме к Н. М. Языкову от 1841 г., Гоголь был в восторге от одного его «Послания к Павловой» и выучил стихи наизусть (возможно, имелось в виду стихотворение Н. М. Языкова «К. К. Павловой» («В те дни, когда мечты блистательно и живо...», 1841); *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 106).

1149. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками): Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 227–228; см. также: *Зуммер В. М.*, проф. Неизданные письма Ал. Иванова к Гоголю // Известия Азербайджанского гос. ун-та им. В. И. Ленина. Т. 4–5. Общественные науки. Баку, 1925. С. 42–43. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 460–462, с дополнением окончания письма (со слов: «о несчастном положении художника русского...») по первой публикации.

...решился возвратиться в Рим, оставя вам это письмо. — Письмо было оставлено А. А. Ивановым в Неаполе у графини С. П. Апраксиной, а затем отправлено ею Гоголю. В ответном письме Гоголь сообщал: «Я получил ваше письмо из Неаполя, любезный Александр Андреевич, вместе с письмом от Софьи Петровны» (письмо № 1166). к стр. 389

...после вашего отъезда из Рима. — Гоголь покинул Рим 5 мая (н. ст.) 1846 г.; ответ А. А. Иванову на настоящее послание отправил 7 ноября (н. ст.) 1846 г. из Флоренции (письмо № 1166) — будучи на пути в Рим. 10–14 ноября (н. ст.) Гоголь был в Риме (где виделся с А. А. Ивановым); около 19 ноября (н. ст.) 1846 г. прибыл на зиму в Неаполь.

...несчастный Рамазанов. — После столкновения с Л. И. Килем Н. А. Рамазанов был отозван из Рима в Россию, куда вернулся

1 октября 1846 г. В следующем году занял место преподавателя Московского училища живописи.

Брат — С. А. Иванов.

...бумаги... где я предполагал законы художникам русским. — «Законы художникам Русским»» были написаны А. А. Ивановым в начале 1846 г. (см. в изд.: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. С. 379–382). Главной целью этих «Законов...» было, по замыслу художника, — «усовершенствование» живущих в Риме художников ««к политической славе великого нашего отечества».

Фиано — трактир в Риме.

к стр. 390 *...один из матросов наших, производя пушечную пальбу с корабля русского, потерял обе руки.* — Этот несчастный случай произошел 6 июля (н. ст.) 1846 г.

Графиня — С. П. Апраксина.

...ее дочери... — М. В. Апраксина (в замужестве княгиня Мещерская).

«Imitation de Jesu Criste» — «Подражание Иисусу Христу», книга, создание которой приписывается обычно фламандскому монаху Фоме Кемпийскому, была подарена А. А. Иванову Н. В. Гоголем. См. также коммент. к письму № 746 в т. 12 наст. изд.

к стр. 391 *Розеллини* — имеется в виду сочинение: *Rosellini.* Monumenti di Egitto e di Nubia.

1150. А. О. Смирновой

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

...или вас озадачило длинное письмо мое? — Письмо к А. О. Смирновой от 6 июня — 6 июля (н. ст.) 1846 г. (№ 1113).

1151. А. О. Смирновой

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

к стр. 392 *Зачем вы замолчали?* — Смирнова в это время была серьезно больна.

Встретились разные затруднения по поводу появленья той книги... — Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями» (см. коммент. к письму № 1153).

1152. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русский Вестник. 1890. № 11. С. 39. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 264.

Ответ на письмо от 26 сентября (н. ст.) 1846 г. (№ 1143).

...четвертую твою тетрадку. — Рукописи «Выбранных мест из переписки с друзьями».

...по предполагаемому им изданию его сочинений. — В это время готовилось пятое издание «Стихотворений В. Жуковского» (Т. 1–9 вышли в 1849 г., т. 10–13 — в 1857 г.). к стр. 393

1153. П. А. Плетневу

...со статьей о поэзии... — «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность».

...знал его все-таки за лучшего из других... — Западник А. В. Никитенко стал главным инициатором запрещения ряда статей в «Переписке с друзьями» — прежде всего статей религиозно-патриотического содержания. Книгу Гоголя цензор предполагал сократить более чем на четверть. Позднее, 22 февраля (н. ст.) 1847 г., Гоголь сообщал А. О. Смирновой: «Вся цензурная проделка для меня покамест темна и не разгадана. Знаю только то, что цензор был, кажется, в руках людей так называемого европейского взгляда, одолеваемых духом всякого рода преобразований, которым было неприятно появленье моей книги». Строки письма Гоголя к А. О. Смирновой от 22 февраля 1847 г. свидетельствуют, как болезненно Гоголь воспринял цензурные сокращения А. В. Никитенко в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Все, что для иных людей трудно переносить, я переношу уже легко, с Божьею помощью, и не умею только переносить боли от цензурного ножа, который бесчувственно отрезывает целиком страницы, написанные от чувствовавшей души и от доброго желания. Весь слабый состав мой потрясается в такие минуты. Точно как бы перед глазами матери зарезали ее любимейшее дитя, так мне тяжело бывает это цензурное убийство». Подробнее см. в сопроводит. статье к т. 6 наст. изд.

Александра Осиповна — Смирнова. к стр. 394

1154. В. А. Жуковскому

Моя книжка вся исписалась. Подарку дан был поцелуй... — Речь идет о записной книжке, подаренной Гоголю В. А. Жуковским в день отъезда Гоголя из Франкфурта 8/20 октября 1846 г. (см. коммент. к записной книжке Гоголя 1846–1850 гг. в т. 9 наст. изд.). к стр. 395

1155. П. А. Плетневу

...священнику Матвею Александровичу. — Протоиерею М. А. Константиновскому. к стр. 397

1156. Графиням Л. К. и А. М. Виельгорским и С. М. Соллогуб

Письмо было приложено к посланию П. А. Плетневу от 20 октября (н. ст.) 1846 г. (письмо № 1155).

...после вашего длинного письма, исполненного гнева на современный порядок вещей (за которое потом вас побраню)... — Ответом к стр. 398

на это несохранившееся письмо графини Л. К. Виельгорской стала статья Гоголя *XXVI. Страхи и ужасы России* «Выбранных мест из переписки с друзьями». В статье Гоголь писал: «На ваше длинное письмо, которое вы писали с таким страхом, которое просили сей же час истребить после прочтения и на которое отвечать просили не иначе, как через верные руки, а отнюдь не по почте, я отвечаю не только не по секрету, но, как вы видите, в печатной книге, которую, может быть, прочтет половина грамотной России. Побудило меня к тому то, что, может быть, мое письмо послужит в то же время ответом и прочим, которые, подобно вам, смущаются теми же страхами».

1157. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой, рожд. Россет // Русская Старина. 1890. № 8. С. 279. Печатается по первой публикации.

1158. С. П. Шевыреву

к стр. 399 *Прошу тебя доставить это письмо Щепкину...* — Письмо к М. С. Щепкину от 24 октября (н. ст.) 1846 г. (№ 1159).

1159. М. С. Щепкину

Письмо было приложено к посланию С. П. Шевыреву от 24 октября (н. ст.) 1846 г. (№ 1158).

Ответ Щепкина от 22 мая 1847 г. см. в т. 14 наст. изд.

к стр. 400 *...следуя тому изданию, которое напечатано в полном собрании моих сочинений...* — Издание 1842 г.

Гедеонов — Александр Михайлович (1790–1867), директор Императорских театров.

к стр. 401 *Граф Васильев* — вероятно, Владимир Федорович (1782–1859), генерал-майор, бывший тульский губернатор.

Американец Толстой — Федор Иванович (1782–1846), граф, отставной полковник, был известен своими дуэлями и приключениями.

...Николая Миха<й>лов<ича> Заг<оскина>... — Описка Гоголя: Загоскина звали Михаил Николаевич.

к стр. 403 *Будет к этому времени такое обстоятельство, что все пожелают вновь увидать «Ревизора»...* — Подразумевается предполагаемое впечатление от «Выбранных мест из переписки с друзьями».

1160. Графине А. М. Виельгорской

В Петербурге и в Москве будет играться «Ревизор» в новом виде, с присовокупленьем его окончания или заключенья... — См. коммент. к разделу <«Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях

с заключением». Дополнения к предполагаемому благотворительному изданию пьесы> в т. 4 наст. изд.

«Устыжусь и Я того, кто Меня устыдился». — «Ибо, кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми Ангелами» (Мф. 8, 38). к стр. 405

1161. П. А. Плетневу

Уже должен до сих пор ты получить три письма моих из Франкфурта... — Письма от 3, 16 и 20 октября (н. ст.) 1846 г. (№ 1146, 1153, 1155). Ответ П. А. Плетнева от 21 ноября / 3 декабря 1846 г. — № 1193. к стр. 406

Софья Михайловна — Соллогуб. к стр. 407

При сем письмо к Щепкину. — Письмо к М. С. Щепкину от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. (№ 1162). к стр. 409

1162. М. С. Щепкину

Письмо было приложено к посланию П. А. Плетневу от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. (письмо № 1161).

Ответ Щепкина от 22 мая 1847 г. см. в т. 14 наст. изд.

...маленькое письмецо к Сосницкому... — Письмо к И. И. Сосницкому от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. (№ 1163).

1163. И. И. Сосницкому

Письмо было приложено к посланию П. А. Плетневу от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. (письмо № 1161).

...comme il faut (букв. как надо, как следует; *фр.)* — в соответствии с светскими приличиями, комильфо. к стр. 410

1164. С. П. Шевыреву

...письмо мое из Франкфурта... — Письмо к С. П. Шевыреву от 5 октября (н. ст.) 1846 г. (№ 1147). к стр. 412

Другое, со вложением письма к Щепкину... — Письмо к С. П. Шевыреву от 24 октября н. ст. 1846 г. (№ 1158).

...то, о котором ты знаешь, за которое не знаю, как возблагодарить тебя. — См. коммент. к письму № 923. к стр. 413

...Погодину придется на долю надпись несколько крепкая. — См. <Надпись М. П. Погодину, предназначенная для наклейки на экземпляр «Выбранных мест из переписки с друзьями». СПб., 1847> в т. 9 наст. изд. к стр. 414

Благо, что ты сидишь над трудом, который уже невольно способен освятить человека... — Подразумевается работа Шевырева над «Историей русской словесности, преимущественно древней».

...все письма, какие ни получишь на мое имя по поводу «Мер<твых> д<уш>». — См. коммент. к письму № 1171.

1165. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой, рожд. Россет // Русская Старина. 1890. № 8. С. 280–281. Печатается по первой публикации.

к стр. 415 *Итак, вы в Иерусалиме.* — Гоголь отправился в Иерусалим только в январе 1848 г. А. О. Смирнова имеет в виду строки из его письма от 8 октября (н. ст.) 1846 г.: «Если ж вам, точно, будет невыносимо в Калуге или где-либо, то это знак, что у вас болит душа, и тогда нужно другое лекарство. Благословясь, поезжайте с Богом со мной в Иерусалим... Отсюда отправляюсь в Италию, в этом же месяце. До декабря адресуйте письма в Рим, до февраля будущего года — в Неаполь. А первых чисел февраля я, с Богом, в дорогу» (письмо № 1150).

1166. А. А. Иванову

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля. Написано в день приезда Гоголя во Флоренцию. Согласно записям, сделанным С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя, 4 ноября (н. ст.) 1846 г. Гоголь был в Генуе, 7 ноября (н. ст.) прибыл во Флоренцию: «Генуя 4 ноября. Флор<енция> 7 ноября, в Рим» (*РНБ.* Ф. 850. Ед. хр. 64. Л. 2; см. также: Itinerarium, составленный С. П. Шевыревым на основании отметок в паспортах Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 180).

к стр. 416 *Я получил ваше письмо из Неаполя...* — Письмо № 1149.

Софья Петровна — графиня Апраксина.

1167. Н. М. Языкову

к стр. 417 *Спроси у Шевырева, получены ли им три мои письма...* — Письма к С. П. Шевыреву от 5 октября, 24 октября, 2 ноября (н. ст.) 1846 г. (№ 1147, 1158 и 1164).

Прилагаю при сем небольшую записочку Надежде Николаевне... — Письмо № 1168.

...небольшую записочку Авдотье Петровне... — Письмо к А. П. Елагиной до нас не дошло.

1168. Н. Н. Шереметевой

Письмо было приложено к посланию Н. М. Языкову от того же числа (№ 1167).

к стр. 418 *...заставившие иных возвратиться даже с дороги...* — Намек на М. П. Погодина. См. коммент. к письму № 918.

...книгу... — Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями». Согласно распоряжениям Гоголя в письмах к П. А. Плетневу в Петербург от 20 октября н. ст. и 2 ноября н. ст. 1846 г. и к С. П. Шевыреву в Москву от 2 ноября н. ст. 1846 г., Шереметева должна была получить книгу через Шевырева, которому поручено

было приклеить «на первый листок в книге» присланную ему Гоголем дарственную надпись.

1169. А. О. Россету

...вы, я думаю, уже узнали о той обузе, которую мне угодно было возложить на вас. — Россет был в числе тех, кому Гоголь поручил раздачу вспомоществований нуждающимся из сумм, ожидавшихся от выручки за издания «Ревизора с Развязкой».

...я отправил уже три письма... — Письма А. О. Смирновой от 8 октября, 15 октября (н. ст.) 1846 г. (№ 1150, 1151) и одно, до нас не дошедшее (см. коммент. к письму А. О. Смирновой от 9 ноября (н. ст.) 1846 г. — № 1170). к стр. 419

...я прошу вас... передать ей это маленькое письмо. — Письмо к А. О. Смирновой от 9 ноября (н. ст.) 1846 г. (№ 1170).

1170. А. О. Смирновой

Письмо было приложено к посланию А. О. Россету от 9 ноября (н. ст.) 1846 г. (письмо № 1169).

Письмо мое без означения месяца, числа и места... — Это письмо до нас не дошло.

1171. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 г. СПб., 1895. Приложения. С. 27–29. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 325–326.

...желаю, чтоб оно ввело тебя в сношения со всеми возможными русскими людьми из всех сословий. — Второе издание первого тома «Мертвых душ», вышедшее в 1846 г., сопровождалось предисловием «К читателю от сочинителя», где Гоголь просил людей разных званий присылать ему свои замечания на «Мертвые души». к стр. 420

...того, что печатает Плетнев. — «Выбранные места из переписки с друзьями». к стр. 421

...в нынешнем году прочесть публичный курс истории всеобщей поэзии. — С. П. Шевырев начал чтение курса 7 декабря 1846 г. и завершил 29 апреля 1847 г.

«Вечный жид» — роман Э. Сю.

1172. А. С. Данилевскому

Письмо было приложено к посланию М. И. Гоголь от 14 ноября (н. ст.) 1846 г. (письмо № 1173).

...я прилагаю здесь письмо к милой жене твоей... — Это письмо до нас не дошло. к стр. 422

...посылаю тебе экземпляр моей книги... — Подразумеваются «Выбранные места из переписки с друзьями».

1173. М. И. Гоголь

к стр. 423 *...отрывок из завещания...* — См. коммент. к шестому пункту статьи *I. Завещание* «Выбранных мест из переписки с друзьями» в т. 6 наст. изд.

Андрей Андреевич — Трощинский.

1174. С. Т. Аксакову

На подлиннике имеется помета С. Т. Аксакова: «1846? или 1847?».

к стр. 425 *Адресуйте мне в Неаполь.* — 10–14 ноября (н. ст.) 1846 г. Гоголь был проездом в Риме. Около 19 ноября (н. ст.) 1846 г. приехал на зиму в Неаполь (см. также коммент. к письму № 1149).

Раньше генваря последних чисел не думаю подняться в Иерусалим. — См. коммент. к письму № 1165.

1175. Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1896. № 12. С. 645–646. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 435.

Ты, конечно, уже в Риме... — Гоголь был в Риме 10–14 ноября (н. ст.) 1846 г., затем отправился на зиму в Неаполь.

к стр. 426 *...с будущего 1847 г. сей журнал, основанный Пушкиным, будет орудием щелкоперов.* — Передача П. А. Плетневым в октябре 1846 г. основанного А. С. Пушкиным журнала «Современник» А. В. Никитенко (который стал новым редактором), а также Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву (последние были заявлены в программе журнала как издатели, — в списке сотрудников первым был назван В. Г. Белинский) явилось полной неожиданностью для Гоголя и его друзей. Плетнев, возмущавшийся ранее «визитами» Гоголя к «Белинскому, Краевскому, Некрасову, Панаеву» — и на титульном листе «Современника» неизменно указывавший: «Издатели и редакторы: в 1836 г. А. С. Пушкин; в 1837 В. А. Жуковский и князь П. А. Вяземский с некоторыми другими литераторами. С 1838 П. А. Плетнев», — в 1846 г., в последнем номере «Современника», вышедшего под его редакцией, сообщал читателям: «Передаю редакцию “Современника” сослуживцу моему и товарищу по кафедре, профессору А. В. Никитенко. Довольно этого ручательства, чтобы я был покоен за будущую судьбу издания моего. “Мы (кстати повторю здесь) одно любим, одного желаем”» (*Плетнев.* К читателю Современника // Современник. 1846. № 12. С. 250). Вряд ли Плетнев был вполне искренен в этих строках. В то же самое время, будучи занят, по поручению

Гоголя, изданием «Выбранных мест из переписки с друзьями», он не раз жаловался на Никитенко за те препятствия, которые тот чинил новой книге Гоголя в цензуре (подробнее об этом см. в сопроводит. статье к т. 6 наст. изд.; см. также коммент. к письму № 1153). Год спустя, 16 октября 1847 г., Ф. В. Чижов писал Гоголю о «Современнике» — «перешедшем от Плетнева к Панаеву, Никитенке и Белинскому»: «Судя по именам этих трех главных распорядителей, мне кажется, что Петр Александрович сильно погрешил, передав журнал Пушкина людям далеким от убеждений покойного нашего поэта» (см. в т. 14 наст. изд.). В одном из первых номеров журнала, вышедшем в 1847 г. под новой редакцией, появилась неприязненная статья В. Г. Белинского о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя. В то же время статья Гоголя «О Современнике», отправленная 4 декабря (н. ст.) 1846 г. Плетневу для публикации в журнале (см. письмо № 1185), осталась ненапечатанной (впервые опубликована в 1857 г.; см. коммент. к этой статье в т. 6 наст. изд.). Передачей «Современника» Гоголь, возлагавший на этот журнал определенные надежды (как это явствует из содержания статьи «О Современнике») был, несомненно, огорчен. В письме к самому П. А. Плетневу, не желая больно задеть его, Гоголь все-таки давал понять, что эта передача представляется ему несвоевременной: «От Шевырева я, между прочим, узнал новость, о которой ты меня совсем не известил, а именно, что "Современник" уже не в твоих руках, а перешел в руки к Никитенку, Белинскому и Тургеневу. А я послал (ничего об этом не ведая) на прошлой неделе тебе статью о "Современнике", которую ты, вероятно, имеешь уже в руках и прочел. Не смею теперь никаких сделать тебе замечаний: они могут быть и ошибочны, и некстати. Скажу тебе только то, что мне кажется, что теперь, именно в нынешнее время, именно с наступающего 1847 года, твое участие в литературе гораздо нужнее, чем до этого времени. Во всё же минувшее время оно мне казалось совершенно бесплодным. Так что мне кажется, если бы ты даже вместо "Современника" стал бы издавать "Северные Цветы", то и это было бы полезно» (письмо № 1187).

1176. М. И. Гоголь

...письмо от вас (от октябр<я> 4)... — Это письмо до нас не дошло.

Вы уже, вероятно, имеете в руках своих мою книгу... — «Выбранные места из переписки с друзьями». Книга вышла только 12 января (н. ст.) 1847 г. к стр. 427

1177. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 г. СПб., 1895. Приложения. С. 29–33. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 330–332.

к стр. 429 *Письмо твое к Жуковскому...* — Имеется в виду статья «Об Одиссее, переводимой Жуковским», адресованная Н. М. Языкову. См. коммент. к письму № 1130.

Розен восстал на него в «Северной Пчеле»... — Статья Розена — «Поэма Н. В. Гоголя об “Одиссее”» (Северная Пчела. 1846. 14 августа. № 181).

Сенковский в «Библиотеке для Чтения» даже напечатал, что наш Гомер, как он тебя называет, впал в мистицизм. — О. И. Сенковский в статье, посвященной сборнику стихотворений Александры Бедаревой, писал: «...я печален — Гомер, знаете, болен... Туманное облако мистицизма окружило Гомера и его болезненное самолюбие» (<*Сенковский О. И.*> Стихотворения А. Бедаревой. Киев, 1846 // Библиотека для Чтения. 1846. Т. 78. Отд. VI. С. 13, 17).

к стр. 430 *Аксакову письмо я доставил.* — О каком письме идет речь, не установлено.

«Мартын Найденыш» — «Мартин-подкидыш, или Записки камердинера», роман Э. Сю.

«Сын тайны» — роман французского писателя Поля Феваля.

...приготовлена в Петербурге. — Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

1178. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 г. СПб., 1895. Приложения. С. 33–35. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 333.

к стр. 431 *...написал письмо к Веневитинову для передачи просьбы твоей графу Вьельгорскому.* — В письме к А. В. Веневитинову от 31 октября 1846 г. С. П. Шевырев писал: «...у меня до тебя просьба, или, лучше, не у меня, а у Гоголя, и не до тебя лично, а до графа Михаила Юрьевича <Вьельгорского>. Гоголь желает, чтобы Щепкин дал в свой бенефис “Ревизора” точно в том виде, в каком он напечатан в его сочинениях, и с прибавлением “Развязки”, которую я сегодня через Плетнева посылаю в театральную цензуру. Гоголь просит графа, чтобы он своим влиянием пособил этому доброму делу и чтобы всё было пропущено так, как Гоголю хочется. Передай эту просьбу графу с моим душевным ему почтением» (Лит. наследство. Т. 58. С. 691). В ответном письме от 10 декабря 1846 г. Веневитинов сообщал Шевыреву: «Тебе, вероятно, уже известна участь покушения Гоголя насчет “Ревизора”. Переделанная эта пьеса отказана. Впрочем, не говоря об этой новой пьесе, которой не знаю, в самом Гоголе с некоторых пор заметны такие странности, которые огорчают всех любящих его и его необыкновенный талант. Это останется между нами, ибо я думаю, что все эти странности суть следствие временного раздражения нервов» (Там же. С. 692).

...«Листок» будет их отголоском в твою сторону. — После выхода «Выбранных мест из переписки с друзьями» в «Московском Городском Листке» (1847. 10 марта. № 56; 17 марта. № 62; 18 марта. № 63; 19 марта. № 64) была опубликована сочувственная статья Ап. Григорьева «Гоголь и его последняя книга» (подпись: *А. Г.*).

«Современник» в руках Никитенко, предводителя школы натуральной. — См. коммент. к письму № 1175.

Бернардский издает 100 рисунков к «Мертвым душам». — См. коммент. к письму № 1077.

1179. В. А. Жуковскому

Блудов — граф Дмитрий Николаевич. к стр. 432

...он доволен своими делами и папой... — Блудов приезжал в Рим для ведения переговоров о конкордате с папой Григорием XVI. Конкордат был заключен 3 августа (н. ст.) 1847 г. (отменен в 1866 г.).

1180. А. О. Смирновой

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

Наконец от вас письмо... — Имеется в виду письмо от 15 октября 1846 г. из Калуги (№ 1165). к стр. 434

Со всеми теми людьми, которые хотели также ехать в этом году, случились тоже разные непредвиденные задержки. — См. коммент. к письму № 918.

1181. Графу А. П. Толстому

Из Петербурга я еще не имею никаких известий и писем... — Гоголь ожидал выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями». к стр. 435

Нат<алья> Влад<имировна> — графиня Апраксина (1820–1853), дочь графини С. П. Апраксиной.

Иван Петрович — брат графа А. П. Толстого.

Из Франкфурта я писал к вам письмо... — Это письмо до нас не дошло. к стр. 436

Иконников — лицо неустановленное.

...иные даже возвратились с дороги. — Намек на М. П. Погодина.

1182. М. П. Погодину

Ответ на письмо М. П. Погодина от 12 сентября (н. ст.) 1846 г. (№ 1145).

1183. С. П. Шевыреву

...твое письмо от 20 октября / 1 ноября. — Письмо № 1171. к стр. 437

...в письме к Щепкину. — Письмо М. С. Щепкину от 24 октября (н. ст.) 1846 г. (№ 1159).

...устрой, чтобы в «Московских Ведомостях» было напечатано объявление о втором издании «М<ертвых> д<уш>» и выписано целиком предисловие. — Это объявление появлялось на страницах «Московских Ведомостей» несколько раз (впервые — в № 3, от 7 января 1847 г.). Предисловие напечатано не было.

Жду с нетерпением получения второго выпуска твоих лекций. — Речь идет о втором томе «Истории русской словесности, преимущественно древней» (М., 1846), в основу которой были положены публичные лекции Шевырева, читанные им в 1844/45 учебном году.

1184. Государю Императору Николаю Павловичу

Впервые напечатано, вместе с отметкой на письме графа В. Ф. Адлерберга: *Гофман М. Л.* Неизданное письмо Гоголя к Императору Николаю I // Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., <1915>. С. 89–90. Заново по автографу напечатано: *Виноградов И. А.* Документы о паломничестве Н. В. Гоголя к Святым Местам // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 303–333. Печатается по этому изданию.

Письмо хранится в «Деле Е<го> И<мператорского> В<еличества> Воен<но>-Походн<ой> Канцелярии за № 37 по всеподданейшему письму Гоголя о выдаче ему загран<ичного> паспорта для путешествия к Св<ятым> Местам». Дело хранится в Пушкинском Доме (Институт русской литературы, рукописный отдел), куда было передано в 1915 г. по Высочайшему повелению из Военно-ученого архива Главного управления Генерального штаба (в 1906–1918 гг.) (ныне фонды Российского государственного военно-исторического архива).

На подлиннике письма имеется резолюция директора канцелярии военного министерства, управляющего почтовым департаментом, графа (с 1847 г.) Владимира Федоровича Адлерберга (1791–1884): «*Высочайше* повелено сообщить Гр<афу> Нес<с>ельроду, чтобы он выслал ему отсюда паспорт на свободный проезд к Св. Местам, в Сирию, Египет и Турцию, и чтобы поручить его особому попечению наших Миссий и Консульств в тех местах; о чем уведомить и Гоголя. 29-го Декабря 1846». Далее следует канцелярская помета: «30-го Декабря 1846. 9 Генваря к Графу Нес<с>ельроде № 10».

8 декабря (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал графине А. М. Виельгорской: «На прошлой неделе отправил я к вашему папиньке письмо с приложеньем письма к Государю, в котором я прошу о выдаче мне пашпорта еще на год в таком виде, в каком может приказать выдать один Государь. Постарайтесь, чтобы это было сделано поскорее. За Михаилом Юрьевичем водится, как сами знаете, забывчивость, а потому вы ему об этом напомните. Письмо, если пожелаете, можете также прочесть и вы...».

В ответ на обращение к Государю Гоголь через русского посланника в Неаполе графа Л. С. Потоцкого получил сначала ответ графа В. Ф. Адлерберга от 9 января 1847 г. (письмо № 1227 в т. 14 наст. изд.), а затем, 5 марта (н. ст.) 1847 г., тем же Потоцким Гоголю был вручен пакет с заграничным паспортом (от 15 января 1847 г.) и тремя рекомендательными письмами (от 20 января 1847 г.) «для свободного путешествия к Святым Местам» (см. письма № 1259 и 1260 в т. 14 наст. изд.).

...в 8 классе... — чин коллежского асессора. к стр. 438

1185. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 17 дек<абря> 1846».

Посылаю тебе при сем прилагаемую статью... — Статья к стр. 439 «О Современнике» осталась при жизни Гоголя неопубликованной (см. коммент. к этой статье в т. 6 наст. изд. к письму № 1175 в наст. томе).

Любимов — Николай Иванович.

1186. Графине А. М. Виельгорской

...также и Плетневу, которому при сем передайте письмецо. — к стр. 440 Письмо П. А. Плетневу от 8 декабря (н. ст.) 1846 г. (№ 1187).

Миха<и>л Юрьевич — граф Виельгорский, отец А. М. Виельгорской.

На прошлой неделе отправил я к вашему папиньке письмо к стр. 441 *с приложеньем письма к Государю...* — Письмо Гоголя к графу Мих. Ю. Виельгорскому от начала декабря (н. ст.) 1846 г. до нас не дошло. Письмо к Государю — № 1184.

1187. П. А. Плетневу

На подлиннике имеется помета П. А. Плетнева: «П<олучено> 18 дек<абря> 1846». Письмо было приложено к посланию графине А. М. Виельгорской от 8 декабря (н. ст.) 1846 г. (письмо № 1186).

Ответ Плетнева от 1/13 января 1847 г. см. в т. 14 наст. изд.

«Ревизора» надобно приостановить как печатанье, так и представленье. — Гоголь еще не получил письма П. А. Плетнева от 21 ноября / 3 декабря 1846 г. с сообщением о том, что «Развязку Ревизора» цензура пропустила только к печатанию, а не к представлению (письмо № 1193).

...принимая к сведению некоторые замечания Шевырева... — В письме от 29 октября 1846 г. С. П. Шевырев отговаривал Гоголя от постановки «Ревизора с Развязкой», указывая, что бенефициант Щепкин был бы поставлен в очень неловкое положение: «Сам хозяин бенефиса предложил актерам и публике пиесу, в которой будут венчать его» (письмо № 1177).

От Шевырева я, между прочим, узнал новость... что «Современник»... перешел в руки к Никитенку, Белинскому и Тургеневу. — Известие о «Современнике» Гоголь получил не от С. П. Шевырева, а от Н. М. Языкова, в письме от 27 октября 1846 г. (см. коммент. к этому письму — № 1175).

А я послал... тебе статью о «Современнике»... — Статья Гоголя «О Современнике», отправленная 4 декабря (н. ст.) 1846 г. Плетневу для публикации в журнале (см. письмо № 1185), осталась ненапечатанной (впервые опубликована в 1857 г.; см. коммент. к этой статье в т. 6 наст. изд.).

к стр. 442 *«Северные Цветы»* — альманах, издававшийся в 1825–1832 гг. А. Дельвигом и О. Сомовым. Сотрудниками его были Пушкин, Вяземский, Баратынский, Батюшков, Козлов и др. В «Северных Цветах» (на 1831 год) было напечатано и произведение Гоголя — глава из исторического романа «Гетьман».

Что же касается до статьи моей, то поступи с ней так, как найдешь приличней. — Статья осталась в бумагах Плетнева. См. коммент. к письму № 1175.

1188. С. П. Шевыреву

Оба письма твои, писанные одно за другим, получил. — Письма С. П. Шевырева от 29 и 31 октября 1846 г. (№ 1177 и 1178).

к стр. 443 *Я рад, что в Москве издается «Листок».* — «Московский Городской Листок» издавался в 1847 г. В. Н. Драшусовым.

1189. А. О. Россету

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

к стр. 444 *В прежнем моем письме к вам...* — Письмо А. О. Россету от 9 ноября (н. ст.) 1846 г. (№ 1169).

к стр. 445 *...по поводу великой княгини...* — Марии Николаевны, герцогини Лейхтенбергской, находившейся тогда в Италии.

...по поводу разных духовно-дипломатических дел с папою. — Подразумеваются переговоры по вопросу о заключении конкордата с папой.

1190. Графиня А. М. Виельгорская — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Вестник Европы. 1889. № 11. С. 110–111. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 226–227.

Ответ на письмо Гоголя от 2 ноября (н. ст.) 1846 г. (№ 1160).

...поручивши мне исполнить часть вашего проекта... — Речь идет о помощи бедным из средств, вырученных от издания «Ревизора с Развязкой» (см. письмо № 1160 и коммент. к разделу <«Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях с заключением». Дополне-

ния к предполагаемому благотворительному изданию пьесы> в т. 4 наст. изд.).

...en famille... — в семейном кругу *(фр.)*. к стр. 446

Александр Владимирович — сын С. М. и В. А. Соллогубов.

Папенька получил ваше письмо и ждет решительного ответа, чтобы писать вам. — Письмо не сохранилось. Возможно, его содержание было связано с последующим обращением Гоголя к графу Мих. Ю. Виельгорскому в послании от начала декабря (н. ст.) 1846 г. (также не сохранившемся; см. коммент. к письму № 1186), в котором содержалась просьба передать письмо Государю с прошением о выдаче заграничного паспорта (см. коммент. к письму № 1184).

1191. А. А. Иванову

Я получил пересланное вами письмо и при нем несколько ваших строк... — Эта записка Иванова до нас не дошла.

Чего вы ждете от приезда Викт<ора> Владим<ировича> и о каком решении ожидаете известий — этого я никак не мог понять. — В конце 1846 г. А. А. Иванов писал графу Виктору Владимировичу Апраксину (1822–1898), находившемуся в Италии с матерью графиней С. П. Апраксиной: «Бруни получил 35 тысяч за картину: посредством вас по окончании моей, положим, я получу 20. — Уполномочьте банкира в Риме, чтобы он мне вверил до 20 тысяч ваших денег, упрочьте мир между мною и правительственными людьми, и дайте 5-ть тысяч на покупку книг с письмом ко мне, где бы можно было быть поощр<енными> и другим вельможам русским делать подобные поощрения. Ваш герб будет на всех книгах» (*Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. С. 433–434).

Софья Петровна — графиня Апраксина. к стр. 447

Жеребцова — Прасковья Николаевна. Ф. В. Чижов 23 апреля 1845 г. писал А. А. Иванову о П. Н. Жеребцовой: «У Жеребцовой самое важное — ее отношения, и то такие, какие она скрывает от всех и каждого, или по крайней мере не может выставлять напоказ; потом у нее прекрасная доброта и, третье, ее русская природа. Но нам нечего себя нахваливать в своей семье; та же русская природа имеет и плохую сторону, наша доброта такова, что она разливается во все стороны и для главного часто не останется ни капли, не достанет даже на утоление жажды. Совершенно такова Жеребцова, потому, по моему мнению, ее не надобно тормошить, а употребить в ту минуту, когда все орудия будут изведаны» (*Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. С. 340).

...ответ вам придет из Петербурга. — Подразумевается действие статьи *XXIII. Исторический живописец Иванов* «Выбранных мест из переписки с друзьями».

1192. П. А. Плетневу

к стр. 448 *...не пропадают ли твои письма. Иначе ничем другим я не могу себе объяснить твоего молчания.* — Ответ П. А. Плетнева от 1/13 января 1847 г. на настоящее письмо, а также на два предшествующих гоголевских письма (от 4 и 8 декабря (н. ст.) 1846 г. — № 1185 и 1187) см. в т. 14 наст. изд.

Уведоми, что стало печатанье книги... Не позабудь также прилагать записку, кому именно из книгопродавцев и сколько отпущено экземпляров... — Отчет по изданию книги Гоголя содержится в письме П. А. Плетнева от 11/23 января 1847 г. (см. т. 14 наст. изд.).

к стр. 449 *Шевыреву ты можешь послать экземпляров, сколько он ни востребует...* — Шевыреву было послано 1200 экземпляров (см. письмо П. А. Плетнева от 11/23 января 1847 г. в т. 14 наст. изд.).

к стр. 450 *Ты, я думаю, уже получил письмецо мое...* — Письмо П. А. Плетневу от 8 декабря (н. ст.) 1846 г. (№ 1187).

1193. П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русский Вестник. 1890. № 11. С. 39–41. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 265–266.

к стр. 451 *...три письма твои... от 16 окт<ября>... от 20 окт<ября>... и от 2 нояб<ря>...* — Письма № 1153, 1155 и 1161.

Все пять тетрадей твоих писем получены. — Имеется в виду рукопись «Выбранных мест из переписки с друзьями», высылавшаяся П. А. Плетневу по частям.

Свидетельство о жизни... — Свидетельство было необходимо для получения денежного пособия (см. коммент. к письму № 942).

к стр. 452 *...новым изданием «Ревизора» с прибавкою.* — См. коммент. к разделу <«Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях с заключением». Дополнения к предполагаемому благотворительному изданию пьесы> в т. 4 наст. изд.

1194. М. С. Щепкину

Письмо было приложено к посланию Н. М. Языкову от 16 декабря (н. ст.) 1846 г. (письмо № 1195).

...в будущем 1848 году. — «Указание Гоголя на то, что “Ревизора” следует отложить до бенефиса Щ<епкина> в будущем 1848 г., не следует толковать как его описку... О том, что речь здесь не могла идти о наступающем 1847 г., свидетельствует то, что в 1847 г. бенефис Щ<епкина> состоялся 8 января, а Гоголь предлагает Щ<епкину> начать репетиции его пьес лишь после встречи с ним, которую он намечал на лето 1847 г.» (*Гриц Т. С., Клинчин А. П. и др.* М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966. С. 733).

1195. Н. М. Языкову

Датируется 1846 г. на основании почтового штемпеля.

Твое письмо от 27 октября... — Письмо № 1175. к стр. 454

При сем прилагаю письмо, которое прошу немедля доставить Щепкину. — Письмо к М. С. Щепкину от 16 декабря (н. ст.) 1846 г. (№ 1194).

1196. А. А. Иванову

Датируется на основании почтового штемпеля.

...письмо мое принесло бы вам радость, а не огорчение. — Речь идет о письме Гоголя к А. А. Иванову от 12 декабря (н. ст.) 1846 г. (№ 1191). к стр. 455

1197. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Окончательная редакция письма впервые напечатана (с неточностями): История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова / <Под ред. Н. М. Павлова> // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. С. 157–160. Печатается по рукописи: *РГБ.* Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 7–9. Варианты черновой редакции публикуются впервые: *РГБ.* Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 2. Л. 11–13. Написано К. С. Аксаковым под диктовку С. Т. Аксакова (см. в письме: «Необходимость заставляет меня употребить руку Константина...»).

...горячее письмо... — Письмо не сохранилось. к стр. 456

...при самом загадочном письме... — Письмо от 10 февраля (н. ст.) 1844 г. (№ 748 в т. 12 наст. изд.). к стр. 457

Статья ваша, напечатанная в «Моск<овских> Вед<омостях>», о переводе «Одиссеи»... — См. коммент. к письму № 1083. В письме к сыну Ивану Сергеевичу от 29 июля 1846 г. С. Т. Аксаков замечал о статье Гоголя: «Ты читал статью Гоголя? Как хороша! Ее надо прочесть не один раз. Впрочем, я не верю в *такое* действие “Одиссеи” на всех» (Лит. наследство. Т. 58. С. 683–684).

...слухи, что в Петерб<урге> печатается... ваша переписка с друзьями... — Известие о печатании «Выбранных мест...» С. Т. Аксаков получил от Е. А. Свербеевой, которая 15 августа 1846 г. писала А. Н. Попову: «Не знаю, что ожидать нам от книги Гоголя: что-то странное... Я не разглашу вестей о книге, скажу одному Языкову и Сергею Тимофеевичу и попрошу обоих не говорить другим» (Лит. наследство. Т. 58. С. 686). 26 августа 1846 г. С. Т. Аксаков сообщал сыну Ивану: «...мы получили верное и секретное известие из Петербурга, что там печатается целая книга, присланная от Гоголя: “Отрывки из писем или переписки с друзьями” (названия хорошенько не помню). Вероятно, там помещено много из его писем к А. О. <Смирновой>, к Языкову и ко мне. Между прочим, там Гоголь признает совершенную ничтожность всего им написанного к стр. 458

и говорит, что изорвал продолжение “Мертвых душ”; объявляет, что едет в Ерусалим и делает какое-то завещание публике или России. Плетнев печатает эту книгу в возможном секрете и потому не говорит об этом никому ни слова. Без сомнения, А. О. <Смирнова> должна это знать. Увы! исполняется мое давнишнее опасение! Религиозная восторженность убила великого художника и даже сделает его сумасшедшим» (Там же. С. 686). Проявлявшееся порой, как в настоящем случае, неприятие С. Т. Аксаковым религиозной настроенности Гоголя, со своей стороны, художественно было осмыслено Гоголем в одном из героев второго тома «Мертвых душ» — помещике Петухе, в образе которого были использованы некоторые черты Сергея Тимофеевича (см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования. С. 104–107). В свою очередь, М. П. Погодин записал в 1849 г. в дневнике об Аксаковых: «*Декабрь... 5...* Вечер у Акс<аковых>, где я испытываюсь злобою против невежества и барства» (*РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 55 об.); двумя месяцами ранее: «*Сентябрь... 20...* Обед<ать> опять к Акс<аковым>. Гадко смотреть на наших помещиков. Соверш<енные> свиньи, а эти еще добрые» (Там же. Л. 52 об.) (обе записи опубл.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 10. С. 514).

...Брамбеус... объявил, что новый Гомер впал в мистицизм. — См. коммент. к письму № 1177.

...Предуведомление к 4-му изданию «Ревизора» в пользу бедных и новую его «Развязку». — См. коммент. к разделу <«Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях с заключением». Дополнения к предполагаемому благотворительному изданию пьесы> в т. 4 наст. изд.

к стр. 459 *...поручали такие дела Шевыреву и мне под условием глубокой тайны?* — См. коммент. к письму № 923.

1198. А. О. Смирнова — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Николай Васильевич Гоголь. Письма к нему А. О. Смирновой, рожд. Россет // Русская Старина. 1890. № 8. С. 281–282. Печатается по первой публикации.

к стр. 460 *Вашу записочку из Флоренции...* — Письмо от 9 ноября (н. ст.) 1846 г. (№ 1170).

...вашим заключением к «Ревизору»... — См. коммент. к разделу <«Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях с заключением». Дополнения к предполагаемому благотворительному изданию пьесы> в т. 4 наст. изд.

Содержание

1845

1846

Комментарии

УДК 820 (73)
ББК 76.006.5
Г58

Гоголь Н. В.

Г58 Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 13: Переписка. 1845–1846 / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. — 592 с.

В том вошла переписка Гоголя 1845–1846 гг. Ответные письма адресатов включаются в собрание сочинений Гоголя впервые. Каждое письмо начинается указанием адресата, времени и места отправления. Отсутствие, ошибочность или неполнота этих сведений возмещаются данными биографического и текстологического анализа, помещаемыми в угловых скобках. Такими же скобками обозначаются отсутствующие в источнике, но необходимые по смыслу слова. Зачеркнутые автором фрагменты даются в подстрочных текстологических примечаниях. В отдельных случаях, когда зачеркнутый вариант не имеет полноценной окончательной редакции, первоначальные варианты приводятся в квадратных скобках в основном тексте. Список условных сокращений помещается в пятнадцатом томе.

ISBN 978-5-88017-087-6
ISBN 978-5-88017-100-2

Координаторы проекта:
иеромонах Симеон (Томачинский) — Россия
Анисимов Василий Семенович — Украина

Издательство Московской Патриархии
выражает благодарность за содействие
в издании Полного собрания сочинений
и писем Н. В. Гоголя

Раздорожному Валерию Викторовичу
Романенко Владимиру Ивановичу
Чип Олегу Александровичу
Биденко Николаю Андреевичу
Шевченко Тарасу Вячеславовичу
Швецу Николаю Николаевичу

Составление, подготовка текстов и комментарии:
И. А. Виноградов, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы РАН
В. А. Воропаев, доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
председатель Гоголевской комиссии
Научного совета
«История мировой культуры» РАН
Художественное оформление:
В. А. Белан, А. В. Белан
На фронтисписе портрет Н. В. Гоголя
работы К. И. Рабуса. Рисунок (1840-е гг.)

Дар «Понтийского землячества»